М. Довнаръ-Запольскій.

ОЧЕРКИ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ЗАПАДНО-РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ.

КІЕВЪ.
Кіевская 1-я артель Печатнаго Дѣла, Трехсвятительская 5. телефонъ 1069.
1905.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Университета св. Владиміра отъ 18 декабря, 1904 г.

Деканъ *Т. Флоринскій.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1383
32

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе. . . . . I—III

Очеркъ первый. Западно-русская волостная и сельская община. . . . . 1—155

I. Литература вопроса (1—13).—II Борьба волостей съ мѣстною администрацією (13—36).—III. Другія условія, ослаблявшія волостную солидарность и уменшавшія волость (36—47).—IV. Волостныя вѣча, волостные старцы и ихъ компетенція (47—80).—V. Компетенція волостной общины (80—101).—VI Поземельныя отношенія въ волостной и сельской общинахъ (101—141)—VII. Соціальное положеніе членовъ волости (141—155).

Очеркъ второй. Крестьянская реформа половины XVI вѣка . . . . . 157—286

I. Система древнѣйшихъ инвентарей (157—168).—II. Первыя попытки реформъ при Сигизмундѣ Августѣ и описанія замковъ (168—186).—III. Волочное описаніе господарскихъ земель (186—210).—IV. Ревизія русскихъ волостей (210—216).—V. Общая оцѣнка описаній, какъ историко-статистическаго матеріала (217—224).—VI. Функціи ревизоровъ господарскихъ державъ и волостей (234—235).—VII. Реформа лѣсного управленія (335—243).—VIII. Положеніе крестьянъ въ державахъ, гдѣ введена волочная устава (243—

253) —IX. Положеніе крестьянъ русскихъ волостей (253—267).—X. Мѣстная господарская администрація (257—266).

Заключеніе 287

Приложенія . . . . . 1—167

Оглавленіе приложеній . . . . . I—VIII

Опечатки и поправки.

Цѣлью настоящаго изслѣдованія является изученіе западно-русской общины и ея распаденія. Такая спеціальная тема можетъ вызвать интересъ лишь въ средѣ небольшого круга спеціалистовъ и, вѣроятно, только тѣхъ, кто интересуется вопросами западно-русской старины. Это соображеніе побудило меня придать своей работѣ форму очерковъ, ограничившись изученіемъ только тѣхъ вопросовъ, которые еще не подверглись обстоятельному изученію. Такъ я подвергъ изученію двѣ фазы въ устройствѣ и управленіи крестьянъ — строй общины и реформы Сигизмунда Августа. Но была еще промежуточная стадія (для нѣкоторой части государства) въ видѣ управленія державцевъ и старостъ, какъ оно отлилось при Сигизмундѣ I Но этотъ вопросъ детально разработанъ въ извѣстной книгѣ проф. М. К. Любовскаго о мѣстномъ управленіи. Правда, взгляды почтеннаго автора въ нѣкоторыхъ случаяхъ заслуживаютъ пересмотра, но и это мною же (отчасти) сдѣлано въ особой работѣ объ украинскихъ старостваxъ въ XVI в., которая не замедлитъ появленіемъ въ свѣтъ. Крестьянская реформа Сигизмунда Августа находится въ тѣсной связи съ общими измѣненіями въ сферѣ государственнаго хозяйства и экономической жизни страны. Эти вопросы выяснены мною въ книгѣ о государственномъ хозяйствѣ Вел. кн. Литовскаго. Указанныя причины побудили меня внести ограниченія для того, чтобы не повторить уже извѣстнаго въ наукѣ, а во второй очеркъ внести нѣкоторыя отступленія, быть можетъ, не вполнѣ оправдываемся съ точки зрѣнія строгой системы, но вызванныя желаніемъ выяснить вопросъ.

Второй очеркъ ввидѣ особой статьи былъ мною предварительно напечатанъ въ Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ (мартъ и апрѣль), а первый очеркъ былъ въ 1897 г. напечатанъ на страницахъ того же журнала, но теперь появляется въ совершенно переработанномъ видѣ

Въ заключеніе пріятнымъ долгомъ своимъ считаю засвидѣтельствовать мою глубокую благодарность московскимъ друзьямъ моимъ, И. М. Катаеву и С. К. Шамбинаго: печатая работу въ Кіевѣ, мнѣ часто приходилось наводить справки въ Метрикѣ Литовской, свѣрять корректуры приложеній и пр., и во всѣхъ такихъ случаяхъ я обращался къ нимъ и получалъ отъ нихъ помощь.

М. Д.-З.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Западно-русская волостная и сельская община.

I.

Въ наличной исторической литературѣ нѣтъ изслѣдованія по вопросу, коему посвященъ этотъ первый очеркъ. Однако нѣкоторые научные труды уже интересовались имъ.

Изслѣдователями намѣчено три типа формъ общинной жизни въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства.

Первичной общинной организаціей является дворищное землевладѣніе съ семейно-родовымъ характеромъ, или сябринное. Дворище, служба, могло быть достояніемъ или одной простой или сложной нераздѣлившейся семьи; тогда оно не составляло еще общины. Но съ увеличеніемъ населенія дворища чисто семейный его характеръ постепенно утрачивается. Опредѣляются части общаго владѣнія (хотя бы въ натурѣ и не выдѣленныя), принадлежащія совладѣльцамъ; въ дворище вступаютъ пріемные члены, сябры; изъ совладѣльцевъ дворища одни могли выдѣлиться, другіе—продать свои доли, третьи—пріобрѣсти имущество или землю на сторонѣ, на ряду съ продолженіемъ своего участія въ дворищномъ сябринномъ хозяйствѣ. Образуется дворищная или сябринная община. Основой ея является общее пользованіе землей и общее хозяйство. Этотъ типъ общины можно считать довольно прочно выясненнымъ въ истори-

ческой литературѣ, благодаря трудамъ П. Я. Ефименко [1]), проф. И. В. Лучицкаго [2]), проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [3]), проф. Ѳ. И. Леонтовича [4]); мнѣ также приходилось касаться этого вопроса [5]).

Статья г-жи Ефименко, правда, имѣла предшественниковъ по разработкѣ вопроса въ видѣ очень интереснаго труда князя Т. Любомірскаго [6]) и статьи И. В. Лучицкаго. Однако весь вопросъ именно ею разъясненъ и очень удачно вставленъ въ общій строй экономической жизни всей Западной Руси и въ частности ею намѣчено мѣсто дворищнаго землевладѣнія среди другихъ его формъ въ этой части Руси. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ выяснилъ нѣкоторыя юридическія особенности дворищнаго владѣнія, напр. имущественныя и податныя отношенія совладѣльцевъ, составъ дворища и т. д. Проф. Ѳ. И. Леонтовичъ внесъ новую струю въ этотъ вопросъ, привлекши къ нему и новый матеріалъ и обративъ вниманіе на географическое распространеніе термина сябръ. Всѣ эти почтенныя изслѣдованія выяснили сущность экономической и юридической природы древняго дворища. Конечно, новому изслѣдователю надлежало бы собрать сдѣланное различными авторами, дополнить и развить нѣкоторыя частности. Однако разложеніе дворищнаго землевладѣнія, какъ въ смыслѣ изслѣдованія самаго процесса, такъ и

---

[1]) Дворищное землевладѣніе въ Южной Россіи, „Русская Мысль“ 1892 г., апр., маи. Вторая статья ея, посвященная тому же вопросу—„Литовско-русскіе данники и ихъ дани“ (помѣщена въ Журналѣ М. Н. Пр., янв. 1903 г.). Къ сожалѣнію, въ послѣдней статьѣ авторъ выказываетъ недостаточное знакомство съ литературой вопроса послѣ изданія ею первой своей статьи

[2]) Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1889 г.

[3]) Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-русскомъ государствѣ, Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Кіевъ, 1892 г.

[4]) Крестьянскій дворъ въ Литовско-русскомъ Государствѣ, „Ж. М. Н. Пр.“ 1896 г апрѣль, стр. 231—241.

[5]) Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго, т. I, стр. 217—220

[6]) Biblioteka Warszawska 1855 – 6 г. „Północno—wschodnie osady“, „Starostwo Rateńskie“.

въ смыслѣ выясненія его причинъ и послѣдствій—остается еще открытымъ вопросомъ.

Но дворищное землевладѣніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, является лишь однимъ изъ звеньевъ общиннаго землевладѣнія. Слѣдующею ея ступенью были село и волость. Нужно впрочемъ сдѣлать оговорку, что изъ изслѣдователей только проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ опредѣленно отличаетъ сельскую организацію отъ волостной; предшествующіе ему труды трактуютъ о сельской общинѣ. Это вполнѣ объясняется тѣмъ, что село, какъ промежуточная ступень между дворищемъ и волостью, вырисовывается весьма блѣдными штрихами. При незначительной величинѣ селъ, несдвинувшихся еще со старинныхъ устоевъ жизни, когда громадное большинство селъ состояло всего изъ 1—3, рѣдко болѣе, дворищъ,—различіе между селомъ и дворищемъ сводилось къ минимуму; тѣмъ болѣе, что отдѣльныя дворища въ селѣ вырастаютъ путемъ расчлененія сябринной общины. Поэтому изслѣдователи, говорящіе о сельской общинѣ, очевидно разумѣютъ такую организацію, которая объединяла рядъ дворищъ, хотя и составлявшихъ нѣсколько селъ, т е. уже волость.

Хорошо извѣстно, что живительнымъ толчкомъ въ разработкѣ вопроса о западно-русской сельской общинѣ явилось извѣстное изслѣдованіе проф. Иванишева. „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Россіи“. При этомъ увидѣли впервые свѣтъ матеріалы, освѣщавшіе одну изъ сторонъ общинной жизни. Проф. Иванишевъ совершенно правильно замѣтилъ тѣсную связь общиннаго уклада XVI и XVII в. въ Западной Россіи съ глубокою древностью: „съ большей вѣроятностью можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю Юго-западную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властью государей“ [1]). Общины не могли быть основаны ни

[1]) Сочиненія, К. 1876, стр. 251

распоряженіями древне русскихъ князей, ни ихъ преемниками въ Западной Россіи, великими князьями литовскими и королями польскими. Но, разсматривая проявленія собственно копной общины въ Западной Россіи, изслѣдователь смотрѣлъ на нее вообще какъ на „развалины древняго, нѣкогда обширнаго и можетъ быть стройнаго зданія среди вновь построеннаго города". Власть вѣча и юридическіе обычаи въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общины. Эта автономія однако прекратилась „съ принятіемъ верховной властью новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣщиковъ" [1]). Иванишевъ совершенно вѣрно подмѣтилъ нѣкоторыя изъ причинъ, поведшихъ общинную жизнь къ упадку, каковыми были бѣдность и униженное положеніе крестьянъ, возрастаніе неограниченной власти помѣщиковъ, въ томъ числѣ и судебной, такъ что помѣщикъ и администрація отказывали копному суду въ своемъ содѣйствіи и даже запрещали крестьянамъ являться на копу. Такимъ образомъ изслѣдователь ясно видитъ причины разложенія общины и связь этихъ „развалинъ" съ сѣдою русскою древностью. Но Иванишевъ имѣлъ въ рукахъ только однородный матеріалъ объ общинѣ—рѣшенія копныхъ судовъ, почему могъ судить о ней лишь съ этой стороны. Оттого въ его представленіи сфера общинной жизни все-таки имѣетъ весьма узкое примѣненіе: „главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе". [2]) Такое съуженіе компетенціи сельской общины съ точки зрѣнія матеріала, бывшаго въ рукахъ у Иванишева, вполнѣ понятно.

Съ момента появленія труда Иванишева въ печати, вопросъ объ общинѣ сталъ занимать научную литературу.

Не мало замѣчаній и при томъ довольно меткихъ можно найти въ трудѣ проф. Ѳ. И. Леонтовича, посвящен-

[1]) Ibidem, стр. 254

[2]) Ibidem, стр. 236.

номъ исторіи крестьянъ въ Юго-западной Россіи. Авторъ не ставитъ себѣ задачею разсмотрѣть вопросъ полностью. Но онъ исходитъ изъ представленія о широкой автономіи общинъ-волостей въ ранній періодъ жизни Литовско-русскаго государства и считаетъ разрушеніе сельской общины происшедшимъ въ XV—XVI в.[1]), или даже до половины XVI в.[2]) Проф. Леонтовичъ придаетъ очень широкую сферу дѣйствія общинному суду и переходъ суда къ землевладѣльцамъ связываетъ съ потерею вообще общиною ея правъ, сопровождавшеюся пониженіемъ самостоятельности сельскихъ сходовъ[3]), такъ что даже, по его мнѣнію, и копный судъ не имѣлъ большого значенія[4]); онъ даже утверждаетъ, что „прежнія самостоятельныя права купъ исчезли въ XV и XVI столѣтіяхъ подъ гнетомъ зависимыхъ отношеній, въ какихъ очутились сельскія общины; сама сельская громада сдѣлалась, подчиненнымъ органомъ вотчинной администраціи“[5]). По-видимому, авторъ представляетъ себѣ общину организаціей административной и поземельной[6]). Замѣчанія проф. Леонтовича—только бѣглыя мысли; болѣе обстоятельно онъ касается вопроса о судѣ, но съ мнѣніемъ его, т. е. съ отрицаніемъ всякаго значенія за копнымъ судомъ, согласиться теперь нельзя при наличности новаго и богатаго матеріала. Разумѣется, эти замѣчанія, большею частью лишь догадки, не подтверждаемыя тутъ же ссылкою на источники, не могли имѣть рѣшающаго рѣшенія въ данномъ вопросѣ. Кромѣ того проф. Леонтовичъ хочетъ проникнуть въ отношенія сельской общины и частныхъ землевладѣльцевъ; но мы объ этомъ и до сихъ поръ такъ мало знаемъ, что браться за разсмотрѣніе вопроса еще преждевременно. Къ сожалѣнію, и въ новомъ своемъ трудѣ о крестьянскомъ дворѣ въ Ли-

---

[1]) „Кіевскія Универс. Извѣстія“, 1863, № 11, стр. 21.
[2]) Ibidem, № 10, стр. 43.
[3]) Ibidem, стр. 20—21.
[4]) Ibidem, стр. 22.
[5]) Ibidem, № 11, стр. 21.
[6]) Ibidem, стр. 12.

товско-русскомъ государствѣ, гдѣ автору, казалось бы, представлялось не мало поводовъ высказаться по данному вопросу болѣе или менѣе опредѣленно, или даже выяснить его, проф. Леонтовичъ не поставилъ себѣ однако такой задачи. Поэтому и въ этомъ своемъ трудѣ проф. Леонтовичъ отправляется отъ признанія извѣстной общинной организаціи въ Западной Россіи, но не изслѣдуетъ ее [1]).

Такъ вопросъ о сельской общинѣ стоялъ въ печати до появленія стат. проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и труда проф. М. К. Любавскаго. Положительно были высказаны только два несходныя мнѣнія о значеніи сельской общины, какъ судебной инстанціи [2]), затѣмъ нѣсколько намековъ о болѣе широкой автономіи общинъ въ глубокой древности и о связи этой древности съ послѣдующими фактами западно-русской жизни.

Въ ст. о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-русскомъ государствѣ М. Ф. Владимірскій-Будановъ набрасываетъ стройную схему общинной жизни и организаціи въ Западной Россіи. Онъ различаетъ три типа общинъ, связанныхъ какъ между собою, такъ и въ своемъ кругу поземельными отношеніями—дворищную, сельскую и волостную. Двѣ послѣднія изъ этихъ организацій суть прежде всего формы общинныхъ отношеній—поземельныхъ и административныхъ. Дворище есть первичная форма совладѣнія. Слѣдующею ступенью его является село. Оно тоже есть „форма совладѣнія“ [3]). Село имѣетъ двоякаго рода права: „Во 1-хъ, *непосредственныя* права сельской общины простираются на земли, не подѣленныя на дворища, во 2-хъ, въ нѣкоторомъ отношеніи сельской общинной власти подлежитъ и земля, принадлежащая дворищамъ, находящаяся въ наслѣдственномъ владѣніи лицъ, составляющихъ дворище“ [4]). Въ представленіи автора сель-

---

[1]) Журналъ М. Н. Пр., 1896, Октябрь, стр. 200

[2]) Не касаемся труда И. Я. Спротса о копномъ судѣ, потому что здѣсь вопросъ объ общинной организаціи оставленъ въ сторонѣ.

[3]) Кіевскій Сборникъ, стр 375.

[4]) Ibidem, стр. 376.

ская община даже древнѣе дворищъ, такъ что послѣднія возникли уже изъ села путемъ дѣленія сельской территоріи: „земли всего села нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи". (Стр. 377). Такимъ образомъ селу принадлежатъ и обработанные участки, даже обработка ихъ „совершается сообща". Поэтому сельское совладѣніе—древнее явленіе, переходящее съ теченіемъ времени въ дворищное (ib) Власть сельскихъ общинъ и по раздѣленіи на дворища простирается на сельскую общинную территорію. „Отсюда право сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ" (стр. 379). Наконецъ, третьей формой совладѣнія является волость. „Всѣ внутренніе распорядки волости принадлежатъ ей самой, а въ числѣ этихъ распорядковъ важнѣйшіе относятся къ распредѣленію земельныхъ имуществъ, принятію новыхъ поселенцовъ съ назначеніемъ имъ участковъ земли, наблюденіе за тѣмъ, чтобы обязанные (тяглые) участки не переходили въ руки лицъ, чуждыхъ общины". Волость продолжаетъ также распоряжаться и незанятой землей (Стр. 383).

Такимъ образомъ получается извѣстная скала поземельныхъ отношеній въ видѣ волости, села и дворища. Но спрашивается, въ какихъ соотношеніяхъ находятся права сельскихъ общинъ на землю къ правамъ волости? Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ иллюстрируетъ свою мысль нѣкоторыми примѣрами южно-русскихъ городовъ—центровъ цѣлыхъ повѣтовъ: на обширной необработанной территоріи, на „божьей да господарской землѣ" появляются колонисты-входники, крѣпко связанные съ городомъ. Сначала ставятся только хутора, но съ теченіемъ времени возникаютъ села. По мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго Буданова не было даже и попытокъ разграничить права подчиненныхъ общинъ къ главной. Дѣло казалось „простымъ и естественнымъ": „сельская община была частью центральной и, занимая доходную мѣстность, помогала послѣдней въ ея повинностяхъ". Такимъ образомъ не было мѣста вопросу о столкновеніи правъ. Село совершенно свободно распоряжается своимъ спеціальнымъ участкомъ, раздѣляя

вмѣстѣ со всею волостью права на окрестныя угодія и состоя съ нею въ тѣсной связи по повинностямъ. (Стр. 385).

Статья М. Ф. Буданова выходитъ изъ области общихъ предположеній объ общинѣ и ставитъ своею цѣлью выяснить эту организацію. Но эта цѣль является односторонней, такъ какъ авторъ, признавая болѣе широкую сферу дѣятельности общины, фиксируетъ свое вниманіе исключительно на поземельныхъ отношеніяхъ. Правда, авторъ не обладалъ достаточнымъ матеріаломъ, но вѣроятно, и мало интересовался административной дѣятельностью общины, потому что онъ не привлекъ къ своей работѣ и тогда уже извѣстнаго матерьяла. Его интересуютъ только поземельныя отношенія. Но для читателя осталось невыясненнымъ: въ какой связи, по мнѣнію автора, находятся формы поземельныхъ отношеній въ общинѣ къ тѣмъ выводамъ, которые имъ же были сдѣланы по вопросу о правахъ собственности крестьянъ на свои участки („Чтенія въ Общ. Нест. лѣт., кн. VII) и къ тѣмъ формамъ заимочнаго землевладѣнія, которыя были изслѣдованы проф. И. В. Лучицкимъ (къ его выводамъ мы еще возвратимся въ своемъ мѣстѣ). Но во всякомъ случаѣ въ ст. М. Ф. Буданова были высказаны цѣнныя мысли, хотя его статья и не произвела должнаго впечатлѣнія на ученаго, коснувшагося того же вопроса нѣсколько позже.

Проф. М. К. Любавскій вообще очень отрицательно относится ко всякого рода проявленіямъ общинной жизни въ Западной Россіи. Правда, въ его распоряженіе не попали многіе изъ матеріаловъ Метрики Литовской, свидѣтельствующіе о большой жизненности общинныхъ началъ; это всегда можетъ случиться при архивныхъ занятіяхъ. Прежде всего г. Любавскій сводитъ до минимума значеніе волостной общины въ податномъ отношеніи даже и въ поднѣпровскихъ волостяхъ[2]) и, повидимому, въ его представленіи волостная старина метать разметы является случайной привилегіей отдаленныхъ волостей и не имѣющей, хотя бы въ отдаленномъ прошломъ, правъ на болѣе широкое терри-

[2]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 471—473.

ріальное распространеніе. Въ частности, по поводу разсмотрѣнной статьи проф. Владимірскаго-Буданова, г. Любавскій высказалъ радикально противоположный взглядъ. Даже для сельской общины онъ допускаетъ общинное владѣніе какъ исключеніе въ томъ случаѣ, если село сформировалось путемъ раздѣленія дворищъ на особыя единицы, но не для села, составившагося изъ неродственныхъ дворищъ[1]) Проф. Любавскій не придаетъ серьезнаго значенія доказательствамъ въ пользу общиннаго землевладѣнія. Одно изъ нихъ—стремленіе села отстоять свою территорію, онъ объясняетъ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ крестьяне просто отстаиваютъ свое право требовать съ участка извѣстное количество повинностей и податей въ общую долю, приходящуюся съ нихъ[2]); этотъ аргументъ г. Любавскаго стоитъ, впрочемъ, въ противорѣчіи съ его отрицаніемъ самостоятельнаго значенія волостной раскладки. Онъ совершенно отрицаетъ право сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ[3]). Нечего и говорить, что проф. М. К. Любавскій не признаетъ поземельной связи въ волостной общинѣ, находитъ совершенно противорѣчивымъ положеніе проф Буданова, по которому право частной собственности совмѣщается съ общиннымъ, такъ какъ само общинное землевладѣніе является „неуловимымъ призракомъ“[4]) Самому М. К. Любавскому первичная форма землевладѣнія представляется въ видѣ заимочнаго, а явленіе сельской и волостной солидарности вовсе не исходитъ изъ поземельныхъ отношеній.[5])

Такъ стоялъ вопросъ до появленія въ 1897 г. нашей статьи о западно-русской сельской общинѣ[6]), которая здѣсь теперь является въ переработанномъ видѣ.

---

[1]) Ibidem, стр. 465—6.
[2]) Ibidem, стр. 467.
[3]) Ibidem, стр. 468.
[4]) Ibidem, стр. 470
[5]) Ibidem, стр. 470.
[6]) Журналъ М. Н. Пр , 1897 г.

Просматривая литературу вопроса, какъ она тогда стояла, нельзя не замѣтить прежде всего того обстоятельства, что онъ серьезно подымался въ двухъ направленіяхъ—въ изученіи общины какъ судебной инстанціи и какъ извѣстной формы землевладѣнія. Предполагается и подразумѣвается, преимущественно въ болѣе старыхъ трудахъ, связь наличной общины съ автономіей древней, но въ чемъ сущность ея, изслѣдователи не выясняютъ. Въ частности, относительно поземельнаго значенія общины высказаны столь противорѣчивыя сужденія, что въ провѣркѣ ихъ является настойчивая необходимость. Затѣмъ бросается въ глаза неполнота матеріала, который былъ привлекаемъ къ изученію столь важнаго вопроса. Между тѣмъ только обильный матеріалъ можетъ дать нѣкоторые безспорные выводы въ этомъ направленіи

Изъ сказаннаго вытекаетъ и задача изслѣдованія, предметомъ котораго является настоящая глава. Оно имѣетъ цѣлью выяснить особенности волостной и сельской организаціи. Волостная община, которая подлежитъ нашему изученію, не представляетъ собою формы земельнаго совладѣнія; это—крестьянская самоуправляющаяся организація въ составѣ Литовско-русскаго государства. Организація эта носитъ признаки остатковъ глубокой древности, бытующихъ еще въ первой половинѣ XVI вѣка,—пережитки тѣхъ самыхъ общинъ, исчезновеніе которыхъ къ этому времени предполагалъ покойный Иванишевъ. Оффиціальное названіе высшей организаціи—волость. Она является союзомъ неопредѣленнаго числа селъ, иногда съ городомъ въ центрѣ, иногда съ центральнымъ селомъ, имя которыхъ она носитъ. Существеннымъ признакомъ такой общины является автономія во внутреннемъ управленіи. Размѣры волостной территоріи, т. е. число составляющихъ ее селеній, не имѣютъ значенія. Вообще понятіе волости въ Западной Россіи, какъ территоріи, не было строго опредѣленнымъ. Иногда цѣлая держава, впослѣдствіи повѣтъ, носитъ названіе волости (напр. Могилевская волость, Рогачевская, Рѣчицкая), иногда одна волость, сохраняя свое

единство въ общихъ дѣлахъ, дѣлилась однако еще на меньшія волости (напр. двѣ половины Бобруйской волости, Троцкая и Виленская, Мозырская и Бчицкая волости, составлявшія одну Мозырскую); встрѣчаемъ и выдѣленія въ составѣ одной и той же волости новой (напр. Олучицкая, выдѣленная изъ Кричевской и потомъ опять съ ней соединенная; этотъ примѣръ можетъ показать происхожденіе иногда очень дробныхъ волостей). Несомнѣнно однако, никогда правительственная власть литовско-русскихъ князей не опредѣляла первоначальнаго района старыхъ волостей. Объ этомъ можно судить не только по отсутствію подобнаго рода актовъ, но еще и потому что до половины XVI вѣка эта власть сохраняла строго консервативный характеръ, принципомъ котораго было „старины не рушать“. Но географическіе предѣлы волостей могли нарушаться и даже разрушаться во время раздѣла волостей между Ольгердомъ и Кейстутомъ, при выдѣленіи удѣльныхъ княженій, или наконецъ при отдачѣ отдѣльныхъ селеній частнымъ землевладѣльцамъ. Такъ, не отрицая нѣкоторой переверстки въ составѣ волостей, нельзя не отмѣтить, что древность ихъ территорій характеризуется еще и тѣмъ, что волость группируется около старинныхъ своихъ центровъ—городовъ, вродѣ Брянска, Рославля, Борисова, Усвята, Рѣчицы, Мозыря, Бобруйска и т. д. Это какъ разъ тѣ скромные древне-русскіе города, которые не успѣли вырасти въ крупные торговые центры и остались поселеніями съ сельскимъ характеромъ и центрами своихъ волостей.

Но въ составѣ этихъ общинъ, называвшихъ себя волостями, несомнѣнно существовали и меньшія организаціи, сельскія общины. Очень вѣроятно, что въ маленькихъ волосткахъ эти общины совпадали съ волостями, въ большихъ различались. Жизнь этихъ болѣе простыхъ индивидуумовъ складывается по типу волостной, но въ средѣ членовъ ея существуютъ и связи по совладѣнію землею.

Изъ сказаннаго о характерѣ изслѣдуемой общины явствуетъ, что въ предѣлы изученія ея не можетъ войти из-

слѣдованіе дворищнаго землевладѣнія, какъ неимѣющаго непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ нею; сюда не входитъ и копная организація. Коповища, территоріи копнаго суда, не совпадали съ территоріей волостей и не объединялись съ ними административнымъ устройствомъ; слѣдовательно, копная организація, какъ судебный округъ была выдѣлена изъ волостной; такъ какъ копный судъ былъ главнымъ образомъ судъ „сугранічныхъ сходатаевъ“, то позволительно выразить убѣжденіе, что копные округа были или междуволостными, или междуселенными [1]).

Остается еще сдѣлать нѣсколько разъясненій о свойствѣ нашихъ источниковъ. Намъ приходится преимущественно оперировать надъ данными, относящимися къ поднѣпровскимъ и подвинскимъ волостямъ Это происходитъ оттого, что здѣсь старина сохранилась устойчивѣе, чѣмъ на западѣ. Поэтому такое топографическое распредѣленіе матеріала нисколько не уменшаетъ его общаго значенія, даже усиливаетъ его, именно потому, что здѣсь существовали всѣ условія для сохраненія живучести древне-русскихъ традицій. Но наши источники имѣютъ и серьезный недостатокъ

Наши источники—преимущественно акты, вышедшіе изъ государственной канцеляріи. Эти акты рѣдко касаются деталей внутреннихъ распорядковъ областной жизни. Но и независимо отъ источниковъ самое теченіе исторической жизни въ Литовско-русскомъ государствѣ складывалось неблагопріятно для полнаго сохраненія общинныхъ порядковъ. Первая половина XVI вѣка—время постепеннаго закрѣпощенія крестьянства и развитія крѣпостнаго землевладѣнія въ связи съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей. Рядомъ съ этимъ правительство, да и частные владѣльцы, усиленно перестраиваютъ и городскія общины, отрывая ихъ отъ волостныхъ, и сельскія—на нѣмецкое право, съ которымъ неразлучно связывалась и волочная система. Всѣ эти условія разруши-

[1]) Доказательства этого были, повидимому, въ матеріалахъ кн Т Любомірскаго, см назв. ст.

тельно дѣйствовали на сельскую общину. Тѣмъ не менѣе, слѣды ея гораздо ощутительнѣе, чѣмъ это предполагаютъ.

II.

Мы начнемъ наше знакомство съ западно русскою общиной не съ положительной ея стороны, а, такъ сказать, съ отрицательной. Община въ изслѣдуемый моментъ падаетъ; съ изученія процесса распаденія ея мы и будемъ знакомиться съ ней. Борьба волостей съ врядниками на податной почвѣ является тою стороной общинной жизни, которая чаще всего встрѣчается въ нашихъ источникахъ.

Въ Поднѣпровскихъ волостяхъ повсемѣстно еще въ началѣ XVI вѣка повинности раскладываетъ скарбъ не на каждаго плательщика налоговъ, но на цѣлую волость; волость уже дѣлаетъ самостоятельно разрубы на отдѣльныхъ плательщиковъ. Финансовые интересы были для волости самыми острыми интересами. Каждый державца хотѣлъ собрать съ волости возможно большее количество волостельскихъ доходовъ; рядомъ съ податями державцы или его слуги устанавливали „новины“. Между тѣмъ благосостояніе волости уменшалось отъ раздачи селъ и дворищъ служилымъ людямъ, отъ того, наконецъ, что крестьяне уходили изъ волости на помѣщичьи земли и проч. Вслѣдствіе этого происходили столкновенія между урядомъ и волостью; волость обращалась къ королю. Мы возьмемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Эти примѣры наглядно покажутъ намъ, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находилась волостная община.

Около 1536 г. королю жаловались представители Могилевской волости на державцу своего кн. Вас. Ив. Соломирецкаго. Оказывается, что волощане могилевскіе заключили съ Соломирецкимъ договоръ объ отбываніи подводной повинности: крестьяне за освобожденніе отъ натуральныхъ повинностей обязались дѣлать державцѣ извѣстный ежегодный взносъ. Между тѣмъ Соломорецкій установилъ въ

волости своихъ десятниковъ, которые грабятъ крестьянъ, берутъ у нихъ подводы, въѣзды; подать съ дыма державца повысилъ съ 2 гр. въ годъ до 20; державца самъ назначилъ въ волости старца, но этотъ старецъ началъ чинить всякія „драпежства“ и „тяжкости“, такъ что и волость опустошилъ. Бирчіе собрали большую дань, а между тѣмъ не дали волости отчета, „где оныи пенези, што у нихъ выбирали, обернули“. Люди начали расходиться изъ волости. Господарь требуетъ, чтобы державца „учинилъ справедливость во всѣхъ речахъ“ подданымъ передъ дворяниномъ господарскимъ; староста могилевскій долженъ во всемъ поступать „подле давного обычая“ и такъ относиться къ поданнымъ, чтобы „пожитки наши господарскіе не были заронены“, подданые „къ убожеству не приходили“ и господарю „докуки не чинили“.

Для разслѣдованія этого дѣла господарь посылалъ спеціальнаго господарскаго дворянина А. Ф. Дыку, докладъ котораго, вѣроятно, сказался на нижеслѣдующей уставѣ [1]). Предыдущая грамота безъ даты, но съ ней въ непосредственной связи находится устава, данная 1 іюля 1536 г. Могилевской волости и ея старостѣ князю Василію Ивановичу Соломирецкому. Цѣль уставы—главнымъ образомъ регулировать намѣстническіе въѣзды и полюдіе, а также разсмотрѣть и „иныя тяжкости“. Устава является слѣдствіемъ суда особыхъ комиссаровъ, назначенныхъ великимъ княземъ. По наведеніи справокъ, прежде всего оказалось, что старостинскіе въѣзды были пожалованы старостамъ предыдущими господарскими уставами (по мнѣнію судей, ихъ раньше не было), почему волошане освобождены отъ старостинскихъ въѣздовъ, взамѣнъ чего старостѣ была отдана господарская тивунщина, а за полюдіе волость обязана была давать ему ежегодный взносъ деньгами, хлѣбомъ и живностью. Установленъ былъ порядокъ отбыванія сторожевой повинности на замкѣ, условія сбора тор-

[1]) Приложенія, стр. 20

говаго мыта, помѣрнаго, змирскихъ куницъ и т. д. Относительно подводъ, подтверждена повинность волости о даваніи подводъ, но ей предоставлена возможность заключить съ державцею особый договоръ по этому поводу. Однако относительно волостныхъ разметовъ встрѣчаемъ постановленіе, въ которомъ нельзя не видѣть стремленія поставить эту сторону волостной дѣятельности подъ контроль старостинской власти. Грамота говоритъ „А которые они мети могуть на мѣсто и на волость на свои потребы, тыхъ они метовъ не мають кидати на подданыи наши безъ ведома и безъ воли державцы нашого, бо для таковыхъ метъ ихъ подданымъ нашимъ тяжкость великая ся деетъ и многии з нихъ отъ того ся прочь росходять и для того дань наша згинетъ“ [2]).

Такимъ образомъ, оставляя строи общинной жизни неприкосновеннымъ, правительство предоставляетъ себѣ право контроля, но это право уже является не стариной, но нововведеніемъ.

Такое же нововведеніе встрѣчаемъ мы и въ результатѣ тяжбы, которую вела сосѣдняя Чичерская волость.

Въ 1554 г. Чичерская волость имѣла тяжбу съ своимъ намѣстникомъ паномъ Юріемъ Зеновьевичемъ. Послѣдній, какъ и его предшественники, чинитъ многія кривды и вводитъ новины, беретъ „неслушные пожитки“ и „непомерныя“ вины отчего многіе люди „с тое волости нашие прочь ся розошли“. Господарь не призналъ однако жалобъ жителей справедливыми, но тѣмъ не менѣе далъ волости подробную уставу. Она цѣликомъ посвящена опредѣленію намѣстничьихъ сборовъ, размѣрамъ штрафовъ и пр. Относительно разметовъ грамота устанавливаетъ новое положеніе: волощане не имѣютъ права метать метовъ безъ „вѣдомости“ державцы „и разрубливати, але кгды потреба вкажетъ для платовъ нашихъ господарскихъ, або для якое слушное потребы волостное розрубъ чинити и метъ метати“; при раз-

[1]) Приложенія, стр 24

рубахъ и метахъ долженъ присутствовать самъ державца и его вижъ; если нѣтъ самого державцы, то „за ведомостью“ его намѣстника и вижа [1]). За крестьянскою общиной, какъ видимъ, остаются еще права на раскладку податей, но подъ сильною опекой врядника; община имѣетъ также право самообложенія, но опять таки подъ контролемъ державцы.

Нужно замѣтить, что борьба русскихъ волостей съ администраціей, господарскими державцами и писарями, пріѣзжавшими для сбора дани, несомнѣнно довольно стараго происхожденія. Она велась уже во второй половинѣ XV в., т. е. какъ разъ мы узнаемъ о ней съ того времени, когда у насъ имѣются болѣе подробные источники. Изъ господарской уставы, данной въ 1497 г. городу Торопцу и его волости, видно, что по просьбѣ волощанъ господарь еще ранѣе освободилъ ихъ отъ намѣстничьихъ въѣздовъ и теперь вновь подтвердилъ имъ [2]). Отъ конца XV вѣка уже извѣстенъ цѣлый рядъ тяжбъ волощанъ со своими намѣстниками. Такъ въ 1499 г. брянскіе сотники жаловались на своего намѣстника Федора Ивановича Жеславскаго за его „великіи кривды и новины“. Кривды заключались во взиманіи непомѣрныхъ въѣздовъ, стаціи и подводъ. Господарь рѣшилъ согласно показаніямъ жителей: „бо мы никому новины не вводимъ, а старины не рушаемъ“ [3]). Около того же времени двѣ Полоцкія волости, Озерищская и Усвятская, жаловались на намѣстника витебскаго воеводы Станислава Глѣбовича, который принуждалъ ихъ къ волоченію озера Вымна, а также къ косьбѣ сѣна. Волощане не доказали своей жалобы; но интересно, что они представили суду грамоты великихъ князей Витовта и Жигимонта (значитъ и тогда они уже вели споръ); но по этимъ грамотамъ волощане освобождались не отъ повинности, а лишь отъ платы витебскимъ неводничимъ [4]).

---

[1]) Приложенія, стр 62.

[2]) А. Ю. З. Р. т I, стр. 171.

[3]) Леонтовичъ, Акты Метрики Литовской, № 471.

[4]) Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, I, стр. 76.

Въ началѣ XVI вѣка столкновеніе русскихъ волостей съ господарскими писарями, въѣзжавшими въ волость за данями, повели къ изданію въ 1511 г. общей уставы этимъ волостямъ, весьма характерной съ точки зрѣнія интересующихъ насъ вопросовъ. Господарю били челомъ всѣ данники Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, именно: Кричевской, Пропойской, Чичерской, Горвольской, Рѣчицкой, Свислочской, Любошанской, Усвятской и Озерищской. Волости испытывали большую „тяжкость" и отъ проходящихъ въ военное время войскъ и особенно отъ въѣздовъ господарскихъ писарей, являющихся за сборомъ „недополнковъ" Они оставляютъ здѣсь своихъ слугъ, проживающихъ въ волостяхъ по цѣлому году. Въѣзжая сами, писари берутъ „непомѣрные" въѣзды и стаціи, живутъ по нѣсколько недѣль въ каждой волости. Результатомъ такого хозяйничанья является то, что „съ того великаго драпежства и грабежу, многіе данники наши съ тыхъ волостей нашихъ разошлися", а оставшіеся и половины дани не могутъ уплатить. Данники просятъ оставить ихъ „при старинѣ", какъ бывало „за великаго князя Витовта и за Жикгимонта". Эта старина заключалась въ томъ, что они сами всегда относили свои дани въ скарбъ, а медъ—ключнику. Волощане предложили условія, при которыхъ они согласны аккуратно уплачивать дань. Господарь съ радой согласились на ихъ предложеніе и возстановили старину. „Также и доходъ писарскій, т. е. въѣздъ ихъ и тивунщину, то все мають до скарбу нашого сами относити: занежъ вжо отъ тыхъ часовъ, и тивунове по свой доходъ не мають къ нимъ въѣзжати" [1]).

Облегченіе отъ въѣзда писарей—только одна сторона волостной жизни, другая—отношенія къ мѣстному державцѣ. Борьба съ ними отличается затяжнымъ и ожесточеннымъ характеромъ.

Весьма интересны тяжбы Кричевской волости. Въ 1522 г. она жаловалась на своего намѣстника князя Василія Се-

[1]) А. З. Р., II, стр 99.

меновича Жилинскаго. Онъ отнялъ у волощанъ воскобойню, ѣздитъ на полюдіе „у великомъ почтѣ“, тогда какъ прежніе державцы совсѣмъ не ѣздили на полюдіе. Князь Жилинскій самъ садится на волостныхъ разметахъ и беретъ съ крестьянъ „не мало пенязей“. Онъ принуждаетъ ихъ къ тяглой работѣ, напр., къ косьбѣ травы, беретъ на нихъ, „непомѣрныя“ вины и вообще вводитъ разныя „новины“. Жалобу волощанъ на намѣстника, по порученію господаря, разсматривалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и нашелъ ихъ „правыхъ“, т. е. это дѣйствительно были „новины“ и „кривды“, почему господарь отмѣнилъ поѣздки намѣстника за полюдіемъ, попытки его принудить крестьянъ къ тяглымъ работамъ, въѣздъ въ волость во время разметовъ [1]) и т. д. Часть Кричевской волости, Олучицкая волость, была дана господаремъ въ держаніе Никифору Бобоѣду. Но онъ учинилъ здѣсь „виликія драпежства“, такъ что многіе люди разошлись, даже повѣсилъ безъ вины волстного старца. Сигизмундъ I отнялъ волость у Бобоѣда, привернулъ ее къ Кричеву, но намѣстнику его, тому же Жилинскому, строго приказалъ не всылать своихъ слугъ въ волость [2]). Не смотря на данную въ 1522 г. уставу, Кричевской волости снова пришлось обратиться къ господарю въ 1526 г. Оказывается, что изданная господаремъ устава о намѣстничьемъ доходѣ (она до насъ не дошла, слѣдовательно, мы не всѣ тяжбы этой волости знаемъ; это и есть „паркгаминовая“ устава, упоминаемая въ листѣ 1522 г. [3]) слишкомъ тяжела для нихъ и выполнить ее волощане не могутъ: „после тое въставы нашое многие люди з места и з волости Кричовское разышлися прочъ и земли их опустели и дань наша гинеть“. Господарь значительно сбавилъ намѣстничьи доходы, платимые волостью, и еще разъ подтвердилъ, что волощане не обязаны ничего давать сверхъ уставы.

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 184—185.

[2]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложеніе № 46

[3]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 185; приложенія, стр. 53.

Но Жилинскій не думалъ уменьшать своихъ притѣсненій. Господарская грамота 1527 г. разсказываетъ, что волощане „отъ кольку лѣтъ безпрестане“ обращались съ своими жалобами къ великому князю на „кривды“, „тяжкости“ и „драпежства“ со стороны державцы. Сигизмундъ I „многокротъ“ приказывалъ ему прекратить насилія, но безрезультатно. Жалобщики лично явились къ королю въ Гданскѣ, „со слезами жалуючи“ о томъ, что Жилинскій еще усилилъ „драпежства“. Тогда посланъ былъ въ волость особый дворянинъ господарскій, чтобы передать Жилинскому господарское приказаніе, составить списокъ грабежей и насилій и жить въ волости до господарскаго суда. Въ Варшавѣ снова волощане были у господаря и снова „слезно“ жаловались. Явившійся снова же дворянинъ господарскій засвидѣтельствовалъ, что державца не только при немъ не унялся, но еще „больши кривды и драпежства и тяжкости“ подѣлалъ жителямъ. Господарю и присутствовавшимъ при этомъ панамъ рядомъ „прикро было на слезы и на крики тыхъ подданыхъ нашихъ смотрити“. Г. Сигизмундъ I снова послалъ господарскаго дворянина увѣщать державцу. Но и это оказались безполезно. Въ Краковѣ, въ присутствіи пановъ рядъ коронныхъ, опять у великаго князя были жалобщики и дворянинъ господарскій прислалъ свое сообщеніе о еще бо́льшихъ насиліяхъ, которыя сталъ творить кн. Жилинскій. И результатъ былъ тотъ же: опять посланъ дворянинъ съ напоминаніемъ, „къ чому бы еси мелъ впередъ прийти и напотомъ того не жаловати для такового своего впорства“. Конечно, это увѣщаніе было безрезультатно. Уже вторично явились Кричевцы въ Краковъ „со слезами и з великими крики“, жалуясь на своего державцу и заявили: „ижъ дей вжо далей того тамъ жити не будемъ, а пойдемъ и зъ жонами и з детьми прочь, а то вашой милости, господару нашому, объявляемъ и зъ себе присягу в томъ складаемъ“. Пріѣхалъ и господарскій посланецъ, дворянинъ Ботвинье, и разсказалъ, что Жилинскій не допустилъ его къ себѣ съ послѣдними господарскими листами и обѣщалъ стрѣлять въ

него изъ орудій и тутъ же, при дворянинѣ, избилъ старосту кричевскаго, старца, мужей и посадилъ ихъ въ тюрьму. Только теперь, наконецъ, Сигизмундъ I рѣшился прибѣгнуть къ болѣе радикальной мѣрѣ: онъ послалъ въ Кричевъ дьяка Андрея Мацковича взять отъ Жилинскаго, „къ рукамъ господарскимъ“ волость и городъ и держать ихъ до выясненія судомъ степени виновности державцы, угрожая отнять державу совершенно, если жалоба подтвердится [1]).

Вотъ цѣлая эпопея тѣхъ страданій, которыя должны были выносить жители въ борьбѣ съ державцами. Но это только одинъ изъ эпизодовъ въ жизни той же Кричевскоі волости.

Въ 1544 г. волость имѣла уже новаго намѣстника въ лицѣ пана Андрея Шолухи. Очевидно, онъ только что былъ назначенъ и господарь, по просьбѣ жителей, жаловавшихся на утѣсненія со стороны предшественниковъ Шолухи (послѣ Жилинскаго ихъ было нѣсколько), возстанавливаетъ старину. Онъ подтверждаетъ уставу 1526 г и перечисляетъ новины, которыя были вводимы намѣстниками, уже послѣ изданія этой уставы. Державцы „вступались“ въ ихъ ловы „звѣчистые“, осаживали на себя волощанъ, отрывая ихъ такимъ образомъ отъ волостного тягла, брали поклоны при исполненіи повинностей съ однихъ и взваливали эту долю тягла на другихъ, увеличили оброчные сборы въ пользу намѣстниковъ. Господарь снова утвердилъ старину волости и снова подтверждаетъ требованіе не вводить новинъ [1]).

Не были довольны своимъ положеніемъ и Озерищская и Усвятская волости. Около 1530 г. они перешли къ королевѣ Бонѣ и управлялись изъ дворца Обольца. Оболецкая волость была ихъ составной частью. Въ 1532 г. королева послала въ Оболецъ спеціальныхъ ревизоровъ для изслѣдованія вопросовъ о платежахъ и повинностяхъ жителей. Они

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XIX, л 320—321.

[2]) Приложенія, стр. 53 сл.

отмѣнили нѣкоторыя новины, но попробовали увеличить тяглую повинность. Въ своемъ докладѣ королевѣ они разсказываютъ, что волощане протестовали противъ ихъ распоряженій: „И волость вся стала мовити намъ з великимъ крикомъ· бы дей намъ не только статки наши, але жоны и дети были побраны, тогды мы не будемъ служити такъ; одно якъ з вековъ предки и отцы наши и мы передъ тымъ служивали, такъ и теперъ служити ти хочемъ“ [1]) Въ 1535 г. обѣ волости, Усвятская и Озерищская, жаловались господаринѣ на врядниковъ витебскихъ воеводъ, которые вздумали „вернуть“ ихъ подъ свой присудъ къ Витебску и „многіи новины надъ ихъ пошлину уводить“. Остерегаясь, чтобы эти новины не вошли въ пошлину, волощане просятъ „ихъ по старинѣ заховати и новинъ имъ уводити“ не допустить. Бона сохраняетъ старину, освобождая волость отъ присуда къ Витебску, сохраняя старинное распредѣленіе замковыхъ работъ и проч. Относительно самаго важнаго въ волостной жизни—намѣстничьяго въѣзда, королева постановила. „не мають державцы и наместники наши Оболецкіе до тыхъ волостей въѣздчати, одно подлугъ старины, коли дань нашу выбирати“ [2]) Однако въ 1544 г. Усвятская волость снова жаловалась королевѣ уже на своего державцу пана Кирдея Гричиновича. Оказывается, что старина и подтверждавшая ее грамота 1535 г. нарушены. Намѣстникъ держитъ въ волости своего слугу, „а того обычая въ нихъ николи не бывало.“ По старинѣ волостью управляетъ выборный старецъ. „И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при стародавныхъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали, а того слуги тамъ у нихъ не казали тобѣ мети.“ Волость оставлена при своемъ „давномъ, звыкломъ обычаѣ“ [3]).

Королевѣ Бонѣ принадлежала также часть бывшаго удѣльнаго владѣнія князей Пинскихъ—Рогачевская волость,

---

[1]) Приложенія, стр. 11.
[2]) Приложенія, стр. 32.
[3]) Приложенія, стр. 52.

находившаяся въ одинаковомъ положеніи съ русскими волостями (и вошедшая при Сигизмундѣ Августѣ въ ихъ число). Около 1548 г. волощане подали королевѣ жалобу на цѣлый рядъ незаконныхъ дѣйствій державцы ихъ Павла Попельжинскаго. Новины, вводимыя послѣднимъ,—это рядъ повинностей тяглаго характера, которыхъ „зъ вѣковъ“ не бывало. Напримѣръ, онъ посылаетъ пасти свой скотъ тѣхъ сторожей, которыхъ волость даетъ на замокъ, хочетъ монополизировать торговлю, скупая вепровъ и другую живность, требуетъ излишнихъ подводъ, увеличиваетъ судебныя пошлины и т. п. [1]). На этого же намѣстника въ томъ же году особо жаловалось село Лучинское, Рогачевскаго повѣта: намѣстникъ, оказывается, принуждаетъ крестьянъ къ фольварковымъ работамъ. Королева подтвердила, что подданые не обязаны исполнять никакихъ фольварковыхъ работъ по постройкѣ строеній, вспашкѣ и уборкѣ огородовъ и проч.; впрочемъ, если державца позоветъ ихъ на толоку, то желающіе могутъ пойти. Подданые издавна были обязаны только давать по два гроша за сѣно, а державца и деньги бралъ за сѣно и сѣно косить заставлялъ, что противорѣчитъ „стародавной повинности“ [2]).

Не въ лучшемъ положеніи находилась и Свислочская волость. Еще въ 1513 г. она имѣла цѣлый рядъ тяжбъ съ своимъ намѣстникомъ паномъ Григоріемъ Исаевичемъ Громыкой. По господарскому суду съ Громыки былъ присужденъ въ пользу волости штрафъ, но Громыка не хотѣлъ платить, пытался „переднать волость“ и надулъ ее; обвинилъ волостныхъ ходаковъ, жаловавшихся на него, въ томъ, что они растратили „волостныи гроши“ и даже утверждалъ, что судилъ ихъ въ этомъ и взялъ на нихъ „вины“; грабежъ онъ дѣйствительно взялъ, но безъ суда; онъ же побралъ съ волости „многіи стаціи“ [3]). Въ королевской грамотѣ, вы-

---

[1]) Приложенія, стр 58.
[2]) Приложенія, стр 56.
[3]) Р. И. Библ т XX, стр. 803—804.

данной волости въ 1534 году, высчитанъ длинный рядъ „новинъ“, которыя введены были державцею Андреемъ Немировичемъ и его слугами въ волости. Многіе старостинскіе поборы удвоены и утроены. Крестьяне жаловались на то, что когда слуги державцы наѣзжаютъ на волость метать дань, то они являются въ количествѣ 20—30 человѣкъ съ женами и слугами, живутъ на счетъ волости и до тѣхъ поръ не уѣзжаютъ, пока тамъ не получатъ „поклона“. Всѣ эти притѣсненія повели къ тому, что городъ и волость „збожело“, люди порасходились, отчего и доходъ королевскій уменшился. Разобравъ дѣло, король устанавливаетъ нормы податей и участіе намѣстника въ метаніи податей ограничиваетъ слѣдующимъ образомъ: намѣстники не имѣютъ права въѣзжать въ волость для метанія дани, крестьяне должны сами „зметати“ дань и отвезти въ замокъ· „не мають имъ черезъ тое наместники жадныхъ крывдъ чынити и новинъ уводити и во всемъ мають захованы быти водле стародавного обычая, якъ и за предковъ нашыхъ бывало и за первшыхъ врадниковъ нашыхъ“ [1])

Однако черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія этой уставы Сигизмунду первому опять пришлось выслушать жалобы волощанъ, именно въ 1540 г. Данная имъ устава сгорѣла въ татарскій приходъ, „а иншую деи уставу нашу (господарскую) отнялъ у нихъ намѣстникъ Свислоцкій и почалъ имъ новины уводити, платы и вины непомѣрныя з нихъ брати, черезъ уставу нашу“. Жалобщики изложили свою старину, которая и вошла цѣликомъ въ эту новую уставу. Старина эта весьма характерна. Легко догадаться, что она цѣликомъ касается податей, повинностей и судебныхъ пошлинъ. Волощане сами относятъ въ скарбъ свои дани; опредѣлено „въѣжчее“ на случай, если бы сами волощане не отнесли дани и понадобился бы въѣздъ. При волостныхъ разметахъ врядникъ не долженъ присутствовать. Волость несетъ сторожевую повинность, даетъ на живность

[1]) Приложенія, стр. 17.

вряднику; кромѣ того ему же дается волостью полюдіе. Но замѣчательно, что даже и намѣстничій кормъ волощане приносятъ отъ всей волости на замокъ,—значитъ, даже за своимъ кормомъ намѣстникъ не долженъ въѣзжать въ волость. Опредѣлены также судебныя пошлины, прерогативы собственнаго волостнаго суда; интересно также, что волощане не несутъ никакихъ тяглыхъ повинностей, а державца не имѣетъ права принуждать къ тяглой работѣ даже сторожей, посылаемыхъ волостью на замокъ. Вся эта устава—изложеніе старины согласно заявленіямъ самихъ волостныхъ людей. Сигизмундъ 1 утверждаетъ ее: „Естли будетъ такъ, яко они намъ жаловали, и будетъ ли то обычай звѣчный, стародавный, а они будутъ ли отъ давныхъ часовъ отъ насъ и отъ врадниковъ Свислоцкихъ на тыхъ податкахъ захованы были, и то есть ихъ старина: мы никому съ подданныхъ нашихъ новины не вводимъ, а старины не рушаемъ, и при той старинѣ тыхъ подданыхъ нашихъ мѣшанъ и волощанъ Свислоцкихъ зоставляемъ; не мають они никоторыхъ податковъ, надъ старину, врядникомъ Свислоцкимъ давати“ [1]).

Правительство, видимъ мы, пытается возстановить древній порядокъ, но нельзя сомнѣваться въ безуспѣшности его попытокъ. Мы приведемъ еще нѣсколько фактовъ борьбы волостныхъ изстаринныхъ порядковъ съ крѣпостническими тенденціями господарскаго вряда.

Оставаясь въ области тѣхъ же Поднѣпрскихъ волостей, прежде всего отмѣтимъ факты борьбы Бобруйской волости. 7 марта 1533 г. издано постановленіе по жалобѣ всѣхъ людей Бобруйской волости на господарскихъ писарей, въѣзжающихъ въ волость за сборомъ дани. Они дѣлаютъ волости „тяжкости великіи“ при въѣздахъ, не „водлугъ стародавного обычая“. Они удвоили размѣръ писарского въѣзда. Кромѣ того Бобруяне жаловались и на намѣстничьи сборы. Бывшій Бобруйскій намѣстникъ панъ Миколай Миколаевичъ Радивиллъ началъ брать съ волощанъ по 200 копъ ежегоднаго

[2]) А. З. Р , II, стр. 367.

сбору, что продолжаетъ дѣлать и теперешній намѣстникъ панъ Ольбрахтъ Мартиновичъ Гаштольтъ. Выгонявшій людей на работу Кіевскаго замка господарскій дворянинъ Олехно Кривецъ подѣлалъ волости большія кривды, взялъ излишніе поборы и т. д. Господарь во всѣхъ отношеніяхъ призналъ жалобы волощанъ основательными и приказалъ пану Гаштольду впредь „тяжкости не дѣлати“ [3]. Видимо, это постановленіе не успѣло оказать должнаго дѣйствія, или же на него просто не было обращено вниманія господарскими писарями, потому что 12 октября того же года Сигизмундъ I уже издалъ новую грамоту по жалобѣ старцевъ и мѣщанъ Бобруйскихъ на поборы писарей. Они просили не посылать къ нимъ писарей, соглашаясь сами вносить дань „сполна“. Великій князь согласился и опредѣлилъ сроки взносовъ даней грошовой и натуральной При этомъ грамота отмѣчаетъ „хитрыи обычаи“, появившіеся у волощанъ: когда приходитъ время сбора дани, многіе изъ нихъ расходятся по другимъ волостямъ, возвращаясь въ свои дома по окончаніи срока сбора дани; другіе же прямо осаживаются въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пахать свои земли въ Бобруйской волости и пользоваться бортями, а даней не платятъ. Всѣмъ этимъ такіе крестьяне приносятъ „шкоду“ королю, „а тяжкости подданымъ нашымъ деютъ, ажъ они за тыхъ сами дань нашу платятъ“. Поэтому король приказываетъ державцамъ волостей не принимать ни одного человѣка изъ другой волости; если человѣкъ самъ уйдетъ, то его сосѣди должны извѣстить объ отходѣ и указать мѣсто новаго поселенія вряднику; если сосѣди не укажутъ, они сами должны будутъ платить за отошедшаго дань; если вряднікъ, зная объ отходѣ, не вызоветъ ушедшаго,—онъ платитъ за него дань; если помѣщики или намѣстники не выдаютъ ушедшаго, платятъ „закладу“ въ 100 копъ грошей. Намѣстники обязаны осадить пустыя земли, чтобы и съ нихъ шла дань. Крестьяне указывали на то, что они не разбираютъ

[3]) Приложенія, стр. 14

пустыхъ земель, потому что врядники берутъ свои врядничьи доходы и съ „живого“, то-есть, съ занятыхъ земель, и съ пустыхъ; если бы король приказалъ врядникамъ не брать своихъ доходовъ съ пустыхъ земель, то крестьяне обязывались разобрать „межъ себя“ всѣ пустовщины и платить съ нихъ господарскія платы. Король согласился и на это предложеніе. Но та же грамота даетъ и еще одну интересную для насъ черту: крестьяне жалуются, что старцы „частыи меты мечутъ на волость“, а деньги обращаютъ на свои „потребы“. По этому вопросу король высказалъ такое рѣшеніе: старцы съ этого времени не должны самостоятельно класть разметы на волость, но когда понадобятся деньги на „волостную потребу“, тогда вся волость, „зволившися“ съ старцами, объявляютъ объ этомъ вряднику намѣстника; врядникъ посылаетъ своего вижа въ волость, въ присутствіи котораго волость кидаетъ разметъ такъ, „якъ бы сума не превышала“ волостной потребы. Согласно размету, старецъ долженъ выбрать деньги и тратить на нужды волости [1]).

Въ 1540 г мы видимъ волость снова съ челобитьемъ предъ господаремъ великимъ княземъ. Очевидно, на О. Гаштольта господарскія грамоты плохо дѣйствовали. Какъ только онъ умеръ, волость воспользовалась промежуточнымъ періодомъ и тотчасъ же обратилась съ челобитьемъ по поводу новины, заведенной Гаштольтомъ, который сталъ брать съ волости ежегодно по 200 копъ грошей, „а того дей пакъ передъ тымъ за предковъ нашихъ и за нашого панованья“ никогда не дѣлали. Король рѣшилъ, что если это новина, то волощане не должны платить и впредь державцы уже не будутъ предъявлять къ нимъ такого требованія [2])

Изложенная устава Бобруйской волости прибавляетъ важныя данныя къ интересующему насъ вопросу. Прежде всего оказывается несомнѣннымъ, что волость платитъ и за тѣхъ плательщиковъ, которые уходятъ изъ волости; для этого

---

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложенія № 51.

[2]) Приложенія, стр 45.

волость дѣлаетъ разметы на всѣхъ наличныхъ плательщиковъ. Волость имѣетъ свои волостныя потребы, которыя она удовлетворяетъ самообложеніемъ, при чемъ размѣры сбора устанавливаются общиной, а раскладка производится старцемъ и, вѣроятно, старшими мужами, въ присутствіи всего волостнаго схода, а по королевскому распоряженію и вика Но въ самую волость уже проникаетъ элементъ разложенія, потому что старцы и волощане, жалуясь на врядниковъ, указываютъ на притѣсненія и со стороны выборныхъ старцевъ. По этому поводу приходится сдѣлать предположеніе, что выборы или смѣщеніе старцевъ были стѣснены вмѣшательствомъ врядника. Такіе примѣры мы уже видѣли.

Разсматривая съ интересующей насъ точки зрѣнія „кривды“ различныхъ волостей, нельзя оставить безъ вниманія жалобъ королевѣ Бонѣ, поданныхъ люди Борисовской волости въ 1522 году. Волощане жаловались на воеводу виленскаго Гаштольта, отъ котораго зависѣла волость, что онъ „накинулъ“ на всю волость винщины 70 копъ и другіе поборы. Когда приходитъ время метать дань, воевода беретъ „поѣздки“ 5 копъ, а его намѣстникъ на себя еще беретъ 5 копъ. Волость „со слезами“ бьетъ челомъ господаринѣ, прося освободить отъ новинъ и взять волость въ свое управленіе [1]). Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ знакомое намъ явленіе: за волостною общиною еще сохраняется право раскладки податей, даже старостинскіе доходы уплачиваются еще всею волостью, по раскладкѣ, но урядъ всѣми мѣрами старается уничтожить волостную самостоятельность.

Въ этомъ же родѣ жалобы Гомельской волости, занесенныя въ господарскій листъ 1537 года. Державцей здѣсь былъ князь Вамилій Толочинскій, ставленникъ такого всемогущаго пана, какимъ былъ Ольбрахтъ Мартиновичъ Гаштольтъ. Волощане имѣли листы господарскіе на льготы отъ даней и работъ. Князь Толочинскій поотнималъ эти листы отъ нихъ и „почалъ имъ крывды чинити“. Онъ сталъ ихъ принуждать

[1]) А. Ю.-З Р., I, p. 62.

къ барщиннымъ работамъ, заставлялъ сѣно косить, дѣлать гридню, конюшню, забивать езы, поотнималъ отъ нихъ озера, бобровые гоны, у нѣкоторыхъ—ихъ отчизныя земли: „тыи деи люди для великихъ тяжкостей прочъ оттолъ пошли". Отправился Толочинскій по волости и такъ обобралъ, что „тогды деи семъ селъ людей отъ того для великого обтяженья прочъ пошло". Ввелъ мыта на пріѣзжихъ торговцевъ хлѣбомъ, чѣмъ поднялъ цѣну послѣдняго. Волощане пробовали отправить депутацію къ господарю, но державца посланныхъ изловилъ на дорогѣ, ограбилъ и посадилъ въ тюрьму. Жалуется уже вторая депутація и „плачливе бьетъ челомъ" на своего державцу. Сигизмундъ I произвелъ разслѣдованіе черезъ нарочито посланнаго дворянина господарскаго; но князь Толочинскій „ссоромотилъ" посланца и хотѣлъ его избить, и затѣмъ учинилъ еще рядъ насилій надъ поддаными. Впрочемъ, Сигизмундъ I ограничился угрозами по адресу державцы отнять у него державу и обратился съ просьбою къ его покровителю Гаштольту укротить рекомендованнаго имъ администратора [1]).

Эти факты вводятъ насъ во внутреннюю жизнь крестьянской общины Общее впечатлѣніе одно: мы присутствуемъ въ моментъ глухой борьбы крестьянской общины съ королевскими врядниками. Община пытается отстоять свою независимость отъ врядника, воспрепятствовать, согласно старинѣ, его неурочнымъ въѣздамъ въ волость. Напротивъ, для врядника въѣздъ въ волость слишкомъ доходная статья, чтобы онъ могъ отъ нея отказаться: пользуясь въѣздомъ, входя въ мельчайшія дѣла общины, онъ можетъ удесятерить свой доходъ разными поборами. Намѣстникъ даже старается держать въ волости своего слугу.

Вообще трудно найти какую нибудь изъ волостей, которая бы не обращалась къ господарю съ своими жалобами на нарушеніе старины. Передъ нами рядъ попытокъ Мозырской и Бчицкой волостей удержать свою старину (обѣ во-

[1]) Приложенія, стр. 33.

лости составляли одну державу). Въ 1509 г. старецъ и вся волость Бчицкая жалуется, что намѣстникъ вводитъ новины: мозырскій намѣстникъ держитъ своего намѣстника въ Бчицкой волости, чего раньше не было,—только Мозырскій намѣстникъ самъ пріѣзжалъ на полюдіе въ Бчицкую волость; тогда его волощане кормили и дарили. Господарь отмѣнилъ эту новину [1]) Въ 1510 г. Мозырская волость жаловалась на своего намѣстника пана Андрея Немировича опять таки за введеніе новинъ. Новины заключались въ увеличеніи намѣстничьихъ сборовъ, требованіи подводъ, большого количества сторожей и проч. Господарь далъ уставу Мозырянамъ, опредѣляющую намѣстничій кормъ и судебныя пошлины [2]). Въ 1540 г. Бчицкая волость, какъ и сосѣдняя Бобруйская, воспользовалась смертью своего державцы п. Гаштольта, чтобы принести жалобу на введенную имъ новину: подъ предлогомъ „винщяны“, онъ бралъ съ волости 55 копъ грошей ежегоднаго сбору, „чегожъ дей есмо з вековъ не плачивали“. Господарь отмѣнилъ для послѣдующихъ державцевъ этотъ сборъ при условіи, если эта отмѣна дѣйствительно соотвѣтствуетъ волостной старинѣ [3]). Въ Бчицкой волости было опредѣлено по одному намѣстничьему въѣзду въ годъ. Между тѣмъ панъ Миколай Войтеховичъ Нарбутъ, какъ это видно изъ жалобы на него въ 1551 г., сталъ всылать въ волость по два раза въ годъ за въѣздомъ, что было отмѣнено Сигизмундомъ Августомъ [4]). Въ томъ же году на того же намѣстника приносили жалобу и мозырскіе мѣщане. Это былъ цѣлый рядъ притѣсненій и поборовъ на почвѣ отбыванія мѣщанами податей и повинностей [5]).

Крестьяне и мѣщане непривиллегированныхъ городовъ страдали не только отъ нарушенія своихъ основныхъ правъ,

---

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложеніе, № 17

[2]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 144.

[3]) Приложенія, стр. 46.

[4]) Кн. Запис. Лит. XXVII, л. 88.

[5]) Архивъ Ю.-З. Р., VIII, т. III, стр 57.

освященныхъ вѣковымъ обычаемъ, своей старины, но и отъ массы мелкихъ посягательствъ на имущество, личность, даже жизнь подданаго. Его грабилъ всякій шляхтичъ или чиновникъ, кто только хотѣлъ. Любошанская волость въ 1528 г. жаловались Сигизмунду I на то, что господарскіе послы и гонцы, вмѣсто старой дороги на Оршу, стали ѣздить на Могилевъ и Любошаны, причемъ эти проѣзды очень тягостными оказывались для волости: „стацеи деи непомерные и подводы многии з нихъ беруть и по домомъ ихъ заежджаючы статки и быдло и иные речи въ нихъ забираютъ и шкоды имъ великие делаютъ, для которыхъ тяжкостей отъ нихъ, пословъ, и многие люди наши съ тыхъ волостей порозходилися прочъ и дань наша опустѣла“ [1]). Многія жалобы, особенно центральныхъ волостей, переполнены перечнями мелкихъ „драпежствъ“ и разныхъ вымогательствъ со стороны вряда по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Замѣчательно, напр., въ этомъ отношеніи „управленіе“ Пинскимъ старостомъ, принадлежавшимъ королевѣ Бонѣ, Петра Мыльскаго. Длинный списокъ „драпежствъ“, которыя онъ учинилъ въ старостве, вошелъ въ особый листъ королевы 1551 года. Это только тѣ самоуправства, которыя староста удовлетворилъ по суду. Староста бралъ со всѣхъ и за все. Посадилъ онъ подъ арестъ мѣщанина, и снялъ съ него дорогую кунью шубу въ 30 копъ грошей. Получилъ листъ королевы о передачѣ церкви мѣщанину Суличичу, церкви не передалъ, но взятку взялъ. Безъ всякой причины запечаталъ Варваринскую церковь, и за отпечатаніе взялъ съ попа. Мыльскій хваталъ людей, будто бы подозрѣваемыхъ въ кражѣ, обиралъ и выпускалъ. Онъ бралъ съ мѣщанъ, „за покой“, т. е. за то, что не будетъ ихъ трогать, бралъ взятки съ арендаторовъ корчемъ, просто „невине“ бралъ у крестьянъ деньги, отнималъ товары, привозимые для продажи въ городѣ, сажалъ безъ вины въ тюрьму и бралъ за освобожденіе; объявлялъ о совершеніи кѣмъ либо тяжелыхъ преступленій, бралъ безъ суда штрафы и не судилъ,

[1]) Кн. Суди. Дѣлъ Лит. IV, л. 207.

потому что и факта преступленія не было, дать старостѣ подводу—было дѣломъ рискованнымъ, потому что онъ имѣлъ обыкновеніе не возвращать лошадей и т д. [1]) Неудивительно, что результатомъ такого управленія бывало обнищаніе крестьянъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не только хроникеры (Михаилъ Литвинъ, Гваґнини и др), но и оффиціальные лица. Иванъ Гарностай, по порученію королевы Боны, отправился въ принадлежавшія ей дворы Троцкаго воеводства для производства переписи. Въ Упитской волости онъ засталъ „великое убожество". Передъ его пріѣздомъ тутъ успѣли похозяйничать врядники троцкаго воеводы, собирая дани. Воевода, сверхъ всякихъ крестьянскихъ даней, наложилъ на нихъ особый платъ, „непобожный, грѣшный", по мнѣнію докладчика. Онъ ввелъ въ волости новину, сталъ посылать туда своего врядника [2]).

Можно было бы привести указанія и еще на нѣкоторые другіе факты, не менѣе характерные. Но важно сбратить вниманіе на то обстоятельство, что борьба между администраціей и волостями происходитъ не только на восточной окраинѣ государства: осязательные слѣды ея мы встрѣчаемъ и въ центральныхъ державахъ. Разумѣется, здѣсь то же явленіе не могло сказаться такъ рѣзко. Здѣсь значительная часть крестьянства давно была превращена въ тяглыхъ людей, слѣдовательно самоуправленіе отсутствовало (повидимому, за исключеніемъ Жмуди) и волость не была такой организаціей, которая могла бы успѣшно вести борьбу съ властями. Управленіе державцевъ съ ихъ приставами давно сложилось на Литвѣ, въ Подляхіи, а уставы въ 1514 и 1527—1529 гг. закрѣпили его.

Не смотря на эти неблагопріятныя условія, не смотря на то, что обычай здѣсь давно уступилъ мѣсто въ управленіи господарскимъ уставамъ, мы всетаки встрѣчаемъ аналогичное проявленіе борьбы, хотя и не такъ рѣзко и на-

---

[1]) Грушевскій, въ приложеніяхъ къ „Очерку исторіи Турово-Пинскаго княжества" стр 93 сл.

[2]) Виленскій Археографическій Сборн.. I, стр. 41—12.

стойчиво выраженное. Можно указать, напр., на жалобу 1538 г. Упитской волости на своихъ врядниковъ за введеніе ими новинъ. они требовали непомѣрныхъ „посѣдей“ при своихъ въѣздахъ. Оказывается, что волость жаловалось еще при великомъ князѣ Александрѣ и тогда уже получила уставу. Сигизмундъ Первый предписалъ руководствоваться этой уставой и новинъ не вводить [1]). Въ 1536 г. на старосту жомойтскаго пана Яна Николаевича Радивила жаловалась Тондягольская волость опять таки за введеніе новинъ. Радивилъ не хотѣлъ ѣздить по волости и собирать свои въѣзды, какъ это дѣлали его предшественники, но наложилъ на волости опредѣленный денежный сборъ [2]) Путные люди и данники Марковскаго повѣта жаловались на своихъ державцевъ за введеніе новинъ, заключавшихся главнымъ образомъ въ усиленіи тяглой службы [3]). Люди Браславской волости (Браславля-Литовскаго) жаловались въ 1524 г. на своего державцу пана Павла Сопегу за многія кривды и грабежи, выражавшіеся въ увеличеніи осаднаго плата, врядничьихъ доходовъ, въ лишеніи волощанъ безвинно свободы [4]). Въ 1529 г имѣли тяжбу бояре посѣдные и вся волость Ойрагольская съ своимъ тивуномъ паномъ Юріемъ Володкевичемъ [5]).

Въ 1538 г. Сигизмундъ I издалъ грамоту, указывающую какъ на тягостное положеніе крестьянъ, такъ и на безсиліе правительственной власти придти къ нимъ на помощь. Въ грамотѣ разсказывается, что подданые Курклевской волости многократно обращались къ господарю съ жалобой на разныя вымогательства со стороны врядниковъ троцкихъ воеводъ, отъ которыхъ зависѣла волость. Господарь неоднократно писалъ объ этомъ воеводамъ, но тѣ „за писаньемъ нашимъ жадное бачности на то мети не хотели“,

---

[1]) Приложенія, стр. 41.
[2]) Приложенія, стр. 27.
[3]) Любавскій. Областное дѣленіе, приложенія, № 43
[4]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 196.
[5]) Ibidem, стр. 227

и „драпежства“ продолжались попрежнему и привели волость къ страшному „знищенью“, люди разошлись. Поэтому великій князь рѣшилъ сдѣлать облегченіе подданымъ и освободилъ ихъ отъ половины платежей, которые давались на воеводъ и врядниковъ ихъ [1]). Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что эта мѣра не могла принести никакого облегченія крестьянамъ.

Иногда населеніе не выдерживало врядничьихъ „драпежствъ“ и переходило въ открытое возстаніе противъ администраціи. Такой именно бунтъ имѣлъ мѣсто на Жмуди въ 1536 г., приведшій центральное правительство въ большое безпокойство. Крестьяне собрались на общее совѣщаніе въ Тельшахъ, учинили здѣсь раду и отсюда отправились избивать тѣхъ тивунскихъ намѣстниковъ, бояръ и крестьянъ, которые не присоединились къ бунту. Они дѣйствительно успѣли убить нѣсколькихъ намѣстниковъ съ ихъ слугами и „множество бояръ“. Какія постановленія сдѣлала еще крестьянская рада въ Тельшахъ, какія она имѣла конечныя цѣли, начиная бунтъ, остается невыясненнымъ. За то совершенно ясны причины возстанія. Мѣстный староста, панъ Ольбрахтъ Гаштольтъ, не былъ въ состояніи остановить народной „тревоги“ и обратился къ королю. Послѣдній немедленно отправилъ на Жмудь пана Кмиту Кунцовича съ порученіемъ успокоить крестьянъ и произвести разслѣдованіе о всѣхъ кривдахъ и тяжкостяхъ, которыя учинились населенію отъ тивуновъ и ихъ намѣстниковъ, о тѣхъ платахъ, которые незаконно были взимаемы, а также о работахъ, наложенныхъ тивунами на крестьянъ. Кмитѣ рекомендовалась крайняя осторожность: онъ не долженъ былъ взимать съ крестьянъ на себя никакихъ платовъ и стацій, а передъ собою долженъ былъ послать слугу, который бы напередъ объявилъ взбунтовавшимся „ласку“ господарскую и о томъ, что самъ Кмита посланъ только для разслѣдованія преступленій врядниковъ и для уменшенія „тяжкостей“. Въ каждой волости Кмита

[1]) Кн. Зап. Лит. XX, л. 187—188.

долженъ былъ сказать господарское „слово“, т. е. прочесть грамоту. Въ послѣдней дѣятельность тивуновъ и всѣхъ врядниковъ подвергалась самому жестокому порицанію. Крестьянамъ предлагалось дать показанія о всѣхъ учиненныхъ имъ „тяжкостяхъ“, „кривдахъ“, „драпежствахъ“, „окрутенствѣ“, „тяжкихъ работахъ“, „непомѣрныхъ подачкахъ“, „вьѣздахъ“, „утискахъ“—о всемъ томъ, что выходило „надъ обычай давный“ и не согласовалось съ господарской уставой. Король обѣщаетъ виновныхъ тивуновъ и ихъ намѣстниковъ „на горле скарати“ и проситъ крестьянъ прекратить бунтъ и не чинить его впредь, но обо всѣхъ своихъ нуждахъ обращаться къ нему[1]) Ни о какомъ разслѣдованіи объ учиненныхъ крестьянами „мордерствахъ“ нѣтъ и рѣчи и всѣмъ напередъ объявлена амнистія. Фактъ этотъ въ высшей степени характеренъ; но въ жизни Жмудской земли это крестьянское возстаніе не было единичнымъ. Нѣсколько волостей взбунтовалось здѣсь, напр. въ 1556 г., хотя теперь правительственная власть иначе посмотрѣла на дѣло и признала крестьянъ просто нежелающими нести установленныхъ платовъ[2]).

Списокъ этихъ жалобъ и столкновеній можно бы лобы значительно[3]) увеличить, но и приведенныхъ достаточно для доказательства вышесказаннаго. Къ этому можно прибавить, что и сами уставы 1514 и 1529 г. г. явились слѣдствіемъ ненормальныхъ отношеній между державцами и волостями и одною изъ своихъ цѣлей ставили „повстягненіе“ державцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже господарскій листъ 1522 г. старостѣ жомойтскому пану Станиславу Яновичу указываетъ на то, что староста нарушаетъ волостную старину, всылая своихъ слугъ въ волости, творящихъ здѣсь неправый судъ,

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XXI, т. 40—42

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит. XXXIV, т 125—126.

[3]) Напр жалобы Кремянецкои воч., кн. Зап. Лит. XXIV, л 221—223 (1538 г.), Куркгевскои воч. (кн. Зап. Лит XX, л. 187, 1538 г.), жалобы татаръ литовскихъ (кн. Зап. Лит. XX, л. 32 об. 1537 г.; кн Суд. Дѣл. Лит. VII, л. 118 кн. Зап. Лит. XXIV, л 35 об. 1540 г.) и мн. др.

требующихъ излишнихъ поборовъ [1]) Устава дворамъ 1527 г. уже прямо направлена противъ „лупежства врядниковъ“ [2])

Итакъ слѣдовательно, мы наблюдаемъ общинную жизнь въ весьма неблагопріятный моментъ—въ періодъ ожесточенной и повсемѣстной борьбы. Община отстаиветъ свою старину. Но въ этой борьбѣ и вырисовывается та старина, за которую такъ крѣпко стоитъ населеніе. Такъ, само собою разумѣется, что если намѣстникъ былъ ограниченъ въ своемъ правѣ въѣзда въ волость, пользовался имъ не болѣе одного раза въ годъ для сбора своего полюдія, въѣздового корму и для суда надъ тѣми, кто къ нему обращался, или если врядникъ иногда совсѣмъ не имѣлъ права въѣзда, то вполнѣ понятно предположеніе, что волостная община имѣла широкую автономію. Но съ другой стороны важно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Державца нарушалъ не только старину волости увеличіемъ своего врядничьяго дохода; вмѣшательство во внутреннюю жизнь автономной общины идетъ еще дальше: весьма громкимъ мотивомъ для жалобъ является стремленіе намѣстниковъ ввести тяглую работу, или увеличить уже существующую. Не менѣе важно и другое наблюденіе, которое можно сдѣлать изъ разсбранныхъ фактовъ. Правительство Сигизмунда Перваго, хотя и объявляетъ себя на сторонѣ волостной старины, однако не совсѣмъ къ ней довѣрчиво относится и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пытается поставить жизнь волостной общины подъ контроль администраціи.

Одно изъ существеннѣйшихъ послѣдствій наблюдаемаго явленія—разрушеніе изстариннаго общиннаго строя, потому что крестьянство оказалось слабѣйшимъ сравнительно съ шляхетской администраціей и правительствомъ.

Было бы однако ошибочнымъ полагать, что ломка древняго строя въ данный періодъ жизни Литовско-русскаго государства охватываетъ только крестьянско-мѣщанскій во-

---

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложенія № 35.

[2]) А. З. Р., II, № 149

лостной строй. Борьба на этой почвѣ—лишь одна изъ частностей разложенія. Его можно наблюдать и въ постепенномъ распаденіи древнерусскаго строя Витебской и Плоцкой земель, и особенно рельефно оно сказывается въ жизни южной Украины, въ Кіевщинѣ и на Подоліи. Здѣсь земля, повѣтъ, построена была по тому же типу какъ и земля и волость верхняго Поднѣпровья и Подвинья. Не смотря на наплывъ чужеволостцевъ, община съ своимъ центромъ—городомъ держится прочно и ведетъ, иногда съ оружіемъ въ рукахъ, борьбу съ администраціей. Этого общаго сравненія, полагаемъ мы, достаточно, потому что болѣе детальный обзоръ аналогичныхъ явленій въ жизни Украины является предметомъ другой нашей работы.

III.

Основной вопросъ, который служитъ предметомъ споровъ между общиной и администраціей, кромѣ массы отдѣльныхъ правонарушеній,—податная и повинностная сторона. Это понятно, потому что именно этой стороной своей жизни община соприкасалась съ старостинскимъ и господарскимъ урядомъ. Нарушеніе повинностнаго строя больше всего вело къ разрушенію общины. Но эта причина была не единственная. Были и другія причины, ведшія къ распаденію общины. Намъ сейчасъ надлежитъ коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ; но такъ какъ дѣло идетъ о вопросахъ общегосударственной жизни, то мы ограничимся лишь нѣсколькими бѣглыми указаніями.

Цѣлость общины нарушалась, когда изъ нея выдѣлялись отдѣльные ея члены, сохраняя однако за собою общинную землю. Это могло случиться, когда членъ общины получалъ землю на „особную службу“. Крестьянинъ могъ получить большею частью пустовщину на „особную службу“ [1]); но

[1]) Акты Лит.-русск. госуд. т. I, стр 37, 149.

правительство поощряло въ первое время и переходъ изъ тяглой общины на чиншъ [1])

Не менѣе нарушалось платежное равновѣсіе общины, когда частью земли ея завладѣвалъ того или другаго разряда служилый человѣкъ. Нужно замѣтить, что въ древнѣйшихъ грамотахъ довольно явственно проглядываетъ представленіе, что тотъ или другой характеръ отбыванія службы съ земли прикрѣпляется не къ лицу, а къ землѣ. Такимъ образомъ земля могла быть данная, или куничная, тяглая, дякольная, боярская и пр.[2]) Если на ней садился соотвѣтственнаго разряда человѣкъ, то, конечно, никакого измѣненія не могло быть. Но бывало и наоборотъ: бояринъ, напримѣръ, получалъ или покупалъ землю тяглую. Въ такомъ случаѣ, съ своей боярской земли онъ несетъ боярскую службу, а съ тяглой служитъ тягло [3]). Для того, чтобы бояринъ могъ избавиться отъ тяглой службы, онъ долженъ былъ просить на это спеціальное разрѣшеніе у господаря, которое многимъ и давалось [4]). Извѣстны и такіе факты, когда тяглый или куничный человѣкъ получалъ за какую нибудь услугу отъ господаря боярство, или назначался имъ въ спеціальную службу оставляя однако, за собою ту землю, которою онъ владѣлъ. Въ такомъ случаѣ переходившій въ другой разрядъ обѣлялъ и ту землю, на которой онъ сидѣлъ [5]).

Но случаи, подобные вышеприведеннымъ, будучи большею частью единичными, не въ такой мѣрѣ нарушали равновѣсіе общины, какъ раздача шляхтѣ въ громадныхъ размѣрахъ земли съ поселенными на ней крестьянами. Раздача могла быть двоякая: вел. князъ или передавалъ помѣщику всѣ дани

---

[1]) „Нижли, если бы которые люди наши хотѣли сами своею доброю волею на пенязехъ осести, не хотячи службы служити, тыхъ бы еси (державца) людей отсаживалъ, а в томъ бы еси имъ черезъ то тяжкости не делалъ". Браславская волость въ Подляхіи. Акты Лит.-русск. госуд, т. I, стр. 197.

[2]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство, т I, стр. 250 сл.

[3]) Бояре заявляютъ: „мы съ того три службы служимъ: одну боярскую, а двѣ дякольные". Акты Вил. Ком. XVII, стр. 16.

[4]) Напр., Довнаръ-Запольскій, Акты Лит.-русск. госуд., т. I, стр 133, 150.

[5]) Акты Лит.-русск. госуд, т. I, стр. 65.

и службы, приходившіяся на село или отдѣльное дворище, или же удерживалъ съ отдаваемыхъ крестьянъ господарскій доходъ, предоставляя помѣщику собственно старостинскіе доходы. Оба способа раздачи извѣстны съ очень древняго времени. Такъ, напримѣръ, великій князь Витовтъ даетъ Ильѣ Вячкевичу нѣсколько селъ на Волыни „вѣчно“, но сверхъ того „зъ ласки“ освобождаетъ эти села отъ воловщины, яма и даже отъ слѣдогоней и роспустокъ владыкѣ [1]). Очевидно, требовалась особенная „ласка“ со стороны великаго князя для освобожденія отъ государственныхъ повинностей владѣльческихъ крестьянъ, отдаваемыхъ даже въ вѣчное владѣніе, а не въ держанье. Великій князь Казимиръ даетъ пану Довкшу три двора въ Бобруйской волости, приказывая въ то же время намѣстникамъ въ нихъ не вступаться [2]). Андрею Пряжовскому пришлось просить великаго князя Александра объ освобожденіи его людей Шершневичей отъ медовой дани на ключъ кіевскій, которую они давали, хотя и принадлежали помѣщику [3]) и т. д. Такъ какъ волостная разверстка податей относилась главнымъ образомъ къ господарскимъ данямъ, то передача людей въ руки частнаго владѣльца тогда только затрагивала интересы волости, когда она сопровождалась пожалованіемъ владѣльцу и господарскихъ податей, которыя приходились на долю жалуемыхъ крестьянъ.

Весьма понятно, что нерѣдко бывали и такіе случаи, когда частновладѣльческіе крестьяне не желали отбывать лежащихъ на нихъ волостныхъ повинностей, хотя и не были отъ нихъ освобождены. Въ такомъ случаѣ волость должна была сама искать своихъ потужниковъ по государственному тяглу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Люди Неменчинской и Лыгменской волостей жаловались въ 1495 г. великому князю Александру на пановъ Нар-

---

[1]) Акты Лит.-русск. госуд., т. I, стр. 3.

[2]) Ibidem, стр 16.

[3]) Ibidem, стр. 69; ср. еще стр. 74, стр 135, стр 127.

бутовичей о томъ, что паны забрали безъ данины господарской волостныхъ людей. По справкамъ, однако, оказалось, что у Нарбутовъ есть листы великихъ князей Сигизмунда и Казимира на нѣкоторыхъ людей; великій князь обѣщаетъ оставить ихъ при данинахъ, „а што будутъ самоволне людей нашихъ за себе забрали и зъ землями ихъ, а на што *люди наши довод вчинят*“, то эти захваты князь обѣщаетъ изслѣдовать черезъ своихъ посланцевъ [1]). Такимъ образомъ, волость и вчинаетъ иски о захваченныхъ своихъ сообщинникахъ и, когда возникаетъ дѣло, играетъ въ немъ важную роль. Не менѣе интересенъ и слѣдующій случай. Свислоцкая волость жалуется въ 1499 г. на людей, принадлежащихъ боярамъ Котовичамъ, за то, что послѣдніе не исполняютъ вмѣстѣ съ ними общегосударственныхъ повинностей—ордынщины, городовой работы и сторожи и др. Для доказательства волощане ссылались на всѣ пять сосѣднихъ волостей, но боярскіе люди потребовали присяги только нѣсколькихъ лицъ, которые своими показаніями не оправдали ихъ надеждъ: великій князь рѣшилъ, что люди бояръ Котовичей должны „всякую тягль тягнути“ съ волостью [2]). Въ такомъ же смыслѣ имѣли тяжбу въ 1529 г. подданые Бобруйской волости съ людьми пана Яна Миколаевича Радивила и пана Вацлава Костевича. Бобруяне утверждали, что люди обоихъ владѣльцевъ, Зубаревичи и Колчичане, „з давнихъ часовъ“ участвовали съ ними въ волостныхъ разметахъ, сторожѣ, городовой и мостовой работѣ (которыя тоже отбывались по разметамъ). Зубаревичи и Колчичане проиграли дѣло и обязаны были участвовать въ разметахъ [3]).

Вполнѣ понятна причина подобныхъ столкновеній. Владѣльческіе крестьяне, пользуясь защитою помѣщика, ускользали отъ волостной разверстки. Во всѣхъ случаяхъ ищетъ своихъ поплечниковъ и потужниковъ по государственному

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русск. госуд., т. I. стр 61.

[2]) Акты Литовско-русск госуд., т I, стр. 86—87.

[3]) Ibidem, № 194.

тяглу сама волость. Но иногда правительство предлагаетъ и державцамъ слѣдить за правильнымъ отбываніемъ помѣщичьими крестьянами государственаго тягла [1]). Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ шла рѣчь только о такихъ владѣльческихъ крестьянахъ, которые не были освобождены отъ государственнаго тягла при переходѣ къ частнымъ лицамъ. Державцы, впрочемъ, не были особенно расположены вступать съ помѣщиками въ пререканія относительно повинностей съ ихъ людей. Напротивъ, они требовали съ волостныхъ крестьянъ всѣхъ повинностей и податей, хотя волости сильно уменьшались отъ раздачъ крестьянъ шляхтѣ [2]).

[1]) „Такожъ жаловали (люди Браславской волости) намъ, штожъ мы тамъ которыхъ людей, потужниковъ ихъ, подданыхъ нашихъ, поотдавали, ино тые люди у городовой работѣ и мостовъ мостити помогати имъ не хотятъ. И ты дей к той роботе одныхъ нашихъ людей выгоняешъ... Ино ачъ есмо тамъ подданымъ нашымъ люди поотдавали, а работы городовое и мостовое никому есмо не отпускали, а такъ ажъ бы еси и городъ и мосты всими людми, какъ нашими, такъ и подданыхъ нашихъ робилъ потому, какъ и передъ тымъ бывало". Акты Литовско-русск государ., I, 197. Интересна также грамота, данная въ 1533 г. по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ: „И которыи тежъ люди волости Бобруйское княземъ и паномъ, и бояромъ и дворяномъ нашимъ тамъ есьмо подавали, велели есьмо имъ дань медовую на себе съ нихъ брати, а дань грошовую и бобры и куницы и иншыи всякии повинности велели есьмо посполъ з волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати. То такъ дей они з волостью тыхъ доходовъ нашихъ полнити не хочуть". Для чего посылается господарскій дворянинъ, который обязанъ „тыхъ людей к волости Бобруйской приворочати и к роботе тежъ замку нашого Киевскаго ихъ выганяти". (Приложенія, стр. 16). Въ Чичерской волости (1554). „А люди боярскихъ, которые безъ листовъ нашихъ земли и люди тамъ держать, и тежъ мещане тамошние и бобровники, и тяглые, и подданые наши тые, которыи земли тяглыи под собою держачы, ихъ вживаютъ, мають имъ (волощанамъ) въ метехъ и в роботе и во всемъ помогати и вси повинности весполокъ съ ними сполняти". (Приложенія № 27).

[2]) Ibidem, p. 185—относительно Кричевской волости. Подданые Оболецкой и Себежской волости жаловались на хоружаго полоцкаго за то, что онъ отъ нихъ требуетъ ежегодно по 10 копъ гр.; между тѣмъ изъ волости много людей роздано, и они могутъ дать (по раскладкѣ) только 7 копъ. „Я о томъ ничого не ведаю, одно якъ передъ тымъ платили 10 копъ грошей сполна, такъ и теперь мне платите",—говорилъ предъ королемъ хоружій Интересно, что воевода Петръ Станиславовичъ рѣшилъ дѣло въ пользу хоружаго, а король—въ пользу крестьянъ; „Ино намъ не виделося, ажъ бы они мели платити и за тыхъ, которые суть розданы". (Приложеніе № 10).

Нежеланіе владѣльческихъ крестьянъ нести общегосударственное тягло вмѣстѣ съ волостью вызывало иногда спеціальныя распоряженія высшаго правительства. Подобное распоряженіе издано было въ 1528 г. для Мозырской волости. Дѣло было возбуждено передъ королемъ мѣщанами, старцемъ и всею волостью Мозырскою. Волощане предъявили королю уставу, по которой частновладѣльческіе крестьяне должны были участвовать съ волостью въ подымщинѣ, замковой работѣ, дяклѣ и грошахъ на замокъ. Король съ панами радами издалъ по этому поводу такое постановленіе: если кому розданы люди и земли съ освобожденіемъ отъ тягла до изданія уставы, то таковые не несутъ тягла съ волостью; кто же изъ помѣщиковъ получилъ земли до изданія уставы безъ освобожденія отъ тягла, или послѣ уставы, хотя бы и съ освожденіемъ отъ тягла,—таковые должны нести тягло съ волостью. Такимъ образомъ, правительство отмѣнило для многихъ помѣщиковъ привилегіи [1]).

Мы разсматривали такіе конфликты, которые возникали у волощанъ съ частновладѣльческими крестьянами. Но встрѣчаются факты такого рода, когда въ средѣ самой волости одна часть крестьянъ не обязана исполнять всѣ или только нѣкоторыя повинности со всею общиною. Правда, такіе факты крайне рѣдки. Такъ, намъ извѣстна жалоба подданаго господарскаго Полоцкаго повѣта Ломота въ подданыхъ Гридка съ товарищи. Ломотъ доказывалъ, что Гридко съ другими обязанъ помогать Кушликовлянамъ и Бороздивлянамъ въ подниманіи станами воеводы полоцкаго. Свидѣтельскія показанія не подтвердили жалобы Ломоты и его потужниковъ [2]). Такимъ образомъ, въ средѣ самой общины были члены, пользовавшіеся нѣкоторыми льготами.

До сихъ поръ мы разсматривали такія условія общегосударственной жизни Литовско-русскаго государства, которыя разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Но

---

[1]) Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр 207.

[2]) Книга Записей Лит., XVI, л 218 об.—219.

нашъ обзоръ будетъ не полонъ, если мы не остановимся еще на одномъ явленіи, правда, очень сложномъ. Намъ необходимо остановиться на вопросѣ о выдѣленіи города изъ состава волости. Разумѣется, выдѣленіе города могло имѣть только разрушающее вліяніе на самостоятельность волостной общины. Въ городѣ жили болѣе самостоятельные члены общины; городъ представлялъ больше благопріятныхъ условій для укрѣпленія общинной солидарности, хотя бы уже потому, что жители его находились въ болѣе частомъ общеніи другъ съ другомъ, чѣмъ жители отдѣльныхъ селъ, составлявшихъ волость. То или другое установленіе относительно раскладки податей и другихъ общинныхъ интересовъ относится въ грамотахъ одинаково къ волости и ея центру—городу. Общность интересовъ населенія сельской и городской общины объясняется не только ихъ административнымъ единствомъ, но и тѣмъ, что городъ по своимъ занятіямъ не отличался отъ села, или мало чѣмъ отличался отъ него. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду географическое распредѣленіе тѣхъ данныхъ, на которыя намъ до сихъ поръ приходилось ссылаться: они относятся къ восточнымъ и сѣверо-восточнымъ областямъ государства, къ такъ называемымъ Задвинскимъ и Поднѣпрскимъ волостямъ. Въ этихъ мѣстностяхъ городъ позже выдѣляется изъ состава волости, едва къ половинѣ XVI столѣтія. Напомнимъ, что даже города, служившіе центральными для цѣлыхъ земель, не скоро порываютъ свою связь съ черными людьми. Уставныя грамоты Полоцка, Смоленска и Витебска даны не только на имя шляхты и духовенства, но и на имя всей земли, всего поспольства (Полоцкая) и черныхъ людей (Смоленская), хотя сами уставныя грамоты почти ничего не говорятъ о свободномъ крестьянскомъ поселеніи земель. Эта связь, въ сферѣ финансовыхъ интересовъ, замѣтна еще и въ концѣ XV в. [1]).

[1]) Напримѣръ, дворяне, мѣщане и волостные люди полоцкіе получаютъ отъ великаго князя Александра бобровые гоны въ общее пользованіе за общій взносъ, для котораго нужна была, конечно, разверстка, А. З Р., I, 131. Ср. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство Великаго княжества Литовскаго, I, стр. 60.

Напротивъ, западныя области Литовско-русскаго государства рано выдѣляютъ городъ изъ земства, именно начиная съ к. XIV вѣка, при посредствѣ широкаго распространенія магдебургскаго права Конецъ XV и первая половина XVI вѣка здѣсь на западѣ, въ Подляхіи, на Волыни, отчасти въ собственной Литвѣ, заняты ускореннымъ переходомъ къ нѣмецкому праву, городскому и сельскому; это относится какъ къ государственнымъ землямъ, такъ и къ частнымъ (особенно въ Подляхіи). На нѣмецкомъ правѣ садится часть свободнаго земледѣльческаго населенія; другая часть вмѣстѣ съ рабами закрѣпощается. Эту разницу въ исторіи экономическаго быта той и другой половины Литовскаго государства необходимо и намъ имѣть въ виду [1]).

Выдѣленіе города изъ волости не было искусственнымъ процессомъ: это — слѣдствіе измѣненія общихъ экономическихъ отношеній. Какъ всегда, такой процессъ сопровождался разрывомъ города съ прежними экономическими и податными связями, съ волостью. Объ этомъ весьма наглядно свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ жалобы объ этихъ столкновеніяхъ. Такъ, волостные люди Здитовскіе жаловались въ 1520 г. на войта и мѣщанъ Здитовскихъ (впрочемъ, неизвѣстно, на весь ли городъ или только на часть его) въ томъ, что мѣщане не хотятъ платить съ ними податей и тянуть тягла, „а землю под собою мают“. Мѣщане между тѣмъ показали, что они никогда не платили податей и тягла не тянули съ волостью, но служатъ конемъ; король призналъ правыми мѣщанъ, потому что они представили соотвѣтственные документы [2]). Между мѣщанами Торопецкими и волостью происходили столкновенія изъ-за раскладки податей; столкновенія эти повели къ тому, что господарь „пожаловалъ“ волощанъ, дозволивъ имъ отдѣльно отъ горожанъ собирать дань и доставлять ее въ скарбъ. Очевидно, мѣщане Торопецкіе, пользуясь тѣмъ, что намѣстникъ назначался изъ ихъ среды,

[1]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство, т I, стр 274—318.
[2]) Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русск госуд., т. I, стр 170.

притѣсняли волощанъ при раскладкѣ податей. Вел. князь выдѣлилъ волость изъ города [1]).

Но особенно любопытна тяжба борисовцевъ, мѣщанъ и волощанъ. Когда дѣло касалось интересовъ всей волости, мы видимъ, что и тѣ и другіе дружно отстаиваютъ ихъ. Но у нихъ былъ и предметъ спора, возобновлявшійся нѣсколько разъ въ теченіе полутора столѣтія и нарушавшій согласіе общины. Причина этого спора—грамота великаго князя Витовта, освобождавшая волощанъ отъ подводной повинности. При Казимирѣ мѣщане успѣли „привернуть" волостныхъ людей въ подводы: они заставили волощанъ „стеречь" съ подводами десять недѣль, тогда какъ сами отбывали только три. Великій князь Александръ, вслѣдствіе жалобы волощанъ въ 1494 г., установилъ такой порядокъ: мѣщане должны стеречь шесть недѣль, волощане—десять. При проѣздѣ великихъ господарскихъ пословъ, мѣщане и волощане обязаны вмѣстѣ поднимать ихъ станціями. Если князь пришлетъ въ Борисовъ на „покормъ" лошадей, то конокормская повинность распредѣлялась согласно съ распредѣленіемъ подводныхъ недѣль: шесть недѣль лежали на мѣщанахъ, десять—на волощанахъ [2]). Нельзя не замѣтить, что такое господарское рѣшеніе не совсѣмъ возстановляло права волощанъ, потому что Витовтъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ подводъ. Въ 1541 г. споръ возобновился. На этотъ разъ волощане представили листъ Витовта и судебное рѣшеніе Ольбрахта Гаштольта; оба документа были болѣе благопріятны для нихъ. Быть можетъ, въ виду этого не представленъ листъ Александра, который мы только что цитировали. Судебное рѣшеніе на этотъ разъ свелось къ утвержденію льготъ, предоставленныхъ Витовтомъ и рѣшеніемъ Гаштольта: волощане освобождались навсегда отъ подводъ, за исключеніемъ пріѣзда самого господаря. Гонцовъ и пословъ поднимаютъ сами мѣщане. Волощане даютъ подводы съ мѣща-

[1]) А. З. Р. I, стр. 171.

[2]) Кн. Записей Лит. V, л. 5. Напечатана у Леонтовича, Акты Метрики Литовской, № 91

нами вмѣстѣ только подъ звѣря, убитаго въ борисовскихъ ловахъ [1]). Такимъ образомъ, причина столкновенія волостныхъ и городскихъ людей Борисовской волости—привилегія Витовта—чисто внѣшняя. Мы не знаемъ ея мотивовъ, но, видимо, это вмѣшательство власти было не совсѣмъ обычнымъ: противъ него протестовали не только мѣщане—потерпѣвшіе, но и великій князь Александръ, не утвердившій привилегію во всѣхъ пунктахъ.

Къ половинѣ столѣтія разладъ между городомъ и волостью становится ощутительнѣе.

Устанавливаемая посредствомъ волостныхъ разметовъ сумма приходящихся на долю волости и города повинностей, постоянно мѣнялась для волости, вслѣдствіе раздачъ селъ шляхтѣ Хотя въ этотъ же періодъ городское населеніе несомнѣнно росло, тѣмъ не менѣе города стремились закрѣпить за собою прежнія доли, нежелая подвергаться новой разверсткѣ. Это выясняется, напр., изъ спора города Каменца съ волостью. Споръ здѣсь между городомъ и волостью начался уже въ подскарбство Богуша Боговтиновича. Причиной спора было то, что волость сильно уменшилась отъ раздачъ и волощане стали уклоняться отъ поставки подводъ, взваливая всю повинность на городъ. Такъ какъ волость и городъ не могли согласиться между собою, то и обратились къ суду. Панъ Богушъ раздѣлилъ подводную повинность между волостью и городомъ поровну. Но споръ снова возобновлялся, и былъ рѣшенъ въ 1540 г. самимъ господаремъ, который утвердилъ прежнее рѣшеніе. Такъ порывалась старинная связь между городомъ и волостью, а для

[1]) Кн. Зап., 27 л. 53 об—54 об. Волощане представили листъ Витовта и судебн. рѣш. Ольбрахта Гаштольта,—„в которых же листехъ выписано иж имъ, людемъ даннымъ, с подводами недели не стеречи николи, нижли коли самъ господаръ тамъ поедетъ, а пословъ и гонцовъ и инших, хто на подводахъ поедет, мещане коньми своими мають поднимати, бо они люди служебныи, а даннымъ людемъ волощанамъ того съ ними неподнимати. А который звер тамъ въ ловех борисовских уловят, ино волощане посполу з мещаны подъ тотъ зверъ подводы давати мають“.

размета между ними требовалось уже участіе суда [1]). Въ 1551 г. Мозырскіе мѣщане уже отдѣльно отъ волости жалуются на своего намѣстника за кривды; въ ихъ жалобѣ уже чувствуется даже раздоръ съ послѣдней: мѣщане упрекаютъ державцу между прочимъ и въ томъ, что онъ за поклоны отпускаетъ съ замковой работы волощанъ, отъ чего постройка замка замедляется [2]). Въ Могилевской волости тоже происходили недоразумѣнія между городскою общиною и сельскою. Еще въ 1537 г. волощане хотѣли притянуть горожанъ къ работѣ Мстиславскаго замка и др. окраинныхъ городовъ, что было исконною повинностью русскихъ волостей. Мѣщане протестовали на томъ основаніи, что въ Могилевѣ построенъ свой замокъ и въ работѣ его принимаютъ участіе горожане; они выходятъ также и на оборону замка „въ часъ пригоды и навалности“ отъ непріятеля; кромѣ того они считали требованіе волости еще несправедливымъ и потому, что они, мѣщане, земель волостныхъ не пашутъ, но занимаются торговлею. Господарь удовлетворилъ ихъ просьбу. [3]) Въ 1555 г. снова дѣло дошлодо короля: мѣщане хотѣли взвалить на волость четыре пятыхъ городовой работы. Но изъ реистровъ скарбныхъ, изъ показаній хорошо знавшаго тамошнія отношенія по частымъ поѣздкамъ подскарбія земскаго Ив. Горностая, выяснилась слѣдующая система раскладки податей и повинностей между селами и городомъ: однихъ „поплатковъ“ горожане вносили четвертую часть, другихъ—пятую, а изъ городовой работы должны были дѣлать четвертую часть. Такое соотношеніе установлено королемъ и на будущее время [4]).

Отмѣченные факты указываютъ на двѣ причины столкновеній, вообще очень рѣдкихъ, городскихъ интересовъ съ волостными,—столкновеній на почвѣ владѣнія землей и раскладки податей. Но, конечно, не однѣ эти, а болѣе глубокія

[1]) Приложенія, № 22.
[2]) Издаваемыя мною 3 т. VIII ч. Архива Ю. З. Р., стр. 57.
[3]) Приложенія, стр. 38.
[4]) Приложенія, стр. 66

причины повели къ выдѣленію города изъ волости, даже и въ восточныхъ областяхъ. Намъ нѣтъ нужды на нихъ останавливаться. На одномъ только можно настаивать, что выдѣленіе города изъ волости неблагопріятно отозвалось на устойчивости послѣдней: съ городомъ выдѣлилась болѣе подвижная, тѣснѣе сплоченная, вѣроятно, болѣе богатая и развитая въ общественномъ отношеніи часть волости.

До сихъ поръ намъ приходилось разсматривать одну только сторону общинной жизни. Общее впечатлѣніе, которое выясняется изъ этого обзора, сводится къ тому, что въ первой половинѣ XVI столѣтія существуетъ въ западно-русскихъ областяхъ крестьянская солидарность; эту солидарность можно признать общинною организаціею въ предѣлахъ волости. Внутреннимъ связующимъ звеномъ (какъ пока можно видѣть) этой организаціи служатъ финансовые (не только податные) интересы, внѣшнимъ—административное дѣленіе. Но моментъ, въ который мы наблюдаемъ общину,—время ея упадка подъ давленіемъ правительственной опеки, административнаго произвола и общихъ условій государственнаго хозяйства.

IV.

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя рисуютъ положительныя черты общинной жизни. Зная, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ разрушенія, зная недостаточность нашихъ источниковъ, трудно дать полное описаніе общинныхъ порядковъ и при томъ такое, въ которомъ бы всѣ частности были выяснены.

Члены волостной общины, обычно носили названіе *мужей*, рѣже просто *людей;* такъ они сами себя называютъ, такъ называютъ ихъ и правительственные акты. Великій князь Казимиръ пишетъ грамоту на имя намѣстниковъ могилевскихъ, старцевъ и *всѣхъ мужей* [1]). „Мы мужи любошанцы“, или „мы мужи

[1]) А. Ю З т I, стр. 19.

лебедевцы", говорится въ общинныхъ приговорахъ, о которыхъ намъ еще придется говорить. Кораевскіе крестьяне, жалуясь на своего державцу, говорятъ: „а которые *мужи* отдаютъ дочки свое замужъ" [1]). Иногда они сами называютъ себя просто людьми: королевѣ Бонѣ бьютъ челомъ *люди* Усвятской волости [2]). Также называли себя, мужами и людьми, однообщинники на копныхъ судахъ [3]).

Община обычно называетъ себя *всею волостью, всѣми людьми* такой то волости, или просто *волостью*. Но очень вѣроятно, что къ волостной общинѣ прилагались тѣ же названія, что и къ сельской—*громада* [4]), *круг* [5]), можетъ быть *копа* [6]). Не забылось еще и древнее названіе *вѣча*. Въ одномъ очень интересномъ протоколѣ копнаго суда по дѣлу о разграниченіи имѣнія князя Василія Сангушко Вижвы отъ земель господарскаго села Смедыня, названо нѣсколько сосѣднихъ урочищъ, куда окрестные села сходились на *слѣдогони* и *вѣча* [7]). Такъ какъ терминъ слѣдогони относится къ копному суду, то терминъ вѣча обозначаетъ мѣсто, на которое собирались крестьяне для общинныхъ совѣщаній.

Наши источники, будучи судебными актами, или уставными грамотами знакомятъ насъ лишь съ результатами мірскихъ совѣщаній, но какъ послѣднія происходили—источники не разъясняютъ. Впрочемъ, по одному акту можно до нѣкоторой степени представить себѣ картину общиннаго совѣщанія. На немъ прежде всего выдѣляются лица, облеченные довѣріемъ общества, *добрые люди*, можетъ быть даже выборные отъ болѣе мелкихъ организацій. Въ 1582 г. извѣстный князь Андрей Курбскій имѣлъ весьма непріятное для него столкновеніе съ пожалованными ему Смедынскими крестья-

[1]) Приложенія, стр. 6.

[2]) Ibidem, стр. 32.

[3]) И Я Спрогисъ, Копный судъ, Труды предварительнаго комитета по устройству IX Археологическаго съѣзда, стр. 216.

[4]) Архивъ Ю. З. Р. ч VII, т 2, стр. 284

[5]) Археограф. Сборникъ Вил. т. I, стр. 194.

[6]) См. указ. ст. Спрогиса.

[7]) Archiwum Ks. Lubart Sang., IV, стр. 170—171

нами. По просьбѣ Курбскаго, нѣсколько шляхтичей отправились въ Смедынь для переговоровъ съ крестьянами. Они созвали „всѣхъ мужей, старшихъ присяжниковъ, радцевъ и все поспольство“; явилось три присяжника „з мужми, посполитымъ человѣкомъ“ [1]) Изъ этого видно, что въ данномъ случаѣ старшіе мужи главнымъ образомъ призываются дать отвѣтъ за всю волость; изъ ихъ названія *присяжниковъ* несомнѣнно явствуетъ, что это были какіе-то должностныя сельскія власти, давшія присягу. Они были присяжниками не для даннаго только случая: пріѣхавшіе для опроса сразу обратились къ нимъ, какъ къ обычнымъ крестьянскимъ представителямъ. Они названы радцами и очевидно не случайно: они имѣли въ волости, по представленію пріѣхавшихъ шляхтичей, значеніе городскихъ радцевъ, совѣтниковъ. Но съ другой стороны эти присяжные мужи являются на вѣчевое собраніе не одни: они окружены остальными мужами волости, всѣмъ поспольствомъ. Такимъ образомъ общинное вѣче составлялось во первыхъ изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ общины, можетъ быть выбранныхъ отдѣльными частями его, а во вторыхъ, изъ всего поспольства.

Разсказанный забытокъ волостнаго вѣча — далекъ отъ желательной полноты, но имѣетъ значеніе при нашей скудости въ источникахъ. Историкъ, однако, можетъ обратиться еще къ одной серіи такихъ же побочныхъ источниковъ, къ протоколамъ копнаго суда: едвали можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что внѣшняя процедура копы была тожественна съ волостнымъ или сельскимъ вѣчемъ; и здѣсь и тамъ дѣйствовали одни и тѣже старцы и мужи, навыкшіе рѣшать дѣла въ присутствіи громады. Правда, и протоколы копныхъ судовъ далеки отъ желательной полноты; они опускали описаніе однообразно всегда и вездѣ повторявшагося сбора копы и процедуры сельскихъ преній. Но можемъ обратить вниманіе на одинъ въ высшей степени богатый бытовыми подробностями копный приговоръ,—

[1]) Жизнь кн. Андрея Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, стр. 152.

едвали не самый интересный изъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ. Этотъ протоколъ занесенъ вознымъ въ минскія гродскія книги 1582 г. Копа собиралась въ третій уже разъ для выясненія тѣхъ „злочинцовъ", которые подѣлали многія покражи пчелъ и меду въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ назначенный срокъ наконецъ собралась копа въ урочищѣ. Тогда, согласно обычаю и праву копному, старцы и вся копа учинили между собою „обмову": старецъ старца спрашивалъ, всѣ ли старцы съ ихъ волощанами вышли на копу. Тогда первымъ заявилъ старецъ Смолевичской волости Карпъ Ворсичъ: „я, панове старцы и всѣ копляне, явился со всѣми бортниками, подлазниками и поддаными моего пана". Буквально тоже заявили и четыре другихъ старца, причемъ каждый изъ нихъ употреблялъ тоже обращеніе, требовавшееся вѣковымъ этикетомъ—„панове старцы и копляне". Тогда собравшіеся „учинили порядокъ и сѣли на лавѣ". Затѣмъ собравшіеся спросили одного изъ старцевъ, Микиту Плешчича: дѣйствительно ли онъ со всѣми своими пришелъ на копу, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, еще разъ старцы и копа спросили его, почему на предыдущихъ двухъ копахъ съ нимъ не было двухъ его односельчанъ. „Паны старцы и вся копа" получили отвѣтъ, что названные лица отсутствовали безъ всякой уважительной причины и безъ вѣдома его, старца, но боялись явиться на копу. Копа стала обсуждать, не имѣется ли подозрѣній въ кражѣ на отсутствовавшихъ. Тогда поднялся одинъ мужъ, по имени Потапъ, и далъ показанія, принудившія виновныхъ сознаться въ своемъ преступленіи. [1]) Такъ, безъ сомнѣнія, проходило и волостное вѣче. Только у него былъ одинъ руководитель и предсѣдатель-волостной старецъ, окруженный мужами присяжными, сельскими старцами, а можетъ быть еще и „старыми старцами", т. е. ранѣе исполнявшими тѣ же обязанности. Вѣче разсаживается на деревянной или земляной „лавѣ", или становится „на копѣ у громады" [2]). На первомъ планѣ фигу-

[1]) Акты Вилен. Ком., XVIII, стр. 40.

[2]) Ibidem, стр. 19.

рируютъ „панове старцы“, но можетъ подняться и какой нибудь заурядный мужъ и высказать свое мнѣніе. Вѣче крикомъ одобряетъ или не одобряетъ дѣлаемыя предложенія. Можетъ быть „бросаютъ шапки“ въ кругъ [1]) для счета голосовъ, или для выраженія своего намѣренія стоять заодно„ отъ мала до велика“. [2]) Тогда составляется общественный приговоръ, скрѣпляемый „клейнами“ старшинъ.

Мірскіе избранники являются на первомъ планѣ и на общинномъ собраніи и при исполненіи его постановленій; что они являлись представителями отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ указаній актовъ. Такъ напр. въ 1500 г. мужи Любошанцы составили „съ порученья всее волости“ приговоръ о выборѣ новаго старца. Тутъ пересчитано 19 человѣкъ, при имени каждаго изъ нихъ стоитъ и названіе селенія, котораго онъ очевидно является представителемъ. Ясь съ Кекерова, Мышко съ Кожичъ, Симонъ съ Сушы, Сорока съ Хочичъ и т. д. [3]) При нѣкоторыхъ людяхъ Могилевской волости, которые приходили жаловаться въ 1536 году, отмѣчены села: Шапыръ съ Кохановичъ, Гаврило съ Супаничъ. [4]) Въ 1513 г. Свислоцкая волость отправила депутацію для принесенія жалобы на своего державцу; это были „люди Свислочане, дванадцать ихъ головами, на имя: Мишко Неколовичъ, мешчанинъ, Никонъ Вешончичъ зъ Брицаловичъ, Яковъ съ Продашевичъ, Давыдъ съ Орлина, Михалъ съ Каменичъ, Панько Овечьчичъ съ Толиловичъ, Офанасъ Яковлевичъ оттулежь, Иванъ Болкунъ зъ Болоча, Харитонъ Киселевичъ, Ѳотыанъ зъ за Добричья, Санько съ Острова, Петръ Конъдратовичъ съ Колбла“ [5]). Очевидно, и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда акты говорятъ о челобитьи всей волости, не перечисляя ея представителей,

---

[1]) Ibidem, стр. 124—126.
[2]) Ibidem, стр. 121.
[3]) Акты Виленской ком. г., XVIII, стр 41
[4]) См. ниже въ примѣч.
[5]) Приложенія, № 10.
[6]) Рус. Ист. Б , Б. XX, стр. 806.

слѣдуетъ предполагать присутствіе таковыхъ. Напр. 14 августа 1530 г. господаремъ выданъ листъ по просьбѣ всей волости Могилевской безъ перечня именъ депутатовъ [1]); а между тѣмъ та же волость получила еще два господарскихъ листа отъ 12 и 13 августа, изъ которыхъ видно, что къ господарю приходила депутація изъ 5 человѣкъ во главѣ съ старцемъ Толстукомъ. [2])

Такимъ образомъ, общинное вѣче, какъ и въ годы и глубокой русской старины, имѣло два слоя—переднихъ мужей и молодшихъ; въ случаѣ надобности первые принимали участіе въ исполненіи общинныхъ постановленій.

Теперь надлежитъ выяснить территоріальный составъ общины. Она состояла изъ города, бывшаго центромъ общины, и большаго или меньшаго числа селъ. Что городъ былъ составною частью общины, видно изъ уже выше приведенныхъ фактовъ о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ между городомъ и волостью. Въ виду важности вопроса, не безполезно привести еще нѣсколько указаній. Не подлежитъ сомнѣнію, что когда выступаетъ вся волость, то при этомъ разумѣется и ея составная часть—городъ. Уже приведенъ былъ фактъ, изъ котораго видно, что мѣщанинъ свислоцкій былъ въ ряду другихъ волостныхъ депутатовъ. И въ другихъ случаяхъ встрѣчаются напр. такія указанія: „били намъ чоломъ люди наши мѣщане и вся волость Свислоцкая“ [3]) и мн. др.

Основною связью между городомъ и волостью была также, которая объединяла всю волость. Это была прежде всего волостная земля. Мы видѣли, что Могилевскіе мѣщане не считаютъ себя обязанными нести тягло вмѣстѣ съ волостью, между прочимъ потому, что они, будучи людьми торговыми, не пользуются волостною землею. Они говорили на судѣ, что они занимаются торговлею, „а земль жадныхъ волос-

---

[1]) Приложенія, стр. 9.
[2]) Приложенія, стр. 8. Кн. Зап. Лит. XVII, т. 2.
[3]) Приложенія, стр. 17.

тныхъ подъ собою не мають и ихъ не ужывають“ [1]) Связь по землѣ ограждалась и въ другомъ отношеніи—въ отбываніи податей и повинностей. Кромѣ того бывали и общеволостныя нужды, въ которыхъ городъ принималъ участіе: „а которыи они мети мечуть,—говоритъ Могилевская грамота 1536 г.,—на мѣсто и на волость на свои потребы“ [2]). Изъ уже приведенныхъ извѣстій явствуетъ, что городъ и волость совмѣстно исполняли замковую повинность, отбывали подводную, поднимали стаціями пословъ и гонцовъ господарскихъ, а также въѣзды намѣстника, его слугъ и господарскихъ писарей. Разумѣется, на практикѣ доли работы, или дани горожанъ и селянъ не часто измѣнялись, почему вырабатывались извѣстныя нормы. Благодаря этому центральное правительство, въ случаѣ споровъ, не затруднялось фиксированіемъ этихъ нормъ. Иногда и сами волощане приходили къ мысли объ опредѣленіи разъ навсегда доли той или иной повинности, приходившейся на городъ и волость. Такъ, между волостью и городомъ Могилевомъ издавна установлено было, что въ нѣкоторыхъ „поплаткахъ“ на замокъ мѣщане давали пятую часть, въ другихъ платежахъ и повинностяхъ несли четвертую часть; это соотношеніе было занесено и въ реестры писарей [3]) Или напр., между городомъ и волостью Торопецкими было такое соотношеніе по платежу серебщины: городъ давалъ двѣ трети, волость одну [4]) Итакъ, городъ и волость представляли собою одно цѣлое—волость.

Для нашей цѣли весьма существеннымъ является выясненіе вопроса о преимуществахъ города, въ общеволостномъ управленіи, если таковыя были. При незначительности тогдашнихъ селеній, городъ являлся сравнительно крупнымъ населенымъ мѣстомъ. Къ сожалѣнію, по недостатку данныхъ этотъ вопросъ не можетъ быть выясненъ. Если бы у насъ было много списковъ волостныхъ предста-

[1]) Приложенія, стр. 38.
[2]) Ibidem, стр. 27.
[3]) Приложенія, стр. 66.
[4]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложеніе № 10.

вителей, то по нимъ можно было бы догадаться о положеніи городскихъ представителей въ средѣ лицъ, которымъ поручалось веденіе волостного дѣла. Но имѣющіеся списки намъ ничего не даютъ. Въ приговорѣ Любошанскихъ мужей принимало участіе два любошанца, хотя любошаны не были городомъ, а въ спискѣ свислоцкихъ депутатовъ (приведенъ выше) былъ всего одинъ свислочанинъ. Важнѣе первый документъ, такъ какъ въ составѣ депутаціи могли отправиться не всѣ присяжники. Изъ этого факта позволительно было бы заключить, что болѣе населенному пункту предоставлялась возможность имѣть бо́льшее число своихъ присяжниковъ, или (что вѣрнѣе, потому что болѣе соотвѣтствуетъ древне-русскому строю) городъ разбивался на нѣсколько мелкихъ міровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего представителя. Представители такихъ частей города, повидимому, носили названіе *сотскихъ*: такіе сотскіе упоминаются въ Торопцѣ [1]). Можетъ быть и сотники, упоминаемые въ Брянскѣ, тоже собственно городскіе представители [2]). Когда въ 1560 г. города были выдѣлены изъ волости и получили особую уставу, то въ нихъ были введены войты, а въ нѣкоторыхъ еще и сотники. Замѣчательно, что эти уставы заявляютъ объ отсутствіи въ городахъ общаго представителя городской общины [3]). И такъ, предположеніе о городскихъ сотняхъ имѣетъ за собою нѣкоторое основаніе; въ такомъ случаѣ можно предположить, что каждая сотня и была особой общиной. Весьма вѣроятно также, что сотни были только въ болѣе крупныхъ городахъ. Въ небольшихъ же иногда представители городскихъ общинъ на русскомъ правѣ носили названіе *войтовъ* и до введенія уставы 1560 г., очевидно подъ вліяніемъ магдебургскихъ городовъ. Вѣроятно, это названіе сначала не имѣло оффиціальнаго значенія, потому, что не встрѣчается въ правительственныхъ актахъ. Такъ, встрѣчаемъ

---

[1]) Любавскій, прил. № 10

[2]) Леонтовичъ, Акты, Литовской, Метрики, № 471.

[3]) А. З. Р., т. III, стр. 110.

войта въ Мозырѣ [1]); московскимъ писцамъ даютъ показанія въ Озерищахъ мѣстный войтъ и волостные старцы [2]). Въ Пинскѣ были войтъ и присяжники во главѣ мѣщанъ [3]). На крайнемъ югѣ, въ Винницѣ, по заявленію мѣщанъ, войтъ долженъ быть избираемъ городомъ, онъ судитъ въ городѣ и „справуетъ“ [4]) Иногда представители города назывались *старостами*: такой староста былъ въ Кричевѣ [5]).

Во всякомъ случаѣ городскіе интересы поддерживалъ глава всей волости—старецъ или приказникъ. Такъ напр., въ 1495 г. Рославльскій приказникъ съ мужами вели процессъ съ Борисомъ Семеновичемъ, при чемъ жаловались какъ на захватъ послѣднимъ городского выгона, такъ и нѣсколькихъ селъ изъ волости [6]). Кромѣ того грамоты въ волость всегда пишутся на имя старца, какъ одного общаго представителя, слѣдовательно городской войтъ или сотникъ не выдѣлялся изъ среды своихъ сотоварищей, сельскихъ присяжниковъ.

Городъ и волость представляли собою организацію, объединенную волостной землею и самоуправленіемъ. Въ этомъ смыслѣ волость обычно и дѣйствуетъ. Волостная земля была тяглой, почему, по общему правилу, волостное тягло могло объединять и представителей другихъ классовъ общества,—не только крестьянъ и мѣщанъ, если они сидѣли на волостной тяглой землѣ, напр. бояръ [7]). Гдѣ такихъ бояръ было много, то господарскія грамоты писались также и къ нимъ [8]). Къ волости, въ повинностномъ отношеніи, тянули и тѣ села, которыя были отданы изъ нея частнымъ землевладѣльцамъ. Впрочемъ, это зависѣло отъ условій пожалованія, почему частновладѣльческіе люди иногда частью повинностей тянули съ волостью, частью же были освобождены.

[1]) Р. Ист. Библ. т. XX, стр. 206.

[2]) Писцовыя книги Москов. Госуд., ч II стр 4 № 33.

[3]) Грушевскій, въ прилож. къ Очерку ист. Тур-Пин. кн, 92.

[4]) Арх. Ю З. Р, ч VIII, т. III, стр. 85.

[5]) Кн. Зап. Лит. XIV, л.л. 320—321.

[6]) Леонтовичъ, Акты, Метрики Литовскои, № 200.

[7]) Приложенія, стр. 63.

[8]) А. З Р, II, № 86.

Напр. въ 1511 г. Сигизмундъ I подтвердилъ земянину бѣльскому Миколаю Петрыковскому двѣ земли пустовскихъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Пухмовщину и Гриневщину, данныхъ ему до воли господарской намѣстникомъ бѣльскимъ Миколаемъ Миколаевичемъ Радивиломъ еще при королѣ Александрѣ, съ такими условіями: „а съ того маеть порубы до гаевника давати и куницу, и дань медовую, и обѣдъ нашъ зъ иншими людьми поднимати, а службы тяглое и дякла, и порубовъ подводныхъ, и иныхъ тяглыхъ подачокъ не надобно ему съ тое земли платити подлугъ листу пана Миколая“ [1]). Иногда обязанность нести волостное тягло обусловливалось только какими нибудь исключительными обстоятельствами, напр. проѣздомъ самого короля [2]), иногда же частновладѣльческіе люди получали полное освобожденіе отъ волостныхъ порубовъ [3]). Вообще, всѣ эти условія зависѣли отъ господарскаго пожалованія [4]).

Къ сказанному надо добавить еще двѣ возможности, при которыхъ сохранялась иногда тягловая цѣльность волости. Возможны были случаи, когда связи по государственному тяглу сохраняли между собою люди двухъ частныхъ владѣльцевъ, какъ выдѣленные изъ одной и той же волости [5]). Наконецъ, и городъ получая магдебургію, не всегда выдѣлялся въ самостоятельную податную единицу, сохраняя съ волостью связь по отбываніо нѣкоторыхъ повинностей, напр. подводной [6]). Связь волости со всѣми выдѣленными изъ нея частями были чисто повинностная, при чемъ распредѣленіе тягла и руководство отбываніемъ его исходило отъ волости, связи же административныя и позомельныя совершенно порывались.

---

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, стр. 473.

[2]) Ревизія пущъ, стр. 343.

[3]) Ibidem, стр. 72, 297, 303 и др.

[4]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство В. Кн. Л, I, стр. 209.

[5]) Интересный фактъ, напр. переказанъ у Любавскаго op. cit, стр. 493—4.

[6]) Кн. Зап. Лит, XII, 291

Постояннымъ блюстителемъ общинныхъ интересовъ былъ выборный глава ея *старецъ*. Обычай выбирать старца—былъ стародавній обычай волости, слѣдовательно ея право. Люди Усвятской волости жаловались королевѣ Бонѣ на своего державцу, п. Кирдея Гричиновича: никогда того не бывало, говорили они, чтобы державца постоянно держалъ въ волости своихъ слугъ, напротивъ „нижли дей тотъ в нихъ естъ обычай стародавный, што они сами старца межи собою выбирають. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при стародавныхъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали"; королева приказываетъ державцѣ выслать своего слугу изъ волости: „ижъ они старца межи собою выбраного мають тамъ мети и водлугъ давного звычного обычая мають ся въ томъ справовати и радити". Правда, Бона оставляетъ вопросъ о старцѣ „до часу", пока разузнаетъ[1]), но всетаки указаніе самихъ волощанъ само по себѣ весьма важно. И это указаніе на „звыклый" обычай не стоитъ одиноко. Одинъ интересный документъ даетъ указаніе на то, какъ выбирались старцы. „Мужи любошанцы"[2]) составили приговоръ, помѣченный 9 мартомъ 1500 г., объ избраніи старцемъ человѣка той же Любошанской волости Селивона Хласовича. Всѣхъ мужей, объявившихъ приговоръ отъ имени волости—девятнадцать человѣкъ; очевидно, каждый изъ нихъ является представителемъ еще меньшей ячейки крестьянской территоріи—села: Симонъ з *Сушы*, Сорока з *Хочичъ* и т. д. Выбранный старцемъ находится среди выборщиковъ и, былъ, повидимому, выбранъ вторично (Селивонъ, старецъ, з Лешницы). Остается подъ сомнѣніемъ одно обстоятельство: названные девятнадцать человѣкъ заявляютъ: „Мы, мужи Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское, вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ (слѣдуютъ имена): обобрали есмо вси восполокъ старцомъ человѣка волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича". Это мѣсто не совсѣмъ опредѣленно говоритъ:

---

[1]) Приложенія, стр. 52.

[2]) Актъ см. ниже, въ прим.

выбирали ли они старца по порученію волости, или же только по порученію ея составили *листъ*, то-есть *письменный приговоръ*, который и объявили въ Вильнѣ? Вѣроятнѣе всего, что представители селъ были только составителями акта объ избраніи.

Въ виду важнаго значенія разсматриваемой стороны общинной жизни, намъ слѣдуетъ еще остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ 1536 г. возникла тяжба между волощанами могилевскими и ихъ державцею, кн. В. Ив. Соломирецкимъ. Жалобщики, между прочимъ, указывали, что державца самъ уставилъ въ волости старца Якова, который „великіе драпежства и тяжкости" чинилъ людямъ. Господарь по этому вопросу высказывается весьма опредѣленно, требуя смѣщенія старца и назначенія другаго,—„чоловѣка доброго, а годного, кого волость похочетъ и который бы за людми стоялъ и доходы наши справедливе з нихъ выбралъ и тому бы еси оное старченье далъ, а самъ того досмотрелъ, абы никоторого драпежства волости тамошней отъ старца не было [1])". Столь же категорически Сигизмундъ I высказался и въ грамотѣ Гомельской волости:—„а што ся дотычеть старца... ино котораго человека волость на старченьство выбереть, тотъ нехай старцемъ у нихъ будетъ" [2]).

Мало того, одинъ документъ объясняетъ намъ даже, когда и на какіе сроки выбирали общиннаго старца. Волость Борисовская жалуется на разныя кривды, чинимыя ей воеводою виленскимъ Гаштольтомъ, и между прочимъ на слѣдующее: „А ещо, милостивая господарине, у томъ намъ кривду чинитъ: штожъ какъ межи себе *по весни*, собравшися зъ мужми посполъ, которого межи себѣ старца уставить хочемъ", отъ того намѣстникъ беретъ съ волости пять копъ да еще на воеводу пять копъ [3]). Такимъ образомъ, старцы выбирались ежегодно весною; время выбора, замѣтимъ, вполнѣ совпадаетъ съ датою приговора мужей Любошанскихъ.

---

[1]) Приложенія, стр. 23.

[2]) Приложенія, стр. 37.

[3]) Акты Ю и З Р., I, p. 62.

Данныя актовъ, о которыхъ мы только что говорили, обращаютъ на себя вниманіе еще въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, они ясно показываютъ, что уже въ началѣ XVI вѣка королевскіе урядники стремятся стѣснить общинную жизнь, или замѣняя старца собственнымъ слугою, или взимая непомѣрную пошлину за выборы. Эта политика королевскихъ урядниковъ стоитъ, разумѣется, въ тѣсной связи съ общею шляхетскою политикою того времени по отношенію къ земледѣльческому населенію страны. Но тѣ же акты могутъ разъяснить намъ и еще одну сторону общинной жизни. Въ источникахъ встрѣчаются указанія на то, что намѣстникъ даетъ того старца волости, котораго она захочетъ, но изъ документовъ ясно видно, что старецъ выбирается; значитъ, намѣстникъ „даетъ“ старца, то-есть утверждаетъ выбраннаго волостью; далѣе, мы видѣли, что въ Борисовской волости и воевода и намѣстникъ взимали плату за выборъ старца. Волощане оспаривали не самое право взимать за выборы старца, но размѣръ пошлины. Дѣйствительно, старцы вносили за свой выборъ намѣстнику или самому великому князю извѣстную плату. Такъ сохранилась одна запись о раздачѣ въ Трокахъ намѣстничествъ и старченствъ [1]). Кричевскій старецъ также давалъ подскарбію земскому особую „помену“ (поминокъ); этотъ обычай былъ „з веку“ [2]). Поклонъ, который давалъ старецъ должностнымъ лицамъ и самому господарю, объясняется тѣмъ, что по общему правилу всякая административная дѣятельность оплачивалась; слѣдовательно должность старца была доходная; объ этомъ говорятъ и нѣкоторые источники [3]). Хотя акты XVI вѣка говорятъ, что избраннаго волостью старца „даетъ“, т. е. утверждаетъ намѣстникъ, однако акты XV в и даже начала XVI говорятъ

---

[1]) „А старченье Речицкое взялъ Комаръ, королю далъ 2 корабельники“. „Отъ серебряного старченья могилевского Юрко далъ 13 коп. Отъ медоваго старченья Андрейко далъ 4 коны“. Довнаръ-Запольскій, Акты Литовск.-русск. госуд., т. I, стр. 52

[2]) Приложенія, стр. 54.

[3]) Акты Вилен. ком., XXV, стр. 326

объ утвержденіи ихъ самимъ господаремъ великимъ княземъ. Такъ великій князь Сигизмундъ Старый былъ очень недоволенъ намѣстникомъ Олучицкимъ, паномъ Никифоромъ Бобоѣдомъ, именно за то, что „намѣстникъ Никифоръ старца волостного, *которому мы сами господарь старчеиьство были поручили* кромъ жадное прычыны казалъ обѣсити“ [1]). По скарбовымъ записямъ 15 в. видно, что старцы „брали“ старченьство въ скарбѣ, т. е. получали утвержденіе [2]).

Мы привели нѣсколько фактовъ, гдѣ старцы упоминаются въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ, Полоцкихъ, Мстиславскихъ и Тропецкихъ [3]) волостяхъ, наконецъ въ Любечѣ [4]). Но изъ этого было бы ошибочно выводить заключеніе, что старцы какъ представители крестьянской общины, извѣстны только въ восточныхъ областяхъ Литовско-русскаго государства. Напротивъ, старцевъ мы встрѣчаемъ и на западныхъ его окраинахъ: въ Пинскомъ княжествѣ [5]), на Волыни [6]), въ Новгородскомъ повѣтѣ [7]), на Подляхіи [8]), въ собственной Литвѣ [9]), въ Гродненскомъ стар. [10]), въ Кіевской землѣ [11]), на Жмуди [12]).

Только что приведенныя указанія относятся какъ къ господарскимъ державамъ, такъ и къ частновладѣльческимъ имѣніямъ. Замѣчательно, что разъ мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, относящіяся къ крестьянскому быту данной области, то не трудно удостовѣриться въ томъ,

---

[1]) Любавскій, Обл. дѣл., прил. № 27.

[2]) См. выше примѣч. 1, на стр. 59

[3]) А. З. Р , I, стр. 28, 171, 198, 365.

[4]) Издаваемый мною III т. VIII ч. Архива Ю. З Р. стр. 469.

[5]) Акты Вил. Арх. Ком., XX, р. 300, Ревизія пущъ, стр. 279 и др.

[6]) Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 38—39, Arch. Sng. IV, стр. 282.

[7]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

[8]) Вил. Арх. Сб., I, 133.

[9]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, стр. 75, и 116, Довнаръ-Запольскій, Акты, I. стр. 211.

[10]) Леонтовичъ, Акты Метрики Литовской, № 332, Акты Виленской Ком., XVIII, стр. 40.

[11]) Кн. Зап. Лит. V, л. 11.

[12]) Вил Археографич. Сборн., I, стр. 41.

что старцы были обычными представителями крестьянъ даже въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ; это относится ко второй половинѣ XVI в. и даже началу XVII в. Такъ, до насъ дошла группа протоколовъ копнаго суда самыхъ различныхъ мѣстностей Минского повѣта, и вездѣ во главѣ массы селъ выступаютъ старцы [1]). Въ описаніи имѣній Полоцкой архіепископіи, относящемся къ 1601 г. и разбросанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, во главѣ селъ стоятъ старцы [2]). Здѣсь старцы стояли во главѣ отдѣльныхъ селъ, что объясняется обособленностью ихъ и разбросанностью владѣній.

Важно отмѣтить и то обстоятельство, что старцы въ литовско-русскихъ областяхъ несомнѣнно древнѣе литовскаго владычества: наиболѣе раннія упоминанія о нихъ относятся къ концу XIV столѣтія и въ Полоцкихъ волостяхъ [3]), гдѣ въ то время и не могли еще утвердиться литовскіе порядки.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, повидимому только въ волостяхъ бывшаго Смоленскаго княженія, представители волости назывались не старцами, а приказниками. Такихъ приказниковъ встрѣчаемъ во главѣ Рославльской волости, Еленской, Молоховской, Мощинской [4]) Приказники стояли также во главѣ слугъ панцерныхъ и бояръ путныхъ Смоленской земли, т. е. во главѣ крестьянскаго военнослужилаго класса [5]). Въ Кіевской землѣ представители крестьянскихъ властей въ древнѣйшее время носили названіе *атамановъ*,[6]) атаманы встрѣчались и на Волыни. [7]) Вѣроятно, оно и тогда понималось, какъ однозначущее старцу, потому, что и это названіе употребляется въ одновременныхъ источникахъ [8]).

---

[1]) Акты Вилен. Ком. XVIII, стр. 40, 107, 119—121, 123—4, 137, 160 и др.

[2]) Вилен. Археограф. Сборн., I, стр. 171, 172, 222 и сл.

[3]) А. З. Р., I, стр. 28

[4]) Леонтовичъ, Акты Метр. Лит., № 200, 118, 205, 344.

[5]) Кн. Зап. Лит. Ш, л 162 об.—163.

[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. т, стр. 1 сл.

[7]) Архивъ Ю.-З Р., ч VI, т. I, стр. 46

[8]) Кн. Зап. Лит. V, л. 11.

Вообще во всѣхъ русскихъ волостяхъ мы встрѣчаемъ по одному старцу, представителю волости. Исключеніе какъ будто составляла Могилевская волость, въ которой были старцы серебряный и медовый,—по данямъ, очевидно, сборщиками которыхъ они были[1]). Но дѣло въ томъ, что когда перечисляются волостные представители, или когда заносится жалоба отъ имени волости,—нерѣдко выступаетъ только одинъ могилевскій старецъ[2]), или одинъ серебряный старецъ[3]). Изъ этого можно бы заключить, что подъ именемъ старцевъ, медоваго и серебрянаго, разумѣются не старцы—представители всей волости, но особые должностные лица, можетъ быть именно бирчіе волостные, о которыхъ иногда упоминается, или же что общимъ представителемъ ея былъ серебряный старецъ. Могилевская волость—едвали не самая обширная изъ всѣхъ русскихъ и, разумѣется, старецъ здѣсь имѣлъ помощниковъ по отдѣльнымъ отраслямъ. Кромѣ того старцами иногда назывались представители болѣе или менѣе крупной части волости; напр., Олучицая волость имѣла своего старца, хотя и составляла часть Кричевской[4]), но во всѣхъ общеволостныхъ дѣлахъ выступаетъ только одинъ общій кричевскій старецъ. Изъ довольно поздняго (для нашей цѣли) инвентаря Оршанскаго старосты (1560 г.) видно, что тамъ во многихъ селахъ были свои сельскіе старцы[5]), или же бывалъ одинъ старецъ для двухъ селъ[6]). Въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ довольно обычно, что старецъ стоитъ надъ селомъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить.

Въ средѣ мужей волости, старцы пользовались почетомъ. Въ личномъ обращеніи къ нимъ употребляли „панове стар-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 187 въ Могилевской уставѣ о данях говорится о старцахъ медовомъ и серебреномъ; въ 1523 г. приходили къ господарю старцы и вся волость, стр. 192, ср. стр. 198.

[2]) Приложенія, стр. 8 и стр. 21.

[3]) Приложенія, стр. 65.

[4]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложенія № 27.

[5]) Документы Московскаго Арх. Мин. Юст., I, стр. 130.

[6]) Ibidem, стр. 132—133.

цы“ [1]), или называли по имени и отчеству [2]). Въ важныхъ случаяхъ обращались также къ „бывшимъ старцамъ“ [3]), къ „старымъ старцамъ“ и къ „старымъ путникамъ“ [4]), т. е. къ бывшимъ приказникамъ путныхъ бояръ [5]).

Въ нашу цѣль не входитъ изученіе другихъ крестьянскихъ властей — приставовъ, сорочниковъ и десятниковъ, хотя и эти власти выступаютъ во главѣ крестьянскихъ общинъ, особенно когда дѣло касается матеріальныхъ интересовъ общины, но несомнѣнно они, какъ по происхожденію своему [6]), такъ и потому, что они назначались господарскими урядниками [7]), не могутъ быть отнесены къ представителямъ самостоятельной общинной жизни. Любопытно одно, что нигдѣ сотники, сорочники или десятники не дѣйствуютъ совмѣстно съ старцами [8]), хотя нѣкоторые изъ нихъ стоятъ во главѣ волостей. Старцы въ западной половинѣ литовской Руси уже въ первые годы XVI в. часто замѣнены др. властями; въ восточной же они представляютъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка прочный институтъ, вступающій небезуспѣшно въ борьбу съ королевскими намѣстниками. Если мы сопоставимъ это явленіе съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что измѣненіе древне-русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній географически распространялось съ запада, то и ранняя замѣна (во многихъ мѣстнхъ) старцевъ въ Подляхіи,

[1]) Акты Вилен. Ком., XVIII, стр. 40—43.

[2]) Ibidem, стр. 122.

[3]) Ibidem, стр. 123.

[4]) А. З. Р., I, стр. 69.

[5]) Такое объясненіе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, почему и полагаемъ, что проф. М. К. Любавскій напрасно считаетъ путниковъ дѣствующими крестьянскими властями (op. cit. стр. 434), въ спискѣ бояръ Смоленской земли путниковъ во главѣ волости нѣтъ.

[6]) Линиченко, Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси М 1894, стр. 116.

[7]) Любавскій, op. cit.

[8]) Державца могилевскій устанавливаетъ своихъ десятниковъ въ волости, и крестьяне жалуются на это (Приложенія, стр. 00). Въ жалобахъ волости, какъ мы видѣли, часто оспаривается право намѣстника держать въ волости своего слугу, намѣстника. По всей вѣроятности, эти слуги тоже, что въ другихъ актахъ десятники и сотники намѣстничьи

Черной Руси и на Волыни другими, болѣе зависимыми отъ уряда властями, станетъ вполнѣ понятною. Для замѣны выборныхъ общинныхъ властей были привлечены не новыя по своему происхожденію власти (такъ какъ сотники и пр. тоже старинный институтъ): представители различныхъ спеціальныхъ службъ, зависимые вполнѣ отъ дворцоваго уряда, были готовымъ матеріаломъ для такой замѣны [1]).

Обращаясь къ функціямъ старцевой должности, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что старецъ—представитель волости. Онъ исполняетъ ея рѣшенія. Онъ стоитъ во главѣ избранныхъ людей, когда обращается съ просьбами къ центральному правительству, приноситъ жалобы, ведетъ судебные процессы. „Приходили къ намъ старцы и люди волости Бобруйское“, „били намъ челомъ старецъ и вся волость Олучицкая [2])“, „намѣстникомъ нашимъ и старцомъ и всимъ мужомъ“, говорятъ грамоты [3]) и т. п. Имя старца стоитъ на первомъ мѣстѣ, или на второмъ послѣ намѣстника въ грамотахъ, адресованныхъ на имя волости. Московскіе писцы, описывавшіе Полоцкій повѣтъ, совершенно правильно поняли положеніе старцевъ въ волости: они назвали ихъ по своему—старостами, а присяжниковъ „лутшими людьми“ [4]), Интересно, что еще въ 15 в. старцы извѣщались, наряду съ намѣстниками и по обще-административнымъ дѣламъ; напр. при отдачѣ корчемъ въ аренду извѣщались намѣстникъ, старецъ и всѣ мужи. Отъ всѣхъ ихъ требовалось содѣйствіе арендаторамъ: „И вы бы ся в тую корчму не вступали, а и Жабе бы есте не велели вступаться, и во

---

[1]) Ср. извѣстіе о десятникахъ владычныхъ А. З. Р., I, стр. 103.

[2]) Или еще: „Били намъ чоломъ старецъ и вся волость Бчицкая“ и мн. др., Довнаръ-Запольскій, Акты, I, № 48, Любавскій, Обл. дѣл., Прилож., №№ 17, 46, 51; Приложенія къ наст. кн, стр. 8, 39, 46, 65.

[3]) „Намѣстникомъ нашымъ и старцамъ и всимъ мужамъ Подпепровскимъ и волостямъ нашымъ“ (Любавскій, прил, № 12); „старцамъ и людямъ тыхъ волостій нашихъ“ (А. З. Р., II, стр. 336); „Ко всимъ державцамъ и старцомъ и десятникомъ волостей нашихъ Поднепрскихъ“ (Приложенія, стр 8) и т. д.

[4]) Писцовыя книги Моск. Госуд, II, стр. 433 и др.

всем бы есте тои корчме помочни были, абы ся в том плат нашъ не понижал“ [1]). Трудно сказать, по отсутствію данныхъ, въ чемъ могло выразиться содѣйствіе старца въ корчемномъ или мытномъ дѣлѣ. За то ясно, что старецъ, какъ руководитель волостной раскладки, долженъ былъ имѣть свѣдѣнія о выбытіи какого нибудь тяглеца изъ тягла, почему и получалъ объ этомъ господарскую грамоту [2]).

Раньше уже было выяснено, на основаніи многихъ фактовъ, что намѣстникъ былъ рѣдкимъ гостемъ въ волости поэтому „всѣ справы“ вѣдалъ старецъ: „маеть князь Василий (говоритъ грамота о передачѣ Олучицкой волости къ Кричеву) ихъ только въ прысудѣ и въ послушеньствѣ своемъ мѣти, а намѣстника своего на тыи волости не маеть ховати и слугъ въ тую волость не всылати и никоторыхъ кривдъ и драпежствъ тымъ людемъ нашимъ не маеть дѣлати; только старецъ на той маеть волости мешкати и по тому ся справовати, яко и иныи старцы, и тотъ платъ, трыдцать копъ грошей, зъ людей тамошнихъ собравшы, до року державцы своему маютъ дати [3])“. Это общее опредѣленіе „справъ“, которыми вѣдалъ старецъ.

Теперь обратимся къ тѣмъ „справамъ“, которыя лежали на старцѣ. Надо однако помнить, что старецъ—мірской выборный, дѣйствующій съ согласія волости и при помощи волостныхъ присяжниковъ. Поэтому его функціи не всегда отличаются самостоятельностью, иногда едва отдѣлимы отъ круга дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію всей общины.

Такъ вѣдѣнію старца прежде всего принадлежала извѣстная область суда Въ грамотѣ 1497 г. великій князь Александръ, опредѣляя отношенія Торопецкой волости къ намѣстнику и городу, постановляетъ, что намѣстникъ не долженъ въѣзжать въ волость „и не судити ихъ, ни рядити; маетъ ихъ судити и рядити старецъ ихъ, а любо выѣздчій

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты, стр. 96; ср. Леонтовича, Акты Лит. Метр., № 180.

[2]) Леонтовичъ, Акты, № 11, № 74.

[3]) Любавскій, Приложенія, № 46

нашъ, который выѣдетъ къ нимъ по дань нашу, а любо на иныи наши дѣла кого вышлемъ“ [1]). Какъ извѣстно, господарь въ слѣдующемъ году снова разсматривалъ тотъ же вопросъ и нѣсколько измѣнилъ свои прежнія постановленія. По вопросу о судѣ онъ издалъ постановленіе, по которому судъ находится уже въ рукахъ намѣстника, который въ это время держалъ волость; если же въ будущемъ Торопецъ будетъ отданъ въ держаніе „тамошнему“ волостному человѣку, или мѣщанину, то такой намѣстникъ тоже не будетъ имѣть права суда: „маеть ихъ судити и радити ихъ старецъ“ [2]). Такимъ образомъ торопецкому старцу была предоставлена въ волости судебная и административная власть. Въ послѣднемъ случаѣ надо подразумѣвать, какъ и въ первомъ, возможность для населенія обращаться къ высшему и апелляціонному суду особаго господарскаго „выѣздчаго“. Здѣсь мы имѣемъ нѣкоторую особенность сравнительно съ обычнымъ порядкомъ вещей: судъ „на городѣ“, у намѣстника, или у воеводы по нѣкоторой категоріи дѣлъ въ другихъ случаяхъ несомнѣнно оставался. Трудно только отдѣлить компетенцію старостинскаго суда отъ старцеваго и копнаго. Мы уже обращали вниманіе на показанія Свислоцкой волости о своей старинѣ. Въ немъ сохранилось драгоцѣнное указаніе на компетенцію волостного суда. Онъ опредѣляется такъ: „А хто дей выкинется о дерево бортное и о бчолы, мають ся они сами межи собою судити; а хто дей виненъ останетъ, ино вина старая десять грошей на замокъ, а имъ пересуду три гроши; а о межу дей потомужъ судъ“ [3]). Эта старина дожила до начала XVII вѣка и какъ разъ совпадаетъ съ компетенціею старцевого суда, какъ онъ тогда опредѣлялся. Но та же Свислоцкая грамота далѣе продолжаетъ: „А хто дей выкинется съ десяти рублей, тотъ вины маетъ дати рубль грошей“. Это уже несомнѣнно относится

[1]) А З Р., I, стр. 171.
[2]) Любавскій, Приложенія, № 10.
[3]) А. З. Р., II, стр. 368.

къ намѣстничьему суду, какъ это разъясняется въ грамотѣ той же волости, данной въ 1534 г. [1]). Такимъ образомъ, на старцѣ лежитъ по крайней мѣрѣ судъ по бортнымъ и по межевымъ дѣламъ. Но, можетъ быть, на практикѣ судебная дѣятельность старца была шире. Хорошимъ показателемъ этого служатъ еще тѣ факты, которые говорятъ объ участіи старца на судѣ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Такъ какъ судъ былъ доходной статьей, то вполнѣ понятно, что владѣльцы имѣній не склонны были расширять компетенцію старцевого суда; но сила обычая была такова, что старецъ по крайней мѣрѣ сидѣлъ на судѣ вмѣстѣ съ владѣльцемъ. Въ 1499 г. вел. кн. Александръ, рѣшая споръ между владыкою Лукою и мѣщанами полоцкими о людяхъ, данныхъ кн. Скиргелломъ крылошанамъ св. Софіи въ Полоцкѣ, такъ говоритъ относительно участія старца: „а судити мають ихъ (людей) крылошане изъ старцы тыхъ волостей, а вина на крылошанѣ же маеть быти по давному“ [2]). Впрочемъ въ той же Полоцкой землѣ встрѣчались и такія частновладѣльческія имѣнія, въ которыхъ судебная власть находилась въ рукахъ старца, повидимому при отсутствіи владѣльческаго прикащика [3]).

Къ тому вопросу о судѣ можно бы подойти еще и съ другой стороны. При своихъ въѣздахъ, господарскій державца или писарь разбирали „обидныя дѣла“ [4]). Нѣкоторыя изъ грамотъ опредѣляютъ судебныя пошлины, взимаемыя намѣстникомъ. Но и по нимъ трудно опредѣлить тѣ роды судебныхъ дѣлъ, которые уже несомнѣнно подлежали на-

---

[1]) Приложеніе, стр 19.

[2]) А. З Р. I, стр. 198.

[3]) Архивъ Ю. З Р ч. VI. т. I, стр. 29.

[4]) Посылая въ 1509 г. господарскаго писаря въ Поднѣпровскія волости для сбора „недополнковъ“, Сигизмундъ I говоритъ. „такежъ, которые промежъ васъ дѣла обидные будутъ кому о чемъ до него будетъ, и мы казали ему-жъ о томъ промежы васъ досмотрѣти и справедливость тому вчинити“ (Любавскій, приложеніе, № 12).

мѣстничьему суду [1]). Съ другой стороны дѣйствовалъ копный судъ. Масса сохранившихся его протоколовъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что главнымъ образомъ копный судъ дѣйствовалъ при разборѣ преступленій, совершен-

[1]) Вопросъ о старостинскомъ судѣ еще ждетъ своего изслѣдователя. Намъ нѣтъ нужды его здѣсь разсматривать. Для нашей цѣли полагаемъ достаточнымъ привести здѣсь нѣсколько фактическихъ указаній такихъ источниковъ, которые регулируютъ компетенцію этого суда и являются такимъ образомъ основными постановленіями. Сохранилась очень древняя грамота, составленіе которой относится къ половинѣ XV вѣка. Нѣкто Васюй Микулинецъ даетъ показаніе великому князю Казимиру о повинностяхъ Брушанъ. Микулинецъ помнитъ великаго князя Витовта и излагаетъ старину того времени. Относительно суда онъ говоритъ слѣдующее: „а о (очевидно, *а то*) межа, головщина, о соколы гнѣзда, о бобры деремя: а то сужывали на городѣ намѣстники твои". Такъ очерчиваетъ компетенцію намѣстничьяго суда древнѣйшій документъ. Очевидно, все то, что не судилось на городѣ, подлежало или копному, или старценому суду. (А. Ю. З. Р., т. I, стр. 17).

Грамота Мозырской волости 1510 г. содержитъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе суда: „А который-бы человекъ осталъ которому человеку винень, справа пол-коны грошей, съ права и онъ вины маетъ дати толкожъ. А естли будетъ платити десять грошей, и онъ вины маетъ дати десять грошей. А естли бы хто платилъ кому вышшей того, або меншй, тотъ маетъ вины толькожъ дати". Затѣмъ опредѣлено децкованье по одному грошу отъ мили. (Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 144).

Въ грамотѣ королевы Боны Рогачевской вол. 1518 г. встрѣчаемъ такія опредѣленія: „коли который подданый нашъ, на которомъ другомъ што с права пресыщеть, тогды пересуду отъ речи пресысканое десять грошей дати маеть. А где-же ся хто отъ чого отягалъ, тогды памятного чотыри гроши маеть дати, а децкованого отъ мили по грошу". Старостинскіе слуги, высланные по судебному дѣлу, получаютъ плату, размѣръ коей не опредѣленъ. Вижовое оплачивается по двенадцати грошей „отъ кождой речи". Однако вижовое „о матую речь" и при поѣздкѣ на недалекомъ разстояніи должно быть взимаемо „по мѣрѣ", особенно съ убогихъ. (Приложенія, стр. 57).

Уставная грамота той-же королевы Пинскимъ мѣщанамъ 1551 г. даетъ очень интересную процессуальную подробность. „Штося дотычеть проходоваго за подниманьемъ шапокъ у права, тогды оный слуга старостинъ, который шапки подыймуеть, есть ли отъ права на место для ставенія свѣтковъ идс. 2 гр., а есть ли отъ права не отъходить, тогда гр. одинъ". Записное въ книги старостинскія взимается въ пользу писаря отъ одного до трехъ грошей, въ зависимости отъ величины „справы"; тоже и за выписы изъ книгъ. Вижовое въ городѣ оплачивается 2 гр., за выѣздъ на село 12 гр., „оглядное" за раны—4 гр., „повѣжное" изъ мѣщанина по 1 гр. „Змирская кунпца", взимавшаяся за примиреніе послѣ „розмовы" и „посварки" по стародавному обычаю по 12 гр., отмѣнена, если дѣло не доходило до суда „А коли войтъ

ныхъ „злодѣйскимъ способомъ", скрытнымъ воровскимъ путемъ, когда требовалось сложное слѣдствіе, употреблявшееся при копномъ „опытѣ". И рядъ дѣлъ, разбиравшихся на копномъ судѣ, отличается важностью совершенныхъ преступле-

---

и присяжники при старостѣ, або при подстаристимъ на правѣ для котораго мещанина будетъ, тогды тежъ староста и подстаростий его пересуду, што отъ оной справы дано будетъ, имъ уделяти, штобы реч слушная была, маеть". Апелляція на судъ подстароста идетъ къ старостѣ, а на судъ самаго старосты къ королевѣ. (Грушевскій, въ приложеніяхъ къ его Очерку исторіи Турово-Пинскаго княж., стр. 92).

Въ грамотѣ Чичерской волости встрѣчаемъ такое опредѣленіе о старостинскимъ судѣ „А што ся дотычеть бранья вины, иное головная и злодейская вина маеть быти брана до скарба нашого по перъвому. А кгды хто с нихъ межы собою побъеться не до крови, отъ того державца маеть брати на нихъ вины отъ рубля до десяти грошей а отъ полътины по пяти грошей подле листа отца нашого, который они оказывали". (Прилож., стр. 63).

Могилевская устава 1514 г. говоритъ о томъ, что „вины" малыя и великія остаются на господаря, кромѣ „повиннаго и выметнаго, хто ся на него, а любо на врядника нашого чимъ выкинетъ; а повиннаго ему отъ рубля по десяти грошей, а пересуда по четыри гроши" Слуги отъ ѣзду и децкованья получаютъ по грошу отъ мили (Акты Зап. Р., II, стр. 113). Тоже повторяетъ и устава 1536 года, опуская однако опредѣленіе выметнаго и пересуда. Кромѣ того въ ней находимъ и дополненіе *о змирской куницѣ*, за которую могилевцы платятъ 12 узкихъ грошей, „а чужеволостецъ маеть змирскую куницу давати по старому" (приложенія, стр. 21).

Грамота Свислочанамъ 1534 г. содержитъ въ себѣ слѣд. опредѣленіе: „винъ наместники тяжкихъ не мають на нихъ брати, нижли который ся чоловекъ выкинеть з 10 рублевъ грошей, они мають тое вины взяти рубль грошей, а отъ рубля 10 грошей" (Прил. стр. 19). Въ согласіи съ этимъ находится и показаніе самихъ Свислочанъ, занесенное въ уставу 1540 года: „А хто дей выкинетъ ся съ десяти рублей, тотъ вины маетъ дати рубль грошей". Змирская куница опредѣлена въ 6 грошей. Очень важно заявленіе этой грамоты о томъ, что послѣ умершаго „тотъ статокъ на близкихъ приходитъ" (А. З. Р., II, стр 368) Стѣдовательно, *отумерщина* въ пользу старостъ, столь распространенная уже въ половинѣ XVI в., не было пошлиной.

Кричевская грамота 1526 года опредѣляетъ „вину" по пяти грошей узкихъ (очевидно съ рубля), пересудъ по $2^1/_2$ гроша, децкованья—тоже по $2^1/_2$ гроша, повинное и повежное—по $^1/_2$ гроша (Приложенія, стр. 52).

Таковы скудныя данныя о намѣстничьемъ судѣ въ области восточныхъ волостей Главная задача уставной грамоты—опредѣлить размѣръ штрафовъ и процессуальныхъ расходовъ, но не категоріи судебныхъ дѣлъ. Кое-какія опредѣленія занесены въ ревизіи замковъ 1552 г., въ уставѣ дворамъ 1529 (о землѣ—А. З. Р., II 197) и въ уставахъ 60-хъ г.г., о чемъ рѣчь будетъ во второмъ очеркѣ.

ній. Наконецъ, копному суду подлежали всѣ слои населенія [1]) и, кромѣ того, это былъ по преимуществу судъ въ такихъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ были заинтересованы сосѣднія волости, или нѣсколько селеній различныхъ владѣльцевъ, или когда ихъ нужно было привлечь для производства слѣдствія по сложному копному обряду. Ко всему этому надо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что собраніе копы было дѣломъ потерпѣвшаго; слѣдовательно, онъ избиралъ тотъ способъ разслѣдованія дѣла и тотъ судъ, который находилъ для себя наиболѣе выгоднымъ. Указанная особенность копнаго суда вполнѣ соотвѣтствуетъ духу и смыслу статутоваго о немъ законодательства. [2]). Слѣдуетъ и еще отмѣтить. По указанію свислочской грамоты волощане „сами справуютъ“ въ дѣлахъ о бортномъ деревѣ, пчелахъ и о межѣ. Просматривая рѣшеніе копныхъ судовъ по этимъ вопросамъ (ихъ сохранилось очень много) [3]), убѣждаемся, что копа и въ данномъ случаѣ разсматриваетъ лишь дѣла, касающіяся нѣсколькихъ сугранничниковъ, или „злодѣйскаго“ „выбортья“ пчелъ; тѣ же дѣла среди односельчанъ не подлежали намѣстничьему суду. Кто же разбиралъ эти дѣла, или до насъ не дошли копныя рѣшенія именно этого рода? Отвѣтъ даетъ Бобруйская устава начала XVII в., по который они находились въ компетенціи старца [4]). Одно рѣшеніе копнаго суда (1444 г.—древнѣйшее изъ дошедшихъ) по дѣлу о границахъ говоритъ, что истецъ и отвѣтчикъ поставили на копу „своихъ старцовъ“ [5]), очевидно въ томъ соображеніи, что они наилучшимъ образомъ могутъ дать показанія о границахъ, такъ какъ межевое дѣло въ селѣ принадлежитъ къ ихъ компетенціи.

Изъ сказаннаго во всякомъ случаѣ явствуетъ, что старцы обладали нѣкоторыми судебными полномочіями и

---

[1]) См. указанный, выше трудъ И. Я. Спрогиса о копномъ судѣ.

[2]) Собраны въ ст. Иванишева „О сельскихъ общинахъ“ и у И. Я. Спрогиса

[3]) Предисловіе г. Спрогиса къ XVIII т. Актовъ Вил. Ком.

[4]) Акты Вил., XXV, стр. 327.

[5]) Archiw Sang., I, стр 11—12

присутствовали на судѣ помѣщика, а въ болѣе древнее время, вѣроятно и намѣстника. Но опредѣлить компетенцію старостинскаго суда для XVI в. (кромѣ бортныхъ дѣлъ), по отсутствію данныхъ, уже нельзя. Однако, чѣмъ глубже въ древность, тѣмъ эта компетенція должна быть шире. Въ одномъ, напримѣръ, случаѣ в. кн. Александръ только подтверждаетъ порядки, установленные нѣкогда кн. Скиргайлою. Въ к. XV в. еще считалось вполнѣ возможнымъ всю область волостнаго суда передать торопецкому старцу. Легко понять, что эта мѣра имѣла опору въ судебномъ значеніи старцевой должности. До половины XV в., какъ это видно изъ показанія Василія Микулинича, только небольшой кругъ судебныхъ дѣлъ былъ судимъ „на городѣ“, слѣдовательно— остальныя въ волости. Но въ волостяхъ тогда не было ни господарскихъ, ни воеводскихъ намѣстниковъ, или они не во всѣхъ волостяхъ были; значитъ, судомъ вѣдали волостныя власти. Это вытекаетъ, между прочимъ, и изъ показаній московскимъ властямъ старостъ и мужей Усвятской и Озерищской волостей: только Сигизмундъ I впервые назначилъ къ нимъ намѣстника, и съ тѣхъ поръ у нихъ былъ „судъ свой“, [1]) т. е. судилъ намѣстникъ. Легко также понять, что намѣстникъ смотрѣлъ на судъ съ одной стороны, какъ на прерогативу короны, съ другой какъ на доходную статью, и старался удерживать ее въ своихъ рукахъ во всей широтѣ. Однако, въ виду послѣдняго взгляда была возможна и передача волости своего права судить, чѣмъ и объясняется встрѣчающійся иногда платежъ волостью державцѣ особой „винщины“, [2]) т. е. огульной оплаты дохода отъ суда.

Но судомъ не ограничивалась дѣятельность старца. Главнѣйшія функціи старца состояли въ сборѣ податей. Въ предыдущемъ изложеніи мы уже встрѣчали такіе факты, изъ которыхъ видно, что старецъ и собиралъ подати и игралъ важную роль при раскладкѣ податей. Но мы видѣли

[1]) Писцовыя книги Москов. госуд., II, стр. 433

[2]) Приложенія, стр. 47.

также и то, что старецъ не самолично меты металъ на волость, когда оказывалась нужда въ волостныхъ расходахъ, но въ присутствіи мужей волости. Одинъ документъ, на который приходилось уже ссылаться въ предыдущемъ изложеніи, указываетъ и на то, что рядомъ съ старцемъ въ волости были и *бирчіе*, собиравшіе разметы и долженствовавшіе отдавать отчетъ въ ихъ употребленіи волости; но роль этихъ бирчихъ по отношенію къ волости не совсѣмъ ясна. Несомнѣнно одно, что предъ скарбомъ представителемъ финансовыхъ функцій въ общинѣ былъ старецъ. Старецъ самъ относитъ волостныя дани въ господарскій скарбъ [1]). Само собою разумѣется, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ записяхъ приходовъ господарскаго скарба встрѣчаемъ указаніе на то, что волощане принесли подати, то, надо думать, во главѣ ихъ былъ всетаки старецъ [2]); множественное число въ такихъ случаяхъ можетъ служить лишь указаніемъ на то, что старецъ велъ разсчеты съ скарбомъ въ присутствіи другихъ мужей волости, быть можетъ, тѣхъ же бирчихъ. Необходимо еще сдѣлать одно замѣчаніе. Въ древнѣйшихъ записяхъ иногда встрѣчается указаніе, что намѣстникъ такой-то волости даетъ дань въ скарбъ. Ошибочно было бы думать, что въ данномъ случаѣ намѣстникъ замѣняетъ старца: старецъ и намѣстникъ одной и той же волости даютъ иногда дань въ скарбъ въ одно время; очевидно, слѣдовательно, намѣстникъ даетъ въ скарбъ со своихъ намѣстничьихъ доходовъ, а старецъ волости—волостные сборы [3]).

[1]) Ак. Л.-р. „Мозырскій намѣстникъ далъ 12 копъ гр. великому князю, старецъ мозырскій далъ 4 копы гр.“, стр. 64.

[2]) Акты Виленской Арх. Ком., XX, 300, А. З. Р., I, стр. 171; Акты Литовско-русск. госуд., т. I, 64.

[3]) См. Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр. 63—64. Въ 1496 г писарь господарскій „бралъ“ дань съ Задвинскихъ волостей; но оказывается онъ „бралъ“ ее въ Берштахъ—значитъ, сюда принесли старцы, писарь же самъ не ѣздилъ по волостямъ, ibid. 67 Впрочемъ, бывали краткіе періоды, когда дань передавалась въ скарбъ державцею. Но это результатъ спеціальныхъ распоряженій Медъ сдавался на мѣстѣ ключнику, или намѣстнику.

Въ самомъ дѣлѣ, сказанное можно подвердить многими данными.

Уже упомянутая грамота Торопчанамъ 1497 г. заявляетъ, что волостную дань долженъ собирать старецъ, а относятъ въ скарбъ волощане [1]); такимъ образомъ сборъ дани лежалъ на старцѣ, а сдача ея, очевидно, производилась старцемъ же въ присутствіи другихъ присяжныхъ мужей; послѣднее понятно уже и потому, что для отвоза въ скарбъ дани, состоящей изъ меда и мѣховъ, и для сдачи ея требовалось участіе нѣсколькихъ лицъ. Грамота Торопчанамъ относится къ древнѣйшему времени, почему въ ней нѣтъ и намека на контроль администраціи при сборѣ дани. Но въ нѣкоторыхъ волостяхъ такой контроль существовалъ, или вѣрнѣе, его стремились установить. Грамота, выданная Бобруйской волости въ 1533 г., вообще весьма неблагосклонно относящаяся „къ хитрымъ обычаямъ“ крестьянъ, избѣгающихъ уплачивать подати, постановляетъ и, повидимому только впервые, что старцы собираютъ всѣ дани, т. е. грошевыя, медовыя, бобровыя и куничныя, вмѣстѣ съ врядовымъ вижемъ [2]). Повидимому, такой же пріемъ практиковался и въ Могилевской волости, хотя неизвѣстно—вслѣдствіе существовавшаго здѣсь общаго правила, или же какъ утѣсненіе со стороны намѣстника [3]). Вообще самый фактъ жалобъ господарскихъ грамотъ на недоимки при „выбираньи“ старцами податей и борьба съ „хитрыми“ обычаями указываютъ на то, что даже контроль со стороны державцы надъ сборомъ податей былъ дѣломъ новымъ. Дѣйствительно, напр., грамота 1511 г., возстановляющая старину Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, не знаетъ о какомъ бы то ни было контролѣ надъ волостью [4]). Съ другой стороны, когда въ

---

[1]) А. З. Р., I, стр. 141.
[2]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложеніе № 51
[3]) Приложенія, стр. 21.
[4]) А. З. Р., II, стр 99.

1537 году было рѣшено вновь посылать писарей для сбора дани, то господарская грамота требовала, чтобы старцы оказали писарямъ содѣйствіе, (писарь долженъ былъ списать доходы по ихъ, показаніямъ), очевидно потому, что они были вполнѣ освѣдомлены въ дѣлѣ раскладки дани [1]).

Отсюда понятно, что по всякаго рода податнымъ вопросамъ центральная власть прибѣгаетъ къ содѣйствію старцевъ. Такъ напр., во время переписи населенія съ фискальными цѣлями при дьякѣ господарскомъ присутствовалъ и старецъ [2]). Старецъ также представляетъ и интересы волости въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ей выступать съ просьбами объ уменьшенін податей [3]), о новой развертскѣ ихъ, наприм., въ тѣхъ случаяхъ когда многія земли были оставляемы жителями [4]) и т. д. Когда сборъ податей самими писарями сталъ прочно утверждаться (вслѣдствіе распоряженія 1537 г.), то старцы выступаютъ съ своими заявленіями въ тѣхъ случаяхъ, когда считаютъ произведенную развертку тягостною или почему либо неудобною. Такъ 1555 г. старцы Усвятской и Озерищской волостей жаловались на пановъ Остафія Воловича и Лаврина Войну, что этими писарями наложенъ урочистный платъ по 40 руб. грошей широкихъ и 50 куницъ шерстью; послѣднее они считали неудобнымъ и просили переложить куницы на деньги [5]). Въ

[1]) Приложенія, стр. 40.

[2]) Р. Ист. Библ., т. XX, стр 64.

[3]) Любавскій, Областное дѣленіе, стр. 781, находимъ такой фактъ. Въ 1494 году великій князь Александръ писалъ воеводѣ кіевскому князю Димитрію Путятичу: „Били намъ чоломъ старецъ Завскій и со слугами путными и со всими людми волости Завское и поведили передъ нами, што жъ по вси тые лѣта погаиство—татарове ихъ бирывали, и того году брали ихъ шестинадцати чоловѣковъ, а иныхъ не брали. Ино, которыхъ будуть того году поганство татарове брали, тымъ есмо дань нашу отпустили, медовую и грошовую, на два года для ихъ сказы отъ поганства. И вы бы въ тые два годы тые дани на нихъ съ шестинадцати чоловѣковъ не брали; а какъ тые два выйдуть, и они мають за ся тую дань всю сполна намъ давати по давному, какъ и передъ тымъ даивали“.

[4]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 192.

[5]) Кн. Зап. Лит. XXXVI, л 88.

тотъ же періодъ, когда требовалось произвести разслѣдованіе о степени разоренія жителей для опредѣленія необходимыхъ льготъ въ уплатѣ податей, то такія показанія отбирались отъ старцевъ; въ этомъ случаѣ рядомъ съ ними встрѣчаемъ и десятниковъ, т. е. слугъ старосты, но появленіе ихъ въ восточныхъ волостяхъ было уже нововведеніемъ по образцу западныхъ державъ [1]). Съ другой стороны центральныя власти по податнымъ вопросамъ обращаются съ своими извѣщеніями прежде всего именно къ старцамъ, наприм., когда требовалось послать людей для работъ по постройкѣ замковъ и т. п. [2]).

Для центральнаго правительства старецъ во всѣхъ случаяхъ является представителемъ финансовой администраціи въ волости. Если князь освобождалъ кого нибудь отъ тягла вмѣстѣ съ волостью, то онъ извѣщалъ объ этомъ не только намѣстника, но и старцевъ [3]). Равнымъ образомъ, если господарь выдѣлялъ нѣсколько тяглыхъ службъ изъ волости частному лицу, освобождая эти службы отъ государственнаго тягла, то и въ этомъ случаѣ онъ поставлялъ въ извѣстность старца [4]). Даже выдѣлъ незанятой земли въ предѣлахъ волостной территоріи, въ случаѣ сомнѣній, производился при помощи опроса мужей волости [5]); наконецъ, старецъ завѣдуетъ пустовщинами въ волости, осаживаетъ ихъ прихожими людьми [6]). Старецъ поставляется также въ извѣстность объ отдачѣ господаремъ мытныхъ сборовъ въ волости [7]), какъ это мы видѣли.

Отсюда понятно важное значеніе старца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе затрагивается финансовая сторона общины. Старецъ является блюстителемъ общинныхъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLV, л. 63.
[2]) Кн. Зап. Лит. XXIII, л. 178 об.
[3]) А. З Р., I. 18; Леонтовичъ, Акты Лит. Метрики, № 11.
[4]) Леонтовичъ, ibid. № 74: Акты Литовско-русск. госуд,, стр. 16.
[5]) Ibid.. № 118.
[6]) Арх. Сб. Вил , III, 272, 276.
[7]) Леонтовичъ, ibid., № 180.

интересовъ во главѣ волости. Многочисленные случаи подобнаго рода представительства мывидѣли въ предыдущемъ изложеніи, когда передавали факты борьбы волости съ областною администраціею: всякая новина, всякое притѣсненіе со стороны намѣстника или писарей встрѣчаетъ отпоръ въ представителяхъ волости, во главѣ которыхъ былъ старецъ. Даже если волость учиняла „бунты“ и „непослушенство“ противъ властей, то и тутъ во главѣ ея становился привычный ея глава—старецъ [1]).

Итакъ, на старцѣ лежали нѣкоторыя судебныя функціи, можетъ быть бы значительно широкія въ болѣе древнее время, по сбору податей и доставкѣ ихъ въ скарбъ, главное руководство въ волости по раскладкѣ податей и повинностей, наконецъ общее представительство волостныхъ интересовъ. Но кромѣ того на старцѣ лежали и обще-административныя обязанности. Это вытекаетъ изъ общей сущности волостного самоуправленія: намѣстникъ или совсѣмъ не имѣетъ въѣзда въ волость, или же въѣзжаетъ въ опредѣленное время и на опредѣленные сроки. Очевидно всѣ текущіе административные вопросы вѣдались старцемъ, рѣшавшимъ ихъ самолично, или созывавшимъ вѣче. Конечно, эти административные вопросы имѣютъ ввиду наши источники, когда говорятъ, что старецъ „справы“ „справуетъ“. Въ тѣхъ же видахъ обращались къ старцамъ великокняжескіе листы съ извѣщеніями по дѣламъ административнымъ и финансовымъ: отъ старца требовалось содѣйствіе. Одинъ источникъ даже объясняетъ, въ чемъ иногда могла проявиться административная власть старца и каковы могли быть ея размѣры. Около 1541 г. конюхи Борисовской волости имѣли тяжбу со всѣми мужами Борисовской волости. По показаніямъ жалобщиковъ, волость обязана была возить намѣстнику сѣно, а конюхи „выгоняли“ волощанъ на эту работу, за что получали съ каждого дыму по сыру. Но старецъ Василь Осмолъ „заручылъ намъ, абыхмо волощанъ сѣно возити не выгоняли“, вслѣдствіе чего жалобщики въ теченіе

[1]) Вил. Археогр. Сборн., I, стр. 41.

трехъ лѣтъ не получаютъ своихъ доходовъ. Отмѣнить распоряженіе старца оказалось возможнымъ только по суду [1]). Интересно, что оно касалось людей, стороннихъ для волости, и тѣмъ не менѣе исполнено. Къ той же административной сторонѣ въ дѣятельности старца относится и обязанность его по осадѣ пустовскихъ земель, по оказанію содѣйствія писарямъ при переписи поселенія, о чемъ рѣчь уже была.

Наконецъ административное значеніе очень рельефно выясняется еще и изъ слѣдующаго разсказа, занесеннаго въ протоколы копнаго суда. Черневский старецъ Андрей Ивановичъ былъ допытываемъ на копѣ потерпѣвшимъ (дѣло шло о покражѣ лошадей), почему онъ *велѣлъ* перевезти черезъ перевозъ „незнаемаго“ человѣка съ краденными лошадьми. Старецъ на это заявилъ, что онъ *приказалъ* перевезти этого человѣка, который назвался подданымъ сосѣдняго помѣщика (значитъ, былъ опрошенъ), потому что тогда еще о коняхъ не слышалъ „заказу“: „до того нихто не гонилъ, а оному не годилось никого на дорогахъ гамовать“. Между тѣмъ истецъ обратился къ старцу своего села и тотъ арестовалъ названнаго черневскаго старца, посадивъ его въ дворовую тюрьму своего пана. Изъ этого разсказа вскрывается, что старецъ обладалъ обширной административно-полицейской властью: только съ его разрѣшенія неизвѣстный человѣкъ могъ быть перевезенъ черезъ перевозъ, при чемъ старецъ удостовѣрялся въ личности проѣзжавшаго; если кто „гонилъ“ слѣдъ украденной вещи, то на обязанности старцевъ лежало ее „загамовать“ и даже арестовать подозрительнаго человѣка; наконецъ, видимъ мы, старецъ распорядился арестомъ человѣка другой волости опять таки въ видахъ полицейскихъ [2]).

Протоколы копныхъ судовъ съ одной стороны подтверждаютъ разносторонность административной дѣятельности старца, съ другой стороны обрисовываетъ спеціальное зна-

[1]) Акты Вил. Ком., т. XVIII, стр. 122.

[2]) Приложенія, стр. 48.

ченіе его по отношенію къ копному суду. Такъ оказывается, что крестьянинъ могъ не явиться на копу, только давъ „вѣдомость“ старцу о причинѣ своего отсутствія [1]). Старецъ „разсказываетъ“ крестьянамъ идти на копу [2]). Если обвиненіе предъявляется къ кому либо изъ крестьянъ людьми сосѣдняго владѣльца, желающими созвать копу, то объ этомъ „ознаймуютъ“ старца, чтобы онъ явился на копу со всѣми своими мужами и поставилъ бы „тыхъ поволаныхъ подданыхъ“ [3]). Старецъ приказываетъ своимъ мужамъ разыскивать подозрѣваемыхъ въ преступленіи людей [4]). Старецъ беретъ возного „на огледаніе“ причиненныхъ его людемъ шкодъ [5]); онъ ведетъ возного для осмотра и гонитъ слѣдъ [6]). Копный листъ выдается на руки старцу по дѣламъ, касающимся подданыхъ и его старченства [7]). Если старецъ самъ почему-либо не можетъ выйти на копу, то онъ „высылаетъ“ людей съ своимъ замѣстителемъ [8])·

Для исполненія своихъ административныхъ функцій старецъ имѣетъ своего служебника, который назывался „войтикомъ“ [9]).

Такова сфера дѣятельности волостного старца. Послѣдніе факты относятся уже къ старцамъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Они вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что мы знаемъ о старцахъ господарскихъ волостей.

Можно и еще добавить нѣсколько данныхъ о старцахъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Это весьма не безполезно, такъ какъ можетъ служить важнымъ доказательствомъ того, что старченская должность въ восточныхъ областяхъ не находилась въ какихъ нибудь исключительныхъ

[1]) Акты В. К., XVIII, стр. 40.
[2]) Ibidem, стр. 107.
[3]) Ibidem, стр. 108.
[4]) Ibidem, стр. 124.
[5]) Ibidem, стр. 108
[6]) Ibidem, стр. 128.
[7]) Ibidem, стр. 120.
[8]) Ibidem, стр 108.
[9]) Ibidem. стр. 108

условіяхъ. Присутствіе старцевъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, при томъ въ центральныхъ повѣтахъ, свидѣтельствуетъ о прочности самого института. И здѣсь старецъ—это крестьянская власть, „подъ которой находятся люди“ [1]). Весьма нерѣдко владѣлецъ бралъ только съ своихъ людей дани, не заводилъ своего хозяйства, и село или волость находились подъ управленіемъ старца. Въ 1554 г. Виленская капитула св. Станислава писала старцу и мужамъ своего Каменицкаго имѣнія. Капитула „дивуется“, что крестьяне, не смотря на неоднократныя напоминанія, не исполнили ея приказанія о постройкѣ замка, потребнаго для самихъ же крестьянъ. Капитула налагаетъ „заруку“ на крестьянъ и требуетъ, чтобы старецъ и крестьяне немедленно приступили къ работѣ города; если этого не сдѣлаютъ, то капитула угрожаетъ посылкою своихъ татаръ, которые разграбятъ крестьянъ и будутъ карать ихъ „горломъ“. Старецъ дѣйствуетъ при помощи „старшихъ мужовъ“ и съ ними же его требуетъ для объясненій капитула къ себѣ въ Вильну [2]). Такимъ образомъ капитула даже не имѣетъ своего слуги въ волости и сносится съ нею листами, довольно слабо дѣйствующими на старца и мужей. При такихъ условіяхъ необходимо допустить широту и крестьянскаго самоуправленія и власти старца.

Въ частныхъ владѣніяхъ старецъ является съ тѣми же функціями привычныхъ крестьянскихъ властей. Мы видѣли уже участіе старца на судѣ вотчинника. Старецъ ходатайствуетъ передъ владѣльцемъ объ отпущеніи платовъ съ „вельми гольтяйлевыхъ“ людей [3]). Старецъ отвозитъ дани своей владѣлицѣ [4]), наконецъ, онъ же является сборщикомъ податей. Пинскій князь Федоръ Ярославичъ, пожаловавъ Пречистенскому собору въ Вильнѣ дани изъ своего села Вяда, пишетъ. „маетъ тотъ нашъ старецъ Вядскій Олифель и на по-

[1]) Виленъ. Археогр. Сборн., I, стр. 133.
[2]) Вилен. Археогр. Сборн., I, стр 16.
[3]) Рус. Ист Библ., т XX, стр. 308.
[4]) Ibidem, стр. 71.

томъ будучіе старцы наши со всими мужмы нашыми волости Вядское тыи куницы" отдавать собору [1]). Пинскій староста королевы Боны, желая отвести подданому землю, наводитъ у старцевъ и десятниковъ справки о томъ, гдѣ есть свободныя пустовщины [2]). Старецъ вызывается для опредѣленія границъ панскаго имѣнія [3]); а въ случаѣ причиненія „шкодъ" панскимъ подданымъ, блюдетъ ихъ интересы на копномъ судѣ [4]). Но, повидимому, панская власть стремилась сдѣлать изъ старца обыкновеннаго сельскаго прикащика: старцу поручается сдѣлать съ крестьянами наѣздъ на сосѣднія имѣнія [5]). Встрѣчаемъ и извѣстія о замковомъ старцѣ, можетъ быть уже находящемся въ распоряженіи старосты [6]).

V.

Дѣятельность старца является отраженіемъ постановленій общиннаго собранія. Теперь намъ надлежитъ выяснить компетенцію этого послѣдняго.

На первомъ планѣ въ дѣятельности общины естественно выдвигаются вопросы по отбыванію податей и повинностей; подати бывали двоякаго рода: однѣ—шли въ господарскій скарбъ, другія—составляли намѣстничій кормъ и плату за административную дѣятельность намѣстника—въѣздъ и полюдіе. Обѣ категоріи податей не всегда одинаковымъ способомъ разлагались на волость. Кромѣ того къ нимъ надо еще присоединить и экстраординарныя подати—серебщину и ордынщину. Рѣчь можетъ итти о первыхъ двухъ категоріяхъ постоянныхъ податей, потому что серебщина и ордын-

[1]) Акты Вил., XI, стр. 299.
[2]) Ревизія пущъ, стр. 213.
[3]) Акты Вил., XI, стр. 25, 30.
[4]) Рус. Ист Библ., XX, стр. 219; Акты Вил., XVIII, стр. 282.
[5]) Arch Sang IV, стр. 532.
[6]) Ревизія пущъ, стр. 314.

щина, новыя подати, разлагались по службамъ и сохамъ и слѣдовательно по отношенію къ нимъ волостная разверстка не могла имѣть мѣста. Это и понятно: для новой категоріи податей былъ выбранъ типъ новой формы обложенія. Между тѣмъ старинныя подати долгое время и взимаются и раскладываются согласно стариннымъ способамъ обложенія.

Терминами, обозначавшими всякаго рода раскладку податей и повинностей среди волощанъ, служили: *разметы, меты, разрубы, порубы*. На сколько можно судить по актамъ, никакого различія между этими терминами не было ни по значенію ихъ, ни по мѣстности.

Волость была, разумѣется, озабочена правильною и не тягостною для населенія раскладкою податей. Наши данныя показываютъ, что на волость налагалась общая сумма дани и разрубъ ея производился самою волостью. Мы выше видѣли, что крестьяне борются съ намѣстниками даже въ половинѣ XVI вѣка изъ-за права самостоятельнаго разруба; видѣли, что крестьяне кладутъ сами разметы; наконецъ, видѣли, что крестьяне сами вносятъ въ скарбъ подати, что предполагаетъ самостоятельную разверстку. Кромѣ всего этого до насъ сохранилось нѣсколько податныхъ „уставъ“ Могилевской волости: въ нихъ весьма опредѣленно указывается, что съ волости идетъ общій господарскій доходъ, независимо слѣдовательно отъ числа ея жителей; доходъ при кор. Еленѣ собирался въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ 20-хъ годахъ XVI вѣка, хотя численность населенія за это время не была одинаковою [1]). Въ самомъ дѣлѣ въ 1523 г. волощане и старцы Могилевской волости бьютъ господарю челомъ о томъ, что въ волости много пустыхъ земель, которыми они не пользуются, между тѣмъ писари взимаютъ дани и за пустыя земли; господарь освободилъ ихъ отъ даней съ земель пустыхъ, которыхъ волощане не пашутъ [2]). Но въ 1530 г. волощанамъ снова пришлось по-

[1]) Довнарь-Запольскій, Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр. 187 и 173.

[2]) Ibid, стр 192.

вторять свою просьбу о томъ же [1]). Просьба волости о сложеніи податей съ пустовщинъ вполнѣ понятна, потому что общинѣ приходилось платить и за ушедшихъ. Устава Бобруйской волости 1533 г. говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно: уходъ подданыхъ причиняетъ „шкоду“ скарбу и „тяжкость“ оставшимся, потому что послѣдніе „за тыхъ сами дань нашу платятъ“ [2]). Отсюда понятно, что волость обязана была извѣстною общею суммою податей и повинностей по отношенію къ скарбу и старостѣ и уже разметывала [3]) ихъ между селами и отдѣльными плательщиками.

Внося подати за пустующія земли община должна была, очевидно, дѣлать перераскладку ихъ и навалить подать за отсутствующихъ на наличныхъ плательщиковъ. Мало того, община соблюдала при развертцѣ и другой принципъ: она должна была сообразоваться съ имущественнымъ положеніемъ каждаго отдѣльнаго плательщика. Указанія какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи для западно-русской старины чрезвычайно драгоцѣнны, потому что мы имѣемъ дѣло съ исчезающимъ древнимъ порядкомъ. Когда въ 1500 г. во всѣ Поднѣпрскія волости былъ посланъ писарь господарскій Богушъ Боговитиновичъ, то господарская грамота, пред-

[1]) Приложенія, стр. 8.

[2]) Приложенія, стр. 15.

[3]) Приведемъ еще нѣсколько данныхъ, говорящихъ объ общинной раскладкѣ:

„Нищанская волость повинни давать, водлугъ реестру старого, бобровщины по полтрети копы грошей широкихъ, меду пресного пудовъ чотыри, за данью городничому полоцкому двападцать грошей широкихъ, на сторожы замковые зъ дыму по два гроши широкихъ, хоружому полоцкому по двѣ копе грошей литовскихъ, его кролевской милости одну свѣтлицу зъ иншими волостями, зъ людьми волость Клясицкое“ и т. д., А. Ю.-З. Р., I, 229.

Въ грамотѣ, выданной въ 1498 г. Торопчанамъ, встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе. Если въ Торопецъ будетъ посланъ господарскій писарь для сбора недоимковъ, то Торопчане должны—волость „на писара нашого стань радити и стацыями его и подводами на полы съ Торопчаны поднимати“. О сборѣ государственныхъ податей говорится. „А дань и серебщину и тивуницину збирати самимъ имъ опрочъ Торопчанъ“. „Кого вышлемъ коли серебщины нашее на нихъ правити, и Торопчане маютъ двѣ доли серебщины платити и стацыями и подводами двѣ доли давати, а Старцова волость съ оброчниками

писывающая волостямъ отдать ему недополнки, разъясняетъ и способъ, посредствомъ котораго надо разложить дани Если въ волостяхъ найдутся пустовскія земли, или люди гольтяйные, то волощане должны раскинуть дани между собою такъ, чтобы на „меншого“ меньше бы пришлось, а на „большого большей“, „какъ здавна бывало, абы ни одинъ грошъ дани нашое у васъ не осталъ“ [1]). Такимъ образомъ „большіе люди“, т. е. болѣе состоятельные, и больше платили; на нихъ наваливалось, то что оказывалось въ недополнкахъ вслѣдствіе появленія пустовскихъ земель или гольтяевъ. Не надо думать, что подъ послѣдними разумѣются круглые бѣдняки, которые оказываются бременемъ для волости; напротивъ, названіе гольтяя прилагалось къ такимъ крестьянамъ, которые почему либо „привбожали“ только на одинъ годъ: они могутъ подняться къ слѣдующему же сроку платежа податей [2]). Такимъ образомъ волость въ своей средѣ устанавливала ту „мѣру“, которая служила для опредѣленія налогоспособности плательщика въ каждый данный періодъ взиманія податей [3]). Указанный фактъ не является случайнымъ. Разсматриваемый принципъ входилъ въ систему об-

---

третюю часть маеть платити серебщины и стацыями и подводами поднимати въ томъ же дворѣ тивунскомъ въ городѣ потомужъ, какъ и дань и серебщину, и тивунщину сами собою маютъ збирати и отлазити“. (Любавскій, прил., № 10).

Въ извѣстной намъ грамотѣ ко всѣмъ Поднѣпрскимъ волостямъ, изданной въ 1511 г. и возстановляющей старые обычаи временъ великихъ князей Витовта и Жигимонта, права волощанъ опредѣлены такъ: „маютъ они сами на тые вышейписанные роки, дань нашу грошовую и медовую и бобровую и куничную до скарбу и до ключа нашого относити“. Грамоты Свислочанамъ право разметовъ опредѣляютъ такъ: грамота 1534: „не маютъ до нихъ наместники уеждчати дани нашое метати, нижли они маютъ сами подле стародавного обычая дани зметати и до замку нашого отвезти“. (Приложеніе, № 9). Въ грамотѣ 1540 года. „Дань на насъ господаря даютъ со всее волости подлѣ давного обычаю“. „А коли дей дань заметывати, тогды ни врядникъ и нихто къ нимъ не маеть въѣзжати, одно сами мужи и закидываютъ“. (А. З. Р., II, стр. 367). — О разметахъ въ Могилевской волости см. Прил № 11; въ Кричевской, Акты Литовско-русскаго государства I, стр. 187.

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложеніе, № 12.

[2]) Русск. Истор. Библ., XX, стр. 308.

[3]) Довнаръ-Запольскій, Акты Лит.-русск. гос. т. I, стр. 145

ложенія, почему былъ даже заносимъ въ уставы волостямъ. Такъ вполнѣ тождественное постановленіе встрѣчаемъ мы и въ уставѣ, данной Мозырской волости въ 1510 г. Она опредѣляетъ намѣстничьи доходы и разверстку повинностей. На намѣстника, между прочимъ, волощане должны были давать ежегодно по полукопѣ грошей и по полъ бочки жита съ дыму. Тѣмъ не менѣе всѣ волощане „старшіе мужи“ приняли на себя обязательство такого рода: если бы кто нибудь изъ плательщиковъ оказался „вбогъ“ и не могъ бы уплатить этого намѣстничьяго дохода, такъ что долженъ бы былъ заложить свое дитя, или оставить участокъ, то волость обязывается „на богатшыхъ мужей раскинути и наместнику нашому заплатити, абы для того тотъ чоловекъ дитяти своего в неволю не далъ, або самъ з местца не шолъ“. Если бы это случилось, то волощане будутъ подвергаемы наказаніямъ [1]). Это постановленіе чрезвычайно интересно. Оно вскрываетъ передъ нами одну изъ сложныхъ сторонъ волостной разверстки. Намѣстникъ, за освобожденіе отъ въѣздовъ въ натурѣ, выговариваетъ себѣ опредѣленную дань. Онъ хорошо знакомъ съ волостными порядками и понимаетъ, что наложеніе общей суммы на волость для него не выгодно: прибудутъ новые плательщики, снимутъ пустовщину, а дань останется прежней. Намѣстникъ поэтому требуетъ себѣ платы съ дыму, даже не со службы, потому что опять таки въ службѣ могутъ прибывать дымы. Въ началѣ XVI столѣтія раскладка правительственныхъ податей, особенно господарскихъ, не могла еще перейти къ такому простому объекту обложенія, какъ дымъ: господарскій скарбъ для этого не обладалъ еще ни достаточно подготовленнымъ административнымъ механизмомъ, ни, наконецъ, не могъ рѣшиться на такое правонарушеніе, противорѣчившее старинѣ. Но намѣстники въ дѣлѣ обложенія шли впереди скарбовой практики. Въ данномъ случаѣ съ волостью заключалось условіе о новомъ порядкѣ вещей, и намѣстникъ выговариваетъ себѣ наиболѣе выгодныя условія. Но съ другой стороны съ ними былъ связанъ извѣстный рискъ простого недополученія до-

ходовъ съ бѣдняковъ, и болѣе сильная сторона старается удержать въ извѣстной мѣрѣ и старый принципъ—раскладочный. Отсюда понятно, съ какой осторожностью надо относиться къ тѣмъ даннымъ нашихъ источниковъ, которые говорятъ о данях, положенныхъ на село, службу, или на отдѣльнаго человѣка.

Только что выясненное обстоятельство имѣетъ для насъ чрезвычайно важное значеніе. Безспорно, сначала державцы и старосты, а за ними и центральное правительство стремятся овладѣть раскладкою податей (именно, податей, такъ какъ для повинностей не было настоятельной необходимости), контролировать ее. Но тѣмъ не менѣе изстаринный обычай и техника сохраняютъ свое значеніе.

Но еще болѣе интересенъ тотъ фактъ, что сама подворищная или подымная раскладка, зарегистрованная скарбовою люстраціею, не исключаетъ общинной раскладки. Такъ люстрація Реваницкой волости (данники Радошковской волости) опредѣляетъ дань подымно; неимѣющіе хозяйственаго инвентаря обложены такою же данью, какъ и имѣющіе его. Дѣло разъясняется довольно просто: на господаря идетъ общая сумма, а волощане сами ее раскладываютъ, соразмѣрно имуществу плательщиковъ [1]). Тѣ же порядки объяснены люстраторами Ратненскаго староства [2]), имѣнія Титовянъ [3]) и пр. Очевидно, люстрація развертывала общую сумму шедшей съ общины подати лишь приблизительно для опредѣленія дѣйствительной доходности въ извѣстный моментъ; но это была только теоретическая раскладка, а фактическая всетаки оставалась на обязанности самыхъ плательщиковъ.

И такъ можно считать прочно установленнымъ фактомъ опредѣленіе податей и повинностей общею суммою на всю

---

[1]) Документы Москов Арх М. Ю. т I, стр. 118.

[2]) Дань медовая разложена по дымамъ, но: Myodu dannego, wedlie dawnego zwyczayu, *yako na ktorego przyznalezi* przichodzi и т. д Архивъ Юго-Зап. Р. ч VII, т I, стр. 292.

[3]) А. Вил. К. XIV, 11.

волость и дальнѣйшую разверстку ихъ между плательщиками. Не менѣе установленнымъ надо признать и то положеніе, что въ основу волостного размета клались имущественные признаки. Это была сущность изстаринныхъ порядковъ—именно тѣхъ, утвержденія которыхъ добивались волости. Правительство Сигизмунда Старого, согласно своему основному принципу, старалось не нарушать этой старины; но видя, что старина тѣмъ не менѣе рушится, оно своими предписаніями стремилось по крайней мѣрѣ къ установленію той „мѣры", которая должна быть примѣняема къ каждому отдѣльному плательщику.

Волостную разверстку ошибочно было бы представлять себѣ связанной съ ежегоднымъ, или по крайней мѣрѣ часто повторяемымъ поимущественнымъ цензомъ. Это не соотвѣтствовало бы средствамъ волости и общему духу финансового строя государства, скрѣпленному вѣками, при которомъ всякаго рода служебная тягота лежала на землѣ. Волость раскладывала дани и повинности на свои составныя части—сельскія и городскія общины; а уже въ этой меньшей ячейкѣ происходила дальнѣйшая раскладка между плательщиками. Въ предѣлахъ же села основнымъ объектомъ обложенія была земля. Очевидно, опредѣлялась доходность службы, острова, берега, куничной земли, на нее и разлагалась дань, независимо отъ числа лицъ, которые пользовались землею или угодьями. Въ 1528 году между селомъ Рудобѣльчанами, принадлежавшимъ пану Яну Миколаевичу Радивилу, и между селомъ Хвойничанами господарской Бчицкой волости возникъ споръ. Рудобѣльчане раньше служили вмѣстѣ съ волостью, но при Казимірѣ отданы были Радивилу. При Казимірѣ, какъ утверждали Рудобѣльчане, или при Александрѣ, какъ заявляли Хвойничане, господарскіе писари два „клейна" (синонимъ тѣльницы, потому что клейнами обозначались границы) „въ звечистомъ" островѣ Хвойничанъ передали двумъ человѣкамъ Рудобѣльчанамъ. Съ обоихъ „клейнъ" „бывала колода меду", т. е. державшіе ихъ платили дани колоду меду. Рудобѣльчане должны были

„з ними (Хвойничанами) ку помочы давати колоду меду и дань грошовую и бобры и куницы, што на тую колоду прихоживало, и подводы и стацеи съ тое части двухъ клейнъ посполъ з ними поднимати на семой недѣли". Такимъ образомъ оказывается слѣдующее. Островъ, находившійся въ пользованіи Хвойничанъ, составлялъ часть волостной территоріи. Онъ былъ разбитъ на участки, дѣльницы, клейна, которые находились въ пользованіи крестьянъ ближайшихъ селъ, были ихъ входами. Съ клейнъ была опредѣлена извѣстная основная медовая дань, размѣръ которой уже служилъ показателемъ для наложенія другихъ добавочныхъ даней и повинностей. Въ островъ пущены были Рудобѣльчане и должны были вмѣстѣ съ другими совладѣльцами платить ту же дань. Но оказывается, что эти два человѣка изъ Рудобѣльчанъ вошли въ островъ со всѣми своими потужниками, такъ что кореннымъ его владѣльцамъ, Хвойничанамъ, сдѣлалось въ немъ „тѣсно". Спорный островъ не былъ только угодіемъ, въ немъ кромѣ бортнаго дерева были поля и сѣнокосы. Суть спора заключалась въ томъ, что Хвойничане доказывали незаконность распоряженія писарей и то, что они не пропустили земской давности, такъ какъ „не молчали" о спорной землѣ [1]). Во всякомъ случаѣ этотъ актъ разъясняетъ намъ въ извѣстной мѣрѣ самую технику обложенія—вопросъ, разъяснить который для древнѣйшаго времени почти нѣтъ возможности по отсутствію данныхъ.

Изучающему западно-русскую общину приходится съ особенною тщательностью собирать факты, указывающіе на ея финансовую самодѣятельность. И это потому, что на ряду съ положительными фактами встрѣчаемъ, повидимому, и отрицательные. Хорошо извѣстенъ характеръ многихъ жалованныхъ грамотъ великихъ князей и удѣльныхъ, въ которыхъ точно опредѣляются дани съ двора или человѣка, жалуемаго княземъ. Если дань опредѣляется съ двора, то

[1]) Приложенія, стр 1 сл.
[2]) А. Ю З. Р, I, 229

съ двора ее и платятъ, и это относится не только къ дякольнымъ дворамъ, но и къ данникамъ [1])

Но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въвиду еще нѣкоторыя соображенія.

Прежде всего среди такихъ пожалованій надо отбросить цѣлый рядъ фактовъ, принадлежащихъ собственной Литвѣ, нѣкоторымъ прилегающимъ ней русскимъ мѣстностямъ, частью къ Волыни. Здѣсь—только остатки, пережитки общинной жизни, напр. въ частновладѣльческихъ крупныхъ имѣніяхъ. Вмѣшательство скарба и власть помѣщика давно уже уничтожили общинную раскладку и повемельную связь волостной и сельской общины. Затѣмъ, надо взвѣсить каждый разъ происхожденіе той группы людей и крестьянъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Несвободные разряды людей, особенно различные служебники, были осаживаемы на отдѣльныхъ участкахъ и несли „особную“ службу. Мы же говоримъ здѣсь только о тѣхъ мѣстностяхъ и о тѣхъ разрядахъ крестьянскаго класса, среди котораго сохраняется еще общинная жизнь. Однако, и по отношенію къ этой группѣ данниковъ мы безспорно встрѣчаемъ указанные факты. Но надо принять во вниманіе, какъ технику раскладки податей, такъ и способы выдѣленія волостныхъ людей въ частное владѣніе (ибо только подобнаго рода акты мы и встрѣчаемъ).

Разъ положенныя на извѣстную часть территоріи дани и повинности, какъ мы видѣли, оставались неизмѣнными на болѣе или менѣе продолжительное время. Можетъ быть, только проявленіе большого или меньшого количества пустов-

[1]) Напримѣръ, люди Шершневичи въ Завской волости давали на ключъ Кіевскій ведро меду прѣснаго, Акты Литовско-русск. гос., I стр. 69; человѣкъ-данникъ Брянскаго пов. давалъ кадь меду, ведро ловчее, сокола на городъ, ibid. стр. 78; село Бабиновичи Смоленскаго пов. даетъ кадь меду, 15 грошей, посощину, куницу, насадку меда и пива и *жито* (значитъ, дикольники), ibid, стр. 89, ср. дань съ данниковъ Житомирскаго повѣта, стр. 117; съ села Жасковичовъ въ Мозырскомъ пов. шло шесть копъ грошей, ведро и три полуколодки меду, 4 бобра, 2 куницы, 13 грошей воловщины и др., стр. 118; съ села Тулеговичевъ того же повѣта шло всѣхъ даней на 10 копъ грош., ibidem, стр. 119 и нѣк. др.

скихъ земель, или же отдача господаремъ части села, приводили къ вопросу о перераскладкѣ. Что такая волостная перераскладка дѣйствительно происходила, можетъ служить иллюстраціей еще слѣдующій фактъ. Отъ небольшой Полоцкой волости Непоротовской выдѣлились люди Могильняне, принадлежавшіе мѣстной боярынѣ. Когда на волость была возложена повинность сдѣлать одну городню въ Полоцкомъ замкѣ, то волость для наема плотниковъ къ этой работѣ „пометъ положила“ на всю волость; между тѣмъ Могильняне отказались участвовать въ этой раскладкѣ [1]).

Но вообще „дѣльницы“ общихъ разрубовъ, приходившихся на долю составныхъ частей волости вѣроятно оставались малоподвижными довольно долгіе промежутки времени. Отсюда неудивительно, что при составленіи люстрацій, или же при выдѣленіи частей волости въ частное владѣніе не трудно было установить повинности или дани, которыя были платимы. Если разобрать древнѣйшія пожалованія (а они наиболѣе характерны), въ которыхъ встрѣчается подворищное опредѣленіе даней, то прежде всего слѣдуетъ взвѣсить, какого рода дворища въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ, то-есть, жалуется ли княземъ боярское служебное дворище, уже раньше выдѣленное изъ общины, или же дворище выдѣляется изъ общины только въ данный моментъ самимъ актомъ пожалованія. Приведемъ примѣръ для поясненія. Ивашко Русиничъ проситъ у вел. кн. Александра села Сомина въ Володимірскомъ повѣтѣ. Господарь поручилъ справиться Василію Хребтовичу, „какое то ест сѣло, а што нам с него плату идет“. Село оказалось тяглое, дань съ него шла опредѣленная. Но раньше Сомино было во владѣніи уже двухъ бояръ, Казарина и Тишка [2]), и такимъ образомъ на господаря никакихъ съ него платовъ не шло. Село, слѣдовательно, было давно уже выдѣлено изъ общины (конечно, если само оно не оставляло общины), и, конечно въ періодъ частнаго владѣнія подати и повинности съ него

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, стр. 473.

[2]) Довнаръ-Запольскій, Акты лит-р. госуд., I, стр. 91—92

опредѣлялись независимо отъ общинной раскладки. Далѣе, иногда грамота давалась на людей уже послѣ того, какъ получающій ее вступилъ во владѣніе людьми по намѣстничьей данинѣ [1]). Наконецъ общеизвѣстенъ и тотъ фактъ, что данину большею частью подыскивалъ себѣ самъ проситель и просилъ о подтвержденіи; разумѣется, подыскавшій землю съ людьми долженъ былъ опредѣлить предъ господаремъ и ея доходность [2]), то-есть ту часть дани, которая, наложенная по раскладкѣ, приходилась съ просимыхъ людей. Но самый процессъ подыскиванія земель разсказывается въ жалованной грамотѣ не всегда; не всегда можно для каждаго единичнаго случая указать, что земля жалуемая и раньше была служебною, а не выдѣляется впервые изъ волости. Такъ, если мы встрѣчаемъ и непосредственное выдѣленіе людей изъ волости [3]), то и здѣсь можно предполагать условія данинъ: господарь могъ подтверждать или данину „до воли и ласки господарской“, или насмотрѣнную самимъ просителемъ: въ обоихъ случаяхъ получающій можетъ указать, какую дань даютъ просимые люди.

Указывая на самодѣятельность въ податномъ отношеніи волостной общины, необходимо сдѣлать еще одну оговорку. Мы говоримъ объ общинѣ конца XV и начала XVI стол. Здѣсь является вопросъ: слагаются ли финансово-административные порядки общины на глазахъ исторіи подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ факторовъ общегосударственной жизни, или эти порядки стариннаго происхожденія? Слишкомъ много было приведено фактовъ для того, чтобы составилось убѣжденіе въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной въ моментъ ея разрушенія: сначала борьба ведется на почвѣ личныхъ отношеній мѣстной администраціи съ волостью; съ половины XVI вѣка на помощь уряду высту-

[1]) Ibdem, напр., стр 55 и др.

[2]) Ср, напримѣръ, ibidem, стр. 169; путные люди, напримѣръ, были облыжно выпрошены за тяглыхъ, ibidem, стр. 136; др. факты ср. стр 129. 127—128, 118 и др.

[3]) Акты Литовско-русск. госуд., I, стр 16; „Ино еще придали есмо у Бобруйской волости. три дворы, што въ Чичерскую волость подали ся были“

паетъ центральное правительство со своими реформами. Общинное зданіе, которое разрушаютъ въ первой половинѣ XVI вѣка, не могло слагаться въ періодъ разрушенія,—это понятно. Поэтому хотя нѣтъ источниковъ, чтобы проникнуть въ болѣе раннее время, въ періодъ созиданія Литовско-русскаго государства, но естественно предположеніе, что и въ начальный періодъ Литовско-русскаго государства обозначенная организація уже существовала. Въ одной грамотѣ вел. кн. Витовта, данной борисовцамъ о тивунскомъ доходѣ, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто; „а вѣсити (медовую дань—тивунскій доходъ) ихъ человѣку борысовцу по старинѣ передъ тивуномъ и передъ мужми, а тивунамъ и слугамъ его въ то не вступатися и ничѣмъ черезъ пошлину не обидити“ [1]). Можно, кажется, представить порядокъ отдаванія дани такой: „человѣкъ“,—мы бы приравняли его старцу,—въ присутствіи мужей волости сдавалъ дань тивуну отъ всей волости; слѣдовательно, и дань была собираема самими волощанами. Такимъ образомъ, нѣтъ данныхъ видѣть въ административно-финансовой дѣятельности общины такого явленія, которое сложилось бы сравнительно недавно подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій государственной жизни. Надо помнить, что литовско-русское правительство неоднократно заявляетъ свое стремленіе охранять обычай „звечный, стародавный“: „мы никому съ подданыхъ нашихъ новины не вводимъ, а старины не рушаемъ“.

До сихъ поръ рѣчь шла о господарскихъ податяхъ и повинностяхъ. Но онѣ не столько тяготили населеніе, какъ намѣстничьи сбора. Послѣдніе распадались на нѣсколько видовъ. Въ основѣ намѣстничество было прежде всего кормленіемъ. Поэтому основной доходъ намѣстника состоялъ въ сборѣ на „страву“ [2])—кормъ. Онъ взимался натурою—хлѣбомъ, живностью и сѣномъ. Этотъ сборъ раскладывался двоякимъ способомъ: основная его часть (жито, овесъ, яловицы) упла-

[1]) А Ю. З. Р., I, стр 3.
[2]) Приложенія, стр. 55.

чивались всею волостью, по волостной разверсткѣ, придаточные продукты, вродѣ барановъ, сыровъ, куръ, сѣна, масла и т. п. обыкновенно взималось съ дыму, или съ сохи. Немалую роль играли добавочные сборы, вродѣ „записного“ или „пишчого“ (отъ записи доставляемыхъ продуктовъ), „закосного“, приплаты городничимъ и т. п. Повидимому, эти добавочные приплаты были болѣе новаго происхожденія, не были точно таксированы и потому подвергались увеличеніямъ со стороны собиравшихъ. Это—одна часть намѣстничьихъ сборовъ. Такъ какъ намѣстникъ кормился живя въ волости, то этотъ платъ иногда называется въѣздомъ; иногда же въѣздъ состоитъ изъ особаго денежнаго сбора [1]). Другая часть намѣстничьихъ сборовъ состояла изъ полюдія, которое слѣдуетъ считать оплатой административной дѣятельности; полюдіе взималось деньгами, общею суммой со всей волости. Наконецъ, третью часть сборовъ составляли „вины“, т. е. судебные штрафы. Сборы обѣихъ первыхъ категорій—точно опредѣлются грамотами; вѣроятно, это опредѣленіе, особенно относительно размѣра кормовъ, во многихъ случаяхъ было уже результатомъ борьбы волости съ намѣстникомъ, вслѣдствіе желанія послѣдняго поднять кормъ.

[1]) Сказанное подтвердимъ цитатами источниковъ:

Свистоцкая волость жаловалась на своего державцу и. Немировича въ 1531 г. за введеніе разныхъ новинъ, при чемъ новинами названы и волостельскіе доходы съ сохъ и дымовъ. Господарь такъ опредѣлилъ намѣстничій доходъ: «водле стародавного обычаю какъ и за первшыхъ державцовъ нашыхъ бывало: 10 каменей меду, 8 яловицъ, 8 вепровъ, 8 барановъ, а 2 бочки соли, а съ трохъ сохъ маютъ дати по соляниці жыта, а по соляниці овса, а по корцу крупъ, а з дыму по сыру, а по курати, по 10 яецъ, а по фаску масла, а по возу сѣна» Приложенія, стр. 18. Въ Могилевской волости давали по людія 60 коней грошей, и живности по 100 бочекъ жита, овса и возовъ сѣна и по 20 яловицъ. (ibidem, стр. 25). Въ Кричевской волости давали «страву» деньгами, хлѣбомъ, мясомъ, сѣномъ, дровами со всей волости (ibidem, стр. 55). Въ Тонднгольскон вол. давали съ каждон сохи деньгами, житомъ, хмелемъ и деньги «на медъ» державцѣ (ibid, стр. 28). Въ Чичерскон вол. даютъ уже съ „кождое особливое земли“ и съ „особливои сохи“—„су хлѣба“—житомъ, овсомъ, сѣномъ и пр. (стр. 62). Чичерская устава довольно поздняя (1551 г.) и это, быть можетъ, сказалось на способѣ обложенія.

Разнообразіе намѣстничьихъ доходовъ давало частые поводы къ злоупотребленіямъ со стороны собиравшихъ. Иногда поэтому сами волости вступали въ договоры съ своими намѣстниками и державцами и всѣ сборы перелагали на опредѣленную сумму, которую и обязывались вносить. Такой договоръ, какъ мы видѣли, заключила Мозырская волость съ своимъ державцею п. Андреемъ Немировичемъ. Извѣстный панъ М. Радивилъ во всѣхъ своихъ державахъ устанавливалъ общій платежъ волости деньгами за всѣ намѣстничьи сборы, даже за судебные штрафы, мотивируя это своимъ нежеланіемъ, подобно своимъ предшественникамъ, ѣздить по волостямъ „на посѣди“ и собирать живности. Крестьяне далеко не охотно соглашались платить налагаемыя на нихъ крупныя суммы, хотя Радивилъ въ одномъ случаѣ и заявлялъ, что платежъ наложенъ имъ съ согласія жителей [1]).

Но гораздо чаще и настойчивѣе мѣстная администрація стремится проникнуть въ волость, замѣнить сельскія власти своими служебниками, увеличить податное бремя

[1]) Относительно Бобруйской и Бчицкой волостей см. Приложенія, 46 Изъ вырока между старостой жомойтскимъ М. Радивиломъ и волостью Тондягольскою оказывается слѣдующее Получивъ староство, Радивилъ собралъ представителей всѣхъ волостей въ свое имѣніе Кейданы и заявилъ имъ, «ижъ я по посѣден не хочу ездити, яко предкове мои ездывали для того, ижъ вамъ з большою шкодою и утратою будеть, и большей бы вамъ вышло, коль бысте мене подыймовали. Гдежъ ся имъ то подобало. А к тому еще в кождой волости по два врадники бывали—тивунъ а намесникъ, а от нихъ слуги два». Радивилъ уставилъ въ волости по одному врядніку, тивунскіе доходы „показилъ“. „И учиниломъ з ними угоду со всими людьми и волости староства моего, положиломъ на нихъ платъ, якъ у волостяхъ господарскихъ: з людей идеть на господаря его милость изъ сохи по полукопью грошей, а къ тому по бочце овса, по возу сена, з дыму по куряти, по десети яецъ.. И они то приняли сами добровольне, на што есьми у кождую волость *листы* мои подавалъ, а имъ особныи листы далъ, где жъ они на то присвоили и вхвалили, поднялися то платити“ (Приложенія, стр. 29) О Могилевской вол. см. Приложенія, стр. 26 и 20. Договоръ съ державцею въ Мозырской волости существовалъ и позже: въ судебномъ вырокѣ М. Радивила по поводу жалобы волости Мозырской на державцу своего Нарбута мѣщане жалуются: „Мы дей зъ волостью подле привилья его королевское милости платъ *врочыстый* даемъ двесте копъ и шестьдесятъ копъ грошей, а двесте и шестьдесятъ бочекъ жыта; с того дей державца мелъ выхованье свое мѣти и посла и гонца стацеями и подводами поднимати“. Изд. мною 3 т., VIII ч. Архива Ю.-З. Р. стр. 57

Очень возможно, что бѣдность крестьянъ или другія причины побуждали ихъ вносить въ скарбъ меньше, чѣмъ считали скарбные реестры. Администраторы не разъ ссылаются на недобросовѣстность данниковъ при взносѣ дани, а помочь скарбу предполагалось или усиленною опекой надъ общиной, или полнымъ отнятіемъ у крестьянства его правъ на раскладку податей. Правительство часто не знаетъ, на какую сторону можно положиться: оно не довѣряло и своимъ урядникамъ и самимъ волощанамъ. Въ 1525 г., напримѣръ, господарь издаетъ указъ старцамъ и мужамъ волости Могилевской, чтобы они давали тивуницину прямо въ скарбъ; раньше, говорится въ листѣ, волость давала тивуницину тому, кому в. князь поручалъ; теперь, еслибы изъ канцеляріи даже былъ выданъ кому либо листъ на выбираніе тивуницины, — волость не должна выдавать и на такой листъ [1]). Правительству часто приходилось считаться съ расхищеніемъ скарбовыхъ доходовъ его же чиновниками [2]). Но и представители уряда зорко слѣдили за слабыми сторонами волостныхъ порядковъ. Если волость неисправно вносила платежи, находился желающій взять волость въ держанье для болѣе исправнаго взиманія податей. Въ 1528 г. Сигизмундъ I отдалъ въ держанье волость Горвольскую Богдану Шолухѣ, потому что она, по докладу того же Шолухи, неисправно вносила дани: державца долженъ былъ выбирать дани и вносить въ скарбъ общую сумму, которая полагалась съ волости, „врокомъ“ [3]). Понятно и то, что неподвижность государственныхъ, опредѣляемыхъ по старинѣ, податей не могла не озабочивать скарбъ, нужды котораго къ половинѣ XVI вѣка разрастаются. Реформа крестьянскаго землевладѣ-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр. 199.

[2]) Съ Бобруйской волости не дошло въ 1533 въ скарбъ даней, обозначенныхъ въ реистрахъ: „а передъ тымъ не только с тое волости дани выхаживало, о чомъ же мы добре вемы и реистра оное сумы и теперъ в насъ суть“, а писари побрали собранное себѣ. Приложеніе, 15.

[3]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 206.

нія являлась при такихъ условіяхъ логическою необходимостью для центральнаго правительства.

При существованіи волостной и сельской раскладки даней и тягла весьма понятно, что каждая платежная единица, волость, городъ, село, стремится удержать въ своей средѣ плательщиковъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы они не уклонялись отъ общаго тягла. Отсюда возникаетъ цѣлый рядъ процессовъ, вчинаемыхъ общинными организаціями къ тѣмъ частямъ ихъ, которыя стремятся избыть тягла [1]). Однимъ изъ способовъ уклоненія—былъ закладъ за державцу, старосту. Въ такихъ случаяхъ волость хлопочетъ „о приверненіи [2]). Волость искала не только отдѣльныхъ тяглецовъ, но иногда добивалась общихъ распоряженій центральнаго правительства, вообще очень благословно встрѣчавшаго подобныя ходатайства, напр о возвращеніи при помощи старостинской власти всѣхъ разошедшихся тяглецовъ [3]), или наконецъ, правительствомъ, по иниціативѣ волостей, издава-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I стр. 61, 65, 206; Леонтовичъ, Акты Метрики, №№ 253, 319; Даниловичъ, Skarbec diplomatow, № 2241 Приведемъ еще два факта, касающіеся собственно городской общины. Въ 1535 г. Сигизмундъ I разсматривалъ жалобу бояръ вруцкихъ на мѣщанъ· „штожъ дей мѣщане вруцкие кажутъ имъ порубы платити и сторожу у воротъ городовыхъ стеречи и з листы ездити", а они „здавна" къ этому не обязаны, причемъ бояре представили судовые листы п. Ю. М Радивила и А. Немировича, которыми они освобождены отъ этихъ повинностей и обязаны къ службѣ военной земской вмѣстѣ съ другими боярами. (Кн. Коронной Метр XII, л. 88 об.). Въ 1555 г. мѣщане Рошскіе „притягивали" „з собою ку давапью подводъ подъ послы и гонцы его милости господарскіе, и грабили людей именя Дубровенскаго воеводича виленскаго Яна Яновича Гѣбовича", за что мать Гѣбовича позвала ихъ на судъ господарскій. Дѣло разбиралъ М Радивилъ Но представители мѣщанъ, „не вступуючи в право сами от себе и от всихъ мещанъ Рошскихъ вызнали, иж неслушне тотъ грабежъ подданыхъ того нашего пана воеводича виленского вчинили, кгдыжъ николи передъ тымъ люди Дубровенские з места из волости с ними подводъ недаивали подъ послы и гонцы", поэтому мѣщане возвратили „грабежи" и дали обѣщаніе впредь исковъ не возбуждать. (Кн. Судн. Д Лит. XXXIV, л. 100 об.) Ср. Довнаръ-Запольскій, Госуд. хоз. I, стр. 681—684.

[2]) Приложенія, стр. 54. Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 194.

[3]) Любавскій, ор. с., прил., № 51

лись общія распоряженія касательно частновладѣльческихъ людей, уклоняющихся отъ волостнаго тягла [1]).

Съ подобнаго рода фактами въ дѣятельности общины мы уже знакомы изъ предыдущаго изложенія. Здѣсь мы обратимъ вниманіе еще на одно свидѣтельство, дающее возможность проникнуть во внутреннія отношенія общины. Въ 1556 г. Мозырская волость вела тяжбу съ владѣльцами села Путятинскаго Хребтовичами, доказывая, что люди этого села должны нести всѣ повинности совмѣстно съ людьми волости. Отвѣтчики представили встрѣчный искъ: доказывая, что село Путятинцы тянетъ къ ихъ отчинѣ Щорсамъ, и никогда не отбывало повинностей вмѣстѣ съ Мозырянами, они жаловались на село Домановичи, жители котораго пограбили ихъ людей, заставляя отбывать подводы. На судѣ присутствовали и Домановичи, поддерживавшіе искъ. Село Домановичи было такимъ образомъ исполнителемъ рѣшенія волости. Во главѣ села было трое крестьянъ, на которыхъ съ ихъ потужниками т. е. на всѣхъ Домановичей, и былъ обращенъ искъ. Село Домановичи очень—большое селеніе (по описанію 1552 г. въ немъ было 33 службы), значитъ, три мужа были какими-то должностными лицами. Экзекуція была произведена селомъ Домановичами, очевидно потому, что Путятичи должны были по волостнымъ разсчетамъ стоять въ одной очереди съ Домановичами (въ одной „недѣлѣ“ по подводамъ), но тѣмъ не менѣе они дѣйствовали отъ имени волости, такъ что искъ былъ предъявленъ ко всей волости [2]). Этотъ случайно казываетъ самый процессъ „приверненія“ тяглецовъ.

Предыдущее изложеніе выясняетъ двѣ разновидности одной и той же финансовой дѣятельности общины. Но у волости была еще одна сторона той же дѣятельности—собственныя волостныя нужды, на которыя требовались разметы между волощанами.

[1]) Приложенія, стр. 16.
[2]) Приложенія, стр 68.

Волостныя нужды удовлетворялись волостью при посредствѣ своихъ разрубовъ. Это вытекаетъ изъ самой сущности волостной жизни [1]). Несомнѣнно однако и то, что центральное правительство въ наблюдаемый періодъ крайне недружелюбно относится къ этой сторонѣ общинной самостоятельности, очевидно подозрѣвая, что такимъ образомъ уменьшается платежеспособность волостныхъ тяглецовъ По этому оно старается поставить разметъ подъ контроль державцевъ. И въ самой волости иногда происходили пререканія по поводу разрубовъ. Это вполнѣ понятно. Въ описываемый періодъ борьбы одни изъ волощанъ стремились укрыться отъ волости подъ покровительство державцы, другіе напротивъ крѣпко отстаивали старину. Одна грамота напр., разсказываетъ, что волостные старцы частые меты мечутъ и забираютъ деньги себѣ. Поэтому постановляется, что разметъ можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда случится дѣйствительно волостная потреба и при согласіи всей волости, старецъ вмѣстѣ съ волощанами должны объ этомъ объявить вряднику; послѣдній даетъ волости вижа, въ присутствіи котораго совершается разметъ и при томъ въ суммѣ, не привышающей дѣйствительной нужды [2]) Враждебное отношеніе къ волостнымъ разметамъ выразилось между прочимъ въ томъ, что при проведеніи реформъ 60-хъ г. г. мѣстами они были совсѣмъ воспрещаемы, хотя эти постановленія не имѣли практическаго значенія и даже находились въ противорѣчіи съ нѣкоторыми уставами позднѣйшаго времени.

Непріязненное отношеніе властей къ волостнымъ разметамъ станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что одною изъ довольно обычныхъ волостныхъ нуждъ въ эту эпоху борьбы былъ сборъ денегъ на посылку депутаціи для принесенія жалобъ и всякаго рода ходатайствъ [3]). Такимъ хода-

[1]) Приложенія, стр. 27
[2]) Любавскій, прилож. № 51.
[3]) Р. Ист. Библ., XX, стр.

таямъ давались „волостные грошы“. Впрочемъ, по существу нашихъ источниковъ, предоставляющихъ собою бумаги, вышедшія изъ господарской канцеляріи, мы не можемъ и ожидать обильныхъ свѣдѣній о тѣхъ нуждахъ, ради которыхъ волость дѣлала свои разметы.

Къ счастью, наши источники сохранили намъ кой-какія свѣдѣнія о томъ, какія иногда бывали у волости нужды, на которыя она собирала сборы. Въ 1540 г. подданные с. Лебедева Берестейскаго повѣта разрушили мельницу, построенную пушкаремъ берестейскимъ Маркомъ Зубрицкимъ на землѣ, которую они признавали спорною. Староста п. Александръ Ходкевичъ присудилъ со всего села Зубрицкому за „гвалтъ“ 40 копъ грошей; 30 копъ они заплатили готовыми деньгами, а въ 10 копахъ заложили Зубрицкому двѣ нивы. О своей мировой съ Зубрицкимъ подданые лебедевцы, во главѣ со своимъ старцемъ, составили листъ вызнаный [1]). Въ этомъ документѣ источники сохранили намъ одинъ изъ поводовъ, когда волощанамъ надобилось прибѣгнуть къ самообложенію. Иногда и сама волость по суду, напримѣръ, получала ту или другую сумму. Такъ въ 1555 г. старецъ могилевскій Андрей Печера съ другими представителями волости просилъ записать въ книги канцелярскія, что волость получила удовлетвореніе отъ бояръ Садки Щолкановича и Семена Котла въ количествѣ $104^1/_2$ копъ грошей [2]). Къ сожалѣнію, заявленіе крестьянъ не объясняетъ, почему эта значительная сумма была дана волости боярами, но, надо думать, она была присуждена за какое либо безчестье или убытки.

Само собою разумѣется, что этими случайными указаніями вовсе не исчерпываются всѣ поводы, когда волость расходовала на свои волостныя потребы деньги, или сама

---

[1]) Разрушеніе млына было сдѣлано, конечно, по постановленію громады. Примѣры подобныхъ постановленій извѣстны и изъ другихъ документовъ, см., напримѣръ, Архивъ кн. Сангушекъ, IV, стр. 174.

[2]) Приложенія, стр. 65.

ихъ получала. Можемъ указать и еще на довольно широкую сферу примѣненія волостныхъ разметовъ—на оплату повинностей, причитающихся съ волостей въ натурѣ, напр. на наемъ дойлидовъ на замокъ, сторожей [1]) и т. п. Нѣкоторыя волостныя нужды оплачивались весьма оригинальнымъ способомъ, свойственнымъ духу того времени: мужи Остерскіе выдѣлили изъ себя на церковь одного мужа [2]), т. е. причитающаяся съ него дань шла на церковь, а уплату ея въ скарбъ брали на себя однообщинники.

Если волостная община имѣла свои расходы, то она имѣла и свои спеціальныя доходныя статьи. Такъ, Кричевская волость имѣла свою воскобойню [3]). Такимъ же правомъ имѣть извѣстныя доходныя статьи пользовались и составныя части волости, города, села, если даже послѣднія не составляли самостоятельной организаціи. Такъ, мѣщане Мозырскіе имѣли свой перевозъ на р. Припети и собирали на немъ мыто съ чужеволостцевъ, своихъ же волощанъ перевозили безплатно [4]). Частновладѣльческое село Курмегольцы (можетъ быть, составлявшее самостоятельное цѣлое) устроило перевозъ и стало собирать на немъ мыто. Но тутъ же не далеко былъ другой перевозъ, часть котораго принадлежала двору Гегузинскому, часть цѣлому селу бояръ Лепницкихъ [5]). Село Реваничи Радошковской волости имѣло свою мельницу [6]).

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VII, б. I, стр. 601, 616. О договорахъ съ державцами съ цѣлью оплаты причитающихся на волость повинностей см. ниже. Для удовлетворенія такихъ нуждъ община именно прибѣгала къ волостному размету, о чемъ напр. свидѣтельствуетъ фактъ, приведенный у М. К. Любовскаго (Обл. дѣленіе, стр. 473).

[2]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VII, т I, стр. 598.

[3]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 185.

[4]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 624

[5]) Леонтовичъ, Акты Метрики, № 381.

[6]) Документы Моск. Арх. М. Ю, I, стр. 119: „Село Реваничы... при немъ река от села на пол-мили, зовуть ее Уша, на которой есть ставъ и млынъ мелеть, нижли волость Реваницкая сами собе тотъ ставъ заняли и на нихъ же мелеть, а отъ чужоволостцовъ завозу нетъ“.

Обладаніе имуществами дѣлало общину лицамъ юридическимъ. Такой же характеръ придавали ей и договоры, въ которые вступаетъ община и вообще всякаго рода юридическія сдѣлки. Примѣръ такой сдѣлки мы только что указали, приводя заявленіе могилевскаго старца Конона Печоры. Кромѣ того до насъ дошло не мало указаній на сдѣлки, заключенныя волостями съ своими державцами. Дѣло обыкновенно касалось отбыванія самой трудной изъ повинностей—подводной. Намѣстники охотно брались сами поставлять подводы и стаціи за извѣстную сумму, которую волость обязывалась вносить ежегодно [1]). Иногда такимъ же образомъ по договору волощане освобождались отъ всѣхъ натуральныхъ сборовъ на намѣстничій кормъ и въѣзды [2]), хотя такіе договоры не всегда были добровольными со стороны волощанъ [3]). Иногда такіе договоры приводили къ жалобамъ волощанъ на державцу, или къ судебному процессу, который приходилось вести волости. Такъ, напр. двѣ волости Куренская и Марковская (онѣ всегда выступаютъ вмѣстѣ и составляли одну державу) имѣли тяжбу съ своимъ бывшимъ державцею Л. Роскимъ, который, заключивъ съ волостями договоръ объ отбываніи подводъ, его не исполнилъ: деньги три года бралъ и подводъ не ставилъ, такъ что подданымъ пришлось самимъ отбывать повинность. Уже въ заключительной стадіи процесса, Роскій вступилъ съ волощанами въ соглашеніе, уплатилъ часть взыскиваемой суммы, и истцы прекратили искъ [4])

Такова была довольно разносторонняя компетенція волостной общины. Но уже и изъ предыдущаго изложенія отчасти видно, что дѣятельность меньшей общиной организаціи, сельской общины, складывалась, въ кругу своихъ интересовъ, по типу волостной. Село только не выступаетъ передъ

---

[1]) Приложенія, стр. 26, 21. 64.

[2]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр 207; Архивъ Ю. З. Р, ч. VIII, т. III, стр. 57.

[3]) Приложенія, стр 28.

[4]) Приложенія, стр. 70.

правительственной властью по податнымъ вопросамъ, но это объясняется тѣмъ, что повинностнымъ и податнымъ округомъ была волость. Однако и село блюдетъ свои податные интересы, хотя и дѣйствуетъ въ качествѣ исполнительнаго органа волости (напр., с. Домановичи и Рошкіе мѣщане). Село также является юридическимъ лицомъ и вступаетъ въ договоры по своимъ отдѣльнымъ сельскимъ дѣламъ. Мы приводили содержаніе сдѣлки, заключенной подданными с. Лебедева. Такъ какъ это село лежало въ Берестейскомъ повѣтѣ, то можетъ возникнуть сомнѣніе, не является ли этотъ фактъ лишь показателемъ уже ослабѣвшей волостной организаціи на западной окраинѣ. Она, конечно, здѣсь ослабѣла, но аналогичные факты встрѣчаются и среди русскихъ волостей. Такой фактъ мы имѣемъ, напр., въ договорѣ, заключенномъ крестьянами села Задобрицкаго, составлявшими часть Свислоцкой волости. Они имѣли тяжбу съ земяниномъ Войтехомъ Рутковскимъ о землѣ, при чемъ Рутковскій допустилъ еще какіе-то „грабежи“ на спорной землѣ. Въ 1563 г. обѣ стороны пришли къ частичному соглашенію: отвѣтчикъ „переѣдналъ“ крестьянъ по вопросу о грабежахъ, обязавшись уплатить имъ въ установленный срокъ 15 коп. грошей; крестьяне обязались „отпустить“ ему искъ, но вопросъ о спорной землѣ оставленъ на „ласцѣ королевской“, т. е. на рѣшеніе великаго князя [1]).

VI.

Капитальной стороной въ строѣ волостной и сельской общины является ея отношенія къ землѣ. Разрѣшеніе этого вопроса представляетъ наиболѣе затрудненій. Тутъ мы сталкиваемся съ двумя радикально противоположными мнѣніями, высказанными проф. М. Ф. Будановымъ и проф. М. К. Любавскимъ. Мы имѣли въ своемъ распоряженіи бо́льшее ко-

[1]) Приложенія, стр 71.

личество документовъ, чѣмъ предшествующіе изслѣдователи, и всетаки напередъ можемъ сознаться, что предлагаемое рѣшеніе вопроса не болѣе, какъ слабая попытка. Приходится приступать поэтому къ разсмотрѣнію этого спорнаго вопроса съ крайнею осторожностью.

Прежде всего съ несомнѣнностью можно констатировать тотъ фактъ, что огромная масса фактическаго матеріала говоритъ намъ о широкомъ распространеніи въ XV и XVI в., охватывающемъ всѣ части государственной территоріи и всѣ разряды крестьянскаго и мѣщанскаго классовъ, владѣніи дворищами, службами, жеребьями, слѣдами, селами, сельцами, отдѣльными нивами, бортями и т. д. Это все самостоятельные крестьянскіе участки, которые поступаютъ въ продажу, обмѣнъ, переходятъ по наслѣдству, отдаются въ закладъ и обмѣнъ—однимъ словомъ, подлежатъ „шафованью“, поскольку оно не противорѣчитъ правамъ великаго князя. Фактовъ такихъ множество, они общеизвѣстны, такъ что не требуютъ даже пересмотра. Это обстоятельство и служитъ мощнымъ аргументомъ для подтвержденія мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые признаютъ въ Западной Россіи одну только форму крестьянскаго землевладѣнія — на правѣ крестьянскихъ вотчинъ по стольку прочнымъ, по скольку оно не противорѣчило, или не сталкивалось съ правами государства и частныхъ землевладѣльцевъ. При такихъ условіяхъ, каждый представитель крестьянской отчины непосредственно связанъ только съ своимъ верховнымъ владѣльцемъ, частнымъ собственникомъ или государствомъ. Связи, основой которой было бы то или иное отношеніе къ землѣ, при этомъ ни въ волости, ни въ многодворищномъ селѣ не можетъ существовать. Однако и послѣднее утвержденіе было бы ошибочно, его нельзя подтвердить. Крестьянская община, волостная, сельская или городская не на магдебурскомъ правѣ, то есть на русскомъ, дѣйствительно отстаиваетъ свои „звѣчистыя“ земли не потому, что онѣ принадлежатъ отдѣльнымъ членамъ общины, но потому, что считаетъ ихъ волостными, мѣсткими, сельскими. Это тяжбы и жалобы не

отдѣльныхъ лицъ, но именно цѣлыхъ обществъ. Предположить, что въ данномъ случаѣ побудительнымъ мотивомъ является только повинностная солидарность, значило бы объяснить дѣло наполовину. Податное тягло въ Западной Россіи не было проводимо съ такой настойчивостью, какъ въ Московскомъ государствѣ. Кромѣ того мы встрѣчаемъ такого же рода солидарность и въ такихъ группахъ населенія, гдѣ круговое тягло не имѣло значенія; напр., группа Любечскихъ бояръ хлопочетъ о подтвержденіи ея земель [1]). Но боярская служба—личная военная служба; слѣдовательно, тягло тутъ непричемъ. Нельзя объяснять борьбы за землю солидарностью общаго характера: мы наблюдаемъ крестьянскій строй въ періодъ распада, когда солидарная жалоба, протестъ, были дѣломъ далеко не всегда безопаснымъ для жалобщиковъ. Слѣдовательно, были еще нѣкоторые другіе основные мотивы, поддерживавшіе общинную солидарность. Такими мотивами и были извѣстныя отношенія волости и села къ землѣ. Эти отношенія не были тождественны.

Чтобы по возможности осторожнѣе разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ, мы прежде всего постараемся выяснить, существуетъ ли волостная территорія и каково отношеніе къ ней волостной общины.

Понятіе о волостной территоріи несомнѣнно было. На этой территоріи были земли троякаго рода: во первыхъ участки, уже освоенные отдѣльными общинами, селами, городомъ, или отдѣльными лицами, во вторыхъ, фактически никому не принадлежащіе, на которыхъ волощане считаютъ за собою право дѣлать заимки, и, наконецъ въ третьихъ, угодія, находящіяся уже въ „спольномъ“ пользованіи волости.

Относительно послѣднихъ дѣло объясняется просто.

Это обыкновенно угодія, рыбныя, бортныя или звѣриные ловы, лѣса. Принадлежность такихъ земельныхъ

---

[1]) И нѣкоторые др. факты въ Архивѣ Юго-Западной Россіи часть VIII, т. III. (издавается мною).

пространствъ волости легко объясняется тѣмъ, что они могли находиться, вслѣдствіе своихъ обширныхъ размѣровъ, въ „спольномъ“ владѣніи нѣсколькихъ селъ или даже всей волости. Такъ, напр., Кораевская волость, составляя списокъ кривдъ, учиненныхъ ей державцею, записываетъ и такую жалобу: „а лесъ у насъ отнялъ, то намъ крывду чинить. А лесъ намъ изъ века воленъ“ [1]). Кричевская волость считаетъ свою кривду въ томъ, что державца вступается „въ ловы, лосиныи ихъ властные звечистые“. Съ этихъ лововъ и бобровыхъ гоновъ они платили платъ господарю [2]). У Свислоцкой волости были ея собственныя „озера звечистые“, которыя она тоже отстаиваетъ отъ захвата державцы [3]). Эти факты хорошо разъясняютъ, что на волостной территоріи были такія земли, пользованіе которыми устанавливалось волостной общиной. Въ данномъ случаѣ ея права распоряженія таковы же, какъ и права сельской общины.

Но центръ тяжести долженъ заключаться въ выясненіи отношеній волости не къ этимъ землямъ, но къ тѣмъ, которыя уже находятся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ.

Въ представленіи членовъ волости и литовскаго правительства объединяющимъ элементомъ волости было пользованіе волостною землею и, какъ слѣдствіе изъ этого, участіе въ волостномъ тяглѣ. Намъ приходилось уже ссылаться на доказательства, приведенныя могилевскими мѣщанами на судѣ, когда они доказывали, что волость не имѣетъ права притягивать ихъ къ работѣ по постройкѣ окраинныхъ замковъ. Основнымъ аргументомъ со стороны мѣщанъ, признаннымъ и судомъ, былъ тотъ, что они „земль жадныхъ волостныхъ подъ собою не мають и ихъ не ужываютъ“; и судъ нашелъ: „естли они, мещане могилевские, земль волостныхъ подъ собою не будутъ мети и ихъ вжы-

[1]) Приложенія, стр. 6
[2]) Приложенія, стр. 56.
[3]) Приложенія, стр 19.

вати", но занимаются только торговлею, то и обязаны нести повинности, касающіяся только своего замка[1]). Ясно, слѣдовательно, что подъ волостью разумѣется не только союзъ лицъ, связанныхъ тягломъ, но пользованіе этими лицами волостною землею. Тотъ же мотивъ встрѣчаемъ мы и въ грамотѣ Сигизмунда I, данной гродненскимъ мѣщанамъ. Они жаловались на своего старосту пана Ю. Радивила за разныя кривды и между прочимъ на то, что староста взимаетъ подати съ тѣхъ мѣщанъ, которые имѣютъ собственную землю, выдѣленную изъ волости; съ другой стороны староста взималъ подати съ тѣхъ людей, которые, оставивъ свои волостныя земли, переселились въ городъ и занимались торговлей[2]). Вообще можно считать общимъ правиломъ, что участіе въ волостномъ тяглѣ обусловливалось пользованіемъ волостной землей[3]). Отсюда понятно, что волость считала своею обязанностью отстаивать всякаго рода захваты, которые могли уменьшить число ея тяглецовъ, или же сдѣлать ихъ менѣе обезпеченными для несенія тягла. Въ 1495 г. приказникъ Рославльскій съ мужами вели тяжбу передъ господаремъ съ Борисомъ Семеновичемъ. Они настаивали, что Семеновичъ забралъ 7 селъ ихъ волости и кромѣ того отнялъ отъ нихъ дуброву, составлявшую городской выгонъ. Доказательства волощанъ не подтвердились[4]). Но для насъ тутъ интересно то, что волость отстаиваетъ извѣстныя части своей территоріи въ качествѣ тяглаго союза.

И такъ слѣдовательно, волость есть тяглый союзъ селъ и города, обнимающій не только лицъ, но и территорію, ими эксплоатируемую. Вся волостная земля—тяглая; изъ тягла можетъ ее вывести только спеціальное господарское пожалованіе. На этой землѣ живутъ крестьяне, горожане и даже

---

[1]) Приложенія, стр. 38.

[2]) Акты Вил Ком VII, стр. 68

[3]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр., 169; Даниловичъ, Skarbec dypl. № 2261.

[4]) Леонтовичъ, Акты Метрики, № 200.

бояре, которые тоже несутъ тягло вмѣстѣ съ волостью [1]). Такимъ образомъ тягло падаетъ не на лицо, а на землю: это вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру изстариннаго обложенія въ Литовско-русскомъ государствѣ [2]).

Но что означало пользованіе волостною землею? Это не было безразличное пользованіе по желанію каждаго тяглеца тѣмъ или инымъ участкомъ, не было и пользованіемъ вслѣдствіе какого нибудь спеціальнаго на каждый разъ распоряженія общины. Оно означало, что данное лицо или группа лицъ, объединенныхъ въ селѣ или въ городѣ, имѣютъ на территоріи волости свои участки, въ силу чего и несутъ тягло. Замѣтимъ, что эти участки не могли быть дворовыми мѣстами, такъ какъ подымное обложеніе не соотвѣтствуетъ изстариннымъ податнымъ системамъ, будучи новшествомъ, постепенно прививаемымъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Такимъ образомъ дѣло касается пользованія пашнею и входами. Сказанное хорошо иллюстрируется нѣкоторыми фактами, объясняющими, какъ пользовалась городская община волостною землею. Такъ, Мозыряне имѣютъ право въѣзда въ волостныя пущи для рубки дровъ, строевого лѣса, въ волостныя рѣки и озера для рыбной ловли; это ихъ право въѣзда распространяется на всю волостную территорію—„яко земля волостная зашла“. Относительно сѣножатей, мѣщане пользовались такимъ же широкимъ правомъ: „мещане сено на себе косятъ, где хотятъ, по дубровамъ селъ господарскихъ волостныхъ“. Что касается роспашей подъ поля, то право горожанъ, по словамъ ревизіи 1552 г., было ограничено: имъ „невольно“ было распахивать полей среди волостныхъ пущъ [3]). Это заявленіе ревизіи не соотвѣтствуетъ однако дѣйствительнымъ фактамъ; можетъ быть, это постановленіе для будущаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, за годъ до ревизіи, въ 1551 г., мѣщане, жалуясь на своего державцу п. М. Нарбута, между

[1]) Приложенія, стр. 63,
[2]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство, I, стр 207 сл.
[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр 624.

прочимъ утверждали, что здавна имъ „вольно было“ охотиться около лѣса на волковъ, лисицъ, зайцевъ и пр., что въ рѣкахъ, озерахъ и на самой Припяти они имѣли рыбныя ловли, наконецъ, „тежъ с пашень своихъ въ дубраву коло места уступъ также мевали *и на пашню ее распахивали*“; и господарь подтвердилъ имъ ихъ уступы [1]).

Послѣднее подтверждается и цитированной выше грамотою Гродненскимъ мѣщанамъ; въ ней дѣло идетъ о хуторахъ въ предѣлахъ волости: одни мѣщане обзавелись такими хуторами на правѣ собственности, или исхлопотали спеціальныя господарскія привилегіи, другіе же нѣтъ. Послѣдніе и должны нести волостное тягло. Въ Свислочской волости тоже были мѣщане, которые жили на волости. [2]) Сказанное еще подтверждается одной грамотою касающейся Чичерской волости. Изъ нея видно, что на волостной землѣ разбросаны села мѣщанъ и бояръ и владѣльцы ихъ обязаны нести волостное тягло [3]). Тоже было и въ Могилевской волости. Такъ, въ ревизіи Дубровенской волости, одной изъ частей Могилевской, мы встрѣчаемъ такое замѣчаніе ревизоровъ, касающееся земель при селѣ Онисковичахъ: „особливе не мало земль держали мѣщане къ мѣсту, тыи розданы у вотмѣнѣ бояромъ мѣста Могилевскаго, и вси ихъ сѣножати, што мѣли надъ рѣкою Днѣпромъ [4]). Мы знаемъ, что мѣщане Могилевскіе оставили свои волостныя земли и перешли къ торговымъ занятіямъ; теперь эти земли были отданы боярамъ.

И такъ, этими данными еще разъ подтверждается тяглое значеніе волостного союза, но принадлежность къ нему опредѣляется по пользованію волостной территоріей. Пользованіе это двоякаго рода: владѣніе участкомъ и право заимки на волостной незанятой землѣ. Таково значеніе волостной территоріи. Правда, въ широкомъ смыслѣ волость объединяла собою по тяглу не только свою территорію,

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VIII, т. 3, стр. 57 (издается мною)

[2]) Рус. Ист. Библ, т. XX, стр. 208.

[3]) Приложенія, стр. 63.

[4]) Вилен. Археогр Сборн., III, 247.

но даже и уже выдѣленную; послѣднее имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда въ частное владѣніе переходили отдѣльные тяглецы съ ихъ участками или села, но при условіи сохраненія за ними волостного тягла. Тутъ связь была уже чисто тягловая. Въ узкомъ же смыслѣ, или вѣрнѣе до нарушенія цѣлости волости, связь была и территоріальная и тягловая. Разъ волость была территоріально-тяглымъ союзомъ, то, понятно, для успѣшнаго выполненія своихъ повинностей ей нельзя было отказать въ извѣстныхъ правахъ распоряженія никѣмъ не занятою или покинутою волостною землею. Права эти не были широки уже во первыхъ потому, что волостная земля была господарская и собственникомъ ея былъ великій князь, а во вторыхъ потому, что они обусловливались только тяглыми интересами общины.

По отношенію къ освоенной крестьянами землѣ мы не находимъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на право волости распоряжаться заселенными дворищами и службами. Право на дворище довольно прочно держалось въ крестьянскому быту. Объ этомъ придется еще намъ говорить. Но волость несомнѣнно считала за собою нѣкоторыя права относительно покинутыхъ службъ, пустовщинъ, а также и по раздачѣ свободныхъ земель, годныхъ для культуры. Вслѣдствіе распада изстаринной крестьянской жизни, разброда населенія на югъ, въ первой половинѣ XVI вѣка вопросъ о пустовщинахъ былъ весьма жгучимъ и для скарба и для волостей, податное и повинностное тягло которыхъ сильно увеличивалось.

Вообще владѣніе землею на правахъ, „власности“ „отчины“ является фактомъ, который можно признать вполнѣ безпорнымъ. Это владѣніе распространялось на пахатныя земли, тянувшія къ дворищу или службѣ, а также состояло въ правѣ совмѣстнаго съ цѣлымъ селомъ или нѣсколькими селами „сполнаго“ пользованія различными входами и уступами. Нѣкоторыя ревизіи 60 г. г. ограничивали дворища въ ихъ старыхъ межахъ, какъ напр. ревизія Пинскаго старосты, составленная Хвальчевскимъ. Эти межи—результатъ

уже установившихся поземельныхъ отношеній. Прочность владѣнія отчинами на крестьянскомъ правѣ свидѣтельствуется не только массой отдѣльныхъ фактовъ, но также и общимъ заявленіемъ, которое мы находимъ въ наказѣ старостамъ: этотъ наказъ заявляетъ, что крестьяне остерегаются брать пустовщины, потому что считаютъ ихъ принадлежащими ушедшимъ отчичамъ, которые отнимаютъ при своемъ возвращеніи въ село; судъ поддерживаетъ права ушедшихъ [1]). Все сказанное необходимо принимать во вниманіе при опредѣленіи правъ распоряженія землею со стороны общины или господарскихъ намѣстниковъ.

Прежде всего необходимо выяснить, въ чемъ заключалась роль господарскихъ державцевъ при раздачѣ новымъ поселенцамъ пустовщинъ или новыхъ мѣстъ для осады, а также необходимо установить, въ какихъ мѣстностяхъ эта роль администраціи наиболѣе опредѣленно выражалась.

Въ началѣ XVI столѣтія, особенно съ 20—30 г. г. замѣчается кипучая дѣятельность старостъ, намѣстниковъ и державцевъ по „присадѣ“ людей въ волостяхъ, по отдачѣ имъ пустовщинъ, вообще по заселенію и увеличенію хозяйства въ господарскихъ добрахъ [2]). Устава дворамъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ, а также Жмудская категорически требуютъ отъ державцевъ присады людей [3]); тоже свидѣтельствуютъ и отдѣльныя грамоты державцамъ на ихъ староства; иногда староства отдавались въ держаніе на очень выгодныхъ для держателя условіяхъ исключительно ради усиленія дѣятельности администратора по заселенію. Многочисленные факты говорятъ намъ о раздачѣ и новыхъ земель и пустовщинъ [4]). Крестьянинъ приходилъ, давалъ поклонъ державцѣ или вряднику и получалъ землю. Замѣчательно однако одно: во всѣхъ раздачахъ не забывается характеристика даваемаго участка пустовщиной. На многихъ фактахъ ревизіи

---

[1]) Приложенія, стр. 87.

[2]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство, т. I, стр 253—318.

[3]) Акты З. Р., т. II, № 149.

[4]) Любавскій, Областное дѣленіе, стр 416 и 489.

Пинскаго староста можно показать, что крестьяне пробирались въ лѣсахъ, вольныхъ „изъ вѣковъ“, дѣлали тамъ разробки безъ всякаго разрѣшенія державцы. Но полученіе пустовщинъ сопряжено съ извѣстными затрудненіями и требуетъ санкціи для его занятія. Въ старѣйшемъ инвентарѣ Житомирскаго староства (1501 г.) видимъ, что пустовскія земли раздаетъ намѣстникъ. Нѣкоторыя пустовскія земли крестьяне „полазомъ лазятъ“. Вся земля каждаго села дѣлится на земли, находящіяся въ пользованіи отдѣльныхъ отчичей [1]). По инвентарямъ Гомельской или Дубровенской волостей можно видѣть что многія пустовщины залегли съ очень давняго времени, такъ что въ селеніи не всегда помнятъ, когда ушли отчичи [2]) Иногда встрѣчаемъ и характерное ограниченіе правъ пользованія для получающаго пустовщину: если возвратятся отчичи къ своему домовищу, то они могутъ продолжать свою прежнюю службу [3]). Отчичи, дѣйствительно, иногда возвращались сами или даже ихъ потомки. Староста жомойтскій Янъ Миколаевичъ Радивилъ, по челобитью подданаго Корклянской волости Матѣя Едвилайтеса, даетъ ему пустовскую землю, на которой еще сидѣлъ отецъ просителя. На этой землѣ уже не было и хоромины, почему проситель получилъ льготы на три года отъ податей. Значитъ, на пустовщинахъ были и хоромины [4]).

И такъ можно признать безпорнымъ и право широкого участія мѣстной администраціи въ раздачѣ пустовщинъ и тотъ фактъ, что покинутыя отчинами земли долгое время остаются въ качествѣ пустовскихъ земель, не подлежащихъ чьему либо владѣнію, по крайней мѣрѣ безъ разрѣшенія компетентной власти державцы. Но дѣло въ томъ, что факты, рисующіе дѣятельность намѣстниковъ по осадѣ, являются фактами, почти исключительно относящимися къ центральнымъ или западнымъ державамъ; тамъ это было общимъ

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 3—5.
[2]) Вил. Арх. Сборн. III, стр. 262, Акты Вил Ком. XIII, стр. 357, 371.
[3]) Вил. Арх. Сб. III, 277.
[4]) Кн. Суди. Д. Лит., VI, л. 315.

правиломъ, закрѣпленнымъ уставами дворамъ. Не говоримъ, конечно, о господарскихъ пожалованіяхъ, для которыхъ не могло быть ограниченія какою либо мѣстностью, или о нѣкоторыхъ экстраординарныхъ фактахъ по сбору разбредшагося населенія въ восточныхъ волостяхъ [1]). Спрашивается, была ли эта дѣятельность намѣстниковъ по осадѣ пустовщинъ проявленіемъ новыхъ направленій въ скарбовой политикѣ, или же она представляла собою исконное явленіе? Объ общихъ правилахъ тутъ едвали можно говорить, или распространять такія правила на всѣ разряды волостного населенія. Слѣдуетъ обратиться къ восточнымъ областямъ съ болѣе устойчивымъ строемъ.

Здѣсь въѣздъ намѣстника—или очень рѣдкое явленіе, или совсѣмъ не примѣняемое. Одно это уже предостерегаетъ отъ того, чтобы придавать слишкомъ большое значеніе дѣятельности намѣстника въ этихъ волостяхъ. Кромѣ того уплата дани и несеніе повинностей цѣлою волостью исключали побудительные мотивы для такой его дѣятельности. Съ другой стороны послѣднее обстоятельство безспорно могло быть побуждающимъ для общинъ въ дѣлѣ эксплоатаціи ими пустовскихъ земель. Дѣйствительно, оказывается, что волостныя общины сами озабочены тѣмъ, чтобы пустовщины давали хотя бы уменьшенный доходъ въ общую волостную разверстку. Въ 1523 г. старцы и вся волость Могилевская обратилась къ Сигизмунду I съ челобитьемъ о томъ, что писари, пріѣзжающіе „выгоняти“ съ нихъ дань, берутъ ее съ пустовскихъ земель. Оказывается, что въ волости есть двоякаго рода пустовскія земли—однѣ, которыя „въ пустѣ лежатъ“ и волощане ихъ не пашутъ и дерева бортнаго и пчелъ „не лазятъ“, другія—напротивъ подвергаются хозяйственной эксплоатаціи. Первыя лежатъ далеко отъ селъ и потому въ нихъ волощане входовъ своихъ „не маютъ“, другія—поблизу селеній. Господарь удовлетворилъ просьбу во-

[1]) Напр., грамота рѣчицкому старостѣ С. Полозовичу, Любавскій, ор. c., приложенія, № 47.

лости и освободилъ ее отъ дани съ далеко лежащихъ пустовскихъ земель; „нижли которыи земли пустовскии будутъ поблизу ихъ, которыи они будуть пахати и вжытки съ нихъ мети, съ тыхъ они земель мають намъ давати подлугъ давного обычая“ [1]). Староста не имѣлъ въѣзда въ волость и волощане сами распоряжались пустовщинами. Но замѣчательно, что пустовщины подвергаются лишь временной эксплоатаціи,- въ нихъ волощане имѣютъ только свои входы, не болѣе; пустовскія же земли остаются таковыми въ ожиданіи возможнаго возвращенія своихъ отчичей. При такихъ условіяхъ пустовщины являются только ухожаями, за которые взимается не обычный платъ, но „куничный“, временная арендная плата. Въ сосѣдней Бобруйской волости, на одиѣхъ пустовщинахъ крестьяне только „лазятъ“ борти, на другихъ и пашню пашуть. Устава этой волости именно требуетъ отъ державцевъ отыскивать ушедшихъ отчичей и сажать ихъ на пустовщину. Но предписаніе державцевъ—только отзвукъ порядковъ центральной полосы. Въ волости существуютъ на этотъ счетъ свои обычаи. Крестьяне сами разбираютъ между собою пустовщины, какъ и въ Могилевской волости. Державца даже и не знаетъ, кто и гдѣ ими пользуется. Но въ виду „хитрыхъ обычаевъ“ здѣшнихъ волощанъ ему предписывается объ этомъ узнать у старшихъ мужей въ селахъ. Мало того, тутъ разсказана и цѣлая картина отношеній между врядомъ и волощанами. Волощане потому избѣгаютъ брать пустовщины, что старостинскіе врядники берутъ отъ этого свои доходы и, очевидно, притѣсняютъ съемщиковъ; волость предлагаетъ сама разобрать между собою пустовщины и платить за нихъ сполна всѣ дани, но съ условіемъ, что старостинскіе врядники не будутъ взимать за это съ нихъ своихъ врядничьихъ сборовъ [2]). Здѣсь мы уже имѣемъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ въ предшествующихъ фактахъ. Волость беретъ разобрать пустовщины сама, то есть сами волощане

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, стр. 193.
[2]) Любавскій, Областное дѣленіе, приложенія, № 51.

распредѣлятъ ихъ между своими сочленами и обѣщаютъ платить дань полностью, а не добавочный „куничный платъ“. Слѣдовательно, они предполагаютъ взять пустовщины въ полное свое распоряженіе, подѣлить ихъ между собою. Послѣднее утвержденіе не является догадкой. Оно подтверждается фактомъ, относящимся къ Любошанской волости. Намъ уже приходилось пользоваться замѣчательнымъ приговоромъ мужей Любошанской волости о выборѣ старца. Этотъ приговоръ оканчивается слѣдующимъ постановленіемъ: „И такъ ся есмо его милости господарю подвезали: ижъ которыи земли пустовскии въ той волости Любошанской есть, мы тыи земли на себѣ разобрати хочемъ. А маемъ съ тыхъ земль господарю его милости въ кождый годъ дань медовую, и грошовую, и бобры и куницу все сполна выдавати до скарбу его милости по старому“ [1]). Въ этомъ приговорѣ Любошанцевъ интересна сама конструкція его. Волощане не испрашиваютъ разрѣшенія на раздѣлъ пустовскихъ земель: они только извѣщаютъ о состоявшемся своемъ рѣшеніи, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ, въ благосклонномъ принятіи котораго со стороны великаго князя они не сомнѣваются. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ уже выше выясненному: пустовскія

---

[1]) Считаемъ необходимымъ привести этотъ любопытный документъ цѣликомъ: „Мы мужи Любошанцы, с порученья всее волости Любошанское вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ,—Ясь с Кекерова, Панко съ Стоялъ (?), Мышко Кожычъ, Сидоръ Высоки, Симонъ зъ Сушы, Сорока з Хочичъ, Дорошъ Старынчичъ, Платонъ с Вирикошичъ, Иванъ з Далепъ, Семенъ Старынчичъ, Андрей Хороховскии з Добриловичъ, Фома с Добрыловичъ, Данило Станковичъ з Далепъ, Мокеи с Высокичъ, Илейка з Бросеневичъ, Толстыи з Довгоедъ, Селивонъ, старецъ, з Лешницы, Прыкрыи в Любошанехъ, Овсеи Семеновичъ (з) Любошанъ—обобрали есмо вси восполокъ старцомъ человека волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича И такъ ся есмо его милости господарю подвезали: ижъ которыи земли наставскии (очев. пустовскии) въ той волости Любошанской есть, мы тые земли на себе розобрати хочемъ, а маемъ съ тыхъ земль господарю его милости в кождыи годъ дань медовую и грошовую и бобры и куницу—все сполна выдавати до скарбу его милости по старому И на то дали есмо сесь нашъ листъ подъ нашыми клейны. Писанъ у Вильни под лето бож нарож. 1500, мца мар. 9 день, индиктъ 7“ Кн. Судн. Дѣлъ Лит. VII, л 115—115 об.

земли подлежатъ временной эксплоатаціи со стороны волощанъ до тѣхъ поръ, пока возвратъ отчичей еще можетъ быть ожидаемъ, и затѣмъ уже поступаютъ въ раздѣлъ. О наступленіи подходящаго момента рѣшаетъ сама волость. Можетъ быть, затрудненіе въ уплатѣ даней и несеніи повинностей является побуждающимъ къ тому обстоятельствомъ.

Этотъ приговоръ разъясняетъ нѣкоторое противорѣчіе въ грамотѣ Бобруйской волости: съ одной стороны изъ нея ясно, что волощане пользуются пустовщинами и даже староста не освѣдомленъ въ томъ, какъ онѣ разбираются, съ другой стороны волощане уклоняются отъ съемки пустовщинъ вслѣдствіе врядничьихъ поборовъ (для этого надобилось бы участіе ихъ въ раздачѣ) и стремятся устранить это вмѣшательство. Очевидно, обычный порядокъ представлялъ волости занятіе пустовщинъ, а поборы вряда—уже нарушеніе старины.

Теперь является не менѣе важнымъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ въ своей средѣ волость распредѣляетъ пустовщины,—что означало по тогдашней терминологіи „разобрать межи себѣ“ пустовщины. Первое предположеніе, наиболѣе естестественное, заключалось бы въ томъ, что каждая составная часть волости, каждое село, беретъ прилегающія къ нему пустовщины и дѣлитъ ее между своими односельчанами, или какъ нибудь иначе пользуется ими. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ факты, подверждающіе, что все село беретъ находящіяся въ его обрубѣ пустовщины. Напр., въ ревизіи Гомельскаго староства несомнѣнно занесены факты стараго порядка вещей, до ревизіи. Такъ село Тростынь взяло всѣ свои пустовщины „на вроцѣ“, т. е. на оброкѣ [1]). Сосѣднее село Корма тоже взяло пустовщину „тое все село на уроцѣ на тридцати грошахъ приняли [2])“. Тутъ пустовщины поступили не въ полный раздѣлъ; они еще остаются

[1]) Акты Вил. Ком., XIII, стр. 346.
[2]) Ibidem, стр 347.

пустовщинами, потому то и считаются оброчными землями. Но разумѣется возможенъ, какъ мы видѣли, и полный раздѣлъ. Этимъ еще не все объясняется. Не менѣе важно опредѣлить, принимаетъ ли волостная община участіе въ распредѣленіи пустовщинъ. Повидимому, оно подлежало компетенціи послѣдней. Въ описаніи Дубровенской волости встрѣчаемъ такіе любопытные факты. При селѣ Перекладовичахъ есть пустовщины, но пользуются ими подданые сосѣдняго села: въ томъ же селѣ дано дерево бортное въ землѣ пустовской, „которую обходили на себѣ люди села господарскаго Следюковскаго.“ Теперь эта пустовщина поступаетъ въ отдѣльное пользованіе, но ранѣе ею пользовались Слѣдюковцы[1]). Въ селѣ Копаневичахъ пустовскія земли „обходили на себѣ люди господарскіе села Онисковичъ“; они и впредь будутъ платить съ этой земли медовую дань, „покуля тамъ люди осядуть[2])“. Тоже мы встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ. Изъ этого ясно, что фактическая передача пустовщинъ отдѣльнымъ съемщикамъ находилась въ компетенціи волостной организаціи.

Изъ приведенныхъ случаевъ ясна роль волостной общины, какъ высшей инстанціи, но не вполнѣ опредѣляется самый способъ раздѣла пустовщинъ. Видно только, что община руководитъ раздачею ихъ различнымъ своимъ сочленамъ, даже независимо отъ принадлежности ихъ къ тому селу, при которомъ находится пустовщина. Но есть нѣкоторое указаніе и на то, что община, въ виду чисто податныхъ соображеній, приходила къ мысли о „поровнаніи“ земли. Къ этой мысли пришли двѣ небольшія полоцкія волостки, Готлянская и Гостиловская, обратившіяся 1538 г. къ мѣстному воеводѣ съ предложеніемъ „поровновать“ на равныя части всю свою землю пашную, бортную и дань, медовую и грошовую. Очевидно, они платили дань отъ всего села и рѣшили раскинуть дань и землю поровну по службамъ. Но

[1]) Вил. Археогр. Сборн., III, стр. 263.

[2]) Ibidem, стр. 270.

спрашивается, какую землю и какъ собирались они ее распредѣлить? Памятная запись этого рѣдкаго случая не даетъ разъясненія, но необходимо отмѣтить, что крестьяне просятъ о „поровнаніи“ по службамъ. Служба, слѣдовательно, какъ извѣстный комплексъ земель, остается нетронутой; надо предполагать поэтому, что дѣло идетъ о прирѣзкѣ какихъ нибудь земель, еще неподѣленныхъ по службамъ; это могли быть или пустовщины, или разработанныя общія пашни; ихъ то крестьяне и предполагали „поровновать [1])“. Относительно бортныхъ земель—сомнѣнія не можетъ быть: онѣ обычно находились въ общемъ пользованіи и вопросъ о „поровнаніи“ ихъ къ службамъ - вопросъ общинныхъ распорядковъ. Этому факту отказываются придавать значеніе потому, что волощане испрашиваютъ разрѣшенія у воеводы и потому что поровнаніе происходитъ въ присутствіи воеводскаго прикащика [2]). Это несущественно однако, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тогдашнему юридическому положенію крестьянской поземельной собственности. Но намъ представляется весьма важнымъ для пониманія истиннаго значенія факта указанное объясненіе „поровнанія“ земель по службамъ.

Если волость считаетъ себя вправѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, выработанныхъ мѣстными обычаями, распоряжаться пустовщинами, распредѣлять ихъ такъ или иначе

---

[1]) Фактъ указанъ у Любавскаго, Областное дѣленіе, стр. 471. Приводимъ этотъ важный документъ: „Про память панъ его милость (воевода полоцкій) казалъ в книги записати: Штожъ били чоломъ его милости люди вси волости Готлянское и Гостиловское, абы его милость дозволилъ имъ вси земли ихъ пашные и бортные, и дань медовую и грошовую на ровные части межи нихъ поровновати и по службамъ поделити. И панъ его милость то имъ дозволилъ передъ врядникомъ своимъ сее весны вчинити. И якъ вчинять, о томъ казалъ его милость до себе имъ отписати. А которые половицы девятое меры дани медовое и грошовое, то колько летъ пану его милости недавали,—кгды ся в земляхъ поровнанье межи нихъ станетъ, на онъ часъ вси люди Готлянские будутъ повинъни пану его милости тую дань, которая у ихъ колько летъ погинула, сполнити, а за утаенье и за неотдаванье тежъ дани хмелевое маютъ полътрети копъ грошей заплатити. Писанъ в Готлянихъ, под лето бож. нарож. 1538, мца декабра 15 день, индикт. 12“. Кн. Зап.-Литовск. XVI, л. 283

[2]) Любавскій, ор. с., l. c.

въ средѣ одноволощанъ, то отсюда совершенно естественно вытекаетъ и ея право осаживать пустовщины прихожими людьми, или же выдѣляющимися изъ семей своими же волощанами. Это утвержденіе не есть только предположеніе, но подтверждается фактами, какъ намъ кажется вполнѣ убѣдительными. Въ 1551 г. господарь освободилъ Бобруйскую волость отъ новинъ, введенныхъ тамъ державцею п. Гаштольтомъ, обязавъ ее уплачивать аккуратно господарскія дани „сполна", т. е. за всю волость, „и то все сполняти водлугъ стародавного обычая, какъ будетъ передъ тымъ здавна бывало, яко жъ они сами ся того подвезали и *земли пустовскія поднялися намъ людми осаживати*" [1]). Тутъ, мы видимъ, волость беретъ на себя даже извѣстныя обязательства по осадѣ пустовщинъ и вообще волостныхъ незанятыхъ земель: это и въ ея интересахъ и въ интересахъ скарба, потому что оно связано съ уплатою податей. Однако это обязательство не является частнымъ фактомъ по отношенію къ одной изъ волостей. Въ ревизіи Дубровенскаго староства, производившейся въ 1560 г., на волости лежитъ то же обязательство; здѣсь мы встрѣчаемъ и относительно незанятыхъ земель замѣчанія: „водлѣ уставы его королевской милости старецъ таковыя пустовщины осаживати маетъ [2])". Возложеніе этой обязанности на старца не измѣняетъ существа дѣла, потому что старецъ во всей своей дѣятельности тѣсно связанъ съ общиною. Важно, что это постановленіе занесено было даже въ господарскую уставу, какъ общее требованіе. Но тотъ же документъ объясняетъ намъ, что на ряду съ общиной по осадѣ людей дѣйствовала и власть мѣстной администраціи: одной изъ повинностей господарскаго вряда также является осаживаніе людей на пустовщинахъ [3]). Это понятно, такъ какъ врядъ господарскій въ данное время являлся высшей инстанціей по земельнымъ дѣламъ и, какъ намъ кажется,

---

[1]) Приложенія, № 1.

[2]) Вил. Археограф. Сборникъ, III, стр. 272, 276.

[3]) Ibidem, стр. 263.

нисколько не противорѣчитъ дѣятельности общины въ томъ же направленіи.

Теперь мы можемъ перейти къ выясненію вопроса о томъ, имѣетъ ли сельская община поземельный характеръ.

Кажется, не трудно показать, что одно село, или даже нѣсколько сосѣднихъ селъ имѣли земли бортныя, бобровые гоны, лѣсъ, выгонъ, которые къ нему тянули. Этими ухожаями они распоряжались сообща, и если кто нибудь нарушалъ ихъ право владѣнія, то вся община защищала свою землю. Такъ въ 1529 г. помѣщикъ Вагановскій судился передъ королемъ съ людьми пужицкими и токаревскими (въ Берестейскомъ повѣтѣ): люди этихъ двухъ селъ не позволяли ему имѣть вступъ и въѣздъ и разрабатывать новую пашню въ пущѣ Пужицкой. Но Вагановскій доказалъ свидѣтельскими показаніями, что эти пуща и земли „здавна посполитые“, что пуща „спольная“ пужичанъ и токаревцевъ съ его людьми. На этомъ основаніи судъ вынесъ такое рѣшеніе, что пуща должна находиться въ общемъ пользованіи двухъ названныхъ селъ и людей пана Вагановскаго: „одинъ безъ другого воли не маеть никому дерева съ тое пущи давати, а роспашн мають собе въ той пущи роспахивати, а одинъ у другого поля, какъ у старие, такъ и новые не мають ся уступати“ [1]). Такимъ образомъ, крестьяне отстаиваютъ угодья, которыя находились въ пользованіи двухъ селъ; но раньше съ ними, очевидно, были въ совладѣніи люди Вагановскаго, пока послѣдній не получилъ ихъ у короля. Пужичане и токаревцы хотѣли воспользоваться переходомъ своихъ однообщинниковъ къ помѣшику, но судъ рѣшилъ иначе.

Въ источникахъ мы встрѣчаемся неоднократно съ аналогичными случаями. Укажемъ еще на нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, въ 1495 г. люди Грежане искали передъ великимъ княземъ на ключникѣ Львѣ Боговитиновичѣ землю полазную и островъ Чертовичи [2]); люди не доказали своего права, и земля осталась за ключникомъ.

[1]) Кн. Зап. Литовск. XVII, л. 64—66.

[2]) Леонтовичъ, № 169

Люди токаревскіе Берестейскаго повѣта имѣютъ, напримѣръ, свои земли пашныя, бортныя и сѣножать, которыя отстаиваютъ всѣмъ селомъ [1]). Въ Ратненскомъ старостве громада владѣетъ островомъ [2]). Люди Дубляне Городенскаго повѣта сожгли дворецъ Тишки Гринковича, утверждая, что онъ построилъ дворецъ на ихъ „властной“ землѣ [3]). Крестьяне Берестейскаго повѣта ищутъ на судѣ своей „отчинной“ земли [4]). Крестьяне села Голенищовскаго (Могилевской вол.) ведутъ тяжбу съ сосѣдними боярами, владѣльцами им. Хацкова изъ-за селища величиною въ одну „солянку“ земли: этотъ клочекъ земли такъ малъ, что не могъ даже составить одной службы, слѣдовательно онъ былъ во владѣніи всего села; мало того, обѣ стороны помирились: крестьяне уступили спорную землю, взамѣнъ которой получили отъ бояръ сѣножать [5]).

Итакъ, слѣдовательно были земли, которыя считались селомъ его „власными“. Село всей громадой отстаиваетъ эти земли не потому, что онѣ принадлежатъ тому или иному дворищу, но потому, что это земли всего села. Сказанное можно подтвердить нѣкоторыми фактами изъ первой ревизіи Пинскаго староства. Эта ревизія застала староство еще въ періодѣ господства старыхъ поземельныхъ отношеній и сохранила намъ любопытныя реминисценціи ихъ. Вотъ, напр., село Швариневичи. Оно не подвергалось полному волочному разграниченію. Земли его „выморгованы“, т. е. измѣрены на морги въ томъ порядкѣ, въ какомъ владѣли ими дворища, въ старыхъ границахъ. Все село состоитъ изъ двѣнадцати дворищъ, изъ которыхъ два—являются недавно раздѣлившимися изъ одного. Разъ дворища измѣрялись по старымъ межамъ, значитъ эти межи были, т. е. дворища отдѣльно и самостоятельно владѣли своими участками. Однако все наз-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXV, л. 68.
[2]) Арх. Юго-Зап. Р , ч VII, т. 2, стр. 293.
[3]) Кн. Зап. Лит., V, л. 50.
[4]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 74
[5]) Кн. Зап.-Лит. XLI, л. 127

ванное село имѣетъ „общую“ землю; это нѣсколько небольшихъ клочковъ земли, разбросанной по разнымъ урочищамъ. Тутъ не одни угодія, есть и нива [1]). Въ селѣ Byelle всего пять дворищъ, но оно тоже имѣетъ „общую землю“, „которую подданые этого села не подѣлили между собою на дворища, но пашутъ сообща“; опять это нѣсколько мелкихъ клочковъ [2]). Здѣсь замѣчательна замѣтка люстратора о томъ, что крестьяне „не подѣлили“ между собою этой земли: очевидно, въ его представленіи крестьяне обыкновенно дѣлятъ свою общую землю. Пять дворищъ села Хойно, оставленныя при своихъ старыхъ межахъ, владѣютъ „общею землею при томъ селѣ“ [3]). Все это явленіе рѣдкія въ нашихъ памятникахъ, но не новыя. Въ старѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ инвентарей, въ инвентарѣ Ратненскаго староства 1500 г., проведена очень строго подворищная система обложенія, но къ селамъ иногда тянутъ общія земли: Tota villa Radosthou de terra Szwancowey 2 marcas solvit; здѣсь же многія села обложены вощинничимъ на все село [4]); едва ли можно сомнѣваться, что эта подать налагалась на все село вслѣдствіе находящихся въ его пользованіи „спольныхъ бортныхъ ухожаевъ“.

Вообще владѣніе землею цѣлымъ селомъ не представляетъ ничего исключительнаго. Оно такъ прочно укоренилось, что даже ревизоры 60 г.г., „взрушавшіе“ старыя крестьянскія осады и проводившіе въ нихъ волочную помѣру, тѣмъ не менѣе оставляли въ общемъ спольномъ владѣніи всего села выгоны, лѣса, острова, застѣнки [5]). Нечего говорить о томъ, что тѣ же ревизіи, оставлявшія

---

[1]) Писцовая книга Хвальчевскаго, стр. 221—223.

[2]) Ibidem, стр. 232.

[3]) Ibidem, 241.

[4]) Записки Наукового Товариства имени Шевченка, 1898, В. VI, стр. 27 и др.

[5]) Такъ, см. Берестейское староство (Документы Моск Арх. М Юст. I, стр. 261 и passim), Кобринское стар. (Ревизія Корб экономіи, изд. Вил. Архком., стр. 38 и др.), Троцкое стар., (Вил. Археогр Сб., VIII, стр 118, 39) и др.

въ восточныхъ волостяхъ поземельный строй нетронутымъ, сохранили намъ множество слѣдовъ такого общаго владѣнія. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ подобнаго рода фактовъ. Крестьяне села Онисковскаго владѣютъ на рѣкѣ Днѣпрѣ и въ сосѣднихъ озерахъ бобровыми гонами и рыбными ловлями „по стародавному"; это владѣніе ихъ является спольнымъ съ сосѣдними боярами [1]). Село Вейна имѣетъ звѣриныя ловли, а также бобровые гоны на Днѣпрѣ и на рѣкѣ Вейнѣ [2]) и т. д. Сосѣднее Гомельское староство состоитъ изъ селъ, сообща владѣющихъ многочисленными угодьями. Иногда одно село владѣетъ ими сообща съ сосѣдними селами. Такъ, напр. село Бобовичи имѣетъ островъ Оссовцы пополамъ съ сосѣднимъ селомъ Волковичами, а также и сомѣстные бобровые гоны [3]). Село Марковичи владѣетъ спольнымъ островомъ съ селомъ Носовичами [4]). Иногда спольное владѣніе переходитъ въ сосѣднюю волость. Такъ, село Кошелево имѣетъ „суплетный" обрубъ съ гомельскимъ селомъ Морозовчами, островъ Усожскій Борокъ спольнымъ съ чичерскимъ селомъ Липиничами и кромѣ того островъ Щениковъ спольнымъ съ гомельскими селами Бобовичами и Волковичами [5]). Даже въ позднѣйшее время и при томъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ встрѣчаемъ случаи такого же „сполнаго" „сумѣстнаго" владѣнія. По описанію 1599 г. въ селѣ Орешковичахъ на рѣкѣ Случи, принадлежавшемъ Криштофу Служкѣ, крестьяне сидятъ на волокахъ, но бобровые гоны ограничены ко всему селу [6]). Въ имѣніи Здетелѣ, по описанію 1580 г. (принадлежало князю Константину Острожскому), постоянно встрѣчаемъ указанія на общее владѣніе селъ землею при установившейся уже волочной системѣ. Такъ, въ селѣ Засецкомъ застѣнокъ сѣножатной

---

[1]) Вил. Археогр. Сборн, Ш, стр 248..
[2]) Ibidem, стр. 249.
[3]) Акты Вил. Ком, XIII, стр. 263.
[4]) Ibidem, стр. 354.
[5]) Ibidem, стр. 369.
[6]) Акты Вил. Ком XIV., стр. 136.

земли, поля и кустарника держитъ на особомъ платѣ все село [1]). Село Устье держитъ застѣнокъ „усему селу приданный [2])“ и т. д. И такъ мы видимъ, что или отдѣльное село имѣетъ свои общія земли, или даже нѣсколько сосѣднихъ селеній. При выдѣленіи части дворищъ какого нибудь села въ частное владѣніе иногда приходилось, въ случаѣ споровъ, судомъ устанавливать способы и границы спольного владѣнія. Ивану Подолянину было пожаловано въ селѣ Подгайцахъ на Волыни три дворища. Вслѣдствіе споровъ съ господарскими подданными, произведено было отграниченіе земель, но всетаки осталось и спольное владѣніе: „а въ гай липовый и въ дуброву (т. е. общую всего села) волны ему въездъ по дрова, какъ же и подданымъ господарскимъ, и въ дубровы и въ болотѣ [3])“.

Разсмотрѣнные факты, какъ кажется, могутъ насъ привести къ двумъ капитальнымъ выводамъ: во 1-хъ, дѣйствительно существуетъ нѣкоторая территорія, которую все село считаетъ своею, въ которую оно не разрѣшаетъ вторгаться сосѣдямъ и которую оно можетъ разрабатывать; это еще не предрѣшаетъ вопроса о субъектахъ владѣнія, но во 2-хъ, при селахъ существуютъ общія земли, преимущественно угодія, хозяйственныя и промысловыя, наконецъ изрѣдка и нивы. Если такъ, то возникаетъ два вопроса—о происхожденіи сельской общинной земли и о способахъ распоряженія его.

Безспорно, естественное развѣтвленіе дворищъ и образованіе новыхъ путемъ принятія сябровъ не могло не содѣйствовать укрѣпленію понятія о „спольной властности“ всего села, могли оставаться и участки, почему либо не вошедшіе въ составъ отдѣльныхъ дворищъ, или такіе, эксплоатація которыхъ наиболѣе удобна, даже необходима, при помощи силъ нѣсколькихъ дворищъ. По старымъ ревизіямъ, напр. по Пинской, можно легко себѣ представить составъ

---

[1]) Ibidem, стр. 208.
[2]) Ibidem, стр. 202.
[3]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VI, т. I, стр. 10.

каждаго дворища: это рядъ клочковъ пахатной земли и важнѣйшихъ угодій, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ. Происходила еще разработка новыхъ земельныхъ богатствъ. Изъ своего „приселенія“ крестьянинъ обходилъ менѣе удобныя мѣста и захватывалъ „острова“ въ лѣсахъ, болѣе удобные для пахати или бортнаго дерева. Шла заимка среди болотистой и лѣсистой мѣстности. Сначала поселенецъ захватывалъ дальніе острова только для охотничьихъ капкановъ, или озера и рѣки для рыбныхъ придухъ; но выпаханная въ приселеньи земля побуждала его срубать на этихъ островахъ вѣковой лѣсъ и поднимать сохою новину. Такая работа требовала соединеннаго труда многихъ лицъ. Оттого дворища въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ крѣпко держатся. Работа эта иногда производилась общими силами нѣсколькихъ дворищъ или даже нѣсколькихъ селъ. Вырабатывалась прочная привычка, сяброваться „въ лѣсу, на водахъ“ [1]). Поселянинъ, очевидно, подвигался въ чащѣ до тѣхъ предѣловъ, до коихъ простиралась сельская территорія. Предѣлы эти естественно охватывали всю незанятую, безъ „клейнъ“ и „знаменъ“, территорію между островами, входами и нивами, углубляясь въ лѣсъ, пока не упирались въ разробки сосѣдняго села. Тутъ была сельская межа. Пинская ревизія очень часто говоритъ, со словъ крестьянъ, о „пенныхъ“, спорныхъ земляхъ между селеніями какъ разъ тамъ, гдѣ сходятся разработанныя, по крайней мѣрѣ зачерченныя земли. Тутъ встрѣчались „чертежи“, подрѣзанныя деревья, очевидно подготовленныя къ усушкѣ и выжиганію для образованія новыхъ роспашей [2]). Подданые села Чолковичъ жаловались ревизорамъ на сосѣдей, подданыхъ князя Чарторыйскаго, о томъ, что послѣдніе забрали у нихъ земли и сдѣлали пробки, а имъ „ничого не оставили“ и даже не припускаютъ ихъ къ своимъ пущамъ и входамъ [3]). Такимъ образомъ двѣ

[1]) См. интересный фактъ у Леонтовича, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н Пр, 1896 г., апр., стр. 212, прим

[2]) Писцовая книга Хвальчевскаго, стр. 124 и др.

[3]) Ibidem, стр. 231.

сельскія территоріи сошлись въ юридически не отграниченномъ лѣсу, гдѣ только фактомъ разробковъ могло быть подтверждено право пользованія.

Иногда крестьяне, когда сходились ихъ межи, торопливо старались установить фактъ захвата, наложить свои клейна. Такъ, напр., сдѣлали сосѣди тѣхъ же подданыхъ села Чолковичъ, монастырскіе крестьяне: они силою разработали себѣ пашню и подѣлили ее между собою „на дымы“ [1]), очевидно потому, что считали такой способъ владѣнія болѣе прочнымъ, чѣмъ „спольное“ владѣніе всего села. Дѣйствительно, въ сомнительныхъ случаяхъ, крестьяне торопились спольныя протеребы подѣлить на дворища. Характерное подтвержденіе сказаннаго встрѣчаемъ, напр., въ слѣдующемъ фактѣ. Иванъ Подолянинъ имѣлъ спольную пущу съ поддаными села Подсайцевъ, потому что выдѣленная ему въ пожалованіе земля была частью этого села. Въ спольномъ владѣніи находились пуща, болота и сѣнокосы; но среди совладѣльцевъ происходили споры, доходившіе до суда, который подтвердилъ, что сельчане и люди Ивана Подолянина должны владѣть угодіями сообща, но если кто нибудь сдѣлаетъ проробки, протеребы, то это переходитъ въ пользованіе каждаго дворища: „што прикопаетъ поля и протеребитъ сеножать, тое супокойне держати маетъ (Иванъ Подолянинъ и его люди), а мужеве господарскіе не мають ему вжо жадного втыску чинить“ [2]).

Для подтвержденія сказаннаго и для болѣе нагляднаго выясненія всего процесса захватнаго владѣнія и предостав-

---

[1]) Ibidem, стр. 230, Ср. 179 стр.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. ч. VI, Т. I, стр. 101. Или еще напр. отмѣтимъ факты. Ивашко Горностай имѣлъ судъ о землѣ съ людьми Сенчковецкими Берестейскаго повѣта, причемъ крестьяне оспаривали его права входа въ лѣсъ. Горностай объяснилъ· „я дей тыи два жеребьи въ господаря его милости выслужили для тогожь, абыхъ въ тотъ лесъ *вступъ мѣлъ по тыхъ* жеребьяхъ своихъ, а мне дей въ томъ лесе большая шкода отъ нихъ, бо дей ихъ колько десять человѣковъ есть, а моихъ людей мало; а такъ радней быхъ съ ними тотъ лѣсъ поделилъ, и ведалъ былъ свою часть, а они нехай свои части держать“. Рус Истор. Библ. XX, стр 1264. Ср. стр. 74, 75—76

ляемыхъ имъ правъ, мы остановимся еще на нѣкоторыхъ весьма интересныхъ фактахъ.

Пинскій князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ пожаловалъ своей служебницѣ Святохнѣ два пустыхъ дворища въ селѣ Кошевичахъ. Но люди этого села, Горностаевцы и Ганковцы, какъ оказалось, „землю всю разобрали и разробили, а мнѣ хлѣба не на чомъ пахати", жаловалась князю Святохна. Она просила, по словамъ княжескаго судового листа, „абыхмо тую землю на ровные дворища подѣлили и розровняли". Князь самъ выѣзжалъ на мѣсто и хотѣлъ „старые поля на ровные дворища дѣлити". Предполагалось слѣдовательно, что крестьяне просто захватили пустовщину. Но мужамъ Кошевицкимъ это предположеніе показалось несправедливымъ: „мы, милостивый пане, не на Свѣтохну тые земли разробили, але на себе; а такъ дей, ваша милость, дубровы напротивку тыхъ земель нашихъ старихъ нехай она также себѣ розробливаетъ". Князь призналъ справедливость ихъ возраженій и спросилъ мужей: гдѣ бы они могли „поступити" Святохнѣ вмѣсто пожалованныхъ ей пустовщинъ новую землю для разробковъ? Они указали два неразработанные острова. Князь отвелъ ихъ Святохнѣ: „маетъ она ихъ разробливати и уживати". Но такой раздѣлъ показался Святохнѣ невыгоднымъ; кромѣ того у нея были спольныя владѣнія съ Кошевицкими крестьянами. Она снова бьетъ челомъ князю и заявляетъ, что ей досталось гораздо меньше сравнительно съ тѣмъ, что княжескіе Кошевицкіе крестьяне раздѣлили между собою, разработавъ пожалованныя ей пустовщины, и просила еще придать ей земли въ „отъѣзномъ островѣ", „за великимъ лѣсомъ", и въ другомъ островѣ Пацковомъ. Эти острова тоже тянули къ Кошевицкому селу, почему снова были призваны къ князю Кошевицкіе мужи для собранія свѣдѣній объ этихъ островахъ. Но мужи, оказывается, были заинтересованы и въ этихъ островахъ. Тутъ уже прошли кое гдѣ ихъ топоръ и коса. Они не мало „наложили" труда на подысканый Святохной „отъѣзный островъ". Поэтому они обращаются къ князю съ

такимъ увѣщаніемъ: „намъ дей твоя милость, господаръ нашъ, въ томъ крывды не чини, а нехай быхмо старые поля въ тыхъ нашихъ накладѣхъ собѣ раздѣлили“. Что касается Пацкового острова, то въ немъ никому другому нѣтъ права разробковъ—только „на нашой одной отчинѣ Горностаевской, а поповской (дворище, принадлежавшее попу), а Святохнинымъ двема“. Такимъ образомъ на этотъ островъ имѣли право не всѣ люди села Кошевицкаго, но только часть его, одно дворище Горностаевское да три другихъ, уже отошедшихъ въ частное владѣніе, поповское и два Святохниныхъ. Послѣднія два—старыя пустовщины, которыя Кошевицкимъ людямъ пришлось вновь теребить. Святохна получила землю на новый разробокъ, но на правахъ двухъ старыхъ дворищъ, почему за ними продолжали признаваться права ихъ на входы въ общинные острова. Едвали можно сомнѣваться въ причинахъ, которыя однимъ отчинамъ предоставляли право пользованія этимъ островомъ, другимъ—нѣтъ. Старыя отчины (изъ которыхъ Святохнины уже залегли лѣсомъ) прошли въ этотъ островъ, другія дворища того же села были моложе по своему происхожденію и не „наложили“ своего труда на этотъ островъ, почему и не имѣли въ него входа. Князь, по его словамъ, рѣшилъ дѣло „безъ кривды“: относительно „отъѣзного острова“ онъ постановилъ: „мають они все собѣ старое поле у томъ островѣ отъѣздномъ ровно роздѣлити, якъ Венедихновы люди (тоже совладѣльцы), такъ Святохнины и нашыи, тыхъ поль старыхъ роздѣливши ужывати мають“. Все остальное пространство, еще неразработанное и не подлежащее раздѣлу, отмежевывается Святохнѣ на разробки, хотя ей же достается соотвѣтственная часть и изъ старыхъ полей. Это уже, конечно, придатокъ Святохнѣ, съ явной „кривдой“ для остальныхъ „спольниковъ“. Относительно Пацкового острова, князь оставилъ старый порядокъ: имъ пользуются люди Горностаевцы и „поповъ“ человѣкъ пополамъ съ людьми Святохны; всѣмъ предоставлено право „разроблять и вживать“. Но у Святохны были еще другія дворища. Ея племяннику и наслѣднику Андрею Гричинѣ

пришлось вести любопытный процессъ съ сосѣдними подданными, окончившійся уже при королевѣ Бонѣ въ 1542 г. Споръ шелъ изъ-за лѣсного острова Воина между господарскими людми Гутовлянами и людьми Козловскаго дворища Гричины. Господарскіе люди такъ показывали: островъ Воинъ „посполитый“, потому что они когда то вмѣстѣ съ людми Гричины начали его „розробливати“. Но этотъ островъ очевидно, составлялъ часть княжеской пущи, почему князь Ярославичъ „каралъ ихъ винами“ и „заручилъ“. Гричина, напротивъ, показывалъ, что когда этотъ островъ лежалъ „въ пустѣ“, то его стали разрабатывать господарскіе люди и потому князь Федоръ Ярославичъ „васъ винами каралъ для тое прычыны, ижъ въ тотъ часъ еще нихто того острова не робилъ и нихто сяне вступовалъ“. Но затѣмъ спорный островъ былъ пожалованъ Святохнѣ и имъ стали пользоваться ея люди. Но господарскіе подданые настаивали, что „островъ и роспашье и нивы ихъ властные“. Суду пришлось обращаться къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Свидѣтели изъ среды самихъ Гутовлянъ разсказали, при какихъ условіяхъ ими впервые былъ освоенъ этотъ островъ. Еще будучи малыми пастухами, они загоняли свой скотъ въ этотъ лѣсъ тогда, когда панъ Литаворъ Хребтовичъ приходилъ съ войскомъ противъ татаръ (очевидно, укрывали скотъ отъ солдатъ). Тогда то они и „разробили“ одну ниву [1]). Часть же разработанной земли была сдѣлана Гричиновыми людьми. Тутъ мы встрѣчаемся съ очень интересными взглядами. Островъ былъ пустъ и владѣльцемъ его былъ удѣльный князь Пинскій. Сельчане стали разрабатывать, но это вело къ освоенію ими островомъ, за что они были „караны“. Однако случайно распаханныя нивы остались за Гутовлянами, слѣдовательно право захвата даже въ этомъ случаѣ было признано.

Мы остановились на этихъ поземельныхъ процессахъ, потому что они вскрываютъ передъ историкомъ цѣлую слож-

[1]) А. Ю. З. Р., I, стр 213—215

ную и интересную картину поземельныхъ отношеній. Село состоитъ изъ нѣсколькихъ отчинъ. Къ нему тянетъ неразработанная еще, но только намѣченная, назначенная, наклейменная, территорія лѣсныхъ острововъ. Это уже сельскія общинныя земли, тутъ можно дѣлать роспашь. Роспашь эти признаются за тѣми изъ односеленныхъ отчинъ (именно за отчинами, а не за отдѣльными лицами), которыя наложили „на нихъ“, то есть приложили свой тяжелый трудъ для того, чтобы обратить лѣсъ подъ земледѣльческую культуру. Для разработки острововъ крестьяне вступаютъ въ разнообразныя сочетанія между собою: островъ одного села былъ разработанъ только нѣкоторыми дворищами, отчинами; онъ составлялъ ихъ „власность“. Даже при переходѣ крестьянскихъ отчинъ съ ихъ владѣльцами (поповъ человѣкъ), или даже безъ владѣльцевъ (пустовщины) къ частному землевладѣльцу это захватное право труда было признаваемо за отчинами. Оно создается именно роспашью (конечно, въ другихъ случаяхъ „знаменами“ на бортяхъ, розстановкою ловушекъ и т. п.) въ „пустомъ“ лѣсу, фактически ничьемъ, юридически—въ государственномъ. Разработка могла быть приложена не только къ первобытному лѣсу, но и къ сильно заросшей пустовщинѣ. Правда, это право не особенно прочно: право собственности тутъ вступаетъ въ конфликтъ съ правомъ труда. Кошевицкіе крестьяне отстаиваютъ отъ поползновеній Святохны не пустовщины: онѣ безпорно принадлежатъ ей со всѣми правами въ спольныхъ владѣніяхъ, какъ дворища, пожалованныя владѣльцу верховною властью; крестьяне отстаиваютъ свое право труда, потому что онъ приложенъ къ заброшеннымъ пустовщинамъ въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ будетъ необходимъ при новой разработкѣ земли.

Таково происхожденіе сельской общинной земли. Часть ея находится во владѣніи отдѣльныхъ отчинъ, другая—въ общемъ пользованіи всего села.

Вопросъ очень важенъ, и мы остановимся на анализѣ еще одного факта. Можетъ быть даже граница, до которой сель-

чане доходили въ древнѣйшее время для охоты, т. е. самая отдаленная, до которой поселенецъ можетъ дойти, и признавалась сельскою территоріей. Въ одномъ спорномъ дѣлѣ между митроп. Іосифомъ и костеломъ св. Станислава въ Вильнѣ суть вопроса именно свелась къ границѣ крестьянскихъ ловищъ. У митрополита въ с. Ганевичахъ было три дворища „старыхъ данниковъ“, которые, по его словамъ, имѣли съ людьми костельными того же села „въ земли во всемъ половицу“; между тѣмъ теперь не хотятъ дать „дѣлу ровного“. Слѣдовательно, спорное владѣніе продолжалось не менѣе ста лѣтъ (данники были пожалованы костелу в. кн. Витовтомъ, а процессъ велся въ 1516 г.) и теперь одинъ изъ владѣльцевъ хотѣлъ учинить выдѣлъ для своихъ людей. Споръ однако свелся къ границамъ лововъ въ прежнее время, причемъ, по утвержденію митрополита, ловы его людей и вся земля съ людьми костельными „во всѣмъ была посполитая, всякій *добытокъ тыи люди межи себе на полъ деливали*“; такъ было еще при Витовтѣ. На судѣ митрополиту не удалось доказать своего утвержденія о томъ, что его люди имѣли общія ловы въ пущѣ Ганевицкой, почему ему и было отказано во вступахъ въ пущу,—„нижли люди его мають поля и сѣножати свои старыи тамъ мѣти“, распахивать же пущу впредь имъ возбраняется[1]). Изъ этого вскрывается тогдашній порядокъ вещей: цѣлое село отправляется въ ловы, сообща охотится и дѣлитъ добычу. Границей лововъ опредѣляется конечная территорія села. Ловцы дѣлаютъ и роспаши сообща, которыя съ теченіемъ времени поступаютъ въ раздѣлъ между участниками. Истцу не удалось доказать, что именно половина должна быть выдѣлена его людямъ, почему за ними оставлены тѣ роспаши въ пущѣ, которыя они фактически пахали. Однако бортное хозяйство еще всѣми людьми Ганевицкими ведется сообща, потому что митрополиту присуждена „пятая часть медовой дани“.

---

[1]) А. Ю. З. Р., I, стр 49—52.

Теперь надо разсмотрѣть, какъ община распоряжалась и пользовалась общими землями. Замѣтимъ, что для такой общественной земли древнѣйшимъ терминомъ слѣдуетъ признать тотъ, который даетъ Пинская писцовая книга,—„общей земли“, или даже „обчины“, встрѣчающійся въ древнѣйшихъ актахъ [1]); названіе же „спольная“ земля, „посполитая“, повидимому позднѣйшаго происхожденія.

Безспорно, разъ община имѣла въ своемъ распоряженіи участки общинной пахатной земли или угодій, то она считала себя вправѣ ею распоряжаться. Надо только строго различать права распоряженія пахатной землей и угодьями. Какъ мы видѣли, пахатная земля довольно рѣдко составляла общее достояніе всего села. Мы мало знаемъ, какъ село эксплоатировало тѣ клочки нивъ, которыя составляли общую землю; но есть основанія предполагать, что формы пользованія въ данномъ случаѣ были не одинаковы. Такъ, одинъ изъ способовъ пользованія „общей“ распаханной землей вытекали изъ способовъ ея образованія: она была слѣдствіемъ „сяброванья“, общей „спольной“, въ извѣстныхъ доляхъ, работы односельчанъ, почему и пользоваться ею могли въ соотвѣтственныхъ доляхъ. Замѣчательный фактъ въ этомъ отношеніи указанъ въ статьѣ проф. И. В. Лучицкаго на основаніи ревизіи Пинскаго староства: соучастники пользуются спольною землею погодно [2]), или же соучастники пахали землю „въ равной долѣ“ [3]), наконецъ дѣлили ее между собою [4]). Но такіе раздѣлы не всегда, повидимому, были окончательными, сохранялось понятіе о доляхъ каждаго совладѣльца; самый раздѣлъ производился отдѣльно для каждой группы земель, сѣнокоса, пахоти, „межа въ межу“ [5]).

[1]) А. Ю. З. Р., I, стр. 9; Arch. ks. Sang., I, стр. 28.

[2]) Писцовая книга Хвальчевскаго, 197; „Формы заимочнаго землевладѣнія“, Юридич. В. 1890 г., стр. 397.

[3]) Писц. книга Л. Войны, т. II, стр. 200.

[4]) Писц. книга Хвальчевскаго, стр. 419, 421, 442.

[5]) Вилен. Археограф. Сборн., I, стр. 75.

Но практиковался и способъ отдачи общей земли въ арендное пользованіе своимъ же односельчанамъ или стороннимъ людямъ, что показываетъ одинъ любопытный фактъ. Въ 1559 г. Сигизмундъ Августъ отдалъ боярину Клопоту землю въ Мозырской волости, „которую (землю) подданые наши Мозырские на имя Скрыголовцы, без дозволенья врадового дали были людемъ прихожымъ на плате своемъ на рубли грошей держати, а до скарбу нашого с того никоторого плату не было“ [1]). Тутъ интересенъ самый фактъ отдачи въ аренду постороннимъ людямъ земли, принадлежащей всему селу. Таковы могли быть способы распоряженія со стороны общины принадлежавшей ей пахатной землей.

Что касается вопроса о томъ, имѣла ли община право сдвинуть границы отчинъ, передѣлить землю, то такихъ фактовъ мы не встрѣчаемъ, и можно сказать съ увѣренностью, что ихъ не было. Земельный строй сельской общины далеко не представлялъ собою чего нибудь похожаго на позднѣйшую великор. общину. Однако, возможны были такіе случаи, когда общинѣ приходилось, въ силу своего постановленія, выдѣлять пахатныя земли, можетъ быть отрѣзывая части отъ каждаго дворища. Таковы, напр., мужицкія „наданья“ на церкви: крестьяне выдѣляли въ пользу церкви земли въ силу общиннаго приговора [2]). Бывали и такіе экстренные случаи, вродѣ того который сохраненъ намъ общественнымъ приговоромъ крестьянъ села Лебедева: они должны были выдѣлить нѣкоему пану Зубрицкому въ залогъ двѣ нивы съ житомъ, потому что не могли уплатить ему штрафа, наложеннаго судомъ [3]). Но подобныхъ выдѣ-

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 290.

[2]) Нѣсколько указаній на эти факты, основанныхъ на Пинскихъ писцовыхъ книгахъ, приведено въ ст. М. Ф Владимірскаго Буданова, Кіев. Сб., стр. 378. Писц книга Хвальчевскаго, стр. 73.

[3]) „Мы мужи господарские Лебедевцы, Ялудъ Мицковичъ, старецъ, а Олисей Михалковичъ и Ѳедко Панасовичъ, Кузма Ковалевичъ, Мацко Панасовичъ, Артимъ Александровичъ и Мицъ Игнатовичъ со всими потужниками нашими вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ сами на себе пану Марку Зубрицкому, пушкару замку Берестейского. Што его милость панъ Александръ

ловъ не слѣдуетъ толковать весьма распространительно: подобные случаи не могли быть обычнымъ явленіемъ и вполнѣ объясняются не столько правомъ крестьянъ на земли отдѣльныхъ отчинъ, сколько общими условіями сельской солидарности; наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что такіе выдѣлы могли быть сдѣланы изъ неподѣленной еще пашни, или наконецъ путемъ выдѣленія каждымъ крестьяниномъ добровольно нѣкоторой части своей земли [1]). Такимъ образомъ за общиной нельзя признать правъ распоряженія землями, уже принадлежащими отдѣльнымъ дворищамъ, службамъ, отчинамъ.

Это касается пахатныхъ земель. Иное дѣло угодія. Несомнѣнно, общее пользованіе ими было самымъ распространеннымъ явленіемъ, можетъ быть всеобщимъ. Въ самомъ дѣлѣ для охоты на крупнаго звѣря въ лѣсу, для сложной рыбной ловли съ промысловыми цѣлями, необходимо было согласіе односельчанъ и даже нѣсколькихъ селъ если не для общей работы, то по крайней мѣрѣ для одновременной, потому что несвоевременный выходъ на промыселъ одной группы совладѣльцевъ, или размежеваніе промысловъ могли отражаться на успѣхахъ другихъ промышленниковъ.

Ивановичъ Ходкевича, староста берестейский, присудилъ на насъ пану Марку за два гвалты сорокъ копъ грошей, ино вже есмо его милости заплатили тридцать копъ грошей а десять копъ грошей на насъ еще зосталося, нижли мы бачечи трудность и упадокъ нашъ, штожъ пенезей такъ скоро достати не могли, чымъ быхмо мели и тую десять копъ грошей заплатити, и просилъ есмо его милости, абы онъ узялъ у насъ у заставе у тыхъ десяти копахъ грошей две поли изъ житомъ. Якожъ его милость бачечи нашу трудность и випадокъ взялъ его милость тыи две поли в тыхъ десяти копахъ грошей у заставе, которое жъ одно поле от Добратичъ, едучи къ Копытову, налеве за дорогою вперло у самый ставъ пана Марковъ в реку Корошчину, а другое поле... гдежъ есмо пану Марку его милости тые обе поля пред вижемъ замковымъ завели, не оставуючи ихъ нычого на себе. И маетъ его милость тые поля до тихъ часовъ держати, поки его милости пенези вышей писаные отдамо. А если быхмо пенези не отдавши а в поля тые чымъ кольвекъ уступовати ся мели, тогды маемъ пану Марку съ совитостью тые пенези заплатити, а на замокъ вины десять копъ отдати",—далѣе слѣдуютъ подписи свидѣтелей. 1540 г. 20-го января. Кн. Зан.-Литовск. XIII, л 28 об.—29.

[1]) Ср. фактъ боярскаго, „наданья" на церковь, Акты Вил. Ком., XI, стр. 15.

Дѣйствительно, факты подтверждаютъ сказанное. Намъ уже приходилось не разъ приводить источники, говорящіе объ общемъ владѣніи угодіями. Въ одномъ случаѣ, въ судебномъ приговорѣ по спору людей Вагановскаго съ господарскими подданными, даже и опредѣляется условіе общаго владѣнія: „одинъ безъ другого воли не маеть никому дерева з тои пущи давати“. И такъ требуется „воля“ совладѣльцевъ при общемъ пользованіи. Приходилось уже намъ ссылаться и на тяжбу господарскихъ крестьянъ Рудобѣльчанъ съ Хвойничанами: послѣдніе впустили въ спольный островъ многихъ изъ своихъ односельчанъ, такъ что господарскимъ подданымъ стало „тѣсно“. Разумѣется, чтобы могли войти односельчане въ спольный островъ и учинить тѣсноту, нужно было доброе согласіе однообщинниковъ. Жизнью были выработаны опредѣленные обычаи пользованія угодіями, на которые ссылались даже при раздѣлахъ. Двое Сангушковичей окончательно дѣлятъ между собою имѣнія. Въ одномъ изъ нихъ есть островъ, относительно котораго владѣлецъ подтверждаетъ себѣ право распахивать и людьми осаживать. Но въ этомъ островѣ есть „старыя знамена“ на бортяхъ людей другого владѣльца; эти борти продолжаютъ *„водле стародавного обычаю бортницкаго“* находиться у его крестьянъ; имъ можно здѣсь и еще увеличивать количество бортей и брать лыко на лезивы [1]). Позднѣйшая Могилевская устава, данная волости уже при измѣреніи ея на волоки въ 1594 г., говоритъ о старыхъ порядкахъ, существовавшихъ издавна въ волости при владѣніи угодіями. Нѣкоторые изъ этихъ порядковъ оставлены новою уставою, другіе плохо мирились съ нею. Такъ относительно бобровыхъ гоновъ и рыбныхъ лововъ оставленъ старый порядокъ: „Бобровыхъ и рыбныхъ лововъ по рѣкахъ без подѣленія береговъ огуломъ кождое село ужывать маеть, а особливо одинъ без другого бобровъ не ловить и з ручницъ не бить“. Если кто изъ частныхъ землевладѣльцевъ за господарскою даниною имѣетъ уступы

[1]) А. Ю. З. Т. I, стр 83.

въ волостные входы, то онъ можетъ ими пользоваться „сполне съ подданными“. Такъ опредѣленъ общій порядокъ эксплоатаціи угодій: всѣ выходили одновременно на промыслы. Что касается бортнаго дерева, то прежнее пользованіе имъ плохо мирилось съ разбивкой земли на волоки. Старый способъ пользованія заключался въ томъ, что бортные ухожаи составляли особые „круги“, въ которыхъ дерево было раздѣлено, въ каждомъ кругѣ, на ровныя дѣлянки. По проведеніи волокъ, прежніе круги оказались на волочныхъ участкахъ, и крестьянамъ предлагаютъ передѣлать вновь борти, сообразно старому дѣленію въ кругахъ; впрочемъ въ большихъ лѣсахъ, неразбитыхъ на волоки, разрѣшается оставить старыя дѣлянки [1]).

Итакъ можно съ увѣренностью утверждать, что село какъ община могло имѣть нѣкоторыя земли, разработанныя подъ пашни, неподѣленныя еще на дворища и владѣть ими сообща, по общиннымъ приговорамъ. Владѣніе угодьями, промысловыми и сельскохозяйственными, имѣло обширное распространеніе; способы пользованія ими опредѣлялись общею волею односельчанъ или вообще спольниковъ. Если угодій было много, то о поровнаніи ихъ не могло быть и рѣчи; но при изсяканіи удобныхъ угодій (съ точки зрѣнія тогдашнихъ хозяйственныхъ пріемовъ) могло послѣдовать и поровнаніе ихъ. Такое поровнаніе въ зависимости отъ воли общинъ предвидится Могилевскою уставою. Что оно дѣйствительно проводилось въ жизнь, можетъ быть подъ вліяніемъ податныхъ соображеній, прекраснымъ доказательствомъ тому можетъ служить ревизія Гомельскаго староства 1560 года. Замѣтимъ, что хотя данный источникъ—результатъ эпохи реформъ, но тѣмъ не менѣе онъ охватывалъ старину волости, какою она являлась въ данный моментъ. По этой ревизіи промысловыя угодія находятся, какъ намъ уже приходилось указывать, въ спольномъ владѣніи отдѣльныхъ селъ, или даже нѣсколькихъ селъ и частныхъ лицъ. Податная раскладка падаетъ поэтому на все село: оно платитъ

[1]) Вил. Арх. Сб., III, стр. 194 сл.

сообща за бобровые гоны, звѣриные ловы, рыбную ловлю и дань медовую, разверстывая причитающуюся дань между однообщинниками. Но относительно сѣнокосовъ мы наблюдаемъ въ высшей степени важный фактъ: въ селахъ отведено каждой службѣ одинаковое количество сѣнокосовъ, измѣряемое возами сѣна [1]). Такъ какъ это проведено по всей волости, то такое распредѣленіе получилось путемъ искусственнымъ, по разверсткѣ въ средѣ каждаго села. Разсчетъ сѣна на возы можно понимать двояко· и какъ раздѣлъ общаго урожая сѣна, и какъ извѣстную поземельную мѣру. Интересно, что это поровнаніе сѣнокосныхъ угодій не стоитъ ни въ какой связи съ распредѣленіемъ населенія по службамъ. Правда, въ той же волости введенъ однообразный платъ, падающій на службу—хлѣбомъ и деньгами, то есть этою данью обложена собственно пахатная земля. Однако по этому признаку было бы рискованно предполагать о поровнаніи пахатной земли: старинныя службы, закрѣпленныя во время ревизіи 1560 г., были весьма не одинаковаго размѣра, какъ оказалось при переводѣ на волоки въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. Кромѣ того поровнаніе платовъ вовсе не означаетъ поровнанія пахатной землей; доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что при необыкновенно разнообразныхъ размѣрахъ Пинскаго дворища нѣкоторые платежи взимались по одинаковой таксѣ, напр. полюдіе, дань овсомъ [1]). Поэтому и изъ Гомельской ревизіи можно взять только то, на что прямо указываетъ источникъ, т. е. поровнаніе сѣнокосами и общее владѣніе промысловыми угодіями. Но замѣтимъ еще, что центръ экономической жизни Гомельскаго староства сосредоточивался именно въ промыслахъ, а не въ земледѣліи [2]): населеніе его въ изучаемое время нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ.

Сводя все сказанное по вопросу объ отношеніяхъ сельской и волостной общины къ землевладѣнію, можно, кажется, дѣло представить въ такомъ видѣ.

[1]) Акты Вил. Ком., т. XIII.

[2]) Приложенія, стр. 34.

Сельская община имѣетъ извѣстную территорію, которая разрастается путемъ естественнаго освоенія окружною землею со стороны жителей села. Каждое дворище или служба имѣетъ право пользованія расчищенною имъ подъ пашню землею, или занятою бортями, вообще заклейменною землею. Это владѣніе является крестьянской „властностью", „отчиною"; владѣльцы распоряжаются ею въ предѣлахъ, опредѣленіе коихъ зависитъ отъ господаря великаго князя или его намѣстника [1]). Прочность крестьянской отчины между прочимъ характеризуется тѣмъ, что пустовщины долгое время сохраняются въ ожиданіи своихъ отчичей. Ни сельская, ни волостная община не имѣютъ никакихъ правъ распоряженія въ предѣлахъ отчины. Такъ, не можетъ быть рѣчи о такихъ явленіяхъ какъ передѣлы земли, общая ровня. Но крестьянская отчина можетъ состоять изъ освоенной уже ею разработанной протеребы и изъ правъ ея на угодія и нивы, находящіяся въ общемъ владѣніи села. Тутъ начинается общее владѣніе всего села. Сельская община или городская сообща владѣютъ всей территоріей, которую она считаетъ прилегающей къ селу. Пользованіе угодіями происходитъ согласно „волѣ" однообщинниковъ. Иногда этой воли и не нужно, если угодій много и каждый можетъ ими по своему пользоваться: въ болотистой Мозырской волости каждый коситъ сѣно, гдѣ хочетъ. Но такой порядокъ только временный и община иногда переходитъ къ раздѣлу угодій, напр сѣнокосовъ, бортей. Но кромѣ угодій община иногда владѣетъ и пахатными землями. Широкого толкованія этому факту придавать нельзя. Такое поле—результатъ совмѣстной дѣятельности крестьянъ, или наконецъ оплаты какого нибудь грабежа со стороны сосѣда и т. п.

Земля, находившаяся во владѣніи каждаго отдѣльнаго дворища, цѣлаго села, извѣстной группы дворищъ или даже группы селъ является результатомъ разработки и освоенія

[1]) Правовое положеніе крестьянск. землевладѣнія изслѣдовано пр. М Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, „Крест землевл. З. Р. въ XVI в". Чтенія О. Нест. Л., кн. VIII.

ея составившеюся для этой цѣли группой лицъ[1]). Существуетъ извѣстное представленіе о предѣлахъ мѣстной территоріи, но фактическое пользованіе частью ея основывается на правѣ захвата для „разробокъ“ и протеребъ. Отсюда и возможны различныя комбинаціи въ предѣлахъ одного же села крестьянскихъ „спулокъ“ для эксплоатаціи отдѣльныхъ „острововъ“. Юридическимъ принципомъ во всѣхъ такихъ случаяхъ служитъ право освоенія, захвата, заимки. Наши источники даютъ, какъ мы видѣли, достаточныя основанія для такихъ предположеній. Хорошо извѣстно также, что гораздо позже, уже на малорусской почвѣ, заимочное право отчетливо формулируется въ тогдашнихъ источникахъ: вся территорія села, сотни, полка дѣлается „властною черезъ заимку“ землею данной организаціи, а въ ея средѣ—ея же сочленами[2]).

Поземельныя отношенія болѣе сложной общинной организаціи—волости сходны лишь въ фактѣ сознанія извѣстной цѣльности волостной территоріи, предназначаемой для эксплоатаціи отдѣльныхъ селъ и дворищъ. Волостная община—тягло-административный союзъ. По отношенію къ распоряженію землею ея роль весьма ограничена. Присадновыхъ поселенцевъ на волостной землѣ лежала на заботѣ общины по чисто податнымъ соображеніямъ; это—отрасль ея административныхъ функцій. Однако, въ этомъ отношеніи дѣятельность западнорусской общины далеко не дошла до такой степени самостоятельности и опредѣленности, какъ въ Московской Руси, и вскорѣ уступила власти господарскаго державцы. Волостная община охватывала извѣстную территорію, занятую отдѣльными селами или дворищами. Но между ними были незахваченныя еще земли, годныя для поселенія или для промысла: Мозырскіе мѣщане косятъ сѣнокосы, гдѣ хотятъ, по всей волостной землѣ,—разумѣется не тѣ, которыя уже расчищены и обкошены какимъ нибудь селомъ. Кромѣ

[1]) Выводъ, къ которому уже пришелъ И. В. Лучицкій, Формы заимочнаго владѣнія, „Юридич Вѣстн.“, 1890, стр 406.

[2]) Багалѣй, Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ, „Кіев. Стар“, 1883, № 12, стр. 572 и др.

фактически незанятой территоріи, у общины могли быть еще обширныя угодія, входы въ которыя имѣла вся волость; въ такомъ случаѣ отношеніе къ нимъ волостной общины было тождественно съ отношеніемъ сельской къ своимъ спольнымъ угодіямъ. Какъ власть административная и какъ податная единица, община заинтересована въ томъ, чтобы удобныя, но покинутыя земли не избывали податей. Она поэтому имѣетъ высшее распоряженіе пустовщинами. Жители отдѣльныхъ селъ могутъ только „лазить полазомъ“ пустовщины, но болѣе или менѣе прочное распредѣленіе или раздѣленіе пустовщинъ находится въ компетенціи общины. Но ни изъ чего не видно, чтобы разъ раздѣленныя пустовскія земли вновь перераспредѣлялись: очевидно они поступаютъ въ составныя части дворища. Юридически высшее право распоряженія волостною землею принадлежитъ господарю великому князю, но фактически переходитъ къ волости, какъ потому, что это соотвѣтствуетъ фискальнымъ видамъ правительства, такъ и потому, что власть господарскаго намѣстника не успѣла еще расшириться въ этомъ направленія.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, только сельскую организацію можно признать поземельной общиной: селу, его части или нѣсколькимъ сосѣднимъ селамъ были присущи различныя комбинаціи коллективнаго владѣнія.

Но спрашивается, что представляетъ собою наблюдаемая сельская поземельная община: новообразованіе, или болѣе древній типъ сравнительно съ подворнымъ землевладѣніемъ въ собственномъ смыслѣ? Считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что разсматриваемъ здѣсь только отношеніе общины къ владѣнію землею; поэтому считаемъ себя вправѣ ограничиться въ данномъ случаѣ лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. Прежде всего, тщетно было бы искать (въ данный періодъ) на всей обширной территоріи Литовско-русскаго государства одной устойчивой и однообразной формы крестьянскаго землевладѣнія: слишкомъ было не одинаково и экономическое положеніе различныхъ частей государства и историческое ихъ происхожденіе и генезисъ того класса,

который называется собирательнымъ именемъ крестьянъ; поэтому и формы землевладѣнія были не одинаковы. Одинаковый процессъ въ различныхъ мѣстностяхъ происходилъ не въ одно время. Иногда близкія по географическому положенію мѣстности находились въ весьма не одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ. Такъ, древнѣйшій инвентарь Житомирскаго староства (1501) г.) совершенно опредѣленно говоритъ намъ о господствующей здѣсь чисто подворищной формѣ землевладѣнія [1]): каждая „землица“ представляла собою отдѣльную единицу, селъ совсѣмъ нѣтъ, податное тягло падаетъ на „землю“, что указываетъ на отсутствіе общинной группировки. Это понятно: въ данномъ староствѣ, какъ и въ сосѣдней Волыни частное землевладѣніе сдѣлало сравнительно крупные успѣхи; но къ югу отъ Житомира другія украинскія староства представляютъ намъ форму еще только начинающейся экономической культуры, даже полустолѣтіе спустя по составленіи Житомирскаго инвентаря. Мѣщане Черкасскіе еще пашутъ, гдѣ хотятъ. Эта пашня наѣзжая, случайная, по понятнымъ причинамъ: сочный черноземъ юга еще не играетъ здѣсь роли; но рыбные и другіе промысловые входы уже освоены цѣлою городскою общиною: она имѣетъ обширные промыслы, на сотни верстъ отдаленные отъ города. Мы хорошо не знаемъ, какъ распредѣлялась эксплоатація этихъ входовъ среди мѣщанъ, но, повидимому такъ, какъ эксплоатировались входы въ сѣверномъ Поднѣпровьи, потому что несомнѣнно здѣсь есть и земли, не находящіяся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ [2]). Не трудно вынести убѣжденіе въ томъ, гдѣ мы имѣемъ болѣе древнія формы землевладѣнія, въ Житомирскомъ староствѣ, или на украинномъ пограничьи: въ послѣдней мѣстности только начинается тотъ процессъ, который давно уже завершился (по крайней мѣрѣ по отношенію къ наиболѣе удобнымъ землямъ) въ бо-

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VI, т. I

[2]) Довнаръ-Запольскій, Украинскія староства, печатается въ Архивѣ Ю.-З Р , ч. VIII, т. 3.

лѣе сѣверной полосѣ Кіевщины. Не удивительно поэтому, если въ собственной Литвѣ и въ прилегающихъ къ ней русскихъ мѣстностяхъ чистое подворное землевладѣніе сдѣлало столь значительные успѣхи, что явилось здѣсь въ началѣ XVI вѣка преобладающимъ. Насколько разнообразились бытовыя формы можно подтвердить еще одною аналогіей. Въ томъ же литовско-русскомъ центрѣ сябры довольно рѣдки, преобладаетъ обыкновенная семья, дымъ, дворъ. По сосѣдству Пинское староство представляетъ собою типичнѣйшій оазисъ дворищнаго сябриннаго землевладѣнія; эту форму оно сохранило, благодаря своему уединенному положенію въ качествѣ удѣльнаго княженія.

Итакъ, наблюдаемая сельская община является пережиткомъ, при томъ разлагающимся уже въ изучаемый періодъ, болѣе древнихъ отношеній. Это конечно вполнѣ соотвѣтствуетъ общей исторической смѣнѣ формъ крестьянскаго землевладѣнія, неподвергающагося сильнымъ посторонннимъ вліяніямъ. Изъ такой общины могла выработаться и великорусская община съ ея ровненіемъ и душевыми надѣлами, но могъ произойти и распадъ на отдѣльные дворы. Въ литовско-русскомъ центрѣ происходило послѣднее явленіе, распространявшееся постепенно и на восточныя окраины. Со внѣшнимъ проявленіемъ этого процесса мы хорошо знакомы администрація стремится проникнуть въ жизнь села и направить ее по своему усмотрѣнію. Въ центрѣ господарскія уставы 1514 и 1527—1529 г.г. и явились, очевидно, уже слѣдствіемъ такого же разрушительнаго процесса, скрытаго отъ насъ древностью, какъ и позднѣйшія уставы 60-хъ годовъ явились слѣдствіемъ наблюдаемыхъ въ первой половинѣ XVI в. соотношеній. Но самая дѣятельность администраціи (и помѣщиковъ въ своихъ владѣніяхъ) представляетъ собою лишь поверхностное отраженіе крупнаго перелома во всей экономической жизни страны.

Въ заключеніе нашего обзора формъ поземельнаго строя, отмѣтимъ, что прослѣженныя нами формы общинныхъ поземельныхъ отношеній не представляютъ собою явленій, ис-

ключительно свойственныхъ данной мѣстности. Мы старались держаться фактовъ древнѣйшаго періода, входящаго въ сферу нашихъ изысканій, и пришли къ выводамъ, сдѣланнымъ для Малороссіи проф. И. В. Лучицкимъ (съ весьма важными указаніями на болѣе древній періодъ) и проф. Д. И. Багалѣемъ, а также и для другихъ частей Россіи: современная намъ крестьянская община въ Сибири представляетъ собою множество пунктовъ для сравненія, иногда весьма детальнаго, съ древней западнорусской [1]). Изъ этого совершенно ясно, что съ этой послѣдней нельзя подходить съ готовой схемой позднѣйшей великорусской общины, какъ это нѣкоторыми изслѣдователями было сдѣлано. Вообще, при современномъ состояніи науки сущность вопроса сводится не къ доказательству самаго факта существованія поземельной общины, а къ выясненію и описанію формъ коллективнаго распоряженія землею.

VII.

Западнорусское крестьянство не было однородною массой. Наоборотъ, раздробленность его, разнообразіе службъ, на немъ лежавшихъ, а вслѣдствіе этого и его правъ, были весьма значительны. Въ виду этого намъ необходимо поставить вопросъ о томъ: среди какого разряда земледѣльческаго населенія встрѣчаются признаки общинной жизни, разсмотрѣнной выше. Если собрать указанія источниковъ, цитированныхъ выше, то окажется, что крестьяне, выступающіе въ нихъ, всѣ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ данниковъ. Если опредѣлять географически мѣстности, которыхъ касаются наши источники, то придется поставить на видъ, что большинство ихъ относится къ такъ называемымъ Поднѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ и

[1]) Кауфманъ, Крестьянская Община въ Сибири.

сравнительно немного къ волостямъ западнымъ. Такимъ образомъ передъ нами два вопроса о томъ, что такое данники, и почему эти данники, какъ община, выступаютъ въ восточныхъ областяхъ Литовско-русскаго государства. Вопросы эти настолько сложны, что болѣе или менѣе подробное изученіе ихъ не можетъ входить въ нашу задачу и позволительно поэтому ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера.

Повинностныя отношенія западнорусскаго крестьянства отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ, затрудняющимъ точное ихъ опредѣленіе. Данники во всякомъ случаѣ отличаются отъ тяглыхъ людей въ собственномъ смыслѣ; признакъ тяглаго человѣка тотъ, что онъ ходитъ „съ серпомъ и косою“ и дякло даетъ. Положеніе данника прежде всего опредѣляется данью. Дань—это главная повинность данника, независимо отъ того, сидитъ ли онъ на господарской землѣ, или на частной. Иногда повинностныя отношенія данника и ограничиваются только одною данью [1]), кое-гдѣ на данникахъ лежитъ и извѣстная доля тягла. Такъ данники иногда обязаны волочить озеро, косить луга [2]). Но главное тягло данниковъ носитъ государственный характеръ—подводная, сторожевая и городовая повинность [3]). Сравнительно рѣдко, и то въ позднѣйшее время, можно встрѣтить данниковъ, отбывающихъ пригоны и толоки [4]). Если обратиться къ древнѣйшимъ даннымъ, напримѣръ, къ записямъ пожалованій в. кн. Казиміра и къ нѣкоторымъ другимъ, то въ нихъ мы найдемъ данника, обязаннаго только данью [5]). Съ дру-

[1]) А. Ю. и З. Р., I, 127: „а заплативши оную вышеписаную данцу, три пуды меду и грошей съ данью осмнадцать, и къ тому серебщину отъ полняты сохи заплативши. . неповинны вже никоторое службы служить, ани дачки иншое никоторое“ не давать.

[2]) Довнаръ-Запольскій, Акты Лит.-русск. гос., т. I, напр., стр. 76 и др.

[3]) Въ цитированныхъ выше уставахъ волостямъ—passim.

[4]) Напр., Радошковскіе данники ходятъ сѣно косить, Документы М. А. М. Ю. I, стр. 110 и др.

[5]) Книга данинъ Казиміра напечатана мною въ I т. Документовъ Моск. Арх. Мин. Юст.

гой стороны, крестьяне-данники весьма часто оспариваютъ право намѣстниковъ заставлять ихъ косить сѣно и пр., называя такія повинности новиной, хотя послѣдняя и не всегда является таковою въ глазахъ суда[1]). Вообще натуральныя повинности частноправнаго характера явились уже только первою ступенью къ закрѣпощенію, не составляя раньше половины XV вѣка необходимой принадлежности службы данниковъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить характеръ личной зависимости данника: былъ ли данникъ человѣкъ „вольный", или же прикрѣпленный къ землѣ. Правда, что уже въ записяхъ земельныхъ дачъ великаго князя Казиміра встрѣчаемъ раздачу данниковъ, хотя эта раздача и можетъ быть понята въ смыслѣ простой передачи права взиманія дани Но съ другой стороны иногда частные владѣльцы считали своихъ данниковъ „властными", „дѣдичными", „отчизными[2])". Эти рѣдкіе случаи не могутъ характеризовать правоваго положенія цѣлаго многочисленнаго класса данниковъ. Частный владѣлецъ (только такіе факты встрѣчаются) могъ посадить отчича на даняхъ, могъ приобрѣсть на своихъ данниковъ права, какъ на отчичей, могъ наконецъ нарочито, съ цѣлью укрѣпленія, предъявлять права на данниковъ, какъ на отчичей[3]). Акты начала XVI вѣка опредѣленно называютъ только одинъ разрядъ крестьянъ, которыхъ помѣщикъ считалъ крѣпостными и могъ разыскивать—это тяглые отчичи: достаточно помѣщику доказать, что такой-то его человѣкъ ходилъ съ косою и серпомъ на помѣщичью работу, давалъ дякло,—и судья выдастъ такого крестьянина владѣльцу. Съ другой стороны если крестьянинъ захочетъ доказать, что онъ имѣетъ право отхода, онъ называетъ себя вольнымъ, похожимъ.

---

[1]) См , напр., жалобу Свисточской вол , Приложенія стр. 17, жалобу Озерищской вол , Акты Лит.—р. госуд., I, стр. 76.

[2]) А. Ю.-З Р , I, 58, Акты Вит., Ком XIII, р 337.

[3]) Рус. Ист. Б. XX, стр 1266.

Обращаясь къ источникамъ, которые говорятъ о данникахъ, членахъ волости, нельзя не отмѣтить, общаго впечатлѣнія, что члены волостной общины пользовались извѣстнымъ правомъ отхода. Источники нерѣдко упоминаютъ, что крестьяне разошлись изъ волости, расходятся вслѣдствіе притѣсненій намѣстниковъ, расходятся въ большомъ числѣ и не только на сосѣднія господарскія земли, но и на панскія [1]). Державцы, притѣсняющіе волощанъ, могли бы стѣснить свободу отхода, но, видимо, не принимаютъ къ этому мѣръ, очевидно не считая себя вправѣ.

Но наиболѣе рельефно юридическое положеніе данниковъ выступаетъ въ слѣд. случаѣ. Въ 1511 г. п. Станиславъ Петровичъ имѣлъ тяжбу съ владыкою туровскимъ Арсеніемъ о данникахъ Мартинковцахъ. Эти данники были пожалованы прадѣду Петровича п. Петрашу еще вел. кн. Жигимонтомъ. П. Петровичъ представилъ суду грамоту кор. Казиміра, изъ которой видно, что названные данники сначала сидѣли на господарской землѣ, а потомъ сѣли на землѣ пана и Петраша. Онъ представилъ и другой листъ того же времени объ опредѣленіи границъ. Изъ листа этого вид-

[1]) Въ жалобѣ данниковъ Свислоцкой волости 1531 г. говорится: вслѣдствіе тяжкостей „некоторыи люди с тое волости и мѣста нашого розно ся розошли“. Приложенія, стр. 19. Въ Могилевской волости „многія ся люди с тое волости прочь розошли“, Ibidem, стр. 27 Господарь Сигизмундъ I поручаетъ писарю Ивану Горностаю разслѣдовать тяготы Могилевской волости· „Тежь которыи люди с тое волости нашое Могилевское с отчызнъ своихъ для обтяженья будутъ ся розышли до именей князскихъ, и панскихъ, и боярскихъ и хотели бы за ся на тыхъ отчызнахъ своихъ сести, и ты бы имъ далъ воли на колко лѣтъ“, Ibidem, стр. 9. Въ Кораевской волости (около 1530 г.): „А который мужъ пойдетъ съ простое земли Кораевское, и онъ (намѣстникъ) куницы береть То намъ новину учинилъ“, Ibidem, стр. 6. Эти факты убѣдительно говорятъ за то, что данники считали себя вправѣ уходить и даже въ Кораевской волости выходная куница съ „простой“ земли (крестьянской?) считалась новиною. Уходъ данника изъ города см. Акты, I, стр 146. Кричевскіе крестьяне въ 1527 г. говорили королю и панамъ радамъ, что они уйдутъ изъ волости и слагаютъ съ себя присягу. Кн. Зап. Лит. XIV л. 320. Въ Гомельскомъ старостве разошлось много сетъ вследствіе притѣсненій державцы. Приложеніе, стр 34 Вспомнимъ многочисленные случаи закладовъ крестьянъ за державцу, чего тоже не могло бы быть при существованіи крѣпости.

но, что Мартинковцы выѣзжавшимъ для опредѣленія границъ панамъ заявили, „ижъ они люди вольныи: а въ тотъ часъ нихто передъ ними въ неволю не искалъ: *и они и тыхъ людей* знашли правыхъ“, т. е. признали ихъ „вольными“. Господарь во всемъ удовлетворилъ истца, п. Петровича, на основаніи представленныхъ имъ документовъ, и „тыи люди Мартинковцы, изъ ихъ землями... присудили есмо пану Станиславу вечно [1])“. Итакъ тутъ вскрывается цѣлый рядъ обстоятельствъ высокой важности для рѣшенія нашего вопроса. Данники по собственной волѣ переходятъ съ господарской земли на частновладѣльческую и никто ихъ оттуда не возвращаетъ. Обезпокоенные пріѣздомъ граничныхъ комиссаровъ, они спѣшатъ заявить о томъ, что они свободны, прямо называютъ себя „вольными“. Никакіе сроки „заседѣлости“, давности ихъ не касаются: дѣло разбирается почти чрезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ они сѣли на землѣ Петраша. И тѣмъ не менѣе господарь подтверждаетъ данниковъ с землями ихъ на „вѣчность“. Очевидно, и послѣднее условно: земли дѣйствительно составляютъ вѣчность владѣльца, но данники—люди „вольные“, могутъ и уйти.

Правда, правительство иногда принимаетъ мѣры къ возврату ушедшихъ данниковъ, но нельзя не отмѣтить, что мѣры эти скорѣе хозяйственныя, чѣмъ юридическія. Центральное правительство старается унять грабительство старосты, разошедшимся совѣтуетъ давать льготы, въ случаѣ возвращенія на прежнія мѣста [2]). Положимъ, то же правительство пробуетъ издавать указы о возвращеніи разошедшихся подданыхъ, но извѣстныя намъ грамоты по этому поводу исходятъ изъ положеній финансоваго характера, а не юридическихъ. Листъ, данный по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ, разсказываетъ о „хитрыхъ обычаяхъ“ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ: пользуясь цѣлый годъ землей, нѣкоторые изъ нихъ уходятъ въ другія волости, когда приходитъ срокъ

[1]) Р. Ист. Б. т. XX, стр. 735—6

[2]) См. примѣч. на стр 144.

сбора податей, а по прошествіи срока возвращаются вновь на свои земли; нѣкоторые даже поселились въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пользоваться землей Бобруйской волости, не платя податей. Господарь приказываетъ державцамъ не принимать крестьянъ изъ другихъ волостей и разыскивать подданыхъ бобруйскихъ [1]). Но „хитрые обычаи“ бобруянъ своего рода новина; противъ нихъ правительство вводитъ тоже новину — запрещаетъ переходы. Этотъ указъ, изданный по частному случаю (вѣроятно, по просьбѣ волощанъ), не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій. Это — одинъ изъ камней того крѣпостнаго зданія, стройка котораго завершилась гораздо позже. И этотъ камень не одинъ. Подобнаго рода указъ былъ изданъ по просьбѣ волощанъ могилевскихъ около того же времени, въ 1530 г. Великій князь послалъ своего дворянина по всему княжеству разыскивать разошедшихся подданыхъ Могилевской волости и „моцно выводить“ [1]). Однако, если мы сравнимъ этотъ указъ съ наказомъ посланному дворянину (Ивану Горностаю), то дѣло представляется не столь безнадежнымъ. Горностай долженъ разузнать о кривдахъ подданымъ отъ писарей и подключихъ, учинить людямъ „полечку“ и искать разошедшихся подданыхъ: если кто изъ послѣднихъ *захочетъ* возвратиться на свои отчины, то Горностай долженъ давать имъ льготы [2]). Сказаннаго совершенно достаточно для нашей цѣли. Та часть крестьянства, которая извѣстна подъ названіемъ данниковъ, имѣла право выхода (конечно, обставленное извѣстными формальностями). Въ чисто финансовыхъ цѣляхъ правительство принимаетъ мѣры противъ переходовъ, можетъ быть по настоянію остающихся данниковъ волости; но мѣры эти направлялись не столько противъ права отхода, сколько противъ обхода формальностей послѣдняго, нарушавшихъ пла-

[1]) Любавскій, Област. дѣл., пр. № 51. (1533 г.). Ср. толкованіе этой грамоты проф. Леонтовичемъ, Крестьянскій дворъ, Журн. Мин. Народн. Просв., 1896 г., ноябрь, стр. 201.

[1]) Приложенія, стр. 9.

[2]) Приложенія, стр. 6

тежную силу волости. Разумѣется, эти мѣры прокладывали дорогу къ закрѣпощенію.

Такимъ образомъ мы подошли къ тому, что данники въ общемъ пользовались правомъ перехода [1]). Если это право ограничивали, если данниковъ стараются законно и незаконно удержать, то вѣдь надо помнить, что первая половина XVI вѣка—время закрѣпощенія; вѣдь стараются же помѣщики этого времени стѣснить и переходъ вольныхъ похожихъ людей, заключаютъ съ этою цѣлью договоры между собою и пр., а между тѣмъ не можемъ же мы сомнѣваться въ существованіи права перехода вольныхъ людей. Если мы встрѣчаемъ передачу данниковъ отъ господаря частному лицу, или передачу ихъ по наслѣдству, то вѣдь передаются точно также и вольные похожіе люди, бояре путные и пр. [2]), права перехода которыхъ не отрицали современники, признаютъ и соврем. изслѣдователи. Далѣе, само понятіе похожаго человѣка указываетъ только на одну юридическую сторону личности крестьянина, но не объясняетъ его повинностнаго отношенія къ землѣ и помѣщику. Перехожій человѣкъ, могъ, конечно, сдѣлаться и наемникомъ и тяглецомъ, но могъ быть и данникомъ Но если онъ возьмется за тягло,—онъ легко потеряетъ право перехода; садясь на дань, куницу или чиншъ, онъ, не терялъ права уйдти. Садясь на данническомъ участкѣ, прохожій человѣкъ становится „подданымъ“ владѣльца земли. Подданство однако еще не крѣпость, потому, что дѣлаетъ возможнымъ уходъ, предоставляетъ нѣкоторыя права и личныя гарантіи. Изслѣдователя не долженъ также смущать фактъ совпаденія извѣстнаго соціально-юридическаго состоянія съ опредѣленными повинностными отношеніями и даже съ направленіемъ хозяйственной дѣятельности цѣлаго многочисленнаго класса общества: такая связь естественна, она проникаетъ весь государственный и соціально-экономическій строй Литовской Руси.

---

[2]) В. Б. Антоновичъ, изсл. о крестьянахъ, Арх. Ю. З. Р., ч. VI т. I, стр. 14.

[3]) Ср. напримѣръ, пожалованія Arch. ks Sang., III, 96, 132 и др.

Данниковъ мы встрѣчаемъ по преимуществу въ восточныхъ областяхъ. Но они находились и въ мѣстностяхъ бывшаго Пинскаго княжества [1]), на Жмуди и Литвѣ [2]), на Волыни [3]), въ Новгородскомъ воеводствѣ [4]), въ Подляхіи [5]) и др. [6]). Для насъ, слѣдовательно, ясно, что данники, какъ извѣстная разновидность земледѣльческаго сословія, встрѣчаются повсемѣстно въ литовско-русскихъ областяхъ. Нѣсомнѣнно такъ-же и то, что тамъ гдѣ старина крестьянскаго быта не взрушена, или до тѣхъ поръ пока она не взрушена, быть данниковъ сохраняется въ его старинномъ состояніи, слѣдовательно и общинная организація. Наглядный примѣръ сказаннаго представляетъ собою Пинское старостве съ его прочной сельской и сябринной общиной, старцами (до реформы) и съ чрезвычайно архаичнымъ податнымъ устройствомъ. Тоже можно сказать и о Ратненскомъ старостве, о нѣкоторыхъ Жмудскихъ волостяхъ. Но вокругъ этихъ архаичныхъ оазисовъ уже выработались иныя бытовыя формы. Обращаясь же къ древнѣйшему періоду, вездѣ замѣчаемъ преобладаніе данниковъ Кіевская люстрація 1471 представляетъ намъ Кіевщину областью данниковъ; люстрація той же земли 1552 г. знаетъ уже только тяглое населеніе.

Однимъ словомъ, тотъ классъ земледѣльческаго населенія, среди котораго въ началѣ XVI вѣка встрѣчается наиболѣе опредѣленное проявленіе общинной солидарности, классъ данниковъ, — извѣстенъ повсемѣстно въ Литовско-русскомъ государствѣ. Этотъ разрядъ не новаго происхожденія, а древняго. Ему одинаково вездѣ была извѣстна общинная

---

[1]) Ревизія и пр., 65, 71, 102 и др.

[2]) Ак. Вил. Арх. Ком., XIV, 11; А. Ю. З. Р., I, 298, Документы М. А. М. Ю. I, стр. 116.

[3]) Архивъ Юго-З. Р., ч. VI, 8, I, Arch. ks. Sang., III, 78; ср. инвентарь Ратненскаго староства, въ VII ч. 2 т. Арх. Ю.-З. Р.

[4]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

[5]) См., напримѣръ, Леонтовичъ. Акты, I, № 379, № 384.

[6]) Ср. указанія въ трудѣ проф. Леонтовича, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр., 1896, май, стр. 29—31 и у проф. Любавскаго, Областное дѣленіе, стр. 327—328.

организація, но слабость ея проявленій въ западныхъ областяхъ объясняется здѣсь болѣе интенсивнымъ ростомъ экономической жизни. На западѣ ранѣе начался переходъ къ чистому земледѣлію, связанный съ образованіемъ огромныхъ лятифундій, потребность которыхъ въ барщинномъ трудѣ не могла быть удовлетворена рабскимъ трудомъ; поэтому крѣпостническія тенденціи владѣльцевъ содѣйствовали болѣе раннему превращенію крестьянъ въ тяглыхъ отчичей, прикрѣпленныхъ къ землѣ и обязанныхъ барщиной.

Мало того. Если сопоставить данниковъ съ другими разрядами крестьянскаго класса, то не трудно замѣтить, что они выдѣляются отъ другихъ какъ разъ особенностями своей организаціи. Это особенно рельефно видно въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, гдѣ различные разряды живутъ на землѣ одного и того же помѣщика. Мы здѣсь приведемъ нѣсколько такихъ указаній, которыя еще разъ способны подтвердить несомнѣнное наблюденіе, что община не была организаціею искусственнаго происхожденія. Въ извѣстной мѣрѣ мы уже знакомы съ нѣкоторыми фактами общинной организаціи на частновладѣльческихъ земляхъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ во главѣ общинъ старцевъ, вѣдающихъ нѣкоторую долю суда, сборъ податей, отправленіе повинностей, наконецъ административно-полицейскія обязанности. Но важно, что и здѣсь общинная организація присуща только данникамъ,—разумѣется, разъ данники составляютъ цѣлое село или волость на землѣ помѣщика. Нельзя, напримѣръ, не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Волость Радошковская принадлежала Гаштольтамъ. Описана волость была въ 1549 г. (по случаю перехода волости къ великому князю, какъ вымороченной). Въ ней были люди разныхъ разрядовъ. Люди тяглые, куничники, бобровники описаны очень подробно: показанъ ихъ инвентарь, количество земли подъ каждою службою, размѣры податей и повинностей съ каждаго. Во главѣ тяглецовъ и даже куничниковъ въ волости—тивунъ и пристава. Совершенно выдѣлены въ этомъ описаніи данники—они составляютъ волость въ волости. Они

посчитаны по дымамъ, а не по службамъ, указанъ ихъ хозяйственный инвентарь и дань медовая съ дыма. Весьма любопытно, что во главѣ ихъ стоитъ старецъ. Вся волость данниковъ имѣетъ свой „млынъ“ на рѣкѣ Ушѣ, который они сами себѣ устроили и на которомъ мелютъ только они. Среди населенія, въ общемъ довольно зажиточнаго, есть и такіе, которые ничего не имѣютъ, хотя даютъ медовую дань. Однако оказывается, что у нихъ существуетъ, помимо люстраціонной, своя раскладка подати, почему и за убогихъ взимаютъ дань медовую. Другія подати и совсѣмъ не расписаны по дымамъ: куничные пенези, бобровые, овесъ, ленъ, бѣлки, яловицы, воскъ—даетъ вся волость. Это старыя подати, а новый налогъ, установленный п. Гаштольтовою, врядникъ взимаетъ уже съ дыму. Волость, далѣе, имѣетъ свою церковь. Что касается земли, то тѣ самые люстраторы, которые тщательно высчитали количество земли подъ тяглыми службами, по отношенію къ данникамъ поступили иначе; они указали на общее количество земли, принадлежавшей Реваницкимъ данникамъ,—миля поперекъ и три мили въ длину, въ одномъ кускѣ. Нельзя думать, чтобы эти данники не пахали, занимаясь только пчеловодствомъ: довольно большое количество сохъ, воловъ и лошадей при каждомъ дымѣ прямо указываетъ на то, что мы имѣемъ передъ собой хлѣбопашцевъ [1]). Къ землѣ, на которой сидѣли данники, ревизоры не такъ внимательно отнеслись, какъ къ тяглой; это слѣдуетъ поставить на видъ, но дѣлать отсюда опредѣленный выводъ, при отсутствіи другихъ данныхъ,—воздержимся.

Возьмемъ другой примѣръ—частновладѣльческое имѣніе Титовяны, въ Литвѣ. Тяглые люди описаны въ немъ отдѣльно отъ двухъ селъ данниковъ; при каждой службѣ тяглыхъ обозначено количество податей и повинностей; при данникахъ только ихъ хозяйственный инвентарь. Не знаемъ, кто стоялъ во главѣ данниковъ, но тяглые люди названы „тивунскими“, то-есть они управлялись помѣщичьимъ тивуномъ;

[1]) Док. М. А. М. Ю., I, стр. 90—119.

данники же платятъ тивунщину,—откупъ отъ тивуна. Далѣе, дань съ каждаго села обозначена общею суммою; изъ 49 дымовъ села Гнѣздиловичъ выходитъ на сѣнокосъ 7 человѣкъ; осенью—два человѣка являются ко двору съ топоромъ. Все это предполагаетъ разверстку податей и повинностей. Она и была: „Которая жъ тая данъ,—говоритъ люстрація послѣ указанія общей суммы ея съ села,—изъ тое части, кому ся достанетъ, по особну изъ оныхъ данниковъ брана быти маетъ“ [1]). Помѣщикъ знаетъ только общую сумму дани съ села, разверстка производится самимъ селомъ; но разрубный списокъ, видимо, предъявлялся помѣщику или его уряднику, потому что съ каждаго хозяина взималась дань отдѣльно; понятно, помѣщику послѣднее выгодно: онъ получитъ пищее, „за данью“ и пр.

Такимъ образомъ община данниковъ, такъ или иначе оказавшаяся на помѣщичьей землѣ, не сразу теряла свои особенности [2]).

Возможная полнота изложенія побуждаетъ насъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Нѣкоторыя признаки общинной организаціи встрѣчаемъ и среди другихъ разрядовъ тяглецовъ, хотя и довольно, слабые. Положеніе паробковъ, тяглыхъ отчичей, дойлидовъ, даже слугъ путныхъ было не таково, чтобы способствовать той или иной формѣ об-

[1]) Акты Вил. Арх. Ком., XIV, стр. 11.

[2]) Юрій Зеновьевичъ, записывая данниковъ на Кіево-Печерскій монастырь, говоритъ: „а возити тымъ людемъ тую дань и тые грошы самымъ къ дому Пречистое, какъ и передъ тымъ важывали“, А. З. Р., I, 105. Разумѣется, единообразія на помѣщичьихъ земляхъ ожидать нельзя. Ср, напр, инвентарь Мядельской волости 1545 г.: во главѣ волостныхъ людей стоитъ старецъ; по данямъ, волостные люди Мяделя—данники, но подѣлены по службамъ, съ извѣстнымъ количествомъ земли при каждой; они уже отбываютъ тягло по одному дню въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе данники Мяделя отличаются отъ тяглыхъ дворскихъ людей съ тивунами во главѣ. Документы М. А. М. Ю., I, 75. Ср. еще интересное описаніе Кереповскаго двора (имѣніе Гаштольтовъ). Данники строго разграничены отъ людей тяглыхъ и др. Тяглые люди находятся подъ приставами, паробки подъ тивунами, данники—подъ старцемъ. Земли у данниковъ „отчизныя“, дань опредѣляется общею суммою. Арх. Сборн. Вил., VII, стр. 15—17. Ср. Кейданы, ibid., стр. 12—15

щинной жизни. Эти разряды находились въ бо́льшей личной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, не составляли такой сплоченной массы населенія, какъ данники, потому что паробки, слуги, дойлиды и пр. находились въ небольшомъ количествѣ при господарскихъ или помѣщичьихъ дворахъ. Можно указать лишь на то, что и среди этихъ разрядовъ встрѣчаются признаки общинной организаціи, вызываемой общностью ихъ повинностныхъ и поземельныхъ отношеній. Путные бояре иногда цѣлою общиной отстаиваютъ свои юридическія права, когда намѣстникъ ихъ тянетъ въ тягло; паробки, кобыльники слѣдятъ за равномѣрнымъ отбываніемъ общихъ повинностей тѣми изъ своихъ сосѣдей, которые уклоняются отъ нихъ [1]). Иногда въ средѣ общины выдѣлялись особые тяглецы, которые и составляли одну тяглую группу. Такова, напр., была въ Витебскѣ группа мѣщанъ—подводныхъ людей. Хотя они и находились подъ общимъ городскимъ управленіемъ, но тѣмъ не менѣе сами

[1]) Такъ 1551 г. слуги путные Полоцкаго повѣта возбудили дѣло противъ бояръ и мѣщанъ полоцкихъ. Слуги жаловались на то, что шляхтичи и мѣщане скупаютъ земли у ихъ потужниковъ-слугъ и не несутъ соотвѣтственныхъ повинностей съ пріобрѣтенныхъ земель. Слуги опирались на привилей, разрѣшающій имъ покупать земли у шляхты. Послѣдняя и мѣщане ссылались на земскій привилей, по которому они имѣютъ право покупать земли у путныхъ людей. Судъ призналъ, что земскій привилей важнѣе, потому что онъ древнѣе привилея путнымъ слугамъ. Но окончательному рѣшенію придана была такая формулировка: шляхта и мѣщане могутъ покупать у путныхъ слугъ земли, но должны нести съ путныхъ земель соотвѣтственныя повинности; въ свою очередь, путные слуги, купившіе шляхетскія земли, несутъ съ послѣднихъ шляхетскія повинности. Книга Суди. Дѣлъ Литовск., № XXIV, л. 121—122.

Въ 1532 г. кобыльники Домановляне жаловались господарю на своихъ поплечниковъ по тяглу Ваську Яковлевича и Еску Кузмича и др. „о томъ, штожъ они всякую службу посполъ з нами служать и доходы дають, а теперъ не хотять з нами дороги теребити“. На судѣ выяснилось, что всѣ кобыльники обязаны теребить дорогу вмѣстѣ. Кн. Зап. Лит., XVI, л. 51 об.—52.

Интересна еще жалоба селецкихъ паробковъ. Они жаловались воеводѣ витебскому на Кучку Ортеша въ томъ, что послѣдній служилъ раньше съ нами, а теперь не служитъ. Кучка заявилъ, что „купилъ есми паробка на имя Андрея Петровича, поплечника“ и поставилъ, съ разрѣшенія прежняго воеводы Сапѣги, на свое мѣсто. При этомъ онъ представилъ листъ купчій и разрѣшеніе воеводы. Воевода нашелъ его правымъ. Кн. Зап. Литовск., XVI, л. 27.

заботились о томъ, чтобы никто изъ ихъ поплечниковъ не уклонялся отъ подводнаго тягла[1]), и даже имѣли своего особаго десятника[2]). Иногда глава такой общины носилъ названіе старосты, каковой былъ напр., у ковалей въ Витебскѣ[3]). Кромѣ повинностной и административной связи у такихъ тяглецовъ, была и связь поземельная. Принадлежность къ общинѣ тяглецовъ опредѣлялось пользованіемъ, напр. „подводной“ землею[4]), „рогатинною[5])“ „псарецкой[6])“; конюхи Марковскаго повѣта очень опредѣленно отличаютъ свои „конюшскія“ земли, даже пустовщины, отъ волостныхъ земель, какъ и свою конюшскую службу отъ волостной. Служба этихъ людей была службой „за дѣдовъ, за прадѣдовъ“. Такія организаціи иногда вступали въ договоры, заключали сдѣлки[7]).

Во всѣхъ этихъ фактахъ мы встрѣчаемся съ знакомымъ намъ явленіемъ общинной салидарности. Не входя въ подробности, замѣтимъ однако, что была большая разница между группами дворовыхъ ремесленниковъ и повинностными или ремесленными группами въ крупныхъ русскихъ городахъ: тогда какъ первыя, вѣроятно, имѣютъ происхожденіемъ своимъ рабство, вторыя—остатки древнерусскаго строя, напоминающаго собою цеховое устройство, самостоятельнаго впрочемъ происхожденія.

Оставляя подведеніе итоговъ сказанному до третьяго очерка, подчеркнемъ здѣсь лишь тѣ основные выводы, къ которымъ приводитъ насъ изученіе западнорусской общины.

---

[1]) Леонтовичъ, Акты Метрики Лит., № 173.
[2]) Приложенія, стр. 43. Ср. Кн. Зап. Лит. 86 об.
[3]) Кн. Судн. Д. Лит IX, л. 120 об.
[4]) Приложенія, стр. 44.
[5]) Кн. Судн. Д. Лит. XXXV, л. 414
[6]) Кн. Зап. Лит. VIII, л 287.
[7]) Кн. Судн. Д. Лит. IV, л. 166 об.

Прежде всего несомнѣненъ самый фактъ общиннаго самоуправленія и притомъ не созданнаго какими нибудь спеціальными мѣропріятіями правительственной власти. Но историкъ застаетъ общину въ моментъ ея агоніи. Она локализовалась среди данниковъ Поднѣпровскихъ и Подвинскихъ волостей, хотя основательные слѣды ея можно наблюдать и въ тѣхъ жмудскихъ и русскихъ областяхъ, которыя опоясывали собственную Литву, частью даже въ самой Литвѣ; въ послѣднихъ мѣстностяхъ общинная жизнь достаточно замѣтна въ частновладѣльческихъ земляхъ даже въ сравнительно позднее время (во второй половинѣ XVI в.) и почти исчезла на господарскихъ земляхъ. Эта объясняется тѣмъ, что въ западныхъ дворахъ было введено управленіе на основаніи уставъ. Причина введенія послѣдняго кроется частью въ соціальномъ составѣ мѣстнаго земледѣльческаго населенія, но главнымъ образомъ въ особенностяхъ мѣстной экономической жизни—какъ слѣдствіе болѣе ранняго перехода къ земледѣлію въ качествѣ главнаго источника промысловой дѣятельности. Предыдущія наблюденія приводятъ еще къ тому несомнѣнному выводу, что наблюдаемый распадъ общины долженъ былъ привести центральное правительство къ мысли о реформѣ. Къ этой мысли приводило и плохое состояніе господарскаго скарба. Реформа могла пойти по двумъ направленіямъ—или въ смыслѣ предоставленія общинамъ полной самостоятельности, съ устраненіемъ державцевъ, или въ подчиненіи общинъ власти державцевъ. Второй путь имѣлъ за собою опытъ управленія въ западныхъ дворахъ, первый (до извѣстной степени) въ уставныхъ грамотахъ волостямъ. Но съ финансовой и хозяйственной точекъ зрѣнія скарбъ былъ недоволенъ и общинами и державцами; кромѣ того военныя обстоятельства ясно указывали на необходимость усиленія власти старостъ въ восточныхъ городахъ. Поэтому, къ половинѣ XVI ст. въ скарбѣ назрѣлъ широкій планъ реформы всѣхъ волостей, державъ, староствъ и тивунствъ. Сначала реформа была задумана очень широко, имѣя цѣлью охватить въ повинностномъ отношеніи и частно-

владѣльческія земли, но затѣмъ, въ силу обстоятельствъ, съузилась въ предѣлы великокняжескихъ доменовъ. Вырабатывая планъ реформъ, правительство поступило правильно, начавъ выясненіе положенія вещей съ регистраціи повинностей, платежей и имущественнаго фонда населенія.

Къ этимъ реформамъ мы теперь и можемъ перейти.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Крестьянская реформа половины XVI вѣка.

I.

Въ половинѣ XVI вѣка изстаринный общественный и экономическій строй Западной Руси претерпѣваетъ значительныя перемѣны: выработанныя вѣками формы его претворяются въ новыя. Сущность этой переработки бытовыхъ условій заключалась въ слѣдующемъ. Разнообразные разряды населенія объединяются въ строго сословныя группы—шляхетство, мѣщанство и крестьянство. Новая соціальная группировка совпадаетъ съ коренными измѣненіями въ экономическомъ быту: охотничьи промыслы постепенно уступаютъ свое первенствующее мѣсто земледѣлію и скотоводству, что совершается подъ вліяніемъ новыхъ потребностей западно-европейскаго рынка. На помощь новымъ экономическимъ условіямъ появляются новыя научныя теоріи и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ государственномъ хозяйствѣ. Если мы примемъ въ разсчетъ только что указанныя измѣненія и ихъ причины, то для насъ станетъ яснымъ слѣдующее общее положеніе: изстаринныя формы государственнаго хозяйства теряютъ свое значеніе и спѣшатъ замѣниться новыми. Старинная система его совершенно обветшала и ставила скарбъ очень часто въ весьма затруднительное положеніе. Разныя условія жизни выдвинули нестолько вопросъ о новыхъ налогахъ, сколько вопросъ *о способахъ его взиманія*, т. е. на

первый планъ поставили измѣненіе въ организаціи раскладки и взиманіи податей и повинностей. А раскладка и взиманіе податей основывается на кадастрѣ платежныхъ единицъ, и чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ эластичнѣе можетъ быть и вся податная система. Разнообразное значеніе кадастра прекрасно понималось финансовыми дѣятелями Литовско-русскаго государства данной эпохи. По ихъ представленіямъ, кадастръ долженъ былъ обслуживать слѣдующія стороны финансоваго хозяйства страны: 1) регистрацію государственныхъ доменовъ и находящагося въ нихъ движимаго имущества; 2) регистрацію доменіальныхъ правъ и вообще источниковъ доходовъ; 3) точную регистрацію врядничьихъ доходовъ для избавленія населенія отъ вымогательствъ; 4) такую же точную регистрацію податей и повинностей податныхъ классовъ,—соотвѣтствующею размѣрамъ земли (въ селеніяхъ) и размѣрамъ правъ и земли (въ городахъ) жителей; 5) введеніе единообразнаго и строго опредѣленнаго административнаго устройства.

Таковы требованія, предъявленныя къ кадастру, и съ этими цѣлями правительство Сигизмунда Августа приступило къ составленію описаній господарскихъ старостъ.

Въ виду различія въ экономическомъ быту западныхъ и восточныхъ волостей, кадастръ ихъ и описанія произведены на различныхъ основаніяхъ. Въ литовскихъ областяхъ всѣ земли были размѣрены на *волоки*, при чемъ кореннымъ образомъ былъ измѣненъ весь хозяйственный строй этихъ волостей; въ русскихъ волостяхъ на первое время подверглись регистраціи старинныя русскія службы и точно опредѣлены повинностныя отношенія „подданыхъ“ и только города подверглись переходу на волочную систему.

Итакъ, кадастръ былъ произведенъ по двумъ системамъ, хотя и съ одинаковыми цѣлями.

Изъ сказаннаго ясно то важное значеніе, какое имѣли въ исторіи Литовско-русскаго государства названныя реформы. Значеніе ихъ весьма разносторонне. Финансовая сторона реформъ и отчасти экономическая, въ связи съ

общимъ развитіемъ управленія и эксплуатаціи господарскихъ земель, уже подверглась изслѣдованію [1]). Настоящій очеркъ имѣетъ другую цѣль: выяснить техническую сторону реформы и укладъ новой администраціи по управленію добрами; такимъ образомъ пока останется въ сторонѣ еще одна цѣль реформъ, по крайней мѣрѣ касавшаяся восточныхъ и южныхъ волостей,—военная. Чтобы понять значеніе для историка технической стороны ревизіи, надо вспомнить, что ревизіи господарскихъ староствъ являются въ то же время важнѣйшими источниками, рисующими соціальный и экономическій строй страны: взвѣсить достоинство и достовѣрность этого источника представляетъ насущную нужду нашей науки. Мало того, система ревизіи и значеніе дошедшихъ до насъ памятниковъ съ большею рельефностью выясняется при сопоставленіи ихъ съ болѣе древними попытками регистраціи населенія и его повинностей. Съ этого обзора мы и начнемъ, затѣмъ въ отдѣльности выяснимъ работу господарскаго скарба въ восточныхъ и западныхъ волостяхъ.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и предварительно остановиться на болѣе древнихъ пріемахъ кадастра. Этотъ экскурсъ, полагаемъ, будетъ далеко не лишнимъ, такъ какъ онъ познакомитъ насъ съ генезисомъ правительственныхъ мѣропріятій въ половинѣ XVI в. и дастъ возможность взвѣсить достигнутый ими успѣхъ.

Хорошо извѣстно, что переписи на Руси, выполнявшіяся съ цѣлями административно-финансовыми, весьма древняго происхожденія. Но памятники ихъ, относящіеся къ западнорусской территоріи, довольно поздняго происхожденія,—отъ второй половины XV в. Поэтому очень трудно судить о томъ, носятъ ли на себѣ древнѣйшіе западнорусскіе *инвентари* традицію древне-русскихъ переписей, или на форму и технику ихъ повліяло какое нибудь заимствованіе. Первое предположеніе какъ будто и поддерживается край-

[1]) М. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, I, 169 сл.

ней примитивностью пріемовъ составленія инвентарей, а также и отличіемъ ихъ отъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ: послѣднія представляютъ собою, сравнительно съ инвентарями, работу, стоящую неизмѣримо выше первыхъ. Связь писцовыхъ книгъ съ византійской техникой межеванія не опровергаетъ, но подтверждаетъ сказанное предположеніе: очевидно, уже для конца XV вѣка пріемы древней Руси были недостаточны. Трудно также установить связь техники древнѣйшихъ инвентарей съ польскими образцами; точекъ соприкосновенія тутъ, повидимому, мало.

Древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ описаніемъ замковъ является люстрація Кіевской земли 1471 года. Мы не знаемъ документально, когда и по какому поводу она была составлена, однако соображенія, уже приведенныя проф. Владимірскимъ-Будановымъ, неоспоримо доказываютъ, что это описаніе Кіевской земли было составлено сейчасъ послѣ смерти Симеона Олельковича, когда земля эта была обращена въ намѣстничество, слѣдовательно въ 1471 году, или въ ближайшіе къ нему годы. Объ Олельковичѣ говорится почти какъ о современникѣ, приводятся его распоряженія и проч. [1]). Само по себѣ древнѣйшее описаніе Кіевской земли не имѣетъ начала (надписаніе „На Рси", которымъ оно озаглавлено въ Метрикѣ, относится, очевидно, только къ одной части „пописа", вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія), ни конца, гдѣ разъясняются обычно въ позднѣйшихъ описаніяхъ цѣль ихъ составленія и время; такимъ образомъ это только отрывокъ не дошедшей до насъ цѣликомъ описи. Дѣйствительно, въ этомъ отрывкѣ и описано не все бывшее Кіевское княжество, въ немъ нѣтъ, напримѣръ, описанія самого Кіева. Цѣль составленія разбираемаго описанія можно легко предположить. Когда княжество превращалось въ воеводство, то правительство составило описаніе его при передачѣ вновь назначенному воеводѣ въ управленіе. Это

[1]) Населеніе юго-зап. Россіи отъ второй половины XV вѣка до Люблинской уніи, Стр. 93. Описаніе помѣщено во второй части 7 т. Архива Ю. З. Р.

была обычная, какъ сейчасъ увидимъ, причина составленія древнѣйшихъ описовъ. Описъ 1471 года представляетъ собою весьма любопытныя данныя для обозрѣнія тогдашняго господарскаго хозяйства, такъ какъ онъ даетъ описаніе господарскихъ дворовъ и перечень повинностей зависимыхъ отъ замка людей. Затѣмъ онъ содержитъ въ себѣ перечень селъ, при чемъ относительно каждаго изъ нихъ имѣется извѣстіе о количествѣ и разрядахъ населенія села, равно какъ и о лежащихъ на немъ повинностяхъ. Относительно описанія городовъ, нашъ источникъ не обладаетъ свѣдѣніями. Прежде всего города описаны въ отрывкѣ не всѣ— только Житоміръ, Чудновъ, да бѣглыя замѣтки о Винницѣ. Въ городѣ люстратора интересовало прежде всего количество орудій на замкѣ, дворъ замковый, количество въ немъ челяди, скота, размѣры пашни; наконецъ, встрѣчаемъ указаніе на число корчемъ (такъ какъ съ нихъ шелъ доходъ на замокъ) и зависимое отъ замка населеніе (слугъ, тяглыхъ). Объ остальномъ населеніи города, мѣщанахъ, не обложенныхъ податями, описъ упоминаетъ только вскользь, въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (въ Чудновѣ: „а на мѣсте людей полно“). Изъ того видно, что при составленіи описи преслѣдовались только фискально-военные интересы воеводства; такъ, въ селахъ тщательно отмѣчено и количество слугъ, обязанныхъ ходить на войну. О частномъ землевладѣніи, свѣтскомъ и церковномъ, нѣтъ никакихъ указаній.

Разсматриваемая люстрація ничего не говоритъ о способѣ ея составленія, нѣтъ также другихъ аналогичныхъ описаній за это время, такъ что было бы безнадежно дѣлать попытку критической провѣрки даннаго документа, опредѣленія его значенія, какъ статистическаго матеріала. Въ этомъ отношеніи нашъ документъ не отвѣчаетъ на многіе запросы. Мы ужъ видѣли, какъ поверхностно писцы относились къ количеству городского населенія. При описаніи селъ они даютъ только общую цифру слугъ, гольтяевъ въ селѣ и др. разрядовъ населенія, названіе платимыхъ податей и отбы-

ваемыхъ повинностей, но количество повинностей не указано, о размѣрахъ земельныхъ надѣловъ и рѣчи нѣтъ. Несмотря на эти недостатки, древность источника и заключающіяся въ немъ данныя все же представляютъ цѣнный матеріалъ [1]).

Рядомъ съ разобраннымъ описаніемъ надо поставить люстрацію Смоленской земли начала XVI вѣка, отрывки которой дошли до насъ. Она еще короче предыдущей [2]). Въ теченіе послѣдующаго періода мы имѣемъ одно только коротенькое извѣстіе о производившемся попискѣ жмудскихъ тивунствъ. Это описаніе производилось передъ 1527 г. писаремъ господарскимъ Коптемъ Васильевичемъ, Станиславомъ Скопомъ и дворяниномъ Андреемъ Мацковичемъ. Цѣль описанія—регистрація людей тяглыхъ, путныхъ, куничныхъ, и земель пустовскихъ, всѣхъ платовъ и доходовъ, которые приходили на прежнихъ старость и ихъ врядниковъ и на тивуновъ; описаніе дѣлалось какъ въ тѣхъ волостяхъ, которыя господарь оставилъ за собою, такъ и въ тѣхъ, которыя онъ выдѣлилъ старостѣ [3]). Такимъ образомъ и само описаніе волостей вызвано раздѣломъ волостей. Къ сожалѣнію, до насъ не дошла эта перепись. Гораздо важнѣе была перепись господарскихъ дворовъ 1528 г. Она стоитъ въ тѣсной связи съ постановленіемъ сейма того-же года, по рѣшенію котораго должны быть переписаны всѣ имѣнія шляхты для опредѣленія, сколько каждый служилый человѣкъ долженъ поставить на войну всадниковъ. Писари (Станиславъ Скопъ и дворянинъ Янъ Орвидовичъ), которые описывали людей шляхты, должны были переписать и службы господарскихъ людей въ Жомойтской землѣ. Ихъ переписи подлежали бояре посѣдные, слуги путные, мѣщане, тяглые люди и куничники. На обязанности составителей описи лежало записать: „всихъ людей нашихъ службами и колко въ которой службе дымовъ, и ихъ сохи воловыи и кони, и маемость кождого чоловека и земли пустовскія“; равнымъ образомъ всѣ земли, отдан-

[1]) М. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство, I, p. 197 сл.
[2]) Напеч. въ прил. у Любавскаго, Обл. дѣл. и мѣстное управленіе.
[3]) А. З. Р., II, 182.

ныя шляхтѣ королемъ Александромъ или самимъ Сигизмундомъ I, также: „и колко тежъ, у которомъ тивунстве вы, тивунове нашы, людей будете на насъ присадили, або гдѣ што людей будетъ убыло *после попису* писарей нашыхъ“ (который производился до 1527 г.). Такимъ образомъ новая перепись преслѣдовала широкія задачи регистраціи не только службъ и сохъ, а также и „маемости“ каждаго тяглеца; она также должна была служить для цѣли провѣрки хозяйственной дѣятельности тивуновъ. Порядокъ описи опредѣлялся такой: составители ея должны были собрать необходимыя свѣдѣнія отъ тивунскихъ намѣстниковъ и волостныхъ врядниковъ; собраніе свѣдѣній производилось паномъ Скопомъ отъ этихъ лицъ подъ присягою въ томъ, что они „справедливе въ кождый кусъ пописали а ничого не втаили“ [1]).

Предписаніе, содержаніе котораго мы только что привели, относится къ жмудскимъ волостямъ; но весьма вѣроятно, что описаніе производилось тогда же и въ другихъ господарскихъ волостяхъ, по крайней мѣрѣ въ дворахъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ [2]). Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что перепись была связана съ общею для всего государства мѣрою—переписью всего государства. Мы только что видѣли, что кромѣ тяглецовъ должны быть пописаны и королевскіе бояре и путные слухи. Дѣйствительно, въ извѣстной переписи 1528 г. (Кн. Перен. Лит. I) мы въ концѣ перечня шляхты каждаго повѣта встрѣчаемъ слугъ путныхъ и бояръ господарскихъ,—значитъ, они были переписаны по

[1]) У Любавскаго, Обл. дѣл., прил № 41.

[2]) Подтвержденіемъ можетъ служить листъ великаго князя писарю дворовъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ (1530 г.) Б. Мацковичу, въ которомъ говорится: „Што перво сего будучи намъ у вотчинѣ великомъ княжстве Литовскомъ, посполъ съ паны рѣдами нашими намовивши постановили есмо по всимъ дворамъ нашымъ вставу новую и с тою уставою нашою на реестра выписавши по всимъ замкомъ и дворомъ нашымъ тебе есмо послали, винъ и всихъ доходовъ нашихъ смотрети казали“. Далѣе видно, что Б. Мацковичъ производилъ опись въ Дорогицкомъ пов. Кн. Зап. Лит. XVII, лл. 46 об.—17 об. Источники еще свидѣтельствуютъ, что тотъ же Б. Мацковичъ описывалъ Волковыскій повѣтъ, Кн. Зап. Лит., XXIII, л. 76.

всему государству. Кромѣ того, до насъ могъ дойти только одинъ листъ о переписи на Жмудь потому, что въ господарской канцеляріи, когда разсылались листы по всему государству, по обыкновенію въ книги записывался только одинъ листъ „тымъ обычаемъ“,—образецъ, по которому писались листы по всѣмъ повѣтамъ или староствамъ, а затѣмъ только прилагался списокъ мѣстъ и лицъ, куда посылались листы. При этомъ, если листы разсылались по державамъ, то листъ „тымъ обычаемъ“ часто писался на имя жмудскихъ тиуновъ. Правда, при разсматриваемой господарской грамотѣ нѣтъ надписанія, что это листъ „тѣмъ обычаемъ“, нѣтъ списка державъ, куда онъ посылался, но мы встрѣчаемъ ее въ скопированной въ концѣ XVI в. книгѣ, почему неудивительно, если только что изложенныя особенности листовъ и не были отмѣчены переписчикомъ (что часто случалось). Такимъ образомъ думается, что въ 1528 г. была произведена перепись господарскихъ дворовъ всего государства. Къ сожалѣнію, она до насъ не дошла. Можно однако думать, что мы имѣемъ отъ нея одинъ небольшой отрывокъ—„реистръ двора Волковинского“ въ VII книгѣ Записей Литовскихъ [1]). Въ отрывкѣ, правда, нѣтъ даты, но онъ находится въ книгѣ временъ Сигизмунда I, составленной изъ актовъ разныхъ годовъ его правленія. По своему составу онъ подходитъ къ программѣ, намѣченной въ господарскомъ листѣ, заключая въ себѣ перечень службъ, пустовщинъ, податей и повинностей. Приходится пожалѣть, что до насъ не дошла опись 1528 г. [2]). Между тѣмъ она долгое время имѣла офиціальное значеніе.

---

[1]) Напечатанъ у Любавскаго, ор. с., прил. № 8.

[2]) Быть можетъ, тогда же было предположеніе собрать свѣдѣнія о частновладѣльческихъ земляхъ, т. е. провѣрить ихъ данины и твердости. Въ Кн. Зап. Лит. XV на л. 236-мъ встрѣчаемъ замѣтку: „Листы, которыи писаны до пановъ радъ и до всеи земли о покладанье листовъ, данинъ и привилеевъ“. Далѣе идетъ списокъ, куда и кому посланы листы, но копіи листовъ нѣтъ и подобнаго содержанія листовъ нигдѣ не встрѣчается. Замѣтка безъ даты, но по времени она можетъ относиться къ концу двадцатыхъ годовъ или тридцатому году. Требованіе листовъ—данинъ могло имѣть смыслъ или при описѣ господарскихъ дворовъ, или при описѣ шляхты 1528 г. Но при всемъ

Выше было сгруппировано нѣсколько извѣстій о переписяхъ, касавшихся или всего государства, или по крайней мѣрѣ крупныхъ частей его. Это такъ называемые „описы“ земель, терминъ, который имъ большею частью дается самими документами. Но кромѣ этихъ болѣе или менѣе общихъ описовъ, до насъ дошло небольшое количество такъ называемыхъ инвентарей — описаній отдѣльныхъ замковъ или великокняжескихъ державъ. Инвентари составлялись обыкновенно при переходѣ державы или замка отъ одного старосты къ другому, или по смерти старосты, когда вводился въ администрацію державы его преемникъ. Такого рода инвентари извѣстны уже съ конца XV вѣка, напримѣръ: „инвентарь поданья Кременца“ [1]). Коротенькое описаніе господарскаго двора въ Смоленскѣ, составленное по смерти воеводы Юрія Глѣбовича при переходѣ города къ Миколаю Илиничу [2]), инвентарь Вершатанъ, составленный при переходѣ ихъ къ королевѣ Еленѣ [3]); инвентарь Витебскаго замка съ тивунствами, составленный при вводѣ Ивана Сапеги въ завѣдываніе воеводствомъ [4]), инвентарь Житомира [5]) и нѣкоторые другіе. Все это очень коротенькіе перечни, преслѣдующіе цѣли зарегистрованія господарскаго имущества. Въ нихъ большое вниманіе обращается на наличность запасовъ въ замкѣ—пороху, свинцу, пуль, ядеръ, орудій; во дворахъ—хлѣба, скота, челяди. О податныхъ классахъ населенія говорится вскользь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ родѣ: „подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесятъ службъ“, или: „тивунъ Селицкій Костечко поведалъ подъ собой людей тяглыхъ 15

ныхъ описахъ данины никогда не предъявлялись, и въ самомъ описѣ нѣтъ намековъ на предъявленіе листовъ. Слѣдовательно, замѣтка можетъ относиться только къ опису дворовъ господарскихъ, гдѣ установленіе захватовъ изъ господарскихъ земель имѣло важное значеніе. Но очевидно, попытка истребовать листы оказалось неудачной. Описъ бояръ былъ еще въ 1534 г., Акты Вил., XXIV, 89.

[1]) Зап. Лит., IV, л. 107—108, (Любавскій прил. № 1).

[2]) Зап. Лит. VI, л. 279, 280 (Любавскій, № 3).

[3]) Зап. Лит. VI, л. 217, (Люб., № 4).

[4]) Зап. Лит. VI, л 261, (Ibid., № 5).

[5]) Архивъ Ю. З Р. ч. VI, т. I.

человѣковъ а чельди невольное“ и т. д. О размѣрахъ земельныхъ надѣловъ, о повинностяхъ тяглецовъ, о составѣ ихъ семьи, имущества нѣтъ и помину. Зато эти инвентари могутъ служить хорошимъ источникомъ для выясненія характера господарскаго хозяйства.

Итакъ, древнѣйшіе инвентари весьма кратки. Но составленные при Сигизмундѣ I и особенно при его сынѣ отличаются большими подробностями, такъ что могутъ служить не только для цѣлей изученія характера и способовъ хозяйства, но и для извлеченія изъ нихъ статистическихъ данныхъ о населеніи. Такъ напримѣръ, въ 1534 году былъ составленъ инвентарь мѣстечка Ганусишекъ при передачѣ его въ державу Лепунскую А. Мацковичу, по смерти ганусишскаго державцы Якова Кунцовича. Тутъ мы уже встрѣчаемъ поименной перечень людей, ихъ тяглыхъ обязанностей, ихъ занятій (напримѣръ, ремесленниковъ). Инвентарь Мядельской волости 1545 г. уже содержитъ въ себѣ не только перечень людей и ихъ службъ, но также число взрослыхъ хозяевъ на каждой службѣ (сыновей, братьевъ, потужниковъ), размѣръ земли съ раздѣленіемъ ея на унавоженную и не унавоженную, сѣножатную, количествоскота въ каждой службѣ и размѣръ платимой съ нея дани и отбываемой службы [1]). Инвентарь Оршанскаго замка и всего староства, составленный въ 1560 году по случаю „поданья“ его новому старостѣ князю А. С. Одинцовичу по смерти П. Д. Корсака, произведенъ съ такими подробностями, которыя способны удовлетворить, во многихъ отношеніяхъ, современнаго историка. Послѣ подробнаго описанія замковыхъ укрѣпленій и орудій, находящихся въ немъ, слѣдуетъ описаніе дворовъ въ замкѣ, тоже съ большими подробностями—описаніе въ отдѣльности каждой постройки, крыши, и ея состоянія, число оконъ, печей, дверей, мебели и пр. Далѣе слѣдуетъ перечень челяди невольной, корчемъ, озеръ, бобровыхъ гоновъ. Населеніе мужского пола посчитано поименно, съ указаніемъ числа до-

[1]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст, I, стр. 70 и 75.

мовъ и повинностей; конечно отмѣчены тяглые разряды, ремесленники. Перечень сельскаго населенія заключаетъ въ себѣ перечень домохозяевъ, домовъ и службъ, повинностей и платежей; размѣры земельнаго владѣнія помѣчены службами, что, конечно, не даетъ вполнѣ опредѣленнаго понятія о размѣрахъ земельнаго надѣла [1]).

Къ причинамъ, которыя вызывали составленіе инвентарей отдѣльныхъ державъ или селъ, надо прибавить еще и такія, когда, напримѣръ, имѣніе переходило къ королю какъ вымороченное (такъ напримѣръ, до насъ дошло нѣсколько описаній Гаштольтовскихъ имѣній [2]), или при обмѣнѣ королевскихъ земель на частновладѣльческія [3]).

Названные инвентари служили для державцевъ и скарба документомъ, на основаніи котораго мѣстная администрація собирала подати и требовала выполненія повинностей отъ тяглаго населенія, а скарбъ могъ провѣрять и наличность имущества въ державѣ и количество слѣдуемыхъ къ поступленію изъ нея податей и повинностей. Списки съ инвентарей находились какъ въ скарбѣ, такъ и въ рукахъ державцевъ. Разбираемаго типа документы должны были быть весьма многочислены, но сохранились они въ весьма небольшомъ количествѣ. Это объясняется тѣмъ, что съ точки зрѣнія скарба и мѣстной администраціи они имѣли временный, преходящій характеръ: каждый вновь составленный инвентарь дѣлалъ для скарба безполезнымъ прежній, а когда была выполнена волочная помѣра и ревизія русскихъ волостей, то всѣ инвентари, составленные до нея, потеряли для скарба всякій интересъ. Вотъ почему до насъ дошло такъ немного этихъ интересныхъ документовъ.

---

[1]) Ibidem, стр. 123 слѣд.

[2]) Трабы, въ А. Вил. Ком. т. XIV; Радошковичи,—Документы М. А. М Ю., I, p. 90.

[3]) Документы М. А. М. Ю., I, стр. 155.

II.

Но только что разсмотрѣнныя описанія не могли удовлетворить разнообразнымъ интересамъ военно-финансоваго характера. Одни изъ описаній составлялись случайно и неодновременно, разными лицами (для „увязанья" старостъ и и составленія инвентаря посылался каждый разъ особый дворянинъ); центральное правительство въ сущности не могло провѣрить точность описанія. Относительно описа 1528 года можно сказать уже и то, что онъ устарѣлъ къ половинѣ столѣтія. Новыя государственныя потребности и новыя теоріи ставили на первое мѣсто прежде всего необходимость самыхъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній о государственномъ имуществѣ, при чемъ это послѣднее интересовало скарбъ уже не въ смыслѣ одного перечня службъ, людей и повинностей. Все это приводило къ тому, что правительство молодого Сигизмунда Августа, съ перваго же года его княженія, выдвинуло весьма важную задачу полнаго и всесторонняго статистическаго описанія государства. Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ реформамъ. Страна покрывается скарбовыми агентами, которые въ разныхъ мѣстностяхъ то приводятъ въ наличность государственное имущество, то устанавливаютъ повинности и пр.

Описанія земель съ цѣлями военно-финансовыми велись въ теченіе всего княженія Сигизмунда Августа. По цѣлямъ, которыя преслѣдовались этими ревизіями (терминъ, установившійся за описаніями временъ этого государя), ихъ можно раздѣлить на два отдѣла– на ревизіи чисто хозяйственнаго назначенія (описаніе господарскихъ имуществъ въ собственномъ смыслѣ—дворовъ, волостей и лѣсовъ) и на ревизіи, преслѣдовавшія цѣли государственной обороны на ряду съ финансовыми. По методамъ составленія, описанія разбиваются на три группы въ зависимости отъ мѣстныхъ географическихъ и хозяйственныхъ условій и отчасти отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ, къ первой группѣ можно отнести описаніе окраинныхъ замковъ 1545—1552 гг.,

въ которыхъ проведена регистрація не только господарскихъ замковъ и дворовъ со всѣми ихъ принадлежностями, но и частновладѣльческихъ имѣній (для цѣлей обороны). Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести ревизіи Поднѣпровскихъ волостей, въ которыхъ не зарегистровано частныхъ владѣній (кромѣ недавно выдѣленныхъ изъ господарскихъ). Наконецъ, къ третьей—ревизіи господарскихъ дворовъ на волочной помѣрѣ. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ заключается различіе всѣхъ этихъ видовъ описаній, но прибавимъ, что наши ревизіи, по своимъ пріемамъ составленія, отчасти и по задачамъ находятся въ извѣстной хронологической послѣдовательности, съ точки зрѣнія которой мы сейчасъ и будемъ ихъ разсматривать.

Начнемъ съ ревизіи 1545 г. Ревизія началась въ 1545 г. съ замковъ Волынскихъ и частію южныхъ украинныхъ. Нужно замѣтить, что еще Сигизмундъ I мечталъ о производствѣ ревизіи правъ землевладѣнія на Волыни, но попытка его разбилась о сопротивленіе шляхты [1]). На послѣднемъ, въ присутствіи этого государя, литовскомъ сеймѣ 1544 г., очевидно, состоялось постановленіе о новой ревизіи замковъ волынскихъ и украинскихъ. Оно санкціонировано было правительствомъ молодого Сигизмунда Августа. Первыя же страницы ревизіи разсказываютъ намъ, что молодой король, по совѣту съ радой, назначилъ для производства ревизіи волынскихъ замковъ бискупа луцкаго Юрія Фальчевскаго и дьяка Льва Патеевича Тышковича. Цѣль осмотра замковъ—разузнать объ ихъ устройствѣ и недостаткахъ и сдѣлать надлежащее постановленіе объ ихъ нуждахъ. Если ревизоры не рѣшатся по какому нибудь вопросу сдѣлать постановленіе, то они обязаны представить свои соображенія на усмотрѣніе государя. Ревизорамъ былъ назначенъ опредѣленный срокъ для описанія замковъ Владимірскаго и Луцкаго,—срокъ весьма короткій, если вспомнить, что въ первомъ городѣ они обязаны были быть 4 іюня, а во второмъ уже

[1]) Памятники Кіев. Арх. Ком., IV, ревизіи, стр 48.

11 числа того же мѣсяца. Дѣло въ томъ, что описаніе предполагалось произвести путемъ осмотра замка (очевидно, бѣглаго) и опроса мѣстныхъ земянъ объ ихъ повинностяхъ. Таковы въ общихъ чертахъ цѣли этой ревизіи. Къ этому надо прибавить, что постановленіе о ней обоихъ королей и рады состоялось въ Берестейскомъ сеймѣ 1514 года, на которомъ много вниманія удѣлено вопросамъ объ оборонѣ земской, на что намекаетъ одно мѣсто ревизіи [1]); это видно и изъ только что указаннаго предисловія ревизоровъ (король могъ совѣщатся съ радой какъ разъ въ Брестѣ, но сеймовая уфала 1544 г. не говоритъ о производствѣ ревизіи).

Мы видѣли, что постановленіе объ описаніи замковъ относилось ко всему великому княжеству; въ сеймовой уфалѣ 1551 г. есть и указаніе на то, что королю доставляли описанія замковъ, при томъ не только украинныхъ, но и расположенныхъ внутри государства [2]). Тѣмъ не менѣе до насъ дошли описанія только слѣдующихъ замковъ 1545 г.: Житомира, Володиміра, Луцка, Кременца, Овруча, Винницы и Браславля, Овруча [3]); слѣдовъ описанія замковъ въ другихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе самихъ документовъ, не сохранилось. Впрочемъ, надо замѣтить что указаніе короля на сеймѣ 1551 года носитъ столь общій характеръ, что трудно съ достовѣрностью сказать, дѣйствительно ли было произведено описаніе и не волынскихъ замковъ,—могли бы остаться хоть какіе нибудь обрывки его. Къ этому присоединяется и то соображеніе, что оппозиція, встрѣченная королевскими комиссарами на Волыни, едва ли могла побудить правительство настаивать на своемъ предпріятіи.

Дѣйствительно, ревизія волынскихъ замковъ дала молодому правительству неутѣшительные результаты двоякаго рода: замки были весьма плохи, замковыя повинности окрестной шляхтой и господарскими врядниками не выполнялись,

---

[1]) Памятники, стр. 53.

[2]) А З. Р, Ш, 44.

[3]) Напечатаны дважды: Яблоновскимъ въ Źródła dz., т. IV и въ Памятникахъ Кіев. Ком., т. IV, Описаніе Овруча въ Арх. Юг. Зап. Р., ч. IV, т I.

а съ другой стороны земянство шумно протестовало противъ всякой регистраціи своихъ обязанностей по отношенію къ государству и перенесло свой протестъ на ближайшіе сеймы.

На томъ, въ какой мѣрѣ замки соотвѣтствовали цѣлямъ обороны страны, и на томъ, какія повинности лежали на подданыхъ и земянствѣ, мы останавливаться не будемъ. Здѣсь насъ интересуетъ два обстоятельства, связанныя съ ревизіей: во-первыхъ внѣшній ходъ самой ревизіи и дѣятельность правительственныхъ комиссаровъ, какъ должностныхъ лицъ; во-вторыхъ выясненіе значенія памятниковъ ревизіи, какъ историко-статистическаго источника. Одно съ другимъ тѣсно связано: когда мы знаемъ, какъ составляется статистическій документъ, мы предвидимъ и цѣнность сообщаемыхъ имъ данныхъ.

Вполнѣ благія начинанія правительства встрѣтились съ упорнымъ нежеланіемъ шляхты подчиняться его требованіямъ. Первоначально на ревизію былъ посланъ королемъ одинъ Л. Тышкевичъ, но земяне не пожелали предъявить ему листовъ. Тогда король посылаетъ Юр. Фальчевскаго, человѣка мѣстнаго, высшее духовное лицо на Волыни, для ревизіи, а Тышкевичъ при немъ играетъ уже только роль секретаря, хотя епископъ хворалъ во время ревизіи, и конечно, вся тяжесть и заслуга ея пала на дьяка. Однако и пріемъ Фальчевскому со стороны шляхты не отличался особенною любезностью. Пріѣхавъ во Владиміръ, комиссары два дня ждали полнаго съѣзда князей, пановъ и земянъ; но далеко не всѣ пожелали явиться для ревизіи, прибыло около 50 особъ, другіе не пожелали къ нимъ явиться. Правда, среди прибывшихъ были владыка Геннадій, князь Ѳ. А. Сангушко, и другіе. Тогда только на третій день ревизоры начали свою дѣятельность, ограничившись тѣмъ количествомъ шляхетской братіи, какое было налицо. Ревизоры прочли ей королевскіе листы о ревизіи. Между прочимъ одинъ изъ этихъ листовъ опредѣляетъ цѣль ихъ миссіи: обревизовать грамоты помѣщиковъ на имѣнія для опредѣленія размѣровъ земскихъ повинностей (замковой, мостовой, дорожной, стацій) и осо-

бенно право ихъ на мытные сборы въ частныхъ имѣніяхъ. Выслушавъ господарскіе листы, земяне заявили, что они не отказываются отъ постройки и ремонта замковыхъ городенъ, что на кого приходится, но рѣшительно возстали противъ предъявленія своихъ крѣпостей на имѣнія: въ Луцкѣ, объясняли они, собирается для той же цѣли на сеймъ „старшая братія наша“, въ Луцкѣ хранится привилей Волынской землѣ: тамъ володимірскіе земяне обѣщаютъ предъявить, посовѣтовавшись съ своей старшей братіей, свои крѣпости на имѣнія и дать свѣдѣнія о повинностяхъ для содержанія замка. Самъ староста володимірскій обѣщалъ предъявить свои привилеи въ Луцкѣ и тѣмъ показать примѣръ повиновенія; такъ, онъ показалъ въ „своемъ покоѣ“ (кабинетѣ) ревизорамъ нѣкоторые свои листы. Комиссарамъ ничего не оставалось, какъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ земянства и заняться описаніемъ самого замка. Они описали замокъ, отмѣтивъ всѣ городни и башни, ихъ порядокъ, состояніе и требуемый для каждой ремонтъ, объясняя при каждой, какое село,—господарское или землевладѣльческое сдѣлало данную городню и что еще обязано сдѣлать; описаны также замковые мосты, мельницы, военные припасы, сообщено кое что и о замковыхъ повинностяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ въ такомъ же порядкѣ описаніе города Володиміра, записаны и привилеи и жалобы мѣщанъ.

Въ назначенный срокъ королевскіе коммиссары уже были въ Луцкѣ въ ожиданіи общаго сейма волынскихъ земянъ. Они прождали здѣсь одинъ и другой день, но земяне не являлись. Впрочемъ на второй день они встрѣтили въ замкѣ нѣсколькихъ видныхъ представителей частнаго землевладѣнія, обоихъ епископовъ волынскихъ, князей Чарторыйскихъ и другихъ лицъ. Ревизоры предъявили имъ свои грамоты. Выслушавъ съ почтительностью послѣднія, земяне просили дать ихъ имъ на руки для разсмотрѣнія, прося не торопить ихъ и обѣщали дать отвѣтъ. Ревизоры ожидали собранія земянъ до третьяго дня; земяне не являлись; при томъ отъ ревизоровъ не укрылось то обстоятельство, что

„меншіе“ получаютъ наставленія отъ „старшихъ“, а между тѣмъ сейма не начинаютъ. Тогда Фальчевскій и Тышковичъ прибѣгли къ хитрости: они стали объявлять каждому земянину лично о цѣли своего пріѣзда и заносили имена ихъ въ реестръ. Всего записано было такимъ путемъ 112 особъ. Эта уловка со стороны ревизоровъ заставила шляхту выступить, наконецъ, со своимъ отвѣтомъ: каждый въ отдѣльности не рисковалъ оказать сопротивленіе королевской власти. Впрочемъ отъ ревизоровъ не могло укрыться то обстоятельство, что многіе видные паны совсѣмъ не явились въ Луцкъ: В. К. Острожскій въ началѣ сейма былъ подъ Луцкомъ въ своемъ имѣніи Крупой, но уѣхалъ; княгиня Ильиная Острожская не пріѣхала, отговариваясь болѣзнью дочери; не было многихъ изъ Вишневецкихъ, Корецкихъ, Салтановичей, вдовы Богуша Боговитиновича и многихъ другихъ знатныхъ особъ, не говоря о мелкой шляхтѣ, имена коей остались неизвѣстны ревизорамъ. Наконецъ, послѣ настоятельныхъ напоминаній со стороны ревизоровъ, волынскіе земяне дали имъ черезъ своего хоружаго М. Сербина и Михаила Еловича письменный отвѣтъ. Отвѣтъ составленъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ: земяне протестуютъ противъ подачи своихъ привилеевъ, такъ какъ нѣтъ весьма многихъ изъ пановъ, указываютъ на то, что другія земли великаго княжества избавлены отъ описа, что они сами и ихъ предки не „украли“, королевскихъ земель—„старосты зъ горла въ насъ то выдрали“, если бы что нибудь было прихвачено изъ господарскаго; о переписи людей земяне заявляютъ, что ее произвести невозможно: подданые пользуются большими вольностями и часто расходятся; кромѣ того, они находятъ несправедливымъ сопоставленіе при переписи волынскихъ дворицъ съ литовскими службами—послѣднія больше; наконецъ указываютъ на свои тяготы и обѣщаютъ поднять вопросъ на сеймѣ, почему они впали у короля въ такую немилость. Въ свою очередь Ю. Фальчевскій составилъ шляхтѣ укоризненный отвѣтъ, упрекая ее въ неповиновеніи королю и сеймовому рѣшенію. Ревизоры обратились къ крупнымъ панамъ съ

запросомъ, солидарны ли они съ отвѣтомъ земянъ, но имъ дали уклончивое объясненіе. Видимо, и сами земяне сознали рѣзкость своего отвѣта, или между ними произошелъ расколъ: только они просили ревизоровъ возвратить имъ ихъ прежнюю записку, предлагая дать иную, болѣе мягкаго содержанія. Вторая записка содержитъ въ себѣ жалобы земянъ на то, что у многихъ изъ нихъ грамоты сгорѣли, снова указываетъ на отсутствіе многихъ пановъ; не отказываясь впрочемъ предоставить свои крѣпости на вальномъ сеймѣ, земяне указывали на неустойчивость крестьянскаго населенія, такъ какъ оно разбѣгается, выставляютъ свои заслуги въ борьбѣ съ татарами, тяготу этой борьбы, не отказываясь въ общемъ отъ извѣстнаго участія въ замковой работѣ. Изъ всѣхъ этихъ переговоровъ такъ-таки ничего и не вышло, такъ какъ даже и оба старосты уклонились отъ предъявленія своихъ грамотъ.

И опять ревизорамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ заняться описаніемъ замковыхъ и городскихъ укрѣпленій и выслушиваніемъ жалобъ мѣщанъ на беззаконные сборы на частновладѣльческихъ мытахъ. Эту внѣшнюю работу комиссары исполнили съ прежнею тщательностью. Впрочемъ, окончивъ описаніе Луцкаго замка, ревизоры успѣли раздобыть „отъ старцевъ и отъ другихъ людей“ весьма поверхностныя свѣдѣнія о селахъ, приписанныхъ къ ключу и замку Луцкому: въ селахъ зарегистровано общее число дворищъ и повинностей крестьянъ, размѣръ разныхъ мелкихъ доходовъ на старосту (въ родѣ капщины и пр.). Староста такъ и не подалъ своего реестра. Однако володимірскій староста князь Өед. Андр. Сангушковичъ представилъ реестръ своихъ старостинскихъ доходовъ, но весьма неполный. Ключникъ луцкій представилъ реестръ доходовъ своего двора. Неизвѣстно, какимъ путемъ раздобыли ревизоры списокъ (только названія) селъ, розданныхъ великими князьями отъ Владимірскаго замка волынской шляхтѣ. Списокъ неполный уже по одному своему объему и недостаточный по содержанію. Зато князь Коширскій, староста луцкій, самъ представилъ

списокъ селъ, отданныхъ отъ Луцкаго и Володимірскаго замковъ—тоже однѣ названія селеній и ихъ владѣльцевъ. Посредствомъ развѣдокъ, распросовъ, ревизоры увеличили еще свой списокъ выслуженныхъ земянами селъ, а также монастырскихъ владѣній.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ составлено было описаніе двухъ важнѣйшихъ волынскихъ замковъ.

Ничего новаго въ отношеніяхъ къ себѣ со стороны шляхты не встрѣтили ревизоры и въ Кременцѣ: здѣсь не только земянство, несмотря на двукратные пригласительные листы, не собиралось, но отсутствовалъ даже мѣстный городничій. Такимъ образомъ даже описаніе замка ревизорамъ пришлось писать по распросамъ. При такихъ же условіяхъ составлено описаніе замковыхъ селъ.

Съ Волыни въ украинные замки (Винницу, Браславль и Житоміръ) отправился уже одинъ Л. Тышкевичъ [1]). Здѣсь ему пришлось столкнуться съ нѣсколько иной обстановкой: не „млечный путь“ князей, не вельможные паны владѣли на Украинѣ землями: въ Винницѣ ревизоръ встрѣтилъ старосту винницкаго „съ иными ротмистрами и наемными людьми“. Это мѣстное общество, среди котораго было немало разнаго вольнаго люда, именовавшаго себя земянами, но отъ которыхъ открещивалась родовитая шляхта,—было, конечно, попроще: отъ него трудно было ожидать такого открытаго и рѣзкаго сопротивленія, какое сказалось на Волыни. Сопротивленія и не было. Мы не знаемъ содержанія инструкціи, данной господарскому дьяку, но пріемы описанія южныхъ замковъ были употреблены съ его стороны иные. О „покладаніи листовъ“ нѣтъ и помину. Дѣло ведется попрежнему,—на замкѣ въ присутствіи собравшихся земянъ и мѣщанъ. Вѣроятно, они сами съѣхались. Ревизія производилась исключительно путемъ опроса [2]). Одно мѣсто даже прямо указываетъ, что листовъ не предъявляли: ревизоръ совѣтуетъ

[1]) Это видно изъ вступленія и изъ заключенія описаній.

[2]) Źr. dz., VI, стр. 108 сл.

королю произвести разслѣдованіе, на какихъ правахъ здѣшніе земяне держатъ селища и высказываетъ весьма правдоподобно предположеніе, что у многихъ „твердостей жадныхъ“ не окажется [1]). Мы не знаемъ, почему на Украинѣ правительство прибѣгло къ нѣсколько иной системѣ регистраціи государственнаго имущества и повинностей (конечно, система была указана правительствомъ: едва ли дьякъ отступилъ отъ своихъ инструкцій), но легко себѣ представить причину такой перемѣны. Правительство не могло не знать о томъ, какими путями захватывались земли на окраинѣ, но ими оно само дорожило мало, да къ тому же воинственное населеніе Украины представляло передовой пунктъ государства на опасной татарской границѣ, было слишкомъ полезнымъ элементомъ, чтобы разгонять его придирчивымъ требованіемъ „твердостей“, да и не безопасно было бы спорить съ тамошнимъ казакующимъ земянствомъ.

Такимъ образомъ путемъ опроса Тышковичъ описалъ внѣшнее положеніе замковъ, т. е. состояніе его укрѣпленій и военныхъ припасовъ, замковыя повинности, старостинскіе доходы; при этомъ онъ даетъ общее число домовъ мѣщанскихъ въ городахъ, списокъ частновладѣльческихъ селъ съ ихъ замковыми повинностями. Но эти распросы были довольно поверхностнаго свойства. Ревизоръ самъ признался, что относительно земель—„не знати где господарское, а где земянское есть: вси селища и пожитки за земяны и мѣщаны и за козаки суть, нижли закрыты; и хотя бы невемъ какой пожитокъ с того себе брали, однакъ то поведаютъ—„ничого не маемъ“, и повинности замковыхъ не хочуть тягнути, и все впусте менуютъ, а предся мовять: „тамъ наше, а тамъ брата нашого“ [2]).

Въ Браславлѣ ревизоръ досталъ списокъ земянскихъ селъ отъ мѣщанъ [3]), въ Житомірѣ онъ „выискавши“ распро-

[1]) Ibidem, стр. 126.
[2]) Ib , стр. 123.
[3]) Ibidem.

силъ объ имѣніяхъ тѣхъ земянъ, которые не пожелали дать справки о своихъ селахъ [1]) и т. д.

Собирая свѣдѣнія о томъ, что слышалъ и видѣлъ и старательно занося ихъ въ свое описаніе, Тышковичъ далъ цѣлый рядъ весьма дѣльныхъ собственныхъ замѣчаній, относительно необходимыхъ улучшеній на Украинѣ. При описаніи волынскихъ замковъ ревизоры болѣе или менѣе объективно заносили все ими слышанное, видѣнное, свои замѣчанія они дѣлали преимущественно относительно военнаго дѣла и состоянія укрѣпленій. Но поѣздка на Украину дала Тышковичу возможность мимоходомъ начертать цѣлую программу правительственной дѣятельности въ этой мѣстности, и—что весьма важно—надо имѣть въ виду, что черезъ полъ-десятка лѣтъ правительственная дѣятельность на южной границѣ во многомъ соотвѣтствовала совѣтамъ составителя разсматриваемаго описанія; сюда относятся, напримѣръ, перестройка Браславскаго замка, посылка Волчковича и нѣкоторыя другія мѣры. Такъ, Тышковичъ предлагаетъ проектъ перенесенія замка Винницы на другое, болѣе удобное мѣсто, тщательно изслѣдуетъ для этой цѣли вмѣстѣ съ ротмистрами мѣстность [2]), опредѣляетъ размѣры ремонта Браславскаго замка [3]). Онъ заботился и о достаточномъ обезпеченіи замковъ пушкарями: отмѣтивъ недостаточность числа ихъ въ Винницѣ, онъ спѣшитъ прибавить указаніе на кандидатовъ въ пушкари—сыновей теперешнихъ, но тутъ же замѣчаетъ, что не худо бы пригласить на замокъ „навченого“ пушкаря изъ ляховъ или чеховъ [4]). Записавъ просьбу винницкихъ жителей о расквартированіи здѣсь постояннаго гарнизона изъ наемнаго войска и о возстановленіи Звенигородскаго замка, Тышковичъ съ своей стороны исчисляетъ выгоды отъ такихъ мѣръ: осядутъ села, казаки станутъ сдержаннѣе въ своихъ нападеніяхъ, конечно и татары устрашатся [5]).

[1]) Ibidem, стр. 132.
[2]) Ibid, стр 111.
[3]) Ib., стр. 120.
[4]) Ibid., стр. 121
[5]) Ibid, стр. 122

Съ другой стороны Тышковичъ приводитъ рядъ соображеній и замѣчаній хозяйственнаго характера, обличающихъ въ немъ хорошее знакомство съ мѣстными условіями. На мѣстные рессурсы онъ смотритъ глазами государственнаго человѣка того времени: ихъ надо привлечь къ государственной службѣ, и въ особенности заставить осѣсть и платить повинности мѣстное крестьянство. Онъ подсчитываетъ имѣнія винницкихъ земянъ, указывая при томъ, что цѣль такового его перечня—служить матеріаломъ для ихъ обложенія замковыми повинностями [1]); но при этомъ съ большой непріязнью онъ говоритъ о вольностяхъ мѣстныхъ крестьянъ, совѣтуя принять суровыя мѣры противъ ихъ перехода [2]), при чемъ тщательно разузнаетъ о повинностяхъ въ сосѣдней Польской Подоліи, ставя ее въ образецъ литовскимъ порядкамъ [3]). Такъ какъ земяне и мѣщане уклоняются отъ службы, то Тышковичъ совѣтуетъ разслѣдовать объ ихъ повинностяхъ и „то установивши, коли бы мели по старому служить“ [4]). Совѣтуя правительству не стѣсняться въ установленіи здѣсь опредѣленнаго податного порядка, ревизоръ указываетъ на богатство украинской природы [5]). Всѣ свои замѣчанія онъ обычно скромно оговариваетъ, что это его „вбогое баченье“, но на все нужны „воля“ и „ласка“ короля.

Такъ велось дѣло описанія волынскихъ и украинскихъ замковъ. Если мы теперь соберемъ отдѣльныя черты, которыя могли бы свидѣтельствовать о точности данныхъ, собранныхъ въ этомъ, во всякомъ случаѣ весьма интересномъ памятникѣ государственной дѣятельности, то не трудно придти къ слѣдующему заключенію. Выборъ агентовъ былъ сдѣланъ весьма удачно, почему мы можемъ питать полное довѣріе къ наблюдательности и знаніямъ этихъ лицъ; несомнѣнно также они

[1]) Ib., стр. 114.
[2]) Ib., стр. 116
[3]) Ib., стр 127.
[4]) Ib., стр 129.
[5]) Ib., стр. 124.

были добросовѣстными посланцами государя. Но мы видѣли, съ какими препятствіями они столкнулись. При тѣхъ условіяхъ, при какихъ собирали свои свѣдѣнія Ю. Фальчевскій и Л. Тышковичъ, навѣрное можно думать, что статистическія данныя, собранныя ими, не заслуживаютъ особеннаго вниманія: онѣ не только не полны, случайны и общи, но и недостаточны, пользоваться этими данными совершенно безполезно, въ крайнемъ случаѣ онѣ даютъ minimum поселеній, населенія и повинностей его. Другое дѣло тѣ свѣдѣнія, которыя могли быть провѣрены ревизорами. Ихъ знаніямъ и добросовѣстности можно, конечно, вполнѣ вѣрить; сюда относится все то, что касается описанія замковыхъ укрѣпленій; замковыя повинности мѣщанъ, господарскихъ подаными и отчасти земянскихъ они могли узнать вполнѣ точно, даже и размѣры ихъ. Наконецъ, замѣчанія ревизоровъ объ экономическихъ и сословныхъ отношеніяхъ того времени, записанныя ими жалобы и просьбы мѣстныхъ жителей представляютъ собою драгоцѣнный источникъ. Та система ревизіи, „покладанья“ листовъ, которая была примѣняема на Волыни, могла показаться современникамъ чѣмъ то весьма сроднымъ съ экзекуціей правъ: провѣрка „твердостей“ могла выяснить не только повинности, давно неисполняемыя шляхтой, но и гораздо большее—отсутствіе у многихъ земянъ всякихъ правъ на владѣніе, если вспомнить практиковавшуюся систему захвата шляхтою государственныхъ земель. Конечно, это не могло совпадать съ желаніемъ шляхты. Мы видѣли, что волынцы собирались перенести дѣло на сеймъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не найдено „просьбъ“ Волынской земли на сеймѣ 1547 года: онѣ разъяснили бы намъ, дѣйствительно ли волынцы обращались къ королю съ запросами и просьбами по поводу ревизіи. Можно однако думать, что переговоры на этомъ сеймѣ съ королемъ о ревизіи были, причемъ вопросъ былъ поднятъ, хотя и очень осторожно, послами всего княжества: второй артикулъ общей сеймовой уфалы какъ разъ содержитъ въ себѣ просьбу шляхты двоякаго рода: о подтвержденіи особымъ привилеемъ статуто-

вого артикула „хто за короля Казимера спокойнѣ што держалъ, а за короля Александра нихто ся того не вспоминалъ, абы то вже было вѣчно держано“, съ присовокупленіемъ такого же подтвержденія для купленныхъ и выслуженныхъ имѣній при Сигизмундѣ I и при самомъ Сигизмундѣ Августѣ; вторая часть просьбы заключала въ себѣ опять домогательство особаго привилея, которымъ бы былъ уничтоженъ статутовый законъ, по которому „его королевская милость давности не маетъ“ (относительно поземельнаго владѣнія). Король отказалъ шляхтѣ въ выдачѣ просимыхъ привилеевъ [1]). Но нельзя сомнѣваться, что эти просьбы имѣли въ виду закрѣпить за шляхтою „якимъ колвекъ обычаемъ набытые“ имѣнія, то-есть попросту захваты, и что шляхта всполошилась подъ вліяніемъ волынской ревизіи. Однако правительство твердо рѣшилось добиться отъ шляхты выполненія земскихъ повинностей [2]) и на слѣдующемъ сеймѣ 1551 г. получило отъ нея торжественное согласіе на нихъ [3]). Послѣ этого оставалось только произвести регистрацію повинностей замковыхъ и установить на прочныхъ основаніяхъ отбываніе подводной.

Съ этою цѣлью тогда же представлено было королю право „обрати и намѣнити колко особъ, людей зацныхъ, вѣры годныхъ и пожитокъ речи посполитоѣ милуючихъ“ для ежегоднаго объѣзда пограничныхъ и внутреннихъ замковъ; на ихъ обязанности лежало „всѣхъ потребъ и недостатковъ“ замковыхъ досматривать и доносить обо всемъ господарю съ радой. На воеводъ и старостъ возложена обязанность наблюденія за точнымъ выполненіемъ шляхтою земскихъ повинностей [4]). Въ постановленіяхъ сейма 1551 г. нельзя не видѣть извѣстной сдѣлки шляхетства съ великокняжеской властью: оказавъ сильнѣйшее сопротивленіе приказаніямъ господаря и радѣ въ вопросѣ о предъявленіи привилеевъ на земли, сеймъ однако добровольно самъ примирился съ

---

[1]) А. З. Р., III, стр. 4—5
[2]) Ib., стр. 11.
[3]) Ib., стр. 11—15
[4]) Ib., стр. 45.

мыслью о регистраціи и исполненіи земскихъ повинностей. Постановленіе 1551 г. положило начало люстраціямъ замковъ на новыхъ основаніяхъ. Правительство спѣшило съ приведеніемъ въ извѣстность и порядокъ оборонительныхъ средствъ страны, и въ слѣдующемъ 1552 г. оно получило отъ своихъ агентовъ описаніе пограничныхъ замковъ, составленное по совершенно тожественной схемѣ. Изъ описанныхъ въ 1552 г. замковъ и старостъ до насъ дошли слѣдующіе: ревизія замковъ Полоцкаго [1]), Чернобыльскаго, Остерскаго, Любецкаго, Мозырскаго, Луцкаго, Кременецкаго, Кіевскаго, Житомірскаго, Черкасскаго, Каневскаго, Винницкаго, Браславскаго [2]). Очень возможно, что тогда же были описаны и другіе замки, но документы эти пока не найдены. Описаніе замковъ 1552 г. составлено по совершенно однообразной системѣ, только примѣненной къ мѣстнымъ условіямъ. Мы не знаемъ инструкціи, которую получили ревизоры, отправлясь для описанія замковъ; такая инструкція могла быть дана устно. Но общая цѣль описанія ясна—это регистрація замковъ и повинностей прилегающаго къ нимъ населенія съ военно-финансовыми цѣлями. По ревизіямъ трудно опредѣлить источники, коими пользовались ревизоры. Можно однако предполагать, что главнымъ матеріаломъ для нихъ служилъ опросъ населенія, „сознанья“ шляхты и старостъ. При добромъ согласіи между правительствомъ и мѣстнымъ врядомъ такія свѣдѣнія не трудно было добыть съ большою точностью. Другой вопросъ—разъѣзжали ли ревизоры по староству и лично осматривали господарскіе дворы, земянскія села и наводили о нихъ справки на мѣстѣ, или же, по примѣру Тышковича, собирали нужныя имъ данныя по опросу, сидя въ замкѣ. Точное знаніе порядка собиранія свѣдѣній было бы весьма важно для рѣшенія вопроса о значеніи сообщае-

[1]) Начало этого любопытнаго памятника помѣщено въ Scriptores rerum polonicarum, t. V, по списку XVIII в. Повидимому, отсюда было перепечатано въ „Витеб. Губ. Вѣдом.“ 1903 г. Списокъ ревизіи XVI в. хранится въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба.

[2]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VII, т. I и II.

мыхъ документами статистическихъ данныхъ, но къ сожалѣнію, наши памятники не даютъ намъ отвѣта на этотъ счетъ. Однако надо помнить, что для ревизіи въ разныя мѣстности были посланы разныя лица, далѣе, что по нѣкоторымъ указаніямъ можно видѣть, что староства описывались на этотъ разъ не въ два-три дня, какъ въ 1545 г., а должны были занять довольно продолжительное время. На это указываетъ прежде всего детальность описанія, которая требовала болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Въ самомъ дѣлѣ, схема описанія замковъ состояла въ слѣдующемъ. Ревизоръ прежде всего описываетъ внѣшнее состояніе замка, число городень, вежъ, мосты, рвы, отмѣчая притомъ, гдѣ и какой нуженъ ремонтъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе „повиноватства“ подданыхъ. Для собранія справокъ по этому поводу прибѣгали къ опросу подъ присягой „тубыльцовъ старшихъ“, въ числѣ которыхъ были мѣщане, войты, волостные старцы [1]). Нельзя не замѣтить, что опросъ мѣщанъ и крестьянъ можно признать наилучшимъ средствомъ, по тому времени, получить свѣдѣнія. На этихъ элементахъ лежала замковая работа, имъ нечѣмъ было отъ нея защититься и нельзя было избѣжать работы; наконецъ, они были слишкомъ безсильны предъ королевскимъ ревизоромъ, чтобы не отвѣчать на его вопросы. Но съ другой стороны, мѣщанство и крестьянство замковое имѣло прямую выгоду не прикрывать „заложившихся“ за старостъ людей, съ цѣлью избѣжать выполненія общихъ повинностей, или же тѣхъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые, надѣясь на вліяніе своихъ владѣльцевъ, не желали помогать въ работахъ господарскимъ подданымъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что эти элементы нельзя заподозрить въ незнаніи „старины“, пошлины, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что къ ихъ показаніямъ слѣдуетъ отнестись съ большимъ довѣріемъ. Дѣйствительно, описаніе повинностей вездѣ проведено съ полнотой, едва-ли заставляющей желать бо́льшей тщательности: описаны

[1]) См., напр., Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, стр. 587, 594, 615.

всѣ повинности съ указаніемъ, что когда и кѣмъ (селами или отдѣльными лицами) выполняется. Съ неменьшей точностью записаны доходы и оброчныя статьи старостинскихъ доходовъ: капщина, вины, мыта, ловы, езы, озера и пр., съ указаніемъ количества доходовъ, оброчныя статьи подданыхъ; тутъ записывается всякая мелочь. Напримѣръ: чтобы опредѣлить доходъ чернобыльскаго старосты отъ пашни, даваемой за „куницы", ревизоръ обозначаетъ размѣръ куницы, а о ежегодномъ доходѣ говоритъ, что его бываетъ отъ 10 до 14 копъ грошей литов., „бо не завжды ровно пашниковъ бываетъ". Не легко опредѣлить количество ежегоднаго звѣринаго улова, но ревизоръ приводитъ число убитыхъ бобровъ за текущій годъ [1]). Когда ревизоръ сообщаетъ о доходахъ съ корчемъ, онъ не всегда довольствуется цифрой аренды за одинъ годъ, но приводитъ свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ [2]).

Описавъ замокъ и повинности, ревизоръ приводитъ поименной списокъ мѣщанъ, бояръ и земянскихъ домовъ, затѣмъ дань съ каждаго домохозяина, мѣщанина. Относительно земянскихъ домовъ люстраторъ добывалъ свѣдѣнія, отъ кого они пріобрѣтены: если отъ мѣщанъ, то указывалъ, какое раньше, при сидѣвшемъ на мѣстѣ тяглецѣ, на замокъ „повиноватство шло на замковые пожитки и работы, на подводы и на стацію, и на езовый, и на узѣздный и иншие всякие подачки" [3]). Если тяглецы-мѣщане заложатся за старосту, снова встрѣчаемъ точное указаніе [4]); конечно, встрѣчаемъ и списокъ людей боярскихъ и поповскихъ, живущихъ „на земляхъ местскихъ тяглыхъ и города не робятъ и тяглы з мещаны и подачекъ тяглыхъ не даютъ" [5]). Описавъ замокъ и городъ, ревизоръ переходилъ къ староству. На первомъ планѣ стоятъ замковыя села. Въ нихъ „люди имяны описаны"— записаны домохозяева каждаго села съ точнымъ обозначе-

[1]) Ib., стр. 589—590.
[2]) Ib., стр. 595
[3]) Ib., стр. 624—5.
[4]) Ib., стр. 627.
[5]) Ib , стр 628.

ніемъ денежныхъ и натуральныхъ подачекъ на господаря и на всѣхъ врядниковъ, причемъ отмѣчены люди прихожіе [1]) и вообще находящіеся на особыхъ условіяхъ [2]). За господарскими селами слѣдуетъ перечень земянскихъ. Цѣль послѣднихъ свѣдѣній та, чтобы установить, какое количество повинностей на замокъ должно нести каждое земянское селеніе. Здѣсь отмѣчены, слѣдовательно, частновладѣльческіе люди, отданные помѣщикамъ безъ освобожденія отъ общегосударственныхъ повинностей,—т. е. выслуги. Описаніе ихъ довольно кратко: при названіи села встрѣчаемъ общее число дымовъ съ обозначеніемъ повинностей всего села на замокъ, иногда и количество подачекъ въ пользу помѣщика. И вездѣ встрѣчаемъ отмѣтку, съ какого времени село отдано, какъ выслуга (общее: „отъ 30 лѣтъ“ и т. д.) [3]), и исполняютъ ли помѣщичьи крестьяне лежащія на нихъ повинности, и если не исполняютъ, то съ какого времени („Село Оточиловичъ, 5 человѣкъ, Ратомского выслуга отъ 10 лѣтъ, отъ того жъ часу стацей и подводъ и города робити перестали“ и т. п.). Такимъ образомъ свѣдѣнія о частновладѣльческихъ селахъ кратки. Они собирались по опросу господарскихъ крестьянъ,—тѣхъ же присяглыхъ людей [4]), и едва ли ревизоры обращались къ самимъ помѣщикамъ. Нужно еще отмѣтить, что, провѣряя повинности, люстрація служила также и для провѣрки дѣятельности самихъ старостъ, такъ какъ встрѣчаемъ не мало замѣчаній о захватахъ послѣдними людей въ свой присудъ и проч. [5]).

Указанныя черты характеризуютъ дошедшія до насъ описанія 1552 г. южныхъ и волынскихъ замковъ. Только въ далекой Полоччинѣ ревизоры описывали съ нѣсколько большими подробностями. Планъ описанія Полоцкаго воеводства, въ общемъ, сходенъ съ предыдущими. И здѣсь они при

---

[1]) Ib., стр 637, 643.
[2]) Ib., стр. 609.
[3]) Ib., стр. 675 и др
[4]) Ib., стр. 645.
[5]) Ib , стр. 179, 181 и др

описаніи частновладѣльческихъ имѣній пользуются большей частью распросами, однако не только господарскихъ людей [1]), но и самихъ помѣщиковъ [2]); иногда они ссылаются и на господарскіе листы, предъявляемые по крайней мѣрѣ низшими разрядами служилыхъ людей, напримѣръ: слугами [3]) путными, казаками [4]). Изъ земянскихъ и мѣщанскихъ имѣній описаны не только тѣ, которыя составляютъ выслугу, но и отчизныя и купленныя. При этомъ вездѣ обозначено число дымовъ и повинностныя отношенія къ помѣщику. Однимъ словомъ, подробностей здѣсь мы встрѣчаемъ гораздо больше. Судя по тому, что ревизоры приводятъ описаніе строенія и количество скота въ разныхъ дворахъ господарскихъ, а также по тому, что они ссылаются не на выборныхъ изъ крестьянъ, а вообще на людей разныхъ селъ воеводства, мы вправѣ заключить, что они ѣздили для личнаго опроса.

Такимъ образомъ, ревизія окраинныхъ замковъ 1552 г., поставивъ себѣ менѣе широкія задачи, чѣмъ волынская ревизія 1545 г., выполнена была вполнѣ удачно въ сферѣ изслѣдованія государственныхъ имуществъ, но по отношенію къ частнымъ владѣніямъ сообщаемыя ею данныя не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. Однако, нельзя забывать, что цѣль ревизіи 1552 г.—военно-финансовое описаніе средствъ государственной обороны на окраинахъ. Поэтому она охватывала не всѣ стороны хозяйства. Правительство Сигизмунда-Августа одновременно готовило широкій планъ хозяйственно-статистическаго описанія всѣхъ государственныхъ имуществъ и въ томъ числѣ и столовыхъ добръ. Только описаніе господарскихъ дворовъ и волостей было поставлено въ связь съ грандіозной хозяйственной реформой, съ коренной перестройкой отношеній крестьянъ къ господарю, установленіемъ администраціи столовыхъ имѣній по новому плану, наконецъ съ преобразованіемъ всего хозяйственнаго

[1]) Scrірt. rer. pol, VI, стр. 210, 201.
[2]) Ib.. стр. 210—211, 199
[3]) Ib., 199, 198.
[4]) Ib., стр. 197—8.

строя. Неудивительно поэтому, что ревизія добръ господарскихъ происходила медленно и совершена была иными людьми и по иному плану, сравнительно съ ревизіей южныхъ замковъ. Для установленія „пожитковъ“ господарскихъ потребовалась предварительно сложная и кропотливая работа межеванія, проведенія границъ и пр.

III.

Въ тогдашнемъ официальномъ языкѣ не легко найти терминъ для обозначенія всей реформы; одна ли не единственное подходящее названіе, взятое изъ языка того времени, будетъ „постановенье и вынайденье пожитковъ въ добрахъ господарскихъ“. По системѣ своего выполненія „постановенье пожитковъ“ разбивается на двѣ части въ зависимости отъ географическихъ и экономическихъ условій западной и восточной частей государства. Такъ, въ западныхъ и центральныхъ (отчасти) частяхъ государственныя земли были размѣрены на волоки, тутъ проведена волочная *помѣра* (такъ называли самый процессъ измѣренія и разбивки участковъ) и введенъ новый административный механизмъ, основанный на волочной уставѣ. Въ восточныхъ областяхъ переходъ къ волочной системѣ (въ селахъ) признанъ былъ несвоевременнымъ и здѣсь были установлены господарскіе пожитки на иныхъ началахъ, причемъ въ основу земельнаго крестьянскаго надѣла положена была по прежнему старинная „служба“. Въ виду этого пріемы описанія и хозяйственно статистическіе результаты ревизіи волостей, размѣренныхъ на волоки и не размѣренныхъ, представляютъ существенное различіе. Къ тому же между обоими видами ревизіи есть различіе и хронологическое; описаніе восточныхъ волостей началось почти десятилѣтіемъ позже, чѣмъ западныхъ. Въ виду всего сказаннаго намъ придется отдѣльно разсматривать ходъ и пріемы волочной помѣры отъ „постановенья пожитковъ“ въ восточныхъ областяхъ, гдѣ не было помѣры. Начнемъ съ обзора волочной помѣры.

Первыя извѣстія о волочной помѣрѣ относятся къ 1549 г.; въ этомъ году она производилась въ Ковенскомъ старостве [1]); впрочемъ изъ сеймоваго рецесса 1547 г. можно вывести заключеніе, что тогда уже шляхта была обезпокоена разъѣздами для „пописовъ“ по королевскимъ имѣніямъ правительственныхъ агентовъ, не принадлежащихъ къ литовскому земянству (значитъ, это не были прежніе господарскіе писари) и просила о посылкѣ съ подобными цѣлями только уроженцевъ Литовско-русскаго государства [2]). Сеймъ 1551 г. вызвалъ уже оживленные переговоры становъ съ господаремъ [3])—значитъ работа шла во многихъ мѣстахъ.

Что касается продолжительности работы по проведенію волочной помѣры въ отдѣльныхъ старостваxъ, то объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ. Такъ, напр., помѣра въ Брестейскомъ старостве производилась въ 1555 г. [4]), но закончена (по провѣркѣ) въ 1565 г. Начало измѣреній на Жмуди относится къ 1553 г. [5]), между тѣмъ дошедшія до насъ описанія нѣкоторыхъ тивунствъ относятся къ 1563—4 гг. [6]). Въ отношеніи къ территоріи можно съ увѣренностью сказать, что къ концу 60-хъ годовъ вся Жмудь, повѣты Троцкій, Виленскій и Подляхія подверглись измѣренію и были описаны ревизорами: это видно по переписи господарскихъ державъ этого времени [7]). Но дошли до насъ далеко не всѣ описанія, изданы лишь немногія [8]).

---

[1]) Акты Вил., XXIV, 18

[2]) A. З. Р. III p. 13.

[3]) Ibid. 31. Ср. Госуд. Хоз., I, 296

[4]) Кн. Зап. Лит., XVIII л. 44—45

[5]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 53—54.

[6]) Въ А. Вил. Ком., XXV.

[7]) Варш. Ар. Каз. Пал., кн. 14 B. (печатается мною). Ср *мое* Госуд. Хоз., I, p. 342 сл

[8]) Напомнимъ изданныя: Гродненской экономіи, Брянскаго староства, Пинскаго староства, Кобринскаго (изданы Вилен. Ар. К.), Упитской волости (Арх. Сб Вил., VIII), другія жмудскія тивунства (Акты Вил. XXV), Берестейское староство (издано мною въ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I), Кышшинское староство (Bibloteka Ordyn. Krasinskich); см. еще Акты Вил., т. XIV.

На южной украинѣ (въ Кіевскомъ воеводствѣ) волочная помѣра не производилась, такъ какъ здѣсь уже и не было земель, эксплуатируемыхъ скарбомъ. На Волыни, повидимому, была сдѣлана попытка поволочнаго измѣренія [1]), но почему то не приведена въ исполненіе. Сюда не относится измѣреніе Кременецкаго староства, такъ какъ оно было переведено на волоки королевой Боной. Неприложимость правительственныхъ начинаній по отношенію къ Волыни можетъ быть объяснена крайне незначительнымъ количествомъ селъ, остававшихся еще въ распоряженіи Луцкаго ключа, спутанностью границъ и трудностью бороться съ мѣстными магнатами въ дѣлѣ поисковъ за „пожитками господарскими“; относительно городовъ реформа не могла быть проведена, потому они имѣли господарскія привилегіи и силы жителей были направлены на удовлетвореніе военныхъ нуждъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію самаго хода помѣры и ревизіи.

Фактическимъ руководителемъ всей волочной помѣры избранъ былъ одинъ изъ дѣятелей при королевѣ Бонѣ, Петръ Фальчевскій, староста кнышинскій и забѣльскій, подкоморій калишскій [2]). Самъ Фальчевскій былъ опытнымъ хозяиномъ и типичнымъ представителемъ сельско-хозяйственныхъ идей того времени. Въ своемъ маленькомъ Кнышинскомъ старостве онъ успѣлъ въ короткое время осадить 16 селъ [4]), прекрасно устроилъ рыбное хозяйство [3]); не безъ причины, конечно, его хозяйство считалось въ то время образцовымъ [5]). Наконецъ, „волочная устава“, составленіе которой несомнѣнно принадлежитъ ему, какъ творцу всей системы, представляетъ собою, по вѣрному заключенію Чац-

---

[1]) Городничій володимірскій Михаилъ Козинскій имѣлъ порученіе измѣрить на волоки гор. Володимиръ. Кн Зап Лит., XLI, л. 332 об.

[2]) Зап. Лит., XXXIX, л 542.

[3]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 33—34

[4]) Bibl. Ordyn. Kras., т III, стр. 259.

[5]) А. З. Р., III, 91.

каго[1]), не только административныя правила, но и весьма основательный, въ духѣ времени, экономическій трактатъ. Въ годы помѣры, Фальчевскій носитъ официальное званіе „справцы замковъ и дворовъ господарскихъ во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“ и съ такимъ знаніемъ выступаетъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ[2]).

Мы нигдѣ не находимъ инструкціи, которой бы опредѣлялся кругъ дѣятельности справцы дворовъ. Поэтому объ обязанностяхъ его можно судить преимущественно по отдѣльнымъ фактамъ его дѣятельности. Наиболѣе цѣнныя указанія на обязанности, лежавшія на Фальчевскомъ, находятся въ волочной уставѣ. Она въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ, что ему поручены королемъ всѣ „справы“, касающіяся увеличенія господарскихъ пожитковъ и порядка при помѣрѣ земель: онъ обязанъ—„гдѣ бы въ которомъ имѣніи нашомъ потреба указывала, абы онъ з нашого росказанья догледалъ и доѣзджалъ яко около помѣры, такъ и въ иныхъ речахъ господарству належачихъ, становячи все то къ пожитку скарбному подле воли нашое господарское[3])“. Затѣмъ въ одномъ изъ добавленій къ уставѣ господарь заявляетъ, что всѣ разсылаемые имъ для помѣры волочной ревизоры и мѣрники, во время отсутствія его изъ государства, должны съѣзжаться для совѣщаній съ Фальчевскимъ, какъ передъ отправленіемъ на ревизію или помѣру, такъ и по исполненіи ими возложенныхъ на нихъ порученій; послѣдній обязанъ „около порядку того господарства зъ ними намовляти“; онъ будетъ давать подвѣдомственнымъ органамъ „раду и науку“ во всемъ, что касается производства самой помѣры, направленія хозяйства и „пожитковъ“ королевскихъ. Однако и самъ Фальчевскій— „въ чемъ потреба докладатися будетъ“ маршалку земскому и канцлеру п. Мик. Радивилу; королевское порученіе этому могущественному вельможѣ состоя-

[1]) Czacki, Dzieła, 11.
[2]) А. З. Р., III, 89
[3]) Напр. 1553 г., Кн. З. Л., XXXVII, 1 64.

ло въ томъ, что всѣ исполнители волочной помѣры и самъ Фальчевскій „способлялись“ отъ него „наукою“ (инструкціями), и „помочью“, и „обороною“ [1]); послѣднее было далеко не безполезно, потому что шляхта весьма непріязненно встрѣтила волочное измѣреніе королевскихъ имѣній; справцы помѣры были только служебниками, а не врядниками, да и большею частью иностранцы—поляки. Но въ общемъ надо замѣтить, что наши документы очень рѣдко и весьма недостаточно говорятъ о справцѣ господарскихъ пожитковъ въ государствѣ.

Во всякомъ случаѣ Фальчевскій, какъ справца, стоялъ во главѣ администраціи, производившей помѣру. Ревизорамъ онъ давалъ „власное росказанье“ по тѣмъ или инымъ вопросамъ [2]). Волочная устава обязываетъ всѣхъ ревизоровъ съѣзжаться въ опредѣленное время въ скарбъ въ Вильну; ревизоры представляютъ свои отчеты самому подскарбію земскому, но непремѣнно въ присутствіи Фальчевскаго; они обязаны во всемъ „порозумевати“, т. е. совѣтоваться, со справцою для достиженія однородности въ веденіи всего дѣла [3]). Отъ него же зависѣло и большинство низшей волочной администраціи—мѣрники, хотя послѣдніе могли быть назначаемы и самими ревизорами. Такъ Фальчевскій даетъ земли мѣрникамъ на „мѣрництво“ [4]), по его представленію вел. князь утверждаетъ мѣрниковъ въ должности и пр. [5]). Дѣйствительно, въ руки Фальчевскаго поступали всѣ результаты помѣры,—конечно, ихъ онъ провѣрялъ и разрѣшалъ встрѣчавшіяся недоразумѣнія. Такъ у него были особыя книги, въ которыя заносились всѣ привилеи на земли, данныя въ доживотье изъ великокняжескихъ имѣній [6]). Въ его рукахъ были и всѣ „реестры“ волочной помѣры [7]),

[1]) Ibidem, стр., 94.
[2]) А Вил., XXIV, 162.
[3]) А. З. Г., III, 91
[4]) Писцовая книга Гродненской экономіи, II, 493.
[5]) Ibid., 161.
[6]) Ревизія пущъ, стр 211.
[7]) А. Вил., XXIV, 9, 181.

такъ что если господарю приходилось разрѣшать какой нибудь поземельный споръ, возникшій на почвѣ помѣры, онъ вызывалъ самого справцу дворовъ съ его реестрами [1]). Не трудно догадаться, что вел. князь самъ за-глаза не могъ рѣшить поземельнаго спора, и Фальчевскій привозилъ къ господарю не только свои книги, но и давалъ совѣты. Всѣ реестры сдавались Фальчевскому зависимыми отъ него ревизорами и только отъ него уже поступали въ скарбовую канцелярію [2]).

Такимъ образомъ сущность обязанностей справцы сводилась къ руководству помѣрою и къ контролю ея органовъ. Но мы нерѣдко встрѣчаемъ его и въ державахъ разрѣшающимъ на мѣстѣ тѣ или иные вопросы. Такъ напр., онъ нерѣдко разсматриваетъ споры о принадлежности къ боярству лица, земли котораго уже заняты въ волоки [3]), или, напр., ему поручался разборъ дѣлъ по „выламованію“ подданыхъ изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ—боярамъ [4]); онъ иногда, по спеціальному порученію господаря, пересматриваетъ вопросъ объ „отмѣнѣ“ земель и т. д. [5]). Въ Гродненскомъ старостве мы встрѣчаемъ Фальчевскаго вмѣстѣ съ Пильховскимъ: тутъ они назначаютъ „волю“ новоселамъ [6]), опредѣляютъ размѣры повинностей въ тѣхъ случаяхъ, когда нормальное ихъ отбываніе для крестьянъ представлялось затруднительнымъ [7]), даютъ отмѣны и т. д. [8]). Правда, должность Фальчевскаго сравнительно рѣдко проявляется въ актахъ. Но это и понятно: по самому существу ея, Фальчевскому рѣдко приходилось выдавать официальныя грамоты: это дѣлалось ревизорами. Если же мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ появленіе самого Фальчевскаго въ ис-

---

[1]) Ib., 188.
[2]) A. З. Р., III, 91.
[3]) Акты Вил., XXIV, 155.
[4]) Ib., 182—3.
[5]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л
[6]) Писцовая книга Гродненской экономіи, I, 95, 120.
[7]) Ib., 334—5.
[8]) Ib , стр. 4.

полненіи тѣхъ самыхъ обязанностей, которыя лежали на ревизорѣ (вродѣ дачи отмѣны и т. п.), то нетрудно предвидѣть, что ему приходилось разрѣшать наиболѣе важные случаи. Что касается Гродненскаго староства, то здѣсь Фальчевскій, вмѣстѣ съ Пильховскимъ, исполнялъ обязанности ревизора староства. Въ такихъ чертахъ представляется дѣятельность справцы дворовъ господарскихъ.

Вообще же его дѣятельность обрисована актами не во всѣхъ подробностяхъ. Это объясняется тѣмъ, что книги самого Фальчевскаго до насъ не дошли; особой писанной инструкціи ему тоже не было дано. Онъ получалъ изустныя „росказанья", т. е. инструкціи самого господаря; иногда эти инструкціи имѣли важное значеніе, такъ, напр., инструкція о выкупѣ войтовствъ въ Кишпинскомъ староствѣ [1]). Такъ какъ ближайшее наблюденіе надъ волочной помѣрой имѣлъ маршалокъ земскій панъ Миколай Радивиллъ, то быть можетъ, и черезъ него были передаваемы Фальчевскому инструкціи. Впрочемъ изъ одного инцидента видно, что Фальчевскій иногда пытался отказывать Миколаю Радивилу въ предъявленіи реестровъ помѣры, чѣмъ однажды даже навлекъ на себя неудовольствіе Сигизмунда Августа [2]). Еще труднѣе опредѣлить зависимость справцы отъ подскарбія земскаго. Такъ какъ вся реформа началась въ подскарбство пана Оникія Горностая, человѣка очень свѣдущаго, и продолжалась паномъ Остафіемъ Воловичемъ, тоже очень выдающимся финансистомъ, съ которымъ король не разъ имѣлъ совѣщанія о помѣрѣ [3]), то надо думать, что участіе обоихъ подскарбіевъ въ этомъ дѣлѣ весьма немаловажное: руководство дѣломъ составляло вѣдь и часть подскарбской должности. Остафій Воловичъ еще въ бытность свою писаремъ господарскимъ и маршалкомъ дворнымъ имѣлъ въ своихъ рукахъ реестры волочной помѣры [4]). Если существуютъ нѣ-

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, О значеніи ея см. Государ. хоз., I, 301.
[2]) Lachowicz L. Pamiętniki do dz. Polski, Wilno, 1842, p. 96—97.
[3]) Ibid., стр., 113.
[4]) Ibidem.,

которыя неясности въ опредѣленіи мѣры вліянія подскарбія земскаго на главнаго руководителя помѣрою, то совершенно ясенъ тотъ фактъ, что по смерти Фальчевскаго (онъ не жилъ уже въ 1566 г.)[1] подскарбій земскій является полнымъ хозяиномъ продолженія и окончанія помѣры, а также и дѣла періодическихъ ревизій. Должность же справцы была временною.

Теперь перейдемъ къ выясненію функцій другихъ низшихъ агентовъ реформы.

Фактическими дѣятелями волочной помѣры въ разныхъ старостахъ были помѣрчіи[2]), мѣрчіи, или „догледавцы на помѣреніе волокъ земель господарскихъ[4])“, справцы волочной помѣры[3]); рядомъ съ этими агентами стоитъ ревизоръ.

Ревизоръ назначался на цѣлое староство, напр., на Жмуди были такими ревизорами Як. Лашковскій, Дявилтовскій и др. Онъ представлялъ собою высшую инстанцію по отношенію къ помѣрчимъ. Послѣдніе получали въ свое вѣдѣніе обыкновенно нѣсколько волостей или державъ[5]). И ревизоръ и помѣрчій были представителями въ старостве королевской власти и фактически устанавливали пожитки и производили помѣру. Но они дѣйствовали не одни, а только какъ члены комиссіи: рядомъ съ ними стоитъ представитель старосты, или самъ державца, или тивунъ. Поэтому, въ документахъ обычно и господарскій агентъ и мѣстный называются ревизорами. Напр., на Жмуди господарскій дворянинъ Я. Лашковскій былъ „отъ двора господарского“, и дѣйствовалъ „з росказанья господарского“, тогда какъ Я. Градовскій или Ив. Ильговскій были „за злеценьемъ“ старосты жомойтского пана А. Ходкевича[6]). Въ

[1]) Кн. Зап. Лит., LI, т. 33.

[2]) А. Вил., XXIV, 27.

[3]) Сапуновъ, Мат. по ист. и геогр. Дисн и Вит. уу., 21.

[4]) Иногда они называли себя такъ: „будучи мнѣ на помѣрѣ волочной“. Ак Вит., XXIV, 164.

[5]) Ib., 128

[6]) Ib., 9, 173.

Кобринскомъ старостве Дмитрій Сопега мѣрилъ на волоки тоже „з росказанья господарского“, а Станиславъ Вильбора—отъ старосты [1]). Въ Берестейскомъ старостве тотъ же Сопега стоитъ рядомъ съ „писаремъ староства Берестейского пожитковъ скарбовыхъ“ отъ М. Радивила Кр. Граевскимъ [2]). Конечно, работа ревизіи и помѣры падала на господарскаго агента, представитель же старосты былъ блюстителемъ интересовъ его уряда или мѣстной шляхты. По отношенію къ помѣрѣ различіе между помѣрчимъ и ревизоромъ носитъ только іерархическій характеръ. Можно даже думать, что въ первые годы помѣры дѣйствовали только одни помѣрчіи, но впослѣдствіи появились еще и ревизоры. Іерархическое различіе между обѣими агентурами видно еще и изъ перевода ихъ званія: помѣрчій—это—super-intendant [3]), ревизоръ—referendarz [4]). Помѣрчій съ мѣрниками производилъ помѣру. Онъ же давалъ отмѣны за забранныя въ волоки земли—одинъ [5]), или съ тивуномъ [6]), или въ присутствіи мѣрниковъ [7]), отводилъ земли на церковь [8]) и пр. Ревизоръ же въ извѣстныхъ случаяхъ провѣряетъ дѣятельность помѣрчаго, напр., утверждаетъ выданный послѣднимъ квитъ на отмѣну земли [9]), производитъ новое разслѣдованіе объ отводѣ отмѣны [10]), отмѣняетъ замѣны, произведенныя помѣрчимъ [11]), наконецъ и самъ выдаетъ листы на отмѣны [12]). Въ особо важныхъ случаяхъ ревизоры присутствуютъ вмѣстѣ со старостой при разбирательствѣ дѣла, возникшаго на почвѣ помѣры,

---

[1]) Ib., 260, стр. 2, 5—6.
[2]) A. Вил., V, 3—4.
[3]) A. Вит, XXIV, 1—6.
[4]) Кн. Зап. Л., XXXVII,
[5]) A. Вил, XXIV, стр. 128.
[6]) Ibid., 145.
[7]) Ibid, 118, 131.
[8]) Ак. Вит, XI, 34.
[9]) A. Вил., XXIV, 305.
[10]) Ib., 299, 318.
[11]) Ib., 326
[12]) Ib., 218.

напр., при жалобахъ на помѣрчаго[1]). Коренное однако различіе между ревизоромъ и помѣрчимъ сводится къ тому, что установленіе „пожитковъ“ всецѣло входитъ въ компетенцію перваго[2]). Мы нигдѣ не встрѣчали помѣрчаго въ роли лица, устанавливающаго платы и повинности, изыскивающаго новые источники доходовъ и пр.; въ такой роли встрѣчаются только ревизоры. Въ этомъ отношеніи функціи ихъ въ годы волочной помѣры ничѣмъ не отличались отъ того времени, когда, по производствѣ помѣры, они явились только контрольными агентами, такъ что подробное изложеніе ихъ обязанностей намъ слѣдуетъ отнести въ другое мѣсто. Когда закончена была помѣра, то съ нею исчезла и должность помѣрчаго; ревизоръ принялъ на себя и обязанности по провѣркѣ и окончаніи помѣры.

Низшую ступень при помѣрѣ занималъ мѣрникъ. Онъ назначался ревизоромъ на одинъ или нѣсколько дворовъ и за свое „мерництво“ получалъ особую плату и нѣсколько волокъ земли, свободныхъ отъ податей[3]). На его долю приходилась вся землемѣрная работа.

Въ мѣрники выбирались люди „добре вмелые и досвѣтчоные въ помере волочной“[4]). Это требованіе часто сходилось съ практикой, такъ какъ бывали мѣрники, работавшіе по многу лѣтъ въ разныхъ старостваxъ и пріобрѣвшіе опытность. По введеніи волочной уставы, въ каждой волости полагался мѣрникъ для провѣрки границъ крестьянскихъ участковъ, а также на случай захватовъ со стороны сосѣдней шляхты, возобновленія граничныхъ знаковъ; замѣчательно, что за ошибки въ своемъ дѣлѣ мѣрникъ отвѣчалъ „душнымъ затраченьемъ и горломъ“[5]).

Теперь перехожу къ вопросу о пріемахъ ревизіи и о томъ, что заносилось въ нее. Большое количество межевыхъ

---

[1]) Ib, 89.

[2]) Ср. напр. отличіе помѣрчаго и ревизора въ этомъ отношеніи, А. Вил., XIII, стр 279.

[3]) А. З. Р., III, 83.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXII, л. 67.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXIX, лл. 542-й—546.

агентовъ указываетъ на то, что вся работа волочной помѣры производилась вполнѣ достаточными силами. Мало того: она производилась при этомъ не спѣшно, что давало полную возможность работавшимъ внимательно относиться къ своему дѣлу. Достаточно, напримѣръ, указать на то, что межеваніе Берестейскаго староства производилось уже въ 1552 году [1]), а закончено было только въ 1565 г. [2]). Ревизіи Ретовской волости на Жмуди начата въ 1568 г., и окончена въ 1585 г. [3]); но это уже исключительный случай. При этомъ вотъ что интересно: многія державы (а можетъ быть и всѣ) подвергались межеванію дважды [4]). Надо сознаться, что съ помощью извѣстныхъ до сихъ поръ документовъ нельзя найти вполнѣ удовлетворительнаго разъясненія, какая причина была вторичной помѣры и чѣмъ обѣ онѣ отличались другъ отъ друга. Дошедшія до насъ ревизіи относятся ко вторичной помѣрѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, ревизіи Упитской державы 1554 г. Ничего нѣтъ однако невозможнаго въ предположеніи, что вторичная ревизія была предпринята съ цѣлью провѣрки первой, была уже такимъ образомъ прототипомъ ревизорскихъ люстрацій, вошедшихъ въ обычай по окончаніи валочной помѣры. При этомъ вторичная помѣра дала не мало фактическихъ поправокъ, о чемъ иногда упоминаютъ наши источники [5]). При изложенныхъ условіяхъ мы, конечно, можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ результатамъ кропотливой работы скарбовыхъ агентовъ, не смотря на всю сложность возложенной на нихъ работы [6]). Дѣйствительно, задача членовъ ревизіонной комиссіи, т. е. ревизоровъ, по-

---

[1]) Зап Лат., XXXVII, л. 39

[2]) Докум Моск. Арх. М. Ю., I, р 205.

[3]) Акты Вил. XXV, стр. 382.

[4]) А. Вил., XXIV, стр. 367.

[5]) Берест. ревизія, стр. 264. (Док. Моск. Арх М Юст., I).

[6]) Нужно замѣтить, что межевое дѣло не было неизвѣстнымъ въ Литовской Руси и въ болѣе древнее время. Такъ, уже въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ намѣстника новгородскаго Петра Монтигердовича, который по приказанію Витовта „розъѣзжалъ“ земли Лаврашовскаго монастыря (А. Вил., XI, р. 1). Такіе же „розъѣзды“ упоминаются и въ послѣдующее время (напримѣръ,

мѣрчаго и мѣрниковъ, была довольно сложна. Она заключалась прежде всего въ точномъ опредѣленіи принадлежности данной земли къ составу скарбныхъ, въ опредѣленіи границъ селеній и пущъ,—что было не легко при чрезвычайной черезполосицѣ владѣній, отсутствіи граничныхъ знаковъ, безконечныхъ спорахъ о правахъ владѣнія, или пользованія, основанныхъ большею частью на „старинѣ“ и пр. Въ разныхъ старостваxъ эта задача была то легче, то труднѣе. Такъ въ Пинскомъ, Гродненскомъ и Кобринскомъ старостваxъ дѣло ревизоровъ было облегчено производившейся здѣсь ревизіей лѣсныхъ пущъ, при которой были списаны привилеи, или показанія частныхъ владѣльцевъ объ ихъ владѣніяxъ; границы частныхъ владѣній такимъ образомъ были установлены. На Жмуди, вѣроятно, черезполосность не была особенно велика, такъ какъ ревизоры нигдѣ не разсказываютъ о своихъ затрудненіяxъ при опредѣленіи границъ. Въ Берестейскомъ же старостве ревизоры нерѣдко оговариваются о встрѣченныхъ ими затрудненіяxъ, которыя заключались то въ отсутствіи граничныхъ знаковъ, то земля оказывалась спорной съ землею коронныхъ подданыхъ[1]) и пр. Во всякомъ случаѣ ревизоры съ большой точностью отмѣчаютъ спорные участки[2]) и наличность пограничныхъ знаковъ[3]). Кромѣ заявленій владѣльцевъ, ревизоры при опредѣленіи старыхъ границъ пользуются и показаніями крестьянъ[4]). Всѣ подобныя оговорки ревизоровъ для насъ имѣютъ ту цѣну, что даютъ полную возможность установить точность ихъ измѣренія въ каждомъ данномъ случаѣ. Однако весьма важно и то, что спорныя земли, особенно не обмежеванныя, не касались надѣльной пахатной земли, но

А Ю З. Р. I, 9, Грамоты вел. кн. литовскихъ, изд. Антоновича и Козловскаго, р. 7). Извѣстны были и „ободницы“ (т-е. грамота съ описаніемъ обводныхъ границъ) и „мѣрничіе“ (А. Ю З Р., I, № 42) и система граничныхъ знаковъ (напримѣръ, „Ревизія пущъ“ р. 131, Грамоты, изд. Антоновича, 7 и мн. др.).

[1]) Док. М. А. М. Ю, I, 387, 321

[2]) Ib , 335

[3]) Ib., 257.

[4]) Ib., 264, 387.

только угодій. Слѣдовательно, количество пахатныхъ волокъ всегда точно опредѣляется.

Установивъ „старую“ границу селенія, ревизоры должны были ее „спростовать“, т.-е. уничтожить черезполосность и достигнуть того, чтобы все селеніе лежало въ одномъ участкѣ, по крайней мѣрѣ его пахатныя поля. Мало того, такъ какъ правительство избѣгало разбивки малыхъ селеній и къ тому же стремилось группировать ихъ по войтовствамъ по возможности въ одномъ участкѣ, то задача землемѣровъ оказывалась не изъ легкихъ. Приходилось, иногда для каждаго селенія, производить „отмѣны“ въ десяткахъ мѣстъ, т.-е. отчуждать частновладѣльческія земли, присоединяя ихъ къ господарскимъ селамъ, и отводить владѣльцамъ участки изъ государственныхъ земель [1]).

Послѣ этой работы помѣрчіе и мѣрники переходили къ опредѣленію границъ. Граница въ натурѣ намѣчалась посредствомъ концовъ [2]), отмѣткой на деревьяхъ („клейна) [3]), камняхъ [4]) и т. п.; конечно, указывалось и чьи земли при-

---

[1]) Работа по производству отмѣнъ, т.-е. по уничтоженію черезполосности и округленію имѣній, весьма замѣчательна не только по своему хозяйственному значенію, но и по громадности выполненной работы. Отмѣна часто производилась цѣлыми громадными имѣніями (напримѣръ, сдѣлка съ О. Вочковичемъ, Кн. Пуб. Д. Л. X, л. 7). Работа агентовъ при отмѣнахъ выражалась слѣдующимъ образомъ. Листъ или *жит* на отмѣну давало то лицо, которое производило помѣру, обычно мѣрникъ, иногда мѣрчій (напримѣръ, С. Д. Лит. LVII, л. 9 об.—10 об., А. Вил. XXIV, 175, 203, 253 и др.). Въ болѣе важныхъ случаяхъ отмѣну производили, или подтверждали ревизоры, или справца волокъ Фальчевскій (З. Л., I., л. 248; Описаніе рукописей Вил. Публ. Библ., III, 74—75); эти листы впослѣдствіи подтверждались королемъ (А. Вил., VI, р. 3—5). Вообще король былъ высшей инстанціей по всѣмъ спорамъ о замѣнахъ (Арх. Сб. Вил. III, 19, А. Вил. XIII, 280, Ак. Вил. XXIV, 9—10, 11, и мн. др). При отмѣнѣ производилась точная помѣра, опредѣленіе границы и хозяйственное описаніе (инвентарь) отдаваемаго имѣнія (А. Вил. VI, стр. 3—5). При замѣнахъ правительство не скупилось на наддачи (напримѣръ, А. Вил. II, 132, XXIV, 175). Изданные въ послѣднее время документы (XXVI т. Актовъ Вил., документы объ отмѣнахъ) свидѣтельствуютъ о точности и громадности рботы.

[2]) А. Вил. I, 112, З. XXXVI Л. 46 об „ижъ бы есте водлугъ его (листа) концы усыпали и границы новые удѣлали“. Док. М. А. М. Ю., I, 321 и др.

[3]) А. Вил. XIII, 292.

[4]) А. Вил. I, 112.

мыкаютъ къ границамъ селенія. Если позволяли условія мѣстности, то земли каждаго села получали видъ четырехугольника („четыре стѣны“); такъ напримѣръ, разбито почти все Пинское староство. Если мѣсто не позволяло, то во всякомъ случаѣ каждое поле старались отмежевать въ одномъ участкѣ. Волоки каждаго села разбивались на *три поля*. Волочная устава предписываетъ заботиться, чтобы волоки выходили „прогоняные“, т.-е. участки каждаго поля должны быть равны нормальной величинѣ [1]). Дѣйствительно, каждое поле разбивалось на такое число участковъ, сколько волокъ имѣло все село: отдѣльный домохозяинъ, держатель волоки, получалъ въ каждомъ полѣ третью часть своего участка (это „рѣзъ“). Если мѣстность не позволяла разбить волоки указаннымъ способомъ, то придавали участки („наддавки“) къ недостающимъ частямъ волокъ въ другомъ мѣстѣ. Если, наоборотъ, при разбивкѣ рѣзовъ получались отрѣзки полей, превышавшіе норму трети надѣла, такъ называемые „злишки“, „лишки“, то съ ними поступали различно: или отдавали „на особую плату“ желающимъ, или придавали въ качествѣ наддавковъ къ неполнымъ участкамъ [2]), или наконецъ ихъ прямо присчитывали къ волокамъ „для подлости, преподлости грунту“. Но при всемъ томъ оставались и еще участки удобной для пахоты земли—въ лѣсу, среди земель, отведенныхъ въ качествѣ угодій, среди частновладѣческихъ; это—„жеребьи“, „обрубы“, „клины“, „острова“, „застѣнки“, разбиравшіеся крестьянами на особой платѣ. Но при этомъ вообще старались не дѣлать излишнихъ застѣнковъ [3]). Въ общемъ, по крайней мѣрѣ волочные участки имѣли форму четырехугольника („квадрата“ по выраженію тогдашнихъ землемѣровъ), или трехугольника („клина“): опытные землемѣры не совѣтовали разбивать земельныхъ участковъ въ форму круга, такъ какъ не считали возможнымъ

[1]) А. З. Р. Ш, 83.
[2]) Ib., 261.
[3]) Писц. кн. Пинскаго стар., I, 178.

высчитать его площадь въ квадратныхъ единицахъ [1]). При всемъ стремленіи къ нормальной величинѣ рѣзовъ, этого не всегда можно было достигнуть. Напримѣръ, въ Пинскомъ старостве рѣзы вообще имѣли одинаковую величину (треть волоки), но иногда встрѣчаются селенія съ самой разнообразной величиной рѣзовъ [2]). Въ весьма хорошо размежеванномъ Коршевскомъ тивунствѣ встрѣчаемъ и такіе случаи, когда отдѣльная рѣза разбросана въ двухъ —трехъ мѣстахъ [3]). Въ Берестейскомъ и Кобринскомъ старостваxъ вообще выдержаны нормальныя системы рѣзъ, только длина и ширина поля весьма различны. Въ Кременецкомъ старостве рѣзы получали видъ узенькихъ полосокъ, напримѣръ, по $6\frac{1}{2}$ прутовъ въ ширину и по 55 шнуровъ въ длину. Что касается сельско-хозяйственныхъ угодій (выгону, сѣнокосу, лѣсу), то они не разбивались на правильные участки: они или „морговались“, т.-е. опредѣлялось количество морговъ и прутовъ каждаго участка,—если участки сдавались на особой платѣ—или прямо опредѣлялся размѣръ всѣхъ угодій, когда они сдавались въ пользованіе всего села; при этомъ угодья размѣрялись въ тѣхъ границахъ, какія приходились въ натурѣ, такъ что тутъ допускалась и нѣкоторая черезполосность.

Что касается до пріемовъ разбивки волокъ, то участки измѣрялись лыкомъ (веревки считались для этого непригоднымъ матеріаломъ, такъ какъ легко подвергались усушкѣ), имѣвшимъ опредѣленную длину („шнуръ“) [4]) и затѣмъ „разгонялись“ сохою [5]) для опредѣленія межи. Въ подготовленномъ такимъ образомъ для селенія участкѣ происходила разбивка села. Административно-полицейскія соображенія побуждали правительство устраивать большія села [6]), чего

---

[1]) Бер. ревизія, 417 (Док. М. А. М. Ю., I), А. Вил. XXV, 1.
[2]) Писц. кн. Пин. стар., I, 125.
[3]) А. Вил., XIV, стр. 15.
[4]) А. Вил., XXV, 11.
[5]) Кн. Пуб. Д. Л., X, т. 39.
[6]) А. З. Р., III, p. 83

не знала дореформенная деревня. При этомъ заботились и объ однообразіи внѣшняго ея вида. Село обычно разбивалось въ одну линію избъ, въ одну „полать“. Насупротивъ избъ помѣщались гумна для безопасности отъ пожаровъ [1]). Такъ разбиты почти всѣ села (слѣды этой формы селеній сохранились въ Полѣсьѣ и по настоящее время), изрѣдка только село располагалось улицей въ „двѣ полати“ [2]). Селеніе разбивалось въ одномъ изъ трехъ полей, которое по счету называлось „третьимъ“ полемъ, но лежало въ срединѣ двухъ первыхъ. За рѣдкими исключеніями [3]), подъ усадьбы не отводилось особыхъ участковъ [4]). Такимъ образомъ селенія получали однообразный видъ.

Къ однообразію направлялась и хозяйственная дѣятельность ихъ жителей. Раздѣленная на три поля пахатная земля вводила новую трехпольную систему: одно изъ полей предназначалось для общаго выгона, другое для озимыхъ, третье для яровыхъ посѣвовъ [5]). Весьма понятно, что разъ селеніе должно было измѣнить свою форму, изъ маленькаго поселка крестьянъ нужно было свести въ большой, для всего этого приходилось „взрушать“ селенія и располагать ихъ по новому плану. Волочная устава настойчиво совѣтуетъ заставлять крестьянъ селиться въ назначенномъ порядкѣ [6]). Это часто и практиковалось [7]), на это прямо указываетъ искусственная форма селеній. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ старостваxъ, напримѣръ въ Берестейскомъ, ревизоры по разнымъ причинамъ, рѣдко прибѣгали къ переселенію съ „старыхъ садибъ“ [8]).

---

[1]) Зап. Лит. XXXVII, т. 438.

[2]) Напримѣръ, А. Вил., XXV (Коршево), Писц. кн. Гродн. Экон., I, p. 179 и др.

[3]) Берест. ревизія, 318.

[4]) Ib., 259.

[5]) А. Вил., XXV. Ревизоръ Коршевскаго тивунства прямо назначаетъ, въ какомъ году для чего предназначается каждое поле.

[6]) А. З. Р., III, 83.

[7]) А. Вил., XII, 196.

[8]) Напротивъ, нѣкоторыя мѣста этой ревизіи свидѣтельствуютъ о томъ, что ревизоры старались оставлять села на прежнемъ мѣстѣ Въ нѣкоторыхъ

Рядомъ съ межевыми работами шло и „постановенье пожитковъ“. Такъ какъ основнымъ элементомъ обложенія была земля, то размѣръ обложенія зависѣлъ отъ качества почвы [1]). Тогдашніе ревизоры дѣлили качества почвы на слѣдующія рубрики: *добрую, среднюю, подлую, преподлую, подлую на полъ съ преподлой* или *надеръ—подлую*. Но кромѣ этихъ офиціальныхъ дѣленій, ревизіи часто упоминаютъ и другія опредѣленія, характеризующія въ томъ или другомъ отношеніи качества почвы, въ родѣ: *болота, блата, бани никчемные, мѣстца никчемные, гаи, сырой корень, пробелки, сѣножати болотніе* и *неболотніе, заросли, кустовые* и т. п.

Всѣ эти названія, занесенныя въ ревизіи, указываютъ на ту тщательность, съ которой производилась оцѣнка земель съ сельско-хозяйственной стороны: этими эпитетами характеризуется каждый клочекъ земли, если онъ отличается отъ остальной. Но безконечное дробленіе размѣровъ обложенія въ зависимости отъ качества почвы тогдашнее правительство не считало вполнѣ удобнымъ. Это вносило бы извѣстную путаницу и при взносѣ платежей и при контролѣ. Кромѣ того при большомъ дробленіи едва ли бы представлялась возможность слишкомъ субъективной, со стороны ревизоровъ, оцѣнки качествъ земли, и слѣдуемыхъ съ нея повинностей. Волочная устава предвидитъ всего три нормальныхъ расцѣнки земли (съ добраго, средняго, и подлаго грунта) и только, въ качествѣ нѣкоторой уступки—четвер-

---

случаяхъ ревизоры оставляютъ крестьянскія усадьбы на старыхъ дворищахъ: волочные рѣзы отмѣривались въ сторонѣ отъ усадебъ (стр. 318). Но мы знаемъ кромѣ того, что волочныя осады начались очень давно въ Берестейскомъ староствѣ, такъ что ревизія 1565 г. во многихъ случаяхъ только провѣряла прежнюю раздачу земель, приводила въ порядокъ (265, 417 и др.). Весьма понятно, что это обстоятельство удерживало ревизоровъ отъ перенесенія селъ, хотя прежняя раздача волокъ и не вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ новой ревизіи: крестьяне, не ожидая скораго „взрушенья“, успѣли разработать свои волоки одни лучше, другіе—хуже, и принуждать ихъ къ замѣнѣ было бы несправедливо (417). Съ другой стороны, болотистость мѣстности препятствовала иногда правильному расположенію и раздачѣ волокъ (261).

[1]) А. З. Р., Ш, 75.

тую, съ грунта подлаго песковатого или болотистаго [1]). И эти четыре нормальныя дѣленія казались недостаточными. Для болѣе точнаго уравненія платежныхъ силъ каждаго волочнаго участка ревизоры прибѣгали еще къ сдабриванію волокъ, такъ что къ волокѣ прибавлялись еще небольшіе отрѣзки „для подлости“ грунту, или же даже и нормальная величина волоки подвергалась колебаніямъ. Волочная устава устанавливаетъ величину волоки въ 33 морга [2]). Въ дѣйствительности же величина волоки колеблется между 30 и 36 моргами. Такъ на Жмуди (вѣроятно, повсемѣстно) волока отмежевывались въ 30 морговъ [3]); здѣсь земля отмѣчается почти повсемѣстно *доброй*, рѣже средней. Но въ Подляшскихъ старостваxъ нормальная волока вездѣ принимается въ 33 морга [4]); то же въ Берестейскомъ старостве; здѣсь земля рѣдко отмѣчается доброй,—большой процентъ худой [5]). Мало того, въ Подляшскихъ старостваxъ допускался и еще одинъ, довольно неопредѣленный видъ сдабриванія: прибавленіе небольшихъ отрѣзковъ къ волокамъ, величина же отрѣзковъ бывала весьма различна,—отъ 3 до 10 прутовъ, въ зависимости каждый разъ отъ величины отрѣзка, съ одной стороны, и отъ качества каждой данной волоки съ другой [6]). Трудно понять только одинъ частный случай—примѣненія въ Кременцѣ 36 морговой волоки: можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что это староство принадлежало лично Сигизмунду Августу. Между тѣмъ размѣръ волоки городской и застѣнковой сѣножатной, выгонной земли считается въ 30 морговъ [7]).

---

[1]) A. З. Р., III, 75.

[2]) Ibid. стр. 83. Ср. Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 293 об.

[3]) A Вил., XXV, p. 15 (Коршевское тивунство) и особенно см А. З. Р., III, 55.

[4]) Писцовая кн. Пинскаго стар., I, 157.

[5]) Ср. мою статью Берестейское староство въ XVI в., Кіев. Ун. Изв.

[6]) Для прим. см. Писц. кн. Пин. стр., I, 121, 135, 157 и др., Гродненской экономіи, II, 65 и др.

[7]) Арх. Ю З. Р., ч. VII, т. II, стр. 60 и др : здѣсь рѣза считается въ 12 морговъ

При такихъ условіяхъ очевидно, что волока имѣла, наряду съ поземельной мѣрой, фискальное значеніе,—какъ извѣстная единица обложенія. Въ извѣстныхъ случаяхъ она представляла собою фиктивную величину. Но это обстоятельство нисколько не говоритъ за то, что указываемые волочной помѣрой размѣры староствъ не могутъ быть высчитаны и представлены въ видѣ величины реальной - въ квадратныхъ единицахъ. Высчитать размѣры староствъ можно съ большой точностью, но не легко, конечно. Дѣло въ томъ, что, хорошенько присмотрѣвшись къ ревизіи староства, легко замѣтить и провѣрить только что указанныя общія особенности межевыхъ пріемовъ; индивидуальныя особенности тоже не трудно отыскать, благодаря многочисленнымъ замѣчаніямъ авторовъ ревизій. При этомъ надо помнить, что всякое отступленіе отъ нормальнаго размѣра волоки, принятаго въ староствѣ, тщательно не только отмѣчается ревизорами, но и каждый разъ указывается, сколько именно прутовъ придано къ волокѣ,—за весьма рѣдкими исключеніями [1]); остается сдѣлать разсчетъ, правда весьма скрупулезный [2]).

Установивъ волочные участки, наддавки, застѣнки, ревизоры отмѣривали для селенія лѣсъ, выгоны, сѣнокосы и другія угодія. Въ этомъ отношеніи ревизорамъ предоставлялась большая самостоятельность, такъ что напримѣръ жмудскіе ревизоры выдѣляли много выгону и лѣсу селамъ, на Подляшьѣ же—весьма скупо [3]).

Межевая работа—только одна сторона ревизій староствъ. За нею слѣдовала статистика сельскаго населенія и опредѣленіе его повинностныхъ отношеній. Въ ревизіи заносились, въ порядкѣ раздаваемыхъ волокъ, имена всѣхъ держателей; при этомъ пересчитывались только держатели; если волоку

---

[1]) Ср., напр. замѣчаніе на стр. 329 Берестейской ревизіи.

[2]) О размѣрахъ волоки на соврем. мѣры мы здѣсь не говоримъ потому, что считаемъ это выходящимъ за предѣлы работы. Впрочемъ, размѣръ волочнаго участка былъ выясненъ Чацкимъ, Dzieła, I, 243 (изд. 1813 г.), и думается, это изслѣдованіе до настоящаго времени не утратило своего значенія.

[3]) Ак. Вил. XXV, стр 14.

брали нѣсколько человѣкъ (сябры), или семья держателя состояла изъ нѣсколькихъ мужчинъ (вѣроятно уже женатыхъ), напримѣръ изъ отца съ взрослыми сыновьями, или изъ взрослыхъ братьевъ, родственниковъ, то всѣхъ ихъ имена записывались при данной волокѣ [1]). Правда, нѣкоторыя ревизіи, напримѣръ пинская, прямо даютъ число сыновей держателя. Такимъ образомъ статистика населенія въ нашихъ памятникахъ страдаетъ весьма существенными недостатками: мы узнаемъ только число представителей семействъ, но нѣтъ и намека на данныя о возрастѣ, дѣленіи по полу и т. п.

Статистическія данныя о профессіяхъ также отсутствуютъ; правда, разряды населенія указаны (бояре, путные слуги, бобровники, осочники, духовенство и т. п.), но количества сельскихъ ремесленниковъ нельзя установить. Правда, изрѣдка встрѣчаемъ при именахъ держателей волокъ названія, указывающія на ремесло ихъ (въ родѣ бондарь, чоботарь и т. п.), но и эти указанія отличаются спорадичностью, да кромѣ того не всегда ясно: имѣемъ ли мы дѣло съ простымъ прозвищемъ, фамиліей, или дѣйствительно съ ремесленникомъ. Относительно статистики по національностямъ и религіи наши ревизіи также не даютъ свѣдѣній. Впрочемъ, по присутствію церкви или костела можно судить о преобладающей религіи населенія; кое-какое подспорье можно бы имѣть и въ именахъ (католическія и православныя), но все это и не точныя и шаткія данныя, на которыхъ нѣтъ возможности основывать какіе бы то ни было выводы.

Къ сожалѣнію, не всѣ ревизіи представляютъ данныя о зажиточности населенія. Простѣйшій способъ для сужденія о ней—количество по крайней мѣрѣ рабочаго скота—въ большинствѣ памятниковъ отсутствуетъ. Въ ревизіяхъ Упитской вол., Пинскаго и Гродненскаго старостъ указано число воловъ и лошадей у каждаго крестьянина, но другіе памятники не приводятъ такихъ данныхъ.

---

[1]) Что перечислялись только взрослые члены семьи держателя, см. мою статью Берестейское староство, р. 9.

Описаніе городовъ составлялось по схемѣ, весьма сходной съ описаніемъ селеній. Городскія усадьбы измѣрялись, конечно, въ прутахъ. Описаніе города всегда начиналось съ перечня домовъ на рынкѣ и прилежащихъ къ нему улицъ, затѣмъ описывалось предмѣстье. Статистика городскаго населенія страдаетъ такими же недостатками, какъ и сельскаго. Если въ городѣ былъ замокъ, то въ немъ самымъ подробнымъ образомъ описывалось замковое строеніе, служба замковыхъ ремесленниковъ, наконецъ, внѣшній видъ замка съ военной точки зрѣнія. Описаніе городскихъ повинностей и платовъ отличается обычными подробностями, указывается и содержаніе городского привилея, вольности города.

Описаніе господарскихъ дворовъ не представляетъ любопытныхъ сторонъ: оно производилось съ большою точностью. Описывались постройки двора, размѣры пашни, огородовъ, пущъ,—вообще всѣ доходныя статьи (мельницы, борти), а также дѣлались указанія на такія статьи хозяйства, эксплуатація которыхъ при мѣстныхъ условіяхъ могла бы быть полезною.

Таковъ былъ ходъ и выполненіе волочной помѣры господарскихъ земель.

Статистика землевладѣнія и населенія только одна сторона работы при проведеніи реформы. Другой важной стороной ея являлось установленіе платежей и службъ населенія и вообще всѣхъ господарскихъ пожитковъ. Эта часть реформы потребовала большого умѣнья и напряженія силъ со стороны лицъ, ее производившихъ. Она выпала на долю тѣхъ первыхъ ревизоровъ, которые провѣряли первую разбивку на волоки, или же сами доканчивали ревизію староствъ.

Для округленія господарскихъ имѣній, уничтоженія черезполосности владѣній не только господарскихъ крестьянъ, но особенно для уничтоженія черезполосныхъ владѣній съ частными землевладѣльцами, а также для уничтоженія разнаго рода сложныхъ видовъ сервитутнаго владѣнія требовалась не одна межевая работа. Для уничтоженія черезполосности владѣній ревизорамъ приходилось выяснять

права на землю сосѣдней шляхты и такимъ образомъ производить регистрацію частнаго землевладѣнія, что и было выполнено ими. Правда, шляхта оказала сильное противодѣйствіе, не желая представлять своихъ „твердостей“ на земли. Тѣмъ не менѣе ревизорамъ пришлось рѣшить множество вопросовъ объ обмѣнѣ землями и сервитутами. Регулируя поземельное отношеніе сосѣдней шляхты къ господарскимъ землямъ, ревизоры должны были привести въ порядокъ и права на владѣніе землями низшихъ слоевъ служилаго класса, т. е. бояръ и слугъ путныхъ. Въ этомъ отношеніи ревизорамъ приходилось вникать не только въ вопросы, касающіеся правъ на владѣніе землею, но также и въ вопросы, относящіеся къ выясненію сословныхъ правъ боярства, т. е. принадлежности его къ шляхетскому классу. Эта работа ревизоровъ имѣла немаловажное значеніе въ процессѣ дифференціаціи сословій: одни изъ бояръ были признаны „повѣтниками“ и перешли въ ряды полноправной шляхты, другіе же попали въ ряды господарскаго боярства, т. е. въ ряды военно-служилаго крестьянства и подъ присудъ державцевъ и старостъ [1]). Кромѣ поземельнаго устройства, т. е. округленія имѣній и уничтоженія черезполосицы и сервитутовъ, въ задачу ревизоровъ входило и переустройство господарскаго хозяйства, которое при этомъ получало форму крупныхъ сельско-хозяйственныхъ экономій, въ которыхъ важное значеніе отводилось господской запашкѣ, а также развитію подспорныхъ отраслей хозяйства—скотоводства, рыбоводства, особенно лѣсного хозяйства и проч. Разумѣется, эта перестройка хозяйственныхъ отношеній требовала отъ ревизоровъ большихъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и большого вниманія къ дѣлу. Но рядомъ съ перестройкою господарскаго хозяйства шла и распланировка крестьянскаго хозяйства. Вообще по отношенію къ послѣднему проводники реформы давали ревизорамъ извѣстнаго

[1]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство вел. кн. Лит., I р 296 сл. О значеніи ревизій въ исторіи сословій см. еще М. К. Любавскаго, Литовско-Русскій сеймъ, р 448—451.

рода схемы для устройства хозяйства. Эти схемы состояли во-первыхъ, въ опредѣленіи величины крестьянскаго участка, во-вторыхъ, въ опредѣленіи службъ, податей и повинностей съ этихъ участковъ.

Но общія схемы, данныя волочной уставой, далеко не были достаточны при приложеніи ихъ къ дѣйствительности. Ревизорамъ приходилось отмѣчать въ своихъ ревизіяхъ массу самыхъ разнообразныхъ подробностей, касающихся поземельнаго обложенія. Такъ, они отмѣчаютъ не снятыя крестьянами волоки, сданныя на условіяхъ извѣстнаго количества льготныхъ отъ платежа податей лѣтъ. Кромѣ волокъ крестьянамъ отводились выгоны и лѣса. Особенно много заботъ доставляли ревизорамъ разнаго рода отрѣзки земли вродѣ застѣнковъ и пр.: качество каждаго такого клочка тщательно отмѣчается въ ревизіяхъ, равнымъ образомъ и тѣ условія, на которыхъ онъ сдается держателю. Выходили также изъ предположенныхъ нормъ и передавались на усмотрѣніе ревизоровъ такіе случаи, какъ устройство особыхъ спеціальныхъ службъ, напримѣръ, конной боярской, отмежеваніе земли церквамъ и проч.[1]). Но сверхъ установленія платовъ, ревизоръ былъ занятъ еще и „вынайденьемъ пожитковъ“. Это конечно самая сложная часть работы, предоставленная цѣликомъ способностямъ и знаніямъ ревизоровъ. Усмотрѣвъ возможность найти ту или иную доходную статью, ревизоръ докладываетъ о томъ самому господарю или въ скарбъ. Очень интересно, что монополія спиртныхъ напитковъ вводилась въ концѣ 50 годовъ, повидимому, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ ревизорскихъ докладовъ[2]).

Вообще на мѣстѣ ревизоры встрѣчались съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, выяснить которые имъ бывало необходимо. Вотъ, напримѣръ, господарскій отвѣтъ ревизору Слонимскаго староства дворянину Андрею Ильговскому на его

[1]) Зап. Лит. XLI, т. 71 об., пер. Лит. 9, л. 81. Зап. Лит. LIII, лл. 10—1; A. Вил. III, p. 196.

[2]) Напримѣръ, вопросъ объ установленіи солодовень въ Гродно, Кн. Зап. Лит. XXXVII, т. 218.

докладъ (1558 г.) о встрѣченныхъ имъ при ревизіи затрудненіяхъ. Ильговскій прежде всего нашелъ, что произведенная въ староствѣ помѣра сдѣлана неправильно: волоки не вездѣ разбиты въ поля такъ, какъ это требуется волочной уставой. На это онъ получилъ распоряженіе великаго князя исправить волоки, не двигая однако съ мѣстъ крестьянскихъ селеній. Ильговскому показалось также весьма выгоднымъ осадить новое мѣстечко въ Любишичахъ, недалеко отъ Слонима, на что онъ получилъ согласіе великаго князя. Поземельныя отношенія въ Слонимскомъ староствѣ оказались перепутанными, иногда съ нарушеніемъ великокняжескихъ правъ. Такъ, земли господарскихъ крестьянъ оказались расположенными черезполосно съ землями крестьянъ пана Яроша Корицкаго. Дворянинъ Левъ Образцовъ держитъ въ залогѣ „доживотное“ имѣніе нѣкоего Некраша, на что не имѣлъ права, такъ какъ доживотныя имѣнія не могутъ быть отдаваемы въ залогъ. Замокъ Слонимскій оказался въ упадкѣ, замковыя строенія и парканъ сгнили, между тѣмъ мѣстные земяне не желаютъ поправлять. Мельницы подъ замкомъ, а также въ селахъ тоже пришли въ упадокъ, такъ что требовалось спеціальное королевское предписаніе мѣстному старостѣ объ исправленіи этихъ мельницъ. Кромѣ того мельницы не были сданы въ аренду, что пришлось также сдѣлать ревизору вмѣстѣ со старостой. Мѣщане Слонимскіе обратились къ ревизору съ просьбой объ увеличеніи отведенныхъ имъ надѣльныхъ волокъ, на что господарь далъ свое согласіе. Наконецъ, Ильговскому пришлось столкнуться и съ очень обычными фактами ревизорской практики, именно съ заявленіями многихъ путныхъ бояръ о своемъ шляхетствѣ и съ захватомъ сосѣднею шляхтою господарскихъ земель [1]).

Мы нарочно привели содержаніе великокняжескаго отвѣта Ильговскому для того, чтобы показать, какъ много въ практикѣ каждаго ревизора возникало вопросовъ хозяйственнаго характера; не надо только забывать, что по вопро-

[1]) Кн Зап. Лит. XXXVII, т. 191—193, об (12 ноября 1558 г.).

самъ болѣе мелкаго свойства ревизоръ самъ издавалъ постановленія. Любая изъ дошедшихъ до насъ ревизій половины 60 годовъ свидѣтельствуетъ о колоссальнымъ трудѣ и энергіи, затраченныхъ ея составителями. Но памятники ревизіи представляютъ собою только бѣловую часть работы, скрывая предварительную сложную черновую работу.

IV.

Уже было упомянуто, что волочному измѣренію подверглась только извѣстная часть господарскихъ дворовъ. Переходъ къ волочному землепользованію въ такъ называемыхъ „русскихъ“ волостяхъ совершенъ былъ гораздо позднѣе—въ нѣкоторыхъ только въ концѣ XVI вѣка [1]), а въ другихъ въ началѣ XVII вѣка [2]). Но при Сигизмундѣ Августѣ реформа въ этихъ волостяхъ была произведена только наполовину; города были размѣрены ревизорами на волоки, получивъ „уставы“, сходные съ уставами другихъ полу-земледѣльческихъ городовъ на волочной помѣрѣ [3]).

Дѣйствительно, восточныя волости подверглись въ 60-хъ годахъ ревизіи на особыхъ началахъ. Такъ, у насъ имѣются свѣдѣнія, что такая ревизія была произведена въ нѣкоторыхъ Полоцкихъ волостяхъ [4]), въ Мстиславскомъ старостве [5]), въ Могилевской [6]) и Бобруйской волости [7]), въ Дубровенской [8]),

[1]) А. Ю. З. Р. I, 251 (Орша).

[2]) А. Вил. XXV, 115, Бобруйскъ; Могилевское стар. помѣрено въ 1604 г. Ср. Арх. Сб. I, 186.

[3]) О производившейся въ поднѣпровскихъ городахъ волочной помѣрѣ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя уставы и позднѣйшіе памятники. Въ уставѣ города Рѣчицы упоминаются пруты и морги (А. З. Р., IV, 128). Здѣсь ревизорами были въ 1561 г. Гр. Воловичъ и М. Нарушевичъ. Они же помѣрили на волоки Бобруйскъ въ 1560 г (А. Вил, XXV, 140). Относительно Могилева см. напр. А. З. Р. III, 110, Зап. Лит. XLI, л 126 Въ ревизіи 1604 г. часто встрѣчаются ссылки на волочную помѣру города въ 1561 г. Варш. Гл. Арх. Суд Пал. уже по отпечатаніи нами найдена рев. Мозыр. стар., но не полная.

[4]) А. Ю. З Р., I, 226

[5]) Кн Пуб. Д. Лит., X, л 6 об., Кн. Зап. Лит. XLI, л. 156 об.

[6]) Гл. Вар. Арх.

[7]) А. Вил., XXV, р. 329, ср. р. 245.

[8]) Вил. Арх. Сб, III.

Гомельскомъ старостве [1]). Скуминъ Тишковичъ и Михаилъ Нарушевичъ въ 1558 г. производили ревизію въ Мстиславѣ, Кричевѣ, Чичерскѣ, Пропойскѣ, Бобруйскѣ, Гомелѣ, Рѣчицѣ, Мозырѣ, Свислочи [2]). Григорій Воловичъ и тотъ же М. Нарушевичъ производили ревизію въ Любецкомъ старостве въ 1561 г. [3]). Ревизія этихъ областей производилась одновременно съ помѣрою на волоки городовъ въ 1560—1561 гг. тѣми же ревизорами, т. е. Гр. Воловичемъ и Мик. Нарушевичемъ. Такимъ образомъ „русскіе" города были размѣрены на волоки, а волости оставлены по прежнему на „службахъ"; только эти службы были зарегистрованы, описаны, и каждая изъ нихъ обложена податями и повинностями. Къ сожалѣнію, памятники ревизій и городовъ и волостей почти исчезли, или до сихъ поръ не разысканы. Напримѣръ, нѣтъ ни одного волочнаго описанія города отъ 1560 г., изъ обревизованныхъ волостей извѣстны только обрывки (Гомельской, Мозырской и Дубровенской); исчезновеніе этихъ описаній вполнѣ понятно, потому что они потеряли значеніе для скарба, когда были составлены описанія на волокахъ [4]). До насъ дошли только уставы нѣкоторымъ волостямъ и городамъ, но онѣ даютъ указанія на повинностныя отношенія жителей и ничего не говорятъ о цѣляхъ и пріемахъ ревизіи. Вотъ почему приходится ограничиться лишь самыми общими замѣчаніями по вопросу о пріемахъ ревизіи русскихъ волостей.

Ревизія русскихъ волостей состояла въ точной регистраціи службъ. Ревизоръ описывалъ каждую службу въ отдѣльности, занося въ описаніе: число „дымовъ" находящихся на службѣ, имена крестьянъ, держателей службы, но только домохозяевъ, такъ какъ число дымовъ всегда соотвѣтствуетъ

[1]) А. Вил., XIII, л. 343

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 155, XLII, л. 155 об.

[3]) Арх Ю-З. Р., ч VIII, т. III, 194.

[4]) Волочное измѣреніе русскихъ волостей произведено въ разные годы начала XVII в. Напр., измѣреніе Плоцкаго воеводства было въ 1660 г. (Кн. Судн Д. Лит. LXXV, л. 229 об. 231). Гомельской вол. въ 1608 г. (ibid., л. 335), города Минска въ 1600 г. (ibid., л 7), Бобруйской вол. въ 1611 г. (А. Вил., XXV), Могилевскаго стар. въ 1604 г. (Гл Варш. Арх.) и пр.

числу ихъ; далѣе заносилось количество коней и воловъ каждой службы. Размѣры пахатной земли опредѣляются службой. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на размѣры сѣнокосныхъ угодій, опредѣляемыхъ количествомъ возовъ сѣна; наконецъ, записываются „пустовщины“, опредѣляемыя количествомъ бочекъ посѣва; пустовщины отдавались „на вроцѣ“ обыкновенно кому либо изъ держателей службъ даннаго села, или постороннимъ лицамъ, при чемъ ревизоръ записываетъ размѣры оброка. Дальнѣйшая часть описанія каждаго села заключается въ регистраціи идущихъ съ каждой службы и всего села даней (звѣриныя, рыбныя, бобровыя гоны); далѣе — доходы на державцу (а въ Дубровнѣ и на скарбовый урядъ). Наконецъ, слѣдуетъ точное описаніе границъ села; границы опредѣляются рѣчками, лѣсомъ и т. п., искусственные межевые знаки иногда рѣдки (Гомель), а иногда отличаются большими подробностями (Дубровна).

Такимъ образомъ ревизія русскихъ волостей даетъ наиболѣе подробныя показанія о размѣрахъ тягла. Кромѣ описанія повинностей съ тяглыхъ службъ и пустовщинъ, мы встрѣчаемъ еще и опредѣленіе повинностей съ боярскихъ земель: послѣднія, отданныя боярамъ „до воли господарской“, теперь впервые облагаются данями. Наконецъ, ревизоры производятъ провѣрку листовъ—даниъ на эти боярскія земли, а также на церковныя, отмѣчаютъ и села, недавно отданныя господаремъ въ частновладѣльческія руки. Если при этимъ вспомнить, что настоящая ревизія даетъ общее число рабочаго скота каждой службы, что подробное описаніе статей скарбоваго дохода прекрасно свидѣтельствуетъ о направленіи хозяйственной дѣятельности населенія, то не трудно видѣть, что наши памятники даютъ весьма основательный матеріалъ для сужденія не только о родахъ и размѣрахъ скарбовыхъ доходовъ, но также и данныя для представленія объ экономическомъ бытѣ населенія. Къ этому надо прибавить, что ревизіи отмѣчаютъ и качество земли (добрую, среднюю, худую). Точность отмѣченныхъ данныхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Ревизоры, такъ подробно описывавшіе

границы службъ и пустовщинъ, дѣйствовали, конечно, на мѣстѣ и неторопясь. Конечно, для статистики населенія ревизіи русскихъ волостей даютъ также мало, какъ и ревизіи волочной помѣры, —даже меньше, такъ какъ сообщаютъ только имена домохозяевъ, тогда какъ подъ каждымъ „дымомъ“ легко могла уживаться цѣлая семейная община. Это большой недостатокъ нашего источника.

Но въ нашихъ ревизіяхъ русскихъ волостей есть и еще одинъ недостатокъ: при описаніи по службамъ рѣшительно исчезаютъ размѣры поземельной собственности. Опредѣленіе размѣровъ надѣла терминомъ „служба“ не можетъ служить для статистическаго подсчета, такъ какъ размѣръ ея весьма неодинаковъ. Съ другой стороны служба обозначаетъ извѣстное тягло,—общее количество податей и повинностей, лежащихъ на такомъ неопредѣленномъ по размѣрамъ комплексѣ земельныхъ угодій. Разнообразіе въ количествѣ населенія (дымовъ), его зажиточности, въ количествѣ земли пахатной и угодій, составлявшихъ службу такъ велико, что, казалось бы, безнадежно дѣлать попытку найти для нея среднюю величину. Напримѣръ, на одной службѣ мы встрѣчаемъ отъ одного и даже до десяти дымовъ, несомнѣнно разнообразное количество земли (когда она измѣряется) и пр. При всемъ томъ служба далеко не всегда служитъ показателемъ одинакого размѣра тягла: подъ однообразный терминъ службы подводится весьма пестрое разнообразіе повинностей [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя дани налагались на все село, слѣдовательно разверстывались уже плательщиками на службы.

Такъ, ревизія вводила однообразную плату съ службы и земли (чиншъ и дякло) при томъ, очевидно, однообразіе касалось только пахатныхъ полей; сѣнокосъ высчитывается возами по четыре гроша отъ воза. Дань медовая и езовщина считаются отъ каждой службы, налагаются на все село. Слѣдовательно, неравномѣрность ея можетъ быть смягчена ра-

[1]) Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство вел. кн. Лит., I, стр 216.

складкой. Ловы—оплачиваются только тамъ, гдѣ они существуютъ, и при томъ размѣры ихъ весьма различны—въ зависимости, очевидно, отъ качества и количества угодій. Далѣе, всѣ пустовщины обложены соразмѣрно количеству бочекъ земли.

Общій характеръ ревизій русскихъ волостей состоялъ въ регистраціи уже существующихъ податей и повинностей и въ росписаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ по надѣльнымъ крестьянскимъ участкамъ, службамъ. Послѣднее—представляетъ новость для этихъ волостей, такъ какъ здѣсь господствовала общинная раскладка. Но и росписаніе податей по службамъ, очевидно, совершено было такъ, что не нарушало старины, т. е. можетъ быть ревизоры воспользовались существующей крестьянской раскладкой и фиксировали ее. Что реформа проходила съ точки зрѣнія крестьянъ благопріятно для нихъ, можно заключить изъ того, что она не вызывала протестовъ, такъ какъ русскія волости были настойчивы въ сохраненіи своей старины. Если и раздавались очень рѣдкіе протесты на постановленія ревизоровъ, то они немедленно удовлетворялись скарбомъ въ смыслѣ сохраненія старины, что указываетъ опять таки на консерватизмъ въ задачахъ ревизіи. Такъ, напримѣръ, волости Пропойская и Чичерская жаловались господарю въ 1561 г. на то, что ревизоры, устанавливая платы, написали въ своемъ уставѣ, что волощане обязаны ловить во всѣхъ озерахъ на старосту рыбу „по первому леду“. Это противорѣчитъ старинѣ и дѣлаетъ „трудность“ волощанамъ, почему и просили объ отмѣнѣ постановленія. Господарь согласился на просьбу волощанъ, потребовавъ отъ нихъ волоченія только двухъ озеръ въ каждой волости [1]). Съ другой стороны, послѣ проведенія ревизіи въ русскихъ волостяхъ послѣдовало успокоеніе среди нихъ, прекратились тѣ безконечные и ожесточенные споры, которые волости вели со своими старостами во всю первую половину XVI вѣка. Споры велись на почвѣ нарушенія старостами

[1]) Кн. Зап. Лит. XLI, л. 155 об.

старины. Слѣдовательно, успокоеніе волостей есть также показатель консервативнаго характера ревизій 60 хъ годовъ.

Общій внѣшній видъ ревизіи, какъ произведенный на волочной помѣрѣ, такъ и по службамъ, былъ таковъ, что затруднялъ пользованіе ревизіею, какъ раскладочнымъ спискомъ. Итоги по войтовствамъ не всегда подводились, часто не встрѣчается даже итоговъ по староствамъ; а если послѣдніе и встрѣчаются, то въ слишкомъ общей формѣ. Очевидно, такой громадный документъ, заключающій въ себѣ массу разнообразныхъ свѣдѣній, служащихъ объясненіемъ той или иной раскладки, не могъ служить, при пріемѣ въ скарбѣ платовъ, для быстрой провѣрки, правильно ли собраны державцею всѣ платежи со староства. Поэтому изъ ревизій дѣлались также особые эксцепты, въ формѣ таблицъ, при посредствѣ которыхъ легко было сразу обозрѣть доходность каждаго селенія, войтовства, всего староства и отдѣльныхъ статей хозяйства. Эти таблицы и извлеченія изъ ревизій и служили скарбу для ближайшихъ практическихъ цѣлей. Но тѣмъ не менѣе и самые подлинники ревизій хранились въ скарбѣ. Послѣднее подтверждается не только самою сущностью дѣла, но также и записями ревизоровъ на подлинникахъ ревизій, указывающихъ на сдачу документовъ въ скарбъ, а также и другими свидѣтельствами.

Такъ, лицамъ, которымъ отдавалась держава въ залогъ, выдавался изъ скарба „реестръ“ платовъ и доходовъ на основаніи ревизіи [1]); держава отдавалась, какъ „въ границахъ своихъ есть положена и черезъ ревизоровъ нашихъ постановлена и до реестровъ скарбныхъ описана“ [2]). Если въ скарбѣ нужно было навести какую нибудь справку относительно землевладѣнія, или повинностей жителей, то обращались къ ревизіямъ, напримѣръ при пожалованіи новому лицу

[1]) Кн. Зап. Лит., XX, LXIV, л. 20.

[2]) Кн. Суди. Д. Лит, LIII, л. 96, листъ князю Масальскому на волость Обельскую.

земли на службу [1]), при жалобахъ на неправильное опредѣленіе при ревизіи повинностей земли [2]) и т. п.

Мало того. Ревизіи должны были служить основною раскладочною росписью не только для скарбовыхъ чиновниковъ, но также для мѣстныхъ державцевъ, для чего одинъ экземпляръ ея вручался державцѣ [3]). Съ другой стороны, для населенія та же ревизія служила раскладочнымъ документомъ, а также документомъ на землевладѣніе, такъ какъ заключала въ себѣ описаніе границъ; для населенія было важно знать, сколько должно вносить съ каждой волоки или морга, чтобы не переплатить лишняго при извѣстномъ аппетитѣ державцевъ, потому каждое войтовство или городъ, въ лицѣ мѣстнаго войта, получали удостовѣренный ревизоромъ списокъ ревизіи даннаго города или войтовства. При этомъ ревизоры иногда вкратцѣ вставляли въ послѣсловіе ревизіи статьи изъ волочной уставы объ обязанностяхъ войтовъ, лавниковъ и крестьянъ [4]). Такимъ образомъ заинтересованныя стороны получали возможность контролировать другъ друга.

Кромѣ списковъ ревизій, существовали еще, вѣроятно, и планы староствъ; къ сожалѣнію они до насъ отъ древнѣйшаго времени не дошли; можетъ быть, Варшевицкій показывалъ такую карту въ Варшавѣ на Мазовецкомъ сеймикѣ 1587 г. [5]). Карты, конечно, составлялись въ XVI в., такъ какъ до насъ дошли прекрасные образцы ихъ, но отъ XVII и XVIII в.в. [6]).

---

[1]) Напр. Кн Зап. Лит., XXXIX, л. 530.

[2]) Напр., Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 427.

[3]) Акты Вил. Ком., XXV, 93.

[4]) См. послѣсловіе въ ревизіи Коршевскаго тивуиства, Акты Вил Ком., XXV.

[5]) Czacki, Dziela, I, 245.

[6]) Что картографіи для правительственныхъ цѣлей была извѣстна въ Литвѣ и въ XVI в., подтверждается замѣткой въ описи Литовской Метрики XVI в. Въ Метрикѣ былъ документъ: Wymalowanie gamc W. X. Lith. y Intlanth. Litera. I. (Кн. Зап. Лит., II, л. 4).

V.

Теперь, когда мы познакомились съ общимъ ходомъ волочной помѣры и ревизіи въ русскихъ областяхъ, не безполезно разсмотрѣть дошедшіе до насъ памятники ихъ съ точки зрѣнія достовѣрности представляемаго ими матеріала, выяснить ихъ достоинства и недостатки. Въ этомъ отношеніи мы можемъ приложить къ нимъ теоретическія требованія, предъявляемыя къ статистическому матеріалу современной наукой. Такая оцѣнка данныхъ ревизій вполнѣ справедлива, такъ какъ онѣ составлялись съ тѣми же административно-финансовыми цѣлями, какъ и данныя современнаго правительственнаго кадастра,—при чемъ, для выясненія общихъ результатовъ кадастра XVI столѣтія приходится подойти къ источникамъ его съ пріемами современной статистики.

Правда, современные теоретики—статистики не всегда предъявляютъ исчерпывающее количество требованій къ статистическому матеріалу и особенно такихъ, отвѣтъ на которыя характеризовалъ-бы достоинство матерьяла, составляющаго уже достояніе исторіи. Такъ, напримѣръ проф. Фортунатовъ, ставитъ слѣдующіе четыре признака, удовлетворяющихъ, по его мнѣнію, доброкачественности статистическихъ данныхъ: 1) точность отдѣльнаго наблюденія, 2) полнота наблюденія, 3) вѣрность счетныхъ операцій, 4) возможность заключать о причинной связи [1]). Однако эти требованія не вполнѣ исчерпываютъ всѣ вопросы, связанные съ критикой статистическаго матеріала. Для критики не все равно, производитъ-ли собираніе свѣдѣній земскій статистикъ, или волостной писарь, собираются-ли данныя разными лицами съ примѣненіемъ различныхъ способовъ, или же по одной строго выработанной программѣ. Однимъ словомъ, весьма важно также знакомство съ планомъ произведеннаго изслѣдованія; въ этотъ планъ должно входить: избраніе

[1]) Фортунатовъ, Сельско-хозяйственная статистика европейской Россіи, М. 1893, стр. 19.

наиболѣе подходящаго способа наблюденія, сосредоточеніе работъ въ одномъ учрежденіи,—чтобы работы достигали единства, устройство надлежащаго контроля надъ низшими органами статистическаго изслѣдованія [1]). Но хорошій планъ самъ по себѣ еще недостаточенъ, если не найдетъ въ должной мѣрѣ подготовленнаго субъекта наблюденія, а также и объекта его. Наконецъ, необходимо принять въ разсчетъ, при массовомъ наблюденіи, и еще одно обстоятельство: непрерывность его въ пространствѣ и во времени [2]). При критикѣ историко-статистическаго матеріала наука должна разсматривать его именно съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, имѣя въ виду, что этотъ матеріалъ часто является единственнымъ и не можетъ быть провѣренъ другими данными. Думается, что на первомъ мѣстѣ здѣсь должно стоять разсмотрѣніе плана наблюденія.

Если съ внѣшней даже стороны присмотрѣться къ памятникамъ западно-русскихъ ревизій, то здѣсь мы встрѣтимъ величайшее однообразіе въ схемѣ исполненія, и это однообразіе очень велико. Уже это одно указываетъ на строгое единство плана. Но единство это поддерживалось и опредѣленностью той фискальной цѣли, которую ставили себѣ ревизоры. Однако надо помнить и то, что единство плана описанія нисколько не уничтожало отмѣтокъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ, встрѣчавшихся при работѣ; примѣры такихъ указаній такихъ особенностей мы уже не разъ видѣли и отмѣтки о нихъ весьма важны для общей оцѣнки данныхъ. Далѣе, вся организація ревизій состояла изъ вполнѣ достаточнаго числа органовъ отъ низшихъ до высшихъ (мѣрники, помѣрчіе, ревизоры, справца); органы эти находятся въ послѣдовательной связи между собою и въ порядкѣ подчиненія, чѣмъ вполнѣ обезпечивается контроль надъ правильностью наблюденія.

Органы ревизій не только дѣйствуютъ по общему плану, но они находятся въ постоянномъ живомъ общеніи

[1]) Ходскій, Основанія теоріи и техники статистики, С.-Пб. 1896, стр. 50.
[2]) Янсонъ, Теорія статистики, изд. 1887, стр. 49, 61.

другъ съ другомъ и съ главнымъ руководителемъ дѣла П. Фальчевскимъ; это общеніе пріобрѣтается періодическими съѣздами ревизоровъ. Съ точки зрѣнія систематичности описанія, наши ревизіи могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными.

Но въ способахъ наблюденія наши ревизіи обладаютъ особенностями, весьма выгодно отличающими ихъ даже отъ способовъ собиранія свѣдѣній по поземельной статистикѣ нашего времени: всѣ наблюденія производятся не только посредствомъ личнаго осмотра наблюдателей, но и измѣренія изслѣдуемой площади; опросъ, къ которому прибѣгаютъ современные, даже земскіе, статистики, не имѣлъ мѣста при собираніи свѣдѣній ревизорами XVI вѣка, такъ какъ землемѣрныя работы соединены съ сельско-хозяйственной статистикой.

Не менѣе благопріятны наши свѣдѣнія о подготовкѣ субъектовъ наблюденія, если вспомнить то, что выше было сказано о подготовленности къ изслѣдованію ревизоровъ. Если при этомъ мы также вспомнимъ, что ревизоры и мѣрники завѣдывали сравнительно небольшими площадями наблюденій (ревизоръ староствомъ, мѣрникъ однимъ-двумя войтовствами) и производили свою работу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и притомъ производили ее осторожно, то можно съ большимъ довѣріемъ отнестись къ произведенной ими работѣ. Дѣйствительно, статистики XVI вѣка положили прекрасное начало: ихъ послѣдователи, ревизоры XVII и особенно XVIII столѣтій дошли до замѣчательной точности монографическаго (для каждаго хозяйства) описанія; статистика XVIII вѣка даетъ столько данныхъ и такъ прекрасно составленныхъ, что о нихъ не можетъ пока и мечтать современная намъ статистика.

Что касается еще одного требованія современной статистики—подготовки объекта наблюденія, то это требованіе для того времени не могло имѣть существеннаго значенія: во первыхъ, статистики XVI вѣка все видѣли своими собственными глазами, а во вторыхъ, они не собирали ника-

кихъ щекотливыхъ свѣдѣній, которыя населеніе имѣло-бы поводъ скрывать; количество же воловъ, лошадей, или взрослыхъ сыновей легко можно было провѣрить.

Другой вопросъ о соблюденіи единства времени и пространства.

Если брать для изученія каждое староство въ отдѣльности, или если приняться за изученіе всѣхъ господарскихъ староствъ, тогда выполненіе условій пространства, можетъ быть, вполнѣ удовлетворитъ изслѣдователя. Но наши описанія не охватываютъ ни какой нибудь-части государства въ его цѣломъ, ни всего государства, такъ какъ частновладѣльческія земли не входили въ описаніе. Такимъ образомъ нашъ матеріалъ представляетъ собою источникъ для изученія только одной стороны государственнаго хозяйства—господарскаго хозяйства. Это, конечно, недостатокъ нашего матеріала. Не совсѣмъ удовлетворительна и постановка вопроса о единствѣ времени описанія. Но тутъ необходимо установить условія, при которыхъ единство времени имѣетъ бо́льшее или меньшее значеніе для окончательнаго статистическаго вывода. Такъ, есть явленія, которыя измѣняются столь быстро, что для правильной ихъ оцѣнки, съ точки зрѣнія теоретической, необходима одновременная регистрація всѣхъ явленій на всемъ обслѣдуемомъ пространствѣ. Таковы, напримѣръ, данныя о населеніи: если перепись населенія производится въ данномъ районѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то полученныя данныя весьма много теряютъ, или по крайней мѣрѣ потребуютъ переработки и поправки при посредствѣ данныхъ о рождаемости и смертности.

То же самое надо сказать и относительно переписи живого инвентаря, статистики цѣнъ на нѣкоторые продукты и пр. Но есть данныя, точность которыхъ или совсѣмъ не страдаетъ отъ отсутствія одновременности въ регистраціи, или можетъ пострадать въ весьма незначительной степени. Таковы, напримѣръ, данныя поземельной статистики вообще и въ частности та сторона ея, которая имѣетъ въ виду

сельско-хозяйственныя цѣли. Здѣсь годъ—другой, даже пятилѣтіе не отражаются особенно существенно на общемъ статистическомъ итогѣ, такъ какъ мобилизація землевладѣнія была затруднена для крестьянъ. Районы культуръ, сельскохозяйственныя постройки, въ обыкновенное время не подвергаются быстрымъ колебаніямъ: ни общіе итоги, ни коэффиціенты различныхъ соотношеній не подвергнутся существеннымъ измѣненіямъ.

Если съ указанной точки зрѣнія обратиться къ ревизіямъ, то въ ихъ данныхъ придется рѣзко разграничить двѣ стороны: статистику населенія и рабочаго скота отъ статистики поземельной. Ревизіи производились по нѣскольку лѣтъ въ каждомъ старостве и мы лишены всякой возможности установить, когда зарегистровано населеніе.

Во всякомъ случаѣ объ одновременности регистраціи и рѣчи быть не могло. Для фискальнаго агента важно было записать хозяина волоки, къ которому участокъ земли попадалъ въ данный моментъ; тогда же агентъ записывалъ членовъ его семьи (взрослыхъ мужчинъ), количество рабочаго скота. Перемѣны въ составѣ семьи держателя не имѣли фискальнаго значенія, разъ волока оставалась въ пользованіи этой семьи. Далѣе, судя по общему ходу ревизіи, имена держателей записывались въ тотъ моментъ, когда имъ передавался земельный участокъ. Такъ какъ нѣкоторыя переписи производились въ разныхъ мѣстностяхъ одного и того же старостваи даже въ районѣ отдѣльной волости въ различное время, въ зависимости отъ обмежевыванія участковъ, то и записи производились неодновременно. Такимъ образомъ къ моменту окончанія описанія каждаго даннаго старостваи могли произойти измѣненія въ составѣ зарегистрованнаго въ немъ населенія.

Между тѣмъ въ общемъ ревизіи нѣкоторыхъ старостваъ производились иногда въ теченіе нѣск. лѣтъ (точнаго числа лѣтъ работы каждаго отдѣльнаго старостваи мы установить не можемъ) Такимъ образомъ итогъ населенія по нашимъ ревизіямъ долженъ отличаться большою неточностью. Нѣ-

которой поправкой такой неточности можетъ служить то обстоятельство, что въ описаніе записывалось не все населеніе, а только лица мужскаго пола и, по всей вѣроятности, взрослые, главы семьи. Такимъ образомъ въ описаніе попала та часть населенія, процентъ смертности которой какъ разъ меньше. Затѣмъ, быть можетъ, ревизоры при окончательномъ осмотрѣ старостъ провѣряли и держателей волокъ; это очень возможно, хотя и нѣтъ никакихъ указаній въ данномъ отношеніи.

Другое дѣло—статистика поземельной собственности. Количество угодій, разработка лѣса и пр. не могли быстро измѣняться; измѣреніе провѣрялось дважды, такъ что эти данныя нисколько не теряютъ своего значенія отъ нѣкоторой разновременности въ ихъ регистраціи.

Покончивъ съ вопросомъ объ общемъ планѣ статистическаго обслѣдованія старостъ, его достоинствахъ и недостаткахъ, перейдемъ теперь къ частнымъ условіямъ его выполненія. Такими условіями, какъ мы сказали, служатъ два обстоятельства: точность и полнота описанія каждаго отдѣльнаго явленія.

Идеалъ полноты статистическаго наблюденія долженъ состоять въ томъ, чтобы въ основу наблюденія было положено наименьшее явленіе, по возможности отдѣльное, и чтобы объ этомъ явленіи были-бы собраны возможно полныя свѣдѣнія. Понятно, что и современныя статистическія данныя весьма далеки отъ этого послѣдняго и статистика часто довольствуется весьма грубыми объектами наблюденія. Ревизіи XVI вѣка оставляютъ желать многаго въ отношеніи полноты наблюденія. Въ нихъ надо строго различать поземельную статистику отъ народонаселенія. Населеніе зарегистровано въ нихъ весьма грубыми штрихами; основнымъ явленіемъ признана и семья и часто семейная община, сидящая на волокѣ; въ этихъ послѣднихъ обозначено только мужское населеніе. О возрастныхъ данныхъ нѣтъ и помину, о статистикѣ по занятіямъ свѣдѣнія неполны и не внушаютъ довѣрія. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли-бы удосто-

вѣрить насъ въ точности этой весьма неполной регистраціи. Относительно хозяйственнаго инвентаря, мы встрѣчаемся съ той же неполнотой: лишь въ ревизіи Пинскаго староства, да въ ревизіи русскихъ державъ есть указаніе на количество лошадей и воловъ (вѣроятно, въ рабочемъ возрастѣ), въ остальныхъ и этого нѣтъ. О другихъ сторонахъ хозяйственнаго инвентаря нѣтъ и помину. Но всѣ эти неблагопріятныя для изслѣдователя данныя характеризуютъ лишь ревизіи половины XVI в., въ ревизіяхъ же начала XVII и особенно XVIII в. и данныя о населеніи отличаются полнотой.

Другое дѣло данныя поземельной статистики. Тутъ ревизоры высчитывали, обмѣривали (и по нѣскольку разъ) всякій клочекъ земли, описывали его сельско-хозяйственное значеніе и пр. Зарегистровано не только качество и количество земли, но и ея сельско-хозяйственное назначеніе. Въ этомъ отношеніи полнота и точность не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Но надо при этомъ помнить и то, что было сказано о различіи данныхъ поземельной статистики въ ревизіяхъ староствъ, построенныхъ по волочной системѣ, и въ ревизіяхъ староствъ по службамъ. Точность описанія достигнута въ обоихъ планахъ описанія, но современная наука можетъ воспользоваться данными только волочной помѣры, такъ какъ волоку мы можемъ перевести на наши земельныя единицы, чего невозможно достигнуть въ описаніяхъ по службамъ земли.

Чтобы покончить съ критикою ревизій, надо указать еще два требованія, предъявляемыя къ матеріалу современной статистикой и названныя нами уже выше—именно вѣрность счетныхъ операцій и возможность заключать о причинной связи явленій. Въ сущности оба требованія обусловливаются уже предшествующими. При точности наблюденій можно предположить, что наблюдатели сдѣлали и вѣрную сводку итоговъ. Дѣйствительно, итоги, приведенные ревизіями, въ общемъ всетаки довольно вѣрны, хотя ошибки и встрѣчаются.

Важнѣе то, что итоги не полны, потому что въ нихъ обыкновенно мы встрѣчаемъ только число волокъ и общій итогъ повинностей, но въ число волокъ не входятъ всѣ наддавки, застѣнки и пр.; въ итогахъ находится только число отдѣльныхъ податныхъ единицъ. Но неточность итоговъ можетъ быть восполнена разработкой матеріала и итоги могутъ быть такимъ же путемъ провѣрены. Такимъ образомъ этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ, хотя онъ и требуетъ большого труда. Относительно же возможности дѣлать выводы о причинной связи изучаемыхъ явленій, нѣтъ нужды распространяться; эта возможность находится въ прямой связи съ нашимъ знаніемъ всего хода статистической операціи, такъ какъ это знаніе даетъ намъ возможность отнестись къ выводамъ съ большой или меньшей долей довѣрія.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ общій планъ и пріемы ревизій, мы можемъ повторить въ заключеніе, что онѣ, съ точки врѣнія общаго плана, представляютъ собою замѣчательные памятники, къ даннымъ которыхъ мы можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Такимъ довѣріемъ должны прежде всего пользоваться всѣ данныя поземельной статистики на волочной помѣрѣ, менѣе полезны для насъ ревизіи русскихъ волостей. Статистика же населенія для XVI в. страдала немаловажными недостатками. Но въ оправданіе ея надо помнить, что перепись населенія, какъ таковая, не входила въ задачи фискальной статистики XVI вѣка.

Нечего и говорить, что ревизіи, какъ источникъ для изученія размѣровъ обложенія, представляютъ первостепенный матеріалъ. Въ сферѣ государственнаго хозяйства, выполненіе ревизій было крупнымъ шагомъ на пути податного благоустройства.

VI.

Господарское хозяйство благодаря реформамъ Сигизмунда Августа пріобрѣло большую сложность. Легко предвидѣть, что управленіе имъ и особенно контроль надъ управленіемъ

представили собою серьезную задачу для скарба. Послѣдній не могъ довольствоваться одними отчетами старостъ, державцевъ. Естественно возникала мысль объ учрежденіи, которое способно было бы контролировать мѣстную администрацію и главнымъ образомъ направлять ея дѣятельность въ духѣ тѣхъ общихъ началъ, которыя преподаны были волочною уставою и наказомъ старостамъ. Отсюда ясно, что для скарба являлось необходимымъ имѣть такихъ агентовъ, которые могли бы на мѣстѣ произвести контроль и преподать необходимое наставленіе; наконецъ, такой агентъ центральнаго правительства былъ необходимъ еще потому, что державцы и старосты далеко не пользовались широкими полномочіями и, слѣдовательно, возникалъ цѣлый рядъ дѣлъ, требовавшій разрѣшенія со стороны болѣе полномочнаго органа.

Такими агентами и явились скарбовые ревизоры. Эта должность имѣла свои прецеденты. Въ кон. XV вѣкѣ и въ началѣ XVI вѣка для урегулированія мѣстныхъ отношеній, для сбора недоимокъ, или для обслѣдованія жалобъ, приносимыхъ крестьянами, посылались спеціальные чиновники въ лицѣ господарскихъ писарей. Въ годы производства самой реформы разъѣзжаютъ по староствамъ не писари, но скарбовые ревизоры, съ дѣятельностью которыхъ мы уже отчасти знакомы. Первые ревизоры были отправлены въ староства для провѣрки работъ, произведенныхъ помѣрчими и для окончательнаго выполненія поставленныхъ реформою задачъ. Это тѣ самые ревизоры, которые составили прекрасныя описанія староствъ. Эти ревизоры посылались каждый въ назначенное ему староство, или тивунство для продолжительной работы на мѣстѣ.

Но съ этого времени посылка ревизоровъ укоренилась и пріобрѣла *систематическій* характеръ. Первые ревизоры, посланные самимъ Петромъ Фальчевскимъ, кажется, не имѣли одной общей инструкціи; ихъ задачей было двигать реформу. Съ конца 60-хъ годовъ устанавливается новое обыкновеніе—одновременно посылать скарбовыхъ ревизоровъ во всѣ гос-

подарскія державы для производства контроля. Къ тому времени реформа и ревизія уже были выполнены во всемъ государствѣ. Слѣдовательно, скарбу нужно было убѣдиться въ томъ, насколько цѣлесообразно движется заведенная имъ хозяйственная машина. Повидимому, впервые такіе ревизоры, получившіе общую однообразную инструкцію, были посланы скарбомъ въ 1569 г.

Ознакомимся ближе съ задачами дѣятельности скарбовыхъ ревизоровъ.

Уже волочная устава видитъ въ ревизорахъ постоянный органъ финансовой администраціи. Она опредѣляетъ и качества ревизоровъ, которые должны быть „присяглые, люди добрые, сумѣнья побожного, осѣлые, а не голоты, въ помѣрѣ волочной и въ господарствѣ добрѣ умѣлые, абы умѣли всего достаточнѣ и справедливе вывѣдати и указати пожитокъ нашъ врядови, въ чомъ ся можетъ причинити“. На обязанности ревизоровъ лежитъ наблюденіе, чтобы сосѣдніе шляхтичи или крестьяне не чинили „проробковъ“ на господарскихъ земляхъ; ревизоры производятъ отмѣны при проведеніи волочной помѣры. На ихъ обязанности лежитъ округленіе господарскихъ дворовъ и вообще разузнаваніе объ всякихъ „втаеныхъ грунтахъ“. Такимъ образомъ на ревизора падаютъ важнѣйшія стороны по охранѣ казеннаго землевладѣнія и урегулированія его. Ревизоръ также наблюдаетъ надъ работою мѣрниковъ, назначаетъ ихъ, доводитъ до конца волочную помѣру тамъ, гдѣ она не закончена, и провѣряетъ уже произведенное межеваніе. Затѣмъ ревизоръ является контролеромъ мѣстнаго вряда, доводя о его неисправностяхъ до свѣдѣнія господаря. Такъ, ревизоръ обязанъ удостовѣряться въ томъ, что мѣстные врядники засѣваютъ всю дворную пашню, провѣряетъ розданные врядомъ волоки на условіяхъ льготныхъ лѣтъ. Наконецъ, волочная устава дѣлаетъ спеціальное предписаніе относительно ревизоровъ на Жмуди: здѣсь они обязаны съ особой „пильностью“ изслѣдовать вопросъ относительно такъ называемыхъ „вкупныхъ“ бояръ,

т. е. такихъ, которые при посредствѣ подкупа получили листы на боярство [1]).

Но въ волочной уставѣ находимъ лишь общіе контуры обязанностей скарбоваго ревизора. Болѣе подробно ихъ функціи обозначались спеціальными инструкціями, даваемыми скарбомъ при отправкѣ ревизоровъ во всѣ дворы. Какъ кажется, впервые такая одновременная общая посылка ревизоровъ была сдѣлана въ 1569 г., когда въ руководство имъ и были даны спеціальныя инструкціи [2]).

Инструкція 1569 г. вообще требуетъ, чтобы ревизоры самымъ точнымъ образомъ разузнали обо всѣхъ „пожиткахъ“ дворовыхъ,—какъ о тѣхъ, которые могутъ быть „вынайдены“, такъ и о тѣхъ, которые прибыли, убыли, равно какъ и о состояніи дворовъ. Очень понятно, что задача ревизоровъ оказывается весьма сложною. Такъ, во первыхъ они должны указать новыя доходныя статьи, напримѣръ, указать, гдѣ должны быть построены новыя мельницы, рыбные садки, фольварки; они должны разъяснить мѣстному вряду, „пожитокъ съ чого быти можетъ“. Кромѣ этого указанія, они должны и сами озаботиться увеличеніемъ доходныхъ статей; они должны взвѣсить, гдѣ слѣдовало бы завести табуны лошадей; они должны осадить на чиншѣ ремесленниковъ, которые, не нужны для дворныхъ работъ.

Сюда же относится и обязанность ихъ разузнавать о земляхъ, годныхъ для разбивки на волоки и для заселенія. Но больше всего предписаній содержитъ инструкція по вопросамъ, касающимся контроля мѣстной администраціи. Это, конечно, была ближайшая задача поѣздки ревизоровъ.

---

[1]) А. З Р III, р. 77, 83, 84, 85, 88, 89.

[2]) Что это была разсылка ревизоровъ по всему великому княжеству, видно изъ списка ревизоровъ съ указаніемъ державъ, куда они были посланы. Этотъ списокъ помѣщенъ въ Вил. Арх. Сб. т. III, пред. р. 9, находится въ Кн. Зап. Лит. LII т. 94. Ревизорамъ даны были тожественныя инструкціи, въ спеціальныхъ листахъ къ мѣстнымъ державцамъ тоже разъяснены обязанности ревизоровъ, только жмудскіе ревизоры получили инструкціи спеціально для нихъ написанныя, хотя въ томъ же духѣ, какъ и общая инструкція остальнымъ ревизорамъ. Инструкціи напечатаны въ приложеніяхъ.

Такъ, ревизоръ долженъ записать въ особый реестръ увеличеніе, или уменьшеніе доходовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Онъ долженъ записать въ свой реестръ количество хлѣбнаго зерна, найденнаго имъ во дворѣ, а также провѣрить мѣстный урожай. Равнымъ образомъ въ реестръ заносится: количество дворового скота и распоряженія ревизора объ увеличеніи числа его, если это понадобится, количество крестьянскихъ пчелъ и количество получаемаго съ нихъ дохода, число рыболововъ и мѣста рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ, доходъ отъ гребельнаго и мостового мытовъ; наконецъ, ревизоры заносятъ въ свой реестръ отчетъ о судебныхъ пошлинахъ, взысканныхъ державцами съ крестьянъ. Ревизоры слѣдятъ за тѣмъ, чтобы лѣсъ на волокахъ, разбитыхъ подъ селенія, былъ переработанъ въ лѣсные товары на господарскій „пожитокъ“. Разумѣется, ревизору предоставляются инструкціею широкія полномочія по охранѣ и урегулированію великокняжескаго землевладѣнія. Такъ, ревизоры обязаны вмѣстѣ съ мѣстными державцами разсматривать споры о границахъ съ сосѣдними владѣльцами и „боронить“ господарскія земли; они должны убѣждать сосѣднюю шляхту, имѣнія коей черезполосно лежали съ господарскими, принимать отмѣны, наконецъ, должны провѣрять, не сдѣланы ли прежнія отмѣны со „шкодою“ для господарскихъ земель. Равнымъ образомъ ревизоры должны описать земли костеловъ и церквей и идущіе съ нихъ въ пользу причта пожитки.

Что касается населенія господарскихъ земель, то по отношенію къ нему роль скарбовыхъ ревизоровъ была весьма значительна. Ревизоры должны привести въ извѣстность поземельныя владѣнія господарскихъ бояръ, составить реестры бояръ путныхъ и „привернуть“ ихъ къ пожитку дворовъ.

По отношенію къ крестьянамъ ревизоры должны прежде всего провѣрить, точно ли исполняется волочный порядокъ и предписанія предшествующихъ ревизоровъ, т. е. обрабатываютъ ли крестьяне отведенныя имъ поля, равно,— выполняются ли предписанія ревизоровъ о порядкѣ засѣва

полей. Если крестьянскіе врядники проявляютъ усердіе при исполненіи своихъ обязанностей, то ревизоръ долженъ ихъ „похвалить“; въ противномъ случаѣ разъяснить имъ, какъ то или другое надо исправить. Ревизоръ долженъ былъ освидѣтельствовать мосты и переѣзды и распорядиться о ремонтѣ неисправныхъ. Ревизоръ также долженъ былъ принимать жалобы подданыхъ на своихъ врядниковъ: крестьяне приносили свои жалобы на державцевъ, старостъ и ихъ слугъ ревизорамъ и ревизоры немедленно приступали къ разбору дѣла. Одна инструкція (жмудская) разсказываетъ даже о процедурѣ, которая при этомъ происходила. Къ ревизорамъ являлись всѣ сельскіе войты и лавники, а также и крестьяне; ревизоры провѣряли ихъ по реестру и тутъ же дѣлали опросъ: не поступаютъ ли мѣстныя власти по отношенію къ нимъ противъ господарской уставы; всѣ жалобы должны быть занесены въ особый реестръ, и затѣмъ слѣдовало дознаніе. Вообще инструкція проводитъ тотъ взглядъ на отношенія вряда къ подданымъ, что врядъ долженъ относиться къ крестьянамъ „безъ обтежливости“, въ чемъ ревизоры должны давать „науку“ державцамъ.

Такова инструкція ревизорамъ 1569. Она носитъ исключительно хозяйственный характеръ и относится только къ западнымъ державамъ; послѣднее можно заключить изъ того, что инструкція не содержитъ въ себѣ ни одной черты, которая относилась бы къ восточнымъ замкамъ и волостямъ.

Въ восточныхъ областямъ скарбъ долженъ былъ заботиться не только о пожиткахъ и о платахъ съ подданыхъ, но особенно объ оборонѣ восточныхъ границъ. Дѣйствительно, для восточныхъ замковъ и волостей былъ даже особый писарь замковъ пограничныхъ, каковымъ въ концѣ 60-хъ г. былъ маршалокъ и писарь господарскій панъ Иванъ Воловичъ. Предпринимаемыя имъ ревизіи замковъ не всегда бывали успѣшны: замкомъ на югѣ и на востокѣ командовалъ обыкновенно сильный панъ, совсѣмъ не похожій на державцу западныхъ старостъ. Это былъ начальникъ мѣстныхъ военныхъ силъ, вовсе не расположенный подчиняться мелочнымъ

предписаніямъ скарба, или высланнаго имъ ревизора. Такъ, дошедшій до насъ королевскій универсалъ, обращенный ко всѣмъ украинным волынскимъ и поднѣпровскимъ старостамъ, а равно и къ тамошнимъ ротмистрамъ, говоритъ о миссіи Воловича въ этихъ замкахъ и о томъ, что ему оказано было старостами и ихъ намѣстниками неповиновеніе. Задачей Воловича было разузнать „о всякой справѣ и порядкѣ“ на замкахъ, а именно: обревизовать постройку замковъ, состояніе оборонительныхъ средствъ, осмотрѣть наемные гарнизоны, провѣрить жалобы крестьянъ и мѣщанъ на мѣстный врядъ и ротмистровъ и учинить по этимъ жалобамъ „отправу“. Между тѣмъ, пріѣхавъ въ замки, Воловичъ не засталъ старостъ, а старостинскіе намѣстники и ихъ слуги не пожелали, закрываясь своими панами, ни дать свѣдѣній о замкахъ, ни явиться на судъ по жалобамъ подданыхъ. Въ 1567 г. господарь вторично послалъ Ивана Воловича для ревизіи украинныхъ замковъ, съ грознымъ приказаніемъ мѣстнымъ старостамъ и ихъ намѣстникамъ подчиниться суду Воловича по жалобамъ на нихъ подданыхъ и не запрещать послѣднимъ приносить ревизору жалобы [1]).

Впослѣдствіи скарбовой канцеляріей издавались инструкціи общаго характера, т. е. такія, которыя были примѣнимы какъ въ восточныхъ волостяхъ, такъ и въ западныхъ державахъ. Такова, напримѣръ, инструкція ревизорамъ 1576 г. Эта инструкція особенное вниманіе обращаетъ на вопросы землевладѣнія, т. е. на захватъ королевскихъ имѣній сосѣдями и т. п.; разумѣется, она требуетъ отъ ревизоровъ изысканія новыхъ пожитковъ, напримѣръ, интересуется лѣсонасажденіемъ, интересуется тѣми доходами, которые по нерадѣнію старостъ уже не собираются, особенно недоимками. Вообще по отношенію къ доходности хозяйствъ, инструкція стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что доходъ должно поднимать не только умноженіемъ сборовъ съ кресть

---

[1]) Государ. хоз. В. К. Лит. 1, р. 264, Арх Юго-З. Р. ч VIII, т III, стр. 158

янъ, но главнымъ образомъ развитіемъ хозяйства, напримѣръ, развитіемъ лѣсныхъ заводовъ, стеклянныхъ, желѣзныхъ. Ревизоры должны изслѣдовать „кривды", причиненныя крестьянамъ старостами и ихъ слугами. Наконецъ, инструкція очень занята вопросами обороны. Ревизоры должны осаживать пушкарей на земляхъ и требовать, чтобы пушкари за получаемое вознагражденіе давали достаточное количество пороху. Ревизоры должны позаботиться объ исправленіи замковыхъ укрѣпленій, а также и о способахъ постояннаго снабженія замковъ провіантомъ.

Изъ обзора содержанія инструкцій видно, что свои наблюденія надъ состояніемъ державы ревизоры должны были заносить въ особый реестръ; этотъ реестръ получилъ названіе люстраціи, которая уже въ концѣ XVI в. употреблялась чаще, чѣмъ ревизія. Ревизорскія люстраціи однородны съ ревизіями, но имѣютъ отъ нихъ немаловажное отличіе. Люстрація гораздо короче ревизіи. Она мало интересуется поземельными владѣніями, границами всего имѣнія, или отдѣльныхъ держателей, и если эти свѣдѣнія заноситъ на свои страницы, то въ весьма сокращенномъ видѣ. Главная цѣль люстраціи—прежде всего хозяйственное описаніе имѣнія, равно какъ и описаніе тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ его составѣ. Люстрація такимъ образомъ имѣетъ главнѣйшею цѣлью удовлетворить текущій интересъ скарба, тогда какъ ревизія должна была служить основнымъ матеріаломъ.

Для того чтобы дать болѣе конкретное представленіе о характерѣ замѣчаній, дѣлаемыхъ люстраторами, отмѣтимъ ихъ по люстраціи Кнышинскаго староства, составленной въ 1561 г. Адамомъ Пильховскимъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей періода волочной помѣры. Дошедшее до насъ описаніе Кнышинскаго староства хотя и относится къ 1561 г., однако представляетъ собою не первоначальную помѣру на волоки, но люстрацію въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Очевидно, скарбовая канцелярія имѣла нужду въ такомъ описаніи,—можетъ быть по случаю перехода староства отъ старосты Петра Фальчевскаго въ залогъ къ Яр. Корицкому.

Схема описанія Кнышинскаго староства сводится къ слѣдующему. Ревизоръ даетъ коротенькія свѣдѣнія о селахъ, по войтовствамъ: въ каждомъ войтовствѣ перечислены села съ показаніемъ числа отмежеванныхъ въ нихъ волокъ; впрочемъ, въ селахъ самой Кнышинской волости обозначены имена владѣльцевъ волокъ и даже количество имѣющагося у нихъ скота. Зато люстрація въ подробности заноситъ количество засѣяннаго, сжатаго и вымолоченнаго хлѣба, количество скота, равно и количество хлѣба, потребнаго для посѣва. Люстраторъ очень внимательно слѣдитъ за всѣми доходами со староства и недоимками: объяснены причины всякой мелкой недоплаты въ скарбъ какого нибудь дохода. Среди причинъ есть и такія, какъ бѣгство крестьянъ, переходъ селъ въ сосѣднее Тыкотинское староство, но зарегистрованы и случаи, показывающіе отношеніе скарба къ крестьянамъ. Такъ, былъ рядъ причинъ, освобождавшихъ отъ уплаты чинша, напримѣръ: пожаръ, повѣтріе, крайняя бѣдность, градобитіе. Ревизоръ имѣлъ также цѣлью провѣрять нѣкоторые расходы по староству; такъ, напримѣръ, его очень интересовалъ дѣйствительный расходъ на прокормъ 300 воловъ, присланныхъ въ Кнышинъ. Такія статьи дохода, какъ мельницы, рудни, лѣсопильни, рыбные пруды—подверглись тщательному изученію со стороны ревизора. Наконецъ, онъ дѣлаетъ рядъ постановленій относительно порядка и размѣра уплаты крестьянами чинша и исполненія повинностей. Есть и предположенія, клонящіяся къ увеличенію доходности староства.

Таковъ составъ не только Кнышинской люстраціи, но и другихъ, составлявшихся съ XVI вѣка, въ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Остановимся еще на другомъ образцѣ ревизорской люстраціи, на ревизіи Кобринскаго староства 1597 г. Туда было послано подскарбіемъ земскимъ три ревизора, Мальхеръ Райскій, Даніилъ Домарацкій и Ярошъ Звѣръ въ качествѣ скарбоваго писаря. Они составили свой отчетъ на основаніи „старой ревизіи“ (т. е. ревизіи 1563 г.), показаній мѣстнаго вряда, войтовъ и личнаго осмотра[1]). Въ городахъ

[1]) Акты Вил. Ком., XIV, стр. 551.

ревизоры зарегистровывали количество усадебъ въ каждой улицѣ, слѣдуемый съ нихъ въ господарскій скарбъ чиншъ, затѣмъ особенно внимательно отнеслись къ городскимъ доходамъ и мѣщанскимъ повинностямъ. Въ фольваркахъ ревизоры описывали количество находящагося въ гумнахъ хлѣба и дѣлали пробные умолоты для опредѣленія средняго урожая фольварковыхъ полей. Съ большимъ вниманіемъ ревизоры отнеслись къ вопросу о томъ, насколько цѣлесообразно затрачивается крестьянскій тяглый трудъ на обработку дворовой пашни, и сдѣлали въ этомъ направленіи рядъ новыхъ распоряженій. У нихъ была инструкція подскарбія земскаго, предписывающая увеличить размѣръ дворовой пашни при нѣкоторыхъ фольваркахъ. Но, напримѣръ, въ Кобринскомъ дворѣ ревизоры совсѣмъ не нашли нужнымъ удерживать дворовое хозяйство: свободныхъ годныхъ земель къ этому двору не было; староста обрабатывалъ тяглымъ крестьянскимъ трудомъ три волоки; но ревизоры нашли, что во-первыхъ доходность этого фольварка вовсе не соотвѣтствуетъ той потерѣ для скарба осаднаго плата, который должны будутъ платить крестьяне, если не будутъ отбывать тяглой работы; во-вторыхъ, что эти три волоки предшествующими ревизорами отведены „на выхованье“ старосты. Поэтому, ревизоры совсѣмъ отмѣнили тяглую работу на Кобринскомъ фольваркѣ [1]). Относительно нѣкоторыхъ другихъ фольварковъ (напримѣръ Череватицкаго, Вижецкаго) [2]) ревизоры постановили такъ: они перевели приписанныхъ къ нимъ тяглыхъ крестьянъ на осаду, т. е. постановили объ уплатѣ ими „осаднаго плата“ (осадный платъ взимался по 30 гр. съ волоки, за 12 толокъ въ году платили 12 гр. и за бочку дякольнаго жита по 24 гр., такъ что съ волоки, при переходѣ ея на тягло, убывало 66 гр.), но приписали къ двору бо́льшее число крестьянскихъ волокъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы вся фольварковая работа могла быть выполнена толо-

[1]) Ibidem, стр. 565.
[2]) Ibidem, стр. 569, 577.

каями (тогда уже платъ за толоки не взимался). Разсчетъ заключался въ слѣдующемъ: на Череватицкій фольварокъ полагалось 210 тяглыхъ волокъ, съ которыхъ осаднаго плату и за толоки взималось бы 231 копа грошей. Ревизоры перевели эти волоки на осаду, но къ двору приписали всѣхъ 362 осадныхъ волоки, освободивъ ихъ отъ уплаты за толоки по 12 гр., т. е. всего на 72 копы 24 гроша. Но при этомъ потребовали отбыванія въ годъ не 12 толокъ, но 18. Для крестьянъ такой порядокъ, несомнѣнно, былъ отяготителенъ, такъ какъ толоки отбывались всѣми рабочими силами семьи и притомъ въ самую горячую пору. Вообще, отношеніе ревизоровъ къ крестьянамъ—узко-эгоистическое: несмотря на ясный смыслъ волочной уставы (которая признавалась дѣйствующей), они увеличиваютъ размѣры крестьянскихъ платежей и повинностей. Ревизорамъ, напримѣръ, очень понравилось распоряженіе ихъ предшественника Адама Патея, ревизора 1580 г., относительно Пружанскаго фольварка: Патей роздалъ фольварковую землю крестьянамъ, прикинувъ на волоку ко всѣмъ платамъ по 20 гр., на каждую тяглую волоку, ранѣе приписанную ко двору, что составило какъ разъ тотъ доходъ, который скарбъ могъ получить при хозяйственной обработкѣ фольварка, и кромѣ того съ тѣхъ же крестьянъ получился осадный платъ, за толоки и пр. [1]). Ревизоры 1597 г., зарегистровывая сельскіе платы и повинности, въ свою очередь увеличиваютъ кое-гдѣ платежи и повинности [2]).

Описанная дѣятельность кобринскихъ ревизоровъ, давая понятіе о составѣ послѣдующихъ люстрацій и о характерѣ ревизій, вскрываетъ и различіе во взглядахъ скарбовыхъ агентовъ половины XVI вѣка и конца его: если первому поколѣнію ревизоровъ нельзя отказать въ болѣе или менѣе гуманномъ отношеніи къ крестьянамъ, ослабляемымъ впрочемъ стремленіемъ къ опекѣ надъ крестьяниномъ, то узкій эгоизмъ послѣдующихъ поколѣній сталъ сказываться

[1]) Ibidem, 583—584

[2]) Ibidem, стр 587.

во всей его наготѣ, и благосостояніе крестьянъ быстро разрушалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижалось и юридическое положеніе личности крестьянина.

Вообще, намъ представляется дѣло такимъ образомъ: при проведеніи волочной помѣры и ревизіи русскихъ волостей въ каждомъ данномъ староствѣ составлялось описаніе его, имѣвшее цѣлью полное проведеніе реформы во всей ея широтѣ. Эти ревизіи составлялись въ половинѣ 50-хъ годовъ до половины 60-хъ годовъ, для восточныхъ волостей они замѣнены волочнымъ измѣреніемъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Эти первоначальныя ревизіи всегда служили для скарба основнымъ документомъ въ отношеніи землевладѣнія, платежей, повинностей и пр. Но сверхъ этихъ ревизій, описаній господарскихъ имѣній, до насъ дошли и ревизорскія люстраціи, составлявшіяся, или по какому нибудь случайному поводу (напримѣръ, при переходѣ староства отъ одного лица къ другому), или же въ періодъ общихъ командировокъ скарбовыхъ ревизоровъ для ревизіи. Люстраціи отличаются отъ ревизій своею краткостью въ вопросахъ землевладѣнія, но обращаютъ особенное вниманіе на хозяйственную дѣятельность вряда, дѣйствительную доходность державы и т. п. На сколько намъ извѣстно, къ детальнымъ описаніямъ королевскихъ староствъ было приступлено вторично лишь въ половинѣ XVIII вѣка.

VII.

Нельзя закончить вопроса о ревизіяхъ, какъ проявленіи реформаторской дѣятельности правительства Сигизмунда Августа, не остановившись еще на одной сторонѣ дѣла,—именно на описаніи лѣсныхъ пущъ и устройства управленія ими.

Лѣсничество по характеру управленія было такою же державою какъ и другія, а лѣсничій имѣлъ права и хозяйственныя обязанности державцы, управляя осочниками,

бобровниками, ловцами [1]); ближайшими помощниками лѣсничаго были гаевники [2]).

Въ русскихъ княжествахъ были особые ловчіе (очевидно, остатки древнихъ княжескихъ должностей), которые имѣли здѣсь такое же значеніе, какое въ великокняжескихъ областяхъ имѣли лѣсничіе, а частью исполняли и обязанности великокняжескаго ловчаго. Однако до реформъ Сигизмунда Августа управленіе лѣсничествами большею частью находилось въ завѣдываніи старостъ и державцевъ, такъ что самостоятельныхъ лѣсничествъ было весьма немного. Уже при Сигизмундѣ I замѣтно стремленіе выдѣлять пущи въ особое управленіе лѣсничихъ. Реформы же Сигизмунда Августа въ широкой мѣрѣ коснулись и лѣсного хозяйства. Лѣса тогда получаютъ особую цѣнность въ виду развитія торговли лѣсными матеріалами и древесными продуктами [3]). При немъ прежде всего была произведена обширная и подробная ревизія лѣсовъ и звѣриныхъ переходовъ. Эта ревизія была составлена въ 1559 г. Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ, игравшимъ въ то время вообще весьма видную

---

[1]) Одинъ выровъ Сигизмунда I въ справѣ лѣсничаго городенскаго Я. Кунцевича съ старостою городенскимъ Станиславомъ Петровичемъ очень подробно опредѣляетъ отношенія обоихъ врядовъ. Лѣсничій жаловался на старосту въ томъ, что тотъ „вступовался въ его врядъ лесничое городенское“. Тогда былъ спрошенъ панъ Войтехъ Яновичъ о томъ, какъ раздѣлялись обѣ должности при отцѣ и братѣ великаго князя. Тотъ показалъ, что при Казимирѣ, когда старостою городенскимъ былъ Станко Судимонтовичъ, а лѣсничимъ Зубъ Негоевичъ, то „обычай былъ таковъ“: Если кто либо дѣлалъ „шкоду“ въ лѣсу, то лѣсничій такого ставилъ предъ старостою; послѣдній казнилъ виновнаго „виною господарскою“, а лѣсничій получалъ „повинное полтина“. Тяжбы между осочниками о землѣ, „бои, домовыи речы“ и т. п. судъ производилъ на замкѣ; но если осочникъ находился въ лѣсу по приказанію лѣсничаго и ему кто нибудь нанесъ обиду, то это дѣло судилъ староста при лѣсничемъ, вина шла на господаря, а повинное лѣсничему. Лѣсничій давалъ господарскимъ подданымъ лѣсъ на ихъ домашнія нужды; но если кто въѣзжалъ въ пущу безъ разрѣшенія и производилъ здѣсь работы, то такихъ лѣсничій забиралъ, представлялъ на замокъ, а себѣ бралъ сермягу и топоръ. Сигизмундъ утвердилъ старину (Кн Суд. Дѣлъ Лит. II, л. 131 об.—132)

[2]) А. З. Р. II., 80

[3]) Довнаръ-Запольскій, Гос. Хоз., I, 319 сл.

роль въ средѣ дѣятелей господарскаго скарба. Ея цѣлью было описаніе границъ всѣхъ лѣсовъ, зарегистрованіе тѣхъ сервитутныхъ правъ, которыя имѣли въ господарскихъ лѣсахъ сосѣдніе частные землевладѣльцы, наконецъ составленіе карты лѣсовъ. Къ сожалѣнію, карта до насъ не дошла, да и ревизія Воловича въ дошедшемъ до насъ экземплярѣ не полна [1]). Въ ней охвачена полоса, начинающаяся на юго-востокѣ отъ Бѣлой Церкви и кончающаяся на сѣверо-востокѣ Ковной. Слѣдовательно, Поднѣпровье, Подвинье и частью центръ, всплошную покрытые лѣсами, не были описаны. Свѣдѣнія, которыя заключаются въ ревизіи, далеко не достаточны: это суммарное описаніе границъ съ перечнемъ входовъ и уступовъ, лѣсныхъ острововъ и т. п. Если это описаніе, съ точки зрѣнія статистической, насъ теперь не удовлетворяетъ, то за то въ ревизіи встрѣчается богатый матеріалъ для исторіи землевладѣнія: ревизоръ тщательно заносилъ всѣ показанія жителей о правахъ ихъ на владѣніе, и, кромѣ того, онъ собралъ обширный „реестръ“ привилегій на земли, представленныхъ ему земянами во время ревизіи.

Только что сказанное уже даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, что лѣсное хозяйство при послѣднемъ Ягеллонѣ пріобрѣтаетъ важное значеніе въ скарбовой политикѣ и получаетъ новую организацію. Реорганизовано было и лѣсное управленіе: каждая пуща теперь получила особаго лѣсничаго. Было установлено и особое центральное управленіе лѣсами. Въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ г. такимъ завѣдывающимъ всѣми лѣсами былъ очень близкій къ великому князю человѣкъ [2]), Станиславъ Станиславовичъ Довойно, воевода полоцкій; неизвѣстно, носилъ ли онъ званіе ловчаго господарскаго [3]). Во всякомъ случаѣ изъ волочной уставы видно,

---

[1]) Напечатана Виленскою Археографическою комиссіею.

[2]) Baliński, Pamiętniki po królówej Barbarze, I, стр. 39.

[3]) По Вольфу (Senatorowie i dygnitaze) должность ловчаго не была занята въ промежутокъ между 1549 (а можетъ быть и въ 1542) до 1567 г., т. е. до назначенія на этотъ врядъ пана Григорія Воловича. Между тѣмъ управленіе лѣсами въ этотъ періодъ находится въ вѣдѣніи Довойны, хотя намъ и

что Довойнѣ предоставлены въ завѣдываніе всѣ осады, т. е. раздача волокъ стрѣльцамъ, затѣмъ судъ надъ стрѣльцами [1]). Изъ отдѣльныхъ документовъ видно, что всякаго рода вопросы, касавшіеся отвода лѣсовъ, даже спеціальными королевскими коммисарами, отсылались на усмотрѣніе Довойнѣ [2]). Съ 1569 г. ловчимъ великаго княжества Литовскаго назначенъ панъ Григорій Воловичъ, которому и поручено имѣть „вси нюхи и иные вси мысливцы у справе, моцы и владности своей“ [3]). Дѣятельность ловчаго выражалась, напримѣръ, въ отводѣ мѣстъ для лѣсныхъ работъ [4]), назначеніи лѣсничихъ и т. п. [5]).

Кромѣ ловчаго, скарбъ провѣрялъ дѣятельность низшихъ органовъ лѣсного управленія еще и при помощи ревизоровъ. Уже волочная устава опредѣляетъ нѣкоторыя черты дѣятельности ревизоровъ. Такъ, напримѣръ, ревизоръ вмѣстѣ съ лѣсничимъ избираетъ осочниковъ [6]). Она же возлагаетъ на ревизоровъ обязанность изслѣдовать вопросы, касающіеся „спольнаго“ владѣнія господарскихъ подданыхъ съ сосѣдними крестьянами. Лѣсничіе обязаны давать свѣдѣнія ревизорамъ о лѣсныхъ сѣножатяхъ. таковыя ревизоръ или присоединяетъ къ дворамъ, или же отдаетъ на чиншѣ. Ревизоръ ведетъ вмѣстѣ съ лѣсничимъ записи „лововъ“ и „оступовъ“, также распредѣляютъ повинности крестьянъ по участію ихъ въ охотѣ [7]). По всей вѣроятности, ревизоры, о которыхъ говоритъ устава, тѣ же самые, которые посылались скарбомъ для ревизіи державъ. Но сверхъ того, въ экстра ординарныхъ случаяхъ посылались спеціальные ревизоры,

---

не встрѣчалось за это время документовъ, называющихъ его ловчимъ. Можетъбыть, должность воеводы полоцкаго, которую занималъ Довойна, была по традиціи несовмѣстима съ врядомъ ловчаго господарскаго.

[1]) А З Р., III, стр 94.

[2]) Кн. Суд. Лит., XLIV, л. 102 об., 1561 г.

[3]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит. LII, л. 84 об

[4]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 223.

[5]) Кн. Зап. Лит., LXV, л. 13 об.

[6]) А. З. Р., III, р. 73.

[7]) Ibidem, стр. 85

напримѣръ, для изслѣдованія о хищеніяхъ лѣсничихъ и т. п.[1]). Въ 50-хъ и въ 60-хъ гг. при скарбѣ были два писаря, которые обыкновенно получали командировки по вопросамъ лѣсного хозяйства; ими были Лавринъ Война и Григорій Воловичъ до своего назначенія на должность ловчаго. Спѣшимъ однако сдѣлать оговорку, что по имѣющимся даннымъ далеко не ясно соотношеніе ловчаго великаго княжества Литовскаго и господарскаго скарба съ его писарями и ревизорами. Во всякомъ случаѣ, центральное управленіе находилось въ рукахъ скарба.

Органомъ мѣстнаго управленія являлся лѣсничій. Функціи лѣсничаго выясняются какъ изъ отдѣльныхъ привилеевъ на лѣсничества, такъ особенно лѣсною уставою.

Лѣсничій завѣдывалъ порученнымъ ему лѣсомъ, управлялъ сидѣвшими среди пущи людьми, какъ тѣми, у которыхъ были тяглыя волоки, такъ и тѣми, которые несли спеціальныя службы, т. е. осочниками, бобровниками, стрѣльцами; затѣмъ онъ раздавалъ новыя волоки, назначалъ льготные годы, собиралъ съ населенія подати, слѣдилъ за выполненіемъ имъ повинностей, наконецъ имѣлъ главное наблюденіе надъ лѣсными работами, производимыми откупщиками, или же самъ велъ работы по порученію скарба[2]).

---

[1]) Такъ, въ 1567 г были посланы спеціальные ревизоры Г. Воловичъ и Л. Война въ пущи Крынскую, Одельскую, Кузницкую, Новодворскую, Перштунскую, Озерскую, Миньковскую и Карашевскую для слѣдствія о незаконныхъ поступкахъ тамошнихъ лѣсничихъ Ивана Собакина и Бартоша Шторца. См. приложенія, стр. 81—82.

[2]) Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ господарскихъ листовъ на лѣсничества, характеризующихъ сферу дѣятельности лѣсничихъ и ихъ компетенцію. Такъ, въ листѣ князю Ивану Полубенскому на тѣсничество Слонимское великій князь пишетъ, что лѣсничество дается „зо всими стрельцами и осочниками, селы и людми, осочники и бобровники, полазники, держати и всее пущы границъ старовечныхъ, абы въ своей власности зоставали, доглядати... и перестерегаючи пожитковъ нашихъ господарскихъ яко въ зверу, такъ тежъ въ бортяхъ, въ озерахъ, въ сеножатехъ, въ бобровыхъ гонахъ, а звлаща въ тесныхъ роботахъ, если быхмо коли робити въ тыхъ пущахъ нашихъ казали, якобы никая шкода намъ, господару, и скарбу нашому не была“ (1567 г. Кн. Зап. Лит. LVI, л. 45).—Въ листѣ Трояновскому на лѣсничество Бѣльское говорится, что онъ долженъ „верне служачи и перестере-

Но наиболѣе подробно тѣми же вопросами занятъ спеціальный лѣсной уставъ, изданный 27-го февраля 1567 г.

По лѣсному уставу 1567 г. на лѣсничихъ возлагаются прежде всего обязанности по охранѣ лѣса и лѣсныхъ угодій, меліорація лѣсного хозяйства и завѣдываніе низшими слугами.

Уставъ весьма подробно регламентируетъ обязанности лѣсничихъ по охранѣ ввѣреннаго имъ имущества. Такъ лѣсничій, вступивъ въ свою должность, обязанъ вмѣстѣ съ назначенными къ данному лѣсничеству осочниками объѣхать по границамъ пущъ своего лѣсничества, осмотрѣть уступы и имѣть о нихъ точныя свѣдѣнія; онъ также долженъ знать всѣ мѣста, отведенныя для осады на „волях“.

гаючи въ той пущи нашой на волях, въ сеножатех и застенках, къ нимъ прислухаючихъ, и въ дерове бортномъ съ пилностью всякихъ шкодъ; а пожитки, яко набольшіе быти могутъ, за ведомостью нашою, примножати и прибавляти, справуючися во всемъ потому, яко ему на инструкцыи нашой особливая наука на письме меновите есть дана и означена, чого маетъ быти пилен и што на немъ будетъ належало, звлаща около доглядання стадъ нашихъ, если до того лесництва перегнати отколь кажемъ, коды сена лацно способити съ пущъ нашихъ могуть А што се дотычетъ, доходовъ на лесництво прислухаючихъ, тыхъ маетъ уживати мерне, безъ шкоды нашое, а подле росказанья на инструкцыи нашой описаного“ (1567 г. Кн. Зап. Лит. LI, л. 53 об. Ср. Кн Зап. Лит. LII, л. 84) Ср. еще напримѣръ, Кн. Зап. Лит. LVI, л. 52 (1576 г., Гродзинскому на лѣсничество Переломское); Кн. Зап. Лит. LIII, л. 18 (1569 г., Махвичу на Бѣловѣжское и Каменецкое лѣсничества); Кн Зап Лит. LII, л. 126. (Лиссовскому на лѣсничество пущъ Езерской, Салацкой, Перевальской); Кн. Суд. Дѣлъ Лит. LIII, л. 86 (1567 г., Чехалевскому на лл. Мерецкое, Симненское, Лоздейское); Ibidem, л. 101 об. (1567 г. Жижемскому на л. Кобринское); Кн Зап. Лит. LVI, л. 76 об. (1574 г., Станькевичу на лл. Вилькейское, Юрборское, Скерстомонское); Кн. Зап. Лит. LII, л. 10. (1569 г., Мацвежу на л. Бѣловѣжское и Каменецкое).—О дѣятельности лѣсничихъ по раздачѣ новоосаженныхъ волокъ см. Кн. Зап. Лит. LII, л. 38, Кн. Зап. Лит. LXV, л. 13 об —14. Лѣсничему поручается отвести изъ своего лѣсничества земли мѣстному костелу, Кн. Зап. Лит. LIII, л. 52. О наблюденіи лѣсничими за откупщиками лѣсныхъ работъ см. Кн. Зап. Лит. LV, л. 24 об.—25, л. 37 об.—28; Кн. Зап. Лит. LIII, л. 10—О об. Отпускъ лѣсного товара изъ лѣсничества производится лѣсничимъ же по господарскимъ листамъ (Кн. Зап. Лит. LII, л 29 об.). О дѣятельности лѣсничихъ по сбору податей см. Кн Зап. Лит. LVI, л. 21, л. 31 об. (по сбору государственныхъ податей) По сбору доходовъ съ оброчныхъ статей см. Кн Зап. Лит. LII, л. 21.

И впослѣдствіи лѣсничему предписывается совершать неоднократные объѣзды своей пущи для наблюденія за тѣмъ, чтобы не было никакой „шкоды“ въ звѣрѣ, бортномъ или иномъ деревѣ. Лѣсничій не имѣетъ права никому отпускать дерево, годное на постройки или для работъ: такое дерево отпускается изъ пущъ каждый разъ только по особому королевскому листу съ собственноручной подписью господаря; однако сухое дерево и валежникъ разрѣшается собирать на нужды господарскаго двора и забирать господарскимъ, но не частновладѣльческимъ подданымъ. Если получится господарскій указъ о вывозѣ дерева изъ пущи, на обязанности лѣсничаго лежитъ точное наблюденіе за тѣмъ, чтобы вывозилось только то, что обозначено въ этомъ указѣ. Точно также лѣсничій наблюдаетъ, чтобы справцы работъ лѣсныхъ, эксплуатирующіе лѣсъ за листомъ господарскимъ, работали бы именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ отведены и чтобы будники не портили и не брали дерево тамъ, гдѣ имъ не разрѣшено. Только въ крайнемъ случаѣ лѣсничій можетъ отпустить лѣсной матеріалъ самостоятельно безъ предписанія, именно въ томъ случаѣ, если онъ нуженъ для гребель, мельницъ, для исправленія построекъ на королевскомъ дворѣ, въ случаѣ пожара крестьянскихъ построекъ, вслѣдствіе чего могла бы безъ построекъ опустѣть волока—въ такихъ случаяхъ лѣсничій можетъ отпустить лѣсъ на листъ и квитъ соотвѣтственнаго врядника, но лишь тогда, когда отъ короля не можетъ быть получено своевременно разрѣшеніе; отпущенному при такихъ условіяхъ лѣсному матеріалу ведется строгая отчетность. Лѣсничимъ строго воспрещается охота на звѣря для себя: охота разрѣшается только на основаніи господарскаго листа съ собственноручной подписью. Особенно зорко предписывается слѣдить за сохранностью лѣса въ пущахъ, пограничныхъ съ Мазовіею и Пруссами; пойманныхъ въ лѣсу „шкодниковъ“, предписывается сажать подъ арестъ и содержать ихъ до „науки“ господарской. Наконецъ, лѣсничимъ воспрещаются какія бы то ни было лѣсныя работы въ собственную пользу. Они должны слѣдить также, чтобы

по пущамъ не пролагались лѣсныя дороги. Лѣсныя угодья тоже находятся въ завѣдываніи лѣсничихъ. Такъ они наблюдаютъ за сѣножатями; однако для эксплотаціи послѣднихъ лѣсничимъ обѣщана особая устава. Предвидится только, что извѣстная часть сѣнокоса будетъ роздана подданымъ на платѣ, — въ такомъ случаѣ лѣсничіе собираютъ оброчную, плату для сдачи въ скарбъ королевскій; сѣнокосы, предназначенные для косьбы къ „пожитку“ господарскому, должны быть выкошены подъ наблюденіемъ лѣсничихъ. При этомъ на лѣсничихъ возлагается не только наблюденіе, но и эксплоатація угодій. Такъ, они должны стремиться къ тому, чтобы увеличивать ежегодно въ лѣсахъ количество бортнаго дерева и собираемаго меду; однако продажа собраннаго меду разрѣшается особо господарскими листами.

Кромѣ того они должны заботиться объ увеличеніи „полезивого“ плата, т. е. отъ полазниковъ Для эксплоатаціи бортей, лѣсничіе имѣютъ въ своемъ завѣдываніи полазниковъ.

Лѣсничіе обязаны имѣть точныя свѣдѣнія о бобровыхъ зеремянахъ и заботиться о ловлѣ бобровъ. Относительно рыбнаго хозяйства, устава воспрещаетъ дѣлать езы на рѣкахъ, которыя идутъ отъ озера къ озеру (вѣроятно, въ предѣлахъ пущъ); но если рѣчки впадаютъ въ большія рѣки, то лѣсничіе должны устраивать езы и ловить въ нихъ рыбу на „пожитокъ“ королевскаго скарба; впрочемъ, мѣста для езовъ опредѣляются королевскими ревизорами.

Лѣсничіе завѣдуютъ также и людьми, поселившимися около пущъ на „воляхъ“: они собираютъ съ нихъ чиншъ, согласно реестрамъ.

Для окрестныхъ подданыхъ господарскихъ уставъ даетъ нѣкоторыя льготы въ пользованіи лѣсомъ: имъ разрѣшается собирать грибы, валежникъ.

Для исполненія своихъ обязанностей лѣсничій получаетъ въ свое вѣдѣніе полазниковъ, бобровниковъ и стрѣльцовъ. По отношенію къ нимъ, лѣсничіе являются административнымъ органомъ въ тогдашнемъ его значеніи, т. е.

собираютъ съ нихъ чиншъ и другіе поборы и отдаютъ въ скарбъ, судятъ и получаютъ пересудъ въ свою пользу, при чемъ, однако, лѣсничимъ многократно предписывается обходиться съ своими подчиненными „побожне“, чтобы не вызвать гнѣва господаря: недостойные ихъ поступки будутъ открыты при ревизіи.

За исполненіе своей должности лѣсничіе получаютъ опредѣленное содержаніе. Каждый лѣсничій на лѣсничество получаетъ 9 волокъ, т. е. 3 волоки на фольваркъ и 6 осѣлыхъ волокъ для работъ на фольваркѣ. Кромѣ того лѣсничій получаетъ съ живущихъ на лѣсныхъ волокахъ поддаными по одной бочкѣ овса съ каждыхъ десяти волокъ и по 1 грошу въ годъ съ каждой волоки, пользующейся сухимъ деревомъ въ лѣсу.

VIII.

Предыдущія страницы посвящены выясненію хода крестьянской реформы и строя высшей администраціи, призванной руководить многочисленнымъ населеніемъ великокняжескихъ доменовъ. Чтобы закончить нашъ вопросъ во всей его полнотѣ, намъ необходимо еще разсмотрѣть двѣ его стороны—устройство крестьянъ и частью городовъ на новыхъ началахъ и характеръ мѣстной администраціи по управленію ею господарскимъ хозяйствомъ. Въ обоихъ вопросахъ сказалось различіе волостей западныхъ и восточныхъ. Поэтому, и въ данномъ случаѣ приходится разсматривать ихъ отдѣльно.

Начнемъ съ западныхъ державъ, на устройствѣ которыхъ мысль реформаторовъ сказалась съ особенною рельефностью.

Чтобы понять сущность устройства крестьянскаго сословія на основаніи реформъ Сигизмунда Августа, надо прежде всего выяснить отношеніе реформаторовъ къ крестьянину, взглядъ ихъ на него. Эти взгляды великолѣпно отражаетъ наказъ, данный скарбомъ въ 1567 г. для руковод-

ства старостамъ и державцамъ, отчасти и волочная устава[1]).

На крестьянина наказъ смотритъ какъ на неразумную рабочую силу, которую надо щадить для того, чтобы извлечь изъ нее побольше дохода; но доходъ этотъ надо извлекать умѣючи. Такъ, наказъ разсуждаетъ, что на крестьянъ въ прежнее время мѣстами были наложены старинныя подати неравномѣрно, дякла, мозлевы, при чемъ не обращалось достаточно вниманія на зажиточность крестьянина; отъ этого много крестьянъ обнищало и разошлось прочь, чѣмъ господарю нанесенъ немалый убытокъ. Между тѣмъ разумъ каждаго человѣка можетъ сообразить, что крестьянинъ долженъ быть такъ обложенъ ежегодными податями, чтобы могъ ихъ вѣчно платить и быть достаточно зажиточнымъ для уплаты серебщинъ. Поэтому, необходимо крестьянъ облагать соотвѣтственно качеству ихъ земли и количеству ея, не слѣдуетъ сравнивать песчаную или каменистую почву съ черноземомъ или съ хорошей землей. Кромѣ того, надо всячески оберегать налогоспособность крестьянина. Поэтому необходимо давать ему льготы въ голодные годы для того, чтобы крестьяне не разошлись; тоже должно быть примѣняемо къ погорѣвшимъ, или къ потерпѣвшимъ отъ скотскаго падежа. Даже вообще полезно милостиво относиться къ кресть-

[1]) Волочная устава напечатана въ А. З. Р., т. III. Наказъ нами издается въ приложеніяхъ Намъ пришлось высказать мнѣніе, что наказъ данъ въ руководство всѣмъ старостамъ и державцамъ, безъ различія мѣстностей (Госуд. хоз., I, стр. 264). Наказъ—исключительно посвященъ вопросамъ хозяйственнымъ. Это—не предписаніе, инструкція скарба, но вѣрнѣе трактатъ, излагающій основанія хозяйственной политики, духомъ которой должны проникнуться мѣстные агенты. Поэтому, онъ вскользь говоритъ о тѣхъ предметахъ, подробныя предписанія о которыхъ изложены въ уставѣ на волоки, или въ волостныхъ. Судя по его началу, онъ главнымъ образомъ имѣетъ цѣлью дать руководство для тѣхъ державъ, въ которыхъ реформа еще не приняла окончательнаго вида, т. е. въ томъ числѣ и для русскихъ волостей. Однако, онъ почти не отражаетъ специфическихъ особенностей здѣшней жизни, признанныхъ мѣстными уставами, направляя дѣятельность вряда и его отношенія къ крестьянамъ въ ту сторону, куда вела ихъ волочная устава, но въ значительно болѣе эгоистическомъ направленіи Очевидно, наказъ хотѣлъ нарисовать для державцевъ тотъ идеалъ, къ которому они должны были стремиться въ своей хозяйственно-административной дѣятельности.

янамъ, обнищавшимъ по какимъ бы то ни было причинамъ для того, чтобы не разогнать ихъ, давать имъ подмогу; если трудно помочь, то такому крестьянину надо дать другой участокъ, пока онъ поправится. Такъ какъ расходится по причинѣ голода не мало людей, которые потомъ лѣтомъ возвращаются, особенно изъ такихъ, которые успѣли осенью засѣять свои поля, то необходимо, чтобы до Пасхи, или даже въ теченіе всего года не отдавать оставленной земли другимъ. Потомъ, если кто нибудь изъ нихъ не возвратится въ свой домъ, то тогда уже слѣдуетъ отдать другому оставленный участокъ, за порукою сосѣдей. Потому же необходимо, чтобы державцы не брали себѣ никакихъ „отумершинъ“ и „отбѣгшинъ“: все имущество ушедшаго крестьянина должно быть передано занявшему его мѣсто, чтобы онъ могъ лучше нести свои службы и давать подати. Если участокъ передается съ постройками и съ житомъ для посѣва, то новоселу не полагается никакой „воли“. Крестьянина должно поставить въ особыя условія для усиленія его налогоспособности. Это достигается тѣмъ, что подати должны быть выбираемы сейчасъ послѣ жатвы и непременно до Рождества. Взысканіе частныхъ долговъ съ крестьянъ не можетъ быть производимо въ періодъ уплаты податей. Съ этой цѣлью даже ограничиваются гражданскія права крестьянъ: евреи не могутъ давать имъ деньги подъ проценты безъ вѣдома администраціи. Другимъ способомъ является новоустанавливаемая практика, по которой державцы должны избѣгать наложенія на крестьянъ штрафовъ деньгами: рекомендуется предпочтительно прибѣгать къ бичу, къ тюрьмѣ, къ колодкамъ. Наказъ считаетъ, напримѣръ, весьма вреднымъ и отяготительнымъ для крестьянъ обычаемъ, по которому къ недоимщику посылаются децкіе: убогому крестьянину приходится платить одного децкованья едвали не столько же, сколько и подати. Поэтому то наказъ совѣтуетъ прибѣгать и по отношенію къ недоимщикамъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, или къ порукѣ. Если ужъ нечего взять, то лучше простить ему подать для того, чтобы онъ поправился къ слѣдующему году.

Державцы должны развивать работоспособность крестьянина. Такъ, наказъ высказывается противъ развитія оброчныхъ земель. Ихъ не слѣдуетъ раздавать крестьянамъ на оброкъ, денежный, хлѣбный и медовый, къ чему очень склонны крестьяне. Если имъ не будутъ давать оброчныхъ земель, то они поневолѣ будутъ брать участки на обычной службѣ и нести всѣ причитающіеся повинности и платежи. Это постановленіе направлено къ тому, чтобы побудить крестьянъ къ раздѣленію семействъ, разъ потребности семьи не удовлетворяются наличнымъ участкомъ, а дополнить его оброчною землею негдѣ. Державцамъ рекомендуется внимательно отнестись къ распредѣленію и направленію крестьянскаго труда. Излишніе стрѣльцы, конюхи, дворовые господарскіе слуги (вродѣ одверныхъ, кухарей, пекарей) должны быть посажены на тяглыя службы. Крестьяне, живущіе вдали отъ дворовъ, должны быть переведены на чистый оброкъ и освобождены отъ тяглой службы, потому что имъ далеко ходить на работы. Державца долженъ брать изъ крестьянскихъ дворовъ мальчиковъ и отдавать въ обученіе ремесламъ, что можетъ быть весьма полезнымъ для дворовыхъ службъ. Такою же практическою надобностью двороваго хозяйства проникнуты и тѣ предписанія волочной уставы и наказа, которыя касаются невольной челяди. Наказъ, напримѣръ, находитъ, что на челядь слишкомъ много выходитъ корму и потому предписываетъ тщательно распредѣлять работы челяди, чтобы содержаніе ея окупалось работой. Паробки лѣтомъ должны работать на пашнѣ, а зимой исправлять орудія и смотрѣть за скотомъ. Невольницы зимой должны быть заняты пряжей и тканьемъ, при чемъ даже назначенъ и размѣръ работы. Державца долженъ отдавать точный отчетъ на особомъ реестрѣ въ томъ, что сдѣлала въ теченіе года при дворѣ невольная челядь.

Сказанное достаточно поясняетъ, что предписанія наказа, волочной уставы, ревизорскихъ инструкцій и другихъ актовъ, по которымъ державцамъ приказывается „побожне“ относиться къ крестьянамъ, пріобрѣтаютъ особый смыслъ, точно

также какъ и запрещеніе имъ пользоваться для своихъ нуждъ крестьянскимъ трудомъ. Характернымъ выраженіемъ взгляда на эксплоатацію крестьянскаго труда является то предписаніе наказа старостамъ, которое касается „отсопнаго хлѣба". Во дворѣ крестьянинъ могъ взять жита въ „отсопъ", то есть въ долгъ. Державца долженъ стараться, чтобы крестьяне ежегодно брали хлѣбъ въ „отсопъ". „А если гдѣ люди не пожелали бы брать жита въ отсопъ, то это дѣло поручается распорядительности врядниковъ".

Легко догадаться, что при такомъ отношеніи къ крестьянину не можетъ быть признана его собственностью земля, на которой онъ сидитъ. Это, конечно, понятно, потому что вся реформа сопровождалась переводомъ крестьянъ съ участковъ, насиженныхъ ихъ праотцами, на волочные, съ которыми связаны были совершенно опредѣленныя вѣчно-арендныя отношенія. Но въ глазахъ крестьянъ ихъ прежнія дворища и службы были отчинами; таковыми по крайней мѣрѣ ихъ признавали сами крестьяне. Съ этимъ взглядомъ считалась и мѣстная администрація. Но реформа проводилась въ тотъ періодъ, когда былъ провозглашенъ принципъ, по которому кметъ и все его имущество принадлежитъ владѣльцу: „гдѣ помѣра пойдетъ, говоритъ устава, маютъ мѣрити всякій кгрунтъ, купленный и заставный, кгдыжъ кметъ и вся его маетность наша есть". Наказъ старостамъ представляетъ собою какъ чрезвычайно компетентное подтвержденіе взгляда крестьянъ на свои участки—отчины, такъ и проведеніе новаго принципа[1]). Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ распространено повсемѣстно (говоритъ онъ) среди крестьянъ убѣжденіе, что земля ихъ является дѣдичной. считается отчиной; бываетъ такъ, что иной хлопъ, избѣгая

[1]) Въ изслѣдованіи проф. М. Ф Владимірскаго-Буданова о повинностномъ характерѣ крестьянскаго земелевладѣнія (Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт , кн. VII) выяснено, что указанный принципъ по отношенію къ крестьянской землѣ усиленно развивался врядомъ во второй четверти XVI в. Волочная устава и наказъ уже вполнѣ стоятъ на этой точкѣ зрѣнія по отношенію ко всѣмъ разрядамъ крестьянъ, а первый памятникъ еще и по отношенію ко всему имуществу крестьянина приводитъ тотъ же взглядъ.

иногда платить подати, уходить въ сосѣднюю волость и тамъ живетъ нѣсколько лѣтъ. Его сосѣди, зная объ этомъ, не хотятъ брать его участка, потому что взявшаго сгонялъ врядъ и присуждалъ землю отчичу. Такой порядокъ долженъ быть оставленъ и не слѣдуетъ возвращать вернувшемуся отчичу его землю, отданную другимъ; возвратившемуся можно дать другую землю. Въ другомъ мѣстѣ наказъ внушаетъ державцамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне не продавали своихъ земель сосѣднимъ боярамъ, земянамъ или крестьянамъ же для того, чтобы участки однихъ не увеличивались, а другихъ не уменьшались. Здѣсь, очевидно, разумѣется продажа части надѣльной земли на такомъ же крестьянскомъ правѣ, на какомъ владѣетъ самъ съемщикъ, потому что въ собственность крестьянинъ совсѣмъ не могъ продавать. Волочная устава не возбраняетъ крестьянину продать свои постройки на волокѣ и „домовство“ другому; но требуется заявленіе вряду при войтѣ и лавникахъ; продавшему предлагается взять не снятый участокъ и только при неимѣніи такового, онъ можетъ уйти изъ волости. Названное правило волочной уставы дѣлаетъ крестьянина крѣпкимъ землѣ, потому что даетъ ему весьма проблематичное право выхода (при массѣ свободныхъ земель); это и понятно. Выше мы видѣли, что крестьянинъ получаетъ оставленный другими участокъ за порукою своихъ односельчанъ. Порука—явленіе новое въ правовыхъ понятіяхъ Литовской Руси. Съ другой стороны, всякій ушедшій безъ выполненія названнаго правила, то есть не посадившій вмѣсто себя тяглеца, считается бѣглымъ: такого державца долженъ искать, требовать судомъ и посадить на пустой волокѣ, за порукою. Волочная устава разрѣшаетъ только временный уходъ, въ голодные годы, при томъ по бѣдности. Но этотъ отходъ можетъ совершиться по заявленіи войту, при чемъ послѣдній долженъ удостовѣриться въ бѣдности уходящаго крестьянина (очевидно и въ томъ, можно ли надѣяться на возвращеніе уходящаго).

Подати и повинности крестьянина подвергнуты строгой регламентаціи. Крестьяне раздѣлены на тяглыхъ, т. е. отбы-

вающихъ барщину, и на осадныхъ, т. е. уплачивающихъ чиншъ взамѣнъ барщинныхъ работъ. Но переводъ съ тягла на осаду и обратно зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстной или центральной администраціи, то есть находится въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ соображеній. Подати разлагались на собственно осадный платъ и на уплату за дякла, то есть хлѣбную подать; но послѣдняя могла взиматься и натурою, если это было нужно по хозяйственнымъ соображеніямъ. Крестьяне обязаны были давать и подводы для хозяйственныхъ надобностей, за что однако имъ уменьшались платежи, если подводы были взяты. Крестьяне были освобождены отъ старинной повинности по постройкѣ и ремонту замковъ въ Вильнѣ и Трокахъ. Даже когда крестьянъ требовали для постройки замковъ въ литовскихъ державахъ, то эта работа засчитывалась имъ въ тяглую службу; такъ напримѣръ, было при постройкѣ замка въ Тыкотинѣ. Самой важной повинностью была, разумѣется, барщина. Волочная устава очень подробно опредѣляетъ порядокъ барщинной работы. Порядокъ работъ объявлялся черезъ войта въ воскресный день. Если кто не выходилъ на работу въ первый и во второй разъ—платилъ штрафы, а въ третій разъ наказывался „битемъ на лавцѣ“. Объ уважительной причинѣ неявки крестьянинъ могъ передать черезъ своего сосѣда или лавника, но пропущенный день долженъ отработать. Устава опредѣляетъ и часы работы: день начинается съ восходомъ солнца и оканчивается его заходомъ; на отдыхъ полагалось для конныхъ рабочихъ 3 часа, а для пѣшихъ полтора.

Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянское хозяйство и даже частная жизнь крестьянина подвергались точной регламентаціи. Официальныя уставы 60-хъ гг. мало касаются этой стороны дѣла, но практика, исходившая изъ ихъ основъ, пошла вскорѣ въ этомъ направленіи. Господарскія уставы дополнялись ревизорскими инструкціями, старостинской практикой, что усиливается къ концу XVI и началу XVII вѣковъ. Какъ на болѣе ранній образецъ такой регламентаціи можно указать на любопытную инструкцію ревизора Якова

Лашковскаго, составленную имъ при ревизіи Коршевскаго тивунства и занесенную въ эту ревизію для руководства мѣстной администраціи. Лашковскій—выдающійся дѣятель реформаціонной эпохи. Его взгляды на крестьянина проникнуты глубокимъ чувствомъ гуманности и чужды той эгоистической точки зрѣнія, которой проникались и современники его и послѣдующіе дѣятели. Но и въ его представленіи крестьяне—это „заблудшія овцы". Онъ даетъ рядъ весьма раціональныхъ съ хозяйственной точки зрѣнія предписаній, напримѣръ, объ осушеніи селъ, лежащихъ въ низинахъ, по устройству и исправленію сельскихъ дорогъ, мостовъ, по обсадкѣ полей фруктовыми деревьями, по устройству скотныхъ сараевъ. Но въ то же время онъ требуетъ отъ сельской администраціи наблюдать, чтобы въ селахъ не было чаровницъ, чтобы крестьяне вѣрили въ одного Бога и не выдумывали бы себѣ иныхъ боговъ, чтобы всѣ учились вѣрѣ, молитвамъ и совершали крещеніе надъ младенцами [1]).

Таковъ взглядъ на крестьянъ официальныхъ памятниковъ и лицъ, призванныхъ проводить ихъ въ жизнь. Если у послѣднихъ гуманные взгляды часто выступаютъ довольно рельефно, то не слѣдуетъ забывать, что они высказывались въ эпоху наибольшаго нравственно-религіознаго подъема въ обществѣ и въ то же время исходили изъ представленія, что крестьяне заблудшія овцы, жизнь коихъ должна быть строго регламентирована. Но официальныя уставы, имѣющія значеніе крестьянскаго законодательства, относятся къ этому сословію гораздо строже и эгоистичнѣе.

Подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ организовано было и несложное крестьянское управленіе. Наказъ имѣетъ общее значеніе, безъ отношенія въ мѣстностяхъ. Разсмотримъ теперь самый строй крестьянскаго управленія, и начнемъ его съ крестьянства устроеннаго на волочной системѣ.

Во главѣ села былъ поставленъ войтъ. Войтъ и войтовская власть не являются новостью для Западной Руси,

[1]) А. Вит., XXV, т. 91—92.

такъ какъ сельскія войтовства извѣстны еще съ XV вѣка. Но прежніе сельскіе войты имѣли судебно-административное значеніе въ частныхъ владѣніяхъ [1]), что вполнѣ совпадало съ характеромъ и происхожденіемъ войтовской власти и съ ея прототипомъ въ нѣмецкомъ правѣ. Войтовская же власть по волочной уставѣ носитъ особый характеръ.

Войтъ является только прикащикомъ, дѣйствующимъ по предписаніямъ старостинской администраціи. По порученію вряда, онъ выгоняетъ людей на работу, или для платежа чинша и другихъ податей. Онъ представляетъ на судъ крестьянъ, замѣняя собою въ этомъ случаѣ древняго депкаго. При исполненіи крестьянами тяглыхъ работъ, онъ является въ качествѣ пристава при людяхъ своего войтовства. Съ ними же онъ отвозитъ хлѣбъ и сѣно, собираемыя натурою. Онъ наблюдаетъ за исправностью межъ на незанятыхъ волокахъ и исправляетъ границы волочныхъ участковъ. Онъ наблюдаетъ за правильностью границъ и въ случаѣ ихъ нарушенія крестьянами докладываетъ о томъ вряду. На старостинскомъ судѣ войтъ обязанъ быть и „справедливости подданымъ допомогати“. У него долженъ быть счетъ штрафамъ, наложеннымъ судомъ на крестьянъ, и этотъ счетъ онъ представляетъ ревизорамъ; при этомъ онъ обязанъ наблюдать, чтобы старостинскій судъ не взималъ штрафовъ и пересудовъ свыше назначенныхъ уставою, а въ противномъ случаѣ долженъ объ этомъ докладывать ревизору. Однако самъ войтъ во всѣхъ отношеніяхъ подсуденъ тому же старостинскому суду; только староста не можетъ лишить войта его должности безъ согласія ревизора. Самъ войтъ и

[1]) Болѣе древнія грамоты на сельскія войтовства очень рѣдки. Одна изъ древнѣйшихъ—эта грамота, выданная Якубомъ Несторовичемъ въ 1469 г. слугѣ своему Ѳедору на сельское войтовство въ с. Блунковичахъ Дорогицкаго пов. По этой грамотѣ, войтъ не только администраторъ, но и судья, какъ и городской войтъ: „Войтъ маеть судити немецкимъ правомъ майтборскимъ, и маеть на себе брать вину, которая сказана будеть тымъ же правомъ майтборскимъ, третій нѣнязь, выменяючи нѣкоторыи членки и суды, каторыи суть захованы на право земское“ Записки науковаго товариства імени Шевченка, 1896, кн. I, Miscelanea.

сельскіе лавники не имѣютъ права судить въ селѣ; имъ запрещается также брать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ „подачки“ отъ крестьянъ. Однако войтъ обязанъ о всякой „шкодѣ господарской“ докладывать вряду или ревизору; онъ обязанъ также слѣдить за тѣмъ, чтобы врядъ не бралъ съ крестьянъ „окуповъ“ за работы; а если возьметъ, то войтъ обязанъ доложить объ этомъ ревизору. За всякій проступокъ по службѣ войтъ подлежитъ наказанію штрафами и въ довольно значительномъ размѣрѣ (въ однихъ случаяхъ по рублю грошей, въ другихъ по копѣ); за самовольную же раздачу пустыхъ волокъ, или же за утайку о такой раздачѣ передъ ревизоромъ, если бы она была совершена державцею, войтъ наказывается „яко злодей горломъ“. На каждое войтовство полагается 2 3 села, около ста волокъ. За свою службу войтъ имѣетъ одну волоку, свободную отъ податей, а другую на чиншѣ; впрочемъ въ тяглыхъ войтовствахъ, по позднѣйшему добавленію къ уставѣ, войтъ имѣлъ двѣ волоки, свободныхъ отъ платежей.

Въ каждомъ селѣ были сельскіе лавники, по два и по три, иногда больше. На ихъ обязанности лежало ближайшее наблюденіе за ненарушимостью волочныхъ границъ, а въ остальныхъ случаяхъ лавникъ являлся ближайшимъ помощникомъ войта.

Такъ было устроено крестьянство въ литовскихъ державахъ.

Волочная устава даетъ также краткую схему для управленія городовъ, не имѣющихъ привилегій. Схема эта заключается въ опредѣленіи нормы чиншевыхъ платовъ съ городскихъ и пригородныхъ земель, въ освобожденіи отъ стацій и другихъ повинностей на врядъ; устава опредѣляетъ капщизный платъ съ корчемъ, оброкъ съ мясоторговцевъ, она налагаетъ также оброкъ и на мѣщанскихъ коморниковъ, т. е. квартиронанимателей. Въ городахъ обѣщано установленіе торговъ. Во главѣ города стоитъ городской войтъ, обязанный наблюдать за порядкомъ и за „примноженьемъ пожитковъ господарскихъ“.

Но эти постановленія о городахъ не имѣли большого значенія; много большихъ и малыхъ городовъ имѣли тѣ или другія привилегіи, иныя города получили ихъ вскорѣ послѣ изданія уставы. Къ концу шестидесятыхъ годовъ многіе привилеи мелкихъ городовъ были пересмотрѣны и вновь подтверждены: эти новыя подтвержденія, сохраняя широкія „вольности“ даже за очень маленькими мѣстечками, стремились однако или удержать право „подаванья“ войтовствъ въ рукахъ господаря, или же предоставить мѣстной администраціи право контроля надъ дѣятельностью городской общины.

IX.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ изученію аналогичныхъ явленій въ русскихъ волостяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ черты, сходныя съ описанными выше, но есть и существенное различіе, заключающееся въ сохраненіи многихъ остатковъ древней общинной организаціи.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ реформъ для восточныхъ волостей было выдѣленіе города изъ волости въ самостоятельную податную и административную единицу. Города получили особыя уставы въ 1561 г. Такихъ уставовъ дошло до насъ нѣсколько (Оршѣ, Бобруйску, Рѣчицѣ, Могилеву); всѣ онѣ довольно однообразно составлены, за исключеніемъ Могилевской, такъ какъ этотъ городъ получилъ нѣсколько большія привилегіи и повинности его были болѣе сложны, чѣмъ въ другихъ городахъ

Прежде всего уставы весьма внимательно опредѣляютъ подати, шедшія съ мѣщанъ въ господарскій скарбъ, и отбываемыя ими повинности. Территорія городовъ разбита по волочной системѣ; подати взимаются за усадебные участки (садибные пруты), огородные, сѣнокосные и „застѣнковые“; положенъ также и чиншъ съ полевой земли. Каждый родъ земель обложенъ особо и сверхъ того имѣетъ еще подраздѣленія; напримѣръ, огородныя земли въ Бобруйскѣ дѣлятся

на овощные огороды и пашенные; повсемѣстно въ большемъ размѣрѣ взимается чиншъ съ усадебныхъ мѣстъ, выходящихъ на рынокъ, чѣмъ съ находящихся на улицахъ. Въ Могилевѣ, кромѣ того, мѣщане вносили особую плату съ волоки „за пригоны и иныя повинности старыя“ (отмѣненныя съ введеніемъ уставы). Такой же платъ взимался и въ Оршѣ.

Второй стороной уставы было регулированіе земскихъ повинностей. Взамѣнъ подводъ натурою введенъ подводный налогъ, согласно сеймовому постановленію 1551 г. [1]). Мѣщане освобождены отъ одной очень старой и тягостной для нихъ повинности—постройки замковъ на южной украинѣ. Они отбываютъ замковую работу только на свой замокъ. Эта работа мѣщанъ выдѣлена изъ обще-волостной раскладки, при чемъ мѣщанамъ назначены или извѣстныя части замка для работы (въ Бобруйскѣ), или же опредѣлена извѣстная часть ихъ работъ (въ Могилевѣ мѣщане дѣлаютъ четвертую часть); вѣроятно, такое же распредѣленіе установлено было и въ другихъ городахъ, хотя иногда уставы и говорятъ объ общей работѣ волости и города (Рѣчица). Мѣщане обязаны также содержать сторожу замковую и полевую, для каковой цѣли иногда имъ предоставляются извѣстные доходы (напр. въ Могилевѣ). Если сторожа отбывается совмѣстно съ волостью, то также опредѣляется часть, приходящаяся на долю мѣщанъ. Въ другихъ случахъ сторожевая повинность перелагалась на деньги, съ точнымъ опредѣленіемъ размѣра сбора съ „дыма“ (въ Бобруйскѣ). Сверхъ указанныхъ повинностей могилевскіе и оршанскіе мѣщане обязаны были еще и военною службою, въ случаѣ прихода на городъ непріятеля.

Такъ была устроена податная и повинностная сторона города. Въ ней видно очень обычное стремленіе всѣхъ реформъ того времени къ точному опредѣленію податей и повинностей.

---

[1]) Государ. хол., I, стр 685.

За опредѣленіями городскихъ платежей и повинностей слѣдовало изложеніе городскихъ „вольностей“. Объемъ послѣднихъ сообразовался съ значеніемъ города. Такъ, Бобруйскъ, повидимому, не получилъ никакихъ „вольностей“ (впрочемъ дошедшій до насъ текстъ уставы, кажется, не совсѣмъ полонъ). Точность повинностныхъ отношеній уже указываетъ на ту общую „вольность“, что мѣщане освобождались отъ разнообразныхъ „подачекъ“ на мѣстный врядъ. Въ уставахъ обычно дается и полный перечень потяглей, отъ которыхъ избавлялось населеніе, напримѣръ, отъ стаціи на пословъ и гонцевъ господарскихъ, отъ работъ на мѣстнаго старосту, отъ даванія ему жита, овса, сѣна, отъ волоченія на него неводовъ, забиванія езовъ, отъ подводъ для самаго державцы и его слугъ. Впрочемъ, въ немногихъ случаяхъ эти повинности сохранѣны; напримѣръ, въ Могилевѣ мѣщане должны выходить на „ратунокъ“ замковой мельницы, если вода угрожаетъ разоренію запруды; оршанскіе мѣщане обязаны работою надъ запрудою для замковой мельницы. Но это все очень ничтожные остатки весьма тягостныхъ въ дореформенное время повинностей.

Къ числу важныхъ городскихъ вольностей относится опредѣленіе о торгахъ, городскихъ доходахъ, городскихъ выгонахъ и входахъ.

Уставы назначаютъ городу извѣстный районъ, въ которомъ мѣщане могутъ брать лѣсъ на свои надобности, ловить рыбу, ставить „перевѣсы на звыклыхъ ловищахъ“, бить езы. Только ловля бобровъ вопрещалась мѣщанамъ.

Тѣ же уставы разрѣшаютъ устраивать въ городахъ въ извѣстные дни недѣли торгъ; на этотъ торгъ могутъ пріѣзжать волощане и иногородніе купцы и торговать въ розницу; но непроданный въ этотъ день товаръ можетъ быть проданъ въ слѣдующіе дни только оптомъ, при томъ только мѣщанамъ же; если же они не пожелаютъ закупить оставшійся товаръ, то тогда торговцамъ разрѣшается продать его въ розницу. Мѣщанамъ же разрѣшается ѣздить по волости для скупки товаровъ Нѣкоторыя изъ торговыхъ статей должны

были давать доходы на „скрынку мѣстскую“. Такими статьями въ Оршѣ былъ домъ гостинный, вага, воскобойня. Въ Могилевѣ сюда же шелъ оброкъ съ базарныхъ лавокъ краснаго товара, съ мясныхъ лавокъ, рыбныхъ и хлѣбныхъ. Остальные торговые сборы поступали на державцу. Мѣщанамъ обоихъ названныхъ городовъ разрѣшалось также изготовлять пиво и медъ на свои домашнія „потребы“, а въ Могилевѣ—оставлены были старинные „склады“ на нѣкоторые праздники.

Изъ только что изложеннаго выясняется, что самостоятельныя функціи городской общины были весьма незначительны. Устава разлагала изстаринную общинную организацію. Она выдѣляла городъ изъ волости, средоточіемъ коей онъ былъ до того времени. Она регламентировала податныя и повинностныя отношенія мѣщанъ къ скарбу и государству, устраняя такимъ образомъ для этихъ цѣлей необходимость общинныхъ „разрубовъ“ и „разметовъ“. Именно этого рода разрубы воспрещаютъ уставы, когда предписываютъ: „Мѣщане въ мѣстѣ маютъ вже отъ того часу перестати розрубовъ и розметовъ класти на мѣщанъ нашихъ: бо вже мѣщане отъ того вызволены и выняты суть“. Оршанская грамота, повторяя приведенное выше запрещеніе, дѣлаетъ оговорку, что если въ случаѣ „пильной потребы“ въ городѣ будетъ сдѣланъ разметъ, то онъ долженъ происходить съ вѣдома замкового вряда и отчетность въ немъ также должна быть сдана городскому обществу съ вѣдома того же вряда.

Уставы строго опредѣляютъ отношенія горожанъ къ представителямъ мѣстной администраціи, о чемъ рѣчь будетъ ниже, и вводятъ новую форму городского общиннаго управленія, которая является компромисомъ между формами стараго самоуправленія и магдебургіи.

Во главѣ города стоялъ войтъ со своими помощниками—сотниками. Уставы говорятъ о войтѣ, назначаемомъ администраціею. Но въ дѣйствительности войтомъ назначалось лицо, за которое ходатайствовало само городское общество. Въ господарскомъ листѣ 1562 года державцѣ оршанскому

князю А. С. Одинцевичу разсказывается, что оршанскіе мѣщане избрали себѣ войтомъ Мишку Мыльникова и били челомъ господарю объ утвержденіи его. Оказывается, что Мыльниковъ уже нѣсколько лѣтъ держитъ войтовство и теперь дѣло идетъ только объ утвержденіи за нимъ этой должности и о придачѣ ему на войтовство земли. Господарскій листъ въ короткихъ чертахъ объясняетъ и задачи войтовской должности: „абы во всемъ порядокъ въ мѣстѣ заховалъ, а самъ кривды и втисковъ мѣщаномъ и поддаными нашимъ тамошнимъ не маеть чинити, одно пожитковъ на войта з уставы належачихъ уживати маеть[1])“. Первые войты въ городахъ были утверждаемы самими ревизорами, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ уже впослѣдствіи получали господарское подтвержденіе. Такъ, въ 1561 году ревизоры Г. Воловичъ и М. Нарушевичъ установили на войтовствѣ въ Любечѣ Мануила Александровича, тамошняго боярина, „за которымъ и вси мещане любецкіе насъ просили“, говоритъ листъ; въ 1580 году этотъ войтъ получилъ великокняжеское подтвержденіе. Ревизоры опредѣлили и характеръ войтовской должности. Она состояла въ наблюденіи „добраго порядку“ въ старанiи о „пожиткахъ господарскаго скарба“, то есть о томъ, чтобы всѣ платы и доходы исправно поступали бы въ скарбъ, въ присутствіи при отдачѣ податей мѣстному вряду; наконецъ, въ разсмотрѣніи спорныхъ вопросовъ о межахъ, бортяхъ и о потравахъ на поляхъ; послѣдняя судебная функція войта оплачивается соотвѣтственными штрафами, размѣръ коихъ установленъ былъ уставою[2]).

Присматриваясь къ дошедшимъ до насъ городскимъ уставамъ, мы встрѣчаемъ съ бо́льшими подробностями тоже опредѣленіе войтовской должности, какое даютъ упомянутыя грамоты. На войта прежде всего возлагаются полицейскія обязанности по „догляданью порядка въ городѣ“; онъ долженъ „слушнѣ а ряднѣ справовати“ и „доносити“ замко-

[1]) Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 49.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VIII, т. III, р. 194 (издается мною).

вому вряду о городскихъ нуждахъ. На обязанности войта лежитъ забота объ умноженіи господарскихъ доходовъ, наблюденіе за аккуратной уплатой населеніемъ податей и судебныхъ штрафовъ; войтъ не самъ взимаетъ подати, но обязанъ присутствовать при ихъ отдачѣ, очевидно, для оказанія защиты жителямъ отъ поборовъ со стороны замкового вряда. Войту принадлежитъ очень незначительная часть судебныхъ дѣлъ, какъ мы уже видѣли. Войтъ также дѣлаетъ городскіе „порубы“ и „разметы“, собираетъ деньги „до скринки мѣстской“; на расходованіе городскихъ суммъ войтъ производитъ (въ Могилевѣ) сборъ „за вѣдомостью“ сотниковъ и „головнѣйшихъ“ изъ мѣщанъ. Вѣроятно, предполагался и контроль со стороны администраціи, потому что Бобруйская грамота говоритъ, что по желанію мѣщанъ войтъ обязанъ дать отчетъ мѣщанамъ въ расходахъ въ присутствіи замкового вряда. Вообще городской общинѣ предоставлена нѣкоторая доля участія въ городскихъ дѣлахъ. Правда, объ этомъ говоритъ опредѣленно только устава Могилеву. Здѣсь вся дѣятельность войта происходитъ по соглашенію съ сотниками и мѣщанами: „войты никоторыхъ справъ мѣстскихъ, безъ сполное намовы съ сотниками и иншими мѣщаны головнѣйшими, въ речи посполитой мѣста того становити и отправовати не маютъ“. Каждый изъ четырехъ сотниковъ получалъ „подъ свою справу“ „певную часть людей“; главнѣйшею обязанностью сотника было являться съ своею частью на замковыя работы и для обороны замка отъ непріятеля, т. е. онъ былъ военнымъ начальникомъ своихъ сотенъ [1]).

---

[1]) Уставы городамъ напечатаны: Могилеву—въ А. З. Р., III, р. 110, Рѣчицѣ—въ А. Ю. З. Р. IV, р. 128, Бобруйску—въ Актахъ Вил. XXV, р. 329, Оршѣ—въ А. Ю. З. Р. IV, р. 251. Послѣдняя устава помѣчена 1591 и выдана королемъ Сигизмундомъ III; но по тексту она представляетъ собою несомнѣнно уставу 1561 г., только подтвержденную этимъ королемъ, при чемъ по какому либо случайному обстоятельству опущены обычныя формулы подтвержденій, или же до насъ просто дошелъ неисправный списокъ, при томъ плохо изданный.

Нѣкоторыя изъ городовъ недолго управлялись на основаніи ревизорскихъ уставъ и получили магдебурское право, напр., Могилевъ, получившій себѣ грамоту въ 1578 г.[1]). Другіе же города и въ XVII в. управлялись по уставѣ. Когда происходила помѣра этихъ волостей на волоки, то уставы городамъ были даны вновь ревизорами[2]), но онѣ почти дословно повторяли уставы 60-хъ г., съ тѣмъ различіемъ, что вносили нѣкоторыя стѣсненія для мѣщанъ, особенно въ томъ, что онѣ воспрещали мѣщанамъ разъѣзды по волости для скупки у крестьянъ ихъ товаровъ и требовали, чтобы вся торговля сосредоточивалась въ городѣ, въ торговые дни.

Познакомившись съ устройствомъ управленія города, теперь уже выдѣленнаго изъ волости, мы перейдемъ къ устройству этой послѣдней. До сихъ поръ намъ не удалось найти текста волостной уставы 1560 г., хотя есть основаніе полагать, что такая устава, подробно регламентирующая волостные порядки, была издана. До насъ дошло описаніе трехъ волостей, сдѣланное ревизорами въ этомъ году (Гомельской[3]), Дубровницкой[4]) и Горбовицкой[5]) и отрывокъ одной волости Полоцкаго пов.[6]); но только къ одной изъ нихъ (Горбовицкой) приложено извлеченіе изъ уставы, касающееся повинностей; но въ источникахъ встрѣчаются намеки на общія постановленія, незанесенныя цѣликомъ въ текстъ описанія этихъ волостей[7]).

При такихъ условіяхъ, за отсутствіемъ актовъ, рисующихъ дѣятельность администраціи въ русскихъ волостяхъ, мы были бы лишены возможности хотя бы въ общихъ чертахъ опредѣлить тѣ измѣненія въ волостномъ устройствѣ,

---

[1]) Бѣлорусскій Архивъ, I. р. 27

[2]) Акты Вил., XXV, р. 153.

[3]) Акты Вил., XIII.

[4]) Археогр. Сбор. Вил., III.

[5]) Метрика Литовская; кн. Пер Лит XI. Устава напечатана въ прил.

[6]) А. Ю. З. Р., I, 229.

[7]) Напр., Археогр Сбор, III, р 272. Приложенія, стр. 74 и др. данницы на староства.

которыя введены были реформами. Но этотъ недостатокъ въ извѣстной мѣрѣ искупается позднѣйшими данными. До насъ дошли двѣ уставы волостямъ уже по переходѣ ихъ на волоки, именно устава для Могилевской волости; изданная сначала въ 1594 г.[1]) и потомъ занесенная въ общую ревизію волости 1604 г.[2]), и устава Бобруйской волости; она была издана ревизорами Стефаномъ Роговой и Адамомъ Шабловскимъ, оканчивавшими ревизію въ 1626 г.[3]). Эти уставы— уже вторичная ступень въ устройствѣ крестьянскаго управленія въ восточныхъ волостяхъ (послѣ 1560 г.). Но замѣчательно: несмотря на то, что волочная устава уже полвѣка дѣйствовала, въ западныхъ областяхъ, правительство не сочло нужнымъ ввести ее въ русскихъ волостяхъ и дало здѣсь новыя уставы; онѣ отличаются отъ волочной уставы 1557 г. сохраненіемъ многихъ особенностей, составляющихъ специфическія изстаринныя черты мѣстной волостной организаціи. Многое изъ того, что намъ только по намекамъ извѣстно изъ актовъ первой половины XVI вѣка о здѣшней волостной общинѣ, разъясняется въ этихъ уставахъ нѣкоторыми подробностями. Не трудно поэтому вынести полное убѣжденіе, что нѣкоторыя черты этихъ уставъ сберегли намъ особенности прежняго строя. Правда, есть постановленія, источникъ которыхъ нетрудно видѣть въ вліяніи волочныхъ уставъ. Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что дошедшія до насъ двѣ волостныя уставы во многомъ не однообразны: Бобруйская болѣе архаична, нежели Могилевская. По этой особенности Бобруйской уставы можно заключить, что она воспроизводитъ порядки, дѣйствовавшіе и въ 60 гг. Могилевская же находится подъ значительнымъ вліяніемъ волочной уставы 1557 г., сохранивъ лишь мѣстныя особенности, признанныя необходимыми. Такимъ образомъ получается возможность, на основаніи обѣихъ уставъ, опредѣ-

---

[1]) Вил. Археогр Сбор., I, p. 186.
[2]) Глав. Варш. Архивъ.
[3]) Акты Вил., XXV, p. 323.

лить какъ характеръ того устройства, которое оставалось дѣйствующимъ послѣ реформъ 60 гг. (разумѣется, далеко не въ полномъ видѣ), такъ и тотъ строй, который былъ введенъ окончательно съ переходомъ на волочную систему. Такъ какъ мы имѣемъ два типа уставъ, то естественно предположить, что эти уставы были дѣйствующими и въ другихъ волостяхъ. Можно сдѣлать также весьма вѣроятное предположеніе, что Бобруйская устава была болѣе распространенной, чѣмъ Могилевская; можетъ быть, даже послѣдняя стояла одиноко: Могилевская волость всегда шла впереди среди остальныхъ русскихъ волостей при измѣненіи въ нихъ изстаринныхъ порядковъ.

Послѣ сказаннаго мы можемъ обратиться къ вопросу объ устройствѣ крестьянъ въ восточныхъ волостяхъ, и начать слѣдуетъ съ того наиболѣе древняго пласта, который представляетъ собою Бобруйская устава.

Самая замѣчательная сторона Бобруйской уставы (и самая для насъ интересная)—это остатки волостного общиннаго самоуправленія. Въ этомъ отношеніи постановленія уставы дышатъ сѣдой стариной. „Издавна“, объясняетъ она, Бобруйская волость дѣлилась на двѣ половины и въ каждой до послѣдняго времени былъ особый старецъ, а въ каждомъ селѣ особый заказникъ. Старецъ — представитель волости; описаніе его обязанностей по уставѣ сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ о главѣ всей волостной общины дореформеннаго періода. Прежде всего старецъ, при помощи заказниковъ, побуждаетъ крестьянъ своего старченства къ своевременной уплатѣ чиншовъ и самъ присутствуетъ при отдачѣ ихъ вряду (какъ представитель волости). Если крестьянинъ почему либо не въ состояніи уплатить подати, старецъ долженъ знать о причинѣ неуплаты. Старецъ наблюдаетъ за цѣлостью границъ какъ всей волости, такъ и участковъ, снятыхъ крестьянами, для чего онъ долженъ провѣрять межи и граничные знаки и исправлять ихъ въ случаѣ надобности вмѣстѣ съ волостнымъ мѣрникомъ. За исправленіе межъ, нарушенныхъ крестьянами, въ пользу старца взыскивается

особый штрафъ съ виновнаго. Старецъ разбираетъ также дѣла по искамъ о бортныхъ деревьяхъ. Въ описаніи Дубровенской волости мы имѣемъ еще одну чрезвычайно любопытную черту: „водле уставы его королевское милость старецъ таковыя пустовскіе земли осаживати маетъ“ [1]). Въ этихъ чертахъ старцевой должности нельзя не замѣтить сходства ея съ постановленіями волочной уставы о войтахъ, но есть и существенное различіе: старецъ является самостоятельнымъ судебнымъ органомъ по межевымъ и бортнымъ дѣламъ, тогда какъ войтъ несетъ только полицейскія обязанности по наблюденію за межевыми знаками, а судъ находится въ рукахъ замковаго вряда. Войтъ также присутствуетъ при уплатѣ крестьянами чинша, но о недоимщикахъ врядъ самъ производитъ дознаніе, свидѣтельство же старца признается вполнѣ компетентнымъ.

Старецъ, далѣе, является во главѣ громады, когда она отбываетъ замковыя работы. На старцѣ лежитъ забота о пустыхъ волокахъ, онъ наблюдаетъ, чтобы на нихъ не было попорчено бортное дерево и не были бы нарушены межи. Сельскіе начальники, заказники, дѣйствуютъ по непосредственнымъ указаніямъ старца.

Всѣ перечисленныя функціи носятъ финансово-административный и частью судебный характеръ. Но въ рукахъ старца сосредоточиваются и сборы съ крестьянъ на общинныя нужды, именно волость дѣлаетъ для этихъ цѣлей въ своей средѣ „порубы“. Эти деньги расходуетъ старецъ и отдаетъ въ нихъ отчетъ волости, „когда волость захочетъ“, —въ присутствіи однако господарской администраціи или ревизора. Въ частности, старецъ собираетъ съ крестьянъ особый сборъ на наемъ и содержаніе замковой сторожи, нанимаетъ ее и передаетъ ее въ распоряженіе администраціи. Въ случаѣ, если волости приходится давать провіантъ жолнерамъ, то старецъ распоряжается раскладкой его по волости.

---

[1]) Археогр Сборн., III, 272

Устава не говоритъ, какъ совершались порубы, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, согласно старинѣ, они производились самими мужами подъ руководствомъ старца. Вообще самый фактъ сохраненія волостныхъ порубовъ и руководительства ими со стороны старца является очень архаичной чертой. Старецъ является представителемъ общины и тогда, когда она входитъ въ соприкосновеніе съ администраціей. Въ случаѣ судебнаго спора волостного человѣка съ подданымъ частнаго землевладѣльца, или другой волости, дѣло ведетъ старецъ, при которомъ только долженъ быть урядовый слуга.

Для исполненія своихъ обязанностей старецъ „по старой ревизіи“ (1560 г.) получалъ одну службу, освобожденную отъ податей и повинностей, а по введеніи волокъ—двѣ волоки на такомъ же условіи, и, „согласно старымъ обычаямъ“, при отдачѣ осенью чинша — по 2 гроша съ дыма, мѣркѣ овса и по курицѣ.

Устава нигдѣ не объясняетъ важнаго обстоятельства: кто выбираетъ старца — община ли, на основаніи стараго обычая, или же это дѣло перешло въ руки администраціи. Возможно, судя по практикѣ относительно городовъ, что правительство утверждало старцевъ, о которыхъ ходатайствовала волость.

Представителемъ села былъ заказникъ, тоже очень древняя должность. По распоряженіямъ старца, заказники „выгоняютъ“ крестьянъ на работы. Заказникъ напоминаетъ крестьянамъ о срокахъ уплаты податей, каковыя крестьяне отдаютъ при заказникѣ же; онъ же докладываетъ вряду о причинахъ, поведшихъ крестьянъ къ недоимкамъ. На заказникѣ лежатъ полицейскія обязанности: никто не можетъ держать у себя въ домѣ чужеволостца, или вообще бродягу, не доложивши объ этомъ заказнику, а заказникъ слѣдитъ, чтобы такіе люди болѣе трехъ дней не пребывали въ селѣ и въ противномъ случаѣ представляетъ ихъ въ распоряженіе вряда. Вообще всякаго рода порядокъ въ селѣ лежитъ на заказникѣ. Между прочимъ онъ наблюдаетъ за тѣмъ,

чтобы крестьяне своевременно ставили ограды на поляхъ и для огражденія выгона отъ засѣянной площади. Заказнику принадлежитъ и часть судебныхъ функцій—по дѣламъ, касающимся потравъ на поляхъ, а также роль вижа „въ иныхъ случаяхъ", т.-е. вѣроятно тогда, когда требовалось „огледанье" должностного лица. Впрочемъ, Горбовицкая устава предвидитъ случаи обращенія крестьянъ по дѣламъ о потравахъ къ вряду, но, повидимому, для крестьянъ эта инстанція не была обязательной. За свой трудъ заказникъ имѣетъ волоку, свободную отъ податей и повинностей.

Такимъ образомъ заказникъ въ извѣстныхъ случаяхъ былъ низшею инстанціей по отношенію къ старцу, въ другихъ—несъ самостоятельныя функціи.

Изъ сказаннаго ясно, что на сельскихъ властяхъ съ одной стороны лежали функціи административнаго характера, съ другой—они были общинными представителями и частью судьями. Общинная жизнь, несмотря на административное переустройство, еще сохранила нѣкоторыя свои особенности. Вообще община была отдѣлена отъ господарской администраціи старцами и заказниками и, можно думать, что въ средѣ самой общины жизнь шла интенсивнѣе, чѣмъ на это указываетъ устава. Не изъ чего не видно, чтобы общинныя власти находились въ большой зависимости отъ вряда, что даетъ право предположить значительную долю ихъ самостоятельности.

Прочность общинной изстаринной жизни подтверждается еще однимъ чрезвычайно важнымъ фактомъ—сохраненіемъ копнаго суда: вѣдѣнію этого суда подлежатъ „сельскія шкоды, совершенныя въ домахъ (domowe), на пашнѣ и въ лѣсахъ". Изъ этого ясно, что компетенціи копнаго суда подлежали гражданскіе иски (за исключеніемъ межевыхъ и бортныхъ въ районѣ волости) и согласно стариннымъ обычаямъ, и уголовныя преступленія, за исключеніемъ „рѣчей крававыхъ и гвалтовныхъ", судимыхъ врядомъ. Копа, собравшись, должна была искать виновнаго, т.-е. производить судебное слѣдствіе, и, найдя виновнаго, не могла однако под-

вергнуть его наказанію безъ вѣдома администраціи; на копѣ обязательно присутствуетъ замковый вижъ. Копѣ подсудны не только крестьяне, но и всѣ держатели волостной земли, къ какому бы классу они не принадлежали.

Копный судъ и право волостныхъ порубовъ—остатки болѣе широкой компетенціи старинной общины. Иногда дѣятельность ея могла проявляться и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, иногда сельская община брала всю застѣнковую землю и дѣлила между собою:—„если бы кто нибудь изъ крестьянъ снялъ застѣнокъ земли, или если бы все село разобрало всю застѣнковую землю и подѣлило между собою“, то устава опредѣляетъ извѣстную плату съ этихъ полей. Такимъ образомъ предполагалась возможной совмѣстная аренда земли и распредѣленіе ея между односельчанами. Дѣйствительно, при большей части селъ, какъ это видно изъ самаго текста ревизіи, доходъ съ застѣнковыхъ земель показанъ „огуломъ“, и въ немъ отдѣльныхъ арендаторовъ нѣтъ,—значитъ снимало землю все село. Эти указанія сходятся съ тѣми, которыя занесены въ Гомельскую ревизію 1560 г.: здѣсь подданые цѣлаго села берутъ пустовщины на оброкъ и распредѣляютъ пользованіе ими уже между собою [1]).

Таковы важнѣйшія особенности разбираемой уставы, вскрывающія слѣды общинной организаціи.

Что касается другихъ сторонъ уставы, то достаточно для насъ отмѣтить ихъ въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ. Общая задача уставы—опредѣлить точно повинности населенія и предѣлы власти старостинской администраціи. Подати и повинности разложены по волокамъ примѣнительно къ волочной уставѣ. Встрѣчаются и нѣкоторыя стѣсненія, обычныя въ то время, напримѣръ, запрещеніе крестьянамъ продавать свои продукты купцамъ въ селахъ, подъ предлогомъ охраненія крестьянъ отъ обмана скупщиковъ и для наблюденія за тѣмъ, чтобы не продавались мѣха, скупка которыхъ была монополіей вряда. Встрѣчаемъ и мельничную

[1]) Акты Вил XIII, 348, 352, 357.

монополію. Все это—обычныя черты той регламентаціи, которою сопровождались реформы. Черты указанной регламентаціи введены въ уставу несомнѣнно уже при переводѣ волостей на волоки. Дошедшій до насъ отрывокъ уставы 1560 г. (Горбовицкая устава), опредѣляя повинности съ службы, знаетъ только одинъ принципъ—устраненіе старыхъ повинностей или платежей на врядъ, такъ стѣснявшихъ населеніе. Эта устава требовала, чтобы державцы не пользовались для себя барщиннымъ трудомъ, отмѣняла старое волочебное, опредѣляла бирчее, писчее, пересуды, свадебныя куницы.

Могилевская устава является болѣе модернизованной. Во главѣ волости стоитъ войтъ, избираемый волощанами и утверждаемый ревизоромъ („на котораго се подданые зезволять"). Обязанности войта опредѣляются почти также какъ и волочной уставой. Онъ подсуденъ мѣстному вряду, но войтовство можетъ быть отнято отъ него только ревизоромъ. Подобно старцу онъ является представителемъ своего войтовства передъ врядомъ и передъ сосѣдними владѣльцами въ случаѣ тяжбы волощанина съ ихъ людьми. У войта въ каждомъ селѣ имѣются помощники въ лицѣ сельскихъ лавниковъ. Войтъ Могилевской уставы, какъ и войтъ волочной уставы, дѣйствуетъ несамостоятельно, но каждый разъ „за росказаньемъ врядовымъ". Онъ только низшій агентъ старостинской администраціи, обязанный обо всемъ ей доносить: „гдѣ кольвекъ обачившы шкоду короля его милости, урадови и ревизорови оповѣдать, ничого не укрываючы". При условіи такой зависимости отъ вряда, нельзя предполагать въ войтовской должности самостоятельности; а между тѣмъ устава требуетъ, чтобы войтъ докладывалъ ревизору о противозаконныхъ дѣйствіяхъ старосты, напримѣръ, о взяткахъ: „и того стеречь, абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ; а естли за его мовеньемъ того врадъ не пересталъ, маеть то войтъ ревизорови оповедать", подъ страхомъ наказанія. Не трудно предвидѣть, что такое представительство на дѣлѣ было фиктивнымъ.

Правда Могилевская устава признаетъ копный судъ въ томъ же объемѣ, какъ и Бобруйская. Она предоставляетъ общинной раскладкѣ уплату даней за рыбную ловлю, бобровые гоны и разверстку медовой дани по старымъ обычаямъ (въ тѣхъ случаяхъ когда новое распредѣленіе по волокамъ бортного дерева не совпадало съ прежнимъ). Но за то о волостныхъ порубахъ нѣтъ вовсе упоминанія. Такимъ образомъ общинная жизнь замираетъ съ введеніемъ новой уставы.

Что касается опредѣленія податей и повинностей, то въ этомъ отношеніи Могилевская устава совпадаетъ съ волочной, такъ какъ здѣсь были и осадныя волоки и тяглыя. Интересно и пока трудно объяснимо то обстоятельство, что относительно ухода изъ волости Могилевская устава вполнѣ повторяетъ постановленія волочной; между тѣмъ Бобруйская устава этого вопроса совсѣмъ не касается. Трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ случайнымъ пропускомъ или же къ этой волости данниковъ не считалось тогда еще возможнымъ во всей полнотѣ примѣнить это постановленіе. Выяснивъ сущность крестьянскаго устройства и управленія, мы можемъ перейти теперь къ старостинской администраціи.

X.

Вообще, крестьянскія реформы Сигизмунда Августа составляютъ цѣлую эпоху въ исторіи мѣстнаго управленія, стоя, конечно въ связи съ обще-земскими реформами. Объ реформы придали извѣстную стройность и законченность мѣстному управленію, отличавшемуся дотолѣ рудиментарностью и отсутствіемъ строгихъ опредѣленій. Старое управленіе характеризовалось разнообразіемъ принциповъ, лежавшихъ въ его основаніи. Однѣ области были построены по типу древне-русскихъ княженій (Витебская, Полоцкая, Кіевская), въ другихъ этотъ принципъ является значительно видоизмѣненнымъ, съ болѣе сложнымъ управленіемъ (земля

Волынская съ подольскими замками). На Жмуди встрѣчаемъ довольно строгую іерархію—тивуновъ, подчиненныхъ старостѣ. Рядъ окраинныхъ старостъ, начальниковъ мѣстныхъ военныхъ силъ, является самостоятельными правителями, непосредственно зависящими отъ великаго князя и его рады. Наибольшею неопредѣленностью отличалось іерархическое положеніе старостъ и державцевъ центральныхъ волостей и замковъ. Больше значенія имѣло соціальное положеніе этихъ старостъ, потому что тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ составу пановъ, вышедшихъ изъ повѣтовъ, выводили за собою и свои державы изъ-подъ власти воеводъ. Компетенція власти воеводъ, старостъ и державцевъ соединяла въ себѣ два принципа, различіе коихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становилось замѣтнѣе при развертывавшемся сословномъ строѣ. Державца былъ великокняжескимъ приказчикомъ по хозяйственной части и администраторомъ, власть котораго распространялась въ судебномъ, финансовомъ, военномъ и полицейскомъ отношеніи на земянство, мѣщанство и крестьянъ, съ многоразличными подраздѣленіями этихъ классовъ. Уже уставы дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ 1514 и 1529 гг. и послѣдовавшее за ними назначеніе особыхъ писарей этихъ дворовъ (предшественниковъ ревизоровъ) и куничныхъ писарей съ особою силою выдвигало хозяйственныя задачи старостинской власти, наряду съ стремленіемъ поставить ее въ ближайшую зависимость отъ скарба и давать отсюда направленіе дѣятельности мѣстныхъ агентовъ. Эти уставы являлись такимъ образомъ этапными пунктами къ реформамъ Сигизмунда Августа.

Все это разнообразіе и неопредѣленность административныхъ отношеній были устранены крестьянской и земской реформами. Еще до офиціальнаго утвержденія закономъ шляхетскаго самоуправленія сдѣланъ былъ крупный шагъ къ обособленію крестьянскаго сословія подъ управленіемъ державцевъ и старостъ: въ 1554 г. было издано постановленіе господаря и его рады, которымъ подданые господарскіе были совершенно изъяты отъ подсудности мѣстнымъ воево-

дамъ [1]); почти одновременно въ нѣкоторыхъ повѣтахъ появились земскіе суды [2]). Земская реформа 1565 г. узаконила шляхетское земское самоуправлоніе и новое дѣленіе по повѣтамъ. Неболѣшое число старостъ получили значеніе судовыхъ старостъ, т.-е. съ правомъ суда надъ шляхтою по нѣкоторымъ дѣламъ. Всѣ остальные старосты, державцы, тивуны превратились въ административно-финансовыхъ агентовъ господарскаго скарба, при чемъ хозяйственныя функціи ихъ были поставлены на первомъ планѣ. Подъ ихъ властью находились только подданые господарскіе селъ и городовъ, поскольку привилегіи этихъ послѣднихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ допускали вмѣшательство старостинской власти. Однако, между старостами сохранилось еще качественное различіе, независимо отъ того, было ли оно судовое, или нѣтъ. На практикѣ старосты украинскихъ замковъ были болѣе самостоятельны, чѣмъ скарбовые агенты центральныхъ державъ: украинскій староста восточной и южной украины былъ прежде всего комендантомъ крѣпости и командиромъ военнослужилыхъ людей не шляхетскаго званія (бояръ и слугъ). Значеніе украинныхъ замковъ въ эпоху Ливонской войны было весьма значительно. Хозяйство на обѣихъ украинахъ отличалось еще большимъ консерватизмомъ, населеніе чутко относилось къ своей старинѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣло и утвержденныя господарями грамоты. Сообразно этому и характеръ старостинской власти на окраинахъ и въ центрѣ былъ неодинаковъ, сблизившись только въ эпоху повсемѣстнаго проведенія волочной помѣры. Это обстоятельство побуждаетъ и изслѣдователя разсматривать функціи старостинской власти отдѣльно въ восточной и западное областяхъ.

Задачи старостинской власти въ восточныхъ областяхъ опредѣляются въ общихъ чертахъ тѣми великокняжескими

---

[1]) Малиновскій, Сборникъ мат., относящихся къ исторіи пановъ рады вел. кн. Литовскаго, p. 367.

[2]) Акты Вил., XVI, стр. 1.

грамотами, на основаніи которыхъ жаловалась господаремъ держава. Грамоты эти довольно однообразны[1]). Такъ напримѣръ въ 1562 г. Сигизмундъ Августъ жалуетъ пану Станиславу Довойнѣ державу Свислоцкую. Указавъ на то, что ревизорами учинена устава повинностей и платежей для всѣхъ русскихъ волостей въ томъ числѣ и для Свислоцкой, великокняжеская грамота передаетъ Довойнѣ державу на основаніи этой ревизорской уставы. Для того чтобы новый староста могъ нести службу господарю и относиться „ку поданымъ безъ обтежливости", онъ будетъ получать изъ податей съ державы 200 копъ грошей и доходъ „пенежный" (очевидно, судебные штрафы, двѣ трети коихъ обычно взимались на господаря) и все жито, получаемое съ волости. За уступку этихъ доходныхъ статей Довойна обязанъ держать на замкѣ въ готовности 30 всадниковъ. Съ этимъ „почтомъ" или частью его староста обязанъ являться на службу господарскую, куда ему будетъ приказано. Въ число „почта" онъ не долженъ принимать мѣстныхъ бояръ и слугъ замковыхъ, равно сюда же не входитъ и „почотъ" съ личныхъ имѣній старосты. Въ случаѣ посполитаго рушенія, Довойна обязанъ и свой „почотъ" съ собственныхъ имѣній держать тоже на замкѣ, если не придетъ предписаніе двинуть его куда нибудь въ другое мѣсто. Это — одна сторона требованій отъ старостъ. Другая сторона касалась его отношеній къ населенію. Объ этомъ грамота говоритъ такъ: „тежъ хочемъ мети, абы того с пильностью стерегъ, яко бы поддапымъ нашимъ надъ уставу никоторого обтеженья, онъ самъ, врадникъ и слуги его милости не чинили, але абы люди осаживали и пожитковъ нашихъ примножали подле набольшого баченья своего, уставы нашое не отъступуючи. А гдѣ бы ся то показано, жебы чимъ поддапыхъ обътеженья не ведле уставы заховался и чимъ зъ уставы и с постановенья нашого онъ самъ, або врадникъ его милости выступовалъ, а онъ бы того не дозрелъ, тогды за таковый выступъ маетъ

[1]) Ссылки см. на стр 263 Госуд. хоз., 8, I.

зложонъ быти съ того вряду и, хотя бы листъ на доживотье мелъ, таковый листъ и право ку помочи ему быти не маеть, кгдыжъ не для обътеженья, але для обороы и въспокоенья подданыхъ и для дозренья пожитковъ нашихъ вряды даемъ и именья наши врядникомъ злецаемъ [1]).

Дѣйствительно, уставы какъ городамъ такъ и волостямъ состоятъ прежде всего изъ предписаній, опредѣляющихъ власть старосты и размѣры взимаемыхъ имъ въ свою пользу сборовъ. Такъ, уставы городамъ упоминаютъ о запрещеніи мѣстному вряду пользоваться сборами стаціи, овсовъ и проч., что практиковалось раньше. Точно опредѣлены размѣры канцелярскихъ сборовъ, какъ бирчого, писчого, записного. Во всѣхъ городахъ торговыя пошлины собираются на замокъ, а въ Могилевѣ кромѣ того сюда же идетъ „обѣстка“ съ прибывающихъ иногородныхъ купцовъ; по позднѣйшей уставѣ 1639 года на старосту въ Бобруйскѣ идетъ сборъ съ мѣстныхъ мясниковъ. Для замковыхъ работъ, какъ это опредѣлено въ Могилевской уставѣ, староста совмѣстно съ войтами и сотниками вырабатываетъ извѣстную очередь. Иногда на старосту шелъ доходъ отъ перевоза черезъ рѣку, нѣкоторыхъ корчемъ, мельницы (въ Бобруйскѣ, по уставѣ 1639 г.). Повидимому, въ XVII в. усилилась власть старосты въ вопросѣ о назначеніи городского войта, какъ объ этомъ можно судить по позднѣйшей уставѣ Бобруйску.

Таковы предписанія, касающіяся спеціально городовъ.

Главнѣйшія черты собственно сельскаго устава сводятся къ слѣдующему. По Могилевской уставѣ, на старосту возлагается разслѣдованіе причинъ, приведшихъ того или иного плательщика къ недоимкамъ, и наказаніе тѣхъ изъ нихъ, которые могли бы своевременно уплатить. Врядъ имѣетъ наблюденіе за сельской торговлей. По Бобруйской уставѣ ему предоставляется монопольное право скупки у крестьянъ бобровъ „безъ кривды“ для продавцевъ, а мѣха нѣкоторыхъ другихъ звѣрей (напр. волка, куницы) даже таксированы.

[1]) Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 1 об.—5.

По Могилевской же уставѣ, крестьяне имѣютъ „вольность“ продавать мѣха на торгу. Уставы подробно опредѣляютъ всякаго рода сборы, взимаемые на врядъ, и очень заботливо стараются охранить крестьянъ отъ излишнихъ поборовъ и повинностей: „А надъ тые повинности описанные, яко на короля его милости, такъ и на врядъ, подданые волостные прымушаны быть не маютъ“. Врядъ не долженъ брать винъ и пересудовъ „надъ уставу“, а также „окуповъ“; „ни якихъ винъ, зарукъ и пожитковъ вымышленныхъ врядъ и нихто на подданыхъ вытегать не маетъ“; отмѣняется также и старый обычай брать на врядъ „отумерщины“ и „сбѣгщины“, но все имущество послѣ крестьянина должно переходить къ его женѣ и дѣтямъ.

Бобруйская устава совсѣмъ не занята вопросами касательно дворового хозяйства, очевидно потому, что оно тамъ не было заведено. Напротивъ, Могилевская устава содержитъ въ себѣ рядъ предписаній, опредѣляющихъ хозяйственную дѣятельность старосты; эти предписанія находятся подъ большимъ вліяніемъ волочной уставы, частью повторяя ее. Староста долженъ, согласно указаніямъ ревизоровъ, заботиться о постройкѣ мельницъ, и именно пользоваться для этой цѣли урочными днями крестьянской работы, чтобы наймомъ рабочихъ не сдѣлать большихъ расходовъ. Мельники находятся во всѣхъ отношеніяхъ подъ его ближайшимъ наблюденіемъ и въ юрисдикціи старостъ. Осада еще незанятыхъ волокъ лежитъ на заботливости старосты. Сѣнокосы, отмежеванные къ этимъ волокамъ, долженъ эксплоатировать староста и чинить съ дохода „личбу“ въ скарбѣ. Онъ оберегаетъ постройки на незанятыхъ волокахъ, ведетъ бортное хозяйство, если бортное дерево не разобрано крестьянами. Староста оберегаетъ всѣ „уходы“ и „уступы“ крестьянъ отъ захвата ихъ людьми сосѣднихъ владѣльцевъ и вообще подъ его наблюденіемъ волощане пользуются своими угодьями. Уже выше говорилось, что волощане переуступаютъ свои участки съ вѣдома вряда. Таковы довольно детальныя указанія старостѣ по хозяйственной части.

Что касается другихъ сторонъ компетенціи старостинской власти болѣе общаго характера, относительно обоихъ слоевъ населенія, то на первомъ планѣ надо поставить ея судебныя функціи. Подъ присудомъ старосты были всѣ лица, поселившіеся на грунтахъ староства, т. е. въ томъ числѣ и шляхта. Но судебная компетенція старосты обрисована источниками только съ внѣшней процессуальной стороны. Такъ, опредѣлены „платы“ „от приглѣданья присѣги“, то есть „отъ роты“, „отъ выданья святости до присѣги“, размѣры пересуда, „пямятнаго“, „децкованья“, „вижового“, штрафа отъ „вины битой“ (при искахъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ), или въ случаѣ примиренія до суда. По Могилевской уставѣ, еще и „иншая всякая вина“ отъ рубля десять грошей“. Наконецъ опредѣлено „потуремное“, „поколодное“, „записное“ отъ судовыхъ выписовъ, свадебныя куницы. Опредѣленіе только одной процессуальной стороны объясняется, конечно, тѣмъ, что старосты обязаны были руководствоваться Статутомъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ грамоты и ссылаются на Статутъ (напр. по Рѣчицкой грамоты навязка взимается по Статуту). Слѣдуетъ указать еще на одну подробность: судъ происходитъ въ праздничные дни, за исключеніемъ „прычины крававое и кгвалтовое“,—по Бобруйской грамотѣ. Это и есть судъ надъ „злочинцами и злодѣями“, которыхъ наказывать Могилевская устава предписываетъ по Статуту, но безъ „вины злодѣйское“, т. е. штрафа изъ имущества осужденнаго, какъ это практиковалось раньше. Однако, всякаго рода наказаніе не по суду вряду строго воспрещается, напримѣръ побоями. Характерная черта восточныхъ уставъ въ этомъ отношеніи сказалась въ томъ, что тѣлесное наказаніе, по Горбовицкой уставѣ, воспрещено даже по отношенію къ недоимщикамъ, что, какъ увидимъ, рекомендавалось примѣнять въ западныхъ державахъ.

Староста является судьей также и въ случаяхъ столкновенія подданыхъ съ его слугами, а также даетъ судъ и въ искахъ подданыхъ другихъ волостей, или лицъ къ управляемымъ имъ крестьянамъ, наконецъ, вчинаетъ иски отъ

имени своихъ подданыхъ къ боярамъ, попамъ и ихъ подданымъ; впрочемъ, по Бобруйской волостной уставѣ главная роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ старцу.

Староста несетъ и полицейскія обязанности. Это вытекаетъ изъ общаго характера его должности, уставы же опредѣляютъ только нѣкоторыя стороны этой дѣятельности. Староста долженъ наблюдать, чтобы корчмы ставились только на назначенныхъ мѣстахъ, преимущественно на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ волости не пролагались безъ нужды дороги, чтобы проѣзжіе не обижали подданыхъ, чтобы жолнеры и всякіе военные люди не грабили крестьянъ, чтобы казаки не ходили по волостямъ за „коледой“, или „волочебнымъ“; если солдаты причинятъ грабежи, то староста обязанъ произвести разслѣдованіе и представить реестры въ скарбъ для уплаты изъ ихъ жалованья.

Обращаясь къ положенію старостъ и державцевъ центральныхъ державъ, прежде всего нельзя не отмѣтить весьма существеннаго отличія въ постановкѣ здѣсь старостинской власти сравнительно съ восточными державами. Здѣсь старосты, державцы, тивуны—почти исключительно являются прикащиками. Волочная устава и наказъ старостамъ—цѣлые политико-экономическія трактаты, облеченные въ форму правительственныхъ инструкцій.

Главное вниманіе обращено на дворовое хозяйство. Обѣ инструкціи опредѣляютъ каждый шагъ дѣятельности скарбоваго прикащика. Сжавъ хлѣбъ, державца долженъ приступить къ распредѣленію его. Сначала онъ выдѣляетъ часть, слѣдуемую для костельной десятины. Затѣмъ распредѣляетъ число копенъ, нужное на сѣмена, на „отсопъ“ крестьянамъ, на мѣсячину для содержанія челяди, на выкормъ свиней; оставшійся озимый хлѣбъ распредѣляется на три части, двѣ идутъ въ господарское гумно, а третья—въ пользу державцы. Изъ яровыхъ хлѣбовъ державца получаетъ на содержаніе себя и своего двора четвертую часть, а остальныя три—идутъ „къ пожитку господарскому“. Остающаяся часть

хлѣбовъ поступаетъ въ продажу. Державца самъ транспортируетъ хлѣбъ въ Кенигсбергъ или Данцигъ, или же продаетъ на торгу, смотря потому, что выгоднѣе для скарба. Если дворъ находится невдалекѣ отъ портового города, то здѣсь рекомендуется устраивать хлѣбные склады. Впрочемъ, въ зависимости отъ скарбовыхъ нуждъ можетъ послѣдовать и иное распоряженіе относительно хлѣба. По хлѣбу державца долженъ вести строгую отчетность. Уставы высказываютъ также большую заботливость объ устройствѣ сушиленъ для хлѣба и гуменъ. При каждомъ гумнѣ долженъ быть особый, заслуживающій довѣрія, гуменникъ изъ подданыхъ; онъ ведетъ точный счетъ поступающему и выбираемому хлѣбу и свои реестры представляетъ ревизору (очевидно, для контроля самого державцы). Хлѣбъ долженъ быть хорошо вымолачиваемъ.

Второй стороной дворового хозяйства является забота о скотѣ. При каждомъ дворѣ полагается держать не менѣе двадцати коровъ и овцы. За скотомъ смотритъ особая служебница, рыкунья, въ помощь которой даются невольныя дѣвки. Скоту и приплоду ведутся особые реестры, провѣряемые ревизорами. Врядъ самъ продаетъ продукты скотоводства, но обязанъ ежегодно вносить въ скарбъ особую плату за каждую корову (по одному грошу) и за каждую овцу. Старый скотъ долженъ быть своевременно продаваемъ. Рекомендуется усиленно развивать скотное хозяйство, покупать коровъ. Гдѣ есть достатокъ въ сѣнѣ, совѣтуется держать воловъ на убой. Конскія стада находились въ спеціальномъ завѣдываніи конюшаго господарскаго, но лошади разсылались на кормъ по державамъ, почему державцамъ даются подробныя предписанія о способахъ „хованья“ лошадей.

Не забыто и огородное хозяйство: вездѣ должны быть заведены огороды, которые эксплатируетъ самъ державца, но за то ежегодно платитъ въ скарбъ по 12 грошей за каждый моргъ.

Вообще волочная устава и ревизорскія инструкціи весьма усиленно рекомендуютъ развивать дворовое хозяйство,

устраивать дворы, фольварки: при замкахъ и дворахъ подъ крестьянскіе участки совѣтуется оставлять только „непожиточные грунты".

Составители инструкцій очень хорошо понимали значеніе для хозяйства различныхъ прикладныхъ его сторонъ. Такъ, напр., была выражена большая заботливость о развитіи рыбныхъ ставовъ, мельницъ, совѣтовалось добывать желѣзную руду, гдѣ она встрѣчалась. По волочной уставѣ, бортное дерево должно находиться непосредственно въ завѣдываніи вряда. Державцы также должны заниматься охотою, ловить бобровъ—все въ цѣляхъ увеличенія скарбового дохода. Хотя лѣса были въ завѣдываніи особыхъ лѣсничихъ, но лѣсные участки находились и въ другихъ державахъ. Кромѣ того волоки разбивались въ лѣсахъ, и державцы обязаны были эксплоатировать эти лѣсныя пространства.

Кромѣ указанныхъ доходныхъ статей, на державцевъ возлагается и сборъ обычныхъ въ то время частновладѣльческихъ доходовъ, напр., мыта гребельнаго, торгового, наблюденіе за тѣмъ, чтобы солодъ приготовлялся только на господарскихъ мельницахъ.

Въ распредѣленіи земли на различныя хозяйственныя нужды вряду были даны самыя точныя предписанія, такъ что каждый клочекъ пахоти, сѣнокоса, лѣса былъ обмежованъ и имѣлъ опредѣленное хозяйственное назначеніе; фольварки устраивались по назначенію ревизоровъ или скарба, по крайней мѣрѣ съ согласія послѣдняго. Крестьянскія земли были выдѣлены, но эксплоатація незанятыхъ участковъ была стѣснена воспрещеніемъ сдавать ихъ на оброкъ. Державца дореформеннаго періода довольно свободно распоряжался раздачей земель на службы „до воли господарской". Такую же привиллегію сохраняютъ и теперь старосты окраинныхъ замковъ, широко раздававшіе боярамъ и шляхтѣ земли на боярской службѣ, что вызывалось военными соображеніями. Но наказъ, имѣя въ виду центральныя державы, строго воспрещаетъ тамошнимъ державцамъ раздачу свободныхъ земель

„до воли господарской“ земянамъ, своимъ слугамъ, или же господарскимъ подданымъ не на установленныхъ платахъ и повинностяхъ: такія раздачи должны быть отмѣняемы, по разслѣдованію каждый разъ со стороны подскарбія земскаго. Волочная устава опредѣляетъ, въ цѣляхъ контроля, и правила объ отводѣ державцами тѣхъ данинъ, которыя пожалованы великимъ княземъ: державца беретъ у имѣющаго пожалованіе данный листъ, отводитъ ему землю, а листъ представляетъ для свѣрки съ Метрикой подскарбію земскому.

Наконецъ, мы уже видѣли, что хозяйственная дѣятельность державцы проявлялась въ устройствѣ челяди, тяглаго и осаднаго населенія, въ пользованіи трудомъ его для хозяйственныхъ цѣлей и въ управленіи подданными. По отношенію къ управляемому населенію, мы уже знаемъ, державцамъ воспрещались всякія насилія, пользованіе трудомъ крестьянъ для своей выгоды, предписывается при взысканіи штрафа „побожне“ относиться къ крестьянамъ и т. д.

Наказъ предписываетъ, чтобы никто изъ державцевъ не бралъ на подданыхъ излишнихъ винъ, зарукъ, наметовъ и не посылалъ бы своихъ слугъ въ качествѣ „лежней“ въ домы подданыхъ. Староста является и представителемъ интересовъ крестьянъ при ихъ столкновеніяхъ съ сосѣдними владѣльцами, или съ подданными послѣднихъ. Онъ запрещаетъ шляхтѣ охотиться на крестьянскихъ поляхъ, пока не убранъ хлѣбъ, что обыкновенно дѣлаютъ шляхтичи, по словамъ уставы. Державцы добиваются „справедливости“, т. е. судебнаго разсмотрѣнія дѣла, когда искъ предъявляется его подданымъ къ подданому другой державы или землевладѣльца. Наконецъ, державца удовлетворяетъ иски подданыхъ къ его слугамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ державцы центральныхъ волостей находятся въ такомъ же положеніи, какъ и его собратъ на восточной окраинѣ. Между прочимъ волочная устава повторяетъ категорическое требованіе, чтобы воеводы виленскій и троцкій, а также староста жомойтскій не судили бы старостинскихъ подданыхъ. Вообще, въ отношеніи суда предписанія волочной уставы совершенно анало-

гичны съ тѣми, которыя даны въ уставахъ восточнымъ волостямъ, почему нѣтъ нужды повторять ихъ.

Отношенія державцы къ скарбу точно опредѣлены. Онъ пользуется извѣстными доходами отъ хозяйства: ему идетъ „третій снопъ“ собраннаго озимаго хлѣба и четвертый ярового, полный денежный и хлѣбный платъ съ каждой десятой волоки, кромѣ овса и сѣна; изъ урожая дворового сѣна онъ получаетъ пятую часть, а отъ судебныхъ штрафовъ—третью.

По общему обычаю державца могъ замѣнять себя въ управленіи державою и имѣть своихъ слугъ, но за нихъ онъ является отвѣтственнымъ.

Къ числу обязанностей державцы принадлежитъ также и наблюденіе за замкомъ, если таковой имѣется въ его старостве. Староста долженъ наблюдать, чтобы орудія на замкѣ были въ исправности, чтобы былъ въ достаточномъ количествѣ матеріалъ для изготовленія пороха и снарядовъ. Замковыя постройки также находятся въ его вѣдѣніи. Староста несетъ и военную службу. По общему правилу, всѣ врядники должны были нести замковую военную службу со своихъ врядовъ; количество ихъ „почота“ опредѣлялось подскарбіемъ земскимъ; старостинскій урядовый „почотъ“ состоялъ изъ мѣстныхъ бояръ.

Вообще въ проявленіи своей разносторонней дѣятельности державца подлежалъ самому строгому и скрупулезному отчету и контролю. Это мы уже видѣли при разсмотрѣніи вопроса о дѣятельности ревизоровъ. Этой стороной весьма заняты и наказъ и волочная устава. Державца обязанъ держать особые реестры, характеризующіе „маетность“ каждаго подданаго и доходъ, идущій съ него въ скарбъ. Онъ ведетъ судебныя книги съ точнымъ поименованіемъ налагаемыхъ штрафовъ и наказаній. По всѣмъ сколько нибудь сложнымъ дѣламъ державца долженъ руководствоваться указаніями ревизора или испрашивать разрѣшеніе у скарба. Съ подробными регистрами и счетами каждый державца ежегодно является въ скарбъ для взноса доходовъ и для

провѣрки его отчетовъ. Для каждой державы былъ назначенъ особый день для принятія въ скарбѣ счета (съ 1 января до конца мая). Неявившійся для отчета безъ законныхъ основаній немедленно подлежитъ взысканію: въ его имѣнія посылается господарскій дворянинъ для „увязанья“ за скарбовый долгъ.

Таковы отношенія старостъ и державцевъ центральныхъ державъ къ сельскому населенію.

Что касается городовъ, то уже было упомянуто, что волочная устава даетъ нѣсколько указаній по управленію ими, исключительно со стороны податной. Но эта схема имѣла незначительное примѣненіе на практикѣ. Уже въ первые годы XVI вѣка вся Подляхія и западная окраина были усѣяны мѣстечками, получившими грамоты на осады на магдебургскомъ правѣ, съ обычными условіями и большею частью съ выборнымъ войтомъ. Эти грамоты для большинства городовъ были обновлены въ 60-хъ г.г., при чемъ замѣтно стремленіе усилить контроль и старостинскую власть надъ городами. Возможность обновленія мѣстечковыхъ привилегій объясняется тѣмъ, что данныя Сигизмундомъ Первымъ грамоты обыкновенно были предварительными привилегіями на осаду, за которыми уже должны были быть выданы жителямъ настоящія магдебургіи [1]). При выдачѣ послѣдней и оказалось возможнымъ ввести постановленія, усиливавшія власть администраціи. Это выражалось, напр., въ томъ, что мѣщане избирали себѣ войта съ согласія державцы [2]), или даже въ томъ, что войтовская власть присваивалась мѣстному старостѣ [3]). Городскіе общинные сборы ставились подъ контроль замкового вряда [4]). Важной стороной городской жизни была самостоятельность при собираніи господарскихъ и земскихъ налоговъ и въ распредѣленіи повинностей. Но полнота общинныхъ правъ въ этомъ отношеніи сводилась къ мини

[1]) Кн Зап. Лит. XLVIII, л 318 об. (Грамота Пещаткѣ 1569 г)
[2]) Кн Зап Лит. XXXIX, л 601 об. (Грам. Перерослю).
[3]) А. Ю З. Р, I, 165.
[4]) Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 319 об. (Пещаткѣ).

муму, потому что ревизія, согласно волочной уставѣ, облагала всѣ участки опредѣленными налогами. Въ грамотахъ мы обычно встрѣчаемъ постановленія, что или мѣстный врядъ, войтъ и лавники сами собираютъ подати и сдаютъ ихъ державцѣ [1]), или же что городской врядъ непосредственно вноситъ ихъ въ господарскій скарбъ, „какъ въ привилегированныхъ городахъ“ [2]), но въ дѣйствительности при городскихъ сборщикахъ бываютъ особые служебники державцы, для контроля [3]). Очень хорошо извѣстно, что съ конца XVI вѣка усиленіе административной власти надъ городомъ повело къ безконечнымъ спорамъ городскихъ общинъ съ администраціею.

Таково положеніе новой администраціи, какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ старостваxъ. Уже достаточно выяснено какъ различіе старостинской власти обѣихъ частей государства, такъ и общій характеръ ихъ дѣятельности. Слѣдуетъ только пояснить, что постановленія господарскихъ уставъ не были теоритическими предписаніями. Факты текущей дѣятельности старостинской администраціи свидѣтельствуютъ, что господарскій скарбъ нашелъ гибкое орудіе, на которое онъ съ удобствомъ могъ опереться. Мы не будемъ слѣдить за разнообразными проявленіями этой дѣятельности, такъ какъ это значило бы въ значительной мѣрѣ повторить уже сказанное. Но сдѣлаемъ нѣсколько бѣглыхъ указаній для подтвержденія только что сказаннаго. Такъ, старостинскій врядъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ сборщика господарскихъ податей [4]). Изъ земскихъ податей державца собиралъ подводные пенези, [5]), серебщину [6]); онъ же „осажи-

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 363 (Грам. Меречу 1569 г.), Кн. Зап. Лит. XXXVII, л 438, Кн Пер. Лит, IX, л. 99.

[2]) Кн. Судн. Д. Лит. XLIV, л 104 (Грам. Августову 1564 г)

[3]) Кн. Судн. Д. Лит. LIII, л. 160 об.

[4]) Акты Вил. XI, 35, Кн. Пер. Лит. VII, л. 42.

[5]) Кн. Пер. Лит. IX, л 103.

[6]) Кн. Пер. Лит. VII, л. 51 об—52 об. Впрочемъ, о порядкѣ сбора при Стефанѣ Баторіи см. А. З. Р, III, 193.

валъ до везенья“ недоимщиковъ земскихъ налоговъ [1]), черезъ него же идутъ всѣ извѣщенія жителей о срокахъ по уплатѣ податей или о льготахъ [2]). При развитіи монополій и косвенныхъ налоговъ, финансово-полицейская роль старостъ получаетъ особо важное значеніе. Староста запродаетъ солодовни [3]), корчмы [4]), завѣдуетъ перевозомъ [5]) и торговыми сборами, наблюдаетъ за правильными взносами арендатору „малыхъ поборовъ“ платежей, взимаемыхъ съ жителей [6]), контролируетъ проходящіе черезъ таможню товары, принадлежащіе шляхтѣ [7]), содѣйствуетъ поимкѣ контрабандистовъ [8]) и т. д. Въ военное время роль державцевъ была очень важна по снабженію войска провіантомъ. Господарскіе дворы были обширными складами припасовъ. Вмѣсто собиранія хлѣба въ гумна и продажи его, по приказанію господаря, державцы транспортируютъ жито и овесъ на театръ военныхъ дѣйствій [9]), или въ украинные замки [10]); такъ какъ по уставѣ предполагалось собирать съ жителей дани хлѣбомъ и живностями въ натурѣ или деньгами, то иногда приказывалось державцамъ собрать весь хлѣбъ дякольный, барановъ, сыры, куръ и отправить въ войско [11]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ у крестьянъ брали хлѣбъ вмѣсто денежныхъ сборовъ съ тою же цѣлью [12]), замѣняя такимъ образомъ всѣ платежи хлѣбнымъ сборомъ [13]). Бывали случаи, когда вывозъ хлѣба и живности за границу совсѣмъ воспрещался

---

[1]) Кн. Зап Лит. LII, л. 5—5 об.

[2]) Кн. Судн. Д. Лит. LIII, л. 100 об.

[3]) Кн. Зап Лит. XXXVII, л. 381 об.

[4]) Ibidem, л. 128 об.

[5]) Ibidem, л. 28 об.—29 об.

[6]) Бершадскій, Документы и регесты, II, 194.

[7]) Ibidem, 212.

[8]) Ibidem, 215.

[9]) Кн. Зап. Лит. XLV, л 87; Кн. Пер. Лит. VII, л. 59—60; Кн. Судн. Д. Лит. LIII, л. 24 об.

[10]) Кн. Зап Лит XIX, л. 16; Кн. Зап. Лит. XLV, л. 63 об.

[11]) Кн. Пер. Лит. VII, л. 58, л. 181 об.

[12]) Ibidem, л. 58.

[13]) Ibidem, л. 48.

господарскимъ мѣщанамъ и крестьянамъ, съ цѣлью монопольной скупки его казной, или пониженія цѣнъ. Проводить эти мѣры, наблюдать за ихъ исполненіемъ должны были старосты [1]). Если для войскъ надобились возы, ремесленники, пекари, пивовары, даже торговцы, то нарядъ и отправленіе этихъ людей возлагались на старостъ [2]). Держава также была мѣстнымъ отдѣленіемъ скарба: изъ нея выдавались различнымъ лицамъ „юргельты“, т. е. жалованье, денежное или хлѣбное [3]). Державца подыскивалъ въ своей державѣ земли, если кому либо предполагалось ихъ пожаловать [4]), или отводилъ уже пожалованныя [5]). Онъ же исполнялъ разнообразныя порученія скарба, господаря и его рады, по хозяйственной или административной части; ему напр., поручалось ловить дезертировъ изъ наемныхъ ротъ [6]), производить разслѣдованія о степени разоренія мѣстныхъ жителей [7]), набирать охотниковъ для пушкарской службы на замкахъ [8]), устраивать осочниковъ [9]), готовить конюшни для господарскихъ лошадей [10]), стаціи при проѣздахъ господаря. Староста также заботился о духовныхъ нуждахъ жителей, устраивая, наприм., церковные приходы [11]). На него же возлагаются также обычныя работы по устройству замка, снабженію его орудіями [12]), провіантомъ [13]), по ремонту укрѣпленія [14]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLV, л. 71; Кн. Пер. Лит., VII, л. 34—35.

[2]) Кн. Пер. Лит. IX, л. 126; Кн. Пер. Лит. VII, л. 77 об.—78 об.; Кн. Зап. Лит.. XLV, л. 89—90.

[3]) Кн. Судн. Д. Лит. LII, л 49; Кн. Судн. Д. Лит. LIII, л. 73.

[4]) Кн. Пер. Лит. X, л. 33 об; Кн. Судн. Д. Лит., LII, л. 131 об., л. 144.

[5]) Кн. Пер. Лит. X, л. 6 об; Кн Судн. Д. Лит., LIII, л. 21, л. 167 об.

[6]) Кн. Зап. Лит. XLV, л. 46.

[7]) Ibidem, л. 63.

[8]) Кн. Зап. Лит. XLIV, л, 92—93.

[9]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 119.

[10]) Кн. Пер. Лит. IX, л. 157 об

[11]) Акты Вил. III, 196.

[12]) Докум. Моск. Арх. М. Ю, I, 149; Кн. Зап Лит. XLVII, л. 1—2 об

[13]) Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 49 об.

[14]) Кн. Зап Лит XXXVII, л 192.

Таковы многостороннія обязанности старосты. Какъ видимъ, онѣ проявляются главнымъ образомъ въ хозяйственномъ и административно-полицейскомъ отношеніяхъ. Это и понятно, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ новой постановкѣ этой должности. Насколько это направленіе преобладало, видно и еще изъ одного важнаго обстоятельства. Въ тѣсной связи съ реформой старостинской власти, находились еще мѣропріятія по выдѣленію изъ нея главнѣйшихъ обязанностей по постройкѣ и наблюденію за замками, а также по командованію крѣпостью въ военное время. Староста оставался высшимъ командиромъ крѣпости въ обоихъ отношеніяхъ, но получалъ помощниковъ въ лицѣ городничаго и войскаго. Городничій и войскій—очень старыя должности въ Литовско русскомъ государствѣ. Но войскій въ прежнее время извѣстенъ только въ Подляхіи, а городничій бывалъ только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и то не всегда, преимущественно въ періодъ постройки укрѣпленій. Съ 60-го г. обѣ должности обновляются и вновь появляются при большинствѣ замковъ Троцкаго, Виленскаго и Волынскаго воеводствъ, частью на южной окраинѣ. Такъ, врядъ войскаго появляется или возобновляется послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва въ городахъ: Луцкѣ [1]), Ковнѣ [2]), Пинскѣ [3]), Мозырѣ [4]), Винницѣ [5]), на Жмуди [6]), въ Берестіи [7]), Новгородкѣ [8]), Витебскѣ [9]), Трокахъ [10]). Обязанность войскаго заключалась въ томъ, что онъ получалъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 14 об., 1566 г. Войское здѣсь установлено „яно и в иншихъ некоторыхъ повѣтехъ панства нашого".

[2]) Кн. Зап. Лит. LXV, л 142, 1582 г.

[3]) Кн. Зап Лит XXXVIII, л. 331, 1562 г.

[4]) Кн. Суди. Д. Лит. LII, л 275 об., 1570 г.

[5]) Кн. Суди. Д. Лит. LII, л. 109.

[6]) Ibidem, л. 8 об., 1566 г.

[7]) Кн. Зап. Лит. XLIX, л. 11, 1566 г.

[8]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л 39 об., 1566 г.

[9]) Ibidem, л. 382 об.

[10]) Ibidem, л. 384 об.

командованіе надъ крѣпостью въ военное время [1]). Войскій былъ земскимъ повѣтовымъ врядникомъ, городничій же—господарскимъ. Это—помощникъ старосты по дѣламъ крѣпости. Городничій наблюдаетъ за правильностью сторожи на замкѣ, за соблюденіемъ порядка въ запираніи и отворяніи замковыхъ воротъ, ремонтируетъ замокъ, заботится объ исправности замковыхъ орудій и снарядовъ [2]). На городничемъ лежала забота о замковыхъ „шпихлерахъ", т. е. о провіантскихъ магазинахъ [3]), иногда и нѣкоторыя частности городского хозяйства, напр. замкового фольварка [4]), сборъ капшины [5]).

Такимъ образомъ въ лицѣ городничаго староста получалъ помощника по завѣдыванію крѣпостью, а войскій замѣнялъ его въ командованіи замкомъ въ военное время. На старостѣ же главнѣйшимъ образомъ оставались обязанности по хозяйству, суду и полиціи. Но среди полицейскихъ функцій преобладали тѣ, которыя были связаны съ финансовымъ строемъ государства, или же съ хозяйствомъ староства, а судъ былъ одною изъ частностей крѣпостнаго хозяйства. Только въ восточныхъ староствахъ и на южной украинѣ до уніи староство сохраняетъ свое военное значеніе. Новыя особенности въ положеніи старостинской власти отразились и на условіяхъ „шафованья" староствами: они дробились на части, отдѣльные дворы и села, выдѣляемые или въ залогъ, или въ управленіе, переходили отъ отца къ сыну по господарскому пожалованію, отдавались въ пожизненное управленіе и т. п.,—подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ или служебныхъ соображеній.

Вышеизложенныя особенности старостинской власти не во всѣхъ отношеніяхъ были новы. И въ дореформенное вре-

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 54 об.; Кн. Суди. Д. Лит. LIII, л. 275 об.; Кн. Зап. Лит. XVII, л. 469 об.; Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 14 об.

[2]) Кн. Зап. Лит. XXXII, л. 28; Кн. Пер. Лит. VII, л. 126 об.; Кн. Суди. Д. Лит. LII, л. 359; Кн. Зап. Лит. XLVII, л. 53.

[3]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 387.

[4]) Кн. Пер. Лит. VII, л. 8 об.

[5]) Кн. Пер. Лит. IX л. 126 об

мя извѣстны такіе факты какъ пожалованіе доживотій, залоги и т. п.; но нельзя не замѣтить и значительной разницы: всѣ указанные случаи передачи державъ въ дореформенное время имѣли исключительный характеръ, теперь становятся обычнымъ. Далѣе, въ дореформенное время держава—была врядъ, должность общегосударственнаго характера, теперь державца—только прикащикъ части обширнаго великокняжескаго доменіальнаго хозяйства.

Новое положеніе державцы отразилось и въ іерархическомъ отношеніи. Не совсѣмъ опредѣленная ихъ зависимость отъ воеводъ (въ военномъ, судебномъ и, кажется, въ полицейскомъ отношеніяхъ), отъ поскарбія земскаго (по хозяйству и сбору податей) и отъ маршалка земскаго (по контролю при сдачѣ платовъ), не имѣла уже мѣста. Только на Жмуди, подъ охраною старинныхъ привилегій этой земли и настойчиваго здѣшняго земянства, тивуны сохранили нѣкоторую іерархическую связь съ мѣстнымъ старостой. Въ случаѣ, если тивунъ или его врядники не исполняютъ господарской уставы, или не желаютъ удовлетворить жалобъ на кривды со стороны поданныхъ, то ревизоръ объ этомъ доводитъ до свѣдѣнія старосты, а не скарба, какъ было по отношенію къ другимъ державцамъ, и староста уже дѣлаетъ распоряженіе объ исполненіи предписанія, въ присутствіи ревизора [1]).

Общее же положеніе было таково, что державца находился въ непосредственной зависимости отъ подскарбія земскаго и его скарбовой канцеляріи. Только дача державъ оставалась въ рукахъ господаря. Подскарбій земскій направлялъ дѣятельность старостъ, контролировалъ ее и взыскивалъ за неисправность. Впервые это положеніе державъ было санкціонировано господарскимъ листомъ 2 марта 1565 г. пану Миколаю Нарушевичу при назначеніи его на врядъ подскарбства земскаго [2]); но въ этой грамотѣ санкціонировано

[1]) Кн. Суди Д. Лит. LIII, л. 29 об.
[2]) Кн. Зап. Лит. L, л. 2—5.

лишь то, что уже къ этому времени было установлено практикой. Подскарбій земскій являлся полнымъ хозяиномъ во всемъ томъ, что могло вести къ расширенію пожитка господарскаго въ господарскихъ земляхъ, лѣсахъ, замкахъ, городахъ и волостяхъ; онъ устанавливаетъ здѣсь порядки, какія сочтетъ нужнымъ, и посылаетъ ревизоровъ для контроля по ихъ примѣненію. Поэтому всѣ старосты, державцы, намѣстники, тивуны и ревизоры обязаны давать подскарбію „вѣдомость и справу“ и „послушенство ку нему мѣти“, подлежатъ его суду по скарбовымъ дѣламъ. Льготы жителямъ по платежу податей зависятъ отъ подскарбія, онъ распоряжается работами лѣсныхъ товаровъ. Однако по отношенію къ окраиннымъ замкамъ, по дѣламъ военнымъ, онъ даетъ распоряженія съ совѣта и согласія остальныхъ пановъ радъ. Подскарбій земскій принимаетъ всѣ доходы отъ старостъ, державцевъ, городничихъ, тивуновъ и контролируетъ ихъ. Такимъ образомъ установлены были іерархическія отношенія между высшей администраціею и мѣстной.

Такъ была организована прочная администрація, завершившая собою все зданіе реформы. Не будемъ повторять частностей, вытекающихъ изъ предыдущаго изслѣдованія; онѣ достаточно подчеркнуты въ своемъ мѣстѣ. Отмѣтимъ только общее послѣдствіе: уничтоживъ изстаринный строй, создавъ скрупулезную опеку надъ крестьянамъ, реформа подошла къ тому же, къ чему клонились и др. особенности тогдашней жизни,—къ закрѣпленію крестьянства.

Заключеніе.

Прежде всего возстановимъ общіе контуры западно-русской общины.

Присматриваясь къ жизни общины въ періодъ, доступный для наблюденія, т. е. съ конца XV и въ первую половину XVI вѣковъ, не трудно вынести убѣжденіе, въ томъ, что мы наблюдаемъ общину въ періодъ крайне для нея неблагопріятный. Она ведетъ тяжелую борьбу съ администраціей, при чемъ постепенно утрачиваетъ нѣкоторыя изъ своихъ специфическихъ особенностей. Въ жизни общины того же періода наблюдается и другое неблагопріятное для нея явленіе; она распадается постепенно,—географически, вслѣдствіи уменшенія своей территоріи, потому что отдѣльныя села раздаются великимъ княземъ частнымъ лицамъ. Внѣшняя причина борьбы заключается въ стремленіи намѣстниковъ и державцевъ къ такому воздѣйствію на общину, которое бы приближало ее къ зависимому состоянію; стремленія державцевъ выражались въ увеличеніи сборовъ съ населенія, во вмѣшательствѣ во внутреннюю жизнь общины, вообще въ уничтоженіи ея самостоятельности и въ замѣнѣ выборныхъ органовъ ея своими слугами. Среди этихъ настойчивыхъ дѣйствій мѣстной администраціи весьма замѣчательны попытки ввести вновь, или увеличить и систематизировать барщинныя работы. Наблюдаемая борьба ведется повсемѣстно въ государствѣ, но выраженіе ея интенсивнѣе и носитъ болѣе серьезный характеръ тамъ, гдѣ община сохранилась прочнѣе, т. е. въ восточныхъ волостяхъ. Тутъ

населеніе прочно держится за свою традиціонную старину и на короткое время отдѣльныя волости даже успѣваютъ получить ея подтвержденіе отъ высшей правительственной власти.

Наблюдаемая въ такомъ освѣщеніи община даетъ два довольно легко отличимые пласта для выясненія ея сущности: можно отдѣлить нововведенія отъ той старины, которую защищаютъ крестьяне и которая корнями своими восходитъ къ глубокой русской древности. Новѣйшій пластъ— это усиленіе значенія общины, какъ податной единицы, разростаніе власти намѣстника, даже самое появленіе намѣстника въ волости. Волостная община иногда, по отношенію къ нѣкоторымъ своимъ сочленамъ, или въ нѣкоторыхъ западныхъ мѣстностяхъ, принимаетъ характеръ исключительно тяглаго союза, когда въ нее напр., привходятъ такія отъ нея оторвавшіяся части, какъ города на магдебургскомъ правѣ. Далѣе, интересъ центральнаго правительства къ увеличенію податей, или по крайней мѣрѣ къ правильному ихъ взиманію несомнѣнно увеличивается уже въ первое десятилѣтіе XVI вѣка: оно интересуется общиной съ чисто фискальной точки зрѣнія, заботится о присадѣ людей, дѣлаетъ попытки къ возвращенію расходящихся тяглецовъ. По отношенію къ однимъ общинамъ, именно къ западнымъ, правительственная власть уже въ началѣ XVI вѣка установила обычай широкаго вмѣшательства въ жизнь общины и въ значительной мѣрѣ разложила ее, по отношенію къ другимъ общинамъ, къ русскимъ волостямъ, оно еще держится принципа не нарушенія старины.

Всѣ эти наблюденія приводятъ къ тому заключенію, что въ данный періодъ жизнь общины подвергается постепенному разрушенію.

Если присмотрѣться къ общинѣ въ ея статическомъ состояніи, то оно представляется въ слѣдующей краткой схемѣ. Волостное населеніе состоитъ изъ гражданскиправоспособныхъ членовъ. Волость представляетъ собою группу селъ съ городомъ въ центрѣ, или безъ города. Она является

самоуправляющейся организаціей. Предѣлы самоуправленія волостной общины опредѣляются всѣми вопросами внутренняго распорядка, тяглыхъ отношеній къ государству и частью въ дѣлѣ суда. Для изслѣдователя виднѣе та сторона дѣятельности общины, которая относится къ выполненію тягла, потому что изслѣдователь наблюдаетъ общину при помощи актовъ, вышедшихъ изъ государственной канцеляріи. Тягло имѣетъ двоякій характеръ—чисто мѣстный и обще-государственный. Всѣ эти повинности и дани носятъ глубоко древній характеръ, что даетъ поводъ догадываться, что и организація ихъ взиманія и отбыванія имѣетъ свои корни въ той-же древности.

Кромѣ тягловой самостоятельности волости, или ея представителямъ принадлежала широкая административная власть, всѣ „справы“ въ волости напр., полиція и т. п. Къ административной дѣятельности волости слѣдуетъ отнести и извѣстныя отношенія ея къ волостной территоріи.

Волостная жизнь выражалась въ волостныхъ вѣчахъ, порядокъ которыхъ дышетъ глубокой архаичностью. Во главѣ волости былъ выборный глава ея, старецъ, на которомъ лежали исполнительныя функціи, раздѣляемыя имъ съ другими „лучшими людьми“, присяжниками. Кромѣ отношеній къ государству въ повинностномъ и судебномъ отношеніи, волость имѣла свой кругъ волостныхъ „потребъ“, на которыя дѣлала волостныя разметы, имѣла и общіе волостныя доходныя статьи. При заключеніи договоровъ, сдѣлокъ, она выступаетъ какъ лицо юридическое.

Несомнѣнно существуетъ извѣстное понятіе о цѣльности волостной территоріи, о волостной землѣ. Пользованіе ею опредѣляетъ кругъ лицъ, сельскихъ или сябринныхъ группъ, входящихъ въ составъ волости. Однако, права распоряженія волостной организаціи волостною землею не приняли,—вѣрнѣе сказать не успѣли принять,—такого характера, который придалъ бы волости свойства поземельной организаціи въ собственномъ смыслѣ: для расширенія правъ распоряженія землею волости еще не создалось подходящихъ

условій. Несомнѣнно, функціи волости въ этомъ отношеніи были значительно ограничены и являлись параллельными съ функціями старостинской администраціи. Не трудно вынести убѣжденіе въ томъ, что въ древнѣйшее время, т. е. когда волостная организація держалась прочнѣе, отношенія волости къ земельной территоріи могли и не получить достаточной опредѣленности ввиду обилія незанятыхъ земель и господства захватныхъ способовъ владѣнія. Но съ занятіемъ отдѣльными лицами наиболѣе годныхъ для эксплоатаціи частей территоріи, съ упроченіемъ и развитіемъ правъ на отдѣльные участки,—вопросы землевладѣнія и распредѣленія незанятой, или пустующей земли должны были получить извѣстную юридическую формулировку. Этотъ процессъ, по всей вѣроятности, уже совпалъ съ упроченіемъ власти намѣстниковъ въ волостяхъ, почему и отношеніе волостной общины къ поземельной территоріи не пріобрѣли необходимой опредѣленности.

Меньшей ячейкой волостной организаціи были городская община и сельская. Правда, внутренняя жизнь этихъ меньшихъ общинъ слабо вырисовывается на фонѣ нашихъ источниковъ.

Село имѣло своихъ представителей, конечно, избираемыхъ изъ числа мужей. Они носили названіе присяжниковъ, можетъ быть также сельскихъ старцевъ, старостъ, сотниковъ. У села или города были свои особыя дѣла, свои потребы, оно заключаетъ договоры, вступаетъ въ сдѣлки, имѣетъ свое сельское или городское общинное имущество и т. п. Легко предположить, что всѣ эти важныя общинныя дѣла рѣшались на сельскомъ или городскомъ вѣчѣ, имѣвшемъ совершенно аналогичное устройство съ волостнымъ.

Но село отличается отъ волости по отношеніямъ своимъ къ землѣ. Сельская территорія образовывалась путемъ освоенія ея силами всего села или отдѣльныхъ его организацій, спулокъ. При этомъ вырабатывались различныя отношенія къ сельской территоріи. На ней могла быть общая земля, принадлежащая всему селу, или же такія части сельской тер-

ріторіи, которыя находились въ спольномъ владѣніи всего села, или различныхъ дворищныхъ группъ. Наконецъ, въ понятіе о сельской территоріи входили и тѣ незанятыя пространства, которыя находились среди освоенныхъ уже земель и могли подлежать захвату только со стороны односельчанъ.

Таковъ былъ строй волостной и сельской общины.

Обращаясь снова къ строю волостной организаціи необходимо выдѣлить въ ней одну весьма важную черту. Она несомнѣнно носитъ всѣ признаки весьма архаичнаго института. Насколько было возможно по состоянію нашихъ источниковъ, мы тщательно оттѣняли всѣ наиболѣе древнія черты ея. Правда, ихъ немного. Но надо принять во вниманіе цѣлый рядъ соображеній, находящихся въ полномъ согласіи съ блѣдными штрихами позднѣйшихъ данныхъ. Общину мы наблюдаемъ въ періодъ распаденія; но крестьянство крѣпко отстаиваетъ свою старину. Нѣтъ основанія не довѣрять тѣмъ показаніямъ его, которыя возводятъ эту старину ко временамъ великихъ князей Витовта и Жигимонта, т. е. къ періоду устроенія Литовско-русскаго государства: всякая старина во всѣхъ случаяхъ государственной жизни всегда возводилась къ этимъ князьямъ, т. е. иными словами къ тому строю, съ которымъ данная область органически вошла въ составъ государства. Разумѣется, эта старина тогда, въ началѣ XV вѣка, не создавалась путемъ писаннаго закона, а состояла лишь въ признаніи, иногда закрѣпленномъ великокняжеской хартіей (напр. уставныя грамоты) исконнаго порядка вещей. Это вполнѣ совпадало съ консервативнымъ характеромъ всей административно-политической дѣятельности первыхъ великихъ князей Литовскихъ. Однако въ волостную жизнь вводились нѣкоторыя модификаціи сообразно условіямъ нового государственнаго строя, въ началѣ не нарушавшія сложившихся бытовыхъ и юридическихъ отношеній. Такой модификаціей было появленіе въ волости великокняжескаго кормленщика—намѣстника. Въ началѣ это была простая передача служилому человѣку великокняжескаго корма, шедшаго изъ волости, полюдія, въѣзда и су-

дебныхъ прерогативъ. Что великокняжескій намѣстникъ для многихъ волостей—явленіе уже Литовскаго періода, совершенно явствуетъ изъ нѣкоторыхъ фактовъ. Волости до присылки намѣстника судились высшимъ судомъ „на городѣ", т. е. у воеводы, замѣнившемъ собою древне-русскаго князя. Съ появленіемъ великокняжескаго намѣстника въ волости къ нему переходили судъ и другіе прерогативы намѣстника—воеводы всей земли. Впрочемъ и появленіе кормленщиковъ въ волостяхъ не было абсолютной новостью Литовскаго поріода. Новымъ было, во первыхъ, появленіе намѣстника изъ руки самого великаго князя, а не изъ мѣстнаго боярства, во вторыхъ, появленіе намѣстника въ волостяхъ безъ укрѣпленнаго центра въ городѣ и, въ третьихъ, болѣе широкое распространеніе этихъ посылокъ, сравнительно съ издавна намѣченными городками, гдѣ сидѣли княжескіе бояре.

Раздача городовъ въ управленіе, связанная собственно съ собираніемъ корма, мѣстнымъ боярамъ, по очереди и на короткій, годичный срокъ,—раздача составлявшая право большинства древне-русскихъ земель, представляетъ собою несомнѣнно явленіе, идущее изъ глубокой русской древности: эти бояре—кормленщики находятся въ прямой генетеческой связи съ тѣми княжескими боярами, которые получали въ управленіе города и собирали здѣсь „хлѣба и мясъ доволѣ". Но уже въ началѣ XVI вѣка это право древне-русскихъ земель постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто обычаю присылки, великокняжескихъ намѣстниковъ.

Есть еще одна аналогія, дающая не менѣе прочное подтвержденіе непосредственной связи западно-русской волости съ древнею Русью. Не случайно, конечно, волость древнѣйшаго Московскаго періода представляетъ собою черты, вполнѣ совпадающія съ западно-русской. По отношенію къ первой можно вполнѣ согласиться съ Градовскимъ, что „государство нашло общину готовою и воспользовалось ею".

Московская волость выполняетъ административно-полицейскія функціи, ея соцкіе и добрые люди сидятъ на судѣ.

намѣстника, оберегая интересы тяжущихся, наконецъ община здѣсь получаетъ самостоятельное право суда, что можетъ было лишь возвращеніемъ къ болѣе старому порядку вещей. Московская волость отстаиваетъ передъ судомъ свои земли, не говоря уже о раскладочно—податной ея дѣятельности. Наконецъ, московская волость ранняго типа состояла не изъ однихъ крестьянъ жившихъ на черныхъ земляхъ, но изъ всѣхъ, имѣвшихъ черныя земли, и освобожденіе отъ тягла съ волостью было уже привилегіей. Во главѣ общины стоитъ мірской староста и другіе выборные [1]). Это сходство общинъ обѣихъ половинъ Руси не случайное. Но съ теченіемъ времени московская община пріобрѣла специфически тяглый характеръ. Въ западно-русской общинѣ, въ новыхъ ея напластованіяхъ, легко замѣтить начало того же пути развитія. Этотъ путь однако былъ здѣсь прегражденъ финансовыми и соціальными реформами литовско-русскаго правительства.

Итакъ, общая схема въ положеніи волости Литовско-русскаго періода корнями своими укрѣплена въ княжескомъ періодѣ.

Но всматриваясь въ волостную жизнь, очень не трудно еще вскрыть одну интересную подробность: она построена по тому же типу, какъ и древне-русская земля, волость—княженіе, съ ея вѣчами, передними и молодшими людьми, самоуправленіемъ. Едвали слѣдуетъ колебаться въ признаніи волостныхъ старцевъ прямыми „потомками“ (какъ употреблялся этотъ терминъ въ литовско-русскомъ правѣ) градскихъ старцевъ (градскихъ,—потому что городъ былъ центромъ) сѣдой древности. Такъ западно-русская волостная организація дополняетъ наши свѣдѣнія объ отдаленной эпохѣ. Земля, претворившаяся изъ племеннаго союза, или изъ крупной его части, разбивается на отдѣльныя волости и волостки съ градами—центрами. Каждая такая единица имѣетъ тѣсную связь со всею землею, но внутри она самостоятельна и ор-

[1]) Градовскій, Собр. соч. II, стр. 219, 221, 227, 228.

ганизована по той общей схемѣ, какъ устроена и вся земля. Если такая волость достаточно велика, если ея градъ имѣетъ значеніе, въ ней можетъ быть княжескій посадникъ, даже князь. Въ сущности, въ древнѣйшій литовскій періодъ продолжается таже схема земскаго устройства. Земли Полоцкая, Смоленская, Витебская продолжаютъ составлять единое цѣлое, съ своими вѣчами, судомъ, особыми правовыми институціями; земля разбивается на отдѣльныя волости, однѣ изъ которыхъ имѣютъ очередныхъ бояръ—кормленщиковъ, другія,—связаны непосредственно только съ центральнымъ городомъ, но въ третьихъ уже сидятъ великокняжескіе намѣстники, присылаемыя „изъ Вильны".

Углубляя въ древность формы общинной жизни, какъ онѣ отлились въ западно-русской общинѣ, мы должны сдѣлать одну оговорку. Въ изучаемую эпоху мы наблюдаемъ соціальный строй состоящимъ изъ двухъ элементовъ, изъ горожанъ и жителей селъ. Близость обоихъ элементовъ, въ смыслѣ направленія занятій, въ общемъ весьма большая. Однако горожане не представляли собою вполнѣ однообразнаго класса, такъ какъ многіе изъ нихъ занимались торговлею, корчемствомъ, ремеслами. Это не выводило ихъ изъ строя волости. Такимъ образомъ волость не была сословной организаціей. Но примѣръ южно-русскихъ городскихъ общинъ показываетъ, что рамки сословныхъ дѣленій не ограничивали состава общины: относительно послѣднихъ есть достаточныя основанія полагать, что и мѣстное боярство, земянство принимало участіе въ общихъ дѣлахъ, хотя по своимъ частнымъ дѣламъ и составляло особую группу. Такая черта вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о древне-русскомъ земствѣ. Но южное земство, въ его древнѣйшемъ составѣ,—классъ общества, образовавшійся внѣ воздѣйствія центральнаго правительства: это вольные колонизаторы. Боярство Подвинья и Поднѣпровья носило иной характеръ, чѣмъ, по нашему мнѣнію, и объясняется разрывъ его съ волостною общиною: низшее боярство—это господарскій военно-служилый элементъ.

Изъ многихъ предыдущихъ замѣчаній выясняется еще одна сторона въ положеніи изслѣдованной общины. Въ нашемъ представленіи, въ литовско-русскій періодъ встрѣчаются три типичныя формы общинныхъ организацій: на первомъ должны быть поставлены старыя земли, вошедшія въ составъ государства, Полоцкая и Витебская, частью Смоленская,—земли, въ которыхъ слабость княжеской власти, періодами даже отсутствіе ея, создали прочный политическій строй, основнымъ проявленіемъ котораго была вѣчевая жизнь земства. Это политическая организація, дробящаяся на отдѣльныя мѣстныя автономныя единицы, частью и соціальныя. Другой типъ общинъ—общины, сгруппировавшіяся въ южныхъ украинскихъ городахъ. Особенности боевой жизни на татарскомъ пограничьи, особыя условія промысловой дѣятельности, усилили въ этихъ общинахъ одну сторону свойственную и древней Руси. Это собственно городская община въ томъ смыслѣ, что все свободное населеніе цѣлаго района имѣетъ городъ своимъ фактическимъ центромъ, даже и въ смыслѣ мѣстожительства. Это усиленіе значенія города—черта новая, ее не замѣтно въ древнихъ подольскихъ общинахъ, зависѣвшихъ отъ татаръ. Наконецъ, третій типъ общинъ—изслѣдованная нами волость, автономная часть нѣкогда самостоятельнаго политическаго тѣла, земли. Всѣ эти общины имѣютъ, въ основѣ своей, общиныя черты быта, который зародился одинаково вездѣ въ древнее время, когда вырабатывались формы общежитія у русскихъ славянъ. Но волостная община имѣла наименѣе условій, до нач. XVI в., т. е. до начала серьезной борьбы съ врядомъ, которыя способствовали бы измѣненіямъ въ ея строѣ. Заброшенныя среди лѣсовъ и болотъ, большею частью удаленныя отъ главныхъ водныхъ артерій, волости, бытъ которыхъ поддается наиболѣе подробной реставраціи, не играли политической роли, ихъ грады не пріобрѣли торговаго значенія; такими же уединенными организаціями онѣ перешли во власть великихъ князей литовскихъ и вошли въ составъ господарскихъ волостей; прочно сложившійся бытовой строй

и географическая отдаленность отъ скарба способствовали долгое время сохраненію изстаринныхъ особенностей автономной жизни.[1])

Изъ этихъ общинъ въ литовскій періодъ однѣ сохранились прочнѣе, другія въ ослабленномъ видѣ. Но для насъ важно, что по болѣе прочнымъ организмамъ можно выяснить ихъ строй.

Этими общими замѣчаніями мы можемъ ограничиться, такъ какъ изслѣдованіе вопроса о древне-русскомъ строѣ не входитъ въ нашу задачу.

Относительно соціально-юридическаго положенія членовъ волостныхъ организацій нами высказано предположеніе, что это были группы свободнаго крестьянства, носившаго наименованіе данниковъ по основной своей повинности. Это были вольные люди, селившіеся въ господарской волости, или переходившіе въ подданство къ частному землевладѣльцу. Отношенія землевладѣльца къ данникамъ выражались прежде всего въ томъ, что онъ обязанъ былъ ихъ „ховать“, какъ вольныхъ людей. Въ это „хованіе“ несомнѣнно входило и право суда, потому что даже шляхетные слуги, князья и земяне, подлежали суду своихъ пановъ; но въ случаѣ споровъ между паномъ и данникомъ, обѣ стороны обращались къ общему суду. Далѣе, крестьянинъ снималъ землю, заключая иногда письменный договоръ съ владѣльцемъ ея. Но чаще онъ садился на землѣ безъ договора, такъ какъ арендныя условія и бытовое положеніе арендато-

---

[1]) Высказывая эти соображенія, нельзя не припомнить мнѣнія, высказаннаго проф. М. С. Грушевскимъ, отправной точкой для котораго послужили извѣстныя изслѣдованія проф. Н. П. Дашкевича о болоховцахъ. Въ представленіи перваго, южныя общины, отрывочныя свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ источникахъ XIII—XIV вв., образовались вслѣдствіе оппозиціи княжеской власти. Это наблюденіе вѣрно только въ той его части, которая касается политической роли общинъ, но не формъ общиннаго строя и его происхожденія. Политическая дѣятельность общинъ, какъ и вообще древне-русскихъ волостей, оттого и была легко осуществима, что община представляла собою готовую организацію.

ровъ регулировались мѣстными обычаями. Уже съ конца XV вѣка можно наблюдать, что въ цѣлыхъ обширныхъ областяхъ вырабатывались однородныя условія, обязательныя для обѣихъ сторонъ; слѣдовательно, въ частномъ договорѣ не представлялось нужды. Данникъ могъ уйти съ своего участка, ударивъ челомъ господину и уплативъ отходное, согласно мѣстному обычаю. Повидимому, возвращеніе ссуды не было обязательнымъ, и господинъ могъ впослѣдствіи взыскивать путемъ гражданскаго иска свой долгъ. Вообще въ Западной Россіи ссуда не вела непосредственно къ закрѣпощенію, она могла выражаться въ особой формѣ зависимости—закупничествѣ. Сроки отхода крестьянъ и условія выхода здѣсь не получили строгой юридической опредѣленности. Живя на землѣ владѣльца, крестьянинъ однако долженъ быть оберегать свою свободу для того, чтобы не попасть въ число тяглыхъ людей: онъ же долженъ былъ „молчать“ при раздѣлахъ, продажѣ земли, при переходѣ по наслѣдству для того, чтобы не попасть къ новому владѣльцу укрѣпленнымъ на землѣ; онъ не долженъ былъ браться за господское дѣло и косою и топоромъ, потому что самый фактъ выполненія барщинной повинности служилъ для суда неопровержимымъ доказательствомъ крѣпостного состоянія.

Чѣмъ дальше можно заглянуть въ древнѣйшій періодъ, тѣмъ становится все болѣе и болѣе несомнѣннымъ широкое распространеніе вольныхъ данниковъ по территоріи древнерусскихъ земель [1]), въ позднѣйшее же время сплоченныя, господарскія волости и частновладѣльческія имѣнія, населенныя данниками, рѣдѣютъ по мѣрѣ приближенія къ центру отъ востока, къ воднымъ артеріямъ Нѣмана и Западнаго Буга. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что западно-русскій данникъ является непосредственнымъ преемникомъ древне-русскаго свободнаго смерда, и въ своемъ быту, въ своихъ отношеніяхъ къ владѣльцу земли, въ сво-

[1]) Преобладаніе свободныхъ данниковъ въ древнее время было уже отмѣчено В. Б. Антоновичемъ въ изсл. о крестьянахъ, Арх. Ю.-З. Р., ч VI т II. стр. 2.

ихъ даняхъ, въ экономическомъ строѣ, главнымъ образомъ выражавшемся въ добываніи „скоры и меду“, въ устройствѣ волостного и сельскаго быта сохранилъ глубоко-архаичныя особенности.

Рядомъ съ свободнымъ крестьяниномъ стоятъ другія формы зависимыхъ отношеній, тоже очень древнія, но иного порядка,—люди въ пенезехъ, закупы, закладни (полагаемъ что закупы и закладни—не одно и тоже), наконецъ „приказные слуги“ крупныхъ бояръ. Тутъ уже зависимость переходила на чисто личныя отношенія, выражавшіяся главнымъ образомъ въ подсудности и въ томъ, что господинъ направлялъ дѣятельность зависимыхъ людей, опредѣлялъ ихъ на ту или другую службу, преимущественно требуя отъ нихъ личныхъ услугъ.

Таковъ былъ соціальный строй древнѣйшаго періода, перешедшій и въ литовскую эпоху. Не говоримъ о холопахъ, потому что состояніе холопства выводило человѣка изъ соціальнаго строя.

Въ Литовскій періодъ между этими зависимыми элементами и крупнымъ боярствомъ и княжьемъ нарождается средній классъ, подходящій къ боярству по военному ремеслу и къ крестьянству по роду занятій и экономическому положенію; это военные слуги, путные бояре и панцырные, наконецъ мелкое боярство. Этого класса не знала древняя Русь, тамъ онъ и не могъ быть, потому что княжеская дружина и народное ополченіе удовлетворяли потребностямъ несложной военной службы. Литовское правительство несло болѣе отвѣтственныя обязанности по охранѣ обширныхъ границъ, требовавшія большого контингента войскъ. При первыхъ же князьяхъ и зарождается военно-служилый земледѣльческій классъ. Можно даже намѣтить полосу его наибольшаго распространенія—это пограничіе, начинающееся съ группы озерищскихъ путныхъ слугъ, проходящее черезъ всю Смоленщину и оканчивавшееся въ Кіевской землѣ; подвигаясь въ глубь страны, это боярство рѣдѣетъ и снова на западномъ

пограничьи, въ Подляхіи, оканчивается широкою полосой боярства и мелкаго земянства.

Обращаясь къ центральнымъ и западнымъ частямъ государства, мы здѣсь наблюдаемъ разрѣженность, иногда повидимому полное отсутствіе волостныхъ общинъ и характернаго для нихъ класса вольныхъ крестьянъ. Намъ представляется это явленіе не случайнымъ.

Историкъ не можетъ не отмѣтить нѣкотораго отличія въ соціальномъ строѣ собственной Литвы, сравнительно съ русскими землями, и отличія въ экономическомъ положеніи той же Литвы и ближайшихъ русскихъ земель, сравнительно съ восточными и сѣверо-восточными землями.

Здѣсь, на западѣ, земледѣліе является исконнымъ преобладающимъ промысломъ. Формы хозяйства—тоже имѣютъ свои особенности. Центромъ господарской державы или частновладѣльческаго имѣнія является господскій дворъ. Изъ двора не только исходитъ управленіе, но въ немъ и ведется господское хозяйство. Населеніе двора и сосѣднихъ селъ состоитъ изъ челяди, ремесленниковъ, живущихъ на ремесленныхъ службахъ (конечно, тоже челядиновъ по происхожденію), изъ пригонныхъ людей, отбывающихъ барщину, и изъ волостныхъ людей; но послѣдняя группа не многочислена, не вездѣ ее можно констатировать, а если гдѣ есть, то она быстро таетъ.

Основнымъ элементомъ двороваго населенія являются тяглые пригонные люди, иначе тяглые отчичи. Характернымъ признакомъ тяглаго отчича является прежде всего барщинная повинность: онъ ходитъ на господское дѣло съ серпомъ, косою, топоромъ. Онъ крѣпокъ къ землѣ, почему поступаетъ въ продажу, въ раздѣлъ, по наслѣдству вмѣстѣ съ землею, на которой сидитъ. Тяглый отчичъ не имѣетъ собственности (юридически, но не фактически). Разумѣется, онъ не можетъ уйти съ земли и господинъ можетъ искать его и его дѣтей неопредѣленное число лѣтъ. Конечно судъ, увеличеніе, или уменьшеніе повинностей зависитъ отъ господина.

Можетъ быть въ Литвѣ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ начала отливаться юридическая конструкція особой связи земледѣльца съ землею и подчиненія его господину земли,—зависимости, отличной и отъ закупничества, закладничества, приказной службы и отъ свободныхъ арендныхъ отношеній. Литовскій смердъ (такъ называютъ его только нѣмецкіе писатели) уже въ древнѣйшее время, въ XIII—XIV вв., какъ кажется, носитъ признаки подобнаго рода зависимости. Характерно, что даже древнѣйшая терминологія для обозначенія крѣпостного состоянія колеблется и ищетъ своего выраженія не въ русскомъ языкѣ, но въ мѣстномъ, или на языкѣ сосѣдей, гдѣ литовцы могли наблюдать аналогичное явленіе. Таковы названія: кметъ, коланный (colonus), коминецъ; коминецъ—рѣдчайшій случай юридичеткой терминологіи на литовскомъ языкѣ. Это именно человѣкъ крѣпкій землѣ, родившійся въ крѣпости, или же спеціально купленный для тяглыхъ работъ. Несомнѣнно, тоже значеніе имѣютъ и оба первыя названія; можетъ быть, оба термина указываютъ и на географическія мѣстности, откуда могло итти само понятіе, на Полшу и на Ливонскій орденъ. Русскій терминъ, тяглый отчичъ, получаетъ признаніе и распространеніе уже въ болѣе позднее время.

Кромѣ общей причины, покоющейся въ экономическомъ строѣ Литвы, можно опредѣлить и тѣ условія, которыя способствовали количественному развитію здѣсь крѣпостного класса. Стóитъ ознакомиться съ разсказами нѣмецкихъ лѣтописцевъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что уводъ въ плѣнъ людей тысячами, какъ въ Орденъ, такъ и обратно, былъ самымъ обычнымъ явленіемъ, сопровождавшимъ тогдашнюю войну. Благочестивые рыцари Христовы, уводя плѣнниковъ, обращали ихъ въ крѣпостное состояніе, ибо рабство не одобрялось церковью. Литовскіе варвары дѣлали тоже самое, уводя и коренное населеніе Ливоніи (русскихъ и латышей) и обратно своихъ же сородичей. Конечно, и литовцы не лучшую долю готовили своимъ плѣннымъ. Что плѣнъ велъ не только въ неволю, но и въ крѣпостное состояніе, пока-

зываетъ въ позднѣйшее время судьба плѣнныхъ татаръ или москвитянъ. Трудно сказать, почему разграничивали послѣдствія плѣна,—было ли тутъ какое нибудь юридическое основаніе, или въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положеніе плѣнника опредѣлялось волею его господина. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что челядинъ, посаженный на землю, тѣмъ самымъ превращался въ тяглаго отчича: это совершенно обычный пріемъ, практиковавшійся, напр., въ господарскомъ хозяйствѣ. Кромѣ плѣна были и другіе источники тяглой зависимости, какъ добровольный переходъ въ крѣпость, какъ слѣдствіе долговой зависимости, какъ поимка бѣглаго закупа и т. п. Но эти явленія, можетъ быть, выработались въ позднѣйшее время и не представляли собою особенности древняго литовскаго быта.

Съ другой стороны, въ древней Литвѣ были условія, не благопріятствовавшія развитію свободнаго крестьянства (въ юридическомъ смыслѣ). Въ Литвѣ преобладало родовитое и крупное боярство, haeredes, окруженное служилыми людьми. Литва много воевала, и всякій свободный человѣкъ, въ силу обстоятельствъ, или по обязанности превращался въ военно-служилаго. Въ Литвѣ, въ Подляхіи (русско-ятвяжская область, ранѣе другихъ слившаяся съ Литвой), частью на Жмуди была масса мелкаго боярства и земянства по государственой службѣ, или по службѣ у пановъ, и крестьянства по характеру занятій. Очень возможно, что каждый свободный литовецъ былъ уже воинъ; свободные литовцы—побѣдители, и тѣмъ самимъ они nobiles.

Что касается русскихъ земель, то необходимо различать двойственное ихъ отношеніе къ Литвѣ: однѣ изъ нихъ еще въ XIII вѣкѣ спаиваются съ Литвой, входятъ въ составъ наростающаго государства мелкими частями, въ видѣ пограничныхъ селъ, городовъ и волостей; онѣ выносятъ вмѣстѣ съ Литвою весь трудъ созданія обширнаго государства. Другія земли входятъ въ составъ государства позже и въ полномъ составѣ. Въ первомъ случаѣ обстоятельства способ-

ствовали объединенію позднѣйшаго центра въ соціальномъ отношеніи.

Если мы станемъ на только что обрисованную точку зрѣнія, то для насъ многое разъяснится и въ исторіи западнорусской общины.

Въ самой Литвѣ и въ сосѣднихъ съ нею русскихъ земляхъ былъ рядъ условій, неблагопріятствовавшихъ укрѣпленію волостной организаціи, такъ какъ выводилъ членовъ волости изъ ея состава. Мы не задаемся вопросомъ о томъ, была ли литовскому племени свойственна волостная организація, потому что отвѣта дать не можемъ. Но судя по аналогіи съ Жмудью и по нѣкоторымъ позднѣйшимъ даннымъ можно полагать, что волость и въ Литвѣ была, хотя въ ослабленномъ видѣ; нельзя только опредѣлить, была ли она здѣсь исконнымъ, или заноснымъ явленіемъ.

Итакъ, не отрицая проявленій общинной организаціи въ собственной Литвѣ, мы должны признать отсутствіе здѣсь условій, которыя способствовали бы развитію и укрѣпленію ея; наоборотъ, были условія, ведшія къ разрушенію и того, что заносилось изъ сосѣдней Руси. Поэтому, въ центрѣ общинная организація очень рано уступила мѣсто дворовому управленію.

Дворовое управленіе естественно зарождалось и укрѣплялось тамъ, гдѣ для того были подходящія условія, т. е. тамъ, гдѣ нужна была дворовая пашня, гдѣ для нея были челядь, ремесленники и тяглецы. Такъ какъ тутъ же существовали и волости не закрѣпленныхъ крестьянъ, то понятно, что представители мѣстной администраціи стремятся наложить свою руку и на общину. Тутъ также происходила борьба волостей и мѣстныхъ врядниковъ, которую можно констатировать въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ. Первоначально волость довольно отчетливо отличается отъ двора, но затѣмъ незамѣтно сливается съ тяглецами. Впрочемъ, и здѣсь были обширныя области, гдѣ волостное устройство, можетъ быть иногда въ ослабленномъ видѣ, дожило до реформъ половины XVI вѣка. Это можно наблюдать по отно-

шенію ко всей Жмуди, къ Берестейскому старостеу и къ нѣкст. др. мѣстностямъ.

Но во всякомъ случаѣ дворовое управленіе приводило въ однѣхъ волостяхъ, или даже державахъ къ полной потерѣ самостоятельнаго значенія волости, въ другихъ—пролагало вряду больше способовъ для вмѣшательства и контроля надъ крестьянскою жизнью. Такимъ образомъ, дворовое управленіе, какъ оно сложилось при Сигизмундѣ I, было одной изъ фазъ разрушенія общины; съ другой стороны, дворовое управленіе было прецедентомъ для тѣхъ мѣропріятій, которыя выработаны были Литовскимъ правительствомъ въ половинѣ XVI вѣка. Придавая такое значеніе дворовому управленію, мы, однако, не сочли нужнымъ подвергать особому изслѣдованію эту эпоху въ организаціи литовско-русскаго крестьянства, потому что это уже обстоятельно сдѣлано въ почтенномъ трудѣ проф. М. К. Любавскаго.

Свободное крестьянство, организованное въ самостоятельныя общины съ очень архаичнымъ строемъ, не могло удержаться независимымъ въ XVI вѣкѣ. Мы наблюдали одну сторону борьбы, которую крестьянство господарскихъ земель вело съ администраціею. Суть стремленій послѣдней сводится къ установленію барщины, къ увеличенію крестьянскихъ податей, къ контролю надъ жизнью крестьянина, къ отмѣнѣ самоуправленія, и наконецъ вообще къ прикрѣпленію. Аналогичная соціальная борьба происходила тогда повсемѣстно въ государствѣ и выражалась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Это была не только борьба общинъ, но борьба каждаго отдѣльнаго „похожого“ человѣка съ господарскимъ врядникомъ, или шляхтичемъ за свободу.

Уже около половины XVI вѣка замѣтно уменьшается количественно классъ перехожаго крестьянства; мелкому боярству, не успѣвшему стать въ ряды полноправной шляхетской братіи, преграждается выходъ; весьма многіе изъ нихъ, цѣлыми селами или въ отдѣльности, превращены въ число полныхъ тяглецовъ. Уменьшается даже количественно

закупничество и холопство. Всѣ эти разнообразные элементы быстро пополняютъ классъ тяглыхъ отчичей.

Борьба велась каждымъ отдѣльнымъ лицомъ противъ отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыми обществами противъ обществъ. Помѣщикъ, или господарскій державца подстерегалъ вольнаго похожаго человѣка, или боярина, чтобы обратить его въ тяглеца. Суды завалены массами дѣлъ о „привлащенін“ похожихъ и бояръ въ отчичей. Стоило боярину „пріубожать“, или снять сосѣднюю тяглую землю, пропустить одну-другую земскую военную службу, или военный „попись“, какъ сейчасъ же къ нему предъявляется искъ о „приверненіи“ въ тягло; стоило свободному человѣку взяться за тягло, выйти на господарскую работу, хотя бы даже по условію съ землевладѣльцемъ взамѣнъ какой нибудь службы, свойственной свободному (напр. взамѣнъ военной), и это служить доказательствомъ для прикрѣпленія; свободный человѣкъ могъ также случайно „замолчать“ при какихъ нибудь сдѣлкахъ на землю о своей свободѣ,—и его постигалъ тотъ же результатъ; очень часто задолжавшій крестьянинъ добровольно переходитъ въ разрядъ отчичей, равно какъ и человѣкъ, выданный „шіею“ истцу на казнь за преступленіе, или вслѣдствіе неуплаты судебнаго штрафа. Жизнь становится очень трудной, охрана свободы приноситъ тяжелую борьбу, бѣдность, угнетеніе; поэтому усиливается закладничество и закупничество, но и оно быстро переходитъ въ тяглое состояніе. Къ закладнямъ и закупнямъ предъявляются аналогичные иски объ обращенін въ отчичей; бѣглый должникъ возвращается заимодавцу, по Статуту, „не мней, яко отчичъ“, т. е. можетъ быть обращенъ и въ рабство. Такъ какъ суду очень трудно разобраться въ массѣ исковъ, то онъ охотно прибѣгаетъ къ усиленно развиваемому принципу давности, „заседѣлости“. До третьяго Статута этотъ принципъ не имѣлъ юридическаго опредѣленія, хотя широко развивался судами. Третій Статутъ уже прямо идетъ къ цѣли, постановляя, что десятилѣтнее проживаніе свободнаго человѣка на землѣ владѣльца дѣлаетъ его тяглымъ отчичемъ. Эта статья Статута должна

быть разсматриваема, какъ заключительная стадія въ исторіи свободнаго крестьянства.

По отношенію къ множеству отдѣльныхъ селъ, иногда по отношенію къ цѣлому слою населенія данной области можно наблюдать постепенный переходъ въ состояніе отчичей. Такова, напр. исторія слугъ путныхъ полоцкихъ. Они были очень многочисленны въ Полоцкой землѣ, еще по уставной грамотѣ они пользовались полной гражданской и политической свободой (принимали участіе въ дѣлахъ земли). Еще въ началѣ XVI в. много разъ былъ провозглашенъ принципъ личной свободы путныхъ слугъ при пожалованіи великимъ княземъ ихъ земель. И однако оказывается, что уже къ половинѣ XVI вѣка только небольшое количество полоцкихъ путныхъ слугъ свободны, или добиваются своей свободы, остальные — въ тяглѣ. Раздачу земель путныхъ слугъ привелигіаты разсматривали въ качествѣ права и на владѣніе населеніемъ этихъ земель. Судъ колеблется, и въ однихъ случахъ утверждаетъ домогательства землевладѣльцевъ, въ другихъ—отказываетъ. Исторія полоцкихъ путныхъ слугъ является превосходной аналогіей къ закрѣпленію данниковъ, земли которыхъ переходили вслѣдствіе господарскаго пожалованія частнымъ лицамъ. Въ XV в., въ началѣ XVI в. многократно разъяснялось господарскими грамотами по частнымъ случаямъ, что свободные люди могутъ уйти съ земли, переходящей частному лицу. Но выходъ этотъ на практикѣ былъ труденъ, потому что помѣщикъ такихъ градовъ, обвинялъ въ несоблюденіи обычаевъ отхода или въ невозвращеніи долговъ. А судъ началъ колебаться и склоненъ былъ отказывать въ правѣ выхода.

Кромѣ этой частной борьбы между двумя элементами, происходившей въ предѣлахъ каждаго владѣнія, землевладѣльцы цѣлыхъ областей издавали постановленія, клонившіяся къ затрудненію арендныхъ условій для свободныхъ крестьянъ, къ однообразію этихъ условій. Таковы извѣстныя постановленія Бѣльскій уставной грамоты, Полоцкаго и Витебскаго земянства. Литовское правительство не только санк-

ціонировало эти постановленія и примѣняло ихъ къ обширнымъ великокняжескимъ доменамъ, но иногда дѣлало попытки къ закрѣпленію вольныхъ крестьянъ цѣлой области. Такая попытка, впрочемъ не удавшаяся, была одной изъ причинъ посылки Волчковича въ южную Украину.

Такъ постепенно создавалось крѣпостное сословіе въ Литовско-русскомъ государствѣ. Оно съ одной стороны подняло рабовъ, укрѣпивъ ихъ на землѣ, съ другой стороны впитало въ себя свободные земледѣльческіе элементы. Первичной ячейкой его надо признать несвободное состояніе, плѣнъ, рабство, закупничество, обращенное къ земледѣльческимъ работамъ.

При условіяхъ такой соціальной перестройки проходили реформы въ господарскомъ хозяйствѣ при послѣднемъ Ягеллонѣ.

Если присмотрѣться къ послѣдствіямъ соціальной борьбы этого періода, то ясно опредѣлятся и ея причины. Послѣдствія заключались въ направленіи крестьянскаго труда для хозяйственныхъ цѣлей владѣльца земли; цѣли эти заключались въ разработкѣ пашни и въ выработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, вообще въ дворовой барщинной работѣ. Даже тамъ, гдѣ крестьянскій трудъ не цѣлесообразно было обратить на дворовую работу, и тамъ трудъ крестьянина былъ направляемъ преимущественно на добываніе хлѣбныхъ продуктовъ. Это очень хорошо замѣтно на господарскомъ хозяйствѣ, такъ какъ реформа здѣсь привела къ преобладанію хлѣбныхъ даней. Все это указываетъ на крупный переломъ въ экономической жизни страны. Это явленіе могло бы быть констатировано и на цѣломъ рядѣ другихъ фактовъ. Таковы напр. факты сильнаго поднятія цѣнъ на хлѣбъ и лѣсные матеріалы, огромное возрастаніе вывоза этихъ продуктовъ за границу, паденіе цѣнъ на мѣха, воскъ и медъ, служившіе ранѣе главнымъ предметомъ экспорта, общее оживленіе торговли и развитіе крупнаго землевладѣнія. Новыя промышленныя условія жизни страны потребовали выработки новыхъ условій рабочаго труда.

Перестройка экономическихъ отношеній происходила въ государствѣ постепенно, развиваясь отъ запада къ востоку. Оттого мы и видимъ, что аналогичное примѣненіе однѣхъ и тѣхъ-же мѣръ на востокѣ запаздываетъ сравнительно съ западомъ.

Всѣ эти наблюденія должны быть поставлены въ тѣсную связь при оцѣнкѣ крестьянской реформы начала второй половины XVI вѣка. Волочная реформа шла по пути прикрѣпленія свободныхъ крестьянъ, и превращенія челяди въ крѣпостныхъ. Это вытекало не только изъ самого духа реформы, но также и изъ принятія правила, выработавшагося въ нѣмецкомъ правѣ, основы котораго были примѣнены въ данномъ случаѣ: крестьянинъ могъ уйти съ своего участка, только посадивъ на своемъ мѣстѣ такого же тяглеца, какъ и онъ самъ. Не будемъ повторять сказаннаго объ опекѣ, въ которую попадалъ крестьянинъ и другихъ сторонахъ реформы, достаточно подчеркнутыхъ въ своемъ мѣстѣ. Въ восточныхъ областяхъ волочная реформа въ тотъ же періодъ не могла быть примѣнена, во первыхъ, потому, что здѣсь еще не наросли въ полной мѣрѣ указанныя экономическія условія, во вторыхъ, вслѣдствіи особаго военнаго значенія нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ старостъ, и наконецъ въ третьихъ потому, что здѣшнія крестьянскія организаціи были еще достаточно сильны.

Но реформаторы сдѣлали все, чтобы и здѣсь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, могъ быть здѣсь воспринятъ волочный уставъ. Они положили прочное основаніе разрушенію общины, закрѣпивъ выдѣленіе волости изъ города, уничтоживъ финансовую самостоятельность общины, значительно ослабивъ самостоятельность выборныхъ ея органовъ и усиливъ контроль господарской администраціи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Оглавленіе приложеній.

стр.

1. *1528 г.* Листъ, писанный намѣстнику речицкому пану Семену Полозовичу и намѣстнику горвольскому пану Богдану Шалухѣ о спорномъ островѣ между Рудобѣлчанами и Хвойничанами 1

2. *1530 г.* Памятная запись мужей и старца Кораевскихъ о новинахъ, введенныхъ у нихъ княземъ Андреемъ Мелешковскимъ 5

3. *Въ Краковѣ, 26 іюня 1530 г.* Листъ кор. Сигизмунда I державцѣ василишскому и марковскому п. Яну Миколаевичу Радивиловича, данный вслѣдствіе жалобы подданыхъ Марковскихъ Корейковичовъ на введенныя имъ новины, въ описаніяхъ повинностей Корейковичовъ 7

4. *Въ Краковѣ, 12 августа 1530 г.* Листъ кор. Сигизмунда I п. Ивану Горностаю, писарю господ., о томъ, что волость Могилевская жаловалась на писарей и подключихъ за ихъ требованія податей съ земель, лежащихъ впусте; король поручаетъ Горностаю разсмотрѣть дѣло и сдѣлать облегченіе 8

5. *Въ Краковѣ, 14 августа 1530 г.* Листъ кор. Сигизмунда I о выдачѣ по всему княжеству разошедшихся людей Могилевской волости 9

6. *Въ Полоцкѣ, 5 марта 1533 г.* Вырокъ воеводы полоцкаго хоружому полоцкому съ подданными господарскими вол. Себежской и Олбецкой о томъ, что они должны платить хоружему не 10 копъ гр. въ годъ, какъ

прежде, а 7, потому что господарь многихъ потужниковъ пораздавалъ панамъ 10

7. *Въ Обольцахъ, 10 іюня 1532 г.* Докладъ ревизоровъ о повинностяхъ людей Оболецкой волости, представленный королевѣ Бонѣ 11

8. *Въ Краковѣ, 7 марта 1533 г.* Листъ короля Сигизмунда I, данный по жалобѣ людей Бобруйской вол. воеводѣ виленскому п. Олбр. Мартын. Гаштольду о томъ, чтобы онъ запретилъ врядникамъ дѣлать кривды людямъ Бобруйскимъ при сборѣ даней и при др. случаяхъ, а также съ приказаніемъ отмѣнить новины, введенныя прежнимъ воеводою покойнымъ п. М. М. Радивиломъ 8

9. *Въ Вильнѣ, 19 марта 1534 г.* Выродъ кор. Сигизмунда I мѣщанамъ и всей волости Свислоцкой съ воеводой кіевскимъ п. А. Немировича по поводу насилій и притѣсненій, которыя намѣстники его причиняютъ подданымъ; подданые изложили новины, и король устанавливаетъ размѣры сборовъ податей 17

10. *1535 г.* Листъ кор. Сигизмунда I. Державцѣ могилевскому князю Вас. Ив. Соломирецкому по поводу жалобъ подданыхъ на притѣсненія со стороны князя . 20

11. *Въ Вильнѣ, 4 іюля 1536 г.* Устава Могилевской вол., данная вслѣдствіи жалобъ ея на кривды со стороны державцы могил. В. Соломирецкаго 24

12. *Въ Вильнѣ, 3 мая 1536 г.* Выродъ воев. вытебскаго пана Матея Яновича и Шимка Мацковича волости Тондягольской съ п. Яномъ Мих. Радивиломъ, старостою жомойтскимъ; волость жаловалась на новины, веденныя старостою, и на грабежи его намѣстниковъ; воевода установилъ новый платъ на всѣ волости съ ихъ же согласія, жалобщиковъ-же велѣлъ посадить въ казнь за угрозы убить его тивуна 27

13. *Въ Вильнѣ, 5 сентября 1535 г.* Устава, данная кор. Боной волостямъ Усвятской и Озерищской о платахъ и повинностяхъ ихъ 32

14. *Въ Краковѣ, 1537 г. 18 іюня.* Листъ воеводѣ виленскому пану Гаштольду о кривдахъ мѣщанъ Гомельскихъ отъ державцы ихъ князя Василія Толочинскаго 33

15. *Въ Краковѣ, 1537 г. 26 апрѣля.* Листъ объ освобожденіи мѣщанъ могилевскихъ отъ работы пограничныхъ замковъ вмѣстѣ съ людьми волостными, кромѣ замка Могилевскаго 38

16. *Въ Брестьи, 1537 г. 28 октября.* Листъ всѣмъ державцамъ и людямъ волостей Поднѣпрскихъ о посылкѣ туда для сбора всѣхъ платовъ и податковъ господарскихъ особаго писаря, пана Оникея Горностая . . 39

17. *Въ Краковѣ, 31 іюля 1538 г.* Господарскій листъ по жалобѣ Упитской волости на кривды воеводскихъ врядниковъ 41

18. *Въ Витебскѣ, 1 февраля 1539 г.* Декретъ людямъ подводнымъ вытебскимъ, которые пріискали Хроля Грибова въ подводную службу 43

19. *Въ Вильнѣ, 23 іюля 1540 г.* Листъ, данный всѣмъ подданымъ волости Бобруйской, оставляющій ихъ при старой повинности и освобождающій отъ платежа 200 к. пр., который наложилъ на нихъ п. Гаштольтъ . . 45

20. *Въ Вильнѣ, 14 іюля 1540 г.* Листъ, данный всѣмъ подданымъ волости Бчицкой объ освобожденіи ихъ отъ платежа, наложеннаго на волость покойнымъ п. Гаштольтомъ 46

21. *1541 г.* Декретъ конюхамъ Борковскимъ съ волостью Борисовскою о совмѣстномъ несеніи конюшской службы 48

22. *Въ Берестьи, 14 іюня 1540.* Вырокъ мещанамъ Каменецкимъ съ людьми Каменецкой волости объ общемъ отбываніи подводъ 49

23. *Въ Вильнѣ, 2 іюня 1544 г.* Листъ кор. Боны державцѣ оболецкому и усвятскому Кирдею Гричиновичу о старинныхъ правахъ на выборъ старцевъ вол. Усвятской 52

24. *Въ Брестьи, 23 августа, 1544 г.* Листъ господарскій державцѣ кричевскому пану Андрею Шалухѣ о кривдахъ мѣщанъ и подданыхъ волостныхъ Кричевскихъ, съ требованіемъ держаться старины и уставы 1526 г. 53

25. *Въ Петриковѣ 1548 г.* Листъ королевы Боны державцѣ рогачевскому, данный по жалобѣ на него подданыхъ села Лучинскаго о введенныхъ здѣсь новинахъ. 56

26. *1548 г.* Листъ кор. Боны державцѣ рогачевскому П. Польжинскому о кривдахъ, причиненныхъ имъ подданымъ, съ описаніемъ волостной уставы 58

27. *Въ Вильнѣ, 21 августа 1554 г.* Уставная грамота мѣщанамъ и всѣмъ людямъ волости Чичерской, съ описаніемъ ихъ повинностей, выданная по жалобѣ на кривды со стороны державцы 61

28. *Въ Вильнѣ, 11 января 1555 г.* Заявленіе старца Могилевскаго и подданыхъ господарскихъ о томъ, что бояре Щелкановичъ и Котелъ внесли влощанамъ слѣдуюмую съ нихъ сумму денегъ 65

29. *Въ Вильнѣ, 12 августа 1565 г.* Вырокъ господарскій между мѣщанами и волощанами Могилевскими о доляхъ замковыхъ работъ города и волости 66

30. *Въ Вильнѣ, 3 іюня 1556 г.* Вырокъ по дѣлу волости Мозырской съ поддаными Путятицкими, принадлежащими И. М. Зеновьевичу и П. и И. Хребтовичамъ, о совмѣстномъ отбываніи съ волостью повинностей 67

31. *1556 г.* Заявленіе поданыхъ волости Марковской и Куренской о соглашеніи, заключенномъ ими съ Львомъ Роскимъ, державцею тамошнимъ, объ обращенныхъ имъ въ свою пользу подводныхъ деньгахъ 70

32. *1563 г.* Заявленіе поданыхъ села Задобрицкаго о послѣдовавшемъ между ними и Войтехомъ Рутковскимъ соглашеніи по дѣлу о грабежахъ. 71

33. *Въ Варшавѣ, 16 марта 1550 г.* Листъ королевы Боны Матею Якубовичу на войтовство Перштунское . 72

34. *Въ Вильнѣ, 2 марта 1562 г.* Листъ господарскій пану Станиславу Довойнѣ, воеводе полоцкому, на державу Свислоцкую, съ описаніемъ обязанностей державцы 73

35. *Въ Вильнѣ, 30 іюля 1562 г.* Господарскій листъ Мишку Мыльникову на войтовство въ гор. Оршѣ . . . 75

36. *Въ Бѣльскѣ, 21 іюня 1564 г.* Подтвержденіе войту волости двора Добриневскаго Кнышинскей державы Петру Гавриловичу на пять волокъ въ селѣ Гниломъ на службе мѣрницкой 76

37. *Въ Кнышинѣ, 27 января 1567 г.* Листъ подданымъ нѣкоторыхъ лѣсничествъ о посылкѣ особыхъ господарскихъ ревизоровъ для ревизіи дѣятельности мѣстныхъ лѣсничихъ и установленія новыхъ порядковъ . . 81

38. *Въ Варшавѣ, 29 сентября 1568 г.* Листъ господарскій пану Дмитру Ивановичу Сопегѣ на надзоръ и завѣдываніе пущами Слонимскими съ порученіемъ ему осадить здѣсь села 82

39. *Наказъ старостамъ и державцамъ.* 84

40. *1567 г. Лѣсной уставъ* 101

41. *Устава Горбовицкой волости* 105

42. *1569 г.* Инструкція ревизорамъ ксендзу Томашу Маковецкому и пану Семену Войнѣ о порядкѣ и цѣляхъ производства ревизіи господарскихъ дворовъ. 108

43. *1569 г.* Листъ господарскій державцамъ о посылкѣ ревизоровъ съ описаніемъ обязанностей послѣднихъ . . 110

44. *1569 г.* Инструкція ревизорамъ, посылаемымъ въ Жомойтское староство 113

45. *Въ Варшавѣ, 25 мая 1571 г.* Привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на старотство судовое Упитское 117

46. Инструкція ревизорамъ, данная въ Торуни на сеймѣ 1567, декабря 30 120

47. *Dobra Stołowi Króla Ie° Mczi należącze w Wielkim Xięstwie Litewskiem zawiedzione* 129

48. *Списокъ столовыхъ великокняжескихъ имѣній:* 1) Съ которыхъ идутъ доходы въ скарбъ. 2) Заложенныхъ. 3) Отданныхъ въ доживотное пользованіе. 4) Отошедшихъ въ Коронѣ 145

Дополнительные акты.

49. *Въ Краковѣ, 17 іюня 1527 г.* Листъ державцѣ кричевскому князю Василію Жилинскому о причиняемыхъ имъ кривдахъ волости. 153

50. Справка тивуновъ жомойтскихъ съ Станиславомъ Орвидомъ 155

51. *Въ Краковѣ, 29 января 1536 г.* Листъ господарскій пану Кмитѣ Кунцовичу съ порученіемъ отправиться въ волости жомойтскія разузнать о причинахъ бунтовъ среди тамошняго населенія 158

Наука тому пану Кмите Кунъцовичу, якимъ способомъ мелъ от короля его милости до тыхъ волостей мовити и таковые бунты усмерати 160

52. *Въ Краковѣ, 5 октября 1538 г.* Листъ поддаными волости Курклевской объ отпущеніи имъ половины всѣхъ платовъ и подачекъ, приходящихся на воеводъ троцкихъ 162

53. *1541 г.* Договоръ между мѣстскими и замковыми ковалями вытебскими 163

54. *Въ Вильнѣ, 16 ноября 1541 г.* Освобожденіе людей волости двора Ушпольскаго отъ уплаты излишнихъ 100 коп. гр., наложенныхъ на нихъ сверхъ уставы, и распоряженіе относительно пустовскихъ земель . . . 165

1.

Листъ, писанный намѣстнику рѣчицкому пану Семену Полозовичу и намѣстнику горвольскому пану Богдану Шалухѣ о спорномъ островѣ между Рудобѣльчанами и Хвойничанами.

Среди актовъ 1528 г.

Жикгимонтъ. Наместъницу речицкому пану Семену Полозовичу и наместънику горвольскому пану Богъдану Григорьевичу Шалусе. Здеся жаловали намъ люди нашы Пчыцкое волости Хвойничане на людей подчашого нашого державъцы василишъского и марковъского пана Янавыхъ Миколаевича на Рудобелчанъ о томъ, штожъ какъ ещо тые Рудобелчане служыли посполъ з нами, з волостью Пчыцкою, и коли писары уежъдчали к намъ даней правити, въ тотъ часъ два клейна нашы у звечномъ нашомъ острове, с которыхъ бывала колода меду, з насъ знемъшы, узложыли на двухъ чоловековъ Рудебелчанъ за брата нашого Алекъсандъра, короля его милости. А тыи Рудобелчане мели з нами ку помочы давати колоду меду и данъ грошовую и бобры и куницы, што на тую колоду прыхоживало, и подводы и стацеи с тое части двухъ клеинъ посполъ з нами поднимати на семой недели. То пакъ тыми разы тыи Рудобелчане со въсими своими потужники в тотъ островъ нашъ вступили и намъ самымъ отъ нихъ в томъ острове тесно, въ чомъ же намъ отъ нихъ шкода великая ся деетъ. Яко жъ и сами тыи Рудобелчане знали, ижъ в подводахъ имъ перед тым помогивали семую неделю ажъ до сихъ часовъ. И панъ Янъ, подчашый, поведилъ передъ нами, ижъ тотъ островъ з давъныхъ часовъ люди его

держали, ещо какъ служыли пану Ивашъку Кгонцевичу за отъца нашого Казимира и за брата нашого Алекъсандъра, королей ихъ милости, а потомъ и за нашого щастного пановання, какъ есьмо тыи Рудобелчане дали отцу его небощыку пану Миколаю, воеводе виленьскому, и они тежъ тотъ островъ ходили супокойне ажъ до сихъ часовъ. И тымъ людемъ его отъ тыхъ Хвойничанъ въ томъ острове многие ся шкоды стали, пчолы повыдирали и жыта пожали и сена побрали. И Хвойничане мовили, ижъ писары то на нихъ узложили за брата нашого Алекъсанъдра короля, а не за отъца нашого Казимира, королей изъ милости, и они того имъ боронили. И жедалъ насъ панъ подчашый, абыхмо предъ ся тымъ людемъ его тыи земли дали въ держанье до тыхъ часовъ, поки бы езъдоки с обу сторонъ тамъ выехали. Ино мы тымъ людемъ пана подчашого Рудобелчаномъ предъ ся тыхъ земль въ держаньи велели быти до справы. И з руки тыхъ людей нашыхъ Хвойничанъ послали есьмо судъями васъ, а панъ подчашый такъже маеть с свое руки на то судями взяти, и рокъ есьмо тому праву положыли на день Чуда Светого Михаила, рускога свята. И естъли люди нашы Хвойничане у право то переведуть передъ вами, ижъ за брата нашого Алекъсанъдра, короля его милости, писары тыи два клейна на Рудобелчанъ взложылы и какъ тыи Рудобелчане отданы небощыку пану Миколаю, и они вжо имъ того острова боронили, а Рудобелчане будуть ли сами моцъне у тотъ островъ уходили и подле оныхъ старыхъ знаменъ ихъ упущеныхъ свои новыи знамена у томъ острове поклали и тыми знаменъми у томъ острове уходы свои мели, и естъли то переведутъ, тогъды Рудобелчане маютъ нашымъ людемъ шкоды ихъ вси, на што они доводъ вчынять, имъ платити и черезъ то вже у тотъ островъ тыми знаменъми не маютъ уходити, бо тотъ островъ беремъ къ нашымъ рукамъ господаръскимъ и прывълащаемъ людемъ нашымъ Хвойничаномъ подавному. Пакъ ли жъ бы Рудобельчане доводъ учынили и какъ еще они служыли пану Ивашъку Кгоцевичу за отъца нашого Казимира и за брата нашого Алекъсандъра, королей ихъ милости, а

потомъ и за насъ ажъ до сихъ местъ и отъ тыхъ часовъ будутъ ли они тыми двема знаменьми у томъ острове ходили супокойне, а Хвойничане того имъ не боронили, и вы бы и теперъ Рудобелчаномъ одно двумъ человекомъ в томъ острове двема знаменьми старыми прысудили ходити, а болшыи двухъ человековъ ни одинъ Рудобелчанинъ в тотъ островъ не маютъ уходити. И што бы есте тымъ двумъ Рудобелчаниномъ в томъ острове подали земли пашъное и сеножатей отделили к одной стороне; и што ся дотычетъ шкодъ тыхъ Рудобелчанъ, на што тежъ они доводъ вчынятъ, то люди нашы маютъ имъ платити. А дань колоду меду, бобры и куницы, што здавъна на тую колоду прыхожывало, то тыи два человеки маютъ пану подчашому давати, нижли подводы и стацеи и гонъцы тыи два человеки маютъ з людми нашыми посполъ поднимати, семую неделю подле давъного обычая. А про то ажъ бы есте з руки тыхъ людей нашыхъ судьями на тотъ рокъ выехали и посполъ с судями пана Яна, подчашого, тыхъ людей досмотрели и справедливость тому вчынили, а мы пану подчашому очевисте росказали, абы онъ на тотъ рокъ светого Михаила день тыхъ судьей свонхъ вывелъ и права былъ послушонъ во въсемъ.—При томъ были вси панове рада великого князьства Литовского на Виленьскомъ сойме.

(Кн. Запис. XV, л. 10 об.—11 об. и Кн. Судн. Д. Лит. XIV, л. 196 об—198).

2.

Памятная запись мужей и старца Кораевскихъ о новинахъ, введенныхъ у нихъ княземъ Андреемъ Мелешковскимъ.

Записана среди октовъ 1530 года.

На паметъ намъ, мужомъ и старцу Кораевскимъ. Штожъ князь Андрей Мелешковский намъ новину учинилъ, штожъ из вековъ чого не было, и бралъ у насъ, какъ панъ его

милость насъ подалъ ему у его опеку. И онъ у насъ взялъ за дорогу деветь коней, што мы на дорогу не шли, а мы на дорогу не хоживали. То намъ новину чинилъ. Ино намъ чотыри кони верънулъ, а мы ему дали за тыя кони копу грошей, а пятеро коней и теперъ у него. А серебщину у насъ бралъ, то намъ новину чинилъ. И взялъ у насъ серебьщины деветь рублевъ. А которые мужи отдаютъ дочки свое замужъ, и онъ у тыхъ куницы береть съ тыхъ девокъ по дванадцати грошей широкихъ. То намъ новину учинилъ. А который мужъ пойдетъ съ простое земли Кораевъское, и онъ куницы береть. То намъ новины чинить. А шесть копъ грошей у насъ взялъ с трох, с Петра и з Дятла и в Никипора, за важъщое какое, а вины узялъ у Никипора полкопы грошей, а ульи изъ бчолами у насъ отнялъ. И мы отъ того дали двое бчолы и копу грошей отъ тыхъ ульевъ и отъ семенъ и отъ лядъ. То намъ новину чинилъ. Служебникъ вашее милости Янъ Скуратъ двое коней узялъ за князя за какий белхтеръ, и тотъ Анъдрей поклона пять грошей далъ князю, штобы кони отыскалъ. А на Петре узялъ рубль грошей, што жъ панъский слуга суседа билъ. А мужъ пришолъ на Кораевъскую землю и прикладалъ слузе его Скурате и просилъ поместия, и онъ поместия не нашолъ, только ночъ ночовалъ у соседа, и князь на томъ суседе нашомъ, на Сидоре, полкопы грошей узялъ куницы. А Сушане забили дву чоловековъ и кони побрали, и князь головщини не искалъ, только кони отыскалъ, и тые соки собе побралъ. И старецъ пошолъ къ своимъ наротамъ и Межщичене его нашли у его жъ наротахъ, и били. И тотъ старецъ князю ся жаловалъ, и князь права не дотиснулъ. У томъ ся намъ крывда чинить. А лесъ у насъ отнялъ, то намъ крывду чинить. А лесъ намъ изъ вековъ воленъ. И у суседа нашого узялъ за тотъ лесъ полкопы грошей. А князь приехалъ самъ Кораевичомъ и казалъ слугамъ своимъ поимати Нерона ночою и его жону и билъ и мучилъ. И Неронъ далъ, окупаючися, копу грошей. А Ивана поималъ князь у Лукомли и билъ и мучилъ и взялъ на немъ два рубли грошей безвинне. А за тое есмо давали

князю за его оборону по боцце пшеницы, а две бочъки овса лукомъское мери на кождый годъ.

(Кн. Зап. Лит. XVI, л. 284 об.—285).

3.

Листъ кор. Сигизмунда I державцѣ василишскому и марковскому п. Яну Миколаевичу Радивиловича, данный вслѣдствіе жалобы подданыхъ Марковскихъ Корейковичовъ на введенныя имъ новины, съ описаніемъ повинностей Корейковичовъ.

Въ Краковѣ, 26 іюня 1530 года.

Жыкгимонтъ. Подчашому нашому державцы василишскому и марковъскому пану Яну Миколаевичу Радивиловича. Приходили к намъ люди наши путные Марковъское волости Корейковичи на имя Мартинъ Матѳеевичъ, Сидоръ Лововичъ, Жукъ Лезневичъ, Левонъ Денисовичъ, Занко Дедовичъ з братьею своею, жалуючы о томъ, штожъ дей врядъники твои марковъские кривъды имъ делають: кажутъ имъ с кождого дыму на службу тяглую до двора нашого ходити и подачки зъ волостью давати, и за то дей ихъ зграбили. А они поведили передъ нами, ижъ зъдавна путною службою одно пятма коньми служили, и на инъшые никоторые службы не хожывали и подачокъ не даивали, и били намъ чоломъ, абыхмо новинъ имъ не казали уводити. Ино што с дотычетъ службы тыхъ людей путныхъ, мы у вуставе нашой, с которою писаръ нашъ по всимъ дворомъ нашимъ ездилъ, выписали, ижъ маютъ они на пашъни нашой дворной дванадъцать день въ кождый годъ робити, то естъ: три дни паренину орати, три дни на жыто, а три серпомъ жыто жати, а три дни ярины, а сено естли будетъ передъ тымъ кошывали, и теперъ маютъ по старому косити; а отъ иншихъ всихъ роботъ маютъ быти волни. А к тому маютъ давати въ кождый годъ до скарбу нашого на светого Мартина день осадныхъ по копе

грошей. Про то абы твоя милость не казалъ черезъ то новинъ тымъ подданымъ нашимъ уводити: нехай бы они тые дни врочыстые заробливали пятма службами подле давного обычая, а надъ тую уставу нашу къ инъшымъ службамъ ихъ припужати и подачокъ с нихъ брати бы еси не велелъ. И которые будуть грабежы за тымъ стали, то бы еси казал зася имъ поотдавати конечьно, абы они болши того о томъ къ намъ зъ жалобою не приходили. Писанъ у Кракове подъ летъ Бож. нарож. 1530, месяца июнъ 28 день, индиктъ 3. Горностай писаръ.

(Кн. Судн. Д. Лит. IV, л. 346 об.—347)

4.

Листъ кор. Сигизмунда I п. Ивану Горностаю, писарю господ., о томъ, что волость Могилевская жаловалась на писарей и подключихъ за ихъ требованія податей съ земель, лежащихъ впусте; король поручаетъ Горностаю разсмотрѣть дѣло и сдѣлать облегченіе.

Въ Краковѣ, 12 августа 1530 года.

Жыкгимонтъ, Божю милостю королъ полский.

Маршалку и писару нашому державцы дорѣсунишскому пану Ивану Горностаю. Приходили к намъ тые люди наши могилевъцы старецъ Толстукъ, а Иевъ Губаревъ, а Бобръ Суляницовичъ, а Семенецъ Збрыневичъ, а Рыжъко Говорковичъ, а Иевъ Манковичъ с потужники своими, жалуючы от всее волости нашое Могилевъское о томъ, што жъ дей коли писари наши и подключые на тую волость нашу Могилевскую уежчають даней нашыхъ на нихъ правити, ино дей с тыхъ земель, которые впусте лежать, а нихто ихъ не ходить, дань нашу на нихъ сполна беруть, а в томъ дей тымъ людемъ нашымъ тяжкость ся деетъ. А про то, какъ тамъ на волости нашой Могилевской будешъ, и ты бы о томъ доста-

точне ся доведалъ а, порозумевши по делу, въ томъ, абы еси имъ полегку вчынилъ такъ, якобы з нашымъ шкоднымъ и с обътяженьемъ тыхъ людей нашыхъ в томъ не было. Тежъ которыи люди с тое волости нашое Могилевское с отъчызнъ своихъ для обътяженья будутъ ся розышъли до именей князскихъ, и панскихъ и боярскихъ и хотели бы за ся на тыхъ отчызнахъ своихъ сести, и тыбы имъ далъ воли на колко летъ, зрозумевшы тежъ потому, яко бы они ся могли запомочи и с того намъ службу служыти и дачки давати водле давного обычая. Писанъ у Кракове под лет. Бож. Нарож. 1530, месяца августа 12 дня, индиктъ 3. Копотъ писаръ.

(Кн. Зап. Лит. XVII. л. 2 об.—3).

5.

Листъ кор. Сигизмунда I о выдачѣ по всему княжеству разошедшихся людей Могилевской волости.

Въ Краковѣ, 14 августа 1530 г.

Жыкгимонтъ, Божю милостю королъ польский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий и иныхъ.

Княземъ нашымъ и паномъ воеводамъ и старостамъ, наместникомъ и тивуномъ, княгинямъ и панямъ вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашымъ по отъчызне нашой Великому киязству Литовскому. Приходили к намъ люди наши Могилевское волости и поводили передъ нами, што жъ дей многие люди наши могилевцы з отчызнъ своихъ розышлися прочъ и мешкаютъ по местомъ и дворомъ именьямъ вашымъ. Ино мы для того послали тамъ дворенина нашого. А про то где колвекъ онъ тыхъ людей нашыхъ найдетъ, приказуемъ вамъ, ажъ бы есте ему ихъ выдавали со всими ихъ статъки, съ чымъ будутъ за кого зашли; пак ли жъ бы есте тыхъ людей нашыхъ ему выдавати не хотели, мы казали тому дворенину нашому тыхъ всихъ людей нашыхъ, где колве нашодши, от-

толя моцно выводити и за ся на ихъ очизнахъ осаживати. И вы бы тому дворяняну нашому противни не были конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Кракове под лет. Бож. Нарож. 1530, м-ца августа 14 дня. Индиктъ 3. Копотъ писаръ.

(Кн. Зап. Лит. XVII, л. 2—2 об).

6.

Выровъ воеводы полоцкаго хоружому полоцкому съ подданными господарскими вол. Себежской и Ольбецкой о томъ, что они должны платить хоружему не 10 копъ гр. въ годъ, какъ прежде, а 7, потому что господаръ многихъ потужниковъ пораздавалъ панамъ.

Въ Полоцкѣ, 5 марта 1533 г.

Жаловалъ намъ хоружий господаръский Полоцъкий панъ Ѳедоръ Епимаховичъ на поддаиыхъ господарскихъ полоцкихъ, на всю волость Собезъскую и Ольбецъкую, штожъ они передъ тымъ водле стародавного обычая хоружимъ полоцъкимъ, предкамъ моимъ, и мне самому плачивали по 10 копъ грошей, о што жъ есми вжо з ними право мелъ передъ воеводою бывшимъ паномъ Петромъ его милостью Станиславовичомъ и листъ судовый на то маю, который же передъ нами вказывалъ. В которомъ листе своемъ панъ Петръ его милость описуетъ, што его милости господаръ его милость черезъ листъ свой росказалъ пану хоружому с тыми волостьми Собезъскою и Ольбецкою справедливость учинити. И его милость того межи ними досмотралъ и тыи волости сами ся передъ его милостью сознали, што тую 10 копъ грошей хоружимъ платятъ; и его милость, водле сознанья ихъ, росказалъ имъ пану хоружому тую 10 копъ грошей платити. И подъданные господаръские, волость Собезъская и Ольбецъкая, ку тому мовили: Мы якъ тогды, такъ и теперъ ку тому ся знаемъ, што 10 копъ грошей хоружимъ платимъ, нижли теперека вжо только 7 копъ

грошей платимъ, а трохъ копъ не доходить за тымъ, што господаръ его милость поплечниковъ нашихъ, которые з нами плачывали, паномъ бояромъ роздалъ. И панъ хоружий мовилъ: Я о томъ ничого не ведаю, одно якъ передъ тымъ платили 10 копъ грошей сполна, такъ и теперъ мне платите. Ино намъ ся то не видело, ижъ бы они мели платити и за тые, которые суть розданы, одно маютъ они, тыя волости Себезъская и Ольбецкая, 7 копъ грошей платити, колько передъ тымъ который з нихъ будетъ плачивалъ. И панъ хоружий просилъ насъ, абыхмо рокъ положили, на который бы они мели платити ему тую 7 копъ грошей. И они мовили: Намъ рокъ ненадобе, якъ есмо передъ тымъ плачивали в осень о светомъ Кузме о Демъяне, такъ и теперъ платити будемъ. А при томъ были панъ Юрей Волъчковичъ, дворанинъ господарский, а бояре господарские полоцкие: панъ Дмитрей Богдановичъ, а панъ Яцъко Богдановичъ же Быстрейский, а панъ Путята Ѳедьковичъ, а панъ Яцъко Михайловичъ Зеноевича, а панъ Иванъ Глебовичъ, городничий господарский полоцкий, а панъ Иванъ Зеноевичъ, а панъ Иванъ Селява, а панъ Томко Кгетовтовичъ. Писанъ в Полоцку, марта 5 дня, индикта 6.

(Кн. Зап. Лит. XVI, л. 114 об.—115).

7.

Докладъ ревизоровъ о повинностяхъ людей Оболецкой волости, представленный королевѣ Бонѣ.

Въ Обольцахъ, 10 іюня 1532 года.

Што господаръ король и королевая ихъ милость рачили писати и росказати намъ, абыхмо приехавши до двора господарыни королевое ее милости Оболецъ и роботы ся доведали, которую робить волость Оболецкая къ двору ее милости, и тежъ роботу росказали подданымъ ее милости, и мы водле росказанья ихъ милости, приехавши есмо до двора Оболецкого, и казали есмо всей волости до насъ соитися. И держав-

ца господарыни ее милости оболецкий панъ Кирдей Гричиновичъ поведилъ передъ нами, што волость Оболецкая два дни въ недели служить въ середу а въ суботу и то пополудни. А кгды ся въ тыи дни робочии которое свято придасть, они того дня не робять, а потомъ за тотъ день заробити не хотять. А жито жнуть и въ копы кладуть, а съ поля не везуть, а въ гумне не робять, а ни отправують и не молотять, подводъ не дають и на дворе не стерегуть, горожы не городять. Ино што ся дотычеть подводъ подъ урадника даванья и тежъ сторожы, они вказали передъ нами листы славныхъ памятей ихъ милости короля Казимира, еще якъ былъ княземъ великимъ, и листъ короля Александра и тежъ листъ господарыни королевое ее милости, въ которыхъ описано, што не маютъ подъ врадника оболецкого подводъ давати и сторожы ему стеречы, нижли особы господарское не описано. И намъ ся того не видело, ажъ бы они, таковые листы маючи, мели подводы врадникy давати и сторожу стеречы, нижли где бы была потреба господарыни королевое ее милости, а не врадникова, тогды маютъ подводы давати на потребу господарскую, а не врадникову. А што ся тежъ дотычеть стайни оправенья, коней стереженья, сена воженья, они поведили передъ нами, штожъ естъ тые люди, которые то передъ тымъ служивали. И панъ Кирдей и самъ передъ ними поведилъ, ижъ естъ тыхъ людей пять человековъ, которые передъ тымъ коней стерегивали, стайню оправливали, сено воживали, нижли теперъ на куницахъ седятъ и королевой ее милости куницы платятъ. Ино кгдыжъ еще суть тые повинные, которыи то передъ тымъ служивали, намъ ся того не видело, ажъ бы они мели то служити мимо тыхъ повинныхъ. А што ся тежъ дотычеть въ гумне роблення, молоченья, копъ съ поля воженья, вгороженья и тое роботы, што служатъ въ середу а въ суботу и по полудни, ино поведилъ передъ нами Семенъ Чуватовъ, который отъ князя Ошемятича былъ врадникомъ у Воболицахъ, и отъ иншыхъ бояръ доведалися есмо, што они передъ тымъ въ гумне не робливали, копъ съ поля не воживали и не горо-

живали,—были деи на то паробки и служивали деи и потому въ середу, а въ суботу по полудни. Ино мы убачили, ижъ то есть шкодою, ане пожиткомъ господарыни ее милости и, з росказанья господарского, приказали были есмо всей волости Оболецкой, ажъ бы они тые два дни, которыи врадникъ господарыни королевое ее милости роскажеть, посполите а супольне въ недели робили, а выходили бы рано и розходилися з роботы позно, якъ и по иншымъ дворомъ господарскимъ и панскимъ служать. И волость вся стала мовити намъ з великимъ крикомъ: бы дей намъ не только статки наши, але жоны и дети были побраны, тогды мы не будемъ служити такъ; одно якъ з вековъ предки и отцы наши и мы передъ тымъ служивали, такъ и мы теперъ служити ти хочемъ. И панъ Кирдей росказалъ былъ имъ, водле приказанья нашого, два дни посполите въ середу а въ четвергъ служити, и они на роботу не шли и далися на грабежи. И панъ Кирдей то намъ оповедилъ, и мы то убачивши, ижъ бы неяко поддане господарыни ее милости с того ся не розошли, кгды будеть имъ старына рушана, а наболей яко то на вкраини, дали есмо то до господарыни королевой ее милости. То пакъ будеть на воли ее милости, при чомъ ихъ зоставить, а до тыхъ часовъ, поки отъ господарыни ее милости будеть, мовили есмо пану Кирдею, абы ихъ на роботу не гналъ, якъ есмо были имъ росказали: нехай бы служили попервому. Писанъ у Вобольцахъ, июнь 10 день, индиктъ 5.

(Кн. Зап. Лит. XVI, л. 95 об.—96 об.)

8.

Листъ кор. Сигизмунда I, данный по жалобѣ людей Бобруйской вол. воеводѣ виленскому п. Олбр. Мартын. Гаштольду о томъ, чтобы онъ запретилъ врядникамъ дѣлать кривды людямъ Бобруйскимъ при сборѣ даней и при др. случаяхъ, а также съ приказаніемъ отмѣнить новины, введенныя прежнимъ воеводою покойнымъ п. М. М. Радивиломъ.

Въ Краковѣ, 7 марта 1533 года.

Жикгимонтъ и далей. Воеводе виленьскому канъцлерю нашому старосте бельскому и мозырскому пану Олбрахту Мартиновичу Кгашътольту. Приходили до насъ тыи люди наши волости Бобъруйское, жалуючы ото всее волости Бобруйское обеюхъ половинъ, Виленъское и Троцъкое, о томъ, што жъ дей коли писари наши по дань нашу к нимъ уежчаютъ, тогды деи имъ у стацояхъ тяжкости великии делаютъ и дань деи нашу и въезды свои писарскии не водлугъ стародавъного обычая они съ нихъ беруть. Бо дей передъ тымъ они узъезду писарского по шести рублевъ грошей съ тыхъ обеюхъ половинъ даивали, а тепере деи по дванадцати рублевъ с нихъ беруть, а серебъщына тежъ на третий годъ з нихъ была бирана, якожъ дей и всижъ годъ дьякъ нашъ Анъдрей Мацъковичъ дани нашое сорокъ копъ грошей на нихъ узялъ, а ордынъщизну и серебъщыну тежъ выбралъ. И били намъ чоломъ, абыхмо имъ в той дани нашой которую полегкость вделать казали. А к тому тежъ поведили они передъ нами, штожъ деи воевода виленьский канъцлеръ нашъ небощыкъ панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича въ тотъ часъ, якъ Бобруескъ отъ насъ держалъ, уставилъ собе отъ нихъ в кождый годъ по двесте копъ грошей, какъ же дей твоя милость и тепере то на себе берешъ и тежъ дей врадникомъ твоее милости о колько сотъ копъ грошей на кождый годъ з нихъ собе беруть. Далей тежъ жаловали намъ, штожъ деи

дворанинъ нашъ Олехно Крывецъ, которому росказали есмо замокъ нашъ Киевъ робити, хочеть самъ и з слугами своими в тую волость нашу Бобруйскую въежъчати и велицъ имъ стацеи на себе збирати и посекеръщыну з нихъ брати, и тепере деи десети копъ грошей на нихъ себе править. А в томъ во всемъ тяжкость великая ся имъ деетъ. Ино што ся дотычеть тыхъ уездовъ писаръскихъ, то есть латвейшая речъ: можемъ мы писарей нашыхъ отъ того повстягънути и имъ росказати, же бы они водле давъного обычая въ томъ ся справовали и никоторое трудности тымъ людемъ нашымъ не делали. А што ся тежъ тъкнетъ дани нашое, естъли быхмо которую полегъкость имъ в томъ вчынити мели, тогъды можешъ твоя милость самъ на то бачыти, ижъ то з болшею трудностью имъ естъ, яко они поведаютъ, ижъ бы двесте копъ грошей твоей милости давали и што тежъ врадники твоее милости о колько сотъ копъ грошей з нихъ беруть всижгодного року; одно тежъ сорокъ копъ грошей дани нашое намъ выдали. А передъ тымъ не толко с тое волости дани выхожывало, о чомъ же мы добре вемы и реистра оное сумы и тепер в насъ сутъ. А такъ, кгды жъ они таковыи сумы великии инъде выдають, а наша дань господаръская про што бы мела гинуть, або ся уменъшати, и твоя бы милость урадниковъ своихъ отъ того повъстягънулъ и грозно имъ приказалъ, ажбы они тымъ людямъ нашымъ жадныхъ тяжъкостей не делали и таковыхъ сумъ незносныхъ з нихъ собе не брали. А и в тыхъ тежъ двухъсотъ копахъ грошей, што былъ небощыкъ панъ Миколай надъ звычай стародавный на нихъ узложылъ, велелъ бы твоя милость имъ дати покой: нехай бы они дани нашое ничымъ не отволокали, а водле давъного обычая намъ его сполняли, абы для того скарбъ нашъ жадного ущыпъку не прыймовалъ. А што ся тежъ дотычеть роботы замъку Киевъского, мы жадное посекершыны Олехъну Крывцу съ тыхъ людей нашыхъ брати не росказывали, бо для того велели есьмо подскарбему земскому, маръшалку и писарю нашому, державъцы слонимъскому и дорсунискому пану Ивану Горностаю отъправу слушъную на то ему с скарбу нашого вчы-

нити, и то намъ дивъно естъ, ижъ онъ надъ росказанье нашо смеетъ таковыи тяжкости тымъ людемъ нашимъ делати. А ведже спервей сего твоя милость до насъ, до Петрыкова, писалъ, поведаючы, ижъ твоя милость с тымъ дворанином нашымъ Олехномъ Крывцомъ оборону того замъку нашого Киевъского объмову чинилъ, колько бы людей с тое волости Бобруйское на роботу того замъку Киевъского поити мело, а которымъ бы обычаемъ онъ тотъ замокъ нашъ робилъ, яко жъ мы и тыми разы до Олехна Крывъца листъ нашъ писати казали, прыказуючы, ажбы онъ жадныхъ тяжкостей тымъ людемъ нашымъ не делалъ и стацей, ани посекоръщыны з ныхъ собе не бралъ; а твоя бы милость также Олехну Крывъцу в томъ росказалъ, ажбы онъ во всемъ такъ ся справовалъ и поступовалъ, якъ твоя милость с нимъ намовилъ и науку свою ему далъ и яко тежъ мы с Петрыкова зданье нашо черезъ листъ нашъ до твоее милости отписали. А што ся тыкнетъ серебъщыны и ордынъщыны, мы до подскарбего земского пана Горностая писали, естли будетъ сего року ордынщына с нихъ выбрана, абы серебъщыны з нихъ брати не велелъ и казалъ имъ дати покой. А которыи тежъ люди волости Бобруйское княземъ и паномъ, боярмъ и дворанмъ нашимъ тамъ есьмо подавали, велели есьмо имъ дань медовую на себе с нихъ брати, а дань грошовую и бобры и куницы и иньшыи всякии повинъности велели есьмо посполъ з волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати, то пакъ деи они з волостью тыхъ доходовъ нашихъ полнити не хочуть. Для чогожъ мы послали тамъ дворанина нашого и росказали есьмо ему за се тыхъ людей к волости Бобруйской прыворочати, и к роботе тежъ замъку нашого Киевъского ихъ выганяти, и твоя бы милость врадникомъ своимъ казалъ в томъ тому дворанину нашому помочонъ быти: нехай бы тыи люди ихъ дань грошовую и бобры и куницы и всякии повинности посполъ з ними намъ полнили и на роботы замковыи ходили водле давъного обычая и што бы вжо твоя милость тыхъ людей нашихъ такъ заховати казалъ, якобы они жадныхъ тяжкостей ни въ чомъ собе не прыймовали и до насъ болшей

того з жалобами ся не втекали. Писанъ у Кракове, подъ лет. бож. нарож. 1533, м-ца мар. 7 день, индиктъ 6.

(Кн. Зап. Лит. XV л 102—103)

9

Выровъ кор. Сигизмунда I мьщанамъ и всей волости Свислоцкой съ воеводой кіевскимъ п. А. Немировича по поводу насилій и притьсненій, которыя намьстники его причиняютъ подданымъ; подданые изложили новины, и король устанавливаетъ размьры сборовъ податей.

Въ Вильнѣ, 19 марта 1534 года

Жикгимонтъ и далей. Били намъ чоломъ люди нашы мещане и вся волость Свислоцкая и поведили передъ нами, ижъ имъ от наместниковъ свислоцкихъ воеводы киевского пана Андрея Якубовича Немировича крывды и тяжкости великии ся деютъ и новины имъ уводятъ, которыхъ жо новинъ за першыхъ державецъ нашыхъ имъ не бывало Ижъ они имъ новины уставили: беруть на нихъ з двухъ сохъ бочку муки, а бочку овса, а по два ковшы муки, а по два ковшы овса, за кождымъ возомъ по три пенези пшчого; и к тому с кождого села беруть на нихъ по шести бочокъ овса; и к тому, коли кажуть муку провадити до Киева до пана воеводы, онъ на нихъ береть по два грошы и по два пенези пшчого, а они передъ тымъ, колько тое жыто и овесъ воживали, толко до Свислоча, а не до Киева. Ктому тежъ жаловали намъ, ижъ коли поедуть на волость дани нашее метати, тогды едуть у 20, або у 30 конехъ из жонами и з слугами своими, тогды, до нихъ прыехавшы, дани не беруть, але держать до тыхъ часовъ, поки имъ поклонъ дадуть. А въ кождомъ селе с кождого устава меду на нихъ беруть по 3 бобры, а по две медницы меду, а по 10 грошей, а инде по 12, або по 15 грошей А и то бы на волость ябедниковъ беруть и кажуть имъ

дати поклонъ с кождого села по 2, або по 3 гроны и к тому почеревы тыхъ бобровъ, которыи наместникомъ даютъ; и тежъ беруть из собою важчыхъ и важеть за кождый пудъ по 5 безменовъ, а передъ тымъ за Витовта и за отца и за брата нашого славное памяти Казимера и Олександра и королей ихъ милости, а они перед тымъ лечь только мотывали по 4 безмены въ пудъ в лубкахъ, а не голыи; к тому, отважывши пудъ, с кождого пуда по 3 лопатки меду беруть, какъ можеть занятн, и с тыхъ лопатокъ кождое осени выходить имъ о 60 пудовъ меду, кромъ важчыхъ, нижчыхъ; а важчыи на нихъ беруть с кождое осени по 30 пудовъ меду. Ктому беруть на нихъ кождое осени полкодного по 5 грошей, а по весне по 2 гроши, а они здавна давали полкодного одно по 1½ гроша. А за тымъ полкодованемъ беруть на нихъ 100 бочокъ жыта, а 150 бочокъ овса, 100 каменей меду, а из кождого села по вепру, а з мнiшого великого по вепру и по яловицы. И к тому на службу ихъ выгоняють с кождого села по 3, або по 2 чоловека, а з мнiшого по 6 человекомъ на кождую неделю. И коли прыйдуть на службу, они в нихъ беруть по полугрошку, а отпускаючы по другому полугрошку. И к тому тежъ имъ новину вчынили, иж они передъ тымъ озовничого давали одно по полтине грошей дворанину нашому, которого мы пошлемъ, а теперь на нихъ беруть по 5 копъ грошей. А коли они прыходять недель стеречы пословъ и гонцовъ нашыхъ, они на нихъ беруть по 70, або по 80 грошей, а отпускаючы беруть по куницы, а куница по 12 грошей, а гордничый береть на нихъ за кождый возъ сена по 15, або по 12 грошей, а по 2 сыра, овса по бочце, а по 2 плечки мяса, и по 2 безмены меду, и по двое хлебовъ, а по 2 гроны, а сено пред ся береть, на домы нашы наеждчаючы, або на сеножати кгвалтомъ. К тому заручаютъ имъ продавати яловицы и вепры для себе, иж в нихъ тое за полцены беруть. И што тежъ они зверь убьють, то они имъ заручаютъ продавати и тое в нихъ за безценокъ беруть. Къ тому тежъ поведили передъ нами, иж коли писары наши въеждчаютъ, або прыятелей своихъ на свое ме-

стцо посылають, они на нихъ беруть узъезду по 15 рублевъ грошей, кромъ стравы; и коли намѣстники до нихъ уеждчають дани метати, и они беруть на нихъ по 12 барановъ на кождую осень, а з дыму по гусяти, и по куряти, и по плечу мяса. И кгдыся они перед нами правуютъ о бчолы, онъ тыи пчолы кажетъ на себе лазити, а въ нихъ пересудъ безвинне береть. Ктому тежъ озера ихъ звечыстыи у Вестромъ у нихъ отняли, где они стародавна бобры на насъ ловливали, в чом же ся имъ от тыхъ врадниковъ крывды, новины и тяжкости великии деютъ, для чого жъ тая волость и место наше збожело и некоторыи люди с тое волости и места нашого розно ся розышли, а в томъ дань и платъ нашъ господарскиі вменшалъ. И били намъ чоломъ, абыхмо отъ тыхъ тяжкостей и новинъ вызволили и пры старыне ихъ заховали.

Но мы, бачачы на то, иж имъ отъ тыхъ врадниковъ крывда великая ся деетъ, на ихъ чоломъбитье то есьмо вчынили и ихъ вызволили есмо отъ всихъ тяжкостей и новинъ и на томъ зоставуемъ: иж не маютъ до нихъ наместники уеждчати дани нашое метати, нижли они маютъ сами подле стародавного обычая дань зметати и до замку нашого отвезти, и не маютъ они наместникомъ полюдованного болщы давати, одно по $1^1/_2$ гроша; и не маетъ ихъ черезъ тое на службу выгоняти и не маютъ езу бити, ани отъ того наместникомъ жадныхъ поклоновъ давати, и к тому маютъ они, место и волость, на неделяхъ своихъ пословъ и гонцовъ нашыхъ стеречы, а наместники имъ в томъ жаднос крывды не маютъ чынити, нижли они маютъ наместникомъ давати водле стародавного обычая, какъ и за первшыхъ державецъ нашыхъ бывало, 10 каменей меду, 8 яловицъ, 8 вепровъ, 8 барановъ, а 2 бочки соли, а съ трохъ сохъ маютъ дати по соланце жита, а по солянце овса, а по корду крупъ, а з дыму по сыру, а по курати, по 10 еецъ и по воску масла, а по возу сена. И тыи вси подачки маютъ они наместникомъ на кождую осень у Свислочи, у городе, отдати, а инде того нигде возити не маютъ. И городничыи не маютъ на нихъ жадныхъ подачокъ брати и писары нашы,

коли тамъ до нихъ уеждчаютъ серебщызны брати, они на нихъ беруть уезду по 12 рублевъ грошей; а такъ черезъ то писары не маютъ на нихъ того уезъду брати, нижли поколе серебщизну нашу выберуть, они повинни имъ будуть дати пити и ести достатокъ. И у озера ихъ звочистыи намесники черезъ тое не маютъ ся вступати. И винъ наместники тыжкихъ не маютъ на нихъ брати, нижли который ся чоловекъ выкинеть з 10 рублевъ грошей, они маютъ тое вины взяти рубль грошей, а отъ рубля 10 грошей. И не маютъ они тыхъ двухъ грошей пороховщызны давати. А за пустовщызны не маютъ на нихъ нычого брати. А не маютъ имъ черезъ тое намесники жадныхъ крывдъ чынити и повинъ уводити и во всемъ маютъ захованы быти водле стародавного обычая, якъ и за передковъ нашыхъ бывало и за первыхъ врадниковъ нашыхъ. И на то семо имъ дали сесь нашъ листъ з нашою печатю. Писанъ у Вилни, под лет. Бож. Нарож. 1534 мца мар 19 день, индиктъ 7.

(Кн. Суд. Д VII, лл. 133—135).

10.

Листъ кор. Сигизмунда I державцю могилевскому кн. Вас. Ив. Соломирецкому по поводу жалобъ подданыхъ на притьсненія со стороны князя.

S. l. et a. Среди актовъ 1535 года.

Державцы могилевскому князю Василю Ивановичу Соломирецкому. Приходили до насъ тыи люди наши Могилевскии на имя Павелъ Михалковичъ, а Степанъ Онофреевичъ, а Шапыръ съ Кохановичъ, Семенъ Ечь, а Гаврыло съ Супанычъ с товарыщы своими, жалуючи намъ ото всихъ людей волости Могилевское о томъ, штожъ деи которую вмову первей того съ тобою они вчынили о даванье подводъ подъ послы и гонцы з волости Могилевское и поднялися деи тебе в кождый годъ давати сто копъ и двадцать копъ грошей на ши-

рокую личбу и мели вже они отъ подводъ волъны быти и стада твоего не паствити и сторожовъ на потребы твои не посылати, одно деи мелъ ты з оное сумы пенязей подводы на кождый часъ давати и тыи вси потребы заступовати, ино деи теперъ еси десятниковъ своихъ тамъ установилъ, которыи жъ моцно ихъ грабятъ и кони ихъ в подводы даютъ и тяжкости великии имъ делаютъ. И при томъ деи берешъ собе на нихъ в кождый годъ узъезду по шестьдесятъ копъ грошей широкое личбы, а дань деи нашу они выдаютъ узкою личбою, у которомъ деи узъезду твоемъ тяжкость ся имъ великая деетъ. А ктому деи передъ тымъ давали они тобе въ кождый годъ у восень с кождого дому по грошу, а по весне по другому грошу, а теперъ деи берешъ на нихъ по десяти грошей з дыму. А за тымъ што есмо казали были имъ послати з волости Могилевское пятьдесятъ человековъ до Мстиславля на роботу, ино деи для того взято на нихъ двадцать копъ грошей широкихъ, а предъ ся деи на роботу до замку Мстиславского ихъ выгнано. И тежъ деи што даютъ они тобе на годъ осмдесятъ бочокъ жита, а осмдесятъ бочокъ овса, а записного деи давали отъ бочки по пенезю. Ино деи ты тыхъ часовъ берешъ на нихъ отъ бочки по десяти грошей. А которая деи дань наша грошовая и медовая теперешнего году на нихъ взята, ино деи не по мере то на нихъ брано: на кого деи оное дани прышло десять грошей, на таковомъ взято полкопы грошей, а слуга деи твой, дань медовую за старцемъ выбираючы, двадцать копъ на нихъ собе взялъ безвинне. А при томъ они жаловали намъ, што жъ деи коли который человѣкъ з нѣшымъ товарышемъ своимъ звадиться, а то бы ся не обжаловавшы зъеднаетъ, ты деи на таковыхъ куницъ змирскихъ правити кажешъ, въ тоій речы ихъ не судивпы. А которого деи еси старца на имя Якова тамъ на волости установилъ, онъ деи великии драпезства и тяжкости тымъ людемъ нашымъ делаетъ и пожитки незвычайныи з нихъ собе вымышляетъ. И тую волость нашу вбожишъ и опустошышъ. А в кривдахъ людей тамошнихъ помочонъ быти и з ними стояти не хочешъ И тежъ деи которыи они делницы свои въ замку тамошнемъ

Могилевскомъ робять и оправуютъ, ино деи тыи вси городни мещане Могилевскии займуютъ, а имъ деи жадное хоромины ку схованью речей ихъ в часъ пригоды поступовати не хочуть. При томъ деи некоторыи люди, Мишко Глусовъ, а Иванъ Товстукъ а Бобръ Лянищичъ великии тяжкости на волость ускладаютъ и вымышляючы речы несправедливыи, ку великой шкоде ихъ приводять. А к тому деи которыи бирчыи теперешнего году платы нашы з нихъ выбирали, ино деи многии розместъ на всю волость покладали, а с того имъ жадное личбы не вчынили, где оныи понези, што з нихъ выбирали, оборнули. И еще деи великии крывды отъ слугъ твоихъ имъ ся деютъ, для которого ж деи дранежства многии ся люди с тое волости прочь розышли. И били намъ чоломъ, абыхмо дали имъ дворенина нашого, передъ которымъ бы во всихъ тыхъ кривдахъ и тяжкостяхъ ихъ справедливость имъ была вчынена.

Про то естли будетъ такъ, какъ они намъ жаловали, мы для того послали до тебе дворенина нашого Александра Ѳедоровича Дыку.

И штося дотычетъ даванья подводъ подъ посли и гонцы наши, естли будешъ змову з нимъ вчынилъ и тыи подводы самъ перенялъ за ихъ заступовати, а за то берешъ на нихъ по 100 и по 20 копъ грошей широкое личбы, ажбы еси над оную умову свою никоторое тяжкости в тыхъ подводахъ имъ не чынилъ и коней ихъ подъ послы и гонцы брати и давати не казалъ и въ той речы къ нимъ ся заховалъ подле умовы своее.

А естли которыи десятники твои будутъ ихъ безъ воли твое грабили и тяжкости имъ чынили, ты бы в томъ имъ з ними справедливость учынилъ передъ тымъ дворанином нашымъ.

А штося дотычетъ доходовъ твоихъ, естли будутъ они передъ тымъ с кождого дыму по 2 гроши тобе давали, штобы еси и теперъ ихъ подавному мелъ и бралъ на нихъ в годъ по 2 гроши з дыму. А штося ткнетъ уезду, который на нихъ собе береш по 60 копъ грошей широкою личбою, ино

естли будуть они передъ тымъ тобе того уезду не даивали, ты бы и теперь въ томъ къ нимъ ся заховалъ подле давного обычаю.

А которыи пенязи отъ роботы замку Мстиславского будуть на нихъ побраны и хто будеть то выбралъ, съ таковыми бы еси справедливость имъ вделалъ.

Ктому, естьли будуть они передъ тымъ отъ овса и жыта, отъ кождое бочки записного по пенезю даивали, ты бы и теперь по 10 грошей на нихъ за то брати не казалъ, а постарому тотъ доходъ велелъ брати.

А которая дань сегорочная на нихъ выбирана, ино што на комъ будеть вышей взято, нижъ онъ повиненъ дати, и хто будеть то выбиралъ, на таковыхъ бы еси право имъ далъ передъ тымъ же дворениномъ нашымъ. А што ся дотычеть тыхъ 20 копъ грошей, што будеть слуга твой з данью нашою собе на нихъ взялъ безвинне, и тежъ которыи кривды и тяжкости имъ отъ теперешнего старца Якова стали и што тежъ будеть имъ тяжкостей вчынилъ Мишко Хлусовъ а Иванъ Товстюкъ а Бобръ Ленищичъ, и которыи тежъ бирчыи теперешнего году, платы нашы выбираючы, розмеры на нихъ поклали, а съ того имъ личбы не вчынили, въ тыхъ бы еси всихъ речахъ справедливость имъ з ними также учынилъ передъ тымъ двораниномъ нашымъ. И того бы еси старца, который будеть волости драпежство делати, з оного старченъя выставновилъ и обралъ на то человека доброго а годного, кого волость похочеть и который бы за людми нашыми и стоялъ и доходы наши справедливе з нихъ выбралъ и тому бы еси оное старченье далъ, а самъ того досмотрелъ, абы никоторого драпезства волости тамошней отъ старца не было.

А што ся дотычеть куницъ змирскихъ, въ томъ бы еси к нимъ ся справовалъ подле давного обычая.

А штося ткнеть убежища ихъ до замку нашого Могилевского, где будуть они передъ тымъ в часъ пригоды схованъя свои мевали, а которыи слуги твои будуть имъ в чомъ крывды и грабежы поделали, на тыхъ бы еси всихъ слугъ своихъ право далъ и справедливость вчынилъ и впередъ во

всихъ речахъ такъ ся къ нимъ заховалъ, яко бы пожитки наши господарские не были заронены и тыи подданыи нашы жадной тяжкости надъ обычай не приймовали и к убожству не приходили и намъ большей того докуки не чынили конечно.

(Кн. Зап. Лит. XIX, лл. 68—69).

11.

Устава Могилевской вол., данная вслѣдствіе жалобъ ея на кривды со стороны державцы могил. В. Соломирецкаго.

Въ Вильнѣ, 1 іюля 1536 г.

Жикгимонтъ и далей. Oзнаймуемъ тымъ то нашымъ листомъ. Што жаловали намъ мещане и волость Могилевская на державцу могилевского князя Василья Ивановича Соломирецкаго, ажбы онъ кривды и тяжкости имъ великие делалъ и бралъ на нихъ узъезды по 70 копъ грошей, а за полкодованье по 60 копъ грошей, а жита по 100 бочокъ, а овса по 100 бочокъ, а сена по 100 возъ, а по 20 яловичъ, а по 12 сторожовъ на кождый годъ и о иншыхъ тяжкостехъ своихъ жаловали, якожъ мы з рамени нашого господарского казали того межы ними досмотрети комисаремъ нашимъ, которыи при дворе нашомъ судять, маршалку нашому князю Андрею Михайловичу Коширскому а конюшому дворному, державцы кричовскому и аенскому пану Василью Богдановичу Чижу, а тивуну виленскому, державцы ушпольскому и пеняньскому и радунскому пану Шимку Мацкевичу, а городничому городенскому, державцы любошаньскому князю Семену Одинцевичу, а секретару нашому латинскому, державцы скерштомонскому пану Павлу Нарушевичу. Они того досмотревшы, намъ отказати, якожъ мы того суда ихъ реестръ казали передъ нами вычести и, выслухавшы достаточне того реестру ихъ, на томъ есмо зоставили: Што ся дотычеть дани нашое господарское грошовое и медовое и бобровъ и куницъ, што могилевцы поведили, ркомо бы упусте много было, на то мамы выслати

до тое волости, который маеть правдиве того доведатися и достаточне списати, колько тое дани з живого есть, а колько тежъ упусте зостанеть; и кгды тыи регистра до насъ принесены будуть, то будеть на ласце нашей господарской, на чомъ ихъ зоставимъ и по чому кажемъ з нихъ до скарбу нашого брати.

Нижли што ся дотычеть державцы могилевского князя Василья Ивановича Соломирецкого, с чого бы онъ мелъ живность собе мети и слугъ своихъ ховати, будучы на томъ замку нашомъ украинномъ, на томъ зоставуемъ и в томъ листе нашомъ казали есмо означити. Што даивали они въезду ему на кождый годъ по 70 копъ грошей, мы на то казали книги канцлерейские отворити, у которыхъ суть описаны уставы могилевские, кгды есмо давали отъ насъ Могилевъ держати первшымъ державцамъ пану Юрью Зеновъевичу а пану Яну Щиту; тамъ у тыхъ уставахъ тотъ уездъ описанъ есть, ижъ з ласки нашое господарское за даниною и за листомъ нашымъ они тотъ уездъ по 70 копъ грошей на нихъ бирали на каждый годъ, и мы вырозумевъшы, иж не князъ Василей тотъ уездъ имъ установили; але кгды жъ то они первымъ державцамъ пану Юрью Зеновъевичу а пану Яну Щиту давали з уставы нашое и за листомъ нашымъ господарскимъ, на тотъ часъ тотъ уездъ имъ отпускаемъ до воли нашое господарское, а напротивку того з ласки нашое дали есмо князю Василью на нихъ брати тивунщыны 80 копъ грошей на узкую личбу, которую тивунщыну они намъ даивали; а за полюдованье маеть ему давати 60 копъ грошей на узкую личбу, какъ и передъ тымъ даивали, к чому ся тежъ и сами знали, а на живность жита 80 бочокъ, а овса 80 бочокъ, а сена 80 возъ, а яловицъ 16 на кождый годъ зъ волости, а з места маютъ давати по 20 бочокъ жита, а по 20 бочокъ овса, а по 20 возъ сена а по 4 яловыцы, такъ же в кождый годъ. А маютъ они тое жито давати державцы з близкихъ селъ, которыи облизу Могилева живуть, на день святого Николы Зимнего, а з далнихъ селъ маютъ давати на Божье Нароженье, а остаточный рокъ на

Три Кроли, то есть на Крещенье. А естли бы на тыи три роки не выдали, тогды маеть то на нихъ децкимъ отправити. А отдаючы тое збожье, маютъ давати записного отъ бочки по пенязю. А по 6 сторожовъ з места и з волости до замку ему на послугу пешыхъ, кромъ кликуновъ, а тыи сторожи послугуючы ему, не маютъ ни хмеловъ, а ни горщковъ, а ни водеръ, а ни какихъ страдныхъ речей покуповати, одно маютъ послуговати державцы, коней его паствити не маютъ.

А торговое такъ уставуемъ: маютъ они, поддаными наши могилевцы, на торгу купячы на место, давати торговое отъ коня по грошу узкому а отъ вола, або отъ яловицы по полгроша узкого, а отъ иншого быдла забитого маютъ давати по тому, яко и передъ тымъ здавна давали, а отъ бочки жита маютъ давати по пенязю, а отъ бочки солоду по 2 пенязи, то есть померного; а коли чужоволостецъ приидеть на торгъ могилевский, тыи маютъ давати торгового потому, какъ и передъ тымъ давали; а на селехъ коли будуть могилевцы межи себе куповати быдло, отъ того торгового давати не маютъ, кромъ коли чужоволосцу продадуть коня, або вола, або яловицу, тотъ чужоволостецъ маеть торговое дати потому, якобы и на месцы купячи далъ; а отъ иншого быдла, отъ свиней и отъ овецъ и отъ козъ, торгового они не маютъ давати, хотя бы и на торгу продавали.

А змирское куницы маютъ давати по 12 грошей узкихъ могилевцы, а чужоволостецъ маеть змирскую куницу давати постарому. А вины великии и малые маютъ быти на насъ, господаря, нижли державцы маеть быти повинное отъ кождого рубля по 10 грошей А то все маютъ и поддаными наши давати державцы на узкую личбу.

А што ся дотычеть подводъ даванья подъ послы и подъ гоньцы, то маютъ давати з места и з волости по старому, яко и передъ тымъ здавна давали. А похочуть ли они з державцою своимъ о тыи подводы умову вчинити, ижъ бы онъ за нихъ заступовалъ, а отъ того подоймуть ся што ему давати, то будеть на ихъ воли; а держава не маеть тежъ в нихъ коней ихъ брати, на свои потребы посылати, а они

тежъ не повинни подводъ давати ему будуть на его потребу. Нижли бы ся приходили ему о которыхъ делехъ украинныхъ слати до насъ господара, або до пановъ радъ нашыхъ, подъ тыи слуги его маютъ подводы давати до обмены, где подводы отменяютъ.

А которыи они мети мечуть на место и на волость на свои потребы, тыхъ они меговъ не маютъ кидати на подданыи наши безъ ведома и без воли державцы нашого, бо для таковыхъ метъ ихъ поддаными нашимъ тяжкость велика ся деетъ и многии з нихъ ся отъ того ся прочь росходятъ и для того дань наша згинетъ.

И во всемъ ся в томъ маетъ державца с ними заховати водле тое уставы нашое. И на то есмо имъ дали сесь нашъ листъ. Писанъ у Вильни Под. лет. Бож. Нарож. 1536 м-ца[1] июл 1 день, индикта 9.

(Кн. Зап. Лит. XIX, л. 173—175).

12.

Выровъ воев. витебскаго пана Матея Яновича и Шимка Мацковича волости Тондягольской съ п. Яномъ Мик. Радивиломъ, старостою жомойтскимъ; волость жаловалась на новины, введенныя старостою, и на грабежи его намѣстниковъ; воевода установилъ новыи платъ на всѣ волости съ ихъ же согласія, жалобщиковъ же велѣлъ посадить въ казнь за угрозы убить его тивуна.

Въ Вильнѣ, 3 мая 1536 года.

З росказанья господара нашого милостивого короля и великого князя его милости Жыкгимонта я, Матей Войтеховичъ Яновича, воевода витебский, маршалокъ его милости господарский державца волковыйский, а Шымко Мацковичъ,

тивунъ виленьский, державца ушпольский, пеняньский и радуньский, смотрели есьмо того дела. Стояли передъ нами очевисте, жаловали передъ нами люди господарские волость Тоньдякгольская вся на пана Яна его милости Миколаевича Радивиловича, старосту жомойтского и ковенского, подчашого господарского, державцу василишского, тымъ обычаемъ. Штожъ дей его милость кажеть новину чынити и великии подачки на насъ дяку своему правити — отъ сохи воловой и коньской по полукопью грошей а по бочце овса, по возу сена з дыму, по курати и по десяти яецъ, чого жъ есмо за предковъ его милости, першыхъ старостъ жомойтскихъ, николи не даевали; и то его милость кажеть намъ своими подводами везти до именья своего Кодонь. А мы передъ тымъ у подводы николи не хожывали, а ни тыхъ подачковъ великихъ даивали, бо есьмо бояре, на войну ездимъ конно збройно ведлугъ можности своее, нижли только враднику его милости даемъ отъ сохи воловое петнадцать грошей; а хотябъ в кого колько сохъ, тогды только по полъ копы грошей, а большей полукопья не даевали, а отъ коньское сохи по десети грошей, а по бочце овса; а на пана старосту даевали есьмо с кождого дому по мерце жыта, а по другой овса, по мерце хмелю, по два гроши на медъ, и тое збожье и хмель и сыпывали есмо на волости на одномъ местцу. И панъ староста своими подводами казалъ отвозити до своихъ именей. И за вси тыи речы с сохи воловой и коньской давали есьмо пану старосте небожчыку пану Станиславу Станиславовичу по трыдцати копъ грошей, а его милости также давати хочемъ. И его милость за тыи свои доходы, которые намъ теперъ ново уставляеть, брати нашой десять чоловековъ казалъ повметати в казнь, посажати, с которымъ вжо три человеки вмерли; а дякъ его милость, имаючи людей, жонку до смерти забилъ. А которыи кони про службу вашой милости господарскую ховаемъ, тыи кони дякъ его милости пограбилъ и на нихъ ездить. И еще надъ то насъ самыхъ по дорогамъ и по торгомъ имаеть, хотячы въ казнь сажати, за чымъ и до домовъ своихъ ити не смѣемъ.

И панъ староста жомойтский его милость напротивку жалобъ ихъ подалъ тымъ обычаемъ. Што они жалуютъ, яко быхъ я казалъ имъ новины уводити и подачки правити, которыхъ они за предковъ моихъ, старостъ жомойтскихъ, не даивали и за то ихъ казалъ у казнь сажати,—кгдымъ приехалъ на старостье Жомойтское, которое господаръ его милость рачылъ з ласки своее господарское мнѣ дати, видечи обтяжливость, которую они терпять и хотячы имъ никоторую фолькгу вчынити, послаломъ по ихъ по всихъ приставовъ и и людей волостей моихъ, которыи ся мне ку старостве достали. Кгды они вси до именья моего Скидонъ изъехалися, казаломъ имъ поведити, ижъ я по посѣденъ не хочу ездити, яко предкове мои ежчывали, для того ижъ вамъ з большою шкодою и утратою будеть и большей бы вамъ вышло, коль бысте мене подыймовали. Где жъ ся имъ то подобало. А ктому еще в кождой волости по два врадники бывали, тивунъ а наместникъ, а отъ нихъ слуги два. Я, хотячы, штобъ имъ трудности и тяжкости не было, ижъ такъ много рядковъ, бо кождый хотелъ собе взяти, даломъ в кождую волость по одному наместнику, а тивуны и ихъ доходы показилъ. И учыниломъ з ними угоду со всими людьми и волости старостваго моего, положиломъ на нихъ платъ, якъ у волостяхъ господарскихъ: з людей идеть на господаря его милости из сохи па полукопью грошей, а к тому по бочце овса, по возу сена, з дыму по куряти, по десяти яецъ И тыи речы казаломъ имъ отвозити до именья моего Кедонъ. И они то приняли сами добровольне, на што жъ есьми у кождую волость листы мои подавалъ, а имъ особныи листы далъ, где жъ они на то прызволили и вхвалили, поднялися то платити. А такъ теперъ, выседевшы годъ, коли часъ прышолъ платити, ничымъ отбываютъ, и не хочуть такъ платити, яко со мною умовили, бо то имъ не новина: князъ Семенъ Одинцевичъ кгды былъ на местцу по смерти предка моего небожчыка пана Петра Станиславовича в Жомойти, такъ у нихъ бралъ по полукопью грошей на господаря его милости и тыи пенези до скарбу его милости отдалъ; готовъ есьми до реистру.

Где жъ то князь Семенъ Одинцевичъ очевисто передъ нами сознался. Вже деи со всихъ волостей вси доходы ведлугъ уставленья моего зуполна отданы и сами своими коньми овесъ и сено, и куры и яица до именья моего отвезли, которымъ далей, нижли имъ, але ижъ суть богатшыи, упоромъ своимъ они не хотятъ тыхъ моихъ доходовъ платити, ани ихъ везти, бо имъ только шесть миль до Кедонъ, а ближей со всихъ волостей.

И пытали есьмо, што ку тому мовятъ. И они поведили: Коли его милость волость обсылалъ, абы ся зъехали до Кедонъ, мы тамъ не были. Могъ приставъ куничникомъ листы выправити, а мы не куничники, бояре, не ведаемъ о томъ листе ничого, ни есмо его видели. Панъ староста его милость шапку ставилъ, ижъ они сами были, ачъ кольвекъ не вси, але есть некоторыи тутъ межы ними, которыи при той умове были и листъ узяли, и который листъ и теперъ есть у заховань пристава ихъ тондякольского, бо в листе ни одного на имя не меновали, одно всеи волости и людемъ и прыставу дано. И пытали есмо ихъ, ведлугъ обычая права: если будутъ шапку ставили, по тры кроты? И они шапки приставити не хотели. А што жаловали, ижбы дьякъ мой, имаючы ихъ, сажалъ у казнь для того, ижъ доходовъ не хотятъ дати, и десяти чоловековъ усадилъ, с которыхъ умерли тры чоловѣки, и четвертую жонку дьякъ забилъ и грабежы в нихъ побралъ и теперъ на конехъ ездитъ, ино штося дотычеть людей, кгды дьякъ мой ехалъ на волость доходовъ выбирати, и они мало его не забили, бы былъ не втекъ и доходовъ не дали и грозилися на него: якъ деи приденъ въ домъ нашъ, поведаемъ, если выедешъ и стережысе собе, якъ Шышковичу сталося. Я за таковое ихъ непослушенство и своевольность грозбы, которую они хотели чынити, казаломъ ихъ поимати и въ казнь посажати до прыеханья моего; а впакже и теперъ, если паруку по себе дадутъ, я ихъ кажу пустити, бо таковыхъ людей трудно безъ паруки пускати. А што ся дотычеть тыхъ головъ, я того не ведаю, кгды буду

въ ыйменьи моемъ въ Кедонехъ, о тыи головщыны и о грабежы справдливость имъ з дякомъ моимъ учыню.

Где жъ господаръ его милость, тыхъ ихъ речей намъ казалъ выслухавшы, собе отказати, и мы, того выслухавшы, тыи вси слова господару его милости поведили, и его милость господаръ, вырозумевшы съ того, рачылъ его милость знайти выгокомъ своимъ господарскимъ: кгды жъ вси волости тыи доходы свои дають, Тонтякгольская и тая одна с того выймуеться, не хочуть платити и шапки не приставили до листа, который естъ у пристава, што умову вчынили, ижъ сами ся добровольне подняли тыи доходы пану старосте платити и, выседевшы годъ, теперъ тыхъ доходовъ впоромъ своимъ платити не хотять, по трыдцати копъ грошей въ кождый годъ подвезываются платити, которыхъ панъ староста на умову и вставу приняти не хочеть; и обачывшы его милость, ижъ имъ крывды въ томъ, а ни обтяжливости нетъ, а наболей, ижъ не одны они, але вси волости такъ дають, рачылъ его милость росказати, абы они, водле уставы, которую его милость панъ староста по всихъ волостехъ своихъ уставилъ, и листы свои в кождую волостъ далъ, и тыи доходы вси зуполна отдавали, яко иншыи волости дають и до именья пана старостина сами отвозили и чересъ то росказали его милости, абы на его милость не кликали и не докучали. А што ся дотычеть тыхъ людей, што в казни седять, тыи люди с казни господаръ его милость и казалъ ихъ попущати на паруку, а о головщыны и грабежи казалъ господаръ его милость с тымъ то имъ дякомъ справедливость вчынити. И то его милость казалъ у книги свои господарскии записати и листъ свой казалъ его милость пану старосте жомойтскому на то дати. Писанъ у Вильни мая 3 д. Индикта 9.

(Кн. Суд Д. VI, лл 150—152.)

13.

Устава, данная кор. Боной волостямъ Усвятской и Озерищской о платахъ и повинностяхъ ихъ.

Въ Вильнѣ, 5 сентября 1535 года.

Бона etc. Били намъ чоломъ люди вси волостей нашихъ Усвятское и Озеришское и поведили передъ нами, штожъ какъ есмо дали держати и заведати отъ насъ дворъ нашъ Оболца и тыи волости Усвять и Озеришча воеводе витебскому маршалку короля его милости державцы морецкому и волковыйскому пану Матею Войтеховичу, ино дей ихъ врядники его витебские почали подъ свой присудъ къ Витебску вернути и многие новины имъ надъ ихъ пошлину уводити. Где жъ они таковыхъ ся новинъ выстерегаючи, били намъ чоломъ, абыхмо ихъ по старине заховали и новинъ имъ уводити не допустили. Ино мы, хотячи ихъ, яко то людей украинныхъ, в ласце и въ бачности нашой господарской и при ихъ старыхъ пошлинахъ заховати, на томъ есмо ихъ зоставили: отлучили есмо тыи обедве волисти нашие, Усвять и Озерищо, отъ присуда и отъ послушеньства замку Витебского Не маеть их ани панъ воевода витебский, ани его врядники витебские ни судити, ни радити, только маеть ими справовати и дань грошовую и вси доходы в нихъ выбирати и до скарбу нашого отдавати державца нашъ оболецкий. А то маеть дотоль по тому держано и ховано быти, покуль мы, господарыня, тыхъ волостей в держаньи будемъ. Надъ то што ся дотычеть роботы замку Витебского, маютъ они подлугъ стародавного обычая и повинности своее вси тые роботы в замку Витебскомъ кождого году робити потому, якъ передъ тымъ робливали: по чотыри недели у годъ, две недели в лесе, а двѣ недели в замку робять за вижомъ державцы оболецкого,и тому вижу, сходячи з роботы, маютъ дати дванадцать грошей. А што ся дотычеть въезду наместничого, до тыхъ волостей не маютъ державцы и неместники нашы оболецкие до тыхъ волостей въѣжъдчати, одно подлугъ ста-

рины, коли дань нашу выбирати. Тежъ до нихъ въежъдчати и во всем ся тамъ неинакъ, одно по старинѣ справовати маютъ. Не маютъ тежъ тые волости Усвятъ и Озерища тегнути озера Выймены, которое озеро у Витебской волости есть, маетъ панъ воевода витебский тое озеро людьми витебскими тегнути, а имъ в томъ маетъ дати покой. И на то дали есмо тымъ волостямъ нашимъ Усвячаномъ и Озеришчаномъ сесь нашъ листъ подъ нашою печатю. Писан у Вилни, подъ лет. Бож. нарож. 1535, м-ца сент. 4 день ин. 7.—Валерияпъ писарь.

(Кн. Зап. Лит. XXXII, п 38—39).

14.

Листъ воеводѣ виленскому пану Гаштольту о кривдахъ мѣщанъ Гомельскихъ отъ державцы ихъ князя Василія Толочинскаго.

Въ Краковѣ, 1537 г. 18 іюня.

Жикгимонтъ, Божю милостью король и великий князь. Воеводе виленскому канцлерю нашому старосте белскому и мозырскому пану Олбрахту Мартиновичу Кгаштолту. Што перво сего приходили до насъ многии люди наши Гомейские, жалуючи сами отъ себе и отъ всихъ мещанъ и людей волости Гомейское на державцу Гомейского князя Василя Толочинского о томъ, штожъ которыи листы наши подавали есмо имъ, вызволяючи ихъ отъ даней грошовыхъ и медовыхъ, бобровыхъ и куничныхъ, подводъ и серебщизнъ и всякихъ иншихъ платовъ на десять годъ, а отъ роботъ замку Гомейского на годъ есмо ихъ вызволили подъ тымъ обычаемъ, ижъ они не мели до году оного замку робити и ничого въ немъ оправовати, хиба естли бы которыи кгонты зъ замку спали, або дощка ся где оторвала, то мели за ся прибити и направити. Ино деи князь Василей тыи листы наши у нихъ поотнималъ и того жъ году почалъ имъ кривды чинити: напервей князь имъ съ того тамъ у Гомьи справовати а потомъ езъ робити и моцне почалъ ихъ къ тому приворочати

и грабити, который жо де езъ наймуючи они робили и выложили на то тридцать копъ грошей, а острогу жаднымъ обычаемъ за великими тяжкостями и знищеньемъ своимъ доконати не могли. И ктому деи онъ озера и берега бобровыи, съ чого они передъ тымъ пожитокъ мевали, въ нихъ отнялъ и бобровъ битыхъ сто въ нихъ взялъ, потомъ деи онъ въ некоторыхъ людей тамошнихъ земли ихъ отчизныи бортныи поотнималъ и тыи деи люди для великихъ тяжкостей прочъ оттолъ пошли. А коли деи князь Василей въ объезде ездилъ и дань и тивуновщину зъ нихъ бралъ и всихъ пенязей двенадцать копъ грошей, а меду пресного за десять копъ на нихъ узялъ, тогды деи семъ селъ людей отъ того для великого обтяженья прочъ пошло. И тежъ деи казалъ онъ имъ сено на себе косити, чого они передъ тымъ николи не знавали, и до того деи сена пятсотъ возъ они ему укосили и незносную тяжкость въ томъ приняли. Затымъ которые гости збожъемъ и зъ иншими речми до Гомья приежджаютъ, онъ деи съ тыхъ гостей мыта великие береть и для оныхъ люди торговыи съ тыми живностями тамъ зъездити переставаютъ, а подданыи наши тамошнии великий недостатокъ въ живностяхъ маютъ. Притомъ они жаловали намъ, штожъ деи князь Василей казалъ имъ гридну собе въ Гомьи робити и они мусили наймомъ тую гридню вробити, а пять рублей за то заплатили. А потомъ другимъ разомъ заставилъ ихъ стайню на себе робити, за которую жъ стайню дали они отъ роботы чотыри копы грошей. И не могучи они кривдъ и тяжкостей своихъ великихъ отъ него терпети, выправили были неколко людей съ жалобою до насъ господаря, и онъ деи оныхъ людей казалъ на дорозе переняти и побити, и ограбити, и у вежу посажати, и пенязей готовыхъ взялъ въ нихъ шестнадцать копъ грошей и двадцать бобровъ а двесте грошей вины на всихъ ихъ взялъ. И плачливе били они намъ чоломъ, абыхмо другого державцу имъ дали и водле первыхъ листовъ нашихъ вызволеныхъ ихъ заховали.

Где жъ мы квапне того не чинячи, а хотячи певную справу въ томъ мети, посылали тамъ дворенина нашого Ивана

Григоревича и казали ему о тыхъ всихъ кривдахъ и тяжкостяхъ и грабежохъ ихъ достаточне ся доведати и тыхъ селъ розгнаныхъ осмотрети и оныхъ тежъ людей битыхъ, которыхъ они первей зъ жалобами выправовали, а онъ ихъ ималъ и былъ ихъ у вязенье сажалъ, огледати и того ся тежъ справедливе доведати, што князь Василей будеть съ нихъ взялъ и которыми речми ихъ обтяжалъ,—имъ то все отказати. Якожъ оный дворянинъ нашъ тамъ ездилъ и въ князя Василья зъ листомъ нашимъ былъ, черезъ который расказали были есмо ему вси тые речи, што колве зъ нихъ будеть побралъ, въ целости передъ тымъ дворенином нашимъ имъ поотдавати и листы наши вызволеныи имъ вернути, и онъ деи дворенина нашого ссоромотилъ и бити его хотелъ, а оныхъ речей побраныхъ и листовъ нашихъ первшихъ вызволеныхъ тымъ людемъ гомейскимъ поотдавати не хотелъ и надъ то деи ещо жоны и дети ихъ поимавши, до дворца послалъ, оли жъ они въ него ихъ выручили у сту и двадцати копахъ грошей, и самъ деи онъ зъ Гомья до именей своихъ поехалъ, а того ничого имъ не оправилъ, а жоны деи ихъ и теперь у него за порукою суть, о чомъ жо и тыхъ часовъ некоторые люди гомейские и повторе на князя Василья, отъ всихъ мещанъ и людей волостныхъ тамошнихъ жалуючи, приходили. А и тотъ дворянинъ нашъ Иванъ Григорьевичъ, оттоль приехавши и всякие речи на реистръ списавши, намъ его далъ, съ которого жъ есмо реистру взяли великое отъ него утиснене и обтяжливости подданымъ нашимъ тамошнимъ и не вемы, въ который онъ обычай такъ срокго къ тымъ людемъ украинным заховалъ, а надъ волю и росказанье нашо черезъ листы нашы вызволеныи таковыми незносными ихъ обтяжалъ, штожъ зъ великою невдячностью отъ него прыймуемъ.

И ачъ колве быхмо за таковою неслушною справою его и за великими обтяжливости тыхъ людей нашихъ гомейскихъ, што ся передъ нами оказало, мели тотъ замокъ нашъ зъ рукъ его взяти и иншого державцу, хто бы ся намъ на то годный бы виделъ, тамъ послати; лечъ маючи есмо узглядъ на твою милость пана и раду преднейшую, ижъ на причину твоей

милости замокъ князю Василью есмо дали, того ещо потерпели, бо самъ твоя милость добре тому сведомъ, ижъ тотъ замокъ за великимъ накладомъ къ рукамъ нашимъ пришолъ, а онъ на речъ нашу господарскую и земскую бачности не маеть и того жъ часу почалъ собе съ тыхъ новыхъ людей пожитки вымышляти и ихъ убожыти и земль ихъ отнимати, и листы нашы въ нихъ отбирати, и къ роботе замковой приворочати, а они до году не мели замку робити и оли жъ бы рокъ вышолъ, тогды мели его оправовати водле слушного обычаю. Яко жъ мы сами имъ фолкгуючи, вси платы наши до десяти годъ отпустили, же бы ся они запомогли и иншыи люди, отчичи тамошнии, абы за ся на отчизны свои пришли, а звлаще въ теперешнии часы, якъ ся намъ съ княземъ московскимъ перемирье стало, могли бы они безпечне отчизнъ своихъ уживати и запоможенье собе мети. А теперъ того не бачимъ, же бы князь Василей за держанья своего людей што тамъ присадилъ, але и тыхъ, которые после войска нашого въ той волости зоставали, немало оттоль пошло прочъ, за таковою справою его николи ся они поправити не могуть. Вѣдже и самъ онъ могъ бы тому розумети, ижъ тотъ замокъ на украйне есть, а къ людемъ украинным треба ся ласкаве заховати и не годиться имъ ни въ чомъ обтяженья чинити, нижли коли бы ся они запомогли и добре тамъ укгрунтовали, могъ бы тымъ намъ, господару, пожитокъ привлащыти и собе тежъ знаючи по часу пожитокъ зъ нихъ мети. Для чого жъ мы и теперь послали до него дворенина королевое нашое ее милости и великое княгини Боны Мартина Пацотковского. А такъ бы твоя милость князя Толочинского напомянулъ и науку ему далъ, же бы онъ упередъ лепшую бачность на насъ господара и на речъ земскую мелъ и слушне а радне на томъ справовалъ и такового обтяженья людемъ тамошнимъ украинным не делалъ и листы наши, даныи имъ отъ насъ на вызволенье даней и платовъ нашихъ, имъ отдалъ и въ роботе замковой водле тыхъ первшихъ листовъ нашихъ ихъ заховалъ. А што колвекъ пенязей и бобровъ и медовъ пресныхъ и винъ будеть зъ нихъ побралъ, то бы все

нехай имъ поотдавалъ и тыи пенязи, што на гридню и стайну его они будуть выложили, имъ заплатилъ и за то за все досыть имъ вчынилъ передъ тымъ дворениномъ королевое ее милости. А естли бы онъ къ чому ся знати не хотелъ, ино на што они доводъ слушный, або присягу передъ тымъ дворяниномъ королевое ее милости учинять, то бы все нехай имъ безъ мешканья заплатилъ и жонъ ихъ съ порукъ вызволилъ и винъ зъ нихъ не бралъ и жадныхъ хоромъ на себе имъ робити и сенъ косити не казалъ, а земли ихъ отчизные и озера, которые колвекъ будетъ у нихъ поотнималъ, за ся имъ вернулъ передъ тымъ же дворениномъ королевое ее милости. И такъ того смотрелъ, жебы поддаными нашы тамошние таковыхъ тяжкостей отъ него не приймовали и зъ отчизнъ своихъ прочъ ся не росходили. А што ся дотычеть старца, хто бы мелъ старченство у той волости заведати, ино которого человека волость на старченьство выбереть, тотъ нехай старцомъ у нихъ будеть. А князь Василей бы того зъ жалобами до насъ ся не втекали, бо мы маючи причину твоее милости у себе приемную, за такими тяжкостями подданыхъ нашихъ съ того держанья его не рушали и мамы за то, ижъ твоя милость такъ рачишъ того осмотрети и науку ему дати, яко бы было зъ нашымъ господарскимъ добрымъ земскимъ пожиточнымъ. А пакъ ли бы онъ предъ ся въ томъ небачнымъ былъ и хотелъ якии пожитки съ тыхъ людей нашихъ вымышляти и кривды и драпежства имъ чинити, а они бы для того мели прочъ оттоль ся розходити и (того Боже не дай), естли збытки, а неслушною справою его мелъ оный замокъ нашъ, который за немалымъ накладомъ намъ ся досталъ, ку якой шкоде прийти, мы того всего хочемъ на твоей милости смотрети. Писанъ у Кракове подъ лет. Бож. Нарож. 1537 м-ца июня 18 день, индиктъ 10.

(Кн. Зап. Лит. XXI, л. 153 об.—155).

15.

Листъ объ освобожденіи мѣщанъ могилевскихъ отъ работы пограничныхъ замковъ вмѣстѣ съ людьми волостными, кромѣ замка Могилевскаго.

Въ Краковѣ, 1537 г. 26 апрѣля.

Жикгимонтъ. Били намъ чоломъ вси мещане места нашого Могилевского о томъ, што есмо росказали державцы могилевскому князю Василью Ивановичу Соломирецкому неколько десятъ чоловековъ ку роботе замку нашого Мстиславского з волости Могилевской выправити и послати, ино деи волощане, люди Могилевские, посполъ зъ собою къ роботе ихъ прытягиваютъ и хочуть по нихъ мети, абы они до замку Мстиславского и до иншихъ городовъ, где быхмо ихъ обернули, с ними шли и въ тыхъ роботахъ замковыхъ имъ помагали. А они передъ нами поведили, ижъ ачъкольве въ таковыхъ роботахъ перед тымъ людемъ волостнымъ помочъни были, нижъли деи еще въ тотъ часъ замку нашого в Могилеве не было, а для того они посполу з волостью до иншыхъ замковъ з росказанья нашого до иншыхъ на роботу хожывали. А скоро замокъ въ Могилеве сталъ, тогды деи они завжды свой замокъ опъравуютъ и пры ономъ замку ся запомогъшы болшымъ купецъствомъ ся обыходятъ, нижъли передъ тымъ торговли свего мевали, а земль жадныхъ волостъныхъ подъ собою не маютъ и ихъ не ужываютъ, и за оными деи купецствы ихъ не малый пожытокъ на мытехъ нашыхъ прыходитъ. А к тому деи они въ часъ прыгоды и навальности отъ людей непрыятельскихъ завжды замокъ нашъ Могилевский осе-дають и пъры державцы нашомъ его боронять и людемъ непрыятельскимъ отъпоръ чынять. Яко жъ и теперъ зъ роботы замку нашого Могилевского не вымовляютъ и завжды въ часъ потребы робити, опъравовати его хочуть, одъно били намъ чоломъ, абыхмо до иншыхъ замковъ не казали ихъ до роботы з людми волостъными выганяти и тяжкости в томъ имъ делати, жебы для того они з места Могилевского прочъ

ся не розходили. Про то естъли они, мещане могилевские, земль волостъныхъ подъ собою не будуть мети и ихъ вжывати, одно купецъствомъ ся обыходять, с которого пожытокъ не малый на мытехъ нашыхъ естъ, а к тому ижъ они свой замокъ опъравують и впереди опъравовати его хочуть и въ часъ прыгоды отъ непърыятеля пры державцы могилевскомъ его оседають и людемъ непърыятельскимъ отъпоръ чынять, мы ласку нашу в томъ им вчынили, не казали им до Мстисъславля и до иншыхъ замковъ нашыхъ з людми волостъными на роботу ходити и тяжъкости и накъладовъ в томъ собе прыймовати, нижъли мають они замокъ Могилевский часу потъребы робити и оправовати водле росказаня державцы нашого могилевского. И на то дали есмо мещанамъ могилевскимъ сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ в Кракове под лет. Бож. Нарож. 1537 м-ца октября 26 ден индикта 11. Михайло писаръ.

(Кн Зап. Лит. XX, л. 66—67)

16.

Листъ всѣмъ державцамъ и людямъ волостей Подньпрскихъ о посылкѣ туда для сбора всѣхъ платовъ и податковъ господарскихъ особаго писаря, пана Оникея Горностая.

Въ Берестьи, 1537 г. 28 октября.

Жикгимонтъ и далей. Ко всимъ державцамъ и старцомъ и десятникомъ волостей нашихъ Поднепрскихъ, могилевскому и любошанскому, бобруйскому и мозырскому, свислоцкому, кричовскому, пропойскому, чечерскому, горвольскому. Што есте перво сего многокроть били намъ чоломъ, оповедаючи великие трудности и шкоды свои, которие ся вамъ деють у выбиранью данеи нашихъ, гдежъ мы за чоломбитьемъ вашимъ росказали были державцамъ кождому у своей волости, вси наши дани, грошовыи и медовыи и бобры и куницы выбираючи зъ васъ, до скарбу нашого относити. Ино поведаемъ

вамъ, ижъ тыхъ часовъ видело ся намъ установити тамъ особного писара нашого и тыи доходы, дани медовыи и грошовыи и бобровыи и куничныи и иншые пожытки и платы наши господарские, въ кождый годъ пот... овати *(очев. попысовати)* и о томъ ся достаточне доведовати по тому, яко и по дворомъ нашимъ Виленского и Троцкого повету писары наши суть уставены, и въ кождый годъ дворы наши объежджаютъ и попысываютъ. Какъ жо обрали есмо тамъ писаромъ ключника нашого виленского державцу коневского и дубицкого пана Оникия Горностая и росказали ему тыи вси волости въ кождый годъ объежджати и дани грошовыи и медовыи, бобровіи и куничныи (выбирати), и о платехъ, данехъ нашихъ справедливе а достаточне ся доведывати, и тежъ тивунщыны великие и малые и возъезды писарские и данничии и соколничыи и ловчии и иные вси платы и доходы, которыи на насъ и на выежчихъ нашихъ прихоживали, попысывати и по тому жъ тамъ ся справовати, яко и тыи писари наши Виленского и Троцкого повету справуютъ. Где жъ онъ маеть по всимъ тымъ волостемъ нашимъ поежджати о последней Матце Божей, або его коли поспешность будеть, въ кождый годъ. Про то ачъкольве вы, вси волости, первей сего одержали собе листъ с канцлерии нашое, ижъ бы писары наши не мели тамъ уежджати, и мы бачачи шкоду нашу и хотячи болшый пожитокъ скарбу нашому вчинити и платы наши розширыти, а звлаща для того ижъ по вси тыи годы минулыи даней и платовъ нашихъ до скарбу нашого сполна не выдавано, тотъ листъ нашъ ламлемъ и ни во што его оборочаемъ и приказуемъ вамъ, абы есте отъ того часу по всимъ тымъ волостемъ нашимъ старцовъ и десятниковъ и всихъ людей тому писару нашому въ руки подали, коли онъ тамъ будеть въежджати, и сами бы есте въ тотъ часъ кождый у своемъ враде у волости при немъ были и тые вси платы и доходы нашы, которые суть въ семъ нашымъ листе выписаны, и иншыи, которыи бы мели еще къ пожытку нашому прибавлены быти, казали ему оповедити, а онъ маеть то все попысывати, о тыхъ всихъ платехъ и доходехъ нашыхъ ведати и пожытки наши розмно-

жати. И вжо бы есте подъ его ведомомъ водлугъ реистровъ его отъ того часу тые вси платы и доходы зъ людей нашыхъ выбираючи, на рокъ о Божьемъ Нароженьи до скарбу нашого относили и отдавали, водлугъ того росказанья нашого ся справовали и ничимъ съ того не выступали и тому писару нашому въ томъ противни не были, бо то естъ воля и росказанье наше господарское. А не казали есмо ему зъ людей нашихъ взъезду, а ни пищого ни одного пенязя брати, нижли-вамъ, всемъ державцамъ и старцамъ, приказуемъ, ажъ бы есте въ кождый годъ тому писару нашому пану Опикею Горностаю давали съ кождое волости особливе по два рубли грошей конечно. Писанъ у Берестьи подъ лет. Бож. Нарож. 1537 м-ца окт. 28 день индиктъ 10.

(Кн. Зап. Лит. XXI, л. 1—2).

17.

Господарскій листъ по жалобѣ Упитской волости на кривды воеводскихъ врядниковъ.

Въ Краковѣ, 31 іюля 1538 года.

Жикгимонтъ. Били намъ чоломъ прыставове и вси люди волости нашое Упитское и поведили передъ нами, што жъ деи врадники упитские воеводъ нашыхъ троцкихъ крывды и тяжкости великии имъ делають и новины уводять и в домы ихъ з немалымъ почтомъ уездчають, а кажуть себе чтити и даровати, чого деи передъ тымъ николи не бывало. А в которого деи дому пива не найдуть, они того грабять и винами карають и ихъ самыхъ, безъ винъ же имаючы, в нятсво сажають и вины непомерныи беруть и иныи невымовныи тяжкости имъ делають, чого деи передъ тымъ за предковъ нашыхъ николи не бывало. И вказывали передъ нами листъ брата нашого славное памети Александра, короля его милости, до воеводы троцкого пана Петра Яновича писаный,

в которомъ жо описуеть, ижъ за первшыхъ воеводъ пры отцы нашомъ многии новины имъ ся стали и которыи наместники воеводины на тую волость нашу прыежджывали, тогды бирали на нихъ, ездячы по посадемъ, с кождое посоди по осмисотъ куръ, по осмисотъ плечъ мяса, по девеносто барановъ, по двесте бочокъ овса, а по шестидесятъ копъ грошей, а по двадцати подводъ, чого здавна не бывало. И Александръ, король его милость, убачывшы, ижъ то есть людемъ нашимъ с тяжкостью, установилъ его милость и выписалъ то в листе своемъ, ижъ маеть наместникъ воеводинъ ездити по посадомъ на году тры разы; двакроть маютъ на него делати по трыдцати поседей, а в третее, на весьне, по пятнадцати поседей; а на кождую поседь маютъ прыехати к обеду, а почовавшы и обедавши на заутрыо, маеть прочь поехати. А на кождой поседи маютъ ему дати по барану, а по пятнадцати куровъ, пятнадцать плечъ мяса, а по пуду меду и тожъ на кождой поседи по тры бочки овса, а по куницы шерстью, або за куницу дванадцать грошей. А больщъ того не казалъ тымъ людемъ нашымъ ничого имъ давати. То пакъ деи врадники пановъ воеводъ троцкихъ не водле тое уставы къ нимъ ся заховывають и черезъ тотъ листъ крывды и тяжкости имъ делають. И били намъ чоломъ, абыхмо пры той уставе, водле листу брата нашого Александра, короля его милости, ихъ зоставили. А такъ мы, того листу короля его милости Александра огледавшы и бачачы таковыи великии крывды и втисненья ихъ, которыи они отъ врадниковъ пановъ воеводъ троцкихъ прыймують, з ласки нашое на ихъ чоломъ битье то вчынили, пры той уставе вышеписаной ихъ зоставуемъ. Маютъ врадники пановъ воеводъ троцкихъ, нинешнихъ и потомъ будучихъ, водле тое уставы, вышей на томъ листе нашомъ описаное и водле листу короля его милости Александра, къ нимъся заховати и по тому оныи поседи съ нихъ брати и вжо больщъ того никоторыхъ крывдъ не маютъ имъ чынити, и новинъ уводити, и на домы ихъ черезъ тыи роки уставеныи наеждчати, и не казати имъ себе чтити, а даровати и за то. ихъ не грабити, и вины непомерными не карати, и в

нятство безвинне ихъ не сажати, одно во всемъ водле тое уставы с ними ся справовати. И на то дали есмо имъ сесь нашъ листъ, до которого и печать нашу прыложити казали. Писанъ у Кракове. Под. лет. Бож. Нарож. 1538, месяца июл, 31 день. Индиктъ 11.—Михайло, писаръ дер. коръ. и сток.

(Кн. Зап. Лит. XX л. л. 165—166).

18.

Декретъ людямъ подводнымъ витебскимъ, которые пріискивали Хроля Грибова въ подводную службу.

Въ Витебскѣ, 1 февраля 1539 г.

Я Матей Войтеховичъ Яновича, воевода витебъский маршалокъ господара короля его милости, державца волъковыский и оболецкий, смотрели есмо того дела. Стояли перед нами очевисто, жаловали намъ люди господарские витебъские подводные на имя Карпъ десятъникъ, Отрохимъ Грибовъ, Пашъко Боборика, Демъянъ Кропивинъ з иншыми поплечъники своими на мещанина витебъского Хроля Мануйлова сына Грибова, приискивали его к собе у подводную службу, поведаючы, иж дей дедъ и отецъ его здавъна посполъ съ нами тую службу подводную служивали и коня под послы и гонцы даивали, а онъ с нами тое службы не служит, а в томъ ся намъ отъ него кривъда деетъ. И тотъ Хроль поведилъ, што они мене к собе у подводную службу приискивають, а поведають, жебы дедъ и отецъ мой с ними тую службу служивалъ передъ тымъ, ино я деда своего не паметаю, а и отъца мало помню, нижли то ведаю, иж дедъ и отецъ мой с ними тое службы подводное и я самъ и до сихъ часовъ не служивалъ, а и земъли подводное никоторое под собою, с чого бы мела служба тая быти, не держу, окроме всего земъли под собою маю, где дворомъ сежу, и с того дедъ и отецъ мой изстарелися и померли, служачи панцерную службу, якож и я теперъ

посполъ з мещаны службу панцерную служу, а не подводную. И мы тыхъ людей подводныхъ пытали: Маете ль вы на то доводъ который, а чимъ того хочете на него перевести, же бы тотъ Хроль былъ вашъ поплечъникъ, человекъ подводный, чы служивалъ онъ самъ, або отецъ его з вами тую службу подводную за первшихъ пановъ воеводъ витебъскихъ, за пана Яна Юревичъ Глебовича, за пана Ивана Богъдановича Сопеги, за пана Януша Костевича, за пана Ивана Семеновича Сопеги, писара господарского, за пана Юря Глебовича. И они на то жадного слушъного доводу, ани сведомъя никоторого не вчинили, же бы отецъ его, або онъ самъ с ними тую службу подводную служивалъ, нижли поведили: Правъда естъ, ижъ дедъ его, небожчику Илья Грибовъ, не хотячы тое службы самъ с нами служити, окупилъ чоловека видблена на ж на имя Озарка Капусту зъ его детьми и внучаты, же бы за него и за его дети и внучата тую службу служити; якож тотъ Озарко Капуста с нами за него тую службу подводную служивалъ, а дедъ и отецъ его отъ того часу не почали с нами служити, але вже того Капусты нетъ. И тотъ Хроль поведилъ, иж вжо былъ ему с ними о томъ судъ передъ намесникомъ нашимъ витебъскимъ Климомъ Ѳеодоровичом и перед паны бояры земъли Витебъское и войтомъ и мещаны и листъ ихъ судовый перед нами покладалъ, в которомъ пишеть, иж тыи подводники того Хрола перед ними у подводную службу приискивали и того на него не перевели, же бы онъ былъ ихъ поплечникъ, нижли тое ж поведили, ижъ Озарко Капуста за деда его служивалъ; яко ж и очевисте и словомъ тотъ суд свой наместникъ нашъ витебъский с тыми судями перед нами отъказывали, иж они в том того Хрола правого знашъли. И мы тому поразумевъшы и ихъ речей з обу сторонъ выслухавъшы, ижъ тыи подводники того Хрола менили быти поплечъникомъ своимъ, чоловекомъ подводнымъ, а доводу жадного на то не вчынили, а ни того на него не перевели и на первоправе перед намесникомъ нашымъ и бояри и перед нами и к тому сами сознали, ижъ за деда его ещо служивалъ тую службу с ни-

ми Озарко Капуста, а потомъ и дедъ и отецъ его не служивалъ, казали есмо имъ смотътрети в томъ того то Озарка Капуста, або детей его, а Хрола Мануйлова в томъ есмо отъправили и сказали ему службу панъцерную посполъ з мещаны служити, какъ и перед тымъ отецъ его и онъ самъ служивалъ. И на то есмо ему дали сесь нашъ судовый листъ з нашою печатью. А при томъ были городничый и хоружый витебъский панъ Романъ Гарасимовичъ, а служебъникъ князя бискупа его милости луцъкого князя Юря Фальчевъского Олибрахтъ, а войтъ витебъский Ивашко Крупеничъ. Писанъ у Витебъску под лет. Бож. нарож. 1539 год мѣс. Фев. 1 день индиктъ двадцатый.

(Кн. Судн. Дѣлъ Лит. IX, л. 91).

19.

Листъ, данный всѣмъ подданымъ волости Бобруйской, оставляющій ихъ при старой повинности и освобождающій отъ платежа двухъ сотъ копъ грошей, который наложилъ на нихъ панъ Гаштольтъ.

Въ Вильнѣ, 23 іюля 1540 г.

Жикгимонтъ, Божью милостью. Били намъ чоломъ старецъ волости Бобруйское на имя Данило зо всими мужъми тое волости нашое Бобруйское и поведили перед нами, ижъ дей небощыкъ воевода виленъский его милость панъ Ольбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ, держачы отъ насъ тую волость Бобруйскую, увелъ былъ имъ новину и бралъ на нихъ в кождый годъ по двесте копъ грошей. А того дей они перед тымъ за продковъ нашыхъ и за нашого панованья николи первымъ воеводамъ не даивали. Нижли дей панъ воевода за своего деръжанья то былъ в нихъ встановилъ, а в томъ дей они не могли дани нашое господаръское медовое и грошовое, бобровое и куничъное и иншыхъ платовъ и до-

ходовъ на насъ сполъна давати, и били намъ чоломъ, абыхмо ихъ отъ тое новины вызволили. Ино естли будуть они за предъковъ нашыхъ и за насъ господара тыхъ двусотъ копъ грошей недаивали, а будеть ли то имъ новина, ижъ небощыкъ панъ воевода виленъский то имъ будеть увелъ, мы на ихъ чоломбитье с тыхъ двусотъ копъ грошей ихъ вызволяемъ: не маютъ тые люди волости нашое Бобруйскоо оныхъ двусотъ копъ грошей державцамъ нашимъ бобруйскимъ давати и державцы нашы, которые будуть от насъ тую волость держати, не маютъ в нихъ тыхъ пенезей брати и маютъ имъ в томъ дати впокой. Нижли они маютъ намъ, господару, дани нашы грошовое и медовое, бобровое и куничъное и тивунъщыну великую и малую и дубасчыну и хоружого доходъ, што они хоружому земскому даивали, и инъшые всякие доходы и пожытки наши господарские в кождый годъ сполъна до скарбу нашого господарского выдавати и то все сполняти водлугъ стародавного обычая, какъ будеть перед тымъ здавна бывало, яко ж они и сами ся того подвезали, и земъли пустовские поднялися намъ людми осадити. И на то есмо старцу и всей волости Бобруйской дали сесь намъ листъ з нашою печатью. Писанъ у Вилни под леты Бож. нарож. 1540, м-ца июля дня 28 индикта 13.

(Кн. Зап. Лит. XXIV, л. 34).

20.

Листъ, данный всѣмъ подданымъ волости Бчицкой объ освобожденіихъ отъ платежа, наложеннаго на волость покойнымъ п. Гаштольтомъ.

Въ Вильнѣ, 14 іюля 1540 г.

Жикгимонтъ, Божью милостью. Били намъ чоломъ старецъ волости Бчицкое на имя Василь Осиповичъ зо всими мужъми тое волости Бчицкое и поведили перед нами ижъ небощыкъ воевода виленъский, его милость панъ Ольбрахтъ

Мартиновичъ Кгаштолтъ, деръжачы от насъ замокъ нашъ Мозыръ и тую волость Бчицкую, увелъ былъ имъ новину и бралъ на нихъ в кождый годъ по полшостадесят копъ грошей, чого ж дей есмо з вековъ не плачивали, яко бы то винщины. А того дей они перед тымъ за предковъ нашыхъ и за нашого панованя николи первымъ деръжавъцамъ не давали, нижли дей панъ воевода за своего деръжанья то былъ на нихъ встановилъ, а в томъ дей они не могли дани нашое господарское медовое и грошовое и бобровое и куничное и иншыхъ платовъ и доходовъ на насъ сполъна давати. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ от тое новины вызволили. Ино естли будуть они перед тымъ за предковъ нашыхъ и за насъ, господара, тыхъ полъшостадесятъ копъ грошей не даивали, а будетьли имъ то новина, иж небощыкъ панъ воевода виленский то имъ былъ увелъ, мы на ихъ чоломъ-битье с тыхъ полъшостадесятъ копъ грошей вызволяемъ: не мають тые люди волости нашое Бчицкое опыхъ полъшостадесятъ копъ грошей давати державцамъ нашымъ бчицкимъ и державцы нашы, которые будуть от насъ тую волость деръжати, не мають въ нихъ тыхъ пенезей брати и мають имъ в томъ дати покой. Нижли они мають нимъ, господару, дани нашое медовые и грошовые, бобровые и куничные, и тивунъщыну великую и малую и иншые всякие доходы и пожитки нашие господарские в кождый годъ сполна до скарбу нашого выдавати и то все полнити подлугъ стародавного обычая, якъ и перед тымъ здавна бывало. И на то есмо старцу и всей волости Бчицкой дали сесь нашъ листъ. Писанъ у Вилни, под леты Бож. Нарож. 1540, месеца июль день 14, индикта 13.

(Кн. Зап Лит. XXIV, л. 35).

21

Декретъ конюхамъ Борковскимъ съ волостью Борисовскою о совмѣстномъ несеніи конюшской службы.

Среди актовъ 1541 г.

Стояли в праве очевисто, жаловали конюхи господарѣские волости Борысовское Анъдрей Волъковичъ, Юрко Лобейковичъ, Иванъ Овсейцевич, Грынецъ Анъдреевичъ на старца Борысовъского Василя Осмола и на мужей волости Борысовъское Совостея Создятича, Тараса Игнатовича, Иванъца Павловича, Хрола Левоновича и Митяту Мясолоевича, Мишка Зарубича, Павла Ковешовковича и на всю волость Борысовъскую в тотъ обычай: Повинъна волость наша Борысовъская зъстародавна сено наместнъику возити, а мы ихъ к тому выганяемъ, отъ того намъ с нихъ с кождого дыму идеть по сыру. Ино старецъ тотъ Василъ Осмолъ заручылъ намъ, абыхмо волощанъ сена возити не выгоняли, и мы черезъ тую заруку его вжо от трохъ годъ волощанъ сена возити не выганяемъ и тыхъ доходовъ своихъ не беремъ и за тымъ они и насъ в тую службу свою сена возити вернуть. На то старецъ тотъ Василь Осмолъ з мужы поведили: Было намъ право о томъ с ними перед воеводою виленъскимъ, небощыкомъ паномъ Ольбрахтомъ Кгаштолътомъ, и въ томъ панъ воевода насъ правыхъ нашолъ и с тоей службы и с подачокъ конюшскихъ вызволилъ и на то намъ листъ свой судовый далъ и господаръ его милость тотъ судъ намъ листомъ своимъ потвердилъ; а после того вжи тыхъ часовъ недавно, какъ выездилъ тамъ на волости руские Патей, онъ о томъ межы нами смотрелъ, и насъ пред ся в томъ правыхъ нашолъ и листы судовые, которые есмо мели, онъ в насъ взялъ. Конюхи против того поведили: Была о томъ жалоба отъ насъ перед небощыкомъ паномъ воеводою и панъ воевода казалъ того досмотрети наместнику своему виленъскому Грышку и писару своему Семашку, якъ же они тамъ перед ними ставшы поведили на то в себе

листъ пана воеводинъ и мели тотъ листъ перед паномъ воеводою положыти и поколику кроть с нами перед паномъ воеводою ставшы, листа того не покладали и доводу на то жадного не вчынили, а за тымъ панъ воевода насъ въ томъ правыхъ нашелъ и сено той волости Борысовъской самымъ казалъ возити и подачки конюшъские давати потому, якъ перед тымъ бывало. И на то они покладали перед паны ихъ милостью листъ пана воеводинъ, въ которомъ панъ воевода пишеть, ижъ казалъ былъ имъ тотъ листъ судовый перед собою положыти и они, покольку кроть перед правомъ ставшы, листа того не покладали и доводу на то не вчынили. А такъ заставилъ панъ воевода на томъ, штожъ мают волость Борысовъская сена по пяти возъ на наместника возити и подачки конюшские давати по старому до того часу, поки бы волость положыли листъ судовый, о которомъ поведали в себе. И панове их милость, выслухавшы ихъ в томъ з обу сторонъ и порозумевшы тому, кгдыжъ волость Борысовъская, яко на онъ час передъ паномъ воеводою, такъ и нине тутъ перед ихъ милостью листовъ на то никоторыхъ не положыли и доводу не вчынили, положыли на томъ, штожъ мають волость Борысовъская сено на наместника по пяти возовъ возити и тые подачки конюшъские давати по старому. А есть ли волость листы которые будуть (неоконч.)

(Кн Суди. Дѣтъ Лит. X, л. 231—232).

22.

Выровъ мещанамъ Каменецкимъ съ людьми Каменецкой волости объ общемъ отбываніи подводъ.

Въ Берестьи, 14 іюня 1540 г.

Жикгимонтъ, Божю милостью король и великий князь. Смотрели есмо того дела. Стояли перед нами очевисто, што перво сего жаловали намъ войтъ, бурмистры и рядцы и вси мещане места нашого Каменецкого на десятниковъ и всихъ

людей волостныхъ замку Каменецкого о томъ, ижъ первей сего князь Иванъ Андреевичъ Полубенский, а староста дорогицкий панъ Андрей Фалковичъ, а лесничый подляшскій Потей Тишкевичъ за росказаньемъ и листы нашыми смотрели ихъ з ними о подводы, которыи они з давныхъ часовъ под послы и гонцы шесть недель даивали, а мещане на семой недели такжо под послы и гонцы даивали. То такъ кгды потомъ некоторымъ княземъ, паномъ и земляномъ люди волостныи от замку Каменецкого розданы, тогды они сплошенство и недбалость в томъ собе мели и водлугъ давного обычая подводъ нашыхъ въ неделяхъ своихъ за онымъ розданемъ людей под послы и гонцы давати не хотели, а мещане тежъ сами одны тому досыть вчынити не могли. Где ж подскарбий земский маршалокъ и писаръ нашъ небощыкъ панъ Богушъ Боговитиновичъ, держачы от насъ замокъ Каменецкий и бачечы оное розданье людей и особливе обтяжливости места Каменецкого, межы мещанъ и ихъ волостныхъ людей таковую вгоду и застановене вчынилъ под тымъ способомъ, ижъ мели они под послы и гонцы подводы давати три недели, а мещане другую три недели. Какъ же дей они от пана Богуша то приняли и черезъ колко летъ водле застановенья его досыть тому чынили, а потомъ за ся у даваню оныхъ подводъ почали они собе сплошенство чынити и на тыхъ неделяхъ своихъ ни хотели подводъ давати, чогож тыи комисары нашы межы нами смотрели, перед которыми они яко к тымъ шести неделямъ, на которыхъ здавна подводы даивали, так и к тое уставе пана Богушовой ся признали. И такъ оные комисари нашы на онъ часъ, водлугъ сознаня ихъ и тежъ водлугъ суда пана Богушова, з суда своего на томъ тую речъ застановили и казали имъ пред ся под послы и гонцы три недели подводы даивати, а мещаномъ другую три недели, на што и листъ свой судовый имъ дали, водлугъ которого ж суда ихъ и наш лист до десятниковъ и до всихъ людей волостныхъ Каменецкихъ мещаном данъ, абы вжо они на тыхъ трехъ неделехъ своихъ без кождого сплошенства под послы и гонцы подводы давали и

черезъ то мещанъ ку шкоде не приводили. То пакъ тыхъ, часовъ будучы намъ в Берести, оные десятники и люди волостные замку Каменецкого до насъ приходили, жалуючы, иж подкоморий нашъ державца каменецкий панъ Миколай Юревичъ Пацевича службами и работами и подачками нашими ихъ обтяжылъ и то на нихъ установилъ, чого они перед тымъ здавна не служывали и подачокъ не давали, а над то тежъ до своего двора на роботу и службу ихъ женеть и в подводу до именей своихъ посылаеть, въ чомъ они великую обтяжливость и шкоду приймують, и за тымъ з мещаны тыхъ подводъ давати и тому досыть чынити не могуть, и просили, абы они с тыхъ подводъ были вызволены, або ижъ бы въ тыхъ роботахъ и службахъ ихъ полечка имъ была вчынена. Гдежъ войтъ, бурмистры и рядцы и мещане места нашого Каменецкого, тотъ часъ будучы при насъ и около тыхъ речей з волостью очевисто перед нами мовили, иж они сами одны без волости жадным обычаемъ тыхъ подводъ давати нездужаютъ, и тому досыть вчынити не могуть, и естли бы они с того были вызволены, тогды для того место ку великому зниценю придеть и вси люди з него прочь ся розыйдуть, а в томъ бы большая шкода намъ, господару, была, и просили войть, бурмистры и мещане, абы при уставе пана Богушовой и при суде оныхъ судей были зоставены, на штожъ и листъ ихъ судовый перед нами покладали, какъ жо в тотъ часъ и судья ихъ князь Иванъ Полубенский, который первей с паномъ старостою дорогицким тое речы межы нихъ смотрелъ, при насъ былъ и за росказанемъ нашымъ тотъ судъ свой, яко ся тая речъ передъ нимъ точыла и на чомъ они з суда своего то застановили, намъ, господару, отказывалъ. А такъ мы отказу его в томъ выслухавшы и тымъ речамъ добре вырозумевшы и бачечы на то, иж кгды волость перед тымъ здавна посполъ з местомъ подводы даивали, а потомъ кгды некоторымъ княземъ и паномъ и земяномъ люди волостныи отъ замку Каменецкого розданы, тогды небощыкъ панъ Богушъ, чынечы в томъ межы ними на обе стороне полечку коло даня оныхъ подводъ, иншую

новую уставу межы тыми людми волостными и мещаны вчынилъ, а комисары нашы первеи сего з суда своего при тымъ же зостановенью пана Богушовомъ ихъ зоставили, ку которой жо уставе пана Богушовой и сами тыи люди волостныи ся признали,—мы и теперъ з выроку нашого при той уставе пана Богушовой и при суде и листе судовомъ комисарей нашыхъ войта, бурмистровъ и рядцъ и мещанъ Каменецкихъ в томъ заставуемъ: маютъ вжо люди волостныи на тыхъ трехъ неделяхъ своихъ без кождого сплошенства под послы и гонцы подводы давати и через то жадными причынами не маютъ они з даваня оныхъ подводъ ся выймовати, леч то маютъ полнити без всякихъ вымовъ; а мещане другую три недели повинни также подводы давати. И на то дали есмо им сесь нашъ листъ судовый з нашою печатю. Писанъ в Вести под лет. Бож. Нарож. 1544 м-ца іюня 14 дня индикта 2.

(Кн. Зап. Лит. XXIV. л. 221—223).

23.

Листъ кор. Боны державцю оболецкому и усвятскому Кирдею Гричиновичу о старинныхъ правахъ на выборъ старцевъ вол. Усвятской.

Въ Вильнѣ, 2 іюня 1544 года.

Бона, божью милостью королевая полская и далей. Державцы нашому оболецкому и усвятскому пану Кирдею Гричиновичу. Што жаловали намъ на тебе люди наши волости Усвятское о томъ, штожъ дей ты положилъ тамъ у нихъ слугу своего, а тамъ дей того обычая в нихъ николи небывало, ижъ бы который державца мелъ тамъ в той волости Усвятской слуги свои уставичне мети. Нижли дей тотъ в нихъ есть обычай стародавный, што они сами старца межи собою выбираютъ. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при стародавныхъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали, а того слуги тамъ

у нихъ не казали тобе метн. Ино мы на нхъ чиломъ битье теперъ то вчинили, ижъ они старца межи собою выбраного мають тамъ мѣти и водлугъ давного звыклого нхъ обычая мають ся в томъ справовати и радити. А ты вжо отъ сего часу не кажи тамъ служе (sic) своему тамъ лежати, ажъ до того часу, поки мы лепей ся о томъ доведаемъ и порадимъ и до тебе отпишемъ, а нначей бы того не чинилъ. Псанъ у Вилни, месяца юн. 9 ден. индикт 2. Петръ писаръ.

(Кн. Зап. Лит. XXXII, л. 39).

24.

Листъ господарскій державцѣ кричевскому пану Андрею Шалухѣ о кривдахъ мѣщанъ и подданыхъ волостныхъ Кричевскихъ, съ требованіемъ держаться старины и уставы 1526 г.

Въ Берестьи, 23 августа, 1544 г.

Жикгимонтъ, Божью милостью король и великий князь. Державцы крычовскому пану Андрею Шалусе и инымъ державцамъ Крычовскимъ, хто и напотомъ будетъ тотъ замокъ Крычовский отъ насъ держати. Присылали къ намъ мещане места нашого Крычовского и вси люди волости Крычовское, жалуючы о томъ, штожъ деи первшыи державцы кричовскии князь Василей Андреевичъ Полубенский, староста Мстиславский, а небощыкъ панъ Василей Богдановичъ Чыжъ, а князь Левъ Полубенский кривды и обтяжливости великие им делали и новины уводили. Коли деи хто з нихъ за границу Московскую с товаромъ пойдетъ, брали з нихъ мыта отъ меха по грошу шырокому, а от воза по полчетверта гроша и въ гоны бобровыи и въ ловы лосиныи ихъ властные звечистые вступалися, с которыхъ деи гоновъ бобровыхъ и лововъ платъ нашъ господарский они полнили. И еще деи некоторыхъ братю ихъ, людей волостныхъ, што з ними посполите

платъ дають, на себе осажывали и собе пожытки з нихъ брали. А которая деи волость Лучыцкая з веку замку з ними стерегуть и дають ку сторожы четвертого сторожа, съ тыхъ деи людей наместники поклоны беручы, отпускали прочь и имъ самымъ однимъ замку стеречы велели. А коли дей писари нашы до волости Кричовское приежджають даней и платовъ нашыхъ выбирати, тыи деи Лучычане не хотели имъ подымати и стацеи и въездку писарского помагати давати. А которыи деи куницы поседеные звечистые по три грошы они державцамъ даивали, ино деи державцы нашы бирали на нихъ по тринадцати грш., а по три вшатки меду, а пятдесятъ грш. отъ горщковъ, а огородного такъ же пятдесятъ грошей, а неводничыи за неводомъ бирали по петидесят грш., а къ тому бочки кади и иншый судъ на то в нихъ бирали. А которая помена в веку отъ старца идеть на подскарбего земского три коны грошей, они деи такъ же по три коны грошей на себе брали, недбаючы о листы и вставу нашу, которыи есмо первей сего имъ, всей волости нашой, дали, яко ся они з ними мели справовати и што державцамъ нашымъ давати. Какъ жо они тыхъ часовъ били намъ чоломъ, абыхмо такового обтяженья имъ делати не казали и при той уставе нашой першой велели ихъ заховати. А такъ мы, хотечы ихъ при той уставе нашой зоставити, казали есмо такъ листъ нашъ уставный слово отъ слова въ сем листе до тебе выписати, который жо такъ ся въ собе маеть:

„Наместнику Крычевскому князю Василью Семеновичу Жылинскому и инымъ наместникомъ крычевскимъ, хто и на потомъ будеть отъ насъ Крычовъ держати. Били намъ чоломъ мещане и вся волость Кричовская о томъ, штожъ есмо первей сего установили имъ уставу нашу, по чому они мають з места и з волости наместникомъ нашымъ в кождый год за страву давати пенязми за яловицы, за старое мясо и жыто и овесъ, и сено, и дрова, и сторожы, и подводы, и вины, и пересуд, то есмо имъ в семъ нашомъ листе выписали и тотъ они листъ нашъ перед нами вказывали и поведили передъ нами, штожъ вжо после тое въставы нашое многие

люди з места и з волости Кричовское розышлися прочь и земли ихъ опустели и дань наша гинеть. А первей сего они по колку годовъ дани нашое до скарбу нашого не давали, а тыми разы вжо они за ся дань на насъ дають, и для тыхъ причынъ жадною мерою не могуть они по той первой уставе нашой тыхъ всихъ речей наместникомъ крычовскимъ давати, били намъ чоломъ, абыхмо имъ въ томъ полечку вчынили. Ино мы, бачечы въ томъ ихъ трудность и к тому, ижъ вжо они дани до скарбу нашого дають, въ томъ есмо имъ ласку нашу вчынили, половицу всихъ тыхъ речеи, што есмо в первомъ листе нашомъ уставу были вписали, имъ отпустили. А то тымъ обычаемъ, ижъ они тепер мають наместникомъ крычовскимъ в кождый годъ за страву давати по пятнадцати копъ грошей узкихъ, по пети яловицъ, а за яловицу по полкопы грошей узкихъ, а по пяти полтей мяса, а полоть по десяти грошей узкихъ, а пятьдесятъ бочокъ солянокъ жыта, а пятьдесятъ солянокъ бочокъ овса, а по триста возъ сена, а за возъ сена пенязей никоторыхъ не давати, а дров на неделю лете по пяти возъ, а зиме по десяти возъ. И вины мають давати по пяти грошей узкихъ, а пересуда по полтретя гроша, децковання по полтретя гроша узкихъ, а повинного и повежного по полугрошу узкому, а сторожовъ мають давати на недели по пяти, а в сторожовъ ничого не маеть брано быти. А прометъ нашъ и наместничый маеть с нихъ брань быти такъ, какъ бы для того человекъ з места, або з волости не пошолъ и жены и детей не зоставлял. А подводъ на потребы наместниковы не мають они давати, только на наши господарские. А про то приказуемъ тобе ажбы еси по той теперешней уставе нашой тыи вси речи и повинности в нихъ бралъ, а вышъ того ничого на нихъ не вставлялъ и не бралъ. И на то есмо имъ дали сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ въ Петрикове под лет Бож. Нароженья 1526 мѣсяца генваря 28 день индикта 14^{a}.

Про то приказуемъ тобе, ажбы еси во всемъ побожне безъ ихъ обтяженья к нимъ ся заховалъ, и новинъ жадныхъ не вводилъ и того мыта, а от мехов и от возовъ брати в нихъ

не казалъ и в гоны бобровыи, и в ловы лосиные их звечистые ничымся не вступовали, и людей волостныхъ, братьи ихъ, на поклонехъ не осаживалъ и людемъ Олучицкимъ замку зъ ними подавному стеречы и в стацеяхъ и в ездехъ писарскихъ имъ помогати велелъ и тыхъ куницъ поезныхъ и поменъ з старца трехъ коп грошей и меду и горелкового, и огородного, и неводничого, чого будуть они державцам не давивали, и што тежъ въ той уставе нашои на державцу не описано, брати на нихъ не казалъ, одно бы еси того з нихъ смотрелъ а в томъ ся з ними заховалъ и во всемъ ся справовалъ, какъ вышей в семъ листе нашомъ устава описана, ажъ бы тыи подданыи наши черезъ то никоторое обтяжливости и кривды и новины въ томъ собе не мели и намъ, господару, докуки не чынили и такъ далеко з жалобами своими до насъ не втекалися конечно, абы то инакъ не было, для чого ж посълали есмо тамъ дворянина нашого Ѳедора Солтановича Ставецкого, словомъ о томъ казали ему от насъ тобе мовити и тую уставу нашу оповедити. Писанъ въ Берести, под лет. Бож. Нарож. 1544 месяца августа 23 день индикта 2. Иванъ Горностай подскар. земский и писарь.

(Кн. Зап. Лит XXIV, л. 228—229).

25.

Листъ королевы Боны державцю рогачевскому, данный по жалобѣ на него подданыхъ села Лучинскаго о введенныхъ здѣсь новинахъ.

Въ Петриковѣ, 1548 г.

Бона, Божью милостью. Державцы рогачовскому. Што при бытности твоей тутъ при дворе нашомъ на тотъ часъ у Петрикове жаловали намъ подданые наши волости Рогачовской села Лучинского на тебе о томъ, штожъ дей ихъ ты надъ повинности ихъ ку роботамъ у фольваркахъ тамо-

шнихъ замковыхъ примушаешъ и приворочаешъ. где еси ты з ними о томъ передъ нами очевистную справу мелъ. А такъ еси поведилъ, ижъ они на таковые роботы не суть повинни, только уживаешъ. И мы есмо того промежку васъ досмотривши, такъ знашли и постановили, ижъ тые люди наши Лучинские у фольваркохъ тамошнихъ, яко пашни пахати, хоромъ и кухонъ ставити и огородовъ тынити и справовати и жонки ихъ огородовъ полоти и жадное работы робити немають, нижли коли бы на толоку за хлебомъ врядничимъ были ку таковымъ роботамъ фольварковымъ возваные, тогды по своей доброй воли, хто похочеть, тотъ на нее пойдеть, але силою врядники наши тамошние никого з нихъ к той роботе фольфарковой приворочати немають. Што тежъ тыежъ подданые наши лучиньские жаловали на тебе, иж они здавна за возъ сѣна з дыму по два гроши платити на кождый рокъ суть повинни, и ты дей и тые пенези за сено з нихъ берешъ и сено имъ над повинность ихъ косити велишъ. Якожъ еси и ты самъ передъ нами повѣдилъ, иж они тотъ платъ по два гроши за кождый возъ сѣна з дыму платять, а надъ то дей и сѣна чотыры стоги на кождый рокъ косити повинни. Гдѣ мы того промежку васъ досмотревши, на томъ есмо постановили, ижъ тые Лучинцы и по дву грошу за возъ сѣна с кождого дыму платити и на кождый годъ чотыри стоги сѣна тамъ, гдѣ имъ в прилеглости указано будеть, косити водлугъ своеи стародавнои повинности (мають). При томъ тежъ, который листъ они передъ нами старосты нашого пинского небожчика пана Ивана Михайловича, на чомъ они здавна осели, вказывали, мы ихъ правомъ при томъ листе заховываемъ, только гдѣ бы потреба вказывала, тогды они замокъ нашъ Рогачовский восполокъ из ыншою волостью нашою тамошнею робити и будовати повинни будуть. А приказуемъ тобѣ, ижъ бысь тыхъ падданыхъ нашихъ Лучинцовъ водлугъ сего листу нашого заховалъ и надъ повинность ихъ стародавную штобы еси имъ кривдъ никоторыхъ недѣлалъ и новинъ не уводилъ, а селетровщину ижъ бысь з нихъ потомужъ, якожъ и з иншихъ волощанъ тамошнихъ, з дыму по два гроши въ кождый

годъ бралъ конечно. Писанъ у Петрикови, под лети бож. нарож. 1548, мѣсяца ден, индиктъ 6.

(Кн Зап Лит. XXXII, л. 16 об.—17 об.)

26.

Листъ кор. Боны державцѣ рогачевскому П. Пельжинскому о кривдахъ, причиненныхъ имъ поддаными, съ описаніемъ волостной уставы.

Среди жктовъ 1548 г.

Державцы нашому рогачовскому Павлу Пелжыньскому. Што очевисто с тобою передъ нами мовили подданые наши волощане замку нашого Рогачовского о томъ, ижъ што которыхъ осмъ старожовъ они на кождую недѣлю з волости замку тамошнего Рогачевского водлугъ повинности своеи на сторожу высылаютъ, то, пакъ ты оныхъ сторожовъ на послуги свои изъ замку отсылаешъ животины и кони своихъ паствити, пашню пахати, огородовъ своихъ справовати, еще дей к тому кони своихъ в замку имъ стеречи и въ кухни послугивати и гной имъ зъ замку возити велишъ, на што дей они зъ вековъ не были повинни, якожъ листъ небожчика князя Ѳедора Ярославича и листы старостъ нашихъ первыхъ рогачовскихъ небожчиковъ Ильинича и пана Ивана Михайловича передъ нами покладали, которыми листы они суть вызволены отъ сторожи коней врядничихъ тамошнихъ и тежъ отъ службы кухонноі. Еси ты о томъ всемъ з ними перед нами очевистую справу мелъ. И мы жалобы ихъ и твоего отпору выслухавши, такъ есмо выроком нашимъ знашли и постановили, ижъ тыхъ подданыхъ нашихъ, волощанъ рогачевскихъ, которые на сторожу до замку приходятъ, на послуги свои нигде зъ замку ити, яко на пастенье коней, животины своее, такъ до пашни, до огородовъ и на жадные иншые послуги нигде зъ города ихъ отсылати не маешъ, бо они того для на сторожу до замку приходятъ, ижъ бы замку стерегли и въ немъ

уставичне были, а тыи послуги, которые бы въ замку потребные суть, абы справовали, бо ихъ ихъ мы отъ таковыхъ послугъ въ замку вызволити не хочемъ, ани вызволяемъ.

К тому што тежъ волощане наши Рогачовские жаловали, ижъ которыи вепровъ дванадцать они до замку нашого Рогачовского по осми грошей широкихъ на кождый рокъ платити и отдавати повиньни, то пакъ дей ты пинязи за тые вепры подлугъ повинности васъ отъ нихъ их (sic) вземши, потомъ дей вепры в нихъ по тыи же цени по осми грошей широкихъ берешъ, а иншие тежъ вепри в нихъ почому хочешъ и не водлугъ цены брати на потреби замковии кажешъ. Гдѣ тежъ ты (мы) того промежку васъ досмотревши, таки есмо знашли и постановили, ижъ тые поддане наши волощане рогачовские водлугъ повинности своее будуть на кождый рокъ повиньни до скарбу нашого рогачовского дванадцать вепревъ живыхъ не вельми худыхъ давати, а тые (ты) вжо онихъ пѣнязей, што за вепри были повиньни давати, з нихъ брати не будешъ. А естлибы еси на потребу замковую большей вепровъ потребовалъ, и ты в нихъ куповати будешъ потому, почому слушною ценою сторговати у которого з нихъ можешъ.

При томъ тежъ што тые волощане рогачовские жаловали на тебѣ передъ нами очевистьно о томъ, штожъ дей волы, яловицы, бараны и иншую животину в нихъ берешъ, почому хочешъ, потому имъ (? даешъ), а не такъ, яко бы слушне а побожне з нихъ который продати могъ, платишъ. Якожъ еси ты передъ нами къ тому не знялъся, и мы, промежку васъ досмотривши, такъ есмо знашли и тобѣ заказали, штобы еси въ нихъ животины ихъ такъ безъ цены не бралъ и слугамъ своимъ брати не казалъ подъ ласкою нашою. А однакожъ мы в томъ слушное постановенье хотячи мети, такъ есмо постановили, ижъ бы вси волощане замку нашого воловъ, яловицъ немають нигде, только у месте нашомъ Рогачевскомъ при замку продавати. А ты тожъ тамъ у нихъ по цени слушной, яко и который инший купецъ, оную животину можешъ продавати (sic, покупати), а силою ничого брати не

можешъ. А овцы, бараны и козы тогды имъ вольно маеть быти на волости, кому хотять, продавати.

Тежъ есмо около пересудовъ, децкованого и вижового такъ очевисто промежку васъ постановили: ижъ коли который подданый нашъ, на которомъ другомъ што с права презыщеть, тогды пересуду отъ речи презысканое десять грошей дати маеть. А где бы ся хто отъ чого отягалъ, тогды помятного чотыри гроши маеть дати, а децкованого отъ мили по грошу. А слугамъ твоимъ, кгды отъ тебе с права посланы будуть, платити маютъ. А вижиного отъ кождои речи вижови твоему по дванадцати грошей платити повинни будуть. Однакожъ где бы который з нихъ о малую речь вижа в тебе недалеко бралъ, тогды хочемо мети, ижъ бысь на таковыхъ бачность мелъ и по мере такое вижовое на нихъ а звлаща на убогихъ казалъ брати.

Притомъ тежъ, што тыежъ подданые наши рогачевские съ тобою очевистно передъ нами мовили, ижъ на села ихъ горелку и меды насылаешъ и самъ зъ собою привозишь, а потомъ оный медъ и горелку слуги твои выпьютъ, а они то за децкованьемъ твоимъ платити мусять. И съ того очевистного мовенья вашого постановили есмо такъ, ижъ ты николи, яко медовъ, такъ и горелки на села ихъ насылати, ани зъ собою привозити немаешъ. А естли которому з нихъ того на село потреба будеть, нехай онъ собѣ съ корчмы нашое рогачевское, а не чужой волости береть.

Тежъ, што тыежъ подданые наши рогачевские с тобою передъ нами очевистно о подводы мовили, ижъ на потребу свою с куплями своими до мытъ нашихъ ихъ подводу посылаешъ надъ повинность ихъ стародавную. Где мы тежъ того промежку васъ досмотривши, такъ есмо постановили, ижъ тые подданые наши на власные потребы твое до местъ иньшихъ съ куплями твоими не суть, ани маютъ быти повиньни ходити, только где у своей волости отъ села до села, або тежъ зъ села до замку потребы замковые будуть, повинни привозити, або где бы на послугу нашу и замковую власную

пришло, намъ они водлугъ повинности свои стародавнои повинни будутъ у подводу ходити.

(Кн. Зап Лит. XXXII, л. 14 об – 16 об)

27.

Уставная грамота мѣщаномъ и всѣмъ людямъ волости Чичерской, съ описаніемъ ихъ повинностей, выданная по жалобѣ на кривды со стороны державцы.

Въ Вильнѣ, 21 августа 1554 г.

Жыкгимонтъ Августъ, Божю милостью король полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомойтъский, мазовецкій и иныхъ.

Ознаймуемъ тымъ листомъ нашымъ. Што перво сего и тыхъ часовъ прыходили до насъ мещане и вси люди нашы волости Чычеръское, жалуючы и велико собе отежаючи о томъ, штожъ дей деръжавцы тамошние першие и теперешний деръжавца тетеръский и пропойский панъ Юри Миколаевичъ Зеновъевича крывды и тяжкости имъ великие делать, новины уводить и пожытки неслушные и вины непомерные на нихъ собе береть, чого перед тымъ не бывало, для чогожъ дей многие люди с тое волости нашое прочъ ся розошли и данье и платовъ нашыхъ не мало знищало. А он дей тыхъ новинъ и крывдъ чынити перестати и ни в чомъ имъ фолькговати не хочетъ, о чомъ же ихъ тыми часы воевода виленъский маршалокъ земъский канцлер великого князства Литовского, староста берестейский, державца борысовский и шовленъский панъ Миколай Радивилъ з росказанья нашого смотрелъ. Очевисте они о томъ з нимъ мовили и тые кривды и тяжъкости свои, на реистръ списавшы, покладали, бъючы чоломъ, абыхмо имъ уставу нашу дали, якобы ся мели наперед державцы нашы с ними справовати и которые доходы врокомъ на нихъ брати. А такъ мы бачачы, ихъ што

по тые часы онъ бралъ на нихъ, то все чынилъ за листы нашыми и, тые вси жалобы их на сторону отложывшы, а не хотячы далей того такового обътяженья и знищенья имъ, поддаными нашымъ, чынити допустити, въ чынили есмо таковое постановенье:

Наперъвей што ся дотычеть стацыи и жывности на державцу с тое волости нашое, мають они, подданые нашы, тые, которые особливые земли свои мають и особливыми сохами своими пашуть, давати ему на кождый годъ су хлеба по соляньце жита а по соляньце овса, меречы уцоркъ соляньскою тою, которую есмо здеся у Вильни заковавшы имъ дати казали. А тое жыто и овесъ сами они до замъку отъвозити и отъдавати мають, почоньшы отъ запустъ Филиповыхъ ажъ до светого Николы Зимънего. А за кождою соляньскою жыта мають давати городничому держъавцы тамошнего пищого по пенезю, а за овсомъ по пенезю ж водле давное повинъности своее. Сена тежъ на кождую зиму су хлеба по возу доброму, якъ кляча повести можеть, мають давати. А естъли бы зъ села до замъку трудно было одною клячою тотъ возъ вести, тогды два возки малыхъ сена за одинъ возъ давати мають. Которые люди и не за рекою жывуть, тые на день светого Николы, а которые за рекою жывуть, тые на Боже нароженье сено отъдати мають. А за тымъ сеномъ водле звыклое повинъности своее будуть повинъни дати по дванадцати пенезей а закосного копу грошей. А кгды потреба вкажеть в замъку што поправити, або знову будовати, ино по весне две недели, а у восень, якъ обробяться, тры недели робити и поправовати мають, што потреба вкажеть; нижли естлибы прышла робота замъку знову, або иная якая кгвалътовная потреба, тогды мають робити до того часу, поки заробять. А кгды они на тую роботу прыйдуть, або заробившы до домовъ своихъ пойти усхочуть, отъ того ничого в нихъ брано быти не маеть. Кади тежъ, што они на замокъ на кожъдый год давати повинни, тые кади потребу замъковую, яко бы было без обътяжливости ихъ, водле рейстровъ, которые посланъцы нашы будучы тамъ з роска-

занья нашого списали и до скаръбу нашого дали, завъжды на семую суботу отъдавати мають, ничымъ того року не омешкиваючы. А за кожъдою кадю городничому державцы тамошнего мають давати поставного полъгроша.

А што ся дотычеть бранья винъ, ино головная и злодейская вина маеть быти брана до скарба нашого по перъвому. А кгды хто с нихъ межы собою побъеться не до крови, отъ того державца маеть брати на нихъ вины отъ рубля до десети грошей, а отъ полътины по пяти грошей подле листа отца нашого, который они оказывали. А куницъ, лисицъ, бобровъ и кождого зверу косматого и меду пресного не мають они потаемне по домомъ продавати, жебы ся злодейство не множыло. А ижъ бы торгомъ нашымъ запоможенье деялося, для того куницы, лисицы, бобры и всякий зверъ косматый и медъ пресный, такъ тежъ вшелякую жывность мають они на торгу тамошнемъ продавати для запоможенья места тамошнего. А то все в нихъ ценою маеть куплено быти. А пак ли бы хто з нихъ куницы, лисицы, бобры, або который инъшый зверъ косматый и тежъ медъ пресный потаемне продавалъ, а то бы было переведено, таковый вины маеть заплатити два рубли грошей до скарбу нашого. А полюдья мають они давати по грошу водле давного обычая. Которые люди в месте живуть а земли пашни свои по селамъ мають, таковые полюдье будуть повинн давати и платити по тому, якъ подъданые нашы волостные полюдье даютъ и сполъняють. А сторожовъ по шести до замъку на кожъдый годъ мають они давати. А што ся дотычеть даванью дровъ, ино хто возъ сена дасть, тотъ возъ дровъ одинъ, якъ кляча повести можеть, маеть дати. А люди боярскыхъ, которые безъ листовъ нашыхъ земли и люди тамъ держать, и тежъ мещане тамошние и бобровники тяглые и подданые нашы тые, которые земли тяглые под собою держачы ихъ вжываютъ, мають имъ в метехъ и в роботе замъковой и во всемъ помогати и всякие повинъности весполокъ с ними спольняти водле давного обычая. Тежъ кгды озера стануть, тогды на кожъдую зиму кожъдое озеро только одинъ разъ державца на себе

звозочыти и рыбу брати маеть, а потомъ подданымъ нашымъ тамошнимъ рыбу в тыхъ озерахъ ловити вольно будеть по тому, якъ и передъ тымъ бывало; нижли у езы ихъ и в закопы никоторого уступу мети и бобровъ гонити и переказы никоторое в бобровыхъ гонехъ державца чынити не маеть. А метовъ никоторыхъ не мають они без ведомости державцы тамошнего метати и разрубливати, але кгды потреба вкажеть для платовъ нашихъ господаръских, або для якое слушное потребы волостное розрубъ чынити и метъ метати, тогды они з ведомостю державцы тамошнего и за вижомъ его а без бытности державцы ино за ведомостью и вижомъ наместънка его, розрубы чынити и метъ метати мають. Што тежъ они били намъ чоломъ, абыхмо уставу нашу имъ дати казали, по чому бы быдло державца въ нихъ куповати мелъ, того ся намъ учынити и уставы на быдло давати имъ не видело, але мають ся они въ томъ заховати водле давного обычаю. А которую сторожу повинни они от татаръ в Гомъи держати, ино ижъ кождому оборона и осторожъность есть потребна, для того на тую сторожу яко подданые нашы волостные, такъ тежъ попы тамошние и тежъ люди боярские мають на кожъдый год с хлеба по два грошы давати. А державца, оземшы в нихъ тые пенези, маеть за то ажъ до году сторожу въ Гомъи мети. А што они за данью семи копъ грошей и по чотыры грошы пшчого давати не хотели и с того ся выламывали, поведаючы, ижъ того давати неповинни, ино державца слалъся на бояръ тамошнихъ, поведаючы, ижъ они здавна то даивали; але ижъ они на тотъ доводъ слати ся не хотели, для того и тепер тую семъ копъ грошей за данью и по чотыры грошы пшчого державцы давати будуть повинъни. А естъли бы они на тые роки вышейписаные жыта, овса, сена и кадей не отъдали и в недбалость то собе покладаючы, тыхъ роковъ омешкали, а децкий для того до них поедеть, тому децкому помыльное платити они будуть повинни на кожъдую милю по грошу.

А такъ вжо от того часу державца чычерский и пропойский панъ Юри Миколаевич Зеновъевича и по немъ бу-

дучые державцы нашы маютъ подле тое уставы нашое с подданымі нашими Чечерскими без жадное обтежливости их справоватися и в тыхъ во всяхъ речахъ ихъ заховати, ничого не отменяючы, ани прыбавляючы и ничымъ с того не выступаючы, яко вышей в семъ листе нашомъ уставномъ стоитъ описано, под ласкою нашою господаръскою. А подданые тежъ нашы Чечерские тую уставу нашу такежъ во всемъ полнити маютъ, ничымъ с нее не выступуючы, подъ виною нашою. Которая жъ устава имъ подданымъ нашымъ волости Чечеръское маетъ быти до воли и ласки нашое господаръское, якъже на твердость того и печать нашу казали есмо приложыти к тому листу нашому. Писанъ у Вильни Лет. Бож. нарож. 1554 месяца. Августа 21 дня.

(Кн. Зап. Литов. XXXVII, л. 101).

28.

Заявленіе старца Могилевскаго и подданыхъ господарскихъ о томъ, что бояре Щелкановичъ и Котелъ внесли волощанамъ слѣдуемую съ нихъ сумму денегъ.

Въ Вильнѣ, 11 января 1555 года.

Лета Бож. нарож. 1555, месяца августа 11 дня, у понеделокъ. Оповедалъ старецъ волости Могилевское серебреный Кононъ Печора а подъданые господарские Могилевские Овдокимъ Гридковичъ, Сергей Монутичъ, Ланко Барановичъ, Андрей Козловичъ, Кузма Лопатка, Отрошко Марковичъ, Ходор Гридковичъ, Лукъянъ Яковлевичъ, Иевъ Стефановичъ, Антонъ Малеевичъ, Ивашко Ехановичъ из иншими поплечниками своими. Ижъ што было присужоно имъ на боярехъ мстиславскихъ на Радку Щолконовичу а на Семене Котлу сто и полпяты копы грошей, и они за то имъ досыть вчынили и ихъ перееднали. И вжо они тое сумы пенезей поискивати на нихъ не маютъ, нижли окромъ ихъ и всее во-

лости Могилевское, дали имъ волность тыхъ накладовъ зыскивати, на комъ они будуть хотети, на што жъ они и листъ свой вызнаный под печатьми мещанъ тамошнихъ же Могилевскихъ имъ дали. Которое жъ добровольное оповеданье и очевистное сознанье ихъ за прозбою тыхъ всихъ подъданыхъ господарскихъ до книгъ его королевское милости канцлерейскихъ записано. Писан у Вилни.

(Кн. Судн. Д. Лит. XXIV, л. 87).

29.

Выровъ господарскій между мѣщанами и волощанами Могилевскими о доляхъ замковыхъ работъ города и волости.

Въ Вильнѣ, 12 августа 1555 года.

Ознаймуемъ силъ листомъ нашимъ. Приходили до насъ подданые наши, вся волость Могилевская, жалуючи на мѣщанъ нашихъ тамошнихъ Могилевскихъ жо о томъ, ижъ они здавна роботы замковое четвертые части робити и имъ в томъ помагати повинни, а теперь пятую часть замку робити хочуть, а четыри части на нихъ укладають, менуючи, ижъ бы то повинность звыклая волостная была. А имъ ся в томъ от нихъ кривда и шкода немалая надъ обычай стародавный деетъ. А мещане поведили, ижъ у поплаткахъ и во всихъ повинностяхъ противку волощанъ дають и сполняють пятую часть, а городовое роботы они также пятую часть, а волость чотыри части робять, о чомъ же они обе стороны перед маршалкомъ и писаромъ нашимъ державцою медницкимъ и могилевскимъ паномъ Остафъемъ Воловичомъ очевистое мовенье мели. А онъ, речей ихъ с обу сторон выслухавши, намъ отказалъ, а воевода теж новгородский, маршалокъ, дворный, подскарбий земский, староста слонимский панъ Иванъ Горностай, который не однокротъ у волости тамошней Могилевской бывалъ и пожитки наши постановлялъ, ведля

ведомости своее намъ поведилъ и з реистровъ скарбныхъ попису посланцовъ нашыхъ маршалка нашого пана Яна Кмиты а конюшого троцкого Мартина Подсенковского то ся оказало, же мещане въ некоторыхъ поплаткахъ на замокъ пятую часть полнять, а въ иншихъ такежъ поплаткахъ и повинностяхъ четвертую часть дають и полняють, а на роботы замковъ нашихъ четвертого человека выправують. А такъ мы, ведля поведанья воеводы новгородского и подле реистровъ скарбу нашого, такъ есмо знашли и казали, ижъ мещане могилевские и теперъ ведля давного обычаю и реистровъ скарбныхъ, всихъ поплатковъ, которыхъ перво сего пятую часть давали, тыхъ и теперъ пятую жъ часть давати мають, а которыхъ поплатковъ перед тымъ четвертую часть они даивали, тыхъ и теперъ подавному четвертую часть давати повинни будуть, а роботы замковъ нашихъ, также и Могилевского замку четвертую часть имъ робити, а три части иншихъ замковъ нашихъ и тежъ Могилевского замку волощане робити мають. И на то есмо подданнымъ нашимъ всей волости Могилевской дали сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ у Вильни. Лет. Бож. Нарож. 1555 г. м-ца августа 12 дня.

(Кн. Судн. Д. Лит. XXXIV).

30.

Выровъ по дѣлу волости Мозырской съ подданными Путятицкими, принадлежащими И. М. Зеновьевичу и П. и И. Хребтовичамъ, о совмѣстномъ отбываніи съ волостью повинностей.

Въ Вильнѣ, 3 іюня 1556 г.

Жыкгимонтъ Августъ и д. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Што перво сего жаловали намъ подъданые наши вси люди волости Мозырское, штожъ князи, панове и многие бояре, маючи именя свои тамъ у волости Мозырской, людемъ

своимъ не кажуть посполъ з ними повинностей полнити в роботахъ замковыхъ, в ношенью подводъ и в вынъшихъ потяглехъ, о чомъ есмо до деръжавцы чорнебыльского, справцы замку Мозырского, пана Скумина Львовича Тишкевича листъ нашъ писати казали, абы он таковыхъ людей ихъ о томъ примушалъ и всякие повинности посполъ з волостью полнити имъ волелъ. Какъ жо они за тымъ листомъ нашимъ людей Путятицъкихъ хоружого полоцъкого пана Ивана Михайловича Зеновевича, а Петра Богдановича а Ивана Юревича Хребтовичовъ за то пограбили. И хоружий в Хребтовичи о томъ з ними мовилъ перед Скуминомъ тамъ же в Мозыри, беручи ся того доводити, што ихъ люди з Мозыряны ни в чомъ потяглей не мевали и в отослане тое речи на судъ нашъ господарский рокъ обоя сторона тамъ же перед нимъ приняли перед нами господаремъ становитеся ку росправе. И кгды ся обедве стороне перед нами постановили, мы казали того межи ними досмотрети маршалкомъ и писаромъ нашимъ пану Остафъю Богдановичу Воловича, державцы могилевскому и медницкому, а пану Яну Шимъковичу, старосте тикотинскому, а маршалку нашому старосте менскому державцы красноселскому и лососинскому пану Василю Тишковичу, передъ которыми хоружий полоцкий и Хребтовичи жаловали на подъданыхъ нашихъ людей села Домановичъ, на имя на Микиту Гриневича, на Степана Онисовича, а на Мелешъка Потаповича и на всихъ потужниковъ ихъ, штожъ дей они, нетъ ведома в который обычай, нашодши кгвалтовне на именье ихъ сполное, на имя Путятичи, которое они при волости Мозыръской маютъ, людей ихъ тамошнихъ побили и помордовали и грабежы не малые имъ починили, которыхъ грабежовъ реестръ перед нами покладали. Тые подданые наши села Домановичъ сами отъ себе и отъ иньшихъ потужинковъ своихъ на тую жалобу ихъ, отъказъ чинячи у права, поведили, ижъ дей ихъ людей ихъ для того грабили, же они з давныхъ часовъ всякие повинности посполъ з нами полнивали, а вже болшей сорока летъ тегнути з нами перестали. Мы ихъ грабили за то, абы з нами тягнули в работахъ городовъ,

в ношеньи подводъ и в вынъшихъ поплатъкохъ. Они тепер с того выламуються. Иванъ Михайловичъ и Хребтовичи противъку тому мовили, ижъ люди того именя ихъ жадныхъ повинностей николи, яко они менують, на собе не мели, бо дей тое село отчизна и дедина ихъ ку именю Щерсомъ прислухаючое, отколь деды и прадеды ихъ вышли и николи дей жадныхъ повинностей люди ихъ з Мозыряны не тегнули и не повинни тягнути; и того доводячи брали ся ку присязе. Тыо вышей мененые люди Домановичи съ потужники своими на присягу ихъ пустили. То пакъ кгды тотъ рокъ, присязе зложоный, припалъ, оные подданые наши сами ку присязе брали ся, ихъ недопущаючи. И тые судьи, врядники наши дворныи, намъ то отказали. Мы, бачачи Домановичовъ вызване, ижъ отъ такъ давного часу вжо оные люди ихъ не носятъ подводъ и потеглей з ними не полнять, и ни которого знаку тое повинъности ихъ и припоминаня о таковые потегли не вказали и причины не дали, чимъ то зашло; а надто ихъ пустивши на присягу, потомъ сами присягати хотели,—сказали есмо хоружому полоцкому и Хребтовичомъ присягу вделати на томъ, же тые люди ихъ з Мозыряны ничимъ не тягивали и подводъ не ношивали, и городовъ з ними не робливали и ведомости, ани жадныхъ листовъ не мають, естли то ихъ продъковъ выслуга. И ку пригледаню тое присяги ихъ дворянин нашъ Бенедиктъ Юрага имъ приданъ былъ, который отказъ намъ учинилъ, же Иванъ Михайловичъ и Хребтовичи ку присязе готовы были, нижъли оные Домановичи на присягу ихъ не вели и просили, абы зъ ними згодилися, а навязки на грабежи в нихъ не брали, на што хоружий и Хребтовичи, призволивши, без выроку нашого з ними скончити не хотели. Ино коли ж тые Домановичи с потужники своими ку присязе ихъ вести не хотели, мы зъ выроку нашого господарского знашли в томъ Ивана Михайловича и Хребтовичовъ правыхъ, и вже тые подданые ихъ Путятицкие не мають з Мозыраны жадныхъ повинностей и потяглей тягнути, подводъ носити и городовъ робити и отъ иныхъ всякихъ повинностей з Мозыраны волни суть. Ведже штося дотычеть гра-

бежовъ от тыхъ подданныхъ нашихъ, людемъ ихъ поделаныхъ, ино яко сами они призволили, потому маються заховати: Домановичи грабежи поворочати без навязки повинни имъ, што при нихъ еще остало. И на то дали есмо Ивану Михайловичу, Петру Богдановичу, Ивану Юревичу Хребтовичомъ сесь нашъ листъ судовый з нашою печатью. Писанъ у Вилни летъ Бож. нарож. 1556 м-ца Июня 3 дня.

(Кн. Суд. Д. Лит. XXXIV, л. 123)

31.

Заявленіе подданыхъ волости Марковской и Куренской о соглашеніи, заключенномъ ими съ Львомъ Роскимъ, державцею тамошнимъ, объ обращенныхъ имъ въ свою пользу подводныхъ деньгахъ.

Лет. Бож. нарож. 1556 месяца июня 30 дня во второкъ. Пришедчи до книгъ канцлереи его королевское милости, подданые господаръские Марковские, мещане и волощане, Андрей Кумашевичъ, Сова Олховичъ, Мануйло Талъевичъ, Гаврило Сковорода а Кондратъ Орешковичъ оповедили, ижъ што они сами от себе и ото всихъ поплечниковъ своихъ, подданыхъ его милости господарскихъ волости Марковское и Куренское, жаловали на пана Лва Роского, же он, будучи державцою в Маркове, бралъ в нихъ по три роки с кождое волоки по три гроши, того всего сумою взялъ дей в нихъ семъдесятъ копъ грошей литовъское личбы, и за тыи пенези мелъ дей онъ кони для даванья подводъ покупивши, в себе держати, ино дей онъ тыхъ коней не купуючи, оные пенези ку пожитки своему привлащилъ; они дей предся подводы по тыи ж роки давали и девятеро дей коней в подводахъ имъ згинуло. О чомъ гды они перед врядники господаръскими дворными очевисте з нимъ мовили, онъ ку тому ся незнаючи, абы тыи пенези в нихъ взяти мелъ, ку при-

сязе брался, а они тежъ ему на присягу пустили. То пак онъ, не хотячи на томъ присягати, за оную суму пензей семъдесятъ копъ грошей и за девятеро клячъ переедналъ и далъ имъ дванадцать копъ грошей литовъское личбы. И вжо они тыи пенези вси сполна в него до рукъ своихъ взяли и через то они сами и поплечники ихъ волости Марковъское и Куренское о тыи пенези семъдесятъ копъ грошей о тую девятеро клячъ никоторое трудности ему чинити и ку праву его доволокати не мають, нижли о иншие крывды и шкоды свои, которые от него быти менують, собе волное мовене з нимъ заховали, и то за прозбою ихъ у книги канцлереи его королевское милости записано. Писанъ у Вилни.

(Кн. Зап. Лит. XXXIV, л. 125).

32.

Заявленіе подданыхъ села Задобрицкаго о послѣдовавшихъ между ними и Войтехомъ Рутковскимъ соглашеніи по дѣлу о грабежахъ.

Лет. Бож. нарож. 1563 месяца июнь 20 дн. Постановивъшыся перед его милостью паномъ, подданые господаръские замъку Свислоцкого села Задобрицкого Олекъсей Пашковичъ и Андрей Павъловичъ сами отъ себе и отъ всихъ потужниковъ своихъ, людей господарскихъ села Задобрицкого, добровольне вызнали, ижъ што они и потужники ихъ объжалованье были вчынили на земенина господаръского Войтека Рутковского, ижъ онъ году прошълого тисеча пятьсотъ шестьдесятъ первого ноября тридцать перваго дня грабежъ былъ имъ учинилъ на земъляхъ, межы реки Усы и Студеньки и межи реки Мотыринки и Березины лежачыхъ, коло чого жалоба их достаточъне на выроку его милости господарскому описана и з выроку его кор. милости были имъ всимъ на грабежох присега сказана. А такъ Войтехъ Рутъковский ихъ ку при

сязе не ведучы, о тые вси грабежи угоду з ними вчынилъ и за то имъ петънадцать копъ грошей личъбы литовъское платити обовезалъ на рокъ певъный в листе его на то тымъ людемъ села Задобрицкого даномъ описаный, а тые люди вси оные речы вечъными часы ему опустили и через то вже не мають на немъ ничого поискивати. Але што ся дотычеть земъленого кгрунту, то на ласъце его королевское милости будеть. И просилъ панъ его милости Войтекъ Рутьковъский, абы тое сознанье тыхъ людей до книгъ было записано; панъ его милости до книгъ записати казалъ. Писанъ у Вильни.

(Кн. Судн. Д. Лит. XLV, л. 58).

33.

Листъ королевы Боны Матею Якубовичу на войтовство Перштунское.

Въ Варшавѣ, 16 марта 1550 г

Бона. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ. Штожъ поведилъ передъ нами подданый нашъ волости Перштунской Матей Якубовичъ, ижъ подсудокъ а бывший наместникъ нашъ бельский Матей Левицкий, будучи прошлыхъ часовъ зъ воли а росказаня нашого надъ померою волостей нашихъ городенскихъ, далъ ему войтовство у волости Перштунской держати и справовати, на которое войтовство далъ тежъ и назначилъ ему двѣ волоки отъ всякихъ поплатовъ и повинностей нащихъ вызволеные. И билъ намъ чоломъ тотъ Мацко Якубовичъ, ижъ быхмо ему на тое войтовство Перштунское листъ нашъ дати казали и листомъ нашимъ тое войтовство Перштунское ему потвердили. Где мы з ласки нашое на его чоломъ битье то вделали и на тое войтовство Перштунское ему есмо сесь листъ нашъ дати казали, которымъ тое войтовство верху писаное Перштунское ему потъвержаемъ: ма еть онъ тамъ у волости Перштунской войтомъ быти и людьми, которыи у войтовстве его суть, за волею и вѣдомостю вряд-

никовъ нашихъ тамошнихъ справовати и во всемъ ся потому заховати, яко ся тежъ иншии войтове нащи тамошнии справують и заховывають, пожитковъ нашихъ с пилностю стеречи и ихъ побожне прибавляти, урядника нашого тамошнего во всемъ послушонъ быти повиненъ будеть. А с тыхъ двухъ волокъ, которыи суть ему на тое войтовство даные и назначеные, жадного плату и повинностей нашихъ сполняти не маеть, але отъ нихъ всихъ воленъ будеть, все тое заховываючи до воли и ласки нашой господарской. И на то есмо тому Мацку Якубовичу дати казали сесь нашъ листъ з нашою печатю. Писан у Варшави под летъ бож. нарож. 1550, м-ца мар. 16.

(Кн. Зап. Лит. XXXIII, л. 20 об.)

34.

Листъ господарскій пану Станиславу Довойнѣ, воеводе полоцкому, на державу Свислоцкую, съ описаніемъ обязанностей державцы.

Въ Вильнѣ, 2 марта 1562 г.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король польский, великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий, ифлянтский и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ умысливши порадокъ и постановенье слушное при замкахъ и волостяхъ нашихъ рускихъ вчинити и всякие незбожности выкоренити, для того есмо певные, а врочистые платы постановили черезъ посланцовъ нашихъ до скарбу нашого и на врядъ нашъ подданымъ нашимъ давати. И вжо тую уставу и повинность подданыхъ, такъже якимъ обычаемъ и врядъ нашъ ку подданымъ нашимъ заховатися маеть, то отъ посланцовъ нашихъ при кождомъ замку з волею и ведомостью нашою на писме зоставлено, якожъ и в замку Свислоцкомъ постановенье вчинено. В которую жъ справу угленувши и хотячи, абы тымъ способней

воевода полоцкий державца свислоцкий панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно намъ, господару, служилъ а ку подданымъ безъ обтежливости заховался, даемъ и поступуемъ его милости с платовъ нашихъ, которые на насъ, господара, з места и зъ волости того замку приходити маютъ, в кождый годъ двесте копъ грошей а ку тому доходъ весь пенежный и тежъ жито водлугъ новое уставы постановеное на державцу тамошнего. И тотъ доходъ почнетъ онъ брати отъ свята прошлого светого Мартина в нинешнемъ же року шестьдесятъ первомъ, такъже и потомъ на кождый годъ, поколе его милость тотъ замокъ отъ насъ держати будетъ, маетъ тую суму с платовъ нашихъ господарскихъ на себе брати, а обецне служебниковъ своихъ не тамошнему замку тридцать коней мети маетъ, абы завжды при немъ самомъ и безъ бытности его милости тотъ почотъ конно збройно на томъ замку былъ. А естли быхмо где его милость с тымъ всимъ почтомъ ехати, або якъ часть которую почту того послати казали, онъ повиненъ будетъ самъ тамъ ехати, або почотъ слати, где его милость листомъ нашимъ ознаймено будетъ. Ведь же онъ за тые пенези не маетъ ховати за слугъ своихъ бояръ, ани слугъ тамошнихъ, звлаща хто повиненъ самъ за себе службу служити. А што ся дотычетъ почту, который онъ з именей своихъ ку службе земской ставити повиненъ, ино часу посполитого рушенья естли бы есмо не казали его милости того почту его у войско слати, тогды онъ и тотъ почотъ свой з именей весь спольна конно, збройно, якъ службу земскую служити повиненъ, на томъ же замку нашомъ мети маетъ до науки нашое. Тежъ хочемъ мети, абы того с пильностью стерегъ, яко бы подданымъ нашимъ над уставу никоторого обътеженья, онъ самъ, врадникъ и слуги его милости нечинили, але абы люди осаживали и пожитковъ нашихъ примножали подле набольшого баченья своего, уставы нашое не отъступуючи. А где бы ся то показало, жебы чимъ подданыхъ обътеженья не ведле уставы заховался и чимъ з уставы и с постановенья нашого онъ самъ, або врадникъ, его милости выступовалъ, а онъ бы того не дозрелъ, тогда за тако-

вый выступъ маеть зложонъ быти с того вряду, а хотя бы листъ на доживотье мелъ, таковый листъ и право ку помочи ему быти не маеть, кгды не для обътеженья, але для обороны а въспокоенья подданыхъ и для дозренья пожитковъ нашихъ врады даемъ и именья нашп врядникомъ злецаемъ. А на тые вси речи дали есмо его милости сесь нашъ листъ, до которого на твердость того и печать нашу приложити казали. Писанъ у Вилни, лета Божего нароженья тысяча пятьсотъ шестьдесятъ второго, месяца марца девятого дня. Подписъ руки господарское. Остафей Воловичъ.

(Кн. Зап. Лит. XLIV, лл. 4 об.—5).

35.

Господарскій листъ Мишку Мыльникову на войтовство въ гор. Орш.

Въ Вильнѣ, 30 іюля 1562 г.

Жыкгимонтъ etc. Маршалку нашому, державцы оршаньскому князю Андрею Семеновичу Одинцевича и по немъ будучимъ державцамъ тамошнимъ. Што подданый нашъ тамошний рошский Мишко Ивановичъ Мыльниковъ за первщого державцы пана Петра Корсака ото всихъ мещанъ войтомъ обранъ и до сего часу на томъ ураде есть, то пакъ тыхъ часовъ, будучи ему з иншыми мещаны Рошскими у насъ, господара, били намъ чоломъ, абыхмо на тое войтовство листъ нашъ ему дали. Ино кгдыжъ онъ перво сего ото всихъ мещанъ посполства тамошнего, подданыхъ нашихъ, на тое войтовство естъ выбранъ, мы з ласки нашое господарское на чоломъбитье его то чинечи, листъ нашъ на то ему дали и на тое войтовство даемъ ему землю вольную такъ много, яко при иныхъ замкохъ нашихъ украинныхъ войтомъ местскимъ водле уставы нашое на тридцать бочокъ земли давати есмо росказали. Которую жъ землю, ажъ бы еси межи пустовщинъ тамошнихъ обравши, ему далъ такъ много, яко

вышей описано: нехай онъ войтовство и землю, на войтовство належачую, держить, не платечи с нее до скарбу нашого цыншовъ и иныхъ податковъ, нижли того догледати маеть, абы во всемъ порадокъ в месте заховань, а самъ кривды и втисковъ мещаномъ и подданымъ нашимъ тамошнимъ немаеть чинити одно пожитковъ, на войта з уставы належачихъ, уживати маеть. О томъ бы еси ведалъ и водле сего листу нашого заховываючися в справахъ, ураду войтовому належачихъ, его уживалъ, а переказы никоторое в томъ ураде его никому чинити бы еси не допустилъ. Писанъ у Вильни, лет. Бож. Нарож. 1562, месацъ июль 30 день. Подпись руки господарское. Остафей Воловичъ.

(Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 49).

36.

Подтверѓденье войту волости двора Добриневскаго Кнышинской державы Петру Гавриловичу на пять волокъ в селѣ Гниломъ на службе мырницкой.

Въ Бѣльскѣ, 21 іюня 1564 г.

Жикгимонтъ Августъ, божю милостю корол полский и далей. Билъ намъ чоломъ войтъ волости двора нашого Добриневъского державы Кнышинское Петръ Гавриловичъ и поведилъ онъ передъ нами, ижъ справца пожитковъ в замкахъ и дворехъ нашыхъ у Великомъ князьстве Литовъскомъ подкоморий калишъский державца кнышинский и забельский панъ Петръ Фалъевъский, бачечы того быти потребу водле постановенья нашого волочного, абы у волостяхъ нащыхъ для догледанья межи поддаными нащими кгрунтовъ, на волоки помероныхъ, и тежъ для опатриванья стенъ и границъ, волокамъ уделаныхъ, мерникъ былъ установленъ, а такъ абы в той помере волокъ нашыхъ, порядокъ слушъный былъ, ижъ бы ся жадное умнейшенье кгрунтомъ нашымъ ни отъ кого не деяло, для того, знаючы тежъ панъ Фальчевъский его ку

помере волочной добрую и порядную справу, ижъ онъ будучы при немъ на таковыхъ послугахъ нашыхъ часъ не малый, завъжды везъде пилне и добре ку пожитку нашому господаръскому послугою своею заховалъ, далъ ему до ласки нашое господаръское на тую служъбу мерницъкую у волости двора нашого Добриневъского в селе нашомъ тамошнемъ на имя Гниломъ, державе Кнышиньской, пять волокъ земли нашое пустыхъ, людми неоселыхъ, и сеножати кгрунту, ку тымъ волокамъ належачые, и ку тому в томъ же селе вышейменеиомъ Гниломъ земли вымереное у застенку моркговъ осмънадцать для потребъ его домовыхъ и для дровъ далъ ему панъ Фалъчевъский на плате нашомъ врочистом держати, на што онъ и листъ свой, польскимъ писмомъ писаный, под печатью и с подписью руки своее ему далъ, который листъ его тотъ Петръ Гаврилович на тую пять волокъ земли пустое осмънадъцать моркговъ кгрунту тамошнего, ему даный, перед нами показывалъ и поведилъ, ижъ водле того листу Пана Петра Фальчевъского, ему на то даного, тую пять волокъ земли нашое и сеножати и тежъ тотъ застенокъ осмънадцать моркгов в селе нашомъ Гниломъ онъ на себе и теперъ держить, и билъ онъ намъ чоломъ, абыхмо ласку нашу господаръскую вчинили и тую пять волокъ земли у волости двора нашого Добриневъского в селе Гниломъ, ему отъ пана Петря Фалчевъского на служъбу его мерницкую даные, и тежъ тотъ застенокъ земли моркговъ осмънадцать в томъ же селе Гниломъ, на цыншу нашомъ ему заведены, подлугъ листу пана Фальчевъского, ему листомъ нашымъ потвердити казали, яко жъ и самъ панъ Петръ Фальчевъский в томъ насъ у причыне за нимъ просилъ, абыхмо з ласки нашое господаръское водлугъ листу его пры тыхъ волокахъ и застенку вышей мененому заховати его казали. А такъ мы, господаръ, того листу пана Петра Фальчевского, ему на то даного, огледавшы, тотъ листъ его, польскимъ писмомъ писаный рускимъ писмомъ преложити и его слова отъ слова в сесь нашъ листъ уписати казали, который такъ ся в собе маеть:

„Петръ Фальчевъский, подкоморый земъский калишъский, справца замъковъ и дворов его кр. милости у Великомъ князьстве Литовскомъ, (державца) кнышинский и забелский. Ознаймую всимъ вобецъ, ижъ я, видечы речъ быть потребъную и пожыточную вечными часы его кролевъское милости у Великомъ князьстве Литовскомъ речы посполитое и поддаными усихъ короля его милости, зъвлаща тыхъ великолакомыхъ, которыхъ людей звыкли одинъ другому границы, стены, межи переоривать, сеножати забирать, торгаючы ся кгвалтомъ не на инъшого властность, а губечы и нищечы одинъ другого, кгды жъ тежъ того есть потреба вечными часы, везде абы мерникъ былъ в кождомъ повете и у волости для догледанья межи поддаными тыхъ кривъдъ, вышей помененыхъ, и тежъ для опатриванья стенъ и границъ отъ земянъ и отъ кождого стану, а для пововенья и преробъленья на кождый рокъ, ижъ бы се жадное умнейшенье кгрунтомъ его кр. милости не деяло, за дозреньемъ пильнымъ мерниковымъ, под душнимъ затраченьемъ и горломъ его. А ижъ тежъ ту Кнышынской волости естъ того потреба вечными часы, яко индей в замкохъ и дворехъ его кр. милости, абы такий же порядокъ былъ, я, знаючы веру и цъноту Петра Гавриловича, на тотъ часъ войта добрыневъского, который ся, при мне будучы час не малый, завъжды учъстиве заховалъ, будучы на послугахъ его кр. милости в Городну, в Бельску, в Ковълю и въ иншыхъ волостяхъ, такъ ижемъ по немъ жадного фальшу, ани омылку в помере черезъ весь часъ не узналъ, далемъ ему до ласки и потверженья его кролевское млти на мерницъство за верные а працовитые послуги его, которые чынилъ королю его млти, волокъ пять и сеножати ку тымъ волокамъ належачые в повете в томъ же Кнышынъскомъ двора Добрыневъского в селе въ Гниломъ, то естъ в кожъдомъ полю по пети резъ, с которыхъ одна маеть в собе меть моркъговъ одинънадцать, такъ яко границы того села Гнилого в собе ся замыкаеть. Которыхъ пяти воликъ тая повинъность его будеть, ижъ за листомъ его королевъское млти до подданыхъ, на кождый рокъ даномъ, маеть догледать в

той волости Кнышынъской в кожъдомъ войтовъстве и в кожъдомъ селе, якобы жадное розности межи поддаными не были в переоранью границъ и стенъ, тежъ в переоранью межъ одинъ другому, што онъ с повинности своее маеть опатрить и радне зась поставить, до чого маютъ ему давати люди с потребу водлугъ уставы его кролевъское млти до преробенья границъ, стенъ и межъ, коли ся где трафить, и тежъ до вшеляке помочы. А около переоранья межъ такъ ся теж маеть заховать, яко есть у уставе его кр. млти, отъ волоки з обу стороны по чотыри грошы ему заплатити, а на уряд грошей дванасте вины, где и войтове волостные ис поддаными повинни будуть при немъ быть, кгды стенъ будеть догледалъ а межъ поправовалъ. А того завъжды постерегать, яко бы тое в целости тривало, в чомъ естли бы войтове недбали были, маютъ ему тежъ вину заплатить и другую урядови водлугъ уставы его кролевъское млти. Надъ тую повинность и служъбу мерницъкую до жадныхъ иншыхъ платовъ, ани служъбъ с тыхъ пяти волокъ не маеть быти повиненъ. А тая дей преднейшая повинность его будеть, ижъ под душнымъ затраченьемъ и горломъ своимъ, маеть пильне престерегать, жебы жадное уближенье и уменьшенье кгрунтовъ властныхъ его кр. млти не было отъ кождого двору ку комужъ кольвекъ, што онъ маеть его кр. млть съ повинности своей озънаймить презъ омешканья. А кгды бы тежъ его кролевская млть ревизоры свои послать рачылъ до дворовъ тое волости Кнышинское, он при нихъ завжды повинен быть для вшелякихъ потребъ за росказаньемъ его кр. млти. Ижъ тежъ тамъ в томъ селе Гниломъ естъ застенъку моркговъ осмънадцать, и то далемъ ему для вшелякихъ потребъ его и для дровъ, с которыхъ моркговъ повиненъ будеть платити до скарбу его кр. млти водлугъ постановенья кгрунтовъ черезъ ихъ млть паны ревизоры, абы черезъ мене. Для лепъшое вери и повинности далемъ тому Петру Гавриловичу тотъ мой листъ под печатью моею и зъ властнымъ подписомъ руки моее. Писан у Добрыневе, месяца июня дни десятого, въ року пан-

скимъ тисеча пятсотъ шестдесят четвертого. Петръ Фальчевъский".

И з ласки нашое господарское, за прозбою пана Петра Гавриловича, то есмо учинили, тую пять волокъ земли, людми не оселыхъ, и сеножати, ку тымъ волокамъ належачые, у волости двора нашого Добриневскаго въ селе Гниломъ державы Кнышинское, которое пяти волокъ земли онъ, водлугъ листу пана Петра Фальчевъскаго, въ держаньи и поживаньи своемъ естъ, ему на службу его дали и симъ листомъ нашымъ ему даемъ. Маетъ онъ тую пять волокъ земли по тымъ врочыщамъ и границамъ, яко на листе пана Петра Фальчевъского в семъ листе нашомъ вышей описано есть, на себе добровольне, кромъ даванья цыншовъ и платовъ нашыхъ, держати и въживати до воли и ласки нашое господаръское. А о тыхъ пяти волокъ земли повиненъ онъ будеть намъ только тую службу свою мерницъкую, водлугъ постановенья нашого волочного и водлугъ того листу пана Петра Фальчевскаго, вышей в семъ листе нашомъ описаного, служить, то естъ на кождый рокъ, поколе онъ будеть от насъ на той службе мерницъкой, в той волости нашой Кнышинской в кождомъ войтовъстве и в кождомъ селе догледать и пилне стеречы, жебы не было жадное розъности межы поддаными нашыми в пересоранью границъ, стенъ и тежъ межъ, никоторое уближенье и уменьшенье кгрунтовъ власныхъ нашыхъ господаръскихъ тамъ у волости нашой Кнышинъской ни отъ кого ся не деяло, у чомъ во всемъ маеть ся онъ на той службе мерницъкой пильне, порадне и справедливе во всемъ, водлугъ уставе нашое волочное и подлугъ листу пана Петра Фальчевского, в семъ листе нашомъ меновите вышей описаного, заховываючы. А што ся дотычеть того застенку осминадцати моркговъ в томъ же селе нашомъ Гниломъ, ему на цыншу нашомъ врочищомъ заведеного, тотъ застенокъ маеть подлугъ листу пана Петра Фальчевского на плате и цыншу нашомъ держати и тотъ платъ водлугъ уставы нашое волочъное и подле листу Пана Фальчевского в кождый рокъ на насъ, гдра, платити онъ будеть повиненъ. И на то есмо

ему дали сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ у Бельску летъ Бож. нарож. 1564 месяца июня 21 дня. Подпись руки господарское. Янъ Гайко, маршалок писар.

(Кн. Зап. Лит. XXXIX, 542 об.—546).

37.

Листъ подданымъ нѣкоторыхъ лѣсничествъ о посылкѣ особыхъ господарскихъ ревизоровъ для ревизіи дѣятельности мѣстныхъ лѣсничихъ и установленія новыхъ порядковъ.

Въ Кишинѣ. 27 января 1567 г.

Ко всимъ осочникомъ, полазникомъ, бортникомъ и бобровникомъ пущъ нашыхъ Кринское, Одельское, Кузницкое, Новодворское, Перъштунское, Озерское, Мильковское и Карашевское и всимъ подданымъ при тыхъ пущахъ по волѣхъ засажонныхъ. Што первей сего держали и заведали отъ насъ лесництво Крынское, Одельское и Кузницкое лесничый тамошний Иванъ Собакинъ, а Новодворское и Перстуньское Бартошъ Шторцъ, а Озерское Василей Мацкевичъ. Ино маемъ того ведомость, ижъ за держанья тыхъ лесничыхъ нашыхъ и выпустошенью пущъ рубаньемъ дерева, робеньемъ попеловъ, паленьемъ дегтевъ и иншихъ роботъ лесныхъ шкоды великие ся деютъ, такъ тежъ около даней медовыхъ, и прыемного из волокъ, на волѣхъ розданыхъ, и иншихъ розныхъ пожитковъ, которие лесничые до рукъ своихъ и ку пожытку своему брали, хотечы мы, господаръ, ведомость мети и въ певномъ а слушномъ постановенью пущы наши водле воли нашое застановити, посылаемъ тамъ до пущъ лесництвъ вышей помененныхъ старосту мелѣницкого и мстибоговского пана Григора Воловича а писара нашого державцу квасовского и красницкого пана Лаврина Войну и пры нихъ для розмереньа и розъраженья пущъ подле науки нашое дво-

ранъ нашыхъ Якуба Лашковского, Андрея Дыбовского, которымъ росказали есмо, васъ всихъ з моцы и владности оныхъ лесничыхъ вынявшы, а в моцъ и справу свою взявшы, о всихъ речахъ, которые бы на ку шкоде нашой господарской в оныхъ пущахъ деяли, выведати и таковыхъ шкодъ на лесничыхъ нашыхъ смотрети. К тому тежъ што многие з васъ и иншихъ поддаными нашыхъ частокроть набегали зъ жалобами до насъ, господара, о розныхъ кривдахъ своихъ, которие отъ лесничихъ верху помененыхъ быти есте меновали. Ино мы, господаръ, и в тыхъ кривдахъ вашыхъ с тыми лесничыми и слугами ихъ, кому до которого дело будеть, справедливость слушную тымъ же посланцомъ нашымъ чынити есмо росказали. Вы бы о всякихъ кривдахъ, долегностяхъ и шкодахъ своихъ передъ паномъ Григоремъ Воловичемъ а паномъ Лавриномъ Войною справедливости собе доводили, а ку тымъ посланцомъ нашымъ всякое послушенство чинячы, о шкодахъ пущъ нашыхъ певную и достаточную справу имъ давали, яко бы они за послушеньствомъ вашымъ в тыхъ пущахъ и на воляхъ подъ пущами заселыхъ достаточное постановенье уделати могли конечно. Писанъ у Кнышыне, лета Божъего Нароженя 1567, месяца генвара 27 дня.

(Кн. Зап. Лит. XLVII, л. 123).

38.

Листъ господарскій пану Дмитру Ивановичу Сопегѣ на надзоръ и завѣдываніе пущами Слонимскими съ порученіемъ ему осадить здѣсь села.

Въ Варшавѣ, 29 сентября 1568 г.

Жикгимонтъ Августъ. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ. Ижъ бачечи мы, господаръ, не малую шкоду в безправномъ розобранью и спустошеню пущъ нашихъ Слонимское, Лысковское и Межирецкое, съ которыхъ до сего часу пожитку нияκого намъ не было, ино мы вжо в оныхъ пущахъ нашихъ

лесничого мети не хотели, але ихъ на осаженье местечокъ, фолварковъ и селъ нашихъ оборочаючи и ку лепшой направе пожитковъ нашихъ приводечи, тые пущчи помененые дали есмо в справу и заведанье дворанину нашому ревизору замковъ и дворовъ нашихъ въ земли Подляшской Дмитру Ѳедоровичу Сопезѣ, и росказали есмо ему в тыхъ пущчахъ нашихъ местечка и села и фолварки на местцахъ погожихъ, где бы ся ему видело, закладати и людьми осаживати, и воли людемъ водлугъ бачення своего роздавати, также товары лесные всякие, якие быти могуть въ оныхъ пущахъ нашихъ, на насъ робити. пенязи на то отъ насъ з скарбу нашого, або оттоль, где ему отъ насъ назначоно будеть, беручи. Которые жъ пущи наши Слонимскую, Лысковскую и Межирецкую з осочниками, ку нимъ прислухаючими, и з данью медовою, з бобровыми гоны маеть держати и пожитки всякие з фолварковъ и воль, тамъ перво сего осажоныхъ и за осаженьемъ своимъ, яко налепей могучи и умеючи, оттоль намъ господару прибавляти и розширати, людьми на платахъ нашихъ в пущахъ осаживати; ведже куты и оступы в тыхъ пущахъ погожие для переходу зверу до пущъ великихъ понемногу зоставуючи. И на всемъ шкоды нашое господарское водле пристойности своее постерегаючи, а платы и пожитки з оныхъ пущъ, местечокъ, фолварковъ и селъ, перво сего и потомъ черезъ него осажоныхъ, онъ на насъ до скарбу нашого отдавати и с того всего личбу у скарбе нашомъ чинити будеть повиненъ. А мы, господаръ, тыхъ пущъ нашихъ, Слонимское, Лысковское и Межирецкое, которые держачи трудности въ осаженью местечекъ и селъ и причиняню пожитковъ нашихъ много працы подняти мусить, не маемъ отъ него брати и никому иному отдавати, ажъ быхмо его чимъ большимъ и пожиточнейшимъ осмотрели. И на то дали есмо Дмитру Ѳедоровичу Сопезе сесь нашъ листъ с подписомъ руки нашое господарское и з нашою печатью. Писанъ у Варшаве лета Бож. нарож. 1568 месяца сентября 29 дня. Подпись руки господарское. Матысъ Савицкий, писаръ староста мелницкий, войский дорогицкий.

(Кн. Зап. Лит. LIII, л. 181).

39.

Наказъ старостамъ и державцамъ.*)

Ustawa zamków, dzierżaw y dworców naszych Wielkiego księstwa Lithewskiego tak w Wileńskim iako Trockim powiecie y iako sie starostowie, dzierżawcy y urzędnicy zachować maią.

Bacząc my to, yż te wszystke ustawy około postanowienia zamków, dzierżaw y dworów naszych wedle woley y roskazania naszego nie mogą być tak rychło osobą pana podskarbiego ziemskiego y poiezdzaniem zamków, dzierżaw y dworów naszych skończone, a tak iest wola y roskazanie nasze, aby te wszystkie ustawy po wszystkich zamkach, dzierżawach y dwórach naszych pan podskarbi rozesłał przodkiem, aby iuż wedle tey woley y ustawy naszey starostowie, dzierżawcy z urzędnicy naszy się sprawowali, pożytek y gospodarstwo sie mnożyło y wszystko w wiadomości było. A k temu gdyby pan podskarbi ziemski przyiachał, za początkiem pierwszego roskazania naszego y rozesłaniem ty ustaw naszych łacnieysze by postanowienie uczynić mógł z mnieyszą trudnością y postanowieniem rychleyszem a prendkiem obiechaniem zamków, dzierżaw y dworów naszych y z większem też pożytkiem naszem. A tak przykazuiem, aby wszyscy starostowie, dzierżawcy y urzędnicy naszy przez ten czas, niżli tam pan podskarbi ziemski będzie, wszytkiem tem wolam y ustawam y rozkazaniu naszemu dosić czynili y wszytkie rzecy dostatecznie obaczyli y regestra wpisali, aby we wszystkich rzeczach panu podskarbiemu ziemskiemu dostateczna sprawa y wiadomość, gdy przyiedzie, dać mogli, aby w tem obciążliwość

*) Помѣщаемые ниже наказъ старостамъ и лѣсной уставъ были нѣкогда напечатаны Крашевскимъ въ его Altheneum'ѣ (первый въ № 5 за 1845 г. и второй, вѣроятно, въ № 6 за 1844 г.; о послѣднемъ сужу по указателю д-ра Finkel'a, потому видѣть самому эту книгу нигдѣ мнѣ не удалось). Но оба памятника остаются совершенно неизвѣстными и русской и польской наукѣ, конечно потому, что Atheneum за эти годы является большой библіографической рѣдкостью и отсутствуетъ даже въ большихъ библіотекахъ.

poddanym naszym nie była, a zamieszkanie panu podskarbiemu ziemskiemu dla ynszych potrzeb naszych w rzeczy pospolitey.

Gumna dworów naszych tym sposobem maią być szafowane. Skoro po żniwie naprzód gdzie są dziesięciny kościołam pewne, aby były sprawiedliwe oddani tak oziminy, yako y iaryszyny.

Potem dzierżawcy naszych dworów pilnie wywiedzieć sie maią, iako wiele beczek na nasienie na każdy rok iest potrzeba. To w wiadomości maiąc, tak wiele ma dać kop żyta ludziem w odsyp na wiosnę, a za każdą kopę, gdy czas sianiu przydzie, beczke żyta dworną ma brać ku nasieniu. A tak sie w tem naprawować każdego roku, a zwłaszcza gdzie by ludzie w odsyp żyto brali; y k temu ie sposobiać, yż by każdego roku brali. A gdzie by ludzie w odsep brać nie chcieli, tedy to rostropności y wierze urzędnikom naszym poruczamy. A bowiem iuż by tak z gumna na nasienie młocić, a to nie było by tak s pożytkiem naszem y s prędkością zasiania; a tak dobrze by, aby k temu ludzie sposobiali.

Każdy z urzędników y dzierżawiec naszych w każdem dworze obaczyć ma, wiele iest czeladzi niewolney, którey zdawna powinno iest miesiączne dawać; a to obaczywszy y odłożyć na stronę kopami wedle obyczaiu starego na każdego przez cały rok przysć ma. A to od żniwa do żniwa.

Na wieprze dworne, które ostaną ku karmieniu, potrzebne zostawiwszy y te wszystkie potrzeby y powinowactwa wyszey mienione odprawiwszy, potem co zostanie oziminy, maią być na nas dwie części, a trzecia na naszego urzędnika y żywność iego dana. Zwykle byli dzierżawce naszy sobie na swą stronę naprzodku żniwa na krupy zielone żyto żąć w niemałych liczbach ku szkodzie y bożey y naszey, aby tego przestali, okrom żeby to szło z liczby działu, coby na stronę urzędnikowi miało przyść.

Co sie tycze iarzyny wszelakiey, skoro po żniwiech dziesięcinie oddawszy, czwartą część ma być wszytkiego na żywność y na potrzebę dworną obracona urzędnikowi, abo dzierżawcy naszemu, a trzy części nam ku pożytku, z których trzech

części ma być nasienie na przyszłą wiosnę. A co kolwiek zwysz nasienia ostanie, to ma być przedawano k pożytku y ku skarbu naszemu każdego roku. Także też rozumiano ma być o życiech ozimych, które na nas zostaną, aby urzędnicy y dzierżawcy naszy przedawali ie wedle wiary y baczenia swego, a roskazania naszego, a to do Królewca, do Gdańska spuszczać, abo też liudziom na tardzech przedawać, owa iako by w tem nalepiey pożytek mnożyć rozumieli. A zwłaszcza ci, którem by był port przyległy, którzy aby za czasu szpihlerze ku zwożeniu y schowaniu zboża budowali, iest wola y roskazanie nasze, okrom ziemskiey dle poki by inszey w tem nauki nie mieli, aby sie w tym sprawowali. Tak abowiem my przy pieniądzach braniu dochodów naszych chcemy mieć roku każdego liczbą zupełną z gumien, aby każda rzecz w tych rzeczach była nam iawnie skazana przy inschych dochodziech naszych pieniężnych, aby człowiek y poddany nasz dobrey miary y maiętnosci w każdem dworze y dzierżawie naszey był, który by gumna w swey ostrożnosci zachował, kopy zboża każdego, gdy w styrty kładą, karbował. A gdy pisarze naszy na dwory wyiadą, dostateczną ym w tem przy urzędnikowi y dzierżawcy wiadomość dać maią, co oni w regestra swe wpisać będą powinni, a tych gumienników aby nieodmieniano koniecznie dla iakiego zatrudnienia, okrom przyczyny osobliwey, albo po onem roku po uczynieniu liczby.

Pisarze nasze każdego roku dwory y dzierżawy nasze poiezdzać, z omłoty y experientiam będą brać tak oziminy, iako y iarzyny, a przed sobą roskażą zmłocić kopę, albo dziesięc dla wywiedzienia plennosci, albo nieplennosci prze omyłkę iaką, abo domniemanie, bo nie iednako plenność we zbożu.

Przykazuiem aby wszyscy starostowie, dzierżawcy, urzędnicy naszy ob tych czasów zupełną omłotę z gumien y z żyta naszego czynili y wymłoczali, a spikuł żadnych zstarodawną zwykłych, aby nie zostawiali ku szkodzie gumien y pożytków naszych.

Iest pospolicie, yż w tym wielkiem xięstwie wszędzie sobie chłopi rozumieyą ziemie być sobie w dziedzistwo y przy-

właszczaią w oyczyzność, yż drugi chłop nie iedno z ubostwa, ale z uporu zwaśniwszy sie z urzędem, albo aby dani, abo płatów nie płacić, zyidzie za mile, abo daley mieszkać rok, dwa y więcey, a inszy widząc, yż on żyw, onych ziem na służbą niewezmą, wystrzegaiąc onych ludzi iako oyczyczów, do ich pierwiey zganiali, urząd przysądzał oyczyczom ziemie, iako oyczyczom, a w tem wiele nakładów ginęło onym ludziom, którzy postowszczyzny y ziemie ty ludzi zeczłych brali, co było z wielką szkodą naszą. A tak aby to iusz ustało y przykazuiem, aby skoro oyczycz z ziemie swey wynidzie niezasiawszy, albo spustoszywszy, drygiemu dać onę ziemie, a choć potem oyczycz przydzie, iuż onego nie ruszać, ale oyczyczowi dać drugą ziemie, a samego przyporuczyć, aby siedział, a nie włoczył. A owszeki takich, którzy mogą służyć, a skoro by uciek, szukać go a nie dać mu swey woley a ieszcze go na wsi przyporuczyć. A estli przez ubóstwo niewychodzą, lepiey ym folgować, niżli ych rozganiać, aż sie zapomogą. A ieśli by sie iyż tak nie mogl zapomoc, dać na też ziemię ynsze zażywnieysze, a im też wedle ych możności ziemie oney że wdzielać, na którey sie mogą wspomoc y potem ym gdzie pustowszczyzny będą mogli przymować.

Aby starostowie y ini dzierżawcy naszy którégosz kolwiek stanu nie rozdawali nikomu ziem pustowskich w starostwach, tak też we wszystkich dzierżawach dworów naszych ziemianom, albo sługom swoim, albo też poddanym naszym bez ustawionych płatów do woley naszey królewskiey. A kto by za takową daniną od starost, albo też dzierżawiec y za listem ich, którą ta ziemią pustowską dzierżał, a na to by listy y daniny oyca naszego y naszey nie miał, aby tym pisarzam naszym, co po dworach iezdżą, u takowych te ziemie nasze odbierac, pan podskarbi nauke dał y za sie ku dworom naszym przywłaszczyć kazał, w którym by dworze takie ziemianie byli nalezione.

W trudne a w głodne czasy aby było folgowanie poddanym naszym w każdey rzeczy, a czego by nie mogli zdużać, to iest iako w płaciech, w sepiach, także y w robocie y w podwodzie, aby sie nie roschodzili poddani naszy, ale byli w

łasce zachowani; tymże sposobem gdy z Bożego dopuszczenia który poddany zgorze z dobrem swoim, albo powietrze na dom, albo na bydło u którego przyidzie, słuszną rzecz, aby mieli łaskę, co rozumowi każdego z was, dzierżawcy y urzędników naszych, poruczamy, a wszakosz tego dostateczny dowód przy liczbie y pisarzom wczynić maią.

Aby ziemie puste niebyli na żadnych naymowane za pieniądze, pszenice i miody. Bo gdy ich nie będą naymować, rychley ie na służby pobiorą y zwyczayne podaczki, woley ym przydawszy, płacić będą. Bo iuż sie tak chłopi zazwyczaili, yż wolą na pokłonie równym ziemie trzymać, niżli na służbie. A tak gdy było być miało, spustoszały by dworne służby y podaczki nasze.

A gdyż tych głodnych niemało sie ludzi rozeszło precz, z których wiele ych lecie sie nazad za sie wrócili, a zwłaszcza ci, którzy ziemie swe zasiali, a tak iest rzecz słuszna, aby do świątek, albo do świętego Iana, albo też y przez cały rok niedawano ziemie inszem; a potem który iuż nie przyidzie ku swemu domu y zasiewku za tych czasów, aby urzędnicy dawali ynszem ludziom te ziemie z onemi zasiewki y budowaniem, aby gi rychley osiadali, a tego strzec ma, aby to czynic za poruka takiego każdego, aby onego niestrawiwszy, takież przecz nie poszedł. Ale aby dzierżawca nasz odbieszczyny, abo odumarszczyny sobie nie przywłaszczał, ale s tem wszytkiem drugiemu człowiekowi podał na służbę, aby rychley służbą mogł służyć y podaczki dawać. A gdy ym żyto, albo budowanie dadzą, woley żadney niepotrzeba y w płacie y w robociech dać, co baczności waszey poruczam.

Iest rzecz słuszna y wiedla Boga, yż gdzieby nasze dwory na insze mieśca byli przesadzone dla paszniey lepszey y pożytku naszego, aby plebanom, którem dziesięcina s pierwszych dworów była powinna, aby s tych nowobudowanych była nagradzona, aby przywileie przodków naszych w całosci swey były zachowane. Także też y na to miesce, gdyby były pasznie naszych dworów ludzmi osadzone, albo na pasznie rozdawane.

Aby każdy urzędnik, abo dzierżawca nasz regestr główny

sprawił ku liczbie każdego poddanego na imię iego maiętności, wielkości y szyrokości ziemie y dochody nasze, y to osumowali y s tego liczbę dawali, albowiem s takich regestrów głównych snadney znać może y umnieyszenie y przymnożenie w przychodziech y pożytkach naszych y przyczyny sie mogą okazować z obu stron; a k tym regestrom dzierżawce y urzędnicy naszy pieczęci swe przyłożyć powinni, aby nic nie było zakrytego, trudnego y zacmieniego w liczbie regestrów głównych, nie było z szkodą w skarbie naszem.

Iest rzecz yawna, yż wiele wychodzi na czeladz niewolną. A tak aby też ych iaki pożytek był, przykazuiem, aby każdy urzędnik y dzierżawce naszy byli tego baczenia y to należy, czem by każdy parobek y niewiasta misięczne zasłużyć miał, tak zimie iako y lecie.

Gdy który dzierżawca, albo urzędnik nasz ma takiey czeladzi nie mało,—ta parobków lecie będzie służba, aby orali y paszne dworne aby zasiewali y sprawowali, a urzędnik y dzierżawca na sie, sochi, woły dworne będzie mieć powinien, aby y parobcy miesięczynne zasługowali; a ziemie (s) tych dwornych wołów aby sie naprawowali, a ludzie włosni dworu każdego naszego i ta pomocą ku rychleyszemu zasianiu y zarobieniu podpomożeni być mogli.

Co sie tycze niewiast niewolnych, którem miesięczyna bywa dawana, tem dzierżawce naszy maią ym dać przędziwa, lnów y konopi dobrych, dostatek tak, iakoby każda niewiasta dać mogła przez zimę swey roboty piędziesiąt łokiet płótna dobrego, ale ci maią robić wszelkie roboty, których dwór potrzebuie wedle roskazania y bacznosci urzędniczey; a to płótna przy liczbie do skarbu naszego maią być oddawane.

Urzędnik y dzierżawca naszy, który by tym żenkam lnu, albo przędziwa nie dał y wczynił by wszem yakie omieszkanie, tedy sam przy liczbie powinien będzie dać za każdą żonkę groszy piędziesiąt, albo tak wiele płótna, a to aby nam w tem miesięczyna nie ginęła, bo urzędnik każdy będzie swego gospodarstwa patrzyć, aby tem żonkom niewolnem naszem przędziwa był dał.

Dziewki y insze dzieci małe, które są przy rykuniey dla karmienia bydła pospolitego, maią być od tey roboty płócien dawania wyięte, aby oni byli tem więcey pilnieysze posług dwornych, abo na to miesce chłopy niewolne ku karmieniu bydła maią przystawić. Także też y sama rykunia niepowinna płótno dawać.

Każdy dzierżawca y urządnik nasz dworu każdego naszego czeladz niewolną, iako parobki, córki, chłopięta, dziewki, dzieci, maią roku każdego w główny regestr wpisać, na każdey liczbie ie okazować, bo każdego roku może ych ubyć, przybyć, albo pierwszych lat regestra verificować.

Gdzie siana wiele iest, aby dzierżawce naszy woły stawiały, które abo na kuchnie naszą będą obracane, abo przedawane, a stąd naprawa paszniey wielka być może polam iarzynnem, iako też y zimnem y ogrodóm.

Każdy urzędnik y dzierżawca, nasz odprawiwszy roboty siania oziminy, iarzyny, pilność czynić maią około budowania na mieyscach słusznych stawóv, sażawek, aby w tem każdego roku okazał w tem gospodarstwo y przysługą swą przed nami. A gdzie by było tak mało ludzi, żeby takiego budowania y stawów dokonać nie mogli bez nakładów, abo na drugi czas, aby tego nie poczynali bez osobliwey nauki y wiadomosci naszey, a zwłaszcza gdzie by potrzeba mistrza chować, albo ludzi przyimować.

Ale gdzie by stara, grobla abo nowa temi ludzmi, albo równem nakładem usypać niemógł, a rozumiał by być pożytek przyszły a wieczny tak z ryb, iako z młyna, na to może każdy ku robotnikom domowem przyiąć nieco grabarzy do summy dziesiąci kop przez pytania naszego; a te stawy maią być robione z rąk (rzek) y iezior przyległych y z iazów tak, iako y ziemie. A gdzieby skadnie (sic, snadne?) nie było, rybić dać takowemu budowaniu stawów pokoy.

Łowienie ryb na ieziorach może tak być pożyteczne od wiosny aż do zimy, owszeki w nierest każdey ryby niewody wielkiemi na lodziach, albo na płotach niewod ciągnąć. A takim sposobem stawy maią być narybione ku potrzebom kuch-

niey naszey. Hdzie by stawów nie było, które by mógł rybić s tego łowienia, tedy te ryby przedawać, a pieniądze do skarbu naszego oddawać, nas sie w tem pierwiey dołożywszy.

Urzędnicy, starostowie y dzierżawce naszy pisarzom naszym, którzy po dworzech od nas poiadą, będą powinni łożyska wszystkie ukazać, długość y szyrokość ych, także też groble na mieyscu podobnem, gdzie oni to w regestr wpiszą y nam około tego dostateczną nauką y wiadomość dadzą.

Dzierżawcy y urzędnicy naszy aby młyny na stawiech budowali na tych że wodach, albo stawiech, a zwłaszcza gdzie przy zamcech, wielkich dworech budowanych, albo przy miesciech, albo porciech potrzebny są młyny tarciczne, aby byli budowane. Także też gdzie lasy rąbaią, nowiny, albo włoki mierzą, albo mierzyć będą, aby tam s tego drzewa tarcice na młyniech tarto, czamry spuszczano, wanczosy, klepki, maszty czyniono, popieł, smołą palono lepiey, niżli tak drzewo próżno kazić miano, co opatrznosci każdego urzędnika naszego poruczamy; roboty nasze leśne wierzchu mienione w lesiech y w pusczach naszych nie maią być robione bez osobliwey woley naszey, bo ie zostawuiem wolly naszey.

Na tych że stawiech, gdzie mogą być rudy, a to po lesiech—kowale, rudniki osadzać y ziemie ym przydawać, a żelazo robic dostawaiąc, każdy z was wedle pilnosci y wiary swey mistrzów z Mazowszy, albo s Polski aby, sie żelazo mnożyło w Litwie, bo tu więcey rudy, niżli w ynszych królestwach chrzescianskich y dobrey y rozliczney; a s tego żelaza coby na dwor przychodziło, aby nam było odsyłano ku potrzebe naszey y Rzeczy Pospolitey, gdzie roskazanie osobne będzie na to.

Na tych że wodach, albo stawiech mogą być folusze, albo stempy ku wszelakim potrzebam y rzemiosłam, owszeki przy miesciech, gdzie by kto rozumieć mogł, tego być potrzeb, abo pożytok.

Gdzie karczmy są w miasteczkach, abo w mieściech, aby słody wożono do młynów, a zakazać aby słodów w żarnach nie młoto, a pokątnych karczm aby zabroniono, bo szkody y

rozboie, zubożenie poddanych naszych z takowych karczem bywa, a ubostwu przed sie ziarn (?) poduszać.

Co osadnego po włosciach y dworzech naszych na poddane nasze przez k. i. m. Starego, albo też przez pisarze dworów naszych iest ustawiono, tego nie wybaczywszy w niektórych dworzech naszych, yż płaty starodawne, mieclawe, dziakła, na tych że poddanych były nie małe, yż równo kładli po kopie y więcey na iednego, yako na drugiego, a na stare płaty baczenia żadnego nie maiąc, gdzie za osobliwem obciążliwem osadnem wiele ludzi zubożało, inszy przecz poszli, a urzędnicy za nieobaczeniem swem k. e. m. oycu naszemu tego niepowiedziali, gdyż to rozum każdego ma, yż poddany każdy tak ma być obłożon dochody, albo uroczystością, yako by to mógł wieczne płacić y dobrze sie mieć dla sierebszczyn, którem by był obłożon dla obrony Rzeczy Pospolitey, aby też mógł y sierebsczyznie y płatom pospolitem uroczystem dosyć czynić. A iakośmy wyszey namienili, nierówno za ziemie w gruncie urodzaiu y w wielkości swey, a tak też y maiętności ludzkie, a nie potrzeb ubogiego z bogatym porównіać, tak piasczystey, abo kamienistey ziemie s czarną ziemią, abo z dobrem gruntem, aby y w złem osadnem było dobrze teraz obaczono y poprawiono, gdzie tego iest porzeba, aby poddani mogli te płaty wiecznie znosić. A to iest wola y roskazanie nasze.

Roskazuiem wszystkim dzierżawcam, starostom y urzędnikom naszym, aby każde płaty nasze, iakim kolwiek ymieniem nazwane, w iesieni wybierał, skoro zasiawszy, to iest te, które temu czasu należą,—a do Bożego Narodzenia koniecznie wszystki wybrał, aby potem ludzie s którey przyczyny ych nie wtracili. A w tem aby nie było przemieszkanie podaczkom naszem z nierychłem wybieraniem.

Przykazuiem, iż iestli by żydowie, albo poddani naszy swe długi chcieli na poddanych naszych sprawować, których im pozyczali dla iakiego pożytku y lify, aby urzędnicy naszy tego nie dopuszczali, aliz po wybieraniu y po zapłaczeniu dochodów naszych, a żydom zakazać, aby bez wiadomości urzędnikowey pieniędzy w life nie dawali, owszeki sielianom, bo wie-

le ludzi prostych ginie za niepobożną lifą s przyczyny chitrości żydów. A który by żyd dał potem pieniędzy poddanemu sielaninu naszemu bez wiadomości urzędu naszego, aby swe pieniądze tracił. A wszakosz my to (by to) ma być odpowiedziano w ich szkołach, abo starszemu ich, gdzie kolwiek są żydowie w miesciech naszych.

Każdy dzierżawca y urzędnik nasz pieniądze dochodów naszych będzie powinien oddawać do skarbu naszego na Boże Narodzenie, bo nieprzespieczno iest pieniądze chować na siele dla wielu przyczyn. A iesli by ich który na ten czas namieniony nie oddał do skarbu naszego, rozskazaliśmy w takowych sie ymienie wwiązować. Liczbe każdy będzie czynił s pieniędzy y z gumien po Bożem Narodzeniu wedle dni y czasu, od nas naznaczonych. A liczba będzie każdego roku starych roczków dochodów y z żniwa, a zadatek cynszów nowego roku oddawać, ale kwit osobno na liczbę; osobna na zadatki brać ma skarbu naszego koniecznie.

Przykazuiem dzierżawcom naszym, aby wedle ustawy Brzeskiey przez iego kró. mci Starego y nas y panów rad naszych ustawioney, pieniądzie z win byli dawane do skarbu naszego, iedno w tem nie obciążaiąc poddanych naszych, (a nie) wedle występku, ale wedle miłosierdzia y możnosci szacuiąc, których dwa grosza na nas, a trzeci na dzierżawce być ma. A tych win przestrzegać mayą przy dzierżawach naszych pisarze naszy, albo ci, którym sie tego zwierzem, a inszych win ku swem pożytkom aby nie brali dzierżawce na poddanych naszych krom tego trzeciego grosza.

Aby każdy dzierżawca, urzędnik nasz, w dzierżaniu xięgi miał ku zapisowaniu sprawiedliwości poddanych naszych, boiar y wołosnych, skąd by przypadłości win y przyczyny człowieka każdego snadnie nalezienie było y obłożenie karami, winami wedle występku y możności poddanych naszych, także o wypisy, albo vcieczki do xiąg wedle każdego potrzeby, zapisuiąc sprawy, które godne zapisania.

Spisne, co biorą na dzierzawce nasze przy dochodziech naszych, yako w kapsczyznach, osadnych, albo cynszowych

płaciech y przy siepach dziakelnych, także zapisy y wypisy z xiąg, aby było brano z łaską, a nie nad stary zwyczay nieprzyczyniano. A iesli zwyczaie stare gdzie nie są słuszne, aby było tak postanowiono przez pana podskarbiego, y pisarze nasze, iakoby nie było z obciążliwoscią poddanych naszych. A przez ten czas, aby te rzeczy były przez nas postanowione,—przykazuiem.

Iest też zwyczay, yako słyszemy, a bardzo szkodliwy y obciążliwy poddanym naszym, yż przy wybieraniu płatów, gdy ubogi człowiek nieduż iest razem zapłacić płatu y dzieckowania tak wielie płacić sapią y pieniądzmi, yż mało nie tak wiele z niego wezmą, iako drugi płat. A tak aby iuż więcey nie było, przykazuiem dla zachowania poddanych naszych, albowiem od tego iest turma, kłoda, a k temu rękoiemstwo; a gdzie iuż niemasz czego z niego brać,—co po domu każdego poddanego naszego znać,—odpuścić mu na ten czas, a na drugi rok aby się polepszył. Ale o tem cnota y powinność każdego urzędu ma być uznana, aby dobrze rozumiał y obaczał, s kogo wziąć, a komu łaskę, albo odpusczenie czynić, aby pożytki naszi nie gineli. A takowe liudzie przed pisarzami naszemi stanowił.

Gdyż wiele owsów my potrzebuiem dla koni obroków naszych dwornych, przykazuiem, aby po wszystkich dworzech naszych y dzierżawach dziakło owsem było wybierano, a nie pieniędzmi, aż do osobliwey inszey nauki naszey. Dwory nasze, które maią dostatek siana, aby to siano przed pisarzmi naszemi było okazano, którego część ku potrzebie dworney zostawić, a co nazbyt, to wszystko ku potrzebie naszey, koni wychowania y wołów karmienia, zachować, albo przedawać y pieniędze do skarbu naszego oddawać; a wszakoż sie w tem nas dokładać maią. A sianożęci wszytkie aby zupełnie koszony, przykazuiem, bez żadnych odkupów.

Miezlawy wszytkie pieniędzmi brać po wszystkich dworech wedle ustawy K. Ie. Mci Starego. Beczka dziakelna aby była równa po wszystkich dworzech naszych, która by miała cztere korce krakowskie, a te okować y cech nasz k niey przyłożyć maią, aby gdy do Wilna, abo gdzie yndziey co przywiozą, w liczbach

naszych żadna w tem omyłka nie była y w odbieraniu urzędników naszych dwornych z dzierżawcami naszych dworów prze nierówność miary y niezgoda sie nie wczynała. A ta beczka ma być mierzona bez wierzchu, iedno strychowana. Taż beczka albo miara siać, aby w młoczeniu, w wymierzeniu do swiernów, w sianiu iedna miara w przychodzie y w roschodzie była; albowiem w tłoczeniu w pierwsze beczki wielkie obciążenie poddani naszy mieli, a tak iuż ani wierzchu, ani tłoczenia nie będzie potrzeba, gdy iuż ta beczka pod cechem naszem w dwory nasze wydana.

Iest rzecz na wieczne czasy pożyteczna y bardzo potrzebna dworom, zamkom y dzierżawam naszym, aby starostowie, dzierżawce i urzędnicy nasze z ludzi wołostnych syny od oyców wziąwszy, na rzemiosła rozliczne dawali, któryby mogli być potem być godny nam w każdey potrzebie przy dworzech y zamkach naszych. A gdy sie wyuczą, zasie ych na ziemiach osadzić, abyśmy mogli ich w tem pewniey w potrzebach naszych używać.

Tym że sposobem y synowie kmieci mogą być dawani na rzemiosła, a zwłaszcza gdzie u oyca iest wiele synów, abowiem ci rzemiesnicy pożytecznieyszy będą więcey, niźli prostacy, którzy albo na służbie, albo na rzemieslie, którego sie uczyli, mogą być osadzeni, albo na pieniężnych płaciech, a rzemiosło iuż mieć będą ku pomocy na każde obeyscie swe y potrzeby nasze.

Dzierżawcom, urzędnikom naszym przykazuiem, aby tego stregli, aby poddani naszy ziem swych nie przedawali, nie zadawali ziemianom y boiarom okolicznem, ani też sąsiadom swym, aby sie stąd iedna ziemia nie rozszerzyła, a druga nie nisczyła ku wielkiey a wieczney szkodzie naszey y skarbu naszego y trudności w sąsiedstwie.

Wszystkie poddani naszy, którzy powinni służbą ustawicznie służyć, to iest ludzi ciahli, te zostawiamy dla dwornych robót naszych, iako pasznie y podwod: po staremu obyczaiu maią służyć przez lata, począwszy od wiosny, gdy na iarz poczną orać, aż do swiętego Symona Iudy. Dierżawce dwo-

rów naszych, zostawiwszy ludzi z dworną potrzebą to, co który dwór potrzebuię, ostatek ludzi ciahłych ku pożytku naszemu. A to w niebytności naszey dzierżawca, przedawszy, powinien to będzie do skarbu naszego oddać. A to rozumieć sie ma, gdy by budowania zimie nie było, drzewa wożenia, albo podwod, młoczenia, wożenia zboża ku przedaniu, abo ynych potrzeb naszych, a w onem dzierżaniu ludzi wiele, a nie było iemi co robić; a wszakoż tego potrzeba strzedz y na to osobliwie baczenie mieć, aby iedni od roboty, a drudzy od osadnego nie gineli.

Boiarowie naszy putni, który zstarodawna powinni woyne służyć, siano kosić, także też osocznicy, rybołowie, kowale, borgi, którzy przed woyskiem czasu woyny mosty czynią, y inszy poddani dworów naszych, którzy ciahłey służby nie służą, albo byśmy na ten czas ich powinowactwa nie potrzebowali, ci będą powinni dwanaście dni na tłoki dworzom naszem służyć, to iest na paraninę orać trzy dni na żyto, a trzy dni sierpiem żyto żąć, a trzy dni iarzyny, a siano kosić po staremu. Przed sie którzy to odprawiwszy, od inszych posług maią być wolni. A na każdy rok do skarbu naszego na dzień s. Marcina będą osadnego powinni płacić po kopie groszy.

A wszakże tych ludzi iako osoczników, rybołowów, kowalów na dworną potrzebą zostawiwszy, co potrzeba; a wszakoż, y w tem osadnem rozumowi y baczności dzierżawec naszych poruczamy tą rzecz, bo to dostatecznie przy każdem dzierżawcy naszym obaczyć może y snadney uczynić ku pożytku naszemu, bez krzywdy poddanych naszych.

Aby żadny dzierżawca poddanych ludzi naszych dworów ku robotam, albo budowaniu dworów swych oyczyznych nie brali, ani żadne dalekie potrzeby y podwody w rzeczach swoich, a owszeki co by sie tkło iakiey kupiey wożenia, to iest żyta, siana, soli, owsa, okrom iachania na posługi nasze, y to ma być przez obciążliwości poddanych, w długiem dzierżaniu przy sobie, aby ych do domów ych puszczali, okrom tey wo ienney służby.

Żadny dzierżawca aby win, zaruk, abo też przemiotów wielkich nie brał, ani też sług swoich w takowych winach,

przemiotach w domy poddanych naszych nie syłali, ani leżni kładli, ale aby też winy przez pisarze nasze byli reyestrowane ku pożytku naszemu, s czego też dzierżawca ma mieć trzeci grosz, iako yest wyszey opisano.

Gdy poddany nasz wezmie dzierżawce na sporuczene yako ku sądzeniu o ziemie, albo sianożęć, tedy ma poddany winy zapłacić połowice, albo groszy trzydzieści, a gdy urzędnik dzierżawce naszego wiedzie, tedy dziesięć groszy, a kiedy podnamiestniczek, albo ciwun wiedze, tedy groszy pięć.

Presud na dzierżawce naszego zostawiamy, to iest dziesiąty grosz. Ale przesud niema być bran od tych ludzi, kto te potwarzy odciąza, albo sprawca prawy ostawa.

Winy pobicia mużyk z mużykiem gdy pobiie, a k temu nie będzie powód, to ma być wina wedle sierocstwa y baczenia osoby; a iesli sie przed prawem zgadzą, dzierżawca ma dwanaście gr. wziać A to iesli było obżałowanie przed iednaniem urzędników.

W którem by kolwiek dworze myta reczne, albo grobelne, przewozy, mostowe, młyny, krinice, gdzie piw nie warzą, od domów to wszytko aby było brano ku pożytku naszemu.

W miastach małych y wielkich targowe y pobeczne myta, to wszytko zostawiono do skarbu naszego.

Gdy mużyk a poddany nasz nad zakazanie dzierżawcy naszego, abo urzędnika iego na robote nie wynidzie dzień ieden, abo w czem nieposłuszen będzie, ma być mierną grabieżą karan, a nie więcey nad barana. A iesli w czem więcey uporny będzie nad roskazanie naszego dzierżawce, ma być karan iako uporny. Ale gdy mużyk ma słuszną przyczyne, yż dnia swego nie wyszedł za zgubieniem konia, woła, albo ynego bydlęcia, albo złodzieystwo nań przyidzie y yne słuszne wymówki uczyni przygody słuszney, ma być za wyniowionego.

Gdzie by kolwiek było stado we dworze naszem, powinien będzie dzierżawca w dobrey opatrzności mieć, iakoby od głodu, abo zimna zrębieta abo swierzopy niezdychały, nie miotali zrzebiąt. A gdzie by kolwiek za tego nieopatrzeniem co zdechło, powinien to będzie płacić wedle ustawy ziemskiey

A k temu każda swierzope y zrziebie mieć w regestrze y na imie sie wpisać. A tego regestru spisek koniuszy dworny ma mieć w wiadomości o każdem stadzie każdego dwora zosobna y tudziesz co sie którego roku przymnoży.

Także też ma mieć pilność o konie stadnie, aby były dobrze chowane, także tę zrzebce byli na zime na staynią brane y dobrze chowane. A obrok koniom stadnem zosobna każdemu dostateczny dawać, co koniuszego opatrzności będzie należeć. A o dobre konie aby sie do stada starali, aby siena w tem dokładali za czasu, a w niebytności naszey konie kupowali z dochodów naszych, za wiadomością podskarbiego naszego.

Aby zamków urzędnicy, tak zamku Wilenskiego, iako Trockiego, do dworów naszych nie słali dzieckich swoich, bo to iest wielka szkoda poddanych naszych y zamieszkanie wszytkich dworów, a owszeki że to czynią więcey dla swoich pożytków, a nie dla odprawy zamkowey. A tego doyrzec, czego który zamek potrzebuie, a w tem żeby urzędnik zamkowy miał zawsze porozumienie a rozmowe z urzędniki, abo z dzierżawcami tych dworów, które dwory powinne są służbę do zamku służyć. Tego więcey strzedz, iakoby poddani naszy lupiestwem niepotrzebnem nie byli vciesni, a oprawy zamkowe za zgodą urzędników byli sprawione y służby starodawne powinne.

Przykazuiem, aby działa, hakownice, tarasnicze, harkabuzy, rucznice, na których zamczech są, aby byly w dobrey opatrznosci y chędogości chowane, często wycierane, aby ych rdza nie kaziła. A każda sztuka zosobna aby w łożu swoim dostatecznie była oprawiona przez puszkarze tych zamków.

Kule, swince, saletry, tarki, prochy, węgle—aby wszytko pogotowiu było w dostatku. A te rzeczy aby nie były ku próżney strzelbie, abo pożytkóm urzędników naszych, abo puszkarzów obracane, ale ku pożytku Rzeczy Pospolitey y przygody ziemskiey w całosci byli chowane.

Gdzie by ziemie takie byly przy zamczech naszych, abo miesciech, aby kotły byli skupione a saletra była warzona y przez puszkarze onych zamków do dzierżawiec, abo starost

pod wagą była oddawana y chowana wcale dla wszelakiey przygody y potrzeby Rzeczy Pospolitey.

Przykazuiem, aby dzierżawcy, abo starostowie przy zamczech naszych młyny rzeczne, abo stępy mieli zawżdy gotowe dla prochów tłuczenia, abo przeprawiania dla przędkiey broni zamkowey czasu potrzeby.

Temże obyczaiem insze sprzeżywności dworów naszych ku potrzebie zamkowey zwożone, abo za pieniędze nasze skupione, aby tez nie w mnieyszey opatrzności byli, a iesliby sie spiże starey co kazić miało, to bacznosci starosty naszego poruczamy, który aby zboża stare w odsep dawał, abo przedawał. A na to mieysce nowe brał y skupował; także też y insze żywności aby dobrze opatrzał y tego za czasu przestrzegał, abyśmy w tem szkody roschodów y nakładów skarbu naszego nie przymowali

Aby każdy starosta y urzędnik dworów naszych z cnoty y s powinowacstwa swego tego strzegli, aby gdzie kolwiek baczył od wiatru s przygody y z iakiey kolwiek przyczyny, iako ych iest wiele, zamku y dwory nasze opadłe, uciekące y iakosz kolwiek przyczyną każą się, aby to za czasu opatrowali, pobiiali y niedopusczali im gnić, do czasu dalekiego nie odkładali, ale ciesle przy zamkach y dworzech naszych zawsze gotowe mieli, co by to tedysz zaprawowali, aby potem gorzey nie było ku szkodzie wszelkiego budowania naszego

Przykazuiem, aby dzierżawca dworów naszych, gdzie sie trafią podwody ku potrzebie naszey, żadnych odkupów nie brali y swych urzędników dwornych od tego hamowali, iakoby poddani naszy byli w tem zachowani w każdem dworze, a czerhami na podwody chodzili, tedy żadnemu krzywda nie będzie, a podwody z regestru stali. A k temu aby bogatszy dalszą, a ubogi blizszą drogę podeymowali, az sie też zapomogą zafolgowaniem słusznem.

Przykazuiem, aby dzierżawce włości naszych ruskich w dannę sie miody nasze nie wstępowali, ani ych ku pożytku swemu brali, yedno aby wszytkie miody nasze byly zupełnie oddawane. A więcey naszych kluczników wedle starego obyczaiu, także y

wszelkie dochody pieniężne wszytkiem przezwiskiem nazwane, y bobry, kuniczne, lisice do skarbu naszego aby na też czasy byli przywożone, iako iest wyszey namieniono. Klucznikowie naszy tak wilenski, iako trocki aby żadnych dawnych miodów naszych nie odbierali bez kwita podskarbiego naszego ziemskiego, ani ych też sycili. Także też y wszytkie roschody miodów naszych tak przasnych, iako pitych maią być wydawane za wiadomoscią podskarbiego naszego ziemskiego.

Wedle ustawy Brzeskiey, listów y przykazania naszego przykazuiem, aby każdy starosta, dzierżawca y urzędnik nasz woyne służył z urzędy, który od nas trzyma. A pan podskarbi wedla obaczenia pożytków, dochodów naszych każdego urzędu ma obaczyć, gdy po dworzech iezdić będzie, wiele by miał każdy starosta, dzierżawca, urzędnik z onego urzędu koni stawić. Gdzie ku pomocy swey mogą mieć ludzie putne y podwody z dworów naszych y boiary, które w regestra wpisać ma, albowiem nie mało nam takowych sług przepadło, które byli przed tem panowie nadali. A wszakoż osobno poczet staroscin, osobno ludzi putnych y boiar, osobno też takich sług nadanych w regestr ma być pisan, którzy nie pod żadną chorogwią, iedne tylko pod staroscinią sprawą być maią do zupełnego popisania.

A tak służąc Rzeczy Pospolitey ziemskiey, aby wzdy sprawa y gospodarstwo wo dworzech naszych nie było w żadney rzeczy omieszkane przez poruczenie dobrem a cnotliwem sługom w odiachaniu ku posługom ziemskiem, w tem każdego z starost, dzierżawiec y urzędników upominamy y mocnie przykazuiemy pod łaską naszą.

(Кн. Пубя. Дѣл. Лит. VI).

40.

Лѣсной уставъ.

Ustawa Krola Ie° Mci lesniczem w Wielkim Xięstwie Lithewskim roku 1567 Februaria dnia 27 w Knyszinie z roskazania Kr. Ie° mci pana naszego m° dana iest nauka panom lesnizem, jako sprawować sie maią na lesnictwach y urzędziech swoich.

Naprzod prziachawszy na lesnicstwa z osocznikamy, ktorzy iemu podani będą, puszcza sobie polecona ma po granicah obiechac, ostępy wszytkie opatrzyc y onych wiadomosc miec, także y wole, ktore zlecone będą, y napotem granice puszczy sobie zleconey dastatecznie wiedząc, onę często obiezdżąc, tego pilnie przestrzegaiąc, aby sie tey puszczy szkoda żadna tak w zwierzu, tak y w drzewie bartnem y w inszem drzewie wszelakiem nie działa.

Drzewa żadnego stoiącego, na budowanie godnego y iakiegoż kolwiek ynszego, aby nikomu niedawano, krom osobliwego roskazania y listu Ie. Kro. Mci ręką własną Iego krolewskiey Mosci podpisanego. A wszakosz drzewo suchie stoiące y też na ziemi leżące na drwa do dworow krola Ie°. Mci y poddanym Ie. krolewskiey mci tylko, a ni ktorem ynszym xięskim, panskim, abo ziemianskim nie wolno dawac y s puszcz dozwolic brac.

Gdzie by komu za listem Ie. Kro. Mci drzewo iakie s puszczy dawali, maią tego doglądac, aby nie więcy drzewa brano—tylko, co w liscie Krola Ie° Mci dla upustow grobelnych, młynowych albo też na poprawie, iako domu starego w dworze krola Ie. Mci y gdzie by ktoremu paddanemu budowanie pogorzało y miała by włoka spustoszec, a nie mogło by sie tak przętko wiadomosci Krola Ie. Mci dosiąc, tedy lesniczy, wyrozumiawszy taką potrzebę z listu, albo z mowienia urzędniczego, ma dac drzewa pod pewną, liczbą. A nadto od urzędnika kwit wziąc, z ktorego potem drzewa powinien będzie urzędink liczbą czynic y okazac, gdzie ono drzewo na potrzebe krola Ie. Mci obrocił.

Sianozęci wszytkie w puszczach maią w swoiey mocy miec, ale ych nie maią nikomu przedawać, ani postożnego ot tego brac, ale według woley krola Ie. Mci one sprawowac, yako to ym na pismie, gdy one sianozęci będą im rozmierzone przez rewizory, abo mierniki postanowienie osobliwe będzie dano; gdzie ktore sianozęci poddanym krola Ie. Mci na płacie będą opisane y naznaczone, aby tego poddani spokoiem używali y płat opisany według regestru do rąk panow lesniczych do skarbu krola iego Mci płacili. A ktora też sianożęc pewnym naznaczona poddanym s trzeciego grosza ku pożytkowi kro. Ie. Mci kosic, aby tego pilnie panowie lesniczy doglądali, aby na trzecią część siana, ku pożytku kro. Ie. Mci należąca, dobrze była sprzątana y składana, ale siana panowie lesnicze będą obracac y oddawac tam, gdzie wola y roskazanie kro. Ie. Mci.

A iż maią ponowie lesnicze pewne połazniki w mocy y w poruczeniu swoim, tedy się o to s pilnoscią, maią starac, aby drzewa bartnego każdego roku pewną liozbę przyczyniali y pszczołami osadzili, żeby zatem miodu ku pożytku kro. Ie. Mci przybirało. A iesli miod sami maią dawac, albo iesli go przedawac, o to każdego roku do kro. Ie. Mci maią nauke brac. Także też około łowienia bobrow maią sie s pilnoscią starac, o zieremionach bobrowych wiadomosc miec pewną każdego roku.

Policziwego płatu, gdzie by słusznie mogło byc, aby pryczyniali.

Drog y ścieżek małych, aby przez puszcza y do puszczey z kraiow nie dopuszczali, y gdzie by w ktorem miescu takowe drogi, albo ścieżki byly szkodliwe, aby ie zarembowali y nie dopuszczali.

Dziegciow, popiołu, smoły y inszyh towarow lesnych aby w puszczach ku pożytku swemu nie sprawowali y nikomu ynszemu sprawowac nie popuszczali, iako sie teraz na niektorych panow lesniczych okazało.

Na rzekach y małych rzeczkach, ktore od ieziora do ieziora idą y przechodzą, aby żadnych iazow nie zabirali y nikomu ynszemu zabiiac nie dopuszczali dla wolnego przechodu ryb od ieziora do ieziora. A wszakoż gdzie by ktore rzeki iuż prominęły ie-

ziora, sciągały by się a płynely do rzeki wielkiey, tam iazy maią zabiwac y s tego pożytek do skarbu krola Ie° Mci mnożyc. A takowe rzeki maią ym opowiedziec y okazac posłancy Krola Ie. Mosci do puszczey, pan Hrehor Wołowicz, starosta mielnicky, y pan Lawryn Woyna, pisar Krola Iego Mosci.

Na włokach okolo puszczey, ktore ym będą poruczone, maią s pilnoscią doglądac, aby sie ludzie parządnie na włokach sadowili y budowali y włoki swe pilnie a porządnie przerabiali y sami gospodarze aby tam iuż mieszkali, a potem, gdy ktore sioło wolą wysiedzi, aby wedle regestru, ktore im będzie dan, cynsze z nich wybierali y tam, gdzie będzie roskazanie Krola Ie° Mosci, wszytko otdawali, dziesiątego, grosza na siebie nie zostawowali. A okolo ych woł będzie wolno Krolowi Ie. Mosci postanowienie takie udziałac, iakie sie będzie krolowi Iego Mosci zdało.

Robot lesnych ku pożytkowi skarbu krola Iego mći, gdzie ie teraz robią y potem za listem Krola Iego Mci własną ręką podpisanem na pewnych miescach, nie maią przekazac, iedno tego strzec, aby budnicy z onego mieysca, ktore dla takich robot lesnych będzie okazano y zawiedziono, nie wykrączali a w puszczey rozno nie robili y drzewa według swey woley, gdzie by sie ym podobało, nie kazali zwierzu rozpraszac.

Zwierzu żadnego iak małego, tak wielkiego, aby w puszczy dla pożytku swego nie bili y nikomu ynszemu bic nie dopuszczali, okrom osobliwego roszkazania y listu krola Ie. Mci, własną ręką krola Ie. Mosci podpisanego.

Od Mazowsza, gdzie ku puszczem przyległo, y od Prusow, aby puszczey pilney strzegli, aby złodzieyskim obyczaiem tam zstąd w puszczą nie wchodzili y zwierzu nie strzelano, albo yakiey ynszey szkody nie działano. A gdzieby ktorego takowego szkodnika pan lesniczy w pusczy załapił, iakiegosz by kolwiek stanu był, aby go do więzienia mocnego wsadził y do nauki Krola Ie. Mci w takowem wiezieniu chował, Mazowszanom y prusakom aby na żadną rzecz wgaiania do puszczey krola Ie. Mci niedopuszczali.

Strzelcow tesz pewnych według przyległosci panowie liesniczy w poruczeniu swoim miec będą dla sposobnieyszey

obrony puscz Krola Iego Mci, gdzieby tego przeciwko komu potrzeba okazowała, aby ych dla obronienia puszczy y gruntu kro. Ie. Mci używali y z sobą ich do puszczey bierali. A wszakoż gdzie by sie ym w puszczey przytrafiło byc, maią tego panowie lesniczy przestrzegac, aby swowolnie nie strzelali, zwierzu nie bili, ani rospraszali. S ktorych strzelcow panowie lesnicze czynsz według regestru, ktory każdemu z nich będzie dan, maią w każdy rok wybierac y do skarbu Krola iego Mci wszytek spełna oddawac, do kogo Kr. Ie Mci roskaże, dziesiątego grosza nic na siebie nie zostawuiąc.

Także y z win strzeleckich y z wołanskich sądowych do skarbu K. Iego Mci maią liczbe działać y pieniądze dawać y na wszytkiem maią sie pilnie, wiernie y pobożnie zachować y sprawować, pożytków Kro. Ie° Mci słusznych a pobożnych, przystoynych strzegąc y onych przymnażaiąc, bo na każdego z nich z woley Kro. Ie° Mci będzie rewizyia działana każdego roku. A kto sie wedley woley y nauki Kro. Ie° Mci przystoynie na urzędzie swoim sprawować y zachować będzie, łaske i podziękowanie Ie° K. Mci odniese. A kto by sie też s panów lesniczych ynaczey, a nie wedle nauki Krola Ie° Mci nad przystoyność swoie na urzędzie swem zachowywał, gniew, a nie łaske K. Ie° Mci na osobą uzna.

A każdy z panów lesniczych na opatrzenie urzędu swego z łaski Krola Ie° Mości będzie mieć dziewięć włok ziemie, to est trzy włoki na folwarek, a sześć włok liudzmi osadzić na zarobienie tego folwarku swego naznaczone y opisane. A osobliwie według dawnego pierwszego postanowienia, y s poddanych Kro. Ie° Mci s tych, którzy ku któremu lesnictwu przyległi y drwa suche stamtąd brać będą, s każdey włoki osiadley raz w rok o Bożem Narodzeniu po iednemu groszu litewskiemu, a z dziesiąci włok osiadłych owsa beczke i we cztyry kor. crak. A ma być wolno poddanym za to brać drwa na opalenie suche y leżące s puszcze K. Ie° Mci, k temu grzyby zbierać, rydze, bedłki, snitke, orzechy, barsecz, gdy czemu czas przyidzie. A panowie lesnicze maią przestrzegać, aby słu-

dzy ych y osoczniczy żadnęy czięszkości y wymysłow nad ubogiemi ludzmi Kr. Ie° Mci nie dzielali.

K temu będą mieli mieć panowie lesnicze pokłony, przesądy od osoczników, połazników, bobrowników, strzelców y z wołan, którzy ym będą poruczeni. A wszakże w braniu przesądow maią sie przystoynie y pobożnie zachować. A poddani Króla Ie° Mci maią brać za wiadomością panów lesniczych na potrzeby y opalenie swoie domowe czasu letniego w tydzień raz 1 woz drew suchich, albo łężacych, a zimnego czasu wozy 2 s puszczy Krola Iego Mci.

Karczmy, które na wołach strzeleckich y osoczuskich, albo gdziesz kolwiek w urzędziech panów lesniczych, pan starosta mielnicky s panem Woyną, pisarzem Krola Iego Mości, postanowią według potrzeby a zwłaszcza na goscincach wielkich; cisz panowie lesnicze maią w sprawie, doiyzreniu y przysądzie (проп.) mieć kapczyznę, albo płat z onych ka zczem postanowiony wybierać y przy inych cynszach tam, gdzie będzie wola Krola lego Mości, oddawać.

Przytem też co kolwiek do którego dworu y folwarku Krola Ie° Mości drew na palenie y ynsze potrzeby dworne brać będą, aby na to od panów starost y dzierżawiec kwity brali y w rok o takowych kwitach wiadomość Krola Ie° Mości udzielali przez tego, komu tego Krol Ie° Mośc przesłuchać roskazać będzie raczył.

Mikołay Puszkowsky,
Instigator Ie° K° Mos[i]

(Книга Публичн. дѣл. Литов. 6).

41.

Устава Горбовицкой волости.

Postanowienie posłuszenstwa strony poddanych włosczy Horbowyczkych y też żeby krzywd nye mieli od namiesnykow Horbowyczkych

Namiesnik Horbowyczky każdy nyema poddanych wołoscy Horbowyczkyei na czudze, albo przyacielskie roboty posiłacz.

Włoczebnego na poddanych, czo na nych brano każdego roku s służby po gr. 2, thego na nych namiesnik Horbowyczky nyema bracz, tylko iesly żeby który poddany czo dobrowolnye włoczebnego dał, a na nych włoczebnego nye maią bracz.

Pomiernego od żyta y owsa, czo przed tym poddany dawały z służby po gr. 4, tak wyelie niema bracz, tilko po de. 2.

Zboże dannę y staczynę, któreby kolwiek poddany którego roku dawały do dworu Horbowyczkiego, them zbożem namiesnyk Horbowyczky szafowacz za nauką y roskazaniem Iego M-czy (ma).

Iż przedtym s poddanych wołosczy Horbowyczkych z dałszych sioł za wożenye drew do dwora brano z służby po gr. 5, tych iuż namyesnyk Horbowyczky nyema bracz, tylko wszystkyei wołosczy ma roskazacz, aby z każdey służby każdego roku raz w rok do pieców zwiezły drew po wozów 2, a łuczyni po wozu 1.

Poddany Horbowyczczy gdybi płata na czas naznaczony który nye wydał w którym roku, nyema ych karacz byczem namiesnyk, tilko, czoby za płat stało, na ych kazacz grabycz; a ten grabież w dworze tylko tydzien ma trwacz, y gdy by grabieżu nie oswobodzył za tydzien, takowy grabyeż oszaczowawszy urzędnyk ma przedacz, a płat do skarbu Iego M-czy ma założycz.

Kunycze, gdy sie we włosczy Horbowyczkiey żenya, od dziewky ma bracz po gr. 12, a od wdowy po gr. 30. A gdy dziewke w czudzą włoscz zamąsz wydaya, kynyce starodawną gr. 17 ma bydz brano na urzendnika.

Kyedy też poddany podeimie urzendnyką na stawienye zboża z yałowycze, za tho na wynnym ma bycz brano po gr. 20, a za barana gr. 12 po zwykłemu obyczayu.

Przesąd y pamyentne po zwykłemu obyczayu ma bycz.

K temu też po staremu obyczayu poddany mayą dawacz w każdym roku w yesieny z każdey służby żyta poł krakowky, owsa także.

Popioł, który sie wyrabya w puszczach Horbowyczkych, ma wołoscz ten popioł za dobrey sanney drogi do porthu Dzwynskiego wszystek wywyescz, postrzegayącz pilno thego, yakoby sie w tym szkoda Iego Mczy nye działa.

Podwod, czo na odwożenie dani myodowey y inszich potrzeb Iego M-czy, wszystka włoscz powynna dacz, gdy tego potrzeba okaże.

Stacyą powynni dacz włoscz, yeslyby kiedy Iego M-icz pan myał wolyey thu bycź, według lystu y roskazanya Iego M-czy.

Syano pokosycz y złożycz w czas, gdy ym urzendnyk roskaże.

Budowanye, gdy potrzeba ukaże, nowe budowacz y stare poprawyacz y tego domu wyelkyego nowego maycy go budowacz.

Młyn, gdy przerwye, naprawowacz mayą.

Przy odbieranyu czynszu z każdoy służby rok z każdey służby po 6 gr. byrczego, a po trzy gr. polskye zapisnego według dawnego zwyczayu urzednykowy na wychowanye yego dawacź mayą.

K temu na stroże w każdy rok po dawnemu obyczayu z służby po gr. 4 dawacz mayą urzendnykowy.

S każdey służby po kurzyczy iedney urzendnykowy na wychowanye dacz maią y po 6 yaiecz.

Ogrody dworne w czas pooracz y grzendy porobycz, także kapuste posadzycz powynny maycy, yako sioło Horbowyczkye, Horodnya, Piotrowycze, Samulki, yako blyzsze tho mayą robycz około tych ogrodów.

(Кни. Перепис. Литов. XI, лл. 27—29).

42.

Инструкція ревизорамъ ксендзу Томашу Маковецкому и пану Семену Войнѣ о порядкѣ и цѣляхъ производства ревизіи господарскихъ дворовъ.

S. l. et a. 1569.

Наука его кор. милости дана есть для ревизии и вынайденья пожитковъ в ыйменьяхъ его кор. милости князю Томашу Маковецкому, канонику виленскому и писару его королевское милости скарбному, а пану Семену Войне, тиуну въ земли Жомойтской ужвеньскому.

На первой: Приехавшы до державы каждое, мають ся о всихъ пожиткахъ его королевское милости выведати, где бы што пожитковъ его королевское милости по личбахъ прошлыхъ прибыло, або уменьшило, и достаточне то все, яко много где пожитковъ яких прибыло, описывати, также и недостатки ревизовати, где бы тежъ отавы, мыны, сажавки, будованы и фольварки причинены быти могли, того всего с пильностью довреть и врадникy, пожитокъ съ чого быти можеть, оказати мають. Также з готовыхъ ставовъ пожитки, якие належные быти могуть, постановити.

Особливо где бы стада его королевское милости хованы быти могли, огледати мають.

Где бы ся тежъ што около кгрунтовъ его королевское милости, споровъ с кимъ кольвекъ точило, о томъ ся выведати и кгрунтовъ его королевское милости боронити росказати. А где бы в земяны его королевской милости властными о кгрунты якие розницы были, то панове ревизорове сполне в державцами мають успокоити и постановити. А если бы где кгрунты шляхетские межи кгрунты короля его милости, звлаща в ыйменьяхъ спадковыхъ, се уменьшали, с таковою шляхтою намовять и до того ихъ приводити, або собе на одно местце ку прилеглости своей отмену брали, а королю его милости, где бы прилегло было, поступовали.

Збожья вшелякие, што ся у фольваркахъ найдеть, списати и спробовати, также и сенъ, яко много где быти можеть,

выведатися, о оборахъ быдла тежъ достаточную ведомость взяти, а где бы до которыхъ фольварковъ быдла была потреба, росказати водле потребы прикупити.

О винахъ, если где с подданыхъ беруть, ведомость мети и до реистру вписати.

Также жалобъ подданыхъ, которые бы ся на врадниковъ быти менили, достаточне ся выведати и укривженымъ справедливость чинити. А панове старостове, державцы, также врадники, слуги ихъ будуть ся винни передъ тыми посланцами его королевское милости каждому с подданыхъ его королевское милости управедливити.

З огородовъ, садовъ, якие пожитки быти могуть, постановити.

О шляхте, которая где ку именьямъ его кролевское милости належала, ведомость взяти и где, хто и яко давно отъ урадовъ его кролевское милости одорвалсе, то все в реистръ ревизи достаточне списати и урадникомъ росказати, абы таковое шляхты и бояръ путныхъ своей не выищали (?)

Где бы меды отъ пчолъ подданыхъ наполы брано, яко много тыхъ медовъ приходить, в реистръ вписати.

Около стадъ, ижъ бы достататокъ выхованья всякого мело и стайни, абы были добре оправлены, постановенье мають учинить.

Где бы реки, езы и рыболовы были, того дойзрети, або с того пожитокъ який быти могъ.

Всихъ реместниковъ, которыхъ до дворовъ не потреба, на цыншахъ осадити и урадникомъ росказати цыншъ брати.

Мостовое, або гребленое зъ якимъ пожиткомъ короля его милости быти можеть, также достаточне списано быти маеть.

О кгрунтехъ всякихъ з данинъ его королевское милости, з одменъ ревизорскихъ и комисарскихъ розданыхъ, мают се достаточне выведывать, естли где ку шкоде его кролевское милости таковыхъ отменъ и границъ не чинено, и пилне то все, чого се доведають, в реистръ вписати.

Также где бы еще кгрунты на волоки не мероны были, достаточне оглядать, а где бы осаживать могли таковые, росказать засаживать.

О именья боярские, которые не ку повѣтомъ, але ку дворомъ и державамъ, звлаща в ыйменьяхъ спадковыхъ належатъ, достаточне выведовати именья в широкости и кгрунтовъ бояръ таковыхъ в реестра вписати.

Также кгрунты плебаньские и поповские, што первей ку костеломъ держано и теперъ держать, и пожитки плебанские списати и ведомость о всемъ учинить.

И иншие вси речи, которые бы панове ревизорове с пожиткомъ его кролевское милости, а безъ обтежливости поддаными могли постановить, што потребного обачивши, старостамъ, державцамъ и урадникомъ науку давать и пилне, чуйне и дѣбале, водле повинное веры своее, отъ его кролевское милости на нихъ преложоное, мають се заховать и ку пожиткомъ его кролевское милости приводить.

(Кн. Суд. Д. Лит. LIII, л. 216 об.—218).

43.

Листъ господарскій державцамъ о посылкѣ ревизоровъ съ описаніемъ обязанностей послѣднихъ.

S. l. et a. 1569 г.

Листъ до державецъ любецкого и перевальского, а острыйского на ревизыю канонику виленскому писару скарбному ксендзу Томасу Маковецкому а тивуну ужвентскому пану Семену Войке.

Жыгимонтъ Августъ. Кашталяну киевскому державцы любецкому и перевалскому пану Павлу Сопезе а державцы острынскому пану Ивану Солтану, а въ небытности пана киевского в Перевалце а Солтана въ Острине, врадникомъ ихъ тамошнимъ и всимъ тымъ, которые бы села, або якие кольвекъ кгрунты, пожитки державы Перевалское и Остриньское въ сумахъ пенязей отъ насъ, господара, имъ заведеные (мели). О всякихъ пожиткахъ нашихъ въ тыхъ дворехъ, фольварковъ

въ гумнахъ, въ оборахъ, въ местечкахъ, волостяхъ и селахъ, къ нимъ належачихъ, з лепшимъ пожиткомъ нашимъ в томъ во всемъ порадное постановенье вделати, о кгрунтехъ и иныхъ пожиткохъ нашихъ тыхъ дворовъ, отъ князей, пановъ, земянъ, шляхты и отъ кого жъ кольвекъ забраныхъ, также черезъ померчихъ комисаровъ, ревизоровъ и посланцовъ нашихъ при помере волочной и коли кольвекъ въ одмену розданныхъ и яко кольвекъ одведеныхъ и поданыхъ, также около кгрунтовъ, которые подъ собою держать бояре, зстародавна ку онымъ дворомъ належачие, не ку поветомъ, але ку онымъ дворомъ прислухаючие, о кгрунтъ и подаваняхъ костельныхъ выведанье достаточное вделати. А в чемъ бы поддаными нашимъ отъ старостъ, державцъ и иныхъ врадниковъ нашихъ и ихъ наместниковъ и слугъ якие обтяжливости, кривды и шкоды надъ постановенье што и повинность ихъ делали, абы в томъ с каждымъ таковымъ справедливость учинена. Также около службъ, подачокъ и всякихъ повинностей подданыхъ нашихъ з нашимъ лепшимъ пожиткомъ и скарбу нашого ку латвейшому выполненью и тымъ обтяжливости ихъ, абы постановенье слушное вделано было, и о невыданехъ платехъ цыншовыхъ и иныхъ всякихъ пожитковъ отъ подданыхъ нашихъ за прошлые лета и за рокъ нинешний шестьдесятъ девятый; потомужъ и о врожаю жита, яринъ и збожья всякого и о приплодкахъ въ оборахъ, всякихъ добытковъ домовыхъ и фольварковъ нашихъ, абы выведанье достаточное вделано было.—Для того и для иныхъ справъ и потребъ нашихъ отправили и послали есмо до тыхъ державъ вашихъ каноника виленьского, писара нашого скарбного князя Томаша Маковецкого, а тивуна въ земли Жомойтской волости Ужвеньское Семена Войну, давшы имъ отъ насъ достаточную науку, яко ся въ тыхъ во всякихъ справахъ и потребахъ нашихъ, имъ отъ насъ злецоныхъ и поручоныхъ, справовати и заховати се мають. А такъ кгды они, посланцы наши, для тыхъ справъ и потребъ нашихъ тамъ зъедуть, вы бы, пане киевский и Солтане, а въ небытности ихъ самыхъ въ тыхъ дворахъ державахъ ихъ, вамъ врадникомъ тамошнимъ прика-

зуемъ, абы есте въ тыхъ во всихъ вышей помененыхъ справахъ и пожиткахъ нашихъ, въ тыхъ державахъ, врадехъ своихъ, то есть у дворехъ, и фольваркахъ, въ гумнехъ, и въ оборахъ, въ местечкахъ, и на волостяхъ, въ селахъ, на кгрунтехъ, ставахъ и въ иныхъ справахъ и потребахъ всякихъ пожитковъ нашихъ, черезъ кого кольвекъ забраныхъ, и о отменахъ, черезъ померчихъ, ревизоровъ, комисаровъ и посланцовъ нашихъ подаваныхъ и яко кольве отъ тыхъ державъ дворовъ нашихъ первей заведеныхъ и оддаяныхъ, передъ ними достаточную справу дали, кгрунты наши и границы ихъ выводили и оказовали, и всякое послушенство ку имъ, посланцомъ нашимъ, вчинили, всихъ подданыхъ нашихъ тамошнихъ въ справу и послушенство имъ подали, а въ кривдахъ и жалобахъ подданыхъ тамошнихъ и кождого з нихъ зособна передъ ними се управедливили, врадниковъ и слугъ своихъ, въ чемъ кольвекъ отъ нихъ обвиненыхъ, передъ ними въ ку справе ставовши и за то все, што бы отъ нихъ на насъ и на слугахъ нашихъ которымъ подданымъ съ подданыхъ нашихъ присужоно было, заплату имъ чинили и досыть делали безъ кождое проволоки, заразъ при нихъ жо, посланцахъ нашихъ. И яко з ровсудку, такъ и во всихъ пожиткахъ и справахъ нашихъ постановенья ихъ послушни были, фольварки, ставы, млыны, будовали и причиняли, а индей на местцахъ непожиточныхъ того уймовали и во всемъ подлугъ постановенья ихъ на томъ во врадехъ своихъ се заховывали и справовали. А естли которые кгрунты и пожитки тыхъ именей нашихъ, державъ нашихъ, въ якой суме пенязей вамъ, альбо и кому кольвекъ тамъ заведены, вы бы нычого сумою пенязей на оные добра наши даного не бороневчися, предъ се ревизами и списанья всякихъ пожитковъ нашихъ имъ не заборонялы, кгды жъ мы ни въ чомъ таковою ревизею правъ нашихъ уймовати и ничимъ ихъ нарушати не хочемъ, але во всемъ ихъ при моцы, водле первшихъ листовъ нашихъ, вамъ данихъ, заховываючи, одно ведомости, што пожитковъ съ тыхъ добръ нашихъ, вамъ отъ насъ въ суме пенязей заведеныхъ, приходить и што бы

ся еще причинити могло, для певныхъ и слушныхъ причинъ мети потребуемъ. А такъ бы есте чинячи то для ласки нашое господарское, такимъ правомъ своимъ, на которое за даньемъ сумы пенязей на якие кольвекъ добра наши маете, около списованья пожитковъ нашихъ никоторое трудности тымъ посланцомъ нашимъ не задаваючи, того позволили и противни въ томъ воли нашой не были. А поколь тые посланцы наши въ оныхъ державахъ и дворехъ нашихъ для тыхъ справъ нашихъ змешкають, приказую вамъ, ижъ бы есте давали имъ зъ дворовъ и фольварковъ нашихъ, або за пенязи наши то способляючи и купуючи на выхованье ихъ, то есть кождому зъ нихъ, яко князю Маковецкому, такъ и Войне, на кождый день мяса яловичого по чверти одной, куръ по четвергу, гусей по двойгу, хлеба ржаного по два, пенежного по дванадцетергу, а для ихъ самыхъ хлеба пшеничного тежъ по два, пенежного тежъ по четвергу, пива по ушатку одному; а на кони ихъ овса по полторы бочки, сена по одному возу, соломы, колько потреба. А къ тому соли, яринъ, дровъ и иныхъ потребъ водле баченья ихъ, кгды жъ они то отъ васъ брати маютъ, чимъ ся тамъ водле потребы свое слушне выховати могуть и на то вамъ квиты давати маютъ, за которыми то водле сего постановенья нашого въ скарбе нашомъ отъ васъ принято будеть. Писанъ (проп.) летъ Божьего народженья тисеча пятьсотъ шестьдесятъ девятого мѣсяца дня.

(Кн. Судн. Д. Лит. LIII, л. 218—220 об.).

44.

Инструкція ревизорамъ, посылаемымъ въ Жомойтское староство.

1569 г.

Наука его кролевское милости, даная его милости пану Яну Ходкевичу, кграби на Шклове и Мыши, старосте жомойтскому, маршалку земскому Великого князства Литов-

ского, администратору и гетману земли Лифлянтское, старосте ковеньскому, державцы плотелскому и телшовскому, а при его милости (очев. д. б. имена), яко ся на ревизеи имъ злецоной заховати мають.

Напродъ приехавши до замку, альбо двора и кождое державы, мають урадови волю его кролевское милости оповедати и оказати на листехъ короля его милости, в той речи выданыхъ, про што и для чого приехали.

Потомъ показати урадови, абы войты такъ мѣсткие, яко и сельские, лавники и поддане вси вобецъ постановилъ, которыхъ доглядати зъ реестру. А кгды вжо вси сполна будуть, тогды подданыхъ взяти въ свою справу и подати до ревизоровъ, а ревизоре доведыватисе мають отъ войтовъ, лавниковъ: естли тивунъ, урадники и всякие слуги ихъ противъ уставы, воли и росказанью короля его милости черезъ тотъ часъ, яко се постановенье стало, не выступили и яко се противъ уставы заховали, естли въ чомъ не похибили, достаточне писати съ повести войтовъ, лавниковъ и поддаными и оныхъ всихъ речей реестръ уряднику подати, абы ся самъ съ особы своее поддаными управедливилъ и зъ слугъ своихъ справедливость учинилъ. А где бы того уделати не хотелъ, маеть быть оповеданъ пану старосте жомойтскому, а его милость, жалобу подданыхъ принявши, маеть росказати отправу чинити при тыхъ же ревизорахъ. А естли бы урадникъ зъ слугъ своихъ справедливости чинити не хотелъ, або ихъ отправилъ, тогды самъ за все отповедати повиненъ, кгды-жъ его кролевская милость не слугамъ, але имъ самымъ стражъ, опеку и оборону надъ поддаными злецыти рачилъ. Тое жъ и в ыйменьяхъ заставныхъ чинити, естли права такого не мають, же отъ ревизоровъ были волни. А кгды жъ тежъ его кролевская милость для великое потребы Речи Посполитое земское именья тые заставити рачилъ не з ыншою повинностью и пожитками, одно съ тымъ же, яко отъ его кролевское милости постановлено, а хотя се такий окажеть, же болшей надъ постановенье его кролевское милости бралъ, и который бы ся выламовалъ зъ розсудку

ихъ, тогды вси жалобы поддaныхъ списавши достаточне, ку его кролевской послати мають, а король его милость съ тымъ учинити рачить то, што его кролевской милости и повинности его милости господарской належати будеть.

Въ справедливости конецъ и розсудокъ учинивши, во всихъ местахъ и селахъ доглядати мають порадку волочного, а естли се досыть стало постановенью ревизорскому, то есть естли поддaные вже селами сели, естли поля розробили и тежъ естли сеянье въ поляхъ такъ чинятъ, яко имъ черезъ ревизоры постановлено. А естли се во всемъ окажеть пильность урядовая, войтовъ и лавниковъ пафалить; а естли бы чого занехали, оказати, яко того поправити. Также дороги, мосты и иншие переезды, шкодливые имъ и людемъ подорожнымъ, приказати направити, а предъ ся дбалого и недбалого королю его милости доповедати.

Также ездечи, пилне перестерегати мають, где есть споръ съ кимъ кольвекъ около кгрунтовъ короля его милости, абы се выведали, естли бы бачили быти властные кгрунты господарские, або ихъ старостъ и державецъ. А выехавши мають успокоити и постановить покой справедливый, постерегаючи, абы именья его кролевское милости ущирбку нетерпели, а отъ короля его милости тежъ абы нихто на справедливости не храмалъ. А то справовати поступкомъ и доводомъ слушнымъ водле права посполитого и статуту земского.

Кгрунты шляхетские межи кгрунтовъ его кролевское милости где бы были вмешаны, таковыхъ пановъ шляхту, чии кгрунты, намовляти, абы ку иншимъ именьямъ своимъ и поручную отмену приймовали, а королю его милости тыхъ вмешаныхъ поступовали. А ведже то первей королю его милости достаточно ознаймити и причины ку выразуменью на малеванью послати.

О кгрунтехъ всякихъ, што отдано и што отсужоно съ комисарского розсудку зъ отменъ ревизорскихъ розданыхъ, маютъ се достаточне доведовати: естли где ку шкоде его кролевское милости таковыхъ отменъ и границъ нечинено и пилне то все. чого ся доведають, въ рейстръ писати. А где

бы еще кгрунты на волоки немероные были, достаточне огледети и, где бы осадити могли, таковые осажати.

О именьяхъ бояръ путныхъ, которые называютъ ройтиники, подсеницы, и тыхъ, которые отъ державецъ, тивуновъ у бояръ (очев. проп.), або постановлени, достаточне се выведовати именья въ широкости кгрунтовъ, бояръ таковыхъ въ реэстръ уписывати и до волости привернути на пожитье, такъ тежъ кгрунты плебанские и поповские, што первей ку костелу держано и теперъ держать, серебра костельные и пожитки плебанские списати и о всемъ ведомость учинити.

Того тежъ въ веры и пилности своее пробачити не маютъ, абы се о всихъ пожиткахъ короля его милости выведати немоли, которые на тотъ часъ суть и на пришлые часы быти могуть, где што пожитковъ якихъ прибыло, або убыло списовати, тамъ же заразомъ и недостатки огледати.

О винахъ всякихъ, такъ же и отъмерщинахъ ведомость взяти въ томъ достаточне, до реэстру уписати, ижъ бы се то вернуло, естли се што найдеть.

Всихъ ремесниковъ, которыхъ до дворовъ не потреба, на цыншехъ осадити и урадникомъ росказати зъ нихъ цыншъ брати.

Въ будованье замковъ, дворовъ, фольварковъ и што въ нихъ естъ списати, а фольварки где бы могли быти прибавлены, огуломъ роботу на подданыхъ положити, по грошей шести отпустивши; а ставы, млыны, сажавки, пилы, фолюши, где кольвекъ могуть быти, съ пилностью дозрети и урядовне, съ чого пожитокъ можеть быти, показати, такъже и ставовъ готовыхъ пожитки, якие могутъ быти налепшие, постановити. А ижъ бы на ставы и млыны король его милость не накладалъ, дати державцамъ и тивуномъ спустъ и млыновое до трохъ летъ.

Озера, реки, на нихъ езы и бобровые гоны пописати и того догледати, абы съ того пожитокъ могъ быти, зъ огородовъ и садовъ, якие пожитки могуть быти, постановити; где бы тежъ меды оттоль съ подданыхъ брано, якъ много тыхъ медовъ приходить, въ реэстръ уписати.

Збожья вшелякие, што у фольваркахъ найдуть, списати и спробовати, такъ же и сенъ яко много где быти можеть, выведати се.

О оборахъ быдла всякого достаточную ведомость взяти. А где бы до которыхъ фольварковъ быдла потреба, росказати водле потребы прикупити. А где суть, кгде будуть фолварки, абы волы кормлено и ховано, жебы сено и солома прожне не гнила.

Стада его кролевское милости, где бы могли быть хованы, огледати и съ пилностяю дойзрети, также где стада суть, яко се ховають, ижъ бы достатокъ выхованья всякого мели и стайни абы были добре опатрени, постановенье учинить.

О товары лесные, где суть на волокахъ и въ лесехъ, абы то на пожытокъ его кролевское милости шло.

Тыхъ иншихъ речей, которые абы не были противъ справедливости и права, ревизоры короля его милости повинни перестерегати во всемъ, а што потребного и пожиточного обачивши постановять, старостамъ, державцамъ, тивунамъ и врадникамъ науку показати и на писме дати мають, а они жебы въ томъ водле повинное веры своее скутокъ оказовали зо здобностяю и пожиткомъ короля его милости, Речи Посполитое, въ томъ ихъ напоменути.

(Кн. Зап. Лит. LIII, л. 291—294).

45.

Привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на старотство судовое Упитское.

Въ Варшавѣ, 25 мая 1571 г.

Жикгимонтъ Августъ. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всимъ посполите и кождому зособна, кому бы потреба вѣдати, або чтучи слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ. Ижъ дознавши есмо верныхъ, цнотливыхъ, працовитыхъ и накладныхъ службъ скарбного нашего ключника виленского пана

Ивана Семеновича Зарецкого, которыми онъ ласку нашу господарскую заслуговалъ, будучи отъ немалого часу зъ молодости летъ своихъ на дворе нашомъ и на иншихъ службахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ, добре а верне заховалъ, также кгды ему тотъ урадъ скарбный отъ насъ злецонъ, тогды будучи на томъ враде отъ немалого часу тою жъ верою и пильностью своею въ службахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ ласку нашу заслуговалъ и отъ часу тое жъ ласки нашое працовитыми заслугами своими собе преспораетъ; а яко завжды, такъ особливе въ часъ валки зъ неприятелемъ нашимъ великимъ княземъ московскимъ, зъ власное маетности своей и набываючи у многихъ особъ, а меновите людей купецкихъ и обывателей панствъ нашихъ и чужоземскихъ, пенезей готовыхъ и иныхъ розныхъ товаровъ немалыми сумами, въ справахъ нашихъ земскихъ, на скарбъ нашъ земскій припалыхъ, верне и пилне и охотне служилъ и въ томъ во всемъ добре ся намъ службами своими подобалъ и залецылъ, што хотечи ему ласкою нашою господарскою визнати, нагородити, и дали есмо ему и симъ листомъ нашимъ даемъ упродъ мнованому скарбному нашому пану Ивану Семеновичу Зарецкому староство судовое Упитское и всю волость нашу тамошнюю Упитскую, ку тому староству прислухаючую. Маетъ панъ Иванъ Семеновичъ Зарецкій тое староство Упитское держати, князей, пановъ, шляхты, всихъ обывателей того повету Упитского судити, радити и владности въ томъ уживати водле статуту земского, а подданыхъ нашихъ вси пожытки и доходы наши выбирати, а десятый грошъ и иные звыклые пожитки, на старостъ нашихъ тамошнихъ брати прислухаючии, на себе вземши, пенязи и иные всякие доходы, до скарбу нашого належачие, отдавати и личбу чинити съ нихъ, подданыхъ нашихъ судити, радити, винныхъ винами водле статуту, уставы нашое карати и во всемъ слушне и радне, безъ обтяжливости подданыхъ нашихъ, пожитки наши намъ причиняти и примножати. Тежъ позволяемъ и даемъ вольность ему на волости нашой Упитской на лепшомъ и погожомъ местцу, где ся ему налепей увидить, фолварокъ заложити и направити, отлу-

чивши 15 волокъ зуполныхъ на пашню, а людей осадныхъ до роботы водле уставы нашое, або колько тую 15 волокъ заробити узмогуть, знявши зъ нихъ цыншъ осадный за роботу съ кождое волоки водле уставы нашое волочное. Ведже платъ съ тыхъ 15 волокъ, на фолварокъ описаныхъ, и съ тыхъ волокъ осадный цыншъ, который взглядомъ роботъ съ нихъ ся здойметь, онъ самъ отъ свята пришлого Новолета въ року прийдучомъ 1572-мъ черезъ три годы водле уставы нашое маеть до скарбу нашого платити. А ижъ онъ въ томъ фолварку нововчиненомъ своимъ накладомъ въ тыхъ годехъ пашню собе будетъ заробляти, мы зъ ласки нашое то ему даемъ,—тогды все съ того фолварку черезъ три годы брати маеть ку своему пожитку, съ чого на насъ никоторого пожитку давати и личбы въ скарбе нашомъ за тые годы чинити не повиненъ, о што отъ насъ, а ни отъ подскарбего земского и врадниковъ нашихъ скарбныхъ ку личбе его примушоно и никоторое трудности задавано быти не маеть. А по выштью трехъ годовъ оный фолварокъ, черезъ него заложоный, на пожитокъ нашъ держати, яко староста тамошний, и третий снопъ всякого збожья водле уставы нашое брати, а зъ остатка личбу чинити маеть. А вжо цыншу осадного за подданыхъ, ку работе фолварковой оберненыхъ, также и съ тыхъ волокъ 15, которыхъ на фолварокъ отлучить, цыншу у скарбъ нашъ закладати не повиненъ будетъ. А къ тому особливе варуемъ, ижъ людей служебныхъ, ездныхъ и пешихъ, на волости наши того староства Упитского высылати, а ни приставовъ жадныхъ имъ тамъ николи давати не маемъ. А особливе то ему зъ ласки нашое увевняемъ, ижъ не маемъ волостей и селъ кгрунтовъ и никоторыхъ пожитковъ нашихъ отъ Упиты за его держанья никоторымъ правомъ и жадными особамъ николи отдавати и заводити; але еще которые кгрунты, волости и села и пожитки наши розные особы заставнымъ обычаемъ и до выбранья сумы, въ нихъ до скарбу нашого позычоное, на волости Упитской держать, што имъ перво сего заведено есть, тогды всихъ таковыхъ особъ водле права и листовъ, на то имъ отъ насъ даныхъ, даемъ ему волность

симъ листомъ нашимъ купити и пенязи ихъ имъ отложити и то все, што окупить, за што и пенязи ихъ имъ отложить, онъ того всего держати и вживати маеть, также правомъ, и во всемъ потому, яко и оные заставники, которые якие кгрунты староства Упитского, отъ насъ заведеные, маючи въ рукахъ своихъ, мели, держали и вживали. А мы и по отложенью отъ насъ ему за то сумы его тыхъ волостей и селъ и пожитковъ нашихъ никому заставовати и заводити и его съ нихъ скуповати и вольности никому на то давати не маемъ, а хотя бы, въ неведомости сего права его, кому листы наши надъ тотъ который вышепомененый артыкулъ коли кольвекъ выданы были, тогды онъ и за листы нашими того никому поступовати не будеть повиненъ, але онъ за симъ листомъ нашимъ тое староство Упитское во всимъ на все, яко само въ собе естъ, отъ насъ держати маеть ажъ до его жывота, або лепшого и ему пожиточнейшого зъ ласки нашое осмотренья. А на твердость того дали есмо предреченому пану Ивану Семеновичу Зарецкому, скарбному нашому, старосте Упитскому, ключнику Виленскому, сесь нашъ листъ съ подписомъ руки нашое и зъ нашою печатью. Писанъ у Варшаве, лета Божиего Нарож. 1571-го месяца мая 26-го дня.—Подписъ руки господарское.—Лавринъ Воина, подскарбий дворный и писаръ.

(Кн. Суд. Д. Лит. LIII, л. 295 об.—298).

46.

Инструкція ревизорамъ, данная въ Торуни на сеймъ 1576, декабря 30.

Прыехавшы до кожъдого замъку, места, двора и волости нашое, маютъ ревизорове нашы, яко положенья и будованья замъковъ, такъ порадъку справъ, стрелбы и всякихъ господаръствъ врадничыхъ достатъковъ замъковъ нашыхъ и в шпихлерахъ замъковыхъ осмотрети и о всемъ достаточъ-

ное выведанье учынити; такъ тежъ зезвавшы до себе войтовъ, старцовъ и всихъ подданыхъ нашыхъ местъскихъ и волостныхъ, во всихъ крывдахъ и обтяжливостяхъ и долеглостяхъ ихъ, естли бы што над повинность ихъ отъ врадниковъ чынено было, выведатися и где бы подданые наши, в которомъ колвекъ старостве о якие колвекъ крывды и долеглости свое на воеводъ, старостъ нашыхъ, наместниковъ и всякихъ врадниковъ ихъ жаловати мели, тогды тые ревизорове нашы о вси таковые крывъды, которые бы ся по смерьти короля его милости Жыкгимонта Августа, альбо отъ того часу, поколь остатные ревизоры нашы в оныхъ державахъ были, справедливость скутечьную и неотъволочьную подданымъ нашымъ с тыхъ вышей помененыхъ врадниковъ нашыхъ чынити мають. А где бы на подстаростихъ, врадниковъ и слугъ старостиныхъ поданые нашы жаловалися, тогды сами панове старостове и державцы с таковыхъ врадниковъ и слугъ своихъ справедливость, водле права, передъ тыми жъ ревизорми нашыми учынити мають, якожъ для того и для иныхъ всякихъ справъ и потребъ добръ нашыхъ панове старостове и державцы нашы на тотъ часъ, кгды ревизорове до державъ ихъ зъедуть, повинъни тамъ сами быти мають, окромъ прычынъ, в статути описаныхъ и властное служъбы нашое. А хто бы зъ ихъ милости самыхъ, або врадники ихъ милости такъ пры бытности, яко в небытъности ихъ пред тыми ревизорьми усправедливитися и водлугъ выроку ихъ укрывжонымъ подданымъ нашымъ досыть чынити не хотелъ, мають тые панове ревизорове нашы вси крывды и шкоды подданыхъ нашыхъ на реистръ списати и шацунокъ всихъ тыхъ шкодъ подданыхъ нашыхъ уделати и до нас, господара, на писмо прынести, а мы потомъ обычай тому вынайдемъ, яко оные шкоды подданыхъ нашыхъ отъ нихъ нагородити се мають.

А ижъ тежъ, яко того справу маемъ, не мало селъ кгрунътовъ, пущъ и иныхъ волостей, столу нашому належачыхъ, розные особы и шляхта, яко перъвей сего, такъ по

смерьти короля его милости Жикгимонта Авъгуста и по отъеханью короля его милости Генърыка, продковъ нашыхъ, забрали и осели и ихъ держать и ужывають, а иньшые, будучы бояръми, не ку повѣтомъ судовымъ, але ку державамъ належачые, волностю шляхетъскою вымовляючы и с тыми именьями, с которыхъ до дворовъ нашыхъ, а не в повѣте повинъность чынили, до повѣту ся поддаючы, повинъностямъ звыклымъ досыть не чынять; такъже не мало кгрунътовъ нашыхъ некоторые особы за отъмены собе, отъ ревизоровъ неслушне подаваные быти менуючы, платы и доходы скарбу нашому, з оныхъ кгрунътовъ належачые, ку пожытку своему оборочають, а тымъ скарбу нашому Великого княства Литовского великое уближенье деетъ ся,—о томъ всемъ ревизорове нашы отъ воеводъ, старостъ и наместниковъ ихъ, войтовъ, старцовъ и поддаными нашыхъ, в замъкахъ, местехъ и волостяхъ певное а скуточное и пилное выведанье учынити маютъ. А хто бы меновите за якимъ правомъ добра столу нашому господарскому належачые и неслушне, хотя бы и за якими данинами пановъ радъ нашыхъ, старостъ и державцъ, а без потверженья и упрывилеванья продковъ нашыхъ, иньшого держалъ, таковыхъ ревизорове нашы поспогъ з воеводою, або старостою оного замъку, або волости нашое, в которомъ то лежыть, упоменути маютъ, абы таковые добра нашы господаръские забраные, зась ку тымъ именьямъ нашымъ, отъ которого што взято, пускали. И где бы тые держаные добра нашы господарские ихъ пустити, а ку пожыванью и властному пожытку столу нашому господаръскому поступити не хотели, маютъ ревизорове нашы о всихъ доходехъ, штобы с тыхъ добръ неслушне держачыхъ на кождый годъ прыходити мело, достаточъне ся отъ тыхъ вышей меноваными врадниковъ, отъ которого вряду то отошло, и отъ поддаными нашыхъ и отъкуль могуть, выведати, о чомъ кгды намъ ознаймять, тогды таковые водле права мандаты нашыми позываны будуть.

А будучы в добрахъ нашыхъ панове ревизоры пильне перестерегати маютъ, где естъ споръ с кимъ колвекъ около

кгрунѣтовъ нашыхъ, абы ся выведали и естли бы властные кгрунты нашые господарѣские черезъ кого неслушне забраны а посягнены были, таковыхъ кгрунѣтовъ старостове и державцы нашы боронити мають. А ведже о таковые кгрунты нашы певные панове ревизоры весполъ з старостою и державцою места оного мають того шляхътича, с кимъ бы споръ о то шелъ, обослати и з нимъ обычаемъ слушнымъ и прыстойнымъ становити и до того прыводити, ижъ бы ся таковые розницы успокоивати могли, постерегаючы, абы именья нашы ущырбъку не терѣпели, а отъ насъ тежъ абы нихто на справедливости не храмалъ. А естли бы ся то перед ревизорми успокоити не могло, тогды и о такихъ добрахъ и кгрунѣтахъ ревизоры, списавъшы все по достатъку, у ведомость намъ господару донести мають. А мы потомъ водле права, або комисаровъ вошлемъ, або таковыхъ ку справе позывати роскажемъ. О кгрунтехъ всякихъ, што отдано и што отоужоно съ комисарского розсудъку з отменъ ревизоръскихъ розданыхъ, мають ся достаточне доведовати, естли где ку шкоде его королевское милости таковыхъ отъменъ и границъ не чынено, и пилъне то все, чого ся доведають, в реестръ писати.

А где бы еще кгрунѣты на волоки не померены были достаточъне огледети и где бы ся на волоки мерыти и людми таковые кгрунѣты, або лесы осажати могли, о томъ ся достаточъне выведавшы, все ку доброму пожытку скарбу нашого опатрыти и постановити мають.

Ведомость тежъ тую маемъ, ижъ некоторые обыватели земли Полоцкое, за даньемъ справы королемъ ихъ милости и великимъ княземъ Литовъскимъ, продкомъ нашымъ, яко бы добра и именья ихъ в земли Полоцкой через князя великого московъского посягнены быти мели, за што, не малые именья отъ столу нашого господаръского у королей ихъ милости упросившы, держать, а своихъ пред се именей, за которые нагорода ихъ дошла, ужывають, про то в которомъ бы замъку и державе, або волости нашой то ся показало, жебы хто не только нагороду за именья побраные, але и тые самые именья свои волно держалъ и ихъ ужывалъ, мають ревизорове нашы кожъ-

дого такового напоменути, абы таковые добра нашы засъ ку столу нашому и до державы тое, ку которои перъвеи належали, поступовали и в то ся черезъ то ничымъ не вступовали. А естли поступовати не хотять, тогды, оные пожытъки оныхъ добръ обравовавшы, намъ мають ознаймити. А мы такихъ потомъ маньдаты нашыми позывати розкажемъ.

Особливе росказуемъ тежъ тымъ ревизоромъ нашымъ, абы о вшелякихъ пожытъкахъ нашыхъ давныхъ, скарѣбу нашому належачыхъ, которые естли бы за недойзреньемъ врадниковъ нашыхъ заноханыи и до скарбу нашого выдаваны не были, пильное и достаточъное выведанье учынили.

А особливе выпайденья вшелякихъ пожытъковъ нашыхъ новыхъ во всихъ замъкахъ, местехъ и волостяхъ нашыхъ с пильностью дойзрети мають, не только прымноженья слушныхъ платовъ на подданыхъ нашыхъ, але робенья всякихъ товаровъ леснихъ—попелу, ванъчосу, смолы, рудъ, гутъ, салетры и иныхъ вшелякихъ потребъ, скарбу нашому належачихъ, а якие кольвекъ пожытъки тые ревизорове нашы, в которомъ колвекъ замъку, месте и волости нашои выналдуть и постановять, а старостамъ и державцамъ, а в небытности ихъ наместникамъ ихъ, ку прыпилнованью и дойзренья ихъ злецити мають, чого старосты з великою а дбалою пилностью дозирати будуть повинъни, яко бы с того пожытокъ до скарбу нашого водлугъ постановенья ревизорского ити могъ.

А где бы тежъ личъба за лета прошлые с которого колвекъ замъку, места и волости нашое до скарбу нашого чынены не были, о томъ тые ревизорове нашы, ведомость скарбу нашого земъского маючы, кожъдого такового старосту и врадника ведомость взяти мають, и за которые бы годы чыя личъба не делана и еще через перъвшыхъ ревизоровъ нашыхъ не выведована и квитовъ личебныхъ з скарбу не оказано, тогды тые жъ ревизоры нашы о пожитъкахъ тыхъ, которые з оныхъ державъ, где бы ся личъба за лета прошлые не сконъчыла, прыходили, мають выведанье и верификацью уделати и,якъ много доходовъ зъ оное державы за тые лѣта,

за которые личъба не скончона, до скарбу прыходило, то мають тые жъ ревизорове, списавшы до скарбу земъского для чыненья личъбы оного державцы отослати и то старостамъ и державцамъ именемъ нашымъ пилне росказати, абы старосты и державцы всякие пенязи зъ якихъ колвекъ доходовъ и решть, пры нихъ самыхъ, або врадниковъ ихъ зосталые, до скарбу земъского ехали и перед подскарбимъ земъскимъ и писаромъ великого князства Литовского, старостою пинскимъ державъцою олитскимъ и квасовъскимъ паномъ Лаврыномъ Войною, личъбу зо всего того чынили и пенези вшелякие с пожытъковъ нашыхъ, пры собе задержаные, до него жъ отъдавали и отсылати велели, ничымъ ихъ черезъ то пры собе не задержываючы, зособна писаныхъ, якожъ и роки чыненья личъбы в скарбе нашомъ кожъдому староству и державе в постановенью короля его милости Жикгимонъта Авъгуста суть описаны, абы жаденъ, яко часъ которой державе назначонъ, омешкивати не смелъ, перестерегаючы того, ижъ бы недбалый каранья, за то от нас господара вынайденого, не понеслъ.

Мають тежъ узнавати и держаныхъ поборахъ, которые часу небытности господара на оборону земъскую отъ пановъ радъ были уфаленыи и постановленыи. А хто бы з волныхъ, яко и дожывотъныхъ и заставныхъ добръ нашыхъ, таковыхъ податъковъ постановленыхъ не выдалъ, о тыхъ панове ревизорове напоменути мають, абы тые, которые таковые податъки выбрали, до скарбу земъского отъдали. А которые бы не выбрали, тые абы водлугъ оного постановенья, под которымъ ся што деяло, выбирали и до скарбу отъносили. А хто бы тыхъ податковъ отъдавати не хотелъ, о таковыхъ всихъ мають намъ ознаймити. А мы потомъ о то ихъ спозывати роскажемъ.

Особливе хочемъ мети и росказали есмо тымъ ревизоромъ нашымъ, абы и до тыхъ замъковъ, дворовъ, местъ и волостей нашыхъ, которые в сумахъ пенязей, або правомъ дожывотънымъ отъ продковъ, нашыхъ королей ихъ милости полскихъ и великихъ князей литовъскихъ, кому колвекъ княжатъ,

панятъ, шляхты, обывателей Великого князства Литовского даны, заведены суть, ехали и выведане пожытковъ нашыхъ, с такихъ именей уделали. А ведже тое выведанье ихъ никоторого уближенья ни чыему праву чынити и ни в чомъ права его уближыти не маеть, окромъ того, хто бы што добръ нашыхъ неслушне держал и ужывалъ, а того на насъ ку столу нашому поступовати не хотелъ, о томъ мы, ведомость отъ ревизоровъ нашыхъ вземъшы, водле права посполитого и статуту земъского, поступовати и заховати ся будемъ, и перед насъ такихъ позывати роскажемъ.

О которыхъ добрахъ, столу нашого Великого князства Литовъского по унии розданыхъ и заведеныхъ, во всихъ метрыкахъ доведоватися и всякихъ привилеевъ и записовъ, албо дожывотныхъ, албо заставныхъ, выдымусы ревизоромъ съ канъцелереи и з скарбу нашого маютъ быти выданы, ягды жъ з нихъ латвей ревизоръ ведомость озметъ, якимъ правомъ хто што держыть, и на тотъ часъ обачыть, яко ся справовати маеть,—такъ ижъ бы ся албо посесорови, албо скаржбу нашому крывъда не стала. Естли бы тежъ о якихъ именьяхъ, або добрахъ столу нашого ани в метрыкахъ, ани в реестрахъ скарбныхъ якое сведецтство не оказало ся, тогды держачый маеть быти напомненъ, абы листы показалъ и право свое вывелъ.

То тежъ на бачъности ревизорове нашы мети маютъ, абы пушкаровъ на замъкохъ нашыхъ не на юркгельте пенежномъ заховали и постановляли, але опатруючы ихъ кгрунътами нашыми господаръскими водлугъ баченья своего и на чомъ ихъ постановятъ, до скарбу нашого земъского ознаймитъ маютъ для пораховання в скарбе земъскомъ, абы оные кгрунты, на той служъбе пушъкарской ихъ даные, юркгельту ихъ перво постановленого не перевишали. А ведже опатрываючы то, жебы такие пушкары з грунътовъ ихъ, имъ поступленыхъ, або з юркгелтовъ, которые беруть в кождый годъ, певную личъбу пороху до стрелбы замъковое давали.

А жъ маем того ведомость, же будованье некоторыхъ замъковъ нашыхъ рускихъ велми упало, такъ тежъ мосты

по стародавныхъ дорогахъ показили се, про то розказуемъ тымъ ревизоромъ нашымъ, абы они, будучы на той ревизыи в замкохъ, местехъ и волостяхъ нашыхъ, певъное выведанье учинили о таковыхъ, хто тые замъки нашы и мосты по гостинъцахъ здавна подданымы своимы робити были повинни, абы всихъ таковыхъ наупоменули и часъ певный имъ назначыли, яко бы звиклои в тои повинности своеи досыть чынили. А где бы они до часу, от тыхъ ревизоровъ нашыхъ назначоного таковой повинъности своеи доосыть чынити не хотели, тогды тые ревизорове нашы пораховавшы, чымъ бы тые городни в замкохъ нашыхъ от нихъ и поддаными ихъ робливаны, такъ тежъ мосты мощываные забудовати и поправлены быти могли, тогды до таковыхъ роботъ звыклымъ здавна обычаемъ отъ старостъ и державецъ мають быти прымушаны, што ревизорове нашы, отъежъджаючы отътоль, врадникомъ нашымъ кожъдому в старостве его злецити мають, ижъ бы замки и мосты по дорогахъ пилне поправовали. А в которыхъ замкохъ нашыхъ городничые суть, тые посполъ со старостами направованья замъковъ и мостовъ тымъ обычаемъ, яко ся вышей поменило, з великою а дбалою пилностью дозирати мають, бо где бы за недойзреньемъ ихъ тые замки и мосты не направованы, постерегати того мають, якобы тая недъбалость на нихъ не заставала самыхъ.

А пред се особы таковыхъ в будованю замковъ нашыхъ и мостовъ повинныхъ, а непослушныхъ, ревизорове нашы намъ ознаймити мають, а мы за вину непослушенъства обычай вынайдемъ, яко ся противко таковыхъ непослушныхъ заховати роскажемъ.

Особливе пры вынайдованью пожытъковъ скарбу нашого в местехъ и волостяхъ нашыхъ рускихъ мають панове ревизорове нашы пилное старанье имъ тому чинити, яко бы замки нашы руские с тыхъ же волостей нашыхъ жывностями спижованы быти могли.

Корчъмы во всихъ замкохъ, местахъ и волостяхъ нашыхъ рускихъ ку пожытку скарбу нашого господаръского оборочати и аренъдовати тые жъ ревизоре нашы мають, ок-

ромъ хто бы з воеводъ, старостъ и врадниковъ нашыхъ особливые листы продковъ нашыхъ и нашими господаръские о то мелъ, тыхъ водлугъ листовъ нашыхъ заховати мають.

Якожъ то все ревизорове нашы пилне, дбале и з великимъ стараньемъ о розмноженье пожытковъ скарбу нашого господаръского справовати и становити мають, што мы вере ихъ, ку намъ господару и речы Посполитой повинъной, пилному и растропному выналйдованью и баченью ихъ поручаемъ. А вамъ, панамъ воеводамъ, старостамъ державъцамъ, лесничымъ и всимъ врадникомъ добръ нашыхъ господаръскихъ, в семъ листе нашомъ описаныхъ, а в небытности ихъ самыхъ врадникомъ ихъ, приказуемъ, ажъ бы есте около всякихъ пожытъковъ нашыхъ, которые въ добрахъ нашыхъ тепер суть и через тыхъ ревизоровъ нашыхъ выналйдены и постановлены быти могуть, о всемъ то пилное стараньо посполъ з ревизоры нашыми мели и становили. А што они постановять и ку пожытъку скарбу нашого окажуть, в томъ бы ся есте водлугъ постановенья ихъ заховали и в справахъ, которые они на добрахъ нашыхъ ку лепъшому порадку и пожытку скарбу нашого чынити будуть, никоторые противности не делали для ласки нашое, иначей того не чинечы.

(Кн. Зап. Лит. LX, л. 41—45 об.).

47.

Dobra Stołowi Króla Ie° Mczi należące w Wielkim Xięstwie Litewskiem zawiedzione [1].

[1]) О значеніи памятника см. Государственное хозяйство, I, стр. 344, прим.

Powiath Wilensky.

NAZWISKO	Przyiętych włok.												Nieprzyiętych włok.												Summa wszystkich włok.			Jezior.
	Przednich.			Srzednich			Podłych.			Suma przyiętych włok.			Przednich.			Srzednich.			Podłych.			Summa nieprzyiętych włok						
	Włok	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok	Morg	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	
Braczław	151	24	20	509	25	17	316	14	17½	978	4	24½	22	1½	—	97	11	20	78	19	15	198	2	20	1176	7	14½	20
Bołniki	0	13	10	68	5	—	107	24	—	176	12	10	0	3	1	32	10	—	69	7	15	101	20	16	278	2	26	—
Cziczikiny	5	10	13½	59	28	20	7	16	18	72	25	18½	2	—	—	13	8	15	1	—	—	16	8	15	89	4	3½	12
Dawgieliszky	40	11	—	165	10	19½	50	6	5	255	27	24½	0	0	0	20	3	10	3	0	—	23	3	10	279	1	4½	10
Dziszny	0	0	0	56	9	—	7	25	9	64	4	9	0	0	0	0	15	—	6	21	—	7	6	—	71	10	9	5
Dziszny *)	12	8	—	68	20	15	17	17	—	98	15	15	0	0	0	5	3	5	0	26	—	5	29	5	104	14	20	—
Dziewieniszky	7	0	0	64	6	—	59	10	—	130	16	—	0	0	(	23	9	—	25	20	—	48	29	—	179	15	—	—
Gieranoyny	121	22	10	199	26	—	96	0	20½	417	19	½	6	20	13½	23	13	—	22	0	0	52	3	13½	469	22	14	—
Hayna **)	29½	0	0	28	0	—	56	0	—	113½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	113½	—	—	—
Krewo	87	7	4½	53	15	14	21	20	5	162	12	23½	8	21	14	57	5	17½	36	27	17	102	24	18½	265	7	12	—
Karmałow	107	4	8	132	0	—	30	10	—	269	14	8	0	0	0	11	0	—	38	10	—	49	10	—	318	24	8	—
Koniowo	10	11	—	92	20	—	61	25	—	167	26	—	2	6	—	22	25	—	81	10	15	106	11	15	274	7	15	4
Kamienecz	840	20	—	130	25	—	0	0	—	971	15	—	136	20	—	45	15	—	0	0	—	182	5	—	1153	20	—	—
Knyszyn	733	14	7½	0	0	—	0	0	—	733	14	7½	4	7	15	0	0	—	0	0	—	4	7	15	737	21	22½	—
Krasne Siolo	5	28	—	11	19	20	13	20	—	31	7	20	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	31	7	20	—
Lida	138	5	1½	183	14	—	37	29	15	359	18	16½	52	15	—	48	20	—	29	10	—	130	15	—	490	3	16½	—
Liubowo	0	0	0	15½	—	—	30	23	29	46	8	29	0	0	0	0	9	0	14	26	—	15	5	—	61	13	29	—
Lingmiany	17	29	24½	254	3	—	90	2	21	362	5	15½	6	—	—	43	17	—	21	23	21	71	10	21	433	16	6½	—
Lipniszky	140	0	23	85	18	7	11	10	8½	236	29	8½	7	23	—	10	—	—	14	—	—	31	23	0	268	22	8½	—
Markowo	131	21	—	237½	—	—	22	—	—	391	6	—	11½	—	—	16½	—	—	1	0	0	29	0	—	420	6	—	—

*) Были Б. и М. Дзисны, въ текстѣ различіе не указано

**) Tam sie iescze pomiara, iako ma bydz, nie skonczyła.

NAZWISKO.	Przyiętych włok.												Nieprzyiętych włok									Summa wszystkich włok.			Jezior
	Przednich.			Srzednich.			Podłych			Suma przyiętych włok			Przednich.			Srzednich			Podłych.			Summa nieprzyiętych włok.						
	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok	Morg	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	
Miadzioły	90½	—	—	23	—	—	19	—	—	132½	—	—	31	0	—	0	0	0	1	0	0	32	—	—	164½	—	—	2
Miedniky	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Niemienczyna	2	13½	—	201	22	22½	45	26	9	250	2	16½	0	23	22½	73	3	22½	135	7	22½	209	5	7½	459	7	24	—
Obelie	93	24	15	249	11	15	24	8	20	367	14	20	5	0	—	31	10	—	27	27	—	64	7	—	431	21	20	4
Onixty	27	7	18½	227	19	8	96	28	8	351	25	4½	1	8	24	57	24	28	51	2	15	110	6	7	462	1	11½	2
Opsa	44	20	—	355	18	—	48	17	10	448	25	10	2	—	—	67	25	20	58	3	—	127	29	20	576	25	—	18
Ossmiana	169	3	25	0	0	—	0	0	—	169	3	25	10	23	25	—	0	—	0	0	—	10	23	25	179	27	20	—
Piemany	762	2	18½	385	4	7	258	25	7½	1406	2	3	10	20	—	31	10	—	113	12	12	155	12	12	1561	14	15	11
Rakonczyszky	0	0	—	82	6	8¼	0	0	—	82	6	8¼	0	0	0	66	18½	—	0	0	0	66	18½	—	148	24	8¼	—
Remiezow	17	25	—	13	–	—	0	0	0	30	25	—	4	1	—	22	20	—	11	20	—	38	11	—	69	6	—	—
Swinezany	1	23	16½	126	28	5	33	27	15	162	19	6½	0	4	20	67	25	21	21	2	10	89	2	21	251	21	27½	—
Trokielie	68	22	—	40	25	—	6	0	—	115	17	—	8	0	—	12	0	—	10	0	—	30	0	—	145	17	—	—
Traby	6	24	13½	178	29	9	35	24	12	221	18	4½	1	12	25	24	26	17	13	14	23	39	24	5	261	12	9½	—
Uciana	113	10	—	324	15	24	106	6	12	544	2	6	16	10	—	77	3	2½	73	4	15	166	17	17½	710	19	23½	16
Wilkomeria	111	1	11½	32	6	10	21	5	—	164	12	21½	11	10	12	3	12	20	3	8	20	18	1	22	182	14	13½	—
Wołozyn	55	8	22½	156	20	8½	15	17	10	227	16	11	5	28	5	17	15	5	7	6	21½	30	20	1½	258	6	12½	—
Uszpolie	101	24	28½	332	5	6½	231	27	16½	665	27	21½	6	28	22	59	18	2	206	6	25	272	23	19	938	21	10½	16
Wirshupy	0	0	—	0	18	17	56	19	10	57	7	27	0	0	—	0	3	—	12	4	17½	12	7	17½	69	15	14½	—
Wircksthy	6	—	—	32	23	—	26	13	3	65	6	3	4	27	6½	32	4	—	20	22	18	57	23	24½	122	29	27½	—
Wisniow	70	16	20	4	21	1	11	13	11	86	21	2	2	0	—	3	6	2	12	13	—	17	19	2	104	10	4	—
Zygmunciszky	71	18	—	84	0	—	27	0	—	182	18	—	9	0	—	6	10	—	7	25	—	23	5	0	205	23	—	—
Zamkinięcie Powiatu Wileńskiego *).	2704	8	11½	4913	26	14¼	2012	0	19½	9630	5	15½	248	28	25½	1046	17	28	1111	2	27½	2406	19	21	12036	25	6¼	—

*) Nie zamykaią się w they summie włoki Miedniczkie, bo o nich ieszcze żadney sprawy do skarbu nie dano.

Powiat Throcky.

NAZWISKO	Przyiętych włok.												Nieprzyiętych włok.												Summa wszystkich włok.			Jezior.
	Przednich.			Srzednich.			Podłych			Suma przyiętych włok.			Przednich.			Srzednich.			Podłych.			Summa nieprzyiętych włok						
	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	
Brzesczie	265	0	14	824	15	9	914	17	28½	2004	3	21½	0	9	0	61	25	23½	71	17	16½	133	22	10	2137	26	1½	6
Berstany	236	10	19½	146	11	9½	144	27	9½	527	19	8½	19	15	—	28	2	—	35	10	17	82	27	17	610	16	25½	6
Bielicza	123	6	16½	97	17	9	28	1	—	248	24	25½	20	3	13	11	16	17	11	28	13	43	18	13	292	13	8½	—
Baykiewicze	25	0	—	23	0	—	0	0	—	48	0	—	5	0	—	7	0	—	0	0	—	12	0	—	60	0	—	—
Białawicze	60	—	—	0	0	—	0	0	—	60	—	—	31	0	0	0	0	—	0	0	—	31	—	—	91	0	—	—
Dorszuniszky	130	23	24	66	14	22½	48	18	2	245	26	18½	1	11	28	11	4	1	6	25	10	19	11	9	265	7	27½	1
Drohiczyn	89	22	27	132	4	6	0	0	—	221	27	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	221	27	3	—
Eyszysky	250	10	20	141	19	—	113	23	—	505	22	20	28	20	—	24	8	—	4	0	0	56	28	—	562	20	20	1
Kowno	219	4	19	141	20	–	90	29	—	451	23	19	3	0	—	0	10	—	144	—	—	147	10	—	599	3	19	—
Losaszina	183	2	—	0	0	—	0	0	—	183	2	—	68	6	—	0	0	—	0	0	—	68	6	—	251	8	—	—
Liepuny	0	0	0	138	20	—	194	22	—	333	12	—	0	0	—	84	29½	—	143	5	–	228	4	15	561	16	15	4
Lossicze	82	—	—	0	0	—	75	—	—	157	—	—	0	0	—	0	0	—	6	0	—	6	0	—	163	—	—	—
Liachowicze	105	1	13½	169	14	5	32	2	13	306	18	1½	16	5	18½	17	4	23	23	3	5	56	13	16½	363	1	18	—
Lyskowo	0	19	30	132	25	26½	2	11	21½	135	27	18	0	0	0	68	29	7½	1	14	7	70	13	14½	206	11	2½	—
Msczibow	43	24	7	437	7	9	329	26	4	860	27	20	0	22	4	53	3	—	154	19	24½	208	14	28½	1069	12	18½	—
Mołczacz	21	22	2	66	2	12½	1	5	17	89	10	1½	2	26	25	5	22	15	7	7	—	15	26	10	105	6	11½	—
Metelie	50	4	15	13	0	—	40	22	2	103	26	17	4	0	—	5	0	0	0	0	—	9	0	—	112	26	17	—
Merzecz	0	3	5	380	22	27½	361	4	2½	742	0	5	0	0	—	75	14	9½	136	19	7½	212	3	17	954	3	22	—
Mielnik	333	4	—	158	0	—	84	—	—	575	4	—	18	0	—	0	—	—	2	0	—	20	0	—	505	4	—	—
A służeb 39																												
Mieleczycze	185	23	23	9	15	2½	13	29	23	209	8	18½	0	0	1	0	0	12½	0	3	6½	0	3	20	209	12	8½	—
Miedzyrzecz	7	21	29½	141	27	21	0	6	18½	149	26	9	0	0	21	147	22	24	0	0	0	147	22	26½	297	19	5½	—

NAZWISKO	Przyiętych włok.												Niepprzyiętych włok.												Summa wszystkich włok.			Jezior.
	Przednich.			Srzednich.			Podłych.			Suma przyiętych włok.			Przednich.			Srzednich.			Podłych			Summa nieprzyiętych włok								
	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	
Niemonoyczie	114	—	—	137	—	—	151	14	20½	402	14	20½	20	—	—	43	7	23	30	1	9	93	9	2	495	23	22½	—
Olitha	60	21	16	98	10	7½	59	17	12½	218	19	6	17	—	—	0	1	21½	29	8	2½	46	9	24	264	29	0	15
Oniszky	204	—	—	17	—	—	0	0	—	221	—	—	11	0	—	0	0	—	0	0	—	11	—	—	232	-	—	2
Ostrinia	0	2	8	160	7	10½	104	5	11	264	14	29½	0	0	3	3	0	0	22	0	—	25	0	3	289	15	2½	—
Ozza	139	19	8	118	10	15	84	5½	—	342	5	8	37	10	—	24	8	—	12	25	—	74	13	—	416	18	8	2
Przełom	18	19	17½	48	14	15	173	9	—	240	13	2½	11	1	2½	10	0	15	65	14	—	86	15	17½	326	28	20	8
Przewałka	1	0	20	0	0	0	161	21	—	162	21	20	0	4	14	0	0	0	96	10	—	96	14	14	259	6	4	4
Rumszysky	150	11	9½	93	2	22	71	1	26½	314	15	28	0	20	—	19	0	—	41	0	—	60	20	—	375	5	28	—
Radunia	127	18	20½	211	3	12	79	6	17½	417	28	20	13	4	1½	35	8	15	11	1	—	59	13	16½	477	12	6½	—
Słonim	314	1	19½	744	28	28	343	18	22	1402	19	9½	27	8	28	290	6	3	157	5	16	474	20	17	1877	9	26½	—
Siemiliszky	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
Siemno	439	21	21½	29	5	17½	15	20	20½	484	17	29½	22	0	—	3	0	—	1	0	—	26	0	0	510	17	29½	—
Stobingi	193	29	2½	60	12	17	29	9	8	283	20	27½	11	19	—	0	0	0	0	0	—	11	19	0	295	9	27½	9
Seywy	168	15	—	10	0	—	3	0	—	181	15	-	1	0	—	2	0	—	0	0	—	3	0	—	184	15	—	—
Thykoczyn	455	2	15	66	3	—	0	—	—	521	5	15	0	7	15	0	0	—	0	0	—	0	2	15	521	13	—	—
Obrębow 36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36	—
Troczkie Cziwuństwo	0	12	8½	44	13	20	52	29	27	97	25	25½	0	8	4½	36	0	—	126	22	—	163	0	4½	260	26	—	—
Wronowo	174	0	0	61	5	—	0	0	—	235	5	—	0	0	—	4	0	—	0	0	—	4	0	—	239	5	—	—
Wołkiniky	1	21	15½	39	20	—	82	17	5	123	28	20½	0	25	19½	4	5	—	11	0	—	16	0	19½	139	29	10	—
Wasiliszky:																												
Służeb 227 (прин.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pustowczyzn 73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	-	—	—	—	—
Wołkowisk	590	28	—	44	0	—	19	0	—	653	28	0	34	—	—	8	—	—	0	0	—	42	—	—	695	28	—	—
Służeb 9 (приняты)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	½	—	—	9½	—

NAZWISKO.	Przyiętych włok												Nieprzyiętych włok.												Summa wszystkich włok.			Jezior.
	Przednich.			Srzednich.			Podłych.			Suma przyiętych włok.			Przednich			Srzednich.			Podłych			Summa nieprzyiętych włók						
	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	
Żełwia	133	23	—	0	0	—	43	—	—	156	23	—	108	11	–	0	0	—	17	0	—	125	11	—	302	4	—	—
Obrębow 13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Zdzythowo	23	10	15	75	8	½	60	24	27	159	13	12½	0	1	—	15	14	—	2	28	12½	18	13	12½	177	26	25	2
Zyzmory	173	4	18	14	0	—	4	11	—	191	15	18	3	29	29	0	0	—	49	0	5	53	0	4	244	15	22	—
Zoslie.	25	6	19½	75	20	20	25	19	12	126	16	21½	9	0	11	26	6	24	14	26	14½	50	3	19½	176	20	11	—
Zodziszky	0	0	—	62	14	—	0	0	—	62	14	—	0	0	—	2	0	—	0	0	—	2	0	—	64	14	—	—
Zabielie.	305	—	—	0	0	—	0	0	—	305	0	—	0	0	—	0	0	—	0	0	—	0	0	—	305	—	—	—
Zamięcie Powiatu Throczkiego	7919	16	5	5787	12	15	4186	14	6	17893	—	—	691	4	25	1207	21	9½	1555	16	1½	3454	12	6	21347	25	2	—
Morgow	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Służeb 356½ (прин.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	--	—	—	—	-	—	—	—	—	—	—	—(	396)	—
Obrębow 49	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—(	49)	—
Pustowczyzm 225	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—(	225)	—
Upitha	1905	16	6½	1665	2	4½	724	10	7½	4294	28	18½	323	25	27	1011	24	20	1815	22	—	3151	12	17	7446	11	5½	—

*) Okrom Wasiliszek y Siemiliszek, o kthorych Dworow pomierzą ieszcze żadna sprawa nie dana do skarbu.

Woskownisztwo

Za Pana jwana Zarzeczkie.

W Roku 1573 lyth.
W Roku 1574 lyth.
W Roku 1575 lyth.
W Roku 1576 lyth
W Roku 1577 lyth.
W Roku 1578 lyth.
W Roku 1579 lyth.
W Roku 1580 lyth.
W Roku 1581 lyth.
W Roku 1582 lyth

Summa za lath № 10 uczynilo

Wilenskie.

czyniło według lyczby iego.

Kop. 1480	14¾	—
Kop 1714	59	4
Kop. 1675	1	7½
Kop. 1559	1	5
Kop. 1309	38	5
Kop 1448	56	5
Kop 1213	10	9½
Kop 1087	0	0
Kop. 1189	45	0
Kop 1062	55	5
Kop. 13741	2	1¾

Ziemia Żmódzka.

NAZWISKO.	Przyiętych włok												Nieprzyiętych włok.												Summa wszysthkich włok.			Jezior.
	Przednich.			Srzednich.			Podłych.			Suma przyiętych włok			Przednich.			Srzednich			Podłych			Summa nieprzyiętych włok						
	Włok.	Morg	Prętow	Włok.	Morg.	Prętom	Włok.	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok	Morg.	Prętom	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	
Bierzany	385	2	10½	96	25	25½	60	9	17½	542	7	23½	47	6	26	48	8	27	162	22	21	258	8	14	800	16	7½	—
Bierzniany	345	28	1	40	20	—	82	21	4½	469	9	5½	134	0	—	16	3	—	57	17	—	207	20	—	676	29	5½	—
Bothoky	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Sluzeb . 57½ (приняты)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Karczm. 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Czwiery	121	0	—	3	0	—	41	27½	—	165	27½	—	51	14	—	27	2	—	89	3½	—	167	19½	—	333	17	—	—
Dzirwiany większe	609	11	—	84	20	—	16	21	11	710	22	11	175	20	—	14	0	—	510	2	—	699	22	—	1410	14	11	—
Dzirwiany mnieysze . .	230	6	20	49	6	22	0	0	—	279	13	12	103	9	—	14	0	—	628	24	—	746	3	—	1025	16	20	—
Eyragoła	88	14	—	177	2	—	284	27	19	550	13	19	0	0	0	3	0	—	152	15	—	155	15	—	705	28	19	—
Gondyngi	378	15	0	100	25	—	13	24	4½	493	4	4½	174	6	15	30	7	15	76	21	14½	281	5	14½	774	9	19	—
Ginthyliszky	148	10	—	311	19	—	63	11	15	523	10	15	3	10	—	28	0	—	17	7	15	48	17	15	571	28	—	—
Gordzy	0	0	—	115	22	—	45	25	—	161	17	—	0	7	13	12	1	26	6	23	20	19	2	29	180	19	29	—
Grusthy	182	2	—	427	25	—	247	18	4	857	15	4	6	20	—	71	1	15	82	29	10	160	20	25	1018	5	29	—
Iazwoyny	226	8	28	141	16	—	82	16	25	450	11	23	6	23	—	15	10	—	73	—	—	95	3	—	545	14	23	—
Korszowo	311	20	—	16	—	—	21	10	—	349	—	—	117	20	—	2	—	—	70	—	—	189	20	—	538	20	—	—
Krethynga	261	0	—	42	0	—	10	13	16	313	13	16	0	0	—	12	—	—	0	0	—	12	0	—	325	13	16	—
Kroże	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Służeb 34 (прин) .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pustowczyzn . 18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Karczm. . . . 59	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Kunicze Staroscinych Wołoszczi . . . . . Kunicz Kunicz żywych 450 po gr 16 umarłych 245 po gr 10 | Suma wszystkich kunicz 695. Suma pienędzy czyni kop 160|50

NAZWISKO.	Przyiętych włok.												Nieprzyiętych włok.												Summa wszystkich włok.			Jezior.
	Przednich.			Srzednich.			Podłych.			Suma przyiętych włok.			Przednich			Srzednich.			Podłych.			Summa nieprzyiętych włok						
	Włok	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	Włok	Morg.	Prętow	Włok	Morg	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg.	Prętow	Włok.	Morg	Prętow	
Poiure	43	0	—	429	17	25	54	10	—	526	27	25	43½	—	—	256	10	—	718	—	—	1017	25	—	1544	22	25	—
Sluzeb 17 (приняты)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Płothelie . . .	359	8	14½	147	0	—	52	5	6½	558	13	21	63	14	13½	31	7	—	25	0	—	119	21	13½	678	5	4½	8
Połonga. . .	146	26	29½	188	1	—	111	0	10	445	28	9½	4	—	—	6	—	—	14	—	—	24	—	—	469	28	9½	—
Rethowo	236	2	4½	155	3	—	40	15	16½	521	20	11	113	9	18	100	0	11	190	17	6½	403	27	5½	925	17	16½	—
Sluzeb 1 (принята)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Skierstomon	110	11	28	234	15	4½	31	22	23½	376	19	26	9	—	—	86	17	10	176	27	21	272	15	1	649	4	27	—
Showdy.	3	—	—	154	25	—	21	—	—	178	25	—	0	0	0	76	29	—	63	15	—	140	14	—	319	9	—	—
Thelsze	58	3	24½	433	20	—	40	13	13	532	7	7½	9	3	16	219	23	—	62	11	18	291	8	4	823	15	11½	—
Upitha	1905	16	6½	1665	2	4½	724	10	7½	4294	28	18½	323	25	27	1011	24	20	1815	22	—	3151	12	17	7446	11	5½	—
Wilkiya.	42	23	15	202	5	—	126	14	23	376	13	8	2	0	—	26	15	—	75	10	—	103	25	—	480	8	8	—
Wieluna	536	11	7½	200	1	5	43	18	—	780	0	12½	166	5	5	85	26	2	27½	—	—	279	16	7	1059	16	19½	—
Sluzeb 7 (приняты)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Wiezwiany	329	6	—	136	7	15	42	0	—	507	13	15	112	25	—	64	23	24	35	9	22½	212	28	16½	720	12	1½	—
Uzwiany	25	0	—	100	3	—	9	18	—	134	21	—	8	0	—	18	0	—	66	3	17	92	3	17	226	24	17	—
Zamknięcie Ziemi Żmódzkiey	7178	18	9½	5653	12	11½	2268	24	11½	15100	0	—	1675	25	13½	2277	2	—	5197	28	½	9150	24	14	24251	—	—	—
Morgow. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	2½	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	16½	—
Sluzeb 116½ (прин)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(116½)	—
Pustow. 28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(28)	—
Kunicz 695	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(695)	—
Zamknięcie Powiathu Wilenskiego, Troczkiego y ziemie Żmódzkiey . . .	17802	12	26	16354	21	10¾	8467	9	7	42624	13	13¼	2615	29	4	4531	10	7½	7864	16	29½	15011	26	11	57636	9	24¼	—

*) Nie zamykaią w they summie Bothoki y Kroze, ktorych ieszcze nie mierzono.

Dochody Ruskie.

Bobroysko	kop.	402	41	5
Bobroyska karczma	kop	100	—	—
Bobrownicztwo Poloczkie	kop.	52	15	6
Boryszow	kop.	700	—	—
Mohyliow	kop.	508	12	2
A gdyby za miod pieniędzmi płaczono przybyło by	kop	300	—	—
Karzma y mytho Mohyliowskie	kop.	1000	—	—
Szuby kunie 4.				
Lubcze	kon.	357	53	5
Lioboszany		373	18	—
Hresko		37	20	—
Hlusko	kop.	681	10	3
Bychow	kop.	112	29	4
Karczma Bychowska	kop.	40	—	—
Kruczow	kop.	122	32	5
Reczycza	kop.	100	—	—
Homey	kop.	125	33	4
Mozyr	kop.	424	20	6
Karczma y mytho Mozyrskie	kop.	600	—	—
Mscisław	kop.	573	—	—
Summa	kop.	6734	7	6

48.

Списокъ столовыхъ великокняжескихъ имѣній:

1) Съ которыхъ идутъ доходы въ скарбъ.
2) Заложенныхъ.
3) Отданныхъ въ доживотное пользованіе.
4) Отошедшихъ къ Коронѣ.

1) Imiona Krola Ie° Mczi wolne, s ktorech do skarbu W. X. Lit. lidzbe czinią.

Powiat Wilenski.				Powfat Troczki.				Ziemia Zmucka			
Derewnictwo Wilenskie . . . kop	2			Brzescz ze wszitkiemi dwori i folwarki . . kop.	3000			Berzani arędą kop.	40		
Kapczizna Wilen. kop	491	56		Komewa i Dubicze kop.	120			Berzeniani kop.	1	7	6
To wszitko wichodzi na roschod kaplanom i poprawę Zamku Wilenskiego.				Orani oddane kop.	40			S tego sobie ieszcze bierze I. M. pan Marszalek jurgieltu kop. 300, ze wszitkiem dano.			
Młyn Wilenski murowany arędą k.	100			Wassiliski kop.	81	48	6	Cwiery . . kop.	108		
Mlini drzewiane mączni i tarczicżni kop	68	45		Waszilkow miasto k	101	42		Dirwiany mnieisze arędą . . . kop.	80		
Nemenczyna . kop.	65	41	¾	Alie, stamtand daią komornikom Wilenskim na wosk kop.	31			Gorzdi Krolowei I. M. . . . kop	195	28	
Niewodnictwo Zawilieiskie . . kop	31	42		Perstuny aręd. kop.	160			Uzwienti . . kop.	159	7	5
Osmiana arędą kop.	100			**Suma s powiatu** tego czini . . kop.	3503	30	6	Korszewo . . kop	105	14	6
Pieniani, Kupiski i Uspolie arę. . kop.	400							Wilkia . . . kop.	60		
Swinczani . . kop.	70	6						Szowdi . . kop	114		
Wirssupi . . kop.	10	50						Wieszwiani . kop	60	41	
Gieranoni, Lipniski i Szerwienti kop	130							A nad to sobie bierze P. Stabrowski jurgieltu na pisarstwo polne . kop.	160		
Suma powiatu tego czini . . . kop.	1471	—	9¾					**Suma z ziemie Zmudskiei** czini . . kop.	924	38	7
								A nad to w jurgielti sobie potrączają . . . kop.	460		

Ziemia Ruska.			Dwori Grodzienskie.			Liesnistwa.			
Mochilow woloscz s karczmą y mitem po wzięciu interesze od sumi kop. 22000 kop 2200 wedlug liebi A. 1583 piziszlo do skarbu . . kop.	823	32	Grodno miasto s kapczizną . . . kop.	294	27	Liesnistwo Komewskie, Dubickie kop.	35	33	
A miasto Mohylowskie w zastawie kop. 2400 okrom liebi			Horodnica . kop.	272	28	Liesnistwo Krinskie kop	468	12	
			Kotra . . . kop.	233	7	Liesnistwo Perstunskie . . . . kop.	241	41	
			Milkowczizna kop	84	46	Lesnistwo Jezieiskie, Salatskie k.	64	3	
			Mosti . . . kop.	196	1	Lesnistwo Nemonoiczkie, Sziemunskie . . . . kop	68	9	
			Krinki . . . kop.	344	9	Liesnistwo Biallowieiskie . . kop.	112		
			Krassnik . kop	327	13	Lesnistwo Msczibochowskie . . kop.	2		
Summa z Ziemi Ruskiei czyni . kop.	823	32	Kwassowka . kop.	389		Lesnistwo Losdzieiskie, Seyiemskie k.	80	11	4½
			Kuznicza . . kop.	254					
			Odelsk . . kop.	243	12				
			Labno . kop.	236	26				
			Nowidwor . . kop.	495	30				
			Summa z dworow Grodzienskich czini kop.	3371	10	**Suma z lesnistw** czini . . . . . kop	1071	49	4½

Mita stare po wszitkim W. Lit. uczinią kop. 10000.

Od żydow W. K Lit. od hospodarza kaszdego domowego, czo swoie obes zie ma, po zlot czerwone uczinilo, za rok 1584 zlot. 330, czinią kop. 247 | 30.

Suma S-rum z dworow wprzód pisanich y z mitem y wszitkiego przichodu iczinić moze na rok kop. 21413 | 11 | 7¼, ktore czinią fl 535320 | 29 | 5¼.

2) Imiona Kró. Ie⁰ Mczi W. X. Lit. w summach pieniędzi zawiedżone.

Powiat Wilensky.	W sumach zawiedzione kop.		Czinilo z nich kop.		Powiat Troczky.	W sumach zawiedzione kop	Czinilo z nich kop.		Ziemia Zmucka	W sumach zawiedzione kop.		Czinilo z nich kop.	
Bistricza A 1572	1600	—	313	3	Dorszunis.A.1570	3000	251	45	Botoki A 63	2000	—	262	
Czikiny Dzisnyi Daigaliski A.1555	6000	—	351	18	Eiszlski A. 81	2400	280	2	Jaswoni A 71 .	7600	—	481	18
Huby Dwor, Miasteczko Rzeczkie Anni 1568	3000	—	124		Kamieniec A. 68	2000	291	23	Plotelie A 1578	10000	—	862	2
Kurzeniec, Woitostwo Korcikowskie A. 1567	2000	—	160		Karmialow A. 65	3000	350		Upita A 584 .	8000	—	1831	48
Czermaczikze A. 1569 . .	700	—	18		Horodnictwo Tiockie i kapczizna Somiliska A.66	2000	300		Poniewiedz, Sadowo, miasta s pewnemi Woitowstwy A. 67	8100	—	826	54
Lingmiani A .	1000	—	93	40	Mscibohow 62 .	4776	1661	47	Woitostwo Berzanskie A. 67	1790	—	157	51
Obelie A. 1567	3200	—	321	19	Sziemno A 86	2500	233	39	Woitost. Pomuskie i Perwolskie A. 67. .	2800	—	272	5[illegible]
Onixta A 1571 .	1800	—	729	28	Oniszki A. 79	4000	147	26	Woitost Woieikoskie A 66	1200	—	174	11
Radoskowice A 1576 . .	4319	40	340		Ostrzinia A. 79	3000	335	40	Woitost Keimianskie A. 64	1500	—	192	36
Hayna A. 1560	1500	—	91	9	Przewalka i Rotnicza A 81 .	1500	343	58	Wilkia A. 67 .	4000	—	475	14
Uciana A. 1562	8000	—	878	40	Radunia A 67	2700	229	7	Woloscz Poserweska A. 78	3021	—	532	50
Wilkomeria 1565	2160	—	227	39	Wiszczinecz A.72	1000	251	20	Woitost Woiniczke i Skwoziemskie teize Wolosczi A.67	2000	—	271	9
Bolniki A. 1567	1600	—			Wolkowisk woloszcz A. 68 .	2300	261	6	**Suma w theize ziemy** summi na imionach K J. M. czini kop.	52011	7		
Summa w tim powiecze zastawney sumi na Imionach K. J Mczi . . kop.	35279	40			Wolkowisk miasto A. 65	900	116		s tych imion przed zawiedzeniem czinilo . . . kop	—	—	6390	46
s ktorich Imion przed zawiedzeniem czinilo . . kop.	—	—	3648	16	Zdzitow A. 60	2000	250						
					Zizmori A. 72 .	2000	232	39					
					Zoszlie A. 72 .	4400	256	30					
					Suma w tim powiecie na Imionach K J. Mczi czini . kop.	43476							
					s ktorych ymion przed zawiedzeniem czinilo k.	—	6301	32					

Ziemia Ruska.	W sumach zawiedzione kop.		Czinilo z nich kop.		Dwori po Królowei Jei M. Bonie spadłe.	W sumach zawiedzione kop	Czinilo z nich kop.		Lesnistwa	W sumach zawiedzione kop.		Czinilo z nich kop.	
Bobruisk A-ni 62	16000		396		Woloscz Wiacka w starostwie Pinskiem A. 49 .	2400	153	33	Lesnistwo Przelomskie i z niewodnictwem A. 79 . . .	2000		236	35
Mochilow Woloscz A 79	22000		1055	48	Berzinki A 72	800	135	24					
Mochilow Miasto A. 82	2400		213	13	Iurborgi i Nowawolha A 60 . . .	13200	758	55	**Suma na tim Lesnictwie** czini k	2000			
Kiyczow A. 80 . .	3000		337	22	Kiernowo A 82 .	1400	78	16	s ktorego przed zawiedzeniem czinilo kop.	—		236	35
Luboszani A. 60 .	8000		673	40	Moisagola A. 69 .	1500	106	3					
Reczieca A. 71 . .	3000		462	6	Nowidwor Swęczieckieg⁰ A. 68 . . .	1500	122	55					
Suma w ziemi Ruskiei zastawnei sumie na Imionach K J. Mczi czini . . kop	54400				Sereszow A. 76 . .	6000	453	52					
s ktorych ymion przed zawiedzeniem czinilo kop.	—		3138	9	**Summa w dworzech** po królowei spadłych zastawnei sumie na Imionach K. J M. czini . . kop.	26800							
					s ktorich imion przed zawiedzeniem czinilo kop.	—	18	8 57					

Summa S-run pieniędzi na imionach K. J. M. zastawnich czini kop. 213967 | 14, ktore czinią fl 534918 | 2½, s ktorich imion przed zawiedzeniem czinyło kop. 21524 | 15, ktore czinią fl. 53810 | 18 | 6.

1) Imiona Krola Ie⁰ Mczi W. X. L. roznim osobom do ziwota oddane.

Powiat Wilenski.			
Braczław z niewodnicztwem . . kop.	514	45	
Bolniki . . kop.	212		
Miedniki i Dzisni Cziwunskie zamianą do Woiewod. Wilens. za Bistrzicze i Lawariszki . . . kop.	254	33	
Dziewieniszki i woloscz Lotewska kop.	563	40	
Remiezow . . kop	69		
Haranowski dwoi kop.	5		
Krewno i Wisniewo k.	231	58	
Krasne Sziolo . kop.	120		
Kapczizna Nowogroczka Cirniska i prawo Maideburs. Nowogrockie . . kop.	129	17	
Indura . . . . kop.	468	32	
Lida . . . . . kop.	94	11	
Lawariski . . . kop.	26	14	
Markowoi Miadziolo k	384	45	
Rakancziski oboie k	55		
Trokiele . . . kop.	117	40	
Trabi . . . . . kop.	299	40	
Opsa . . . . kop.	220		
Woskowic. Wil. kop.	559	59	4
Suma s powiatu Wilen. czini . . kop.	4322	54	4

Pow. Troczki.		
Berstani i lesnistwa Berstanskie. . kop.	950	48
Słonim . . . . kop.	652	58
Wolpa y Dubno kop.	610	
Kowno i Liesnictwo k.	724	46
Rumsziski . . . kop.	456	20
Lepuni . . . . kop.	88	37
Merecz . . . . kop.	1112	
Losdziele . . . kop.	630	50
Niemonoice. . . kop.	454	34
Szwiniuchowie Poniemonsczi y Misliwczy Skidelsczi kop.	118	7
Seywi . . . . . kop.	507	20
Waszilkowska woloscz . . . . kop.	145	
Stokliski . . . kop.	208	28
Rudniki Cereiszliszki i Miedzierzecz . kop.	248	28
Wolkiniki . . . kop.	208	4
Metele z niewodnictwem . . . . kop.	320	
Suma s powiatu Troczkiego czini . kop.	7445	57

Ziemia Zmudz.		
Eiragola . . . . kop.	392	27
Gondzinga . . kop.	939	3
Wielona i Borsagola . . . . kop.	768	42
Gintiliski . . . kop.	925	14
Grusti . . . . kop.	1617	24
Poiurgie . . . . kop.	212	24
P. Kuchmistiz . kop		
Poiurgia druga czescz ktorą trzima Woiewodzicz Smolenski . . . kop	440	4
Skierstomoni . . kop.	98	28
Szawlie . . . . kop.	8583	26
Telsze . . . . . kop.	1136	6
Summa z ziemie Zmudczkiey czini . kop.	15113	18

Ziemia Ruska.		
Boriszow kop.	1600	
Czecersk i Propoisk k	563	54
Mozir . kop.	89	19
Homei . kop	421	21
Mscisław i Raduml k.	483	
Rohaczow k.	360	
Suma z Ziemie Ruskiei czini kop	3517	34

Dwori po krolowey Iei M. Bonie spadle.			
Antorki . .	96	36	5
Bludzien kop.	572	2	
Pinsk . kop.	1414	34	
Summa z dworow tych czini . . kop.	2083	12	5

Dwori ktore teras krolowei Iei M. odeszły.		
Kobrin i Pobuczyn kop.	2896	
Wiercziliczki kop	239	
Ieziora i Salati . kop.	390	41
Skidel . kop.	471	28
Ozza . kop	381	57
Pizelom kop.	776	54
Olita z miastem Wronowo polie i lesnistwo k	1510	7
Punia y Lesnistwo kop	292	30
Daigy i Przelaia arędą k	240	
Polonga kop.	468	50
Dzierzwiany więtsze Arędą . . kop.	160	
Retowo Arędą . . kop.	339	
Suma tich Dworow czini kop.	8161	30

Lesnistwa		
Lesznistwo Slonimskie kop.	62	18
Lesnis. Nowodworskie kop.	112	12
Lesnis. Wolkiniczkie y Lepunskie k.	9	
Suma z Lesnistw czini kop.	183	30

Suma sumarum z imion wizei opisanych oddanich, czinilo z nich rok. Lit. kop. 40827 | 50, ktore czinią fl 102069 | 17½.

4) Imiona Kro. Ie° Mczi, ktore do Korony odeszły.

Krzemieniec oprócz folwarków dwu . . . . . kop.	733	50	
Drohiczyn . . . . . kop.	270	44	
Bielsk z miastami z Miastem Narwią s Kleszczelami oprócz folwarkow 3, w które włok 60 uczіny . . . . . kop.	2729	48	
Lesznictwo Bielskie . . . . . kop.	653		
Loszycza . . . . . kop.	677		
Mielnyk . . . . . kop.	1023	16	
Briansk oprocz pasni włok 40 . . . . . kop.	675	53	6
Surasz oprócz pasny włok 24 . . . . . kop.	437	4	
Tykoczyn oprocz folwarkow 4, ktorych włok 27 . kop.	941	12	
Lesznistwo Tykoczynskie . . . . . kop.	57	23	
Knyszyn oprocz folwarkow 4 ktorych iest włok 90, uczіny . . . . . kop.	970	40	
Zabielie y Augustow okrom pasny włok 12 kop.	801	17	7
Lesznistwo Kniszinkie . . . . . kop.	30		
Goniądz y Raigrod . . . . . kop.	600		
Kowel . . . . . kop	1500		
Myto Luczkie . . . . . kop.	1500		
Myło Kiiowskie . . . . . kop.	300		
Summa z imion czo do Korony odeszli czyni . . kop.	13901	8	3
czinią polskich Z	34502	25	3

(Оба документа, №№ 47 и 48, изъ Арх. Варш. Каз. Пал., кн. 14 В, отд. 54).

Дополнительные акты.

49.

Листъ державцѣ кричевскому князю Василію Жилинскому о причиняемыхъ имъ кривдахъ волости.

Въ Краковѣ, 17 іюня 1527 г.

Жикгимонтъ. Державцы крычевскому князю Василю Семеновичу Жилиньскому. Што много кроть, почонъши отъ кольку летъ, безъпрестано жаловали намъ мешчане Кричовъскии и люди волостныи, ижъ от тебе и от врадниковъ и слугъ твоихъ имъ кривды и тяжъкости и драпежъства великии ся деютъ, и мы много кроть о томъ до тебе писали и дворанъ нашихъ посылали, приказуючи тобе, ажъ бы ся ты отъ того повстягнулъ и такихъ тяжкостей имъ не делалъ. И ты о листы и о росказанье наше ничого дбати не хотелъ и вжо на остатокъ тыхъ жалобъ, едучи к намъ до Кгъданьска, ты самъ къ намъ приездилъ. И мы отложили то были до приеханя нашого к великому князьству Литовъскому, хотячи сами межи вами досмотрети. И такъ рокъ, будучи намъ во Кгданьску, за ся тыи мешчане и люди волостные к намъ приходили, со слезами жалуючи, ижъ ты еще большии и тяжъкости и драпежъства имъ поделалъ. И мы писали до тебе и дворанина нашего Михаила Кузмича посылали, приказуючи тобе, ажъ бы еси от того повъстягнулся и тыхъ кривдъ далей имъ неделалъ; естли же бы и черезъ то таковыи тяжъкости мелъ имъ делати, мы писали до тебе, остерегаючи, ижъ и не приехавши к великому князьству Литовскому, мели есмо тое держанье з рукъ твоихъ выняти и дати тому, кому бы была воля наша господарская и хто бы послушенъство к намъ, господару, мелъ и таковыхъ кривдъ поданымъ нашимъ не делалъ. И тому дворанину нашому казали есмо тяжкости ихъ попысывати и тыи реестра к намъ принести и при нихъ мешкати. И будучи намъ у Варшаве, засе тыи мешчане и люди волостныи къ намъ приходили,

слезно на тебе жалуючи; и тотъ тежъ дворанинъ нашъ въ тотъ же часъ списки кривды и тяжкости ихъ къ намъ принесъ и поведилъ передъ нами, иж ты не толко на розсказанье наше перестати тыхъ драпежъствъ не хотелъ, але еще еси перед тымъ дворанином нашимъ большии кривды и драпежъства и тяжъкости имъ поделалъ. А въ тотъ часъ при насъ были панове рады наши князь Янъ, бискупъ виленский, панъ троцкий староста городенъский панъ Юри Миколаевичъ Радивиловича и подъчаший нашъ державца василишъский и марьковский панъ Янъ Миколаевич. Какъ жо намъ на онъ часъ передъ тыми паны радами нашими прикро было на слезы и на крики тыхъ подъданыхъ нашихъ смотрети и хотели есмо были того часу посылати и тое держанье з рукъ твоихъ взяти на насъ, господара, за таковое твое непослушенство и впорънность противъ насъ, господара; нижли ешчо терпливость маючи, яко господаръ, на онъ часъ того есмо понехали, а до тебе есмо предся писали и дворанина нашого Ивана Ботвинья посылали, напоминаючи тебе, яко впорънника, абы еси приполъ к бачности и таковыхъ кривдъ и тяжъкостей черезъ то тымъ подданымъ нашимъ не делалъ. И будучи намъ на вальномъ сойме у Кракове со всими паны радами нашими Коруны Польское, зася тыи мещчане и люди волостныи к намъ приходили, велико на тебе жалуючи, и тотъ дворанинъ нашъ Ботвине к намъ писалъ, поведаючи, иж ты еще большии кривды и тяжъкости имъ поделалъ и безпрестани чинишъ. Мы и на онъ часъ ешчо есмо того тобе потерпели и писали есмо до тебе и того жъ дворанина посылали, ешчо тебе напоминаючи, ажъ бы еси впаметалъ на насъ, господара, и розбачилъ то, к чому бы еси мелъ впоред прийти, и на потомъ того не жаловати для такового своего впорства а противности.

И тыми разы за ся тыи мещчане и люди волостныи к намъ приходили со слезами а з великими крики, на тебе жалуючи, и мовили перед нами: иж дей „вжо далей того тамъ жити не будемъ, а пойдемъ изъ жонами и з детьми прочъ, а то вашой милости, господару нашому, объявляемъ и въ себе

присягу в томъ складаемъ". И тотъ дворанинъ наш Иванъ Ботвине в насъ былъ и поведилъ перед нами, иж ты с тыми остаточными листы нашими его еси до себе не пустилъ, а отказалъ дей еси ему: „естли дей до мене с тыми листы поидешъ, велю дей на тебе зъ замъку з делъ бити". А старосту дей кричевсъкого и мещчанъ и старъцы и людей волостныхъ при немъ еси поималъ и, збивши, в нятство посажалъ.

Какъ же мы далей, не хотячи тыхъ слезъ, поддаными нашихъ видети, которые жъ крики и слезы частыи стыдно намъ было передъ паны радами нашими смотрети, и того непослушенъства а противности къ намъ, господару, не хотечи далей терпети, послали есмо тамъ до Кричова дъяка нашего Богдана Мацковича, и казали есмо ему тотъ замокъ нашъ Кричовъ со всими бояры и мещчаны и людми волости нашое Кричовское з рукъ твоихъ выняти и держати на насъ, господара, до очивистое вашое росправы перед нами. И какъ в томъ вамъ передъ нами росправа станеть, и естли ты в томъ правъ застанешъ, тогды за ся можешъ к тому держаню прийти. Пакли они в тыхъ шкодахъ своихъ тебе умовять, а ты въ томъ виненъ зостанеш, ведай певно, ижъ тотъ замокъ нашъ дадимъ тому держати отъ насъ, кому будеть воля наша господаръская, а тыи шкоды вси с права будешъ имъ совито платити подле росказанья и перъвыхъ листовъ нашихъ. И ты бы вжо тотъ замокъ нашъ и всю волость тому дьяку нашому и подалъ и самъ оттоль зъехалъ и врадниковъ своихъ оттоль звелъ конечно, а инако бы то не было. В Кракове, подъ 1527, Июл 17. Индиктъ 15.

(Кн. Зап Лит., XIV л.л. 320—321).

50.

Справа тивуновъ жомойтскихъ съ Станиславомъ Орвидомъ

Лет. Бож. 1532. Яко будучи господарю королю и великому князю его милости Жыкгимонту у Кракове, присылали до его

милости панове тивунове и вся шляхта земъли Жомойтское братью свою, тивуновъ жомойтъскихъ шовъдотского пана Якуба Юшъковича и кгонъдиньского пана Лавърына Шуковича, и черезъ нихъ до короля его милости усказывали, жалуючы и велико отежаючи, ижъ Станиславъ Оръвидовичъ, который отъ короля его милости тамъ в Жомойти волости Телшовскую и Ужъбенискую держалъ, по жывоте слуги а рады его милости господарское пана троцкого старосты жомойтского пана Станислава Станиславовича Яновича, бунъты великии напритивку ихъ усихъ, тивуновъ, справилъ и напротивъку маестату его милости господарского повъсталъ и некоторыхъ бояръ жомойтскихъ къ собе былъ привелъ и, не маючы жадного росказанья и науки его милости господарское, за кгубернатора себе тамъ у той земъли Жомойтской установилъ и вси ты волости, которыи ку старостве Жомойтскому прыслухаютъ, у моцъ свою побралъ, и всими поддаными господаръскими справуетъ, менуючи себе за кгубернатора быти. Гдежъ панове тивунове с того ся выводили и в томъ ся королю его милости справовали, ижъ они того Станислава Орвида по жывоте пана троцкого старосты жомойтского николи за старшого собе не обирали, и жадныхъ справъ тамъ у земъли Жомойтской ему заведати не поручали, и во всемъ ку господарю его милости послушеньство мели и того посланъца его милости господарского пана Ивана Богушовича, которого его королевъская милость къ нимъ до тамошнее земъли на змешъканье послати рачыли, вдячне прыняли водле росказанья и науки его милости господарское. Панъ Станиславъ Орвидъ, будучи на онъ же часъ передъ королемъ его милостью, очевисто мовилъ и напротивъ того отказъ чынилъ: ижъ кгды пана Станислава, пана троцкого, старосты жомойтского, в животе не стало, тогъды врадники пана Станиславовы, которыи на волостяхъ староства Жомойтского по жывоте его зостали, оныи волости велми знищыли и субожили, и наежъчаючы на домы подданыхъ господаръскихъ, ихъ самыхъ имали и мордеръства великии над ними чынили и домы ихъ розъграбили и на конец спустошили. А такъ дей

тыи подданыи господарскии, будучы велми тисънены, и з волею некоторыхъ пановъ тивуновъ, мене просили и за старшого собе вчынили, абыхъ я в томъ ся з ними застановилъ, и того драпежства врадникомъ пана старостинымъ чынити не допустилъ. А ямъ дей, видечы великии крыки и втисненье ихъ, за прозбами ихъ то вчынилъ, же бы оны на конецъ отъ тыхъ врадниковъ пана старостиныхъ не згибъли. А ведже до я жадным кгубернаторомъ тамъ себе не вставял, лечъ тогожъ часу панове тивунове и бояре шляхта земли Жомойтское до вашей милости, маестату королевского, писали, тыи крывды и тяжкости свои незностныи, которыи ся имъ от врадниковъ пана сторостиныхъ стали, оповедаючы, и били вашей милости чоломъ, абы ваша милость, господаръ нашъ, рачылъ допустити мне от тыхъ тяжкостей ихъ боронити до науки вашей милости. И листъ от нихъ, до короля его милости писаный, Орвид покладалъ и покорне билъ чоломъ, абы з довъпиманья его милости господаръского в томъ былъ выпущенъ. А тивунове панъ, Якубъ а панъ Лаврынъ, поведили, ижъ они николи старшимъ его собе не обирали и жадныхъ справъ тамъ у Жомойти ему заведати ему не поручали, ани листу за нимъ в той речы до короля его милости не писали, нижли дей могуть тыи печати свои ку оному листу прикладати, хто посполу з нимъ тыи бунты справовалъ. И хотели они к оному листу з нимъ мовити, нижли король его милость рачылъ казат ихъ пытать, естьли бы оны листъ—кредянцею от пановъ тивуновъ и отъ всихъ бояръ, шляхты, на то мели, ижъ бы могъли в той речи с Орвидомъ поступовати. И они на то кредянцыи не въказали. А такъ король его милость, речей ихъ выслухавши, рачылъ то перед себе взяти и отложылъ тую справу до щастного приеханья его милости къ великому князьству Литовскому. И на томъ рачилъ его милость тую речъ застановити: естли будуть панове тивунове и бояре шляхта земъли Жомойтское Станислава Оръвида за старшого собе выбрали, и онъ зъ ихъ волею то справовалъ, тогъды маютъ тивунове и вся шляхта земли Жомойтское вси права и волности свои, которыи предки его мйлости господарской

и самъ его милость господаръ тои земъли надати рачыл, тратити и черезъ то их ужывати не будуть; а такъ ли бы Станиславъ Орвидъ своволнет о учынилъ, а безъ ихъ воли самъ на то ся важыл и коли ся то на онъ час перед господаремъ окажеть, тогъды его милость маеть то з нимъ вчынити, яко воля его милости королевская будеть.

(Кн Зап. Лит XV, л. 198—200)

51.

Листъ господарскій пану Кмитѣ Кунцовичу съ порученіемъ отправиться въ волости жомойтскія разузнать о причинахъ бунтовъ среди тамошняго населенія.

Въ Краковѣ, 29 января 1536 г.

Жикгимонтъ, Божю милостю король и великий князь. Державцы вилькомирскому и опикипскому пану Кмите Кунцовичу. Поведаемъ тобе, иж тыхъ часовъ писалъ к намъ воевода виленскій канцлеръ нашъ староста белскій и мозырскій панъ Албрахтъ Мартыновичъ Кгаштолтъ, даючи знати о великихъ бунтехъ и збурени людей волостей жомойтскихъ, ижъ многіи ся з нихъ собравши, ракопъ въ Телшохъ учинили, и раду мели, и оттоль пошедъши, некоторыхъ наместниковъ тивунскихъ и иныхъ людей и бояръ, которыи тыхъ бунтовъ помогати имъ не хотели, побили и тепере великая тривога в тыхъ волостяхъ межи ними ся деетъ. А такъ виделося намъ тые мордерьства ихъ за часу загамовати и усмирити, и о томъ ся доведати, с чого то уросло и для которихъ причинъ таковое бурене противъ тивуновъ и наместниковъ ихъ повстало. Для тогож казали есмо по всим волостямъ жомойтскимъ листы наши писати, хотячи ведати о всихъ кривдахъ и тяжкостяхъ ихъ, которыи бы ся им от тивуновъ, або наместниковъ ихъ деяли, што з нихъ тивунове платовъ на насъ, господара, и на себе доходовъ своихъ бырали и къ которимъ ро-

ботамъ ихъ приворочали и чимъ ихъ утишали и с чого тое бунтоване отъ них вышло. И тые вси листы, до волостей нашихъ тамошнихъ писаны, к тобе есмо через дворанина нашого послали Про тож приказуемъ тобе, ажъ бы еси того часу, ничого не мешкая, скоро сесь нашъ листъ до тебе принесен будеть, до Жомойти ехалъ и тыи вси листы наши, писаныи до приставовъ, и слугъ путныхъ, и ройтениковъ, и людей тяглыхъ волостей Жомойтскихъ, зъ собою побралъ и напервей былъ у тыхъ волостехъ, где тое мордерство и забийство наместникомъ тивунскимъ от нихъ ся стало. И до которое волости будеш приездчати, напередъ бы еси слалъ до нихъ слугу своего доброго человека, оповедаючи имъ ласку нашу и ехане свое до нихъ в некоторыхъ справахъ нашихъ, а звлаща для тяжкостей ихъ, которыи имъ без воли нашое тивунове чинили, и намовяючи ихъ, абы они, не выстерегаючи ся ничого, на одно местцо у той волости, где ты маешъ быти, собрали и тамъ тебе ожидали. И до которое волости приедешъ, абы еси отъ насъ имъ мовилъ тыи слова, которыи, на особномъ списку выписаныи, до тебе суть послани в семъ нашомъ листе. И давши имъ листы наши, до нихъ писаныи, и о всякихъ кривдахъ ихъ, што колве будуть имъ тивунове, або ихъ наместники над уставу нашу чинили, правъдиве а достаточне ся доведалъ и то все пописалъ, не фолкгуючи имъ самимъ, ани тивуномъ ихъ. А жадного пенезя а никоторыхъ стацей и жывностей на себе и на кони свои у нихъ не брал. И будуть ли по которимъ иншимъ волостямъ таковыи ж бунты от людей тамошнихъ деяти, абы еси до тыхъ волостей самъ ехалъ и и потому жъ се справовалъ, яко вышей в семъ нашомъ листе описано. И чого ся колве тамъ межи ними доведаешъ, о томъ бы еси всемъ достаточне и без мешканя намъ знати далъ черезъ того ж дворанина нашого. Бо тому есмо сведоми, ижъ тыи некоторыи именя свои у волости Упитской, а другии прелеглыи ку земли Жомойтской маешъ и можешъ всякихъ жывностей и стацей на себе и на кони свои з имений своихъ взяти и тамъ ихъ собе запроводити, а то снадней безъ вся-

кое трудности тобе прыйдеть. А ведже скоро оттоль прыедешъ и што колвекъ своихъ пенезей тамъ выложишъ, мы то кажемъ тобе съ скарбу нашого заступити и того отъ насъ шкоды не будешъ (мети).

Писанъ у Кракове под лет. Бож. нарож. 1536 месяца генвар. 29 день, индиктъ 10.

Наука тому пану Кмите Кунцовичу, якимъ способомъ мелъ от короля его милости до тыхъ волостей мовити и таковые бунты усмерати.

Господаръ нашъ король и великий князь Жыгимонтъ казалъ вамъ мовити: Ижъ тыхъ часовъ писалъ до его милости воевода виленский канцлеръ великого князства панъ Албрахтъ Мартыновичъ Гаштолтъ, поведаючи о великихъ бунтехъ и збурени вашомъ, ижъ вы, множствомъ ся собравши, забили Якубу Сошковичу, наместника, само осмого, а Флерияну, наместника, забили само четвертого, а Мицови забили наместника само пятого, а Каспору Беловичу, наместника, забили теж само пятого, и иншихъ людей и бояръ также множство побито. А такъ король его милость меня до васъ послалъ и казалъ васъ опытати и певне а достаточне того ся доведати: для чого таковыи бунты и збурене отъ васъ постало и для которих причинъ то есте вчынили? Естли за якими тяжкостями и кривдами своими, або которыми драпежствы и окрутенствы тивуна своего, або его наместника, будуть ли они тяжкими роботами и непомерными подачками и въезды и доходы своими васъ утискали и пожитки собе вымышляли и водле росказаня и въставы господаръское не справовали,—поведте ми, якъ ся тивунъ вашъ и наместникъ его к вамъ заховывалъ, што з васъ платовъ на господара его милость и на себе биралъ и къ которымъ роботамъ васъ притискали и в чомъ вамъ тяжкости отъ нихъ ся деютъ. Бо перве того бачечи господаръ его милость великое утиснене и обтяжливост вашу, подданыхъ своихъ, от тивуновъ земли Жомойтское, ко-

торыи они вамъ многими речъми, тяжкими роботами и непомерными подачками, и въезды, и доходы своими чинили, тыи обычаи давныи и обтяжливыи его милость выстановилъ и з ласкою и с полегчанемъ своимъ господаръскимъ новую, а лепъшую справу в той земли Жомойтской вделалъ: вси роботы, которыи есте небожчику пану старосте и тивуномъ чинили, и доходы ихъ и поседи и всякие подачки пеняжныи, которыи были състародавна без воли господаръское з васъ бираны, вамъ господаръ его милость отпустилъ; а за тыи роботы и поседи вызволеныи подняли ся есте королю его милости на всякий годъ давати отъ кождое сохи воловое по полу копъ грош., а отъ конское сохи по половицы тогож, то есть по пятнадцати грошей, а пенезей куничныхъ за кождую куницы по дванадцати грошей, якож то все на листехъ господарскихъ уставныхъ вамъ есть описано, и тая устава вамъ дана. И по неколко годъ завжды есте оныи вси платы водлу уставы описаное сполна до скарбу господаръского выдавали, ани чимъ в томъ не томновали (жаловали). Лечъ тымъ разы по выеханю господаръскомъ до панства его милости Коруны Полское, тымъ слухи его милости дошли, ижъ многии бунты отъ васъ напротивъ тивуновъ повъстали и мордерства великии межи вами ся становять, чому господаръ его милость не сведомъ, с чого уросло и штося в томъ деетъ. А такъ король его милость не казалъ ми у васъ жадного пенезя собе брати и никоторыхъ живностей и стацеи на себе и на кони свои у васъ просити, одно велелъ его милость о всихъ кривдахъ и тяжкостяхъ вашихъ, чимъ васъ тивунъ вашъ и наместникъ его утискалъ, справедливе ся по васъ доведати, и о томъ о всемъ дати его милости знати. И коли господаръ его милость тивуна вашого, або его наместника виннымъ напротивку васъ дознаетъ, хочетъ его милость того на горле его смотрети и тое все бране и драпежство ихъ неслушное, чимъ колвекъ они будуть васъ надъ уставу его милости втискали, кажетъ его милость з маетностей ихъ вамъ заплатити. Нижли казалъ его милость вамъ, подданымъ своимъ, поведити, абы есте на ласку его ми-

лости господаръскую, пана своего прирожоного, бачность мели и такового зъбуреня понехали и вперед жадныхъ бунтовъ не чинили. А если бы тивунъ вашъ, або наместникъ его хотелъ васъ тяжкими роботами и непомерными подачками и въезды и доходы своими утискати и над уставу его милости господаръскую которыи тяжкости и драпежства ку пожитъку своему вамъ чинити, о томъ бы есте до господара его милости слали и на листъ то все выписали и его милости тыи трудности свои оповедили. Его милость, господаръ, таковыхъ тяжкостей вашихъ (отъ) тивуновъ не будетъ терпети.

(Кн. Зап. Лит. XXI 40—43 лл.).

52.

Листъ подданымъ волости Курклевской объ отпущеніи имъ половины всѣхъ платовъ и подачекъ, приходящихся на воеводъ троцкихъ.

Въ Краковѣ, 5 окт. 1538.

Жикгимонтъ. Били намъ чоломъ прыставове и вси люди волости нашое Курклевъское и поведили перед нами, штож врадники пановъ воеводъ троцъкихъ, которые тую волость нашу от насъ держать, кривды и вътисъки имъ делають и домы ихъ невиновне грабятъ и пустошать, слугъ своихъ всылають и вины непомирныи з нихъ беруть, и наместъничъки их завжды годъ отъ году по домомъ ихъ ездятъ, поклоны с нихъ собе вымышъляють и стацею на собе и на кони свои кажуть имъ давати и иншыи многии невымовъныи тяжъкости и втисненья имъ делають, для чого же они ку впаду и знищенью великому прышъли и многии тежъ подданыи нашы для такового драпежстъва ихъ с тое волости прочъ ся розышъли, о чомъ же есмо перво сего много кроть до пановъ воеводъ троцъкихъ листы нашы писывали, прыказуючы, ажъ бы они врадниковъ своихъ отъ того повъстягнули и грозно имъ прыказали, ажъ бы они никоторыхъ

тяжъкостей подданым нашым не чынили и новинъ не уводили и водъле стародавъного обычаю к нимъ ся заховали. Ино панове воеводы за писаньемъ нашымъ жадное бачъности на то мети не хотели и врадниковъ своихъ отъ того не повъстягивали, а они предся драпежъства и тяжъкости незносъныи имъ чынили, в чомъ никому, одно намъ, господарови, шкода, ижъ тая волость ку таковому знищенью прышъла, а поддаными нашы проч ся розышъли. Где жъ они били намъ чоломъ, абыхъмо ласку нашу господаръскую надъ ними вчынили и дъля таковыхъ тяжкостей ихъ в поплатехъ и подачъкахъ, которые они давати повинъни, полечъку имъ вчынили, жебы ся они запомогъли, а тыи люди которые ся прочъ розышъли, за ся на отъчызнахъ своихъ в той волости нашой осели. Про то кгдыжъ панове воеводы троцкии, за частымъ росказаньемъ нашымъ и листы нашими, врадниковъ своихъ отъ того повъстегънути не хотели, а тыи поддаными наши для таковыхъ драпежъствъ отъ врадъниковъ ихъ ку вбостъву и зънищенью великому прышли, мы, хотечы ласку нашу господаръскую и вспоможенье тымъ подъданымъ нашым вчынити, половицу всихъ платовъ и подачокъ, которыи они на воеводъ и ихъ врадниковъ давати повинъни, имъ отпущаемъ: не мають панове воеводы троцкии вжо половицы оныхъ всихъ платовъ до воли нашое гдръское з нихъ брати, лечъ мають другую половицу на часы врочыстыи водле стародавъного обычаю в нихъ отъбирати, а жадное тяжкости в томъ имъ не чынити. И на то дали есмо имъ сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ у Кракове под. лет. Бож. нарож. 1538 мца окт. 5 ден, инд. 12.

(Кн. Зап. Лит. XX л.л. 187—188).

53.

Договоръ между мѣстскими и замковыми ковалями витебъскими.

У четьвергъ перед всими святыми под лет. Бож. нарож. 1539 год м-ца окт. 30 дени, индикт. 13. Прыподчи перед насъ

староста кавальский витебъский, на имя Онофрей, со всими витебъскими помочъники своими, на имя з Иваномъ а з Демешъкомъ Алекъсандровыми сыны, а з Охфромомъ Хмелевичом, а Иваномъ Мякотою, а Иваномъ Олесеевымъ, которые под послушенствомъ того старосты ковальского, и теж з другое стороны коваль замъковой, который кони воеводины подковываеть и инъшыи потребы на замокъ робить, на имя Тимошъ Семеновъ сынъ з сыньми своими, и поводилъ староста ковальский с тыми всими ковали вышей писаными, штож дей мы умеемъ и кони подковывати, яко и онъ, нижли мы через то коней подковывати не хочемъ для того, иж пожытъку жадьного не маемъ и ещо и намъ с принуженья кажуть на замокъ воеводины кони подковывати, а мы не повиньни; а тотъ Тимошъко с повинъности своее кони воеводины з деда и с прадеда своего подковываеть. Ино есмо межи собою заруку положили: если мы будемъ кони ковати дворанину, мещанину, гостю, або кому ж кольвекъ,—который з насъ, тотъ заплатить заруки на городъ десять рублевъ грошей, бо в насъ есть и своя служба, иж даемо до дворовъ господарскихъ витебъскихъ топоры, защепъки и инъшыи речы, а коней подковывати не хочемъ. А тотъ Тимошъко, который кони воеводины с повинъности подковываеть, тутъ жо очевисто перед нами стоячы, на то призволилъ, поведаючы: кгдыж они черезъ то коней ковати не хочатъ, а с того ся вымовъляють, тогъды я подлугъ повинъности своее воеводины кони ковати хочу, а они черезъ то нехай не кують ни на врадники, ани на гостя, ани на дворанина, ни на мещанина; а если будуть ковати, а я о то на нихъ переведу, тогъды они маютъ заплатити десеть рублевъ грошей. А они то приняли. А при томъ были мнихи, а князь Станиславъ, Малый, Тольстый, а дворанинъ господарский Станиславъ Козинецъ.

(Кн. Суд. Д. IX, лл. 120—121.)

54.

Освобожденіе людей волости двора Ушпольскаго отъ уплаты излишнихъ 100 коп. гр., наложенныхъ на нихъ сверхъ уставы, и распоряженіе относительно пустовскихъ земель.

Въ Вильнѣ, 16 ноября 1541 г.

Жикгимонтъ, Божю млтью. Били намъ чоломъ подданые наши, приставъ и люди всее волости двора нашого Ушпольского, и поведили перед нами, ижъ што з росказанья нашого писаръ дворовъ нашихъ Виленъского повету державца ожекий и переломъский панъ Миколай Анъдрушевичъ в тыхъ дворехъ нашихъ на реистре пописалъ всякие доходы и пожитки наши господарские, што с нихъ, подданыхъ нашихъ, плату до скарбу нашого приходить, и оные дей тотъ врочистый платъ кожъдого року водлугъ устави нашое и реистровъ писарскихъ, яко осадные и куничные пенези, такъ тежъ от коней путныхъ, за вепри и за яловицы, за бараны, за кури и за яеца, за пшеницу, за жито, за ячмен, за медъ пресный, за ленъ и за овесъ корчомный, от земль пустовскихъ и за дякла суполне пенязьми кожъдого году отдають. Якожъ есмо на то хотячи достаточную ведомость мети, посылали до тыхъ дворовъ нашихъ с тымъ же писаремъ дворовъ Виленъского повету Миколаемъ дворанина королевое нашое ее милости и великое кнегини Боны Часновского и казали имъ о доходехъ нашихъ достаточне ся доведати, естли бы в той волости што пожиточного нашого люди тамошние межи собою не закрыли, або которое повиноватости своее в плате до скарбу нашого невыполняли. Ино они то передъ нами оповедали и реистра списали и достаточне ся того доведали и што повинни давати, то все на реестрахъ описали. Какъ дей они суполъне до скарбу нашого завжды тые платы отдавали, нижли дей потомъ Миколай Анъдрушевичъ, не маючи на то росказанья нашого господаръского, самъ над тотъ платъ описаный на нихъ зложилъ сто копъ грошей, а на некоторыхъ

дей подданыхъ нашихъ от земль пустовскихъ, не осмотревши земль, колко с которое земли могъло бы плату быти, а не на кожъдую землю, якъ на великую, такъ и на малую, положилъ по копе грошей, для чого ж подданые наши ку не малой шкоде пришъли и яко тыхъ ста копъ, такъ теж и от земль пустовскихъ по копе грошей выполняти не могли и для того ку впаду не малому припили и многие дей с нихъ прочъ ся розошли. И били намъ чолом, абыхмо над ними ласку нашу вчинили а тую сто копъ грошей с нихъ зложили, такъ тежъ и от земль пустовскихъ, абы подлугъ можности земное пенези на нихъ брати казали. А такъ мы росказали подскарбому земъскому маршалъку и писару нашому справцы воеводства Троцкого старосте слонимъскому и мстиборовъскому державцы биршътанъскому, дорсуниского и зелвенъскому пану Ивану Горностаю, узявши ку собе тивуна и городничого виленъского, державцы виполскаго, пенанского и радунъского пана Шимъка Мацкевича, а писара дворовъ Виленъского повету, державцу ожского и переломъского пана Миколая Анъдрушевича, казали есмо имъ о томъ ся достаточне доведати, в которыи обычаи тая сто копъ грошей есть положона, або естли бы то они повинни до скарбу нашого платити, або ни. Гдеж они з росказанья нашого пильность чинили и на реистрехъ писарскихъ и Часновского то осмотряли, естли бы тые пенези сто копъ мели с нихъ до скарбу нашого приходити. Гдеж якъ на реистрахъ, такъ и на вставе нашой тыхъ пенезей нашихъ не описуеть, одно што есть на нихъ описано, то завжды супольне до скарба нашого отдають. А такъ мы вразумевши то, кгды Миколай Анъдрушевичъ без росказанья нашого самъ тую сто копъ грошей на нихъ положилъ и до скарбу нашого платити велелъ, мы, не хотячи такое новины имъ вчинити и для таковое тяжкости, абы ся прочъ не розышли, тую сто копъ грошей, што былъ на нихъ Миколай Анъдрушевичъ назвышъ вставы нашое положилъ, отпустили: не мають они тыхъ ста копъ грошей до скарбу нашого платити, одно мають тотъ врочистый платъ, который есть на вставе нашой и на реи-

страхъ писарскихъ описанъ, суполне кождого року на насъ платити. А што ся тежъ дотычеть земль пустовскихъ, с которыхъ панъ Миколай Анъдрушевичъ такъ отъ доброе, якъ и отъ подлейшое по копе грошей платити велелъ подданым нашимъ, ино того во всихъ дворехъ нашихъ и в обычаи нетъ, абы ото всякихъ таковыхъ земль в ровность платъ на насъ мелъ приходити, нижли от инъшое, отъ доброе, по копе грошей платять, а от подлейшихъ по сороку и по полукопью грошей. А такъ вырозумевши есмо тому, ижъ то естъ з обтяжливостю подданыхъ, и мы росказали пану Шимъку Мацкевичу, абы онъ на тые земли выехалъ и то розозналь, которые земли будуть заможные, от тыхъ и теперъ по копе грошей маютъ платити на насъ, господара, а которые теж подлейшие, отъ тыхъ меньший датокъ маютъ платити, яко с которое земли выразумеючи по речи слушной. И на то дали есмо имъ сесь нашъ листъ з нашою печатю. Писанъ у Вилни под летъ Бож. нарож. тысяча пятсотъ чотырдесят первого. мца ноября шестьнадцатый день, индиктъ чотырнадцатый. Горностай, подскарбий земский.

Тымъ же обычаемъ сто копъ грошей отпущена платовъ волости Пенянской.

(Кн. Зап. Лит. XXIV, лл. 85—86).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка	Напеч.:	Слѣдуетъ:
2	1 св.	П. Я. Ефименко	А. Я. Ефименко
13	20 сн.	отдѣльыхнъ	отдѣльныхъ.
15	9 св.	могуть	мечуть.
19	18 сн.	Г. Сигизмундъ I.	Сигизмундъ I.
19	16 сн.	пановъ рядъ	пановъ радъ
19	5 сн.	ношому	нашому
41	8 сн.	Ломоты	Ломота
44	7 св.	полутора столѣтія	почти столѣтія
51	2 св.	заурядный мужъ	рядовой мужъ
56	3 св.	данныхъ	данныя
57	13 св.	звычного	звечного
70	6 св.	по сложному коп-ному обряду	сложный копный обрядъ
76	11 св.	можетъ быть бы	можетъ быть
78	14 св.	и его	его
98	23 св.	Садки	Совки
110	7 сн.	отчинами	отчичами
117	11 св.	землц	земли

Въ приложеніяхъ:

81	8 сн.	которие	которые
81	4 сн.	мелъницкого	мельницкого
81	3 сн.	Григоря	Григора
82	4 св.	бы на	бы ся
82	14 св.	Григоремъ	Грыгоремъ
82	17 св.	пушъ	пущъ
84	2 св.	powiecie	powiecіech
84	2 св.	księstwa	xięstwa
85	4 св.	kosciołam	kosciołom
85	4 св.	żniwie	żniwiech
85	8 св.	послѣ beczek пропущено: żyto	
86	26 сп.	передъ словами: ziemskiey dle— пропущено:	yż by listy naszemi przeciw-nemi w tem przez nas byii vpominani dla jakiey potrzebi ziemskiey dla
86	21 сн.	miary	wiary
86	8 сн.	iednako	iednaka
87	1 сн.	ziemie	zemie
106	7 сн.	stawenie zboża z yałowicze	strawenie zboża zyałowicze.
106	5 сн.	gr. 20.	gr. 30.
107	13 св. и 25 св.	maycy	mayą